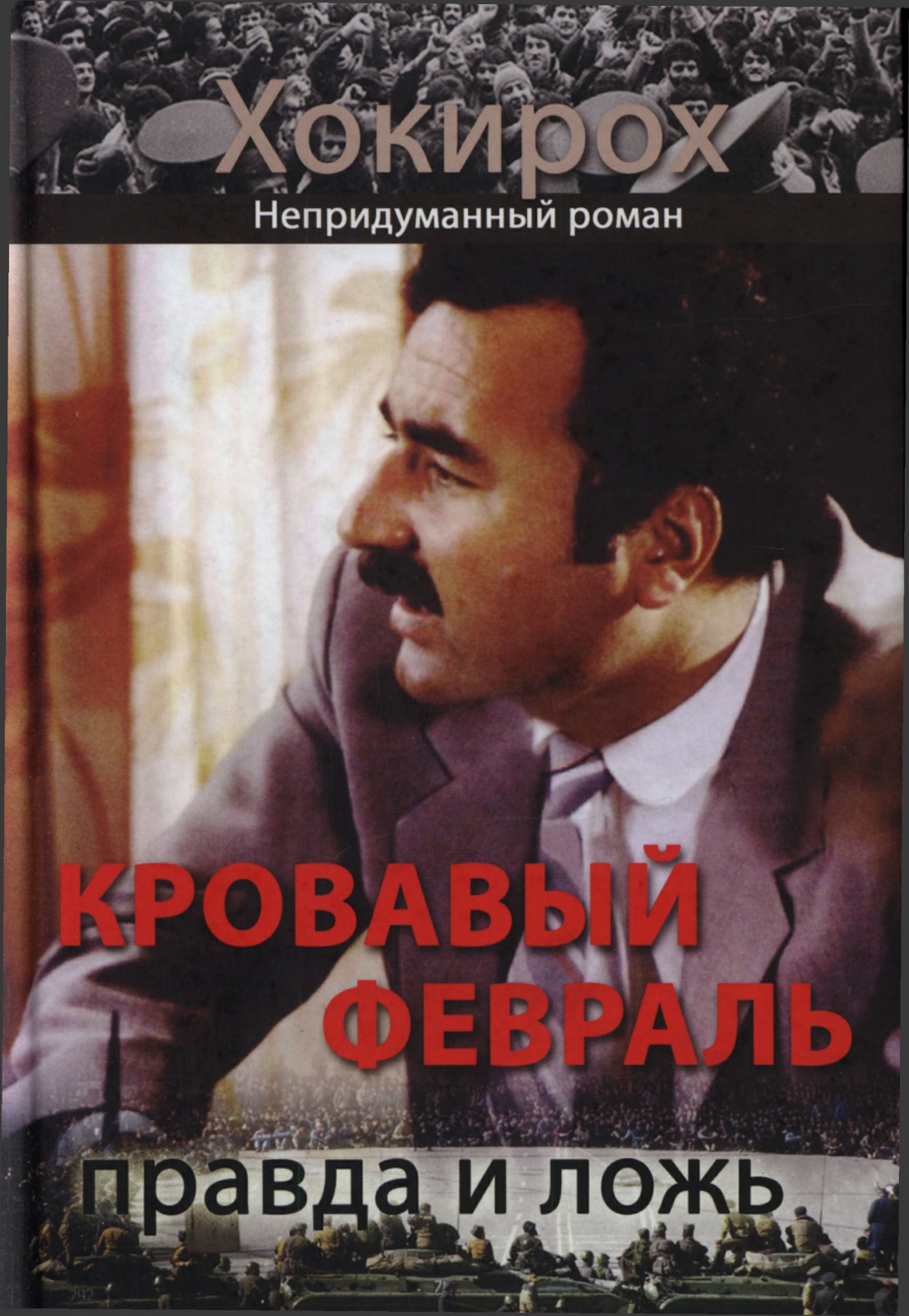

Хокирох
Непридуманный роман
КРОВАВЫЙ ФЕВРАЛЬ
правда и ложь

Хокирох

Кровавый Февраль

(правда и ложь)

Том 10

Москва
2015

УДК 93(575.3) «1990»
ББК 63.3(5Тад)
Х 709

ХОКИРОХ

Кровавый Февраль (правда и ложь). – М.: Интрансдорнаука, 2015. – 607 с.

В этой книге речь пойдет о причинах и последствиях кровавых событий февраля 1990 года в Душанбе, о трех пленумах ЦК Компартии Таджикистана, которые прошли один за другим и не ответили на вопросы народа, и о том, как тяжело расставался с властью триумвират таджикских руководителей и как подстрелили они на взлете одного молодого и перспективного члена правительства.

Автор попытался максимально достоверно исследовать причины, приведшие к чудовищной народной трагедии, и понять, почему все-таки случилось так, что ее кровавые плоды не стали уроком для будущего.

Книга приурочена к 25-летию трагических событий и посвящена невинно погибшим в этой необъявленной войне с собственным населением.

ISBN 978-5-901848-15-9

© Б.Б.Каримов, 2015
© «Интрансдорнаука», 2015

Посвящается моей матери – Сабохат Каримовой (Мирзомурадовой), которая в дни февральских событий 1990 года мгновенно поседела, переживая не только за меня, но и за всех погибших в эти трагические дни.

Перед ней я в неоплатном долгу.

Голос из хора

«Восславим, братья, сумерки Свободы…» Почти 30 лет прошло с момента, когда Советский Союз возглавил молодой, сильный реформатор Михаил Сергеевич Горбачев – сначала перегнавший свое время, а потом, к 1989 -1990 гг. начавший как будто уставать и утрачивать доверие к окружавшим его людям. В 1990 г. власть стала заметно ускользать из его рук.

Но ведь был же у государства момент великого рывка вперед, сильного движения в сторону серьезнейших и необходимейших перемен – Перестройка, или же, по определению вернейшего помощника Горбачева – Александра Яковлева – Реформация, или же – Революция эволюционного характера! Та самая Перестройка, в адрес которой раздается сегодня столько упреков и обвинений.

И все же это был великолепный и еще недооцененный в его истинном масштабе поворот страны к новому для нее дыханию, времени и положению среди других государств. Не решив с ходу всех вставших перед ней задач, она, Россия, все же вся переменилась, и не замечать этого сегодня уже невозможно.

Что успел и чего не смог завершить Михаил Сергеевич Горбачев и есть ли в том его вина? Кто среди вас мог бы вот так выйти из системы, опасной, как дремлющий хищник, и, начав миролюбиво уговаривать ее, последовательно и явно – переменить ее повадки и обличье?

И все же Перестройка, со столь освежающе провозглашенными ею гласностью и свободой мнений, была смертельно опасна для системы, которая только прикидывалась полумертвой. Все же она сделала одну из кровавейших своих попыток приостановить поступательный ход Реформ, ударив по реформатору из отдаленной провинции империи, в которой было более чем достаточно застаревших и наболевших проблем, чтобы запалить там бикфордов шнур провокаций.

Правда, это не спасло ни номенклатуры в Центре, ни прислуживающих ей функционеров на местах. Таджикистан не

только откололся от огромного материка Советского Союза, но и откачнулся глубоко назад – во времена едва ли не доисторического феодализма, построенного на подавлении всяческой свободы и инакомыслия. Народ быстро утратил дарованные ему советской системой, пусть и весьма относительные, права и вынужден был не только смириться с произошедшим переворотом, но и распрощаться с надеждой на обретение всего, что дает человеку цивилизация XXI века.

Он ощутил себя выброшенным из мировой Истории, отдав другим право называться созидателем своего государства и продолжателем культуры отцов и дедов и, в борьбе за простое физическое выживание, побрел по планете, чувствуя себя на ней – изгнанником, с трудом припоминающим имена великих сыновей своего народа – Авиценны, Рудаки, Джами, Айни, Бедиля.

Позволим себе привести мнение соратника М. Горбачева – честнейшего А. Яковлева, что в крови, которую ему приписывали, тот виновен не был. Силовики все еще играли ведущую роль внутри этой, столь долго державшей империю в железных скрепах, – византийской системы.

И вот раздался голос, громко объявивший «городу и миру» о кровавейшем эпизоде периода Перестройки – событиях 12 – 14 февраля 1990 года в Душанбе. Трагическую хронику составил, дополнив ее собственными впечатлениями и размышлениями, один из ярчайших участников тех событий. Человек, способный представлять интересы народа в момент его исторического становления, поднятый волною народной на самый верх и – низринутый в ее окровавленные глубины.

Как герой античной трагедии, ведет он свой диалог – то с бездушными и преступными правителями, то – с отвечающим ему мерным гулом – народным хором. И все рассказывает и рассказывает, как зародилось и разрасталось невиданное злодеяние, как покрывали землю все новые и новые жертвы, как был нарушен Закон и Божеский, и Человеческий!

А обжигающие сердце гневные строки хоревта (вжившего в документальное повествование стихотворения глав-

ного героя повествования – Хокироха – самого Автора) – призывают к суду и не дают забыть о преступлении!

Это – в чистом виде свидетельские показания на суде Истории человека, не предавшего собственные принципы – ни свой народ, ни свою веру. Имеющего смелость быть непохожим на других. Выстраивающему свою жизнь так, как подсказывает ему внутренний голос, называемый совестью или же Богом. Человек – трагической судьбы, имеющий мужество оптимистически проживать свою жизнь. Не случайно Сартр писал: «Настоящая жизнь начинается после последнего отчаяния».

Он хочет быть честным перед людьми, Временем и самим собой, держать перед ними ответ и – главное – быть понятым. Это было бы для него настоящим утешением среди той душевной смуты, в которой он оказался. Не о том ли просил современников и Владимир Владимирович Маяковский на излете своей, такой противоречивой, жизни?

«Я хочу быть понят своей страной,
А не буду понят, –
что ж,
Над родной страной
пройду стороной
Как проходит
косой
дождь…»

Данное документальное повествование является логическим продолжением книг автора Хокирох «Скрытая правда», «Самый молодой министр Советского Союза» и других книг (с 1 по 9 том) из серии «Непридуманный роман».

Редакторы
Х. Атаханов и Н. Орлова

Действующие лица

ГОРБАЧЕВ
Михаил Сергеевич – Генеральный секретарь ЦК КПСС;
ПУГО
Борис Карлович – Председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС;
КРЮЧКОВ
Владимир Александрович – Председатель КГБ СССР;
ЯЗОВ
Дмитрий Тимофеевич – Министр обороны Советского Союза;
МАХКАМОВ
Каххор Махкамович – 1-й секретарь ЦК Компартии Таджикистана;
ПАЛЛАЕВ
Гоибназар Паллаевич – Председатель президиума Верховного совета Таджикистана;
ХАЁЕВ
Изатулло Хаёевич – Председатель совета министров Таджикистана;
КАРИМОВ
Бури Бачабекович – Заместитель Председателя Совета министров, Председатель Госплана Таджикистана;
КОШЛАКОВ
Георгий Вадимович – Заместитель Председателя Совета министров Таджикистана;
ЛАТИФИ
Отахон – Заместитель Председателя Совета министров Таджикистана;
ТАБАРОВ
Нур – Министр культуры Таджикистана;
ПЕТКЕЛЬ
Владимир Викторович – Председатель КГБ Таджикистана;
МИХАЙЛИН
Геннадий Степанович – Генерал, Прокурор Республики Таджикистан;

ТУРАДЖОНЗОДА
Ходжи Акбар – казий мусульман Таджикистана;
АБДУДЖАБОР
Тохир – лидер движения «Растохез»;
МИРРАХИМОВ
Мирбобо – заместитель Председателя движения «Растохез»;
ХАМИДОВ
Халифабобо – заместитель министра юстиции Таджикской ССР, заместитель Председателя движения «Растохез»;
ХУДОНАЗАРОВ
Давлат – Депутат Верховного Совета СССР;
ВЕСЕЛКОВ
Геннадий Гаврилович – секретарь ЦК Компартии Таджикистана;
ДАДАБАЕВ
Абдурахман – секретарь ЦК Компартии Таджикистана;
УСМАНОВ
Усман Ганиевич – Заместитель Председателя Верховного совета Таджикистана;
НАВДЖУВАНОВ
Мамадаёз – Министр внутренних дел Таджикистана;
КАРИМОВ
Джамшед Халилович – 1-й секретарь ЦК г. Душанбе;
ИКРАМОВ
Максуд Мусокулович – Председатель Горисполкома г. Душанбе;
ХАБИБОВ
Абдулло – работник министерства внутренних дел Таджикистана;
МУХАББАТШОЕВ
Мухаббатшо – редактор газеты «Точики Совети»;
ХУВАЙДУЛЛОЕВ
Нурулло – заведующий отделом ЦК Компартии Таджикистана;
и другие члены ЦК, Правительства и депутаты.

Вхождение в тему

Таджикистан, хоть и мала величина твоя,
Огромен долг мой пред тобой: ты – Родина моя.[1]

Хокирох

Окидывая взором свою жизнь, с высоты прожитых лет, я думаю: неисповедимы пути Господни! Если бы в молодые годы меня спросил отец, кем я мечтаю стать, я бы, пожалуй, ответил, что не знаю… А может быть, что буду строителем. Но жизнь повернула все иначе. После объявления в Советском Союзе перестройки я довольно скоро занял один из важнейших постов – пост министра, затем Председателя Госплана, Зампреда Совмина Таджикистана. Неожиданно Время сделало резкий крен в сторону отвесного обрыва с лавинами и камнепадами, а я стал свидетелем и участником кровавых февральских событий 1990 г. в Таджикистане, а затем – и распада огромной страны Советов – СССР.

С приходом Михаила Горбачева, ставшего Генеральным секретарем ЦК КПСС, многие поверили, что теперь все пойдет иначе, и мы быстро войдем в мировое сообщество как одна из ведущих супердержав, возродим хозяйство, промышленность и нашу многонациональную культуру на новых, свободных принципах, не поминая уже ни тоталитаризма, ни застоя. И никто не верил в пророчества завзятого критика СССР – Госсекретаря США Збигнева Бжезинского. Но все произошло именно так, как он предсказывал.

Мне тяжело даются воспоминания и размышления о тех днях. К сожалению, за прошедшие после кровавых февральских событий 25 лет так и не были названы истинные виновники этой трагедии, и до сих пор то тут, то там пытаются порочить доброе имя моего народа. Хотя здравомыслящие люди прекрасно представляют себе, по какой причине и по чьему сценарию раскручивались подобные злодеяния в разных угол-

[1] Здесь и в дальнейшем стихотворения даны в переводе Т. Бек (Страна слез. Стихи. М.: ГИП «Молодежный книжный мир», 1996).

ках бывшего Советского Союза и кому был выгоден развал большой, сильной страны.

По здравом размышлении, я считаю своим долгом оставить моим соотечественникам реальную, объективную картину этих событий, тем более что все происходившее видел собственными глазами. Потому-то и родилась у меня мысль написать, пока все еще «горячо» и живо в памяти, – причем на русском языке, – книгу, которая проливает свет на темные эпизоды тех, преступно быстро забытых, – дней.

Я никогда не мнил себя фигурой исторического масштаба. К тому же, прекрасно понимаю, что занятие литературным творчеством – это труд, и чрезвычайно кропотливый. Но ради правды, ради будущего – берусь за перо и пишу. Пишу, как могу, и как подсказывают мне Бог и совесть!

С того времени прошло уже немало лет. Выросло целое поколение, для которого аббревиатура «СССР» – всего лишь историческая метка, а для некоторых – непонятное сокращение или даже – политический анахронизм. Усилиями западной пропаганды и недальновидных, безответственных историков и политиканов сложная и противоречивая история нашего великого государства – СССР – сознательно искажается. И, что самое опасное, – опошляются отнюдь не устаревшие нравственные ценности.

Я, как и миллионы советских людей, искренне верил в то, что советский народ – действительно является уникальной общностью людей. (Впрочем, я и сегодня так думаю и готов доказать это.) Мы считали себя самыми свободными людьми в мире. В этом заключались и наше счастье, и наша беда. Счастье – потому что верили в светлое будущее человечество, беда – потому что многие даже не подозревали о фактическом положении дел с правами человека и ущемлением нашей свободы в целом.

Переосмысление прошлого – веление Времени. Через него проходят все народы, нации и отдельные личности. Но оно должно быть объективным, основываться на реальных фактах, а не на безжизненных идеологических мифологемах. А в дей-

ствительности разве не так? Возьмем любой конфликт сегодняшнего дня – разве нам преподносят настоящую правду? Конечно же, нет. Как много подается – предвзято, односторонне и недальновидно, все решают свои проблемы, преследуют свои, порой весьма неприглядные, цели…

М.С. Горбачев на встрече

О свободной Отчизне говорят с пренебрежением. Псевдодемократическим дегтем мажут достойных людей, причем, не только в Таджикистане. Людям, отдавшим все свои силы ради счастья и благополучия детей и внуков, говорят, что они напрасно боролись и зря жертвовали своими жизнями, защищая нашу общую Родину. Это – кощунство по отношению к дедам, отцам, старшему поколению, которое воевало ради нашего будущего. Сегодняшние учителя истории не знают, как им преподавать, как трактовать историю нашей великой страны – именно из-за подобных политиканов и недальновидных руководителей.

Поэтому, не преувеличивая значения своей книги, я сознаю, что, вследствие испытаний, которые выпали на мою до-

лю, стал уникальным источником подлинной информации о трагедии февраля 1990 года, потрясшей мой родной Таджикистан, а также других важных событиях, повлиявших на жизнь в странах СНГ. Имею ли я право унести это знание с собой в могилу? Думаю, что нет, и делать этого не буду.

Все эти соображения и подтолкнули меня, после многолетних размышлений и колебаний, к изданию этой книги накануне 25-летия кровавых февральских событий. С тех пор произошли серьезные изменения в жизни моей страны – и в экономической, и в политической сферах, но одно остается неизменным – боль матерей и сестер, отцов и братьев, потерявших своих близких.

Пора назвать истинных виновников тех трагических дней, кем бы они ни оказались.

Пора признать, не вдаваясь в поспешные оценки, что Москва, объявив перестройку и гласность, как говорится, выпустила «джинна из бутылки». В результате, по причине весьма ощутимого влияния Запада и исламского мира, уверенности молодых реформаторов в правоте своих идей, а также – страстного желания разнообразных властолюбцев воспользоваться ситуацией и взять реванш (некоторые откровенно стремились к захвату власти), – распад СССР сделался практически неизбежным.

Здравомыслящая часть общества хорошо это понимала. Большая часть русскоязычного населения, еще года за два до событий, начала покидать Таджикистан, да и другие «горячие» регионы по всему Союзу. Многие предвидели, что после получения независимости не только сами республики, но и положение в них русских сильно изменятся. Поэтому они, задолго до февральских событий, а после – даже руководители высокого ранга, такие как Председатель КГБ Петкель, прокурор Михайлин, – спешно покинули Таджикистан.

Отнюдь не случайно посланец Центра Борис Пуго, один из активных участников событий февраля 1990 года, возглавлявший МВД СССР, вскоре стал и одним из деятельных членов ГКЧП, что вполне понятно.

Б.К. Пуго

А вот журналист и профессиональный работник спецслужб, В. Пономарев – исчез сразу после публикации в центральной прессе своих, наполненных клеветой на таджикский народ, умело сконструированных и метко направленных, статей. И по сей день многие сотрудники спецслужб разыскиваются как виновные в кровавых событиях, происходивших в разных городах Советского Союза, в том числе и в Душанбе.

Митингующие в те дни на площадях и улицах Душанбе и «Комитет 17-ти» имели все основания требовать отставки руководителя республики Каххора Махкамова. И он, вскоре после событий, с позором ушел в отставку, но так и не ответил за пролитую на площадях кровь простых людей.

К сожалению, попытки дискредитации таджиков при помощи средств массовой информации дали свои горькие плоды, а подобного рода публикации появляются то тут, то там до настоящего времени. И в местной, и в центральной печати до сих пор эти события подаются однобоко – как националистические, а в России – как направленные против русскоязычной части населения.

Тогда, в те страшные дни и после, да и до сих пор, я всегда писал и призывал народ не выходить на необдуманные и незаконные митинги, поскольку знаю о государственном механизме почти все, в том числе – о возможностях силовых структур и грязных методах политиканов.

В дни февральских событий я старался предпринимать все меры для стабилизации обстановки, без оглядки на то, что будет со мной дальше.

Поверьте, вокруг меня всегда были совестливые люди, которые верили в мою правоту, и это меня очень поддерживало. Но нашлись и такие, которые захотели очернить меня и

даже завести уголовное дело и посадить, организовывая покушения с целью даже уничтожить физически.

Вопреки всему этому, и Бог сохранил меня, и прокуратура – оправдала, доказав, назло клеветникам, что в те дни я сыграл самую положительную роль, всеми силами способствуя стабилизации обстановки в бушующем Душанбе.

Можно было бы эту книгу не писать. «Почему?» – спросите вы.

Потому что мною уже написаны две довольно большие книги на таджикском языке, которые подробно рассказывают о кровавых февральских событиях. Но, к сожалению, по прошествии 25 лет, не то, что не найдены, – не наказаны виновные и не оправданы невинные, и даже по-настоящему не опровергнуты растиражированные тогдашними СМИ неподтвержденные эпизоды, связанные с убийствами русских – таджиками и погромах в их домах!

Митингующие тогда требовали, чтобы к ним вышел для разговора первый секретарь Компартии Таджикистана Каххор Махкамов. Но он в первый день перед людьми так и не появился. Потом была стрельба со стороны здания ЦК. После чего в городе начались погромы. 26 человек погибло, несколько сотен – были ранены. В Душанбе вошли спецподразделения из Москвы, потом бронетранспортеры и танки. Волнения были подавлены.

Для выяснения причин февральских событий были организованы комиссии, в которые вошли сотрудники КГБ и Генпрокуратуры, как из Центра, так и республиканские. Кроме того, были созданы государственная и парламентская комиссии. Однако виновные до сих пор не названы, как мне кажется, еще и потому, что власти сумели во все комиссии внедрить своих людей. И до сих пор вопрос о том, кто спровоцировал расстрел мирных граждан в феврале 1990 года в Душанбе, остается открытым.

А кто виноват – в первую голову, и кто должен понести самое суровое наказание, – такой вопрос вообще не поднимается…

Безусловно, не исключены отдельные факты унижения и оскорбления русскоязычных граждан, что при таких социальных потрясениях, к сожалению, случается неотвратимо. И все же автор надеется, что этой книгой сможет еще раз напомнить, что таджики – вполне миролюбивый народ и не только жили в дружбе со всеми другими народами Советского Союза, но и рады были бы существовать так и дальше. Если бы не «захромала» система в целом и не усилились центробежные тенденции, которые были вызваны ослаблением Центра, а также фактической ситуацией, сложившейся в разных концах заметно слабеющей Империи…

Д.Т. Язов

12 февраля 1990 года не только жители нашей республики – вся страна узнала о кровопролитных столкновениях митингующих с правительственными войсками возле здания ЦК Компартии Таджикистана.

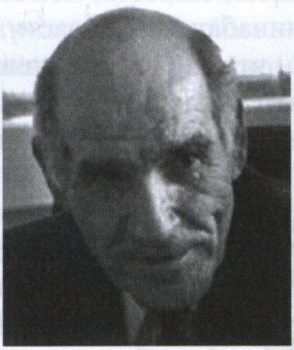
По приказу министра обороны СССР Дмитрия Язова, в Душанбе были введены войска. В результате столкновений, по официальным данным, погибло 26 граждан республики, и сотни были ранены. А если бы войска не ввели? Может быть, мы разобрались бы сами?.. Кто знает…

Искрой для возмущения населения послужили муссирующиеся в обществе слухи о том, что власти Таджикистана начали предоставлять армянским беженцам из Азербайджана квартиры в Душанбе.

Под натиском протестующих руководство республики – первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Каххор Махкамов, председатель Совета Министров Изатулло Хаёев и председатель Президиума Верховного Совета Гоибназар Паллаев – официально подали в отставку. И подписали официальный Протокол с Временным народным комитетом в здании ЦК

Компартии Таджикистана. О чем и сообщили по телевидению. Но позднее их отставка не была принята пленумом ЦК Компартии Таджикской ССР, а сами они – теперь уже уходить в отставку – отказались.

Г.П. Паллаев



К.М. Махкамов

И.Х. Хаёев

Давно я живу, многое повидал и пришел к выводу, что самые страшные из людей – двуличные. А среди них самые опасные – двуличные руководители и двуличные журналисты. Двуличные журналисты опасны тем, что они терпеливо следят за развитием ситуации, а как только им подают сигнал, что они уже могут отреагировать на происходящие события, с профессиональным блеском и под нужным углом подают умело препарированную информацию, с готовностью обслуживая триумфаторов и окончательно повергая в прах проигравших сражение.

К счастью, всегда существовали и будут существовать честные журналисты, которые бесстрашно публикуют правдивую информацию, по возможности – сопровождая ее личными наблюдениями и умозаключениями, не претендуя на то, что являются обладателями истины в последней инстанции.

Но есть и отчаянные, бескомпромиссные правдолюбцы, в каком-то смысле столпники истины, которые пишут самую неприкрытую, обжигающую душу правду. Вот их – преследуют жестоко и неотступно. Из них-то и выходят герои и мученики. Не могу ими не восхищаться!

После февральских событий главный редактор газеты «Адолат» («Справедливость») посвятил мне большую статью с политическим подтекстом, назвав ее «Дом» («Капкан»), разумеется, не по моей просьбе. И почти одновременно главный редактор другой газеты, кажется, «Комсомолец Таджикистана», выходец из Ленинабадской области, родины К.М. Махкамова (не удивлюсь, что по его пожеланию), подготовил и опубликовал другую статью – «Чох» («Яма»), суть которой заключалась в том, что будто бы я сознательно рыл яму под Махкамова.

Адолат

ХАБАРХО АЗ ХОНАИ ХИЗБИ ДЕМОКРАТ

БУРИ КАРИМОВ:

МУЖДА: "АДОЛАТ" БА КАЙЛ ГИРИФТА ШУД

Хочется спросить этого «героя», а где же его следующая статья – про позорный уход Махкамова, когда того благополучно убрали с политической арены? В это время я уже жил и работал в Москве и не имел отношения ни к Парламенту, ни к Правительству. Да вот только нет такой статьи! Потому что не поступило соответствующего заказа! Да и как он посмотрел бы мне в глаза, после того как прокуратура направила мне официальное письмо с подтверждением моей абсолютной невиновности? Таких-то продажных журналистов – пруд пруди...

Пишу об этом и ловлю себя на мысли, что ведь и сам я тоже в какой-то степени журналист и тоже пишу об отдельных личностях: о политиках, руководителях, ученых, литераторах, да и просто людях. Но никогда не позволял я себе писать, исходя из непроверенных фактов, и уж тем более – огульно обвинять кого-то!.. Или же напротив – излишне захваливать, без серьезных оснований и повода!..

12 февраля 2015 года исполняется двадцать пять лет трагическим событиям в Душанбе. Тогда при разгоне демонстраций и подавлении инакомыслия в столице Таджикистана, городе Душанбе, погибло 26 человек, и было ранено несколько

тысяч человек. Кровавую драму в Душанбе, без малейшего сомнения, следует поставить в один ряд с аналогичными событиями в Тбилиси (1989 г.), Баку (1990 г.) и Вильнюсе (1991 г.)... И все же, при большом сходстве, она кардинально отличается от них. Прежде всего тем, что через два года в Таджикистане заполыхала гражданская война – самая кровопролитная и продолжительная на постсоветском пространстве, унесшая, по разным подсчетам, 150 – 200 тысяч жизней, в большинстве своем – молодых людей. И была она невероятной по своей жестокости.

Болезненные формы этого процесса, ускорившего крушение коммунистического режима в республике, были обусловлены сложным положением в регионах, исторически сложившихся в Таджикистане, что выделяло его среди остальных республик бывшего Союза.

В этой книге автор не ставит перед собой задачи охватить все проблемы Таджикистана того периода, а только стремится раскрыть основные причины, в том числе и политические, возникновения и углубления кризиса в республике накануне и во время трагических февральских событий, а также факторы, не только его стимулировавшие, но и влиявшие на процессы его урегулирования.

После распада Советского Союза в республике начался процесс перехода к другой общественно-политической формации. История постсоветского периода показала, что в таких ситуациях обостряется борьба за власть, и Таджикистан в этом отношении не стал исключением.

Правящие круги не хотели расставаться с властью, когда этого требовал от них народ, собиравшийся на многотысячные митинги. А лидеры разной ориентации, от демократов до исламистов, пользуясь моментом, стремились обрести превалирующее положение любой ценой. В результате Таджикистан оказался втянутым в политическое противостояние, которое, в силу различных причин, специфики и особенностей республики, привело к кровавым февральским событиям, а затем, через несколько лет, к прямым военным действиям – гражданской

войне 1992 – 1997 годов, ставшей одной из мрачнейших страниц истории таджикского народа.

Живое тело республики делила стая хищников, клявшихся в любви к Родине и народу! Вот когда народ впервые столкнулся с кафкианским безумием и звериной жестокостью братоубийственных вооруженных разборок. Кто и когда ответит за таджикскую Гернику?!. За пройденные народом адовы круги?!. О, времена!..

О событиях тех трагических дней сказано и написано немало. В значительной степени определены причины создания подобной, практически безвыходной, ситуации. Но, с другой стороны, им была дана не вполне корректная политическая оценка, в результате чего оказались не выявлены главные виновники произошедших событий и невинно пролитой крови.

Другая же сторона вопроса заключалась в том, что в те дни, в действительности, не происходило многого из того, о чем сообщали спецслужбы и некоторые средства массовой информации, особенно, по части антирусских настроений. Надо понимать, что в подобных ситуациях на любом месте, в любом государстве речь должна идти, прежде всего, о безопасности людей. И понятно, что если человек – не коренной национальности, он будет в гораздо большей степени напуган всем происходящим и, соответственно, станет принимать дополнительные меры для защиты себя и своей семьи, чтобы оказаться как можно дальше от гибельного очага кровавых столкновений.

А с другой стороны, были среди митингующих, особенно среди недальновидных лидеров неформальных организаций, люди, которые ради своих сомнительных планов пытались «раскачать» именно национальный вопрос. И, понимая это, большинство митингующих несли транспаранты: «Русские и таджики – братья!», «Мы поддерживаем перестройку!», «Да здравствует Горбачев!», «Оставьте в покое Каримова!», «Каримова – в Первые секретари ЦК!» и т.д.

Были и другого рода плакаты и транспаранты: «Махкамов, Паллаев, Хаёев», – перечеркнутые крест-накрест. И таких транспарантов было – море… А когда руководящая верхушка

принялась во всем обвинять меня и сознательно преследовать, появились другие лозунги: «Ты где, Каримов?», «Каримов! Мы тебе верим!», «Привезите Каримова!», «Жив ли Каримов?»…

Душанбе. Митинг

Эти и другие транспаранты, которые несли митингующие, говорили, во-первых, о том, что люди по-прежнему хотят ухода в отставку тройки руководителей, а с другой стороны, они показывали безусловное доверие – ко мне.

Что бы мы сегодня ни писали, ни говорили о том времени, лучше всего – показать хронологию происходивших событий, используя материалы средств массовой информации: радио, телевидения, газет и, конечно же, стенограммы пленумов ЦК и заседаний правительства и Верховного Совета.

Более двадцати лет правители страны скрывали настоящую правду о кровавых событиях тех лет, и только в самые последние годы журналисты самыми разными путями начали отыскивать и потом публиковать стенограммы пленумов ЦК партии и другие документы, проливающие свет на обстановку тех лет.

Видеоматериалы и стенограммы частично подавались руководством под нужным углом, а вот полностью передать эти материалы специалистам, историкам, не скрывая ничего от собственного народа, – на это они не пошли. Имея, очевидно, на то веские причины…

Если бы они сделали это своевременно, то действительные виновники событий тех кровавых дней давно уже были обнаружены. И народ сам отлично разобрался бы, кто есть кто в этой трагедии, и кто – главный преступник. Но этого не было сделано – ни сразу же, по следам происшедшего, ни в последующие годы. На самом деле народу вот уже 25 лет не показывают и не рассказывают настоящей правды о кровавых преступлениях тех лет. И не только потому, что еще живы те, которые должны были дать ответ и понести заслуженное наказание, но и потому, что некоторые из них еще у власти…

Многотысячный митинг

Ни минуты я не сомневался, что пока живы руководители, при которых пролилась кровь, они всеми способами будут скрывать главные документы, связанные с этими событиями. Не случайно, когда я, значительно позже, в 2001 году, обратился в прокуратуру с просьбой выдать мне материалы по февральским событиям, из-за которых меня хотели обвинить в государственном перевороте, возложив на меня вину за все произошедшее, мне было в этом категорически отказано. Впрочем, как и многим другим, стремившимся получить достоверную информацию.

С другой стороны, в последние годы, особенно в период 1992 – 1997 годов, происходили куда более страшные события и преступления, и многим уже было не до поблекших в кровавых сполохах гражданской войны – февральских дней.

Могли ли правители того времени, и уж тем более сегодняшнего, – обнародовать все материалы без исключения? Разумеется, могли. А могут ли сегодняшние правители открыть все архивы Компартии, не только связанные с кровавыми февральскими событиями, но и событиями становления советской власти в Таджикистане, а также последних лет? Безусловно. Но на это нужна политическая воля. Сильная воля чистых и честных руководителей. Но только где же нам таких взять, если каждый, идя к власти, не скупится на человеческие жертвы, а уж в годы гражданской войны – кровь народная лилась рекой...

Конечно, рассекретив архивы и служебные материалы, они бы открыли глаза людям на события тех лет, но одновременно – пролили бы свет на собственные преступные деяния, унесшие жизни тысяч молодых людей не только в дни кровавых февральских дней, но и в затянувшейся на годы братоубийственной гражданской войны в Таджикистане.

Есть одно неписаное правило: важнейшие государственные документы и архивные материалы, связанные с человеческими жертвами, определенное количество лет держатся в секрете. За это время, как говорил Ходжа Насреддин, либо ишак умрет, либо – шах, либо – он сам. К сожалению, об этом пре-

красно осведомлены наши руководители, и это их излюбленный прием.

Тем более, что они успешно пользуются услугами тех историков, представителей интеллигенции, литераторов, которые охотно идут на сокрытие правды и воспевают руководителей, без каких-либо внутренних колебаний искажая истинную суть событий.

К сожалению, и по сей день находятся конформисты среди литераторов, ученых и журналистов, которые готовы, в силу различных причин, не только продать свою совесть, но и пойти даже против собственного народа. Впрочем, подобная «обслуга» существовала во все времена. А в нашей истории бывали периоды, которым до сих пор не дана правдивая историческая оценка.

Когда-то Бухарин критиковал Сергея Есенина, потому что считал его хулиганом в поэзии, а между тем поэт выполнял свое предназначение, «таинственное», по словам Александра Блока, – т.е. делал свое дело, как ему подсказывал внутренний голос. «Отдам всю душу Октябрю и Маю, / Но только лиры милой не отдам», – объяснял он недалеким партийцам. «Перед этим сонмом уходящих / Я не в силах скрыть своей тоски…» – признавался он, глубоко переживая трагедию народа, в то время, когда другой поэт, со всей мощью своего дарования, произносил громогласное «Хорошо!». И оба – были искренни…Нам ли их учить, что им писать?

Нередко творческих людей обвиняют еще и в национализме. Мне кажется, здесь важно не перейти определенной черты. В целом же, любой творец, чем более он истинно национален, тем вернее он – и интернационален, и, значит, более человечен.

Человек, который знает и любит родной язык, алфавит, историю, культуру и по этой причине хочет видеть свой народ обладателем всех этих богатств, никакой он, на самом деле, не националист. Время показало правильность такого подхода. «В последний раз на светлый, братский пир / Сзывает варварская лира», – пытался докричаться до современников через

сгущающиеся вихри мировых войн Александр Блок в начале XX века. Не переставал же он при этом любить и Пушкина, и свое Шахматово, и огромную Россию. «Россия, нищая Россия! Мне избы серые твои, твои мне песни ветровые – как слезы первые любви!..»

Многие бывшие советские республики, обретя независимость, создали собственные академии, союзы журналистов и другие сообщества людей творческих профессий, занимающихся развитием культуры, истории, литературы и науки.

Другое дело, что, получив независимость и свободу, мы должны стремиться не выходить за разумные рамки, всегда поддерживать и находить то правильное равновесие, которое удержит нас от раскачивания, расшатывания и разрыва существующих связей и отношений.

Впрочем, нельзя ограничивать свободу художника, это приводит к тяжелым болезням общества. Значит, художник должен сам вымерять тональность своих высказываний, чтобы не опалило Землю огнем национальных, религиозных, а, в конечном счете, безбожных войн… К сожалению, таких сегодня немало, в том числе и у меня на Родине – в Таджикистане.

Главной же задачей сегодня является, пожалуй, воспитание души, воспитание индивидуума, человеческой личности. Когда мы поймем, что главный ресурс – это ресурс человеческий, тогда меньше будет войн и кровопролитий, больше будет возможностей для сводного выбора и, глядишь, лучше и светлее станет и жизнь на Земле…

Что же касается февральских событий 90-х гг., нельзя забывать, что в те роковые дни показали свою глубинную сущность не только руководители страны, но и некоторые представители интеллигенции и средств массовой информации. Особенно были отвратительны темные личности, которые ради сиюминутной выгоды оказались готовы продать душу хоть самому дьяволу. В этой ситуации простому народу, который за изменение жизни в лучшую сторону готов быть заплатить собственной кровью, – пришлось испить горькую чашу...

Тогда все спрашивали, да и в последние годы звучит все тот же вопрос: кто же стоял за февральскими событиями? Сколько бы ни задавали этот вопрос, виновников до настоящего времени не обнаружили. Да их и трудно было бы найти теперь по определению, поскольку на самом деле за этими событиями стояли не просто конкретные люди, но и, что греха таить, – низкий уровень жизни и тяжелейшие социальные проблемы, к тому же, государство всячески душило частную инициативу. Авторитаризм одерживал победу повсеместно.

«Совершенно открыто»:
«Застой затянулся, перестройка не могла открыть себе широкую столбовую дорогу, индивидуум перед *системой был подобен ненужному винтику, продолжающему по инерции работать».*

Чингиз Айтматов

Сама система и люди, которые всячески сопротивлялись изменениям, не дают возможности найти ответы на простые вопросы – и по сию пору.

Кто стоял за февральскими событиями? В объяснениях многих деятелей, как общественных, так и государственных, а также руководителей силовых структур, да и в многочисленных расследованиях – все еще не названы истинные виновники событий, приведших к неоправданным человеческим жертвам. Хотя сам народ пофамильно знает людей, которые повинны в этой, затянувшейся на долгие годы, тяжелейшей трагедии таджикского народа.

Но сегодня народ оказался загнанным в угол. Он очутился в такой ситуации, с которой до сих пор ничего не может поделать, поскольку государственные структуры не хотят официально обнародовать и раскрыть свои тайные деяния и коренным образом изменить положение с вопросом о свободе личности – в стране, поставленной на колени…

К сожалению, Таджикистан оказался сегодня в роли гастарбайтера, просящего милостыню бедолаги, или даже скитальца, утратившего привычные ориентиры.

Кто-то может осудить меня за эти слова, но миллионы людей, которых сегодня раскидало по городам России и многих стран СНГ, существуют порой в жестких условиях унижения и потери человеческого достоинства, – это факт, не требующий доказательства.

Пришло время не обогащаться за счет государственной мошны, а, как призывал А.И. Солженицын, – «собирать народ». Он, и только он является истинной ценностью! Но ведь и это богатство может истощиться! С кем вы тогда останетесь, горе-руководители?!.

Политика – грязное дело?..

В степи нашим умершим – счета нет,
И в своде законов нам места – нет...
Коль знаешь историю, то не сетуй:
Руки спасенья – нам в мире нет...

Хокирох

Автору не случайно хочется начать разговор с фразы, которая гуляет по страницам аналитических статей и воспоминаний политических деятелей. Ее приводит сегодня в своих выступлениях и Каххор Махкамов – бывший руководитель Таджикистана.

В моем понимании мораль и политика – принципиально разные вещи. В морали недопустимы компромиссы. Настоящая мораль не подчиняется чьим-то интересам. Политика, особенно руководствующаяся демократическими принципами, – это зачастую согласование интересов, поиск компромиссов, преобладание технологии над идеологией и системой ценностей, выбор «меньшего зла» при принятии политических решений, что является основой функционирования всех демократических обществ.

Политика – это искусство управления. В целом, она нейтральна по отношению к морали. Признак аморальности политика – это его повышенное стремление публично толковать о морали. О морали рассуждали многие, а на самом деле – как потом повели себя Гитлер, Муссолини, Сталин, Наполеон?..

Прежде чем оценить политика, нужно больше узнать о нем. Не секрет, что в политике нередко преобладают интриганы и проходимцы, временщики и даже случайные люди.

Способен ли политик, изменивший своему окружению, почувствовать себя мерзавцем, предавшим команду, в которой он работает? Вопрос отнюдь не праздный.

Рейтинг политика формируется как на профессиональной основе, так и на нравственной.

Можно предать любимого человека, семью, друга, и, не дай Бог, Родину, но в политике нет понятия предательства. Потому что политические отношения – это всегда сложноскомпонованная система сделок, преследующая свои, далеко не очевидные цели. Причем, нарушение условий сделки потенциально заложено в каждой из них. И поэтому *политические оппоненты или, хуже того, противники, – это главный, весьма непростой и крайне болезненный вопрос.*

Один из моих друзей, который занимает серьезный пост в одном из государств, любит повторять, что мужская ревность в политике – дело страшное. Что женщины, ревнуя, доходят до рукоприкладства, а вот мужчины – до полного уничтожения соперника. Пожалуй, так оно и есть.

Политические отношения между отдельными политиками и партиями строятся в направлении развития обществ и государств.

Но это при многопартийности. В дни же февральских событий – новые партии и движения, со своими идеями, лозунгами и, главное, влиянием на изменение ситуации, – еще только зарождались. Поэтому, вместо того, чтобы дать толчок к развитию страны, привели к трагедии.

Политики же испытывают на себе постоянное давление со стороны других политиков. Как при этом не потерять себя, остаться человеком – вот что является одной из серьезнейших проблем деятельности политического деятеля.

Мне же кажется, что если человек был воспитан в нормальной среде, то для него мораль и политика – вещи вполне совместимые.

Многие политики, к сожалению, не имеют ни пределов своим амбициям, ни внутренних тормозов и не отдают себе отчета, что нравственно, а что – уже нет. И именно на этой волне фальши и беспардонного вранья некоторые и приходят к власти. Отсюда – те многочисленные расхождения с общечеловеческими понятиями о морали и человеческих ценностях, которые мы наблюдаем даже у больших и известных политиков в разных странах мира.

Чем раньше переступит политик через общечеловеческие принципы, нормы морали и нравственности, тем вернее обречет себя на скорый уход на покой и даже позор и презрение. Жаль, что многие из них не знают или не хотят знать, что говорит о них простой народ. Они живут, как завернутые в огромную подушку, не слыша шума живой жизни и простых человеческих голосов.

В политике трудно однозначно утверждать, кто кого предал. Все зависит от точки зрения говорящего и того, чьи оценки становятся доминирующими в СМИ и сознании людей.

Когда мы произносим фразу: «политика – грязное дело», надо принимать во внимание одно очень важное обстоятельство. Если бы не оно, то можно бы было, пожалуй, и доверять политикам. Но, увы, чтобы работать на себя и отстаивать интересы своих сторонников, они вынуждены порой забывать о такой важной детали, как мораль. И вот тогда политика становится и впрямь – «грязным делом». Черного кобеля не отмоешь добела…

Общественное лицо любого политика напрямую зависит от его моральных качеств и нравственных установок, которыми он руководствуется. Никто до конца не знает, что происходит в душе у политического деятеля и что побудило его принять то или иное решение.

Для одних политика – это абсолютно грязное и безнравственное дело, для других – она вполне совместима с моралью и нормальной созидательной работой.

Заниматься по-настоящему делом – значит, совершать осознанный выбор между целесообразностью и нравственностью, через который надо проходить каждый день, принимая самые неожиданные решения, тем более – действующему политику и руководителю.

Если же нравственные принципы – «ниже плинтуса», то политика превращается в политиканство. В основе любой серьезной политической программы должны быть заложены нравственные принципы и правовые нормы в отношениях.

Порой соратники по политике могут расходиться во мнениях, подходах и даже становиться оппонентами или врагами. Хотя это естественно, но одновременно и противно. Ведь именно поэтому предают они друзей, соратников и союзников.

Аморальные политики, неадекватно оценивая себя, продолжают считать себя политиками. Человек, претендующий на роль политика, должен сто раз подумать, а потом уж пускаться в это непростое плавание.

На мой взгляд, у чиновников слишком уж много власти, вот они и бьются за свои места, которые, на мой взгляд, должны занимать самые лучшие и достойные представители народа. И не обязательно, чтобы они были политиками.

Итак, политика не просто совместима с моралью и нравственными ценностями, но именно Политика с большой буквы, разумеется, а не грязное политиканство, – только и способна обеспечить существование в обществе хотя бы минимальных нравственных ценностей.

И еще раз повторю – все-таки я абсолютно уверен, что политика и мораль – вещи вполне совместимые. А вот политика, не основанная на морали, – вещь недопустимая и страшная. Политик просто обязан руководствоваться нормами права и морали.

Зачастую традиционная мораль входит в конфликт с реальной жизнью, и приходится принимать политические решения, которые ей противоречат. Подобные примеры и ситуации должны быть единичными, хотя некоторые политики считают их нормой. Но такая «норма» – недопустима.

«Совершенно открыто»: Досье

***Каххор Махкамов** родился в Худжанде в 1932 году в многодетной семье ремесленника (шестеро детей). Его дядя, председатель республиканского радио Сулаймон Зохиров, привез мальчика в Душанбе, где он учился в индустриальном техникуме.*

В 1950 году Махкамов с отличием окончил техникум, став специалистом по горному делу, после чего учился в

Ленинградском горном институте. Затем приехал в Ташкент, на работу в «СредАзуголь» и был направлен в г. Шураб. В 1954 году он был назначен заместителем главного инженера, а в 1956-м – главным инженером шахты.

В 25 лет он стал директором шахты.

В 1958 году Махкамов был назначен начальником рудоуправления всего Шураба. В ноябре 1961 года его избирают председателем Ленинабадского горисполкома. В 1963 году был назначен Председателем Госплана Таджикистана. В апреле 1982 года Махкамов К.М. был назначен Председателем Совета Министров ТаджССР. В 1985 году – был избран 1-м секретарем Компартии Таджикистана.

В августе 1991 года, на сессии Верховного Совета Таджикской ССР, Махкамов К.М. был отправлен в отставку с поста Президента республики.

Политика, отдельная от морали, – это преступление!

Ограбить государство и набить собственный карман – сегодня значит – быть умным и хорошо устроить свои дела. К счастью, были, есть и будут и другие примеры. Великий князь Дмитрий Донской, возведенный Русской православной церковью в ранг святого, во время битвы на Куликовом поле надел доспехи простого воина и встал в первый ряд сражающихся. Его нашли израненным под грудой тел. Вот образец для политического деятеля. Подобных примеров немало и на Востоке, среди мусульманских представителей.

К сожалению, встречаются и примеры низости, подлости. Политика – грязное дело, утверждают и сами политики. И среди них – бывший Секретарь ЦК Компартии Таджикистана Махкамов К.М.

Но нам, рядовым членам общества, хочется иного, хочется, чтобы политику делали чистыми руками и только люди с чистыми помыслами. Не в силе Бог – а в Правде!

Горбачевские времена

О процветанье родины мечтаю.
О вольной воле для людей мечтаю.
Мне долго ли болеть бедой «Бахмана»?
...Пройтись по саду вашему мечтаю.
Хокирох

Место действия – Советский Союз, время действия – восьмидесятые годы. На дворе, как тогда говорили, застой. Но среди «завоеваний социализма», которые мы демонстрировали всему миру, было, надо признаться, и немало хорошего, и поэтому многие развивающиеся страны не без оснований тяготели к нам. Хотя порой складывалось впечатление, что мы помогаем другим странам гораздо больше, чем собственному народу. И об этом уже начали открыто говорить в восьмидесятые годы не только журналисты, но и многие политики и общественные деятели.

М.С. Горбачев

И все же возможности народов, составлявших единое советское пространство, – в общественном, культурном, да и экономическом развитии – являлись бесспорным фактом. И вдруг в какой-то момент это самое «последовательное поступательное развитие» начало опасно пробуксовывать. Это ощущалось даже по тому, что нравственный климат повсеместно начал чувствительно изменяться.

Созидая «справедливое общество», мы как-то выпустили из виду все, что касается развития индивидуальности и свободы личной инициативы, и не только не стимулировали, но всячески тормозили продвижение новых экономических и общественных реформ. Поэтому все очевиднее вырастал перед глазами конфликт между государством и людьми в быстро меняющемся обществе.

Перемены были жизненно необходимы, «перемен, мы ждем перемен» – это чувствовали все, и они назрели совершенно объективно. И тогда Время вывело из партийных глубин на головокружительную высоту – Михаила Сергеевича Горбачева с его «перестройкой».

Сам он тогда по-разному объяснял людям ее необходимость. А уж люди тем более воспринимали то, что он говорил на свой лад. Как говорится, одно слово может иметь 77 значений. И скоро понятие «перестройки» сделалось настолько растиражированным, что уже трудно было понять, что, собственно, имеется в виду и о чем идет речь. Чисто организационная ли работа, перестановка и чистка кадров или – решение экономических и социальных, а, может быть, просто технологических проблем?..

Горбачеву верили

На самом деле государству всерьез требовалась кардинальная перестройка абсолютно во всех сферах. И при этом наиболее важными оказались общественно-социальные аспекты, то есть – взаимоотношения человека, индивидуума и госу-

дарственных структур. Личности – и, в целом, общества и государства.

Оно, это огромное, насквозь больное государство еще по инерции продолжало жить, но его структуры уже отказывали по всем направлениям и областям. Неизбежность перемен была очевидна, тем более что некоторые деятели «за бугром» уже предвидели развал, вернее даже – распад Советского Союза. А интеллигенция, в числе которых был, например, Александр Исаевич Солженицын, прежде всего, влияла на этот лавинообразный процесс. Тогда он предлагал рассмотреть возможность выхода Чечни из состава России, чтобы остановить войну…

Все сразу началось очень серьезно. В 1988 – 1989 годах назрели события в Грузии, обостренные выходом Абхазии из ее состава. Потом – события в Прибалтике, особенно в Латвии, и, что касается стран Прибалтики в целом, то многие тогда очень остро ставили вопрос о сговоре Молотова с Риббентропом, так называемом пакте.

Как потом выяснилось, Горбачев знал об этом, но не дал сигнала к его обнародованию. А по причине того, что комиссия, созданная для расследования этого вопроса, нашла соответствующие документы в недрах КПСС, это стало очередным серьезным ударом не только по самой партии, но и по стране в целом и дало толчок серьезным центробежным тенденциям в республиках.

В Латвии уже была создана альтернативная коммунистической партия – Новая платформа, как она тогда называлась. И, по существу, появление альтернативных партий, пусть даже и на базе коммунистических, было уже началом распада страны, поскольку ЦК КПСС был единственным правящим центром огромной, задыхающейся от слабости империи. Теперь в странах Прибалтики уже больше не желали слушать своих первых секретарей, и начало набирать обороты серьезное обострение национального вопроса, корни которого уходили в мрачнейшие годы сталинского репрессивного режима.

Азербайджанская и Армянская республики в составе СССР напоминали большие российские губернии. И хотя у

Нагорного Карабаха имелся автономный статус, давно назревавший конфликт полыхнул мгновенно. А после этого национальные конфликты стали вспыхивать то тут, то там, и вся страна быстро перенагрелась. По большому счету, все это напоминало распад Российской империи, который предсказывали еще в XIX веке.

Все руководители высшего эшелона знали о существовании наболевших национальных проблем, и по этой самой причине, хотя национальные конфликты постоянно нарастали, ни один из них не стремился отправиться на места конфликтов, чтобы там всерьез разобраться в происходящем.

Когда Горбачев понял, что события уже выходят из-под контроля, он поехал в Литву. Выступая там, он задал интеллигенции вопрос в лоб: действительно ли они и их республика хотят выйти из состава СССР и, к большому сожалению, услышал однозначное «да». Только после этого, на мой взгляд, он по-настоящему начал осознавать серьезность не только положения страны, но и своего собственного – как руководителя и ответственного за огромную, разваливающуюся державу – СССР.

Под давлением других членов ЦК, особенно Егора Лигачева, он начинает применять силовые методы для разрешения конфликтов. Хотя страна имела уже в этом отношении некоторый опыт, причем, весьма трагический. Один из примеров этого – жестокий расстрел рабочих в Новочеркасске при Хрущеве.

Но кровавые столкновения происходили не только в России. Например, исключительные по жестокости кровавые столкновения в городе Ош в Кыргызстане – между кыргызами и узбеками.

Немаловажно, что в то время и на Кавказе, и в Прибалтике, и в других республиках простой народ был крайне недоволен. В первую очередь – затянувшейся безработицей. Хотя страна затевала огромные стройки, увлекаясь гигантоманией, и – то тут, то там появлялись градообразующие предприятия, тем не менее, во многих регионах катастрофически не хватало рабочих мест. Исключением не были и союзные республики, а также мой родной Таджикистан.

Одним словом, если в некоторых республиках, таких как Украина и Белоруссия, тогда смогли удержать ситуацию, то во многих других – она становилась все более грозной. Кроме того, на Западной Украине уже начали предъявлять России исторический счет, напоминая о голодоморе в 1933 – 1934 гг. Даже одно признание этого факта, пусть первоначально только со стороны исследователей, уже привело к нарастанию центробежных тенденций в Западной Украине. Справедливости ради необходимо отметить, что голодомор был почти на всей территории СССР и, конечно же, особо острый характер он имел на Украине и Поволжье. Подобные преступления происходили и в Казахстане, и все же новую оценку этим историческим фактам дало именно новое правительство.

Некоторые политики и часть народа требовали, чтобы кто-то ответил за эти события и понес заслуженное наказание.

Одним словом, руководитель страны Михаил Сергеевич Горбачев увидел, что его «перестройка» одновременно вызвала к жизни и страшные разрушительные процессы, с которыми он уже не справлялся. Горбачев начал понимать, что ему не простят развала страны, и оказался прав.

В стране стали возникать разного рода организации типа «Памяти», а требования «Долой КПСС!», которые прежде произносились исключительно на кухнях и в курилках, зазвучали теперь на собраниях в коллективах, на улицах и многолюдных митингах – практически почти во всех уголках так долго молчавшей державы.

Когда 11 марта 1990 г. Литва объявила о выходе из состава Советского Союза, Горбачев впервые задумался о том, чтобы уйти из власти, и даже заявил об этом и предложил выдвинуть другого кандидата на пост руководителя страны. Говорил же он это в ответ на нападки Егора Лигачева, но тогда желающих занять его место не обнаружилось.

Горбачев начал принимать превентивные меры. Одним из таких шагов была экономическая блокада Литвы, и прежде всего – прекращение поставок энергоресурсов. Но это не помогло. Руководители Литвы объявили о временном приоста-

новлении своего членства в Союзе, идя навстречу волеизъявлению своего народа.

Тем временем в некоторых регионах России уже начали «снимать» первых секретарей. За долгие годы застоя люди привыкли к спокойной умеренной жизни. Но ход событий 1987 – 1990 гг. коренным образом изменил ситуацию.

Народ утратил коммунистические иллюзии, а реформы и «перестройка» не только не спасли ситуацию, но даже стали в какой-то мере катализатором процесса распада. Хотя в последнее время Горбачев уже везде твердил об экономике, повторяя, что она является основой всего, приглашая других членов ЦК заниматься спасением экономики страны, и даже просил журналистов по-деловому освещать эти вопросы.

По существу, никто не занимался улучшением состояния народного хозяйства. Кризис становился все глубже и глубже... Вскоре он привел к новому витку недовольства народа в разных регионах большой страны.

4 февраля 1990 г. в Москве состоялся митинг, в котором участвовало более 3-х тысяч человек, в последующем многотысячные, главным требованием которого была отмена руководящей роли партии. Прошло буквально три дня, и ЦК КПСС вынужден был отказаться от своей ведущей роли, приняв это решение под давлением народных масс, а по сути – Времени.

Мне, работавшему в это время Председателем Госплана, заместителем Председателя Совета Министров Таджикистана, по долгу службы часто приходилось бывать в Москве. Особенно мне запомнилось, что в ЦК КПСС принимались все меры к тому, чтобы этот переход был спокойным, а в результате получился не переход, а – воистину тектонический развал.

«Хотели, как лучше, а вышло, как всегда…» – как говаривал в подобных ситуациях премьер-министр Российской Федерации Виктор Степанович Черномырдин, умевший сказать так, что народ мгновенно подхватывал его меткие определения, превращая их в поговорки...

В Центре было задумано дать некоторую свободу республикам, и с этой целью была разработана концепция подготовки республик к саморегулированию и самофинансированию.

Митинг на Манежной площади

Я, вместе с другими председателями Госпланов республик, неделями работал на госдаче Совмина. Мы скрупулезно формулировали каждый абзац будущего документа. Каждое предложение, строчка и даже отдельное слово давались с бою, и если что-то удовлетворяло представителей среднеазиатских республик, то оно же немедленно вызывало возмущение у прибалтов. Когда я и другие представители среднеазиатских республик внесли предложение о том, чтобы хотя бы 50% от объема хлопка-сырца, производимого в Средней Азии, перерабатывалось на месте, в республиках, прибалты тут же принялись возражать, дескать, давайте, сначала определим положения о суверенитете республик, тогда подобные вопросы отпадут сами собой. И они по-своему были правы. Они хотели таким образом отделиться от большого Союза.

Но я тогда уже знал о непомерной цене подобного мгновенного разрушения «Большого Дома». Как строитель я отлично понимал, что развалить – легко, а вот построить...

Я много читал о свободе и ее, порой, катастрофических последствиях, и поэтому возражал, что резко этого делать нельзя, понимая, что грядущий распад Союза пройдет огнем и

мечом по судьбам миллионов людей. На это мне отвечали, что они все это и сами знают, но свободу и независимость задаром не получишь.

Будучи председателем Госплана, я понимал, что разрыв хозяйственных связей, например, прекращение поставок генераторов на Рогунскую ГЭС или глинозема из других регионов для Таджикского алюминиевого завода, приведет к огромным экономическим потерям в масштабах страны, но никто уже ничего не хотел понимать, а прибалты – не желали даже и слышать об этом. И все же многое из того, что я тогда предложил, нашло отражение в окончательном варианте документа – концепции самоуправления и самофинансирования республик.

Компромиссный вариант был подготовлен, принят, и под ним стоит в числе других также и моя подпись. Как бы там ни было, в результате все это дало еще один толчок к тому, что республики разошлись по национальным квартирам. Хотя таким образом в какой-то степени был выпущен накопившийся пар, и не произошло более серьезных взрывов, сколь национальных, столь и разрушительных.

В.А. Крючков

Затем последовало введение в СССР института Президентства, многочисленные митинги, споры руководящего состава по разным поводам. К примеру, председатель КГБ Крючков утверждал, что в митингах участвовало 70 тысяч человек, а Бакатин называл цифру – 300 тысяч. И вместо того, чтобы приступить к серьезному анализу происходящих процессов, они занимались дезинформацией. Хотя уже более 70 регионов России подали заявки на проведение митингов.

Наконец, страна стала свидетельницей первомайской демонстрации с требованием «Долой КПСС!», ухода Горбачева с трибуны, сдачи партбилета Ельциным и их последующей серьезнейшей конфронтации...

Экономика СССР в последние годы

Гуманность чтобы защитить, –
Призвать необходимо честь.
Нет у гуманности границ,
Но совесть есть и правда есть.
Хокирох

Экономика большой страны – СССР – практически не работала, а официальные показатели валового общественного продукта, национального дохода, производительности труда – не соответствовали фактическому положению дел и действительности.

Анализ данных и показателей экономических потерь, как в целом по стране, так и в республиках, а также полноценная методика их учета в целом в стране отсутствовала. Но даже без этого анализа на простых примерах повседневных затрат населения можно было увидеть не только застой, но и спад экономики по многим основным направлениям.

Народные депутаты СССР и правительство по неверным данным, в том числе и заниженным сведениям о потерях, принимали экономически не обоснованные решения.

Тогда, по данным Госкомстата, ущерб от потерь в народном хозяйстве страны в 1988 году не превышал 40 млрд. рублей. В действительности же ущерб от потерь был значительно выше. Причем во много раз.

В промышленности в 1988 году ущерб от потерь материальных ресурсов исчислялся в 20 млрд. рублей. По данным председателя Госснаба П.И. Мостового, убыток составлял более 450 млрд. рублей. В 1988 году в сельском хозяйстве, информировал Госкомстат, ущерб от потерь материальных ресурсов был равен 5,2 млрд. рублей.

Даже по данным М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова, на деле гибло 20…40% продукции, производимой селом. Таким образом, в 1988 году ущерб от потерь продукции сельского хозяйст-

ва исчислялся в пределах от 47 до 95 млрд. рублей. И это еще не все потери, потому что нужно добавить ущерб, причиненный строительству, транспорту, торговле и другим отраслям…

О потерях говорили и писали в АН СССР. Состояние материальных ресурсов в народном хозяйстве представлялось еще более сложным. «Потери предметов труда составляют примерно 70%», «потери при использовании средств труда – 40…50%» и т.д.

Общие непроизводительные расходы и потери в народном хозяйстве были велики и исчислялись в пределах от 580 до 629 млрд. рублей. В валовом общественном продукте в 1988 году их доля составила 38…40%.

По данным Прокуратуры СССР, криминальный «теневой» капитал тогда был равен 210 – 240 млрд. рублей. Треть этой суммы участвовала в «теневом обороте», остальные две трети «дельцы превращали в золото, драгоценности, движимое и недвижимое имущество». И об этом уже стали писать и говорить открыто.

Я тогда как экономист и Председатель Госплана республики понимал, что предстоит кардинально пересмотреть методические рекомендации к разработке Государственного плана экономического и социального развития, как всей страны, так и отдельных республик.

В огромной стране Советов шел активный поиск путей управления социально-экономическими процессами. Одним из направлений был переход республик на принципы хозрасчета и самофинансирования.

Будучи Председателем Госплана, я вошел в состав команды, которая подготовила концепцию перехода на самофинансирование и самоуправление республик СССР.

Действующая в стране командно-административная система руководства народным хозяйством ограничивала возможности решения экономических и социальных задач. Чрезмерное ущемление прав территориальных органов привело к большим диспропорциям, несбалансированности в развитии экономики.

Экономика республик развивалась без учета особенностей их природно-климатических, демографических, национальных и других условий. В Госплане СССР преобладал ведомственный подход при решении многих проблем на местах.

Развитие многих организаций и предприятий на территории Таджикистана, как и в других республик СССР, определялось союзными министерствами.

В Таджикистане, например, его собственная доля в промышленном производстве составляла 9,5, а в строительстве – 9%. Основные показатели развития республика определяла не самостоятельно, а по согласованию с Госпланом и другими ведомствами СССР.

Жесткая централизация управления привела к сильному отставанию и в социальной сфере, и экономики в целом.

Формирование бюджета не базировалось на экономически обоснованных нормативах с учетом стартового уровня социально-экономического развития республик. Так обстояло дело и в нашем Таджикистане.

Дети на хлопке

Несмотря на то, что прирост населения республики был в 6-7 раз выше, чем средний по СССР, в то же время по всем показателям социального развития республика занимала последнее место в Союзе. Развивалась она слабо и однобоко, а накопившиеся в социальной сфере проблемы давали о себе знать все более тревожно!

Например, в структуре вывоза доля продукции составляла 70…80%. Это обстоятельство ставило республику в положение запрограммированного «иждивенца», из-за того, что непереработанное сырье отправлялось за пределы республики, соответственно, прибыль оставалась там, где оно перерыбатывалось.

Из его общего объема для выпуска продукции в республике использовалось всего 10% волокна. Вывозился также первичный алюминий, концентраты руд цветных и редких металлов.

Если в 1982 г. превышение ввоза над вывозом республики составило 30%, то в 1987 г. оно возросло до 56,2%, и это говорило о том, что необходимо принять срочные меры.

В отдельные маловодные годы из водохранилищ Таджикистана, по команде из Центра, для нужд орошения земель Узбекистана и Туркменистана изымалось до 4 – 5 млрд. кубометров воды. Это оборачивалось большими потерями в выработке электроэнергии в Таджикистане. Имел также место факт, что электроэнергия в Таджикистан поставлялась из Узбекистана, особенно после ввода в эксплуатацию Регарского (таджикского) алюминиевого завода.

Неудовлетворительное положение в строительстве приводило к отвлечению материальных и финансовых ресурсов.

Убытки промышленных предприятий, колхозов, совхозов и межхозяйственных организаций постоянно росли.

Потери от падежа и гибели животных в 1988 г. составили 8,2 млн. рублей. Ежегодные потери сельскохозяйственной продукции тоже возрастали. Только в 1987 г. общая сумма убытков составила 350 млн. рублей.

Внедрение принципов хозрасчета в регионах предполагало передачу многих функций управления местным органам власти.

Такой подход нравился не всем. Многие привыкли годами командовать и не хотели расставаться с рычагами управления.

Решающим оказался 1990 год. Именно в этот период стали заметнее проявляться кризисные явления. Надо было применять первоочередные меры, направленные на снижение социальной напряженности в обществе, хотя эта задача уже стала непосильной ношей для руководства страны.

Оно старалось как-то переломить негативные тенденции в жизни страны и преодолеть общую растерянность, но это было уже не так просто.

Маховик распада был запущен, страна катилась в неожиданном направлении. И это почувствовали на себе, прежде всего, жители национальных республик. Поэтому необходимо было принимать срочные меры не только в Центре, но и на местах. Чего и добивался ЦК КПСС через соответствующие решения и постановления. А дальше – и само правительство, и местные власти – должны были найти пути решения накопившихся проблем. Республиканские правительства перепоручали своим Госпланам решение этих вопросов. Соответственно, и я как молодой Председатель Госплана занимался поиском новых способов для повышения эффективности производства. Тогда еще было возможно содействовать укреплению материальной базы перестройки и подъему уровня жизни людей.

Помочь решению непростых проблем, от которых непосредственно зависели темпы развития экономики, социальной сферы страны уже было трудно. Проблемы накапливались, недовольство людей росло, как на дрожжах, положение дел в республиках Союза, в т.ч. в Таджикистане, не на шутку пугало самих руководителей.

Особое внимание партия и правительство сосредоточили на путях оздоровления и совершенствования экономики страны, непосредственно влияющих на эффективность социальной политики в стране. И поэтому, одной из важнейших задач партии в тот период была консолидация всех здоровых сил общества для укрепления экономики, улучшения жизни советских

людей. Этому вопросу накануне распада Союза со стороны руководства было уделено пристальное внимание.

Комплекс согласованных мер, позволяющих оздоровить экономику и успешно решать социальные задачи, был определен программой правительства, поддержанной Съездом народных депутатов СССР, но как говорится, джинн был уже выпущен из бутылки.

Некоторые народные депутаты, да и отдельные члены партии стали открыто выражать свое недовольство работой руководства страны.

В результате анализа различных решений, на основе альтернативных и многовариантных расчетов и сопоставлений – к началу 1990 г. были разработаны принципиальные подходы и выделены этапы реализации реформы.

Рассматривались три возможных варианта.

Был выбран радикально-умеренный вариант, сочетающий энергичные меры по углублению реформы с продуманными действиями на всех уровнях управления.

Но задержка оздоровления экономики и выхода из тупика не устраивала общество. Реальная обстановка учитывалась слабо, да и с большим опозданием. И некоторые пользовались этой обстановкой для решения своих далеко идущих личных интересов.

Тогда на первом этапе необходимо было провести комплекс чрезвычайных мер, нацеленных на преодоление кризиса в экономике, и прежде всего бюджетного дефицита и разбалансированности потребительского рынка, хотя жесткие директивные меры уже не давали положительного эффекта.

По-прежнему, говорилось о директивном управлении как первом этапе и только затем – развитии рыночных отношений. Хотя обещали, что на втором этапе вступят в силу экономические рычаги и новые хозяйственные методы, активизируется рынок, но этому не все верили. И оказались правы.

Тогда важно было определиться, на каком фундаменте строить эту модель хозяйственной системы. Прежде всего, надо было учесть многообразие форм собственности, их равноправие и состязательность.

Но этого еще было недостаточно. Новые отношения необходимо было дополнить как плановым управлением, так и новыми экономическими методами и непременным, быстрым учетом рыночных отношений в сочетании с государственным регулированием.

Самое главное – эти подходы надо было сочетать с учетом социальных гарантий. Достойная жизнь – всегда остается первостепенным критерием для членов общества.

Руководство, партия, правительство, в том числе и Госплан, именно в этот период должны были осуществлять комплекс чрезвычайных мер по преодолению негативных явлений в экономике, разбираться с разбалансированностью потребительского рынка и, особенно, – с расстройством финансов и низким денежным обращением в стране.

К примеру, государственные централизованные капитальные вложения в производственное строительство, по сравнению с расчетами по пятилетке, в 1990 году должны были уменьшиться на 27 млрд. рублей, а их объем в социальной сфере – увеличиться на 5 млрд. рублей. Подобное изменение пропорций в пользу потребительского сектора экономики было очень важным. Это был резкий и крайне трудный поворот, но он был необходим. На все это правительства пошло из-за чрезвычайной ситуации в обществе и очевидного недовольства людей.

Сам Николай Иванович Рыжков, глава Правительства, тогда откровенно признавался, что выполнение плана 1990 года – дело исключительно сложное. Тем более что в 1989 году по многим важнейшим показателям план был недовыполнен. За 1989 год валовой национальный продукт возрос не сильно – всего на 3%, произведенный национальный доход – на 2,4%, промышленное производство – на 1,7%. Выше были темпы роста выпуска товаров народного потребления. Производство непродовольственных товаров увеличилось на 7,7%, а продовольственных – на 3,2%.

Но самое неприятное заключалось в том, что прирост производства товаров народного потребления отставал от роста денежных доходов населения. Тут уже не цифра на бумажке, каждый житель страны ощутил это на себе.

Тогда же, именно в 1989–1990 годы, стали серьезно задумываться о новых принципах подготовки законов, преобразовании отношений к собственности, законодательстве о земле, о предприятиях, о налоговой системе и т.д.

Именно в 1990 году всем звеньям хозяйственного управления, исполнительным органам власти предстояла сложная и напряженная работа по формированию плана на тринадцатую пятилетку. Целевые установки и принципиальные подходы, одобренные Съездом народных депутатов, должны были получить конкретное воплощение в жизни предприятий всех отраслей и регионов страны. Этого хотело Руководство, но выполнить их или хотя бы запланировать было уже не так просто. «Центральный механизм» оказался под запретом, и экономика стала серьезно «пробуксовывать».

В тех условиях чрезвычайное значение имело то, что каждая республика, область, город могли своевременно завершить работу, связанную с подготовкой к переходу на принципы регионального хозрасчета. Это должно было бы содействовать как оздоровлению экономики, так и успешному проведению экономической реформы в целом. И еще в какой-то степени успокаивало уже бурлящее общество.

В политическом плане, да и реально на практике, только консолидация всех сил общества могла содействовать преодолению чрезвычайно сложного положения в стране. Именно достижение реальных результатов в намеченные сроки могло остановить негативные тенденции в обществе. Но, увы, страна уже неотвратимо катилась в бездну кризиса. И простые люди реально начали ощущать на себе разрушительное воздействие задыхающейся экономики.

В 1990 году центробежные силы продолжали нарастать. В том же году состоялась консультация рабочей группы Верховного Совета и Совета Министров СССР с представителями республик Советского Союза, в том числе Грузинской ССР и стран Прибалтики, по вопросам подготовки союзного договора.

На этих консультациях стороны высказались в целом за обновление Союза на добровольной и равноправной основе, и хотя договорились с трудом, но все-таки решили продолжить

консультации. По крайней мере, под таким углом преподнесли эти встречи СМИ и руководство страны.

С другой стороны, было ясно, что в условиях рыночных отношений изменяются функции правительств республик. Министерства и ведомства должны были теперь заниматься преимущественно не хозяйственным, а государственным управлением.

К примеру, основными функциями Министерства экономики должны были стать прогнозирование и определение перспектив и народнохозяйственных приоритетов, разработка программ социально-экономического развития, планирование и координация их выполнения, развитие межреспубликанской экономической политики, осуществление контроля ценообразования и другие современные направления деятельности. Но тогда для нас многое в этом направлении еще было в новинку.

При радикальном изменении функций и содержания работы правительств республик, преобразовании министерств и ведомств преимущественно из органов хозяйственного управления в органы государственного управления, целесообразно было отказаться от чрезмерного количества заместителей Председателя Кабинета Министров во всех республиках, хотя известно, что при любых обстоятельствах бюрократия умеет найти пути к своему размножению. Исходя из задач переходного периода и специфики республики, к примеру, Председателю Кабинета Министров Таджикской ССР целесообразно было иметь на то время не семерых, а трех заместителей с конкретным, четким распределением их функций, с точно сформулированными обязанностями и задачами, которые они должны выполнять.

Главным было – укомплектовать аппарат государственной власти и управления компетентными и современно мыслящими кадрами, которые отвечают требованиям дня. Для этого необходимо было впервые ввести конкурсную систему подбора кадров для правительственного аппарата, использовать систему тестов, позволяющих выявить организаторский и творческий потенциал претендентов. Одним словом, отказаться от номенклатурного подхода и рационально отбирать опытных руководителей из разных регионов, а самое главное – спо-

собных воспринимать новое и обеспечивать преемственность в управлении Государством.

Все это было непросто, хотя я привык, работая руководителем строительной организации, а потом министром, организовывать конкурсы и по их результатам назначать людей на ответственные посты. И так было во всем. К примеру, если использовать зарубежное оборудование, то требуется высокая квалификация рабочих, технологическая дисциплина, современная культура производства. А этого в то время не было в нашей республике. Внедряя на производстве новую технику и технологии, особенно при строительстве новых дорог, мы уже тогда использовали оборудование немецкого производства «Тельтомат».

Я знал на своем личном опыте, с какими трудностями проходится сталкиваться при этом. Но все это было несколько раньше, когда я еще работал руководителем дорожно-строительной организации, а затем министром.

Понятно, что для этого в республике, да и в стране в целом, должна была пройти политическая реформа и сразу за ней – экономическая. Хотя в Китае было наоборот – там сначала была проведена экономическая реформа, а затем политическая. А каков результат: Китай вскоре стал страной с развитой и большой экономикой. И если бы Россия и страны СНГ пошли по этому же пути, наверное, были бы совсем другие результаты. Не были бы разорены тысячи заводов, фабрик и другие производства. Но какое бы общество мы ни строили, главной должна быть идея социальной защищенности населения.

При падении уровня многих экономических показателей решать социальные вопросы в полном объеме уже не представлялось возможным. Хотя в течение всего времени своего существования советская власть твердила о том, что мы строим социализм. Строили-то мы строили, да, видно, не с того конца…

На этапе «развитого социализма» пытались реализовывать многое в этом направлении, и все же оказалось, что не у нас, а в странах буржуазной демократии, таких, например, как Швеция, социальная защищенность населения – намного выше, чем в Союзе, я уж не говорю – о Таджикистане.

Конечно же, здравомыслящие люди, благодаря возможностям, которые давала перестройка, больше знали о Западе, о

капитализме, о других странах, и, в конце концов, начали сравнивать свою жизнь с жизнью других людей. И тогда уже стало ясно, и не только руководителям, политикам, экономистам и управленцам, что надо что-то делать с общественным строем и, как можно быстрее, начинать движение по другому пути развития.

И в этом случае, не важно, как все это будет называться. Примером может служить Китай, который более гибко и своевременно решил многие застаревшие проблемы и уже сегодня уверенно развивается, не расшатывая политическую ситуацию. Китай начал свое преобразование с экономики и, в первую очередь, с сельского хозяйства. Население в Китае в 10 раз больше, а земли – в 7 раз меньше, чем в России, а мы завозим из Китая сельхоз продукцию. Получается, что руководители Китая оказались более дальновидными?!

И многое тут зависит, конечно же, еще и от среднего звена, и от простых людей. В этом отношении любой предприниматель, деловой человек, обогащающий общество и обогащающийся сам, более полезен народу, чем полунищий трудящийся, который мучается, не принося пользы ни себе, ни обществу. Понимая это, надо было принимать меры, чтобы простые люди были обеспечены, прежде всего, работой и могли накормить себя и свои семьи.

И в этом отношении тоже надо было проводить «капитальную» работу в обществе, создавая массу новых предприятий и открывая двери малому и среднему бизнесу, что тогда еще было для нас в новинку.

И все-таки, как в Центре, так и на местах, руководители боялись любого нововведения, которое приводило бы к минимальной самостоятельности и независимости предприятия.

Но жизнь диктовала свое: надо было дать людям больше свободы, а предприятиям – место для маневра. Другими словами, просто-напросто не губить инициативу, дать возможность людям и низовым организациям самостоятельно заниматься планированием работы своих предприятий и самим распоряжаться результатами труда и полученной прибылью.

«Белое золото»

Плач мой как пыль на дороге нации.
Жизнь моя – боль и кручина нации.
Мое состояние и чин – ничто,
Покуда плохо моей нации.

Хокирох

«Белое золото» – так называли в советские времена хлопок-сырец, выращиваемый в республиках Средней Азии. В моем повествовании я уже касался этой проблемы. Здесь же хочу показать негативное влияние данной монокультуры на жизнь населения в сельской местности, которое ее и выращивало. Как говорится, по высочайшей ставке расплачивался народ Таджикистана все послевоенные годы за свое же «белое золото». Причем, 90% этого «белого золота», добытого ценой здоровья народа, и, что особенно прискорбно, женщин и детей Таджикистана, – вывозилось за пределы республики.

Во времена Советского Союза Центр предполагал сохранить за Средней Азией статус сырьевого придатка промышленно развитого региона. Происходило же все это вопреки интересам и воле народов республик. Хотя, конечно, всюду краснели лозунги: «Дадим родине больше белого золота!». Для местных руководителей, по сути, не существовали ни народ, ни его проблемы.

Хлопководство и высокие урожаи хлопка превратились в своеобразную моноидею для получения высших наград ценой здоровья местного населения. Отсутствие квалифицированной медицинской помощи, воздействие ядохимикатов, откровенная нищета, равнодушие к положению женщин и детей на селе породили тяжелейшие явления, которые время от времени обсуждались в печати, но мало что делалось для их искоренения.

«Всякие разговоры о снижении детской смертности в республиках Средней Азии без повсеместного оздоровления отравленной среды обитания людей, без социальной и культурной революции в селе и, наконец, без уравнения в правах на медицинскую помощь сельских женщин и детей с город-

скими – сознательный обман народа, не более», – так считала профессор С.Х. Хакимова, специалист, акушер-гинеколог и заслуженный деятель науки Таджикистана.

Дети и женщины на сборе хлопка

В газете «Согдиана» 5 мая 1991 г. была напечатана ее статья под названием «Списанные дети». Вот факты из этой статьи: «Только за последние 3 года (1988 – 1990 гг. – Прим. автора) в республику поступили и были использованы большие ассортименты ядохимикатов из 59 наименований, в том числе чрезвычайно токсичные Теодан, Амай, Изофен, БИ-58 и др. По сей день наблюдаются случаи групповых отравлений сельского населения ядохимикатами, как это имело место в Коммунистическом районе Вахшской долины. Токсичный ГХЦГ обнаружен в пробах грудного молока в значительных концентрациях – 0,04 мг/мл, а ДДТ и его метаболиты обнаруживаются постоянно и тоже в значительных количествах!».

Известно, что численность населения в среднеазиатских республиках растет высокими темпами, соответственно, и рождаемость тоже очень высокая. В те годы, учитывая это обстоятельство, Центр через Госплан Союза и, соответственно,

Госплан республик, проводил работу по планированию семьи. Наряду с другими вопросами, главным оставалось – уменьшение рождаемости в среднеазиатских республиках. Это была очень серьезная работа, можно сказать, даже вызов Центра, на который надо было как-то ответить.

«Совершенно серьезно»:

До 85% женщин местной национальности рожают с интервалом в 1,5 года. Поэтому анемия в условиях среднеазиатских республик, где изобилие овощей и фруктов, давно приобрела значение краевой патологии, поражающей преимущественно беременных женщин и детей. В районах Вахшской долины малокровием страдают 6,3% и более беременных женщин, причем у 5-12% из них заболевание протекает в тяжелой или очень тяжелой форме. У 17,7% больных беременных развиваются тяжелые формы поздних токсикозов, для которых свойствен высокий процент перинатальной и материнской смертности, у 29,3% больных женщин роды наступают преждевременно, а недоношенные их дети маложизнеспособны. Более того, у 10% беременных с тяжелым течением малокровия, в результате хронической недостаточности питательных веществ и кислородного голодания, плод погибает внутриутробно во второй половине беременности, а у 50% дети рождаются с признаками заметного отставания в развитии: с дефицитом массы тела и меньшим ростом.

С.Х. Хакимова

Увы, родовспомогательные учреждения Таджикистана, как образно выразился бывший министр здравоохранения СССР С.П. Беренков в 1985 году, «представляют собой сараи, где поставлены койки для беременных, рожениц, родильниц и новорожденных. Заметим, что у 12,5% больных матерей недостаточность или отсутст-

вие молока обнаруживается сразу после родов, у 50% – на 3 мес. и у более, чем 75% – на 5 мес. после родов.

С.Х. Хакимова
Доктор медицинских наук, профессор,
заслуженный деятель науки Таджикской ССР,
член-корр. АМН СССР, директор Таджикского НИИ ОМД

Сбор «белого золота»

Мне как председателю Госплана приходилось не только выступать, но и писать статьи по этой тяжелой теме, что, с точки зрения религии и вековых традиций мусульманского народа, не так просто. В то время в Таджикистане активно функционировал детский фонд под руководством яркой и активной женщины Афизовой. Она чрезвычайно серьезно занималась решением этих вопросов, но, конечно же, мне как зампреду Совмина и председателю Госплана было ясно, что эти вопросы необходимо решать не только на общественном уровне, но и в соответствующих ведомствах республики и, конечно, в Центре – в Москве.

Мне вспоминаются в этой связи два, на мой взгляд, важных эпизода. Первый, связанный с Петром Лучинским – II секретарем ЦК Компартии Таджикистана. Как-то раз, когда я

находился у него в кабинете, он спросил меня: «А что, если мы уменьшим набор абитуриентов в вузы республики?» На что я ответил, что в стране, где высокая рождаемость и состав населения до 18 лет – составляет 40%, на это идти, по крайней мере, неразумно. Он ссылался на программу по планированию семьи и высказал мысль, что необходимо провести работу так, чтобы в конечном итоге люди понимали, почему это делается, и со временем уменьшилось количество детей в семьях. Конечно же, я видел, куда клонит II секретарь, да к тому же и сам по долгу службы занимался этой проблемой. Как бы там ни было, какие бы тяжелые стороны не имело решение этого вопроса, им надо было заниматься, и заниматься неотлагательно.

Второй эпизод был связан с тем, что я и Кадриддин Аслонов – бывший Секретарь ЦК Компартии, проходили собеседование в ЦК КПСС, чтобы занять впоследствии те посты, которые нам доверили. И тогда один из заведующих отделом ЦК КПСС мне сказал: «Представляете, Бури Бачабекович, у Аслонова – восемь детей…» Понимая, куда он клонит, я тут же возразил:

– Это же прекрасно!

– Как это, прекрасно?!. – удивленно посмотрел он на меня.

– Очень просто, – ответил я, – на Востоке, когда узнают, что у человека много детей, его поздравляют, желают дальнейших успехов. Приветствуется это и в мусульманской религии.

– Все это я знаю и даже понимаю, но на дворе-то двадцатый век!..

– Мы это тоже понимаем, поддерживаем и будем стараться объяснить населению все минусы многодетности, хотя это не так-то просто.

Завотделом, немного успокоившись, спросил:

– А у тебя-то сколько детей?

– Четверо, – гордо ответил я.

– И как планирует будущий Председатель Госплана свою семью?

– Все в руках Божьих!

Мы рассмеялись и разошлись на этой жизнеутверждающей ноте.

«Совершенно серьезно»:

На учете медико-генетической консультации Таджикского НИИ ОМД ныне состоят 20 тыс. детей с наследственной патологией, причем 73% из них нуждаются в пожизненном государственном пенсионном обеспечении. В таджикском кишлаке здоровая женщина – редкий музейный экспонат. Потому что у 95-97% поступающих на роды женщин при поверхностном осмотре удается обнаружить до 5-7 разнообразных заболеваний органов, систем и сопутствующих осложнений беременности. Отсюда высокие показатели детской смертности. Ежегодно в республике официально регистрируются от 80 до 120 и более совершенно нелепых случаев смерти женщин в период беременности, родов и после родов. Сколько умирает дома и не попадает в статистику, никому не ведомо. Более половины (55,6%) умерших – это матери многодетных семей с числом детей от 4 до 12 и более. После смерти 80-120 матерей ряды сирот ежегодно пополняются 650-830 осиротевшими детьми, а это контингент 4-6 детских домов.

Дети в поле

Таджикские специалисты старались на местах находить пути решения этой серьезнейшей проблемы, и на мои плечи свалилась новая, неотложная и ответственейшая работа. Во-первых, потому что, с религиозной точки зрения, прерывать искусственно рождаемость – большой грех, а с другой стороны, вековые традиции говорят о том, что чем больше детей в семье, тем лучше. Вот почему вести работу в этом направлении для меня, человека, родившегося в многодетной семье и знавшего все плюсы и минусы этой проблемы, все-таки было не просто.

«Совершенно открыто»:

По официальным данным, младенческая смертность в республике в 1989 г. составляла 43,4%, т.е. из каждой тысячи родившихся живыми детей умирали, не дожив до года, 43-44 ребенка. Этот показатель складывается из таких, почти невероятных цифр: в Рогуне среднегодовой показатель младенческой смертности за тот же 1989 г. составил 17,1%, в Нуреке – 22,6%, а в Пянджском районе – 59,9%, что в три раза выше, чем в первых двух. Результаты анализа причин детской смертности свидетельствуют, что в 63,4% умирают младенцы из многодетных семей. Только 30% умерших детей вскармливались грудным молоком. Среди матерей, потерявших детей до года жизни, преобладают колхозницы (56,9%) и домохозяйки (67,8%). Душевой доход членов семей, потерявших младенцев, не достигал 50 руб. в месяц в г. Кулябе – в 87,9%, а в Турсунзадевском районе – в 80,7% семей. Жилищные условия были неудовлетворительными у 77,3% семей. Жили эти семи в глинобитных мазанках без пола и потолка, без воды и тепла, не говоря уже о других удобствах.

С.Х. Хакимова

Доктор медицинских наук, профессор

В короткий промежуток времени, находясь на должности Зампреда Совмина, Председателя Госплана, я проводил несколько раз совещание, предпринимал разнообразные начинания в этом направлении и надеюсь, что они имеют развитие и сегодня. Понимаю, что для решения этого вопроса необходимо улучшать уровень жизни людей, общую культуру и, конечно же, уважать и ценить женщину, в первую очередь как мать, творец и источник жизни!

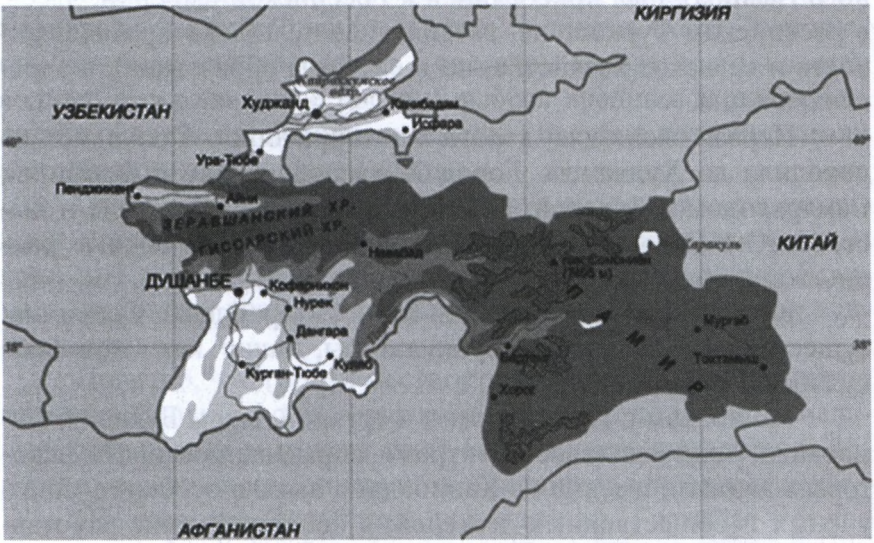
Подумайте сами, в конце XX века условия жизни простых колхозников в республике были на уровне самых отсталых стран третьего мира!

Как же председатели колхозов могли им в глаза-то глядеть?!. Что у них было вместо сердца – кусок льда?..

Особенности регионов Таджикистана

Дождь проливной, он над нами,
несчастными, плачет.
Каждая птица над нашими бедами плачет.
Родина, родина ... Как она выглядит плохо.
Ибо разъята на части, и каждая плачет.
Хокирох

Известно, что Таджикистан является горной страной. Только 7% территории составляют долины, с высокой перенаселенностью. Эти небольшие равнинные территории разделены высокогорными хребтами, вследствие чего до недавнего времени они не имели нормальной круглогодичной транспортной связи (как автомобильной, так и железнодорожной). Некоторые перевальные участки автомобильных дорог закрывались на полгода, особенно такие перевалы, как Хабурабад в Горно-Бадахшанской автономной области и Анзоб и иногда Шахристан в Согдийской области.



Физическая карта Таджикистана

Люди, находящиеся в локально-территориальных регионах, намного меньше общались друг с другом и отличались не только своей субкультурой, традициями, обычаями, но и языком, как это имеет место, к примеру, в таджикском Бадахшане. Это, и особенно географическая замкнутость, сформировали особый характер горцев. Из-за суровых условий жизни они более принципиальны и тверды в своих убеждениях. В этот ряд можно поставить и Горную Матчу (Матчинский район).

К сожалению, в республике и по сей день не изжито местничество, пагубно влияющее на развитие нации и страны в целом.

Как известно, этнографы выделяют шесть уровней локально-территориальных общностей на территории Таджикистана. Север страны – наиболее экономически развитый регион, с более высоким уровнем жизни. Здесь добывают и перерабатывают редкоземельные и драгоценные металлы. Причем особенно велики залежи серебра. И хорошо, что железная дорога там была построена раньше, чем на других территориях республики, причем, еще до Октябрьской революции.

В 1886 г. север, в пределах современных территорий Согдийской области и Мургабского района (территория Восточного Памира), был присоединен к Российской империи. Здесь, в российском Туркестане, развивались не только промышленность и сельское хозяйство, но и системы образования и здравоохранения.

Первая железная дорога на территории Таджикистана доходила до Худжанда. Город Худжанд, наряду с Ферганой, Самаркандом и Бухарой, как города развивались лучше и быстрее. Юго-Восточная Бухара развивалась хуже. Горные районы жили более самостоятельно и замкнуто.

Южные и горные таджики были раздроблены. Среди них существовали локальные субкультуры, такие как: гармская, кулябская и бадахшанская.

Канибадам с Худжандом и Ферганой, как и Бухара и Самарканд, тоже считались центрами образованности. По некоторым данным, именно из Канибадама вышло особенно много ученых и общественных деятелей, в советские годы работавших в руководстве республики.

В последние годы привилегированное положение занимали представители Севера. Не только политическая, но и хозяйственная элиты превалировали в жизни страны. Представители севера всегда были тесно связаны с Москвой.

Несмотря на большую численность населения и высокий потенциал, социально-экономическая ситуация в области на рубеже 80 – 90-х гг. тоже начала ухудшаться. При этом по уровню жизни Куляб сильно отставал от Севера. Естественный прирост населения в южных районах, в т.ч. в Кулябе, был выше, чем в Ленинабаде, а темпы прироста трудоспособного населения опережали уровень занятости. Общее же число безработных росло с каждым годом быстрее, чем на севере республики.

Развитие Гиссарского региона шло в увязке с развитием города Душанбе. В г. Турсунзаде был построен Таджикский алюминиевый завод. И вскоре, наряду с хлопком, алюминий стал серьезным источником поступления валюты в стране. Кроме того, Гиссарская долина снабжала столицу сельхозпродуктами. Не случайно Госпланом было запланировано создание садово-овощных объединений в этом и в Ленинском (ныне Рудаки) районах.

Между тем, в республике обострялись и экологические проблемы. Загрязнение и нехватка пресной воды в некоторых хлопководческих районах – другая проблема (хотя Таджикистан занимал второе место в Советском Союзе по количеству водных ресурсов после России) выброс вредных веществ, выход из оборота плодородных земель – пагубно воздействовали на состояние окружающей среды.

Со временем гиссарцы, используя свое влияние и потенциал плодородной долины, стали претендовать на власть и принятие важных решений на государственном уровне. Кстати, в настоящее время их представители тоже находятся у власти в стране.

Понятно, что горная местность не способствует развитию многопрофильного сельского хозяйства. Тем не менее, земельные угодья, вода и климат дают возможность выращивать хорошие урожаи овощей и фруктов и развивать животноводство.

На востоке республики расположена Гармская группа районов – более слабая, аграрная. По этой причине многие

представители Гарма работали в торговле и занимались посредничеством.

Естественный прирост населения в Гарме был едва ли не самым высоким по стране. Здесь особо чтились религиозность, обычаи и традиции, вековые устои предков.

Именно в Гармской группе районов началось строительство крупнейшей в Таджикистане Рогунской ГЭС. К сожалению, в зону затопления попадали населенные пункты и плодородные земли, уникальная флора и фауна высокогорья, что впоследствии серьезно повлияло на степень недовольства жителей этого региона накануне февральских событий.

Географическая обособленность бадахшанцев-исмаилитов несколько отличает их от остальных таджиков. Памирцы говорят на своем горном диалекте, непонятном долинным таджикам. Стоит отметить, что памирцы – самая монолитная часть населения республики, хотя и самая малочисленная. Чувство солидарности и взаимовыручки является основой их традиций. Оно сохраняется у них и сегодня, после того как многие из них оказались в Москве.

В Хатлонской области, помимо таджиков, много переселенцев из других регионов страны, особенно горных районов. В области немало узбеков, кунград, локайцев, катаган, уйгур, туркменов, арабов, русских, немцев, белорусов, украинцев и представителей других национальностей.

Здесь то и дело вспыхивали локальные конфликты, в том числе между таджиками и другими народностями. Кроме того, шла острая номенклатурная борьба, преимущественно между узбеками и гармскими и кулябскими таджиками.

На юге развивалась химическая и нефтеперерабатывающая промышленность, но главным все-таки было – развитие хлопкового комплекса. Половина объема хлопка-сырца, в том числе и ценных тонковолокнистых сортов, производилась именно в этой области.

Гипертрофированное развитие монокультуры хлопка обостряло социальную напряженность. Условия жизни оставались крайне тяжелыми. Демографический рост и нарушение экологического равновесия пагубно влияли на здоровье женщин и детей. Выбросами Вахшского азотно-тукового завода

загрязнялась окружающая среда, на грани уничтожения оказалось уникальное подземное месторождение пресной воды.

Что касается региональных противостояний, они постоянно выплескивались в местнической борьбе и с новой силой дали знать о себе – в продолжительной гражданской войне 1992-1997 годов.

Как это принято, особенно на Востоке, невидимая борьба разворачивалась в кабинетах начальства разного уровня, влияя на судьбы многих людей. В этих условиях руководство регионов стремилось иметь покровителей в Центре и продвигать своих представителей.

С середины 80-х гг. местническая борьба в республике серьезно усилилась. Линия раскола поначалу обозначилась между Севером и Югом.

Хотя Север почти полностью контролировал внешнюю политику, и в КГБ республики набирали не всех, особенно опасаясь «горного пополнения», тем не менее слабость Севера более ощутима.

Накануне февральских событий частичное перераспределение властных полномочий на время устраивало многих. Официальное же расследование февральских событий не представило всех имен и главных организаторов борьбы группировок. Они остались в глубокой тени. И это один из горьких итогов кровавого февраля 1990 года в г. Душанбе. В результате, после страшной, куда более кровавой гражданской войны, к власти пришли в основном представители Кулябского региона.

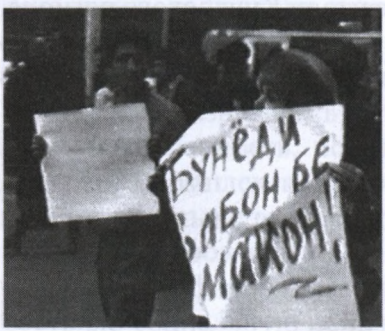
Нельзя не понимать, что это – еще одна мина замедленного действия, таящаяся под весьма тонким слоем относительного спокойствия и равновесия.

Статус Государственного языка

Твердить без веры Божье имя и лгать о Боге –
Нам с лицемерами такими не по дороге.
Ал-Маари

Каххор Махкамов, когда заметил у интеллигенции возрождение вполне естественного интереса к родному языку и культуре и понял, что этот вопрос вполне естественным образом выходит на первый план заявил:

«Совершенно открыто»:
«Народ с древней и богатой историей, давший миру немало великих учёных, мыслителей, поэтов, оказался в таком положении, что даже не имеет приличного музея, хороших театров, современных библиотек и т.д., строительство которых долгие годы просто-напросто запрещалось. Народ стал терять свою культуру, свой язык. Справедливо возмущение людей этим обстоятельством. Многое надо поправить, и чем быстрее, тем лучше».
К.М. Махкамов, бывший Первый Секретарь ЦК Компартии Таджикистана



Фонда «Возрождение языка» без приюта…

При этом нельзя забывать, что именно он, глава республики, на пленуме ЦК Компартии Таджикистана не дал мне говорить на родном языке, что является проявлением его очевидной двуличности и лживости.

Следует признать, что раскол общества в республике начался за 2 года до кровавых февральских событий. Еще в 1988 году творческая интеллигенция

стала серьезно заниматься проблемой защиты таджикского языка. Потом зародилось движение за придание ему статуса государственного языка.

В 1989 году Махкамов был, впрочем, как и многие в партноменклатуре, противником принятия «Закона о языке», ссылаясь на настроения русскоязычных граждан Таджикистана. На самом же деле, принятие Закона явилось серьезным шагом к возрождению страны, в т.ч. национальной культуры и литературы, которого ждали годами и не только в нашей республике. Этого не понимали только наши враги и примазавшиеся к власти функционеры.

«Совершенно серьезно»:

«Что касается придания таджикскому языку статуса государственного, в тот период я выступил против этого, потому что русскоязычных было много, особенно среди специалистов, которые могли бы просто уехать из страны. Ученые настаивали на этом, на что я им отвечал: если русские уйдут, кто будет поднимать промышленность?»

Каххор Махкамов. Душанбе. 2014 г.

Надо было прислушаться к голосу авторитетных людей, таких как выдающиеся писатели Мухаммаджон Шакури, Акбар Турсунов, Лоик Шерали, Мумин Каноат, Шарофиддин Рустамов, Тахири Абдуджабор.

Понимание и осознание этой проблемы интеллигенцией произошло именно после объявления в стране Советов гласности, перестройки и демократизации общества.

«Результаты выборов – в руках бюрократов»; «Персидскому языку – родной алфавит»

Так получилось, что при советской власти, до горбачевской перестройки, в республике не было особой необходимости в изучении таджикского языка, поскольку именно русский язык являлся официальным. Соответственно, для русского человека, проживающего в Таджикистане, знание таджикского языка было не обязательным, так как почти все говорили по-русски. Причем, изучение русского языка в Таджикистане начиналось с детского садика, попадая в который, дети быстро начинали говорить по-русски.

И если таджик, прекрасно говорящий по-русски, был в почете у руководства, то и русский человек, свободно объяснявшийся по-таджикски, пользовался огромным авторитетом, особенно – среди простого народа.

В Центре, в Москве, предпочитали назначать на ответственные должности таджиков, имеющих русских жен или русскоязычных, косвенно стимулируя этот процесс.

Исполнение «Закона о языке» – в первую очередь!

Между тем, интеллигенция и национальная пресса начала требовать защиты таджикского языка. Это привело к разногласиям и усилило противостояние, в результате чего начался все возраставший отток русскоязычного населения из республики. Подобные процессы проходили и в других союзных республиках.

В Москве понимали последствия такого серьезного шага и считали, что, если процесс не остановить, «Закон о языке» станет первым шагом на пути к суверенизации. Поэтому, наверное, одним из противников придания таджикскому языку статуса государственного – оказался именно Председатель КГБ Таджикистана В. Петкель, солидаризируясь в этом с местным руководителем – Каххором Махкамовым.

Наверное, Петкель, как и другие функционеры, считал, что придание таджикскому языку статуса государственного

будет серьезным ударом по советскому интернационализму. И все же, идя навстречу пожеланиям республик (как-никак, на дворе гласность и демократия), в июле 1989 года Центр все же разрешил республикам, в том числе и Таджикистану, принять «Закон о языке», вернее даже, – закрыл на этот процесс глаза.

Конечно, все понимали, что первое время русскоязычному населению будет нелегко, и все же, наконец, решение было принято на законодательном уровне.

Некоторые боялись еще и того, что, согласно закону, таджики перейдут на арабскую вязь и откажутся от кириллицы. Но этого не произошло. Было ясно, что все надо делать поэтапно.

Меня греет мысль, что в то время я организовал курсы по изучению персидского языка и арабской вязи. В здании Госплана после работы многие женщины и молодежь ведомства изучали персидский язык и тонкости алфавита. Не все знают, что до революции на территории нынешнего Таджикистана и некоторых других государств СНГ использовалась персидская вязь.

В эти годы нашлись силы, которые своими действиями дискредитировали идею возрождения родного языка. Появились так называемые «сепаратисты». Был использован вариант дестабилизации обстановки путем столкновения местного населения с русскоязычной частью населения. Потом уже было гораздо проще объявить чрезвычайное положение и ввести войска.

Сторонники жестких мер тогда смогли убедить президента СССР М.С. Горбачева в их необходимости. Одним из них был Борис Пуго. Чуть позже был создан и развернулся во всей красе опереточный ГКЧП. Но времена оказались другие. И схема, сконструированная в Центре, дала сбой в августе 1991 года в Москве.

Первая миграционная волна в республиках совпала с принятием в Таджикистане в 1989 г. Закона «О государственном языке». Закон предусматривал перевод делопроизводства на таджикский язык. Уже в 1989 г., т.е. до начала февральских событий, из других республик Союза убыло 40 тыс. человек.

Февральские события 1990 г. в Душанбе привели к активизации миграционного оттока. В 1990 г. в ближнее зарубежье уже выехало 113,7 тыс. человек, в 1991 г. – 120 тыс. человек.

А с началом гражданской войны этот поток – и вовсе увеличился. В 1992 г. – 225,4 тыс. человек; в 1993 г. – 90 тыс. человек; в 1994 г. – 80 тыс. человек; за 1995 – 1997 гг. – 376,5 тыс. человек; за 1997 – 2000 гг. – 480 тыс. человек. К сожалению, этот процесс продолжается и по сей день, хотя русских в республике уже и почти не осталось.

Известно, что на первоначальном этапе русскоязычное население Таджикистана начало формироваться с конца XIX столетия в связи с созданием в 1886 г. при дворе эмира Музаффара – Российского Императорского политического агентства. Уже тогда многие вопросы, связанные с созданием инфраструктуры, в том числе транспортных коммуникаций, и в первую очередь строительство железной дороги и водных сооружений, требовали создания русских поселений. При этом естественным образом использовались приезжие кадры из России.

Второй этап увеличения числа русскоязычного населения в республике связан с индустриализацией 30 – 70-х годов прошлого века. В создании новых предприятий принимали участие и русские, и русскоязычное население. Большие стройки – Нурекская ГЭС и Таджикский алюминиевый завод, Яванский химкомбинат, Байпазинская ГЭС и многие другие – способствовали приезду специалистов разных национальностей со всех концов Советского Союза.

Замечательно, что в 1996 г. в Душанбе был открыт Российско-таджикский Славянский Университет, и, в соответствии с Указом Президента Республики, была создана комиссия по подготовке государственной Программы совершенствования преподавания и изучения русского языка. Но эти меры оказались недостаточными, чтобы остановить миграцию русских из Таджикистана.

Несмотря на то, что общественные организации: «Русская община», «Славянский союз», «Российские соотечествен-

ники», татаро-башкирский Центр «Дуслык», общество осетинской культуры «Алан» и другие – функционировали, кроме того на русском языке выходили полтора десятка газет, вещала радиостанция «Маяк», российские телевизионные каналы и многое другое, все же отток русскоязычного населения продолжался. Почему? Да потому что развалился наш общий дом.

Русский язык и сегодня, особенно для моего поколения, не теряет своего общекультурного и объединяющего значения. И, конечно, молодежь должна изучать языки народов мира, но русский, по ряду объективных причин, – в первую очередь!

Именно поэтому, несмотря на уменьшение количества русскоязычного населения в республике, значение русского языка сохраняется. Сегодня, когда значительное число таджикских трудовых мигрантов работает в России, это стало еще очевиднее. Кроме того, Таджикистан тесно связан и с другими русскоязычными республиками бывшего Союза, а также некоторыми странами бывшего социалистического лагеря.

Потребность же в русском языке в республиках бывшего Союза, особенно в профессиональных кругах, будет оставаться высокой и еще очень долго, потому что именно благодаря этому языку мы без затруднения общаемся не только с бывшими республиками СССР, но и с некоторыми странами, так называемого, бывшего социалистического лагеря.

В настоящее время в Душанбе есть две русские школы и еще одна школа в военном городке Куляба, функционирует Российско-таджикская гимназия-интернат для одаренных детей, где есть «Центр русского языка» и еще некоторые небольшие организации. В частном дошкольном учреждении при культурном центре «Боргохи Сухан» («Центр Слова») тоже изучают русский язык.

Существует два вуза, где обучают молодежь и выдаются дипломы о высшем образовании российского образца: филиал МГУ в Душанбе и Российско-Таджикский Славянский университет. В вузах, особенно технических, некоторых стран СНГ есть русские группы (например, в Азербайджане, Казахстане и других странах). Тем более, что в советские времена все про-

граммы были едиными. Но все же этого катастрофически мало для поддержания и развития русского языка в республиках. И в связи с этим нам необходимо не только с Россией, но и со всеми русскоязычными республиками всемерно укреплять дружбу.

Разве не спросим мы себя – как же мы можем, вот так, задешево, равнодушно отдать, недальновидно отказаться и от нашей общей истории, и от того, чем дарили друг друга – наши актеры, писатели, кинематографисты, художники, наши культуры? Да и от налаженных экономических и научно-технических связей? Где еще встретим мы по-настоящему братский интерес и желание помочь? Быть вместе – в радости и горе?

Не то ли это, что отказаться от собственной памяти? А ведь личность – это прежде всего – память. Но не манкурты же мы современные? Было же у нас в Советском Союзе то взаимное сочувствие и соучастие, заинтересованность друг в друге, которая, на мой взгляд, является примером и залогом того, на каких основах могло бы существовать и человечество.

Кто знает, какие задачи могло бы оно решить, объединившись в таком, общечеловеческом масштабе? Ведь и история человечества – только-только поднимается с четвереньек. Еще совсем недавно мы приносили своим языческим божествам – человеческие жертвы.

И потом, неужели «молчание этих холодных пространств» – бесконечного безжизненного космоса – не заставит нас относиться теплее к себе подобным?

Быть может, новая, только еще слабо занимающаяся в человеческом сознании, всечеловеческая мировая религия – спасет Землю, разрываемую национальными и религиозными конфликтами. Иначе мы сойдем с ума от тупого однообразия мировых войн и все новых и новых технологических прорывов.

Впрочем, вернемся к нашей теме. Мы продолжаем говорить о преступлении, совершенном над одним, не самым многочисленным, но бесконечно дорогим для меня – таджикским народом.

Ликвидировать Ельцина…

Долго ли нам из-за подлых людей терзаться.
Долго ли с ними в рассказах и мыслях знаться?
Хокирох

Борис Ельцин, Анатолий Собчак, благодаря своей смелости, прямоте и таланту, частым выступлениям по телевидению были у всех на виду. О них говорили, о них писали. Они были узнаваемы и в Таджикистане, куда они тоже приезжали. Но к ним с некоторой прохладцей относились руководители республики. Тогда еще положение Ельцина на политическом Олимпе России было неопределенно...

Сегодня весь мир напуган терактами, экстремизмом и национализмом, которые, кажется, стали неотъемлемой составляющей нашей жизни. Необходимо глубже заглянуть в суть этих явлений. Возможно, у всего этого разноголосого оркестра – один и тот же мрачный дирижер?..

Б.Н. Ельцин и А.А. Собчак

А то, что происходило в Таджикистане, – один из грубейших диссонансов всей этой разрушительной «симфонии», разрывающей слух и мозг?..

Когда в 1988 году в Армении произошло катастрофическое землетрясение, в Таджикистане, как и по всему Союзу, люди начали сдавать кровь и узнавать, как можно усыновить детей, оставшихся без родителей. Множество бригад строителей из всех республик участвовали в восстановительных работах, в т.ч. из моего родного Таджикистана. И вдруг в 1990 г. – армянам, которые искали убежища в нашей республике, было отказано в помощи… Как такое могло случиться?.. Это станет ясно позже.

А пока напомню, что в конце 1989 года Таджикистан посетил опальный Борис Ельцин, тогда еще начальник Госстроя СССР. В средствах массовой информации о нем писали как о стороннике демократии. И вполне оправданно 5 миллионов человек проголосовали за него во время выборов в Верховный Совет СССР.

И вот тогда-то будущего президента России, по утверждению сотрудника таджикского КГБ Ибодова, должны были ликвидировать в Таджикистане. Как говорится, «нет человека – нет проблемы».

Накануне приезда Бориса Ельцина Ибодов получил указание от председателя КГБ Таджикской ССР В. Петкеля сопровождать его до Сангтудинской ГЭС, где его должны были застрелить из снайперской винтовки.

Встреча Б.Н. Ельцина в аэропорту Душанбе

Как утверждал сам чекист, операция проводилась под названием «Беспалый», а Петкель сообщил ему, что это личное поручение председателя КГБ СССР Крючкова. Можно было бы усомниться в искренности чекиста, но сам факт выбора

именно этого офицера не позволяет в этом усомниться. Он был уроженцем Сангтуды (населенный пункт вблизи ГЭС) и хорошо знал местность.

Одним словом, якобы его задачей было довезти Бориса Ельцина до места назначения, а там – в дело вступит снайпер... Но по дороге Ибодов ввел снайпера в заблуждение, а потом отвез Ельцина в другое место. Таким образом, операция сорвалась.

А через месяц-другой Петкель умело подставил Ибодова и отправил за решетку. Вся эта история, конечно же, остается на совести Председателя КГБ Таджикистана Петкеля и его подчиненного – Ибодова…

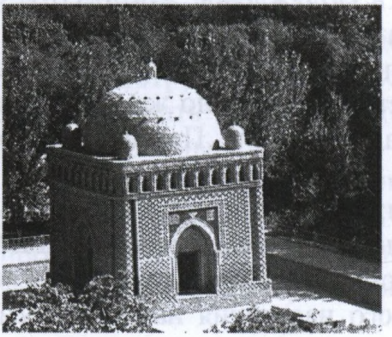
Но главное состоит в другом. Если бы все это оказалось правдой, и план сработал, что было бы с нашей республикой? Что говорили бы тогда о таджикском народе? А те, которые утверждают, что отток русскоязычного населения начался из-за местной, националистически настроенной интеллигенции, должны отдавать себе отчет в том, что серьезные проблемы назрели тогда не только в разных уголках Союза, но и в самом Центре, где происходила нешуточная борьба за власть, убедительным примером чего являлась «ликвидация» Бориса Ельцина. Ведь такие вопросы В. Петкель, Председатель КГБ Таджикистана, не мог решать без приказа из Центра, из КГБ СССР.

Скажу только, что после поражения ГКЧП и ареста В. Крючкова, Ибодова неожиданно оправдали и отпустили на свободу. Что хотите, то и думайте…

Одно мне понятно: так борются за власть. Так пытаются затормозить «огромный, скрипучий поворот руля» (О. Мандельштам). Так, тайно и явно, убирают политических оппонентов. И именно так накапливается незримый отрицательный потенциал между землей и небом, пока, наконец, не грянет Гром Небесный, сметая с поверхности земли полчища честолюбцев, стремящих, в самоуверенности своей, – править миром по своему собственному, донельзя упрощенному представлению. Не могу не привести в этой связи суждение возвышенного, «причастного тайнам» поэта Александра Блока, который все же на редкость трезво смотрел на мировые процессы и предупреждал, что если мы не будем заниматься политикой, то политика – начнет заниматься – нами.

Накануне событий

От родного жестоко мы отделены,
Хоть народ не причем – это сделал не он.
Хокирох



Мавзолей Сомони в Бухаре

Прежде чем перейти к описанию ситуации в Республике накануне февральских событий, хочу дать небольшую историческую справку.

До 1920 года территория нынешнего Таджикистана входила в состав Бухарского эмирата. 14 октября 1924 года в составе соседнего Узбекистана была образована таджикская автономия, а 5 декабря 1929 года Таджикистан получил статус союзной республики в составе СССР.

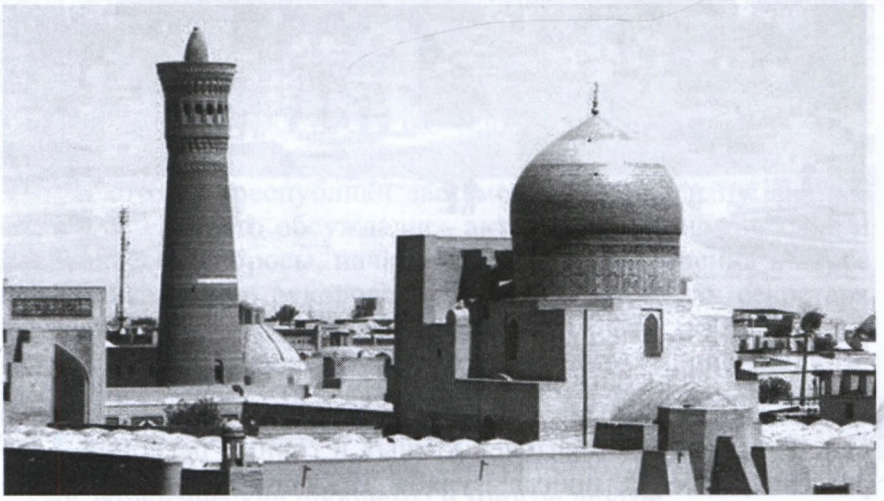
Карта Таджикистана

Однако границы, после так называемого «топорного разделения Сталина», были проведены таким образом, что около миллиона узбеков оказались на территории Таджикской ССР, а почти два миллиона таджиков – в Узбекистане. Напомню, что Таджикистан граничит на северо-западе с Узбекистаном (910 км), на северо-востоке – с Кыргызстаном (630 км), на востоке – с Китаем (430 км) и на юге – с Афганистаном (1030 км).

95% населения Таджикистана – мусульмане-сунниты. Только жители Горно-Бадахшанской автономной области, за исключением некоторых районов, являются последователями исмаилитского течения шиитской ветви ислама.

К сожалению, в результате набегов чужеземцев (греков, арабов, монголов, турок и других), междоусобных войн, раздела сфер влияния между великими державами, особенно в конце XIX века, а также размежевания территории Средней Азии в 20-е годы, таджики были оттеснены с плодородных долин – в предгорные и горные регионы.

Таким образом, Самарканд и Бухара (таджикские города), со всем населением, отошли к Узбекистану, еще часть – вошла в состав Афганистана, в результате многие таджики разбрелись по миру в поисках лучшей доли, а иные – погибли или ассимилировались в чужих странах.



Старый город Бухары

Езжу я в Самарканд, в Бухару на поклон –
Словно в сердце читаю своем, вдохновлен.

Буду вечно молиться у стен крепостных,
Где стеною нам был Исмоил бин Сомон.

Неполна ты, отчизна, без двух городов,
Так скажу, если даже я буду казнен.

Мир политики сложен и тысячелик,
Но служение родине, вот – мой закон!

От родного жестоко мы отделены,
Хоть народ не причем – это сделал не он.

Нас, коль узел злосчастный не сможем рассечь,
Не поймут поколенья грядущих времен.

Хокирох
(Перевод М.Синельникова)

Регистан. Самарканд

Справедливости ради надо отметить, что первые республиканские партийные кадры в Таджикистане формировались в основном из представителей южных и горных регионов – Каратегина, Памира, иногда Куляба. Но в 30-е годы партийно-государственное руководство республики попало под опустошительные сталинские «чистки», и к середине 40-х годов ру-

ководителями партийной и государственной структур стали выходцы из Ленинабада (Севера республики), так называемый «ходжентский клан», отличавшийся завидной взаимовыручкой. Это позволяло им проводить нужную им кадровую политику и занимать руководящие посты, как в Центре, так и в областях и районах республики. В настоящее время юг и север в этом отношении поменялись местами.

Что же касается религиозных кругов, то до революции их авторитет в Таджикистане был очень велик. Но советская власть вела с религией непримиримую войну. В Таджикистане борьба с исламом проводилась с особой жестокостью.

Кланово-территориальное распределение должностей в руководстве республикой и ее экономикой нашло свое отражение в поговорке: «Ленинабад – правит, Памир – охраняет, Куляб – танцует, а Каратегин – торгует»…

Горбачевские «перестройка» и «гласность» предоставили возможность общественным лидерам выступать под самими различными идеологическими и политическими знаменами. На политическую арену вышли новые игроки, в первую очередь, из южных областей республики.

Пользуясь случаем и неожиданно открывшимися возможностями, каждый клан начал напрямую решать свои проблемы. Вполне понятно, что основой для обострения политической борьбы явилось крайнее обнищание населения, особенно в горных и южных районах и возмущение деятельностью властей на всех уровнях управления.

В начале 1990 года, на фоне общего ухудшения экономической ситуации в СССР, резко усилилось и недовольство населения Таджикистана политикой Центра.

В столице республики зашумели митинги и публичные собрания. Открыто обсуждались актуальные экономические и политические вопросы, начали раздаваться обвинения в адрес республиканского руководства и лично первого секретаря Компартии Таджикистана Каххора Махкамова.

Партноменклатуру обвиняли в коррумпированности, злоупотреблениях, в неспособности решить социально-экономические проблемы страны…

Поднимались и вопросы материнства, детства, языка, а также экологические проблемы и многое другое.

Наконец, движение «Растохез» («Возрождение»), по примеру других в разных регионах Союза, выступило за запрещение коммунистической партии Таджикистана.

Одним словом, когда началась горбачевская перестройка, Таджикистан тоже забурлил, и в хорошем, и в плохом смысле. В хорошем, потому что в людях проснулась надежда на новую жизнь. Стали выходить новые газеты, организовывались митинги, шествия и собрания. Плохим же было то, что некоторые, будем называть вещи своими именами, властолюбцы, обиженные и непорядочные люди начали затевать свои грязные игры, предполагая выловить рыбку в мутной воде.

К примеру, в лозунгах митингующих во время февральских событий не было ничего антирусского или антиармянского, вообще какого-то национализма или экстремизма, которые разрушали бы принципы интернационализма и дружбы между народами…

Люди просто хотели узнать правду о выделении квартир беженцам и критиковали Компартию, тем более, что квартирный вопрос на самом деле стоял чрезвычайно остро по всей республике и уж тем более – в таком перенаселенном городе, как Душанбе, где было трудно получить клочок земли под строительство дома. По этой причине людям выделялись «делянки» в предгорьях города Душанбе, да и то не всем и не всегда.

Тогда еще не существовало организованной оппозиции, даже партий не было никаких, кроме КПСС. Правда, появилось движение «Растохез» («Возрождение»), в которое входил свет таджикской интеллигенции – писатели, ученые и студенты, в основном, из Душанбе и близлежащих районов.

В конце февраля 1990 года должны были проходить выборы в парламент, и многие замечательные люди – журналисты, ученые, представители интеллигенции – стали кандидатами в депутаты. И если бы они были тогда избраны, то в Таджикистане, наверное, был бы самый демократичный парламент! Но, увы, нам не дали такого шанса!

Потому что тогда самым главным страхом был – страх потерять власть. Он владел всеми, входившими в руководство страны, как в Центре, так и в республиках.

Ничуть не сомневаюсь, что главной причиной трагических февральских событий был страх правящей партийно-

хозяйственной номенклатуры Таджикистана потерять власть в Душанбе и на местах – в областях и районах.

Накануне февральских событий экономическая реформа, как и политика перестройки в целом, начала пробуксовывать. Общество столкнулось с непредвиденными расходами и потерями. Людям казалось, что подлинные масштабы этого явления остаются незамеченными официальным руководством.

На арену выступили и дельцы «теневой экономики», воспользовавшиеся весьма широко трактуемой свободой.

В любой статистике случаются погрешности, но тогда большая часть расходов и потерь просто скрывалась. Данные о валовом общественном продукте, о произведенном национальном доходе, о производительности труда, в конечном итоге, оказывались весьма искаженными.

Для примера приведем данные о потреблении продуктов питания на душу населения за 1980, 1986 и 1990 гг., которые по продовольственной программе 1990 г. были завышенными и оказались невыполненными.

Потребление продуктов питания (на душу населения в год), кг

Продукты	1980	1986	1990 (по Продовольственной программе)
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо (включая сало и субпродукты в натуре)	57,6	62,4	70
Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко)	314	333	330-340
Яйца, шт.	239	268	260-266
Рыба и рыбопродукты	17,6	18,6	19
Сахар	44,4	44,0	45,5
Растительное масло	8,8	9,8	13,2
Картофель	109	107	110
Овощи и бахчевые	97	102	126-135
Фрукты, ягоды (без переработки на вино)	38	56	66-70
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, крупу, бобовые)	138	132	135

А.Н. Яковлев

В годы перестройки в Таджикистан часто приезжали руководители из Центра. Посетил его в 1987 году и член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев. Его тогда слушали как мудрого наставника и одного из главных идеологов перестройки (кем он и являлся).

Но уже было заметно, что почему-то Каххор Махкамов не терпит бывшего первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана Набиева, и, видимо, вследствие этого Рахмон Набиев, бывший первый секретарь, изгнанный со своего поста, сумел сплотить единомышленников в таджикском парламенте и затем предъявить обвинения Каххору Махкамову, который пришел на его место.

Кстати, Каххора Махкамова, представителя ленинабадской номенклатуры, не все терпели в том же Ходженте. К власти тогда подбирались люди из родовитого клана этой области, в основном, из Ходжента и Канибадама.

Р.Н. Набиев

Многие на севере республики, задолго до назначения на должности, были уже кандидатами на пост руководителей, особенно принадлежавшие к самым древним и влиятельным родам.

Новые правители в Таджикистане, выходцы с севера республики, часто подчеркивали свои корни. Некоторые любили говорить, что они потомки выдающихся правителей. К слову сказать, руководители на Востоке любят намекать на свою

принадлежность к потомкам пророка Магомеда. Оставим на их совести это мелкое человеческое тщеславие.

Правда, несмотря на это, многие из них – то ратуют за повсеместное возрождение религиозных норм, сетуя на пассивность населения, то, наоборот, изо всех сил восстают против ислама. Такая тенденция наблюдается и по сей день.

Во время правления Каххора Махкамова и в дни февральских событий секретарем ЦК по идеологии являлся бывший промышленник – Абдурахман Дадабаев. Отношение к нему со стороны интеллигенции было отрицательное.

П.К. Лучинский

Петру Лучинскому, Второму секретарю ЦК, Таджикистан обязан поддержкой интеллигенции в республике. При этом многие обвиняют его во всех бедах, что абсолютно не соответствует истине. Его стали обвинять сразу после февральских событий 1990 г. в Душанбе. Обвинял его и Первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Каххор Махкамов. Это продолжилось и после того, как он стал президентом Молдовы и даже позже. Но пора всем нам признать, что он сделал много хорошего и для нашей республики, и для Молдовы. Много лет руководил Молдовой и достойно ушел на пенсию, вопреки клеветникам. А по поводу того, что он, как утверждает Махкамов, меня поддерживал, то это не так. И накануне февральских событий, и после я с ним не встречался. Кроме как по делам Межправительственного совета дорожников, когда он через много лет стал Председателем Верховного Совета Молдовы.

Другим, часто обсуждаемым руководителем, является бывший Председатель КГБ Таджикистана. Владимир Петкель – фигура особая. Он прославился после февральских событий

в Душанбе 1990 года. До сих пор в недрах КГБ и новых спецслужб тот митинг называют первым выступлением «фундаменталистов» и обвиняют их во всех грехах. Хотя в фильме «Дни ущербной луны», снятом сразу после кровавых событий февраля 1990 г., хорошо видно, откуда выпущены пули, убившие трех русских, – с третьего этажа здания ЦК (в противовес «рассуждениям» Председателя КГБ – Петкеля).

В.В. Петкель

Есть и другие доказательства и даже фотографии снайперов. К сожалению, КГБ тогда упорно распространял слухи об антирусских выступлениях.

Нет никакого сомнении, что Борис Пуго руководил вводом советских десантников в Душанбе и в то же время теплым голосом произносил по радио успокоительные речи. И если во время событий в Вильнюсе правозащитники подняли большой шум, то Таджикистан был и остался страной, где права человека оказались абсолютно не защищены. И это одна из причин того, почему до сих пор не названы главные виновники кровавых февральских событий.

Средства массовой информации в 1990 г. в республике еще в основном находились под жестким контролем партийных структур, и по этой причине происходящие события преподносились населению под удобным для партийных функционеров углом и однобоко. Но нельзя забывать, что в Таджикистане накануне февральских событий 1990 г. начали выходить несколько независимых газет, некоторые из которых издавались за рубежом, к примеру, газета движения «Растохез».

Правительственные газеты («Садои Мардум» («Голос народа»), «Джумхурият» («Республика»), «Вечерний Душанбе»), литературные журналы («Садои шарк» («Голос Востока»),

«Адабиет ва Санъат» (Литература и Искусство»)) тоже стали время от времени публиковать правдивые статьи и информацию. На их страницах начали появляться серьезные аналитические статьи, которые повергали в шок местный партаппарат.

В Совмине каждый день во время обеда обсуждались наиболее яркие материалы. Многое принималось «в штыки». Местное телевидение, за свою, более чем тридцатилетнюю историю, впервые начало приглашать «вольнодумцев», а на самом деле истинных патриотов страны, на свои передачи, чтобы заявить во всеуслышание о наболевшем. Программы становились все более содержательными и интересными, а телевизионная аудитория – росла день ото дня.

Материалы газеты «Сухан» («Слово»), печатного органа Союза журналистов республики, появление новых газет было результатом объявленной Горбачевым по всей стране гласности.

Журналистское сообщество в новой ситуации начало быстро развиваться, избавляться от привитых советской идеологией штампов и подходов, становясь с каждым днем все более свободным и профессиональным. Поэтому под огонь критики нередко попадали и первые лица республики. Правда, в той ситуации руководители предпочитали в основном отмалчиваться и мстили втихую. А если это было невозможно, старались перетащить ярких журналистов на свою сторону.

Одним из удачных примеров применения подобной тактики стало приглашение на работу в правительство Отахона Латифи, специального корреспондента газеты «Правда» в Таджикистане, автора ряда шумных публикаций, таких как статья «Самая, самая…» и т.д.

Хорошо помню, как его кандидатуру на заседании Верховного Совета республики депутатам неожиданно представил Первый заместитель Председателя Совета Министров Георгий Кошлаков. Тут же вопрос был поставлен на голосование, и он был утвержден на пост Зампреда Совмина Таджикистана.

Тем временем, в республике начали появляться новые соборные мечети для пятничной молитвы. Раньше их было мало, да и те – только в столице, да и областных центрах. При

этом, они находились под пристальным вниманием спецслужб. После перестройки стало возможным строительство и восстановление мечетей повсеместно, почти в каждом городе и больших селениях.

Развязыванию кровавых февральских событий в 1990 г., о которых пойдет речь далее, содействовали многие факторы. Они как бы явились отголоском мощного землетрясения, потрясшего 23 января 1989 г. маленький поселок Шарора в пригороде Душанбе, когда в одночасье гигантский оползень в 4,5 км длиной и 400 м шириной – накрыл четверть поселка и похоронил заживо 274 человека. Тысячи людей остались без крова. Об этом очень много писали тогда не только в местной, но и в центральной прессе.

Шарора. Последствия землетрясения

«Шарора» в переводе с таджикского языка значит – искра. Оказалось, что название этого поселка, обозначившее победу неуправляемой стихии над судьбами людей, стало своеобразной искрой, которая в дальнейшем придала ускорение событиям, обрушившимся на республику в феврале 1990 года.

К сожалению, в силу ряда причин, Таджикистан в то время был экономически слабо развитой республикой СССР, отличавшейся при этом самым большим приростом населения. Засилье сельскохозяйственной монокультуры – хлопка – в условиях малоземелья, когда только 7% территории республики не являются горами, запрет на отвод земли под строительство жилья в ряде сельских районов послужили детонатором будущих социальных потрясений, о чем позже писали и говорили местные средства массовой информации.

Интересы соседних стран и внешние факторы, конечно же, в той или иной степени влияли на социально-политическое состояние республики. Геополитическое же положение Таджикистана определяет характер интересов внешних сил, в основном обусловленных наличием энергоресурсов, огромных месторождений золота, урана и других редкоземельных металлов, а кроме того – пресной воды. Нельзя забывать и того, что Таджикистан играет роль транзитной страны, в которой должны быть обеспечены мир и стабильность. Это важно для безопасной транспортировки энергоносителей и других природных ресурсов в Афганистан, Пакистан, Китай, другие страны Центральной Азии и мира.

Связи России и Республики Таджикистан определяются военно-политическими, экономическими и культурными интересами, как в двустороннем формате, так и в рамках международных договоров. Россия и Республика Таджикистан являются, прежде всего, членами СНГ, ШОС. В свое время Россия обеспечивала защиту таджикско-афганской границы как составной части коллективной охраны южных рубежей СНГ от проникновения международных террористов, радикалов, экстремистов, а также наркотрафика.

Наряду с этим стоит особо отметить, что особую озабоченность России вызывали также идеи воссоздания пантюркистских и панисламских государств – «Великий Туркестан» и «Великий Хорасан».

Интересы соседнего Узбекистана определялись историческими связями, и имелось множество узбекско-таджикских

смешанных браков. В Согдийской области, в Гиссарской долине и Хатлонской области, помимо таджиков, проживают еще и узбеки, говорящие на обоих языках.

Усиление национал-патриотических и исламских движений в Таджикистане рассматривалось его соседом как угроза целостности и безопасности Узбекистана.

И поскольку в Самарканде, Бухаре, и особенно в Ферганской долине, имел и имеет место рост влияния ислама, беспокойство соседей было в какой-то степени оправданно.

В 90-е годы Афганистан находился в разгаре междоусобных войн и все же, по-своему, тоже хотел непосредственно влиять на общую ситуацию в Таджикистане. По территории Афганистана и Таджикистана проходит исторически сложившаяся граница между Средним Востоком и Средней Азией – по рекам Амударья и Пяндж. В Афганистане сегодня, помимо основного населения, живут также таджики и узбеки.

Попытки англичан установить контроль над югом Афганистана, как и попытки России установить контроль над севером Афганистана в 20-х годах прошлого века, не увенчались успехом, в результате чего Афганистан остался своего рода буферной зоной. После введения Советским Союзом в Афганистан «ограниченного контингента войск» – равновесие в регионе было нарушено.

Захотели усилить свое влияние Турция и Иран, даже Пакистан, не говоря уж об Америке. Турция, пропагандируя свой светский имидж – в противовес иранской модели теократического государства, стремилась занять лидирующее положение в Центральной Азии.

Иран также активно налаживал связи с Центральной Азией, особенно с Таджикистаном, обусловленные исторической, языковой и религиозной общностью.

Со своей стороны, Китай, имеющий с Центральной Азией 7 тыс. км совместной границы, не мог равнодушно относится к изменению обстановки в регионе. Он начал постепенно наращивать сотрудничество со странами региона, включая Таджикистан. У Китая кроме того имелись территориальные

претензии к приграничным странам, в т.ч. к Таджикистану, которые, в совокупности с вопросами делимитации и демаркации границ, еще ждали своего разрешения. И впоследствии – Таджикистан и Кыргызстан отдали некоторые свои территории Китаю.

Интерес Индии к Таджикистану был понятен. Вопросы региональной безопасности, внутриафганский конфликт, борьба с распространением наркотиков и радикального ислама – по сей день являются для всего региона серьезной проблемой. В свою очередь Пакистан тоже хотел бы влиять на процессы в Центральной Азии, в т.ч. и в Таджикистане.

Американцы же, благодаря своему мощному финансово-экономическому и техническому потенциалу, наращивали собственное влияние и, в противовес России, пытались противостоять политическому сближению как самих стран внутри региона, так и влиянию других государств.

Таков очень краткий очерк интересов и влияний, которые воздействовали на ситуацию в республике, наряду с факторами внутренними. О чем следует нам помнить, затевая любые, пусть даже и самые прогрессивные, преобразования.

Первый «холодок»…

Вновь интригует Ахриман[2] –
Ты пропади Заххок[3], как змей!
… Засеем эту землю так,
Чтоб только честь росла на ней.
Хокирох

Я, как и всякий человек, люблю свободу. Но все-таки свободу я люблю больше, чем что-либо еще. И, как и все мои близкие, особенно мой дорогой отец, отличавшийся тем, что при любых обстоятельствах говорил исключительно правду, мечтаю об обществе – но не вседозволенности, а по-настоящему свободном – т.е. правовом и цивилизованном.

Некоторые в деревне не любили моего отца именно за эту его неискоренимую и последовательную правдивость. Когда всей семьей мы пытались успокоить разгоряченного правдолюбца, он всегда отвечал нам: «Я – свободный человек и говорю, что думаю!..» Наверное, эту его черту я и унаследовал.

Дом правительства. Душанбе

Успел я поработать и депутатом, и министром, и председателем Госплана, Зампредом Совмина республики и отлично понимал свою ответственность как человека, представляющего интересы государства. Вот почему во время своих выступлений не мог промолчать, когда речь шла о жизненно важных вопросах, особенно, когда дело касалось проблем государственного уровня.

[2, 3] Исторические отрицательные герои.

В начале 1990 г. в Госплане проходило большое совещание, на котором обсуждали социальные вопросы. Каково же было всеобщее удивление, когда я стал говорить так, как будто являюсь не членом правительства, а простым обывателем, который нуждается в социальной защите. Особенно когда я коснулся проблем детства и материнства. Зал – бурно аплодировал, а вот представителям из Центра и республиканского ЦК выступление явно не понравилось. Будучи председателем Госплана, я аргументировано, с цифрами на руках, – рассказывал о количестве больных детей и отдельно об инвалидах и причинах существования этой проблемы. Многое из моего выступления разлетелось по страницам массовых изданий. Именно тогда, впервые за весь период нахождения во власти, я почувствовал идущий от представителей ЦК отрезвляющий холодок…

Говорил же я, в том числе следующее: «Когда я думаю о женщине-матери или о детях, то перед моими глазами сияют горячие лучи солнца Родины. Темнолицые женщины моей страны и босые дети – несмотря ни на что, все еще работают на хлопковых полях. Сравниваю их положение с тем, что я видел в других странах мира, и чувствую, как больно сжимается мое сердце. А когда говорю, мой язык как будто горит, и со всей своей серьезностью я спрашиваю себя: «Где ты, верный сын своей Родины, если твои мать и дети – оказались в таком положении?! Где ты, настоящий руководитель, если женщина, твоя мать, дети твоей страны – оказались без защиты?! Произнося эти слова, ловлю себя на мысли, что не только я как человек, отвечающий за других, но и все мы, мужчины, особенно руководители, как низшего, так и высшего ранга, виновны перед матерями и детьми!..»

Заметив, что я в первую очередь считаю необходимым решать именно социальные проблемы, в ЦК некоторые начали меня побаиваться и коситься на меня, как на чужого и даже – чуждого по духу…

Отныне я вынужден был много и тяжело работать и совсем перестал отдыхать и спать по ночам. Когда наступала ночь, в глубокой тишине, я перебирал множество вариантов развития страны, как это виделось мне – совсем еще молодому руководителю, немного старше тридцати лет.

Иногда мне так и не удавалось заснуть до утра, потому, что все, что не успевал сделать на работе, забирал домой, а порой, не успев хорошенько обдумать и дома, снова уносил с собой. Но я тогда поклялся, что, после такого высокого доверия партии и правительства, должен полностью посвятить жизнь своему народу.

Мало того, что я дал себе эту клятву, но я еще и с родной матерью говорил так, что ей оставалось только соглашаться. Извините, мол, мама, – убеждал я ее, – что мало уделяю вам времени и редко вас навещаю, поскольку не только ваши проблемы, но и проблемы всех матерей республики – лежат теперь на мне… А также и решение многих других, самых разнообразных, задач…

И мама, прощая меня, как бы полушутя, говорила, что я ведь теперь не только ее сын, но и сын своего народа…

Знаю: разлука печалью теснит твое сердце,
Боль и страданье глаза твои, мама, таят.
Я для тебя навсегда – несмышленыш-ребенок.
Ну, отругай меня, если я в чем виноват.

Хокирох

А для меня было важно получить от матери не только разрешение, но и ее благословение на то, что вот, я, ее любимый сын, не навещаю ее так часто, как надо бы, потому что занят государственными делами… В общем – чтобы она простила меня. И только потом, после, навсегда, навеки потеряв ее, – вот когда я стал корить себя, что говорил такое, потому что и одна единственная мама все равно дороже любого, самого важного, сверхгосударственного дела. Потому что ведь это государство существует для человека, а не наоборот, и только так и должно быть в нормальном обществе. И если существует это нормальное государство, то оно должно заниматься в первую очередь проблемами материнства.

В 1990 г. Таджикистан был одной из национальных окраин Советского Союза. Вот почему в 1991 г. руководители республики, не раздумывая, поддержали ГКЧП, не помышляя об иной судьбе для страны. Они просто хотели продолжать жить и

править в Советской Империи, которая по многим показателям, а особенно в том, что касалось дружбы народов и спокойствия в обществе, была далеко не самой плохой страной в мире...

Таджикистан оказался законопослушной, и в то же время – не совсем обычной, республикой Советского Союза. Здесь «перестройку и гласность» восприняли вдохновенно, как насущную потребность, поверив в нее сразу и всерьез, и – немедленно принялись восстанавливать мечети и возвращать в жизнь обычаи и традиции народа, практически, в полном объеме.

Достаточно сказать, что уже в 1989 – 1990 гг. в республике выходило сразу несколько десятков независимых и оппозиционных газет. Это был своеобразный рекорд на фоне других республик, если учитывать, что в ней тогда проживало чуть больше 5,2 миллионов человек. Хотя на начальном этапе первые оппозиционные газеты печатались в Прибалтике, а потом уже, с большими сложностями, переправлялись в Таджикистан.

Перестройка, а точнее – негативные процессы, скрыто или явно сопутствовавшие этому процессу, шаг за шагом подталкивали республику к кровавым февральским событиям. И вот наступило 10 февраля. Это была суббота – день, когда руководители высокого ранга не меньше полудня проводили на работе, ну, а я – так и весь день без остатка. А дальше – грянули 11, 12, 13 и 14 февраля 1990 г., со всем их ужасом и непоправимостью.

Именно в эти дни, которые оказались значимыми и поворотными для республики, местные руководители совершили страшную, непоправимую ошибку – откровенное преступление, разрешив использовать оружие против собственного народа.

Ты, кто о чине, и только, мечтал, –
Ради карьеры народ убивал.
Вырыл народу невинному яму...
Но ведь и сам в эту яму упал.

Хохирох

Кровавый февраль 1990 г.

О, что, февраль, ты сотворил со мной?
Ты вновь во мне, покуда я живой.
Каменья клеветы в меня летели –
Разбито сердце, весь я сам не свой.

Хокирох

В предыдущие дни город Душанбе будоражили слухи, что состоится митинг, и какие-то люди зазывали население принять в нем участие. Как потом выяснилось, непосредственно 9, 10 и 11 февраля добавились слухи о том, что в Душанбе едут армянские беженцы из Сумгаита. Их якобы не принимают Казахстан и Узбекистан, не позволившие пассажирам выходить из вагонов. И, как стало известно потом, некоторые люди говорили, что, поскольку у Председателя Президиума Верховного Совета Таджикской ССР Гоибназара Паллаева жена – армянка, он согласился принять их в Таджикистане.

Митингующий. Душанбе

Конечно же, не это явилось причиной приезда армянских беженцев из Азербайджана.

Не знаю, по какой причине, водителями у меня, у Кахора Махкамова и некоторых других чиновников были армяне. В Госплане руководителем хозяйственной части тоже был армянин. Кстати, у меня со всеми ними были самые хорошие отношения. И в дальнейшем, после февральских событий они продолжали хорошо ко мне относиться.

Я привожу этот факт для того, чтобы на личном примере подтвердить, что слухи об армянских беженцах имели место и

распространялись. Приблизительно 9 или 10 февраля, во время обеда, я подъехал к родственнику на поминки, и вдруг сидящий за достарханом мулла спросил:

– Говорят, что в Душанбе армянским беженцам предоставят квартиры, так ли это?

Я ответил:

– Лично я об этом ничего не знаю. Может быть, мой водитель знает, поскольку он армянин?

Водитель же, который немного знал таджикский, ответил, что ничего об этом не слышал.

И все же вопрос муллы подтверждает, что действительно такие слухи – упорно распространялись. Хотя армянский вопрос не был главным, но оказался дополнительным катализатором недовольства людей, пришедших на митинг.

Шествие «Растохеза»

День 10 февраля. Суббота. Как всегда, во время обеда собрались вместе Председатель, заместители Председателя Совмина и руководство Верховного Совета. Происходило же это по причине того, что все три здания – и Совет Министров, и Госплан, и Верховный Совет – находились рядом, вернее в одном большом, располагающимся под прямым углом, здании, которое существует по сей день. Пожилая женщина, которая работала в тот день и за повариху, и за официантку, проворно обслуживала членов правительства, подавая одному – любимые котлеты, другому – диетическое блюдо, третьему – что-то специфическое, согласно его пожеланиям.

Помню, что в тот день я с несколькими членами правительства был на поминках народного хафиза (певца) Хикмата Ризо, а потом вернулся на работу, занялся документами и письмами и только вечером смог немного побыть со своими детьми.

«Совершенно серьезно»:
В Душанбе перед зданием ЦК Компартии Таджикистана прошел митинг под лозунгом: «Даем двадцать четыре часа сроку на отправку из Душанбе всех армянских беженцев!»

Газета «Труд». 1990. 18 марта.

Пролог. Тохир Абдуджабор выступает у здания ЦК

11 февраля к полудню возле здания Центрального Комитета Компартии Таджикистана собралось около 300 митингующих.

Требования и лозунги митингующих были самыми разнообразными – от уважения к таджикскому языку – до недовольства уровнем жизни и руководством республики, которое отодвигает социально-экономические проблемы на задний план.

Одним из их требований было, чтобы армяне, которым выделили квартиры, были выдворены из республики. Ведь в республике итак не хватало жилья для своих граждан, хотя никакого жилья армянам никто не выделял. Люди же пришли услышать

правду. Руководители обещали сообщить подробности, но с выполнением своих обещаний не торопились. К сожалению, эта задержка еще больше накалила обстановку. Как показало расследование, в ход пошли разные предметы: камни, дубинки, слезоточивый газ, вода…

11 февраля к зданию ЦК КП Таджикистана начали подтягиваться новые и новые митингующие. Вскоре они услышали, что армяне, приехавшие в Душанбе, заявили, что покинут страну, не желая стать причиной возмущения таджикского народа. И действительно поспешно покинули республику.

Первые дни…

Но народ уже был взбудоражен...

Власти не пошли на диалог с населением ни 11 февраля, ни впоследствии. В их распоряжении были телевидение, радио, пресса. Но никто не обратился к населению с разъяснениями и опровержением слухов о якобы распределявшемся среди беженцев жилье.

Уже беспорядки первого дня в Душанбе продемонстрировали, что при угрозе массовых выступлений в республике власть не способна грамотно реагировать и остановить беспорядки.

Важно подчеркнуть, что именно 11 февраля у здания ЦК Компартии Таджикистана участники митинга потребовали от властей объяснений по поводу расселения армянских беженцев.

Преступное бездействие властей привело к тому, что на следующий день на митинг пришло уже несколько тысяч человек. При этом, наряду с антиармянскими выступлениями, зазвучали и лозунги, направленные против тогдашнего главы республики – первого секретаря ЦК Компартии Каххора Махкамова. А в последующие дни – уже против всей «тройки» высших руководителей.

Власти и после этого не приняли никаких мер, чтобы успокоить толпу. Очевидцы тех трагических февральских событий 1990 г. считают, что выступление главы республики могло бы разрядить обстановку. Однако Махкамов испугался и к митингующим не вышел, тем самым спровоцировав эскалацию ситуации в городе.

На самом же деле уже на второй день два самолета ТУ-134 с армянскими беженцами были отправлены в Ереван. Многие просили руководство телевидения показать в «Новостях» возвращение беженцев домой. Если бы это было сделано, то митингующие успокоились бы. Вопреки здравому смыслу, и этого сделано не было.

Ждут руководство...

Митингующие просили: пусть Каххор Махкамов выйдет к народу и объяснит в чем дело? Если б он сказал, что, по закону гостеприимства, раз у армян такая беда, надо им временно помочь, – все бы это правильно поняли! Могли бы, наверное, рассказать об этом в газетах. Но этого не было сделано.

Руководство не просто растерялось. Хуже того – оно испугалось. И этим немедленно воспользовались те, кто давно лелеял свои весьма взрывоопасные планы.

Прошло уже двадцать пять лет, но никто не смог связно и объективно объяснить, кто именно направил простых людей к зданию ЦК КП Таджикистана, чтобы они заявили там о своих проблемах?

Но ясно другое. Началась активная травля людей, которые были недовольны действующей системой. Слепое стремление чиновников к защите собственных интересов, сохранению власти любой ценой, страх перед диалогом с собственным

народом – были основными причинами, заставлявшими людей идти на митинги и демонстрации и в последующие дни.

Что происходило тогда, в самом начале? Если говорить коротко, суть заключается в следующем: по митингующим был открыт огонь, в том числе и снайперами, расположившимися в здании ЦК. Это факт, который никто не смог опровергнуть. Само же здание ЦК было оцеплено бронетехникой и вооруженными подразделениями МВД и КГБ.

Начались поджоги...

Когда стало известно о первых убитых – беспорядки охватили центр столицы. Начались поджоги, пожары, избиения людей.

Сформированный митингующими Временный народный комитет требовал от властей немедленного расследования и наказания виновных в кровопролитии перед зданием ЦК.

Митингующие продолжали все настойчивее добиваться отставки республиканского руководства. В ответ правители по телевидению объявили о введении в Республике чрезвычайного положения.

Впоследствии начала работать Комиссия Верховного Совета Таджикистана по расследованию обстоятельств и причин февральских событий, которая признала указ о введении чрезвычайного положения незаконным, и на самом деле это было сделано для подавления инакомыслящих и недовольных.

Что касается использования военнослужащих в феврале 1990 г., – доказательством может служить их появление у здания ЦК КП Таджикской ССР 12 февраля 1990 г. и затем, с каждым днем, увеличение их численности и вооруженности, что тоже является ярким доказательством того, что руководство страны знало о многом и принимало меры для своей защиты и сохранения конституционного строя.

Фактом остается одно: с 11 по 14 февраля 1990 года в Таджикистане впервые произошли массовые митинги протеста населения против властей. По примерным подсчетам, в них приняло участие в разных местах от 10 до 30 тысяч человек, и два раза – перед зданием ЦК и около Киноконцертного зала – до 50 тысяч человек.

Митингующие на ул. Ленина в Душанбе

Теперь обо всем этом более подробно. Дальнейшее мое документальное повествование покажет, что на самом деле было в эти дни, а именно 12-18 февраля 1990 г. в г. Душанбе, что происходило со мной, с руководством республики и некоторыми членами Временного комитета, а также примкнувшими к ним лицами, как из числа представителей власти, так и другими, имеющими какое-то отношение к развивающимся событиям.

Утро 12 февраля 1990 года. Я, как всегда, работал в своем кабинете – занимался планированием, принимал своих замов в Госплане, а после обеда участвовал в совещании Президиума Верховного Совета республики.

Все началось, приблизительно, в 2 часа 30 минут пополудни. Помнится, во время этого совещания зашел секретарь и попросил Председателя Верховного Совета взять трубку.

– Первый – на линии.

Вернувшись из кабинета, он сообщил, что, по техническим причинам, заседание Президиума Верховного Совета прерывается и все должны срочно прибыть в Центральный Комитет.

Я совершенно не мог себе представить, что такое могло случиться, чтобы прервали заседание Президиума Верховного Совета, а руководство вынуждено было срочно собраться в ЦК?

В это время вошла секретарь и сообщила мне, что толпы народа движутся в сторону ЦК и что тысячи людей уже собрались на площади у здания ЦК, при этом отдельные группы – бесчинствуют.

После всего услышанного я решил созвониться со своими коллегами. Сначала позвонил другому зампреду – Латифи, но тот не ответил. Звонок второму зампреду Совмина тоже не дал результата. Стало ясно, что произошло что-то из ряда вон выходящее, и я тоже поспешил в ЦК.

Милиция работает...

«Совершенно серьезно»:

12 февраля 1990 г., после отказа Махкамова выступить перед собравшимися на площади Ленина манифестантами, солдаты внутренних войск открыли по толпе огонь из автоматов Калашникова. Двадцать шесть человек было убито и более ста ранено. После

этого, несмотря на объявленный в Душанбе комендантский час, в городе развернулись настоящие уличные бои. В Москву было сообщено о том, что толпы людей требуют отставки республиканского руководства и забрасывают камнями здание ЦК. Борис Пуго прибыл в Душанбе, когда таджикские партийные лидеры находились почти в шоковом состоянии и были практически блокированы в своей резиденции.

«Балтийское время», №6(114) от 28.01.1991

В тот день шел дождь со снегом. Кто-то из сотрудников Госплана дал мне зонт, и я быстрым шагом направился в сторону ЦК. По дороге обратил внимание, что народ движется в сторону центра, а когда дошел до центрального универсального магазина – ЦУМ, увидел, что хвост митингующих уже дотянулся до него. Хотел было пройти к зданию ЦК, но митингующие стояли так плотно, что это оказалось невозможным. Тогда я решил обогнуть толпу справа и пройти через Министерство мелиорации и водного хозяйства. Толкнул дверь, но она оказалась запертой. Постучал – мне открыли, но войти – не дали…

Автоматчики в Душанбе. Февраль 1990 г.

Неожиданно кто-то из работников министерства узнал меня и разрешил войти в министерство. И только тогда, когда я уже поднимался в приемную министра, мне объяснили, что проход в ЦК из здания министерства – закрыт.

Я вошел к министру мелиорации. Из окна своего кабинета он внимательно наблюдал за происходящим на площади. Все было видно, как на ладони. С этой минуты я сделался непосредственным очевидцем разворачивающихся событий.

Военные встречают митингующих. Душанбе 1990 г.

Находиться в кабинете министра было уже небезопасно. Туда тоже полетели камни, булыжники, не говоря уже о первом этаже.

На втором – все стекла тоже уже были выбиты. Когда я вышел из кабинета, то увидел, что заместитель министра и другие люди в приемной – смотрят вниз, испуганно наблюдая за происходящим. В это время кто-то крикнул, что на третьем этаже, в столовой, пулей ранена женщина. Вместе со всеми я поднялся на третий этаж и увидел, что пуля под углом пробила стекло. Но там уже никого не было. Тут начали стрелять, и приближаться к окнам стало опасно.

С первого этажа министерства повалил густой черный дым. Там начался пожар. Едва я попробовал выйти на улицу,

как мне объяснили, что идти в сторону ЦК нельзя – по-настоящему опасно.

– Вам бы лучше вернуться в здание.

– Мне нужно вернуться назад.

– Может быть, пойдете в ЦК?

– Я туда и собирался...

Но министр сказал мне, что прохода через здание Минводхоза в ЦК нет.

– Можно попробовать по лесам и – прямо через забор перебраться на другую улицу. Если же сейчас попробовать открыть ворота, то тогда народ хлынет во двор министерства, и уже ни за что нельзя будет ручаться…

Митинг у ЦК Компартии Таджикистана

Трудно было не согласиться. Около лестницы я увидел толпу людей, были там и женщины. Я попросил парня, стоявшего на лесах, над забором, сначала помочь перелезть женщинам. Обстановка была настолько тяжелая, и люди стояли уже так тесно, что он даже ненароком задел какого-то человека, помогавшего людям выбраться на другую улицу.

А в это время министр с замами тушили пожар.

Вместе с другими, я, перебравшись через забор, вернулся в свой кабинет в Госплане и принялся звонить по всем телефо-

нам, от 01 до 04, оповещая все службы, что на площади перед ЦК происходит что-то из ряда вон выходящее.

Но куда я ни звонил, мне всюду отвечали, что они в курсе и на место уже выехали специалисты... Но я все звонил и звонил… И даже несколько успокоился и стал прикидывать, как же это вышло, что в республике могло произойти такое?..

Несметные толпы людей требуют отставки руководства, бесчинствуют, слышна стрельба… И ведь, наверное, все это началось не само же по себе, – а кем-то было втайне подготовлено?.. Потому что еще вчера все было совершенно спокойно, и ничто не предвещало такого стремительного и опасного развития событий. Кто посмел организовать подобное? И кто за этим стоит?.. Все эти головоломные вопросы поглощали мои мысли, но ответа я не находил.

Митинг на ул. Путовского. Душанбе

Таков был первый день, обещавший непредсказуемое развитие опасной ситуации в республике. Вечером, как и многие другие, я был в ЦК, где описал секретарю ЦК и другим

членам правительства все, что видел в министерстве мелиорации, упомянув и про раненую женщину.

Больше всего меня поразило, что в первом ряду митингующих стояло несколько женщин с маленькими детьми. Другие члены правительства тоже неподдельно удивлялись, узнав об этом.

«Все это – неспроста, – думал я. – Толпу кто-то направляет…» По окончании совещания – меня и моего коллегу – зампреда Совмина – Отахона Латифи попросили подготовить обращение к народу от имени ЦК.

– Бури, набросайте текст обращения, для начала – на таджикском языке, а потом мы переведем его на русский и узбекский, – попросили меня Отахон Латифи и Абдурахман Дадабаев – секретарь ЦК республики.

Обращение подготовили совместно с работниками Таджикского телеграфного агентства. Набрали первый вариант на машинке и понесли показать – Каххору Махкамову. Он прочитал текст и высказал несколько дополнительных замечаний и предложений. Обращение назвали: «Удержим Таджикистан над пропастью!».

«Требуем Махкамова!..»

Пока его писали, непрерывно приходила разного рода информация о происходящем в городе. То сообщали, что в каком-то микрорайоне кого-то убили, то – что где-то начался пожар, а где-то – перевернули машину. В общем, не было минуты, чтобы новые тревожные сообщения не поступали бы в ЦК.

Это уже серьезно...

Только к трем часам ночи я вместе с двумя секретарями ЦК поднялся на третий этаж, где в приемной Дадабаева мы попытались немного вздремнуть. К сожалению, храп Вахидова – другого секретаря ЦК – не давал нам такой возможности. Тогда я и Кадреддин Аслонов – перешли в приемную к Первому, а еще через час (было уже, примерно, четыре часа ночи) – первый секретарь Каххор Махкамов распустил нас по домам, потому что в городе наступило относительное затишье, и все начали расходиться.

Меня и Отахона Латифи посадили в «Волгу», чтобы развезти по домам. Впереди, рядом с шофером, сидел человек в военной форме, водитель же был в штатском. Сначала отвезли

Латифи – на улицу Кирова, и военный проводил его до дверей, затем – поехали ко мне. В ту ночь я решил отправиться не домой, а к маме, чтобы немного ее успокоить, ведь все происходящее уже успели показать по телевизору. Тогда я еще не знал, кто был тот военный и какую должность он занимал.

Дневные события всю ночь не давали мне уснуть. Если поначалу мама встревожено расспрашивала меня о том, что происходит в Душанбе, то потом, вплоть до самого утра, – уже я сам спрашивал себя, почему получила пулю простая женщина, и кому пришло в голову применить оружие?..

Разгон митинга у здания ЦК Компартии Таджикистана

В тот же день была ранена Нигматулина, жившая напротив ЦК – по улице Ленина, 91, в квартире 23. В это время, то есть в 15.40, она находилась в своей кухне, на втором этаже. И сразу же после выстрела – скончалась.

Направление пули подтверждало, что выстрел был произведен снайпером, и именно со стороны ЦК. Пуля была выпущена сверху, с высоты, примерно, 6 метров. А это значило,

что кто-то стрелял с третьего этажа ЦК или чуть выше. В тот же день из автомата АКМ-74 был убит некто Матросов. То, что первыми убитыми были не таджики, не могло не наводить на мысль – почему так? Хотя, с другой стороны, пуля, вроде бы, не выбирает. Я тогда уже нисколько не сомневался, что оружие использовалось со стороны ЦК.

К тому же, эти двое – не участвовали в митинге. Нигматулина – находилась у себя дома, а Матросов – просто снимал на камеру происходящее вокруг. Одним словом, до утра я размышлял о том, что происходит в республике и что следует предпринять, чтобы остановить лавину бесчинств?..

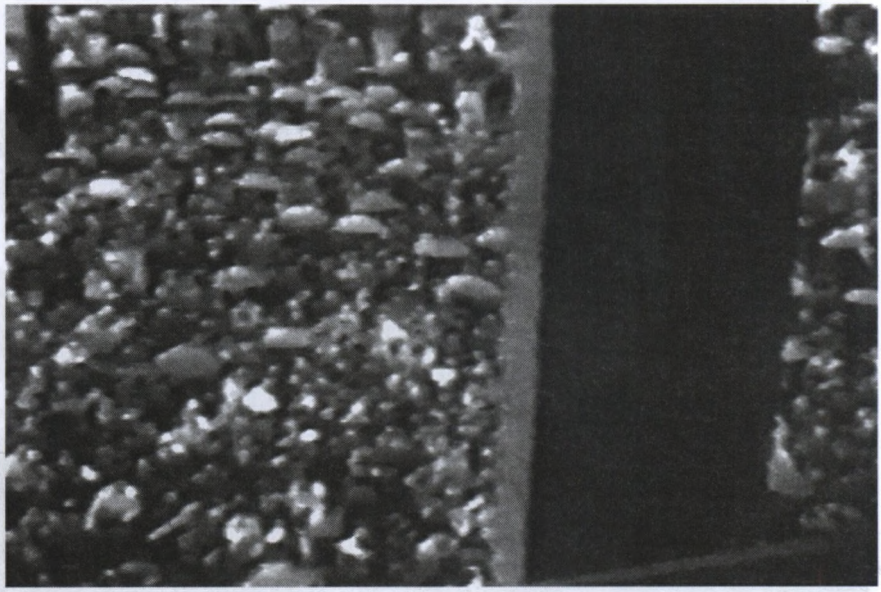
Силовики разгоняют митингующих. Душанбе

Ранним утром 13 февраля 1990 г. я уже просматривал у себя в кабинете документы по работе, когда всех членов Правительства пригласили к Председателю Совмина.

На совещании, посвященном происходящим в городе событиям, он потребовал от членов правительства осознать всю глубину ответственности и добиваться от руководителей низо-

вых организаций принять все меры к тому, чтобы народ не собирался на площади.

Но совещание происходило спонтанно. И Председатель Совмина так и не смог четко объяснить, что же происходит в городе. Да и на вопросы отвечал – путано. Ясно было только одно, что члены правительства должны сидеть на своих рабочих местах и ждать указаний. По этой-то причине я, как и все остальные, весь день не выходил из своего кабинета.



Все ждут выхода Каххора Махкамова

А в городе разворачивалось что-то невероятное и непредсказуемое. То тут, то там, в разных местах – люди собирались и выражали свое недовольство. Иногда демонстрантам удавалось пройти по улицам с лозунгами и криками «Долой правительство!»

А на некоторых улицах были слышны звуки перестрелки. Все это крайне напугало простых горожан, все попрятались по домам и боялись выходить на улицу. Еще вчера оживленный и мирный, город – как будто вымер.

В тот же день я принял решение оставить на работе одних мужчин, а всех женщин – срочно отпустить, поскольку, скорее всего, Дом правительства придется защищать. Был выделен автобус, и женщин развезли по домам. Между тем постоянно поступали сообщения о том, что в городе неспокойно, люди непрерывно митингуют, а их «вожаки» призывают народ идти на площадь у ЦК.

Ни конца, ни края...

В те дни я никак не мог сосредоточиться на своих привычных обязанностях. Обстановка менялась чуть ли не каждую минуту, и заместители обо всем услышанном и увиденном немедленно докладывали Председателю Совмина. Не было сомнения, что такого поворота событий никто просто не ожидал.

Движение общественного транспорта, особенно на центральных улицах, было полностью парализовано. Если на дороге попадался какой-то транспорт, то это были машины МВД или «Скорая помощь». Вместо автомобилей – дороги заполнили митингующие толпы и зеваки. И буквально со всех концов города к зданию ЦК – все шли и шли массы возбужденных людей.

Ряды автоматчиков встречают митингующих

И опять, то тут, то там, – зазвучали отдельные выстрелы, а иногда и звуки перестрелки, достигавшие Дома правительства. «Неужели это опять стреляют по митингующим? – ужаснулся я. – Разве нет других способов предотвратить скопление людей, чтобы не дать им митинговать?..» Я все время задавал себе эти вопросы, потому что вчерашняя кровь стояла у меня перед глазами…

Я четко понимал, что если так пойдет и дальше, то руководители, ради спасения своих кресел, непременно применят

против обезумевшей толпы оружие. Подобные опасения были не только у меня, но и у многих других работников Госплана.

Люди же на самом деле шли только для того, чтобы рассказать руководителям о своих неотложных проблемах, ведь право на это им дала провозглашенная по стране перестройка. И они не догадывались, что могут оказаться жертвами непредвиденного развития событий. Уже двойные кордоны надежно отделяли правительство от народа. И если у ЦК еще шли митинги, то на окраинах – начались погромы и пожары…

Многотысячный митинг на центральной площади у здания ЦК. Душанбе

Чем меньше оставалось людей на улицах города, тем больше – было их на площади перед зданием ЦК. Поначалу работники Министерства внутренних дел и других спецслужб для усмирения митингующих использовали резиновые дубинки и слезоточивый газ. Но скоро стало ясно, что второй кордон будет использовать оружие, которое было выдано спецподразделениям МВД и Комитета госбезопасности.

Мне было абсолютно ясно, что применение оружия не пойдет на пользу делу. Не говоря уже о том, что прольется невинная кровь, это неотвратимо станет толчком к очередному взрыву недовольства людей. А то, что первые погибшие были русскими, наводило на мысль, что, весьма вероятно, это было сделано спецслужбами с согласия руководства, и, возможно, даже намеренно, – для того, чтобы впоследствии как-то обосновать просьбу к Центру о помощи. Руководству легче всего было преподнести все произошедшее как выступление против русских. И как же еще объяснить, что на площади, из тысяч находившихся там таджиков, пули выбрали именно русских?

И все же кровь уже снова пролилась. И кровь немалая. Еще неизвестно было, сколько человек погибло, но по сводкам выходило, что счет идет уже на два десятка, и это все больше молодые люди, митинговавшие на площади у ЦК.

Без разбора...

Теперь требования митингующих звучали гораздо жестче. «Нет – кровопийцам-руководителям!», «Правительство – враг собственного народа!», «В том, что народ вышел на площадь, виновато правительство!» – было написано на транспарантах. Дубинки и пули – приводили митингующих в бешенство. Вместо того, чтобы испугаться и разойтись, – люди поступили прямо противоположно тому, что от них ожидали, – они с необузданной яростью бросились к зданию ЦК.

С каждой минутой ситуация становилась все более зловещей. На площади уже прозвучало не меньше 15 – 20 категорических требований: от довольно мирных – до немедленной отставки всей «тройки»: Первого секретаря, Председателя Совмина и Председателя Верховного Совета (Каххора Махкамова, Изатулло Хаёева и Гоибназара Паллаева).

На площади творилось что-то невообразимое – люди уже перестали понимать друг друга и, практически, не слушали ораторов. Успокоить митингующих теперь было совсем не просто. Руководство вынуждено было объявить чрезвычайное положение, и это еще больше подстегнуло недовольство народа. Хотя другого выхода не было – только комендантский час мог сдержать натиск митингующих и помешать им собираться на площади у ЦК.

Требования митингующих

Возникает вопрос: почему народ собирался именно у ЦК? Ведь, на самом деле, правительство – это Совет Министров, а власть – это Верховный Совет. Но Советская власть была устроена так, что, хотя во всех республиках и существовали

Верховный Совет и правительство, – все проблемы решал ЦК, так что люди отлично понимали, что страной и ими руководит ЦК, и ответы на свои вопросы надо требовать именно там. А ЦК, во главе с Первым секретарем, старался свалить все на правительство и Верховный Совет. Секретарь по идеологии и другие секретари ЦК, не стесняясь, объясняли митингующим, что они зря здесь собираются. Ответы на свои требования они должны получить у правительства и Верховного Совета. Так себя вели и Шабдолов, и Дадабаев, и Вахидов.

В общем, как только им стало сложно отвечать на вопросы митингующих, они начали валить вину на другие ветви власти. Тем не менее, ситуация становилась все жестче, и из первоначальных 15-20 требований оставалось уже только одно – отставка «тройки»: «Отставка! Отставка!! Отставка!!!», «Мы за демократию, гласность и перестройку – против Махкамова, Паллаева и Хаёева!» А на других плакатах – все три фамилии были просто жирно перечеркнуты крест-накрест.

Мнение народа

Основными участниками митингов были молодые люди, хотя, конечно, попадались среди них и женщины, и люди преклонного возраста. Впервые в советской истории таджички принимали участие в митингах, что было отражено на документальных кинопленках, сделанных спецслужбами.

Как показала жизнь, если правда и побеждает, то – с большим опозданием. И если она, рано или поздно, все-таки выходит наружу, но прежде чем это случится, властители, особенно, если это – слепые властолюбцы, добиваются своего, а простому люду не у кого бывает искать справедливости…

После того, как в стране была объявлена перестройка, а вместе с ней – гласность и демократия, митингующие были уверены, что руководство не посмеет применить против них оружие. И они ошибались. Ошибались не только в Таджикистане, но и в других республиках. Ведь на самом деле была возможность без кровопролития, выслушав справедливые требования митингующих, принять меры для стабилизации обстановки.

Но беда заключалась еще и в том, что тогдашние руководители плохо знали язык собственного народа и не умели вести с ним нормальный диалог. На конкретные требования митингующих – отвечали общими, малопонятными для людей фразами. Думая обо всем этом в те дни, я еще даже не предполагал, что ждет меня самого…

Махкамов вышел к народу

Во второй половине того же дня, через несколько часов после моего возвращения в кабинет, раздался звонок. Звонил заместитель руководителя организационного отдела ЦК, который радостно сообщил, что митингующие на площади требуют, чтобы к ним для переговоров вышел именно я. И добавил, что из окна своего кабинета он сам читал эти лозунги: «Мы верим Каримову!», «Пусть выступит Каримов!», «Хотим Каримова – Первым секретарем!» Митингующие требовали, что-

бы я вышел к ним, повторяя, что, поскольку я – сын простого колхозника, то, значит, лучше понимаю их проблемы, и поэтому они будут говорить только со мной. Мне не вполне была понятна радость заместителя руководителя организационного отдела ЦК…

Ищем выход...

И – снова звонок. На этот раз – от министра мелиорации. И с точно таким же сообщением. Вот когда я почувствовал, что полностью переменился, как будто стал совсем другим. На меня разом навалились все эти проблемы с невероятной силой и тяжестью, хотя, сказать по правде, никакого отношения к митингующим, тем более к организаторам этих событий, я не имел. И мучительно пытался понять, почему эти люди на площади требуют именно меня, ведь я же далеко не главный по республике... Если даже, как и другие члены правительства, я – в ответе за происходящее, то все равно же далеко не в той мере, как тройка руководителей, особенно первый секретарь ЦК.

Неужели здесь скрыт какой-то подводный камень? Я, конечно, был наслышан о том, что в стране существуют кланы, и наверху опытные руководители – хорошо знают свое дело… И

даже знал от них самих, что они не совсем понимают друг друга и, мягко говоря, по многим вопросам весьма расходятся во мнениях…

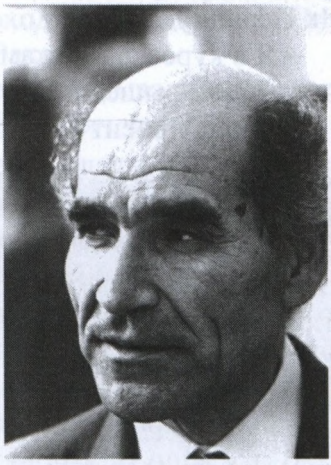
И все же мне приходилось успокаивать себя тем, что народные волнения вызваны происходящими политическими переменами – перестройкой, гласностью и демократизацией, – ведь на этом-то и основывались требования митингующих…

В то время меня часто показывали по телевидению, брали интервью, пропагандировали образ «прораба перестройки», – рассуждал я, – и вот результат: на площади требуют именно меня… Все это заставляло меня быть ответственным вдвойне. Я мучительно решал, что нужно делать для стабилизации обстановки в городе. Видит бог, события, которых я не ожидал, с непостижимой скоростью разворачивались перед моими глазами…

Через полчаса – снова звонок, но уже из самой приемной Первого секретаря.

– Махкамов просит вас приехать к нему, срочно!..

Б.Б. Каримов



К.М. Махкамов

Я положил трубку и невольно задумался. Почувствовал что-то неладное. На душе было смутно и неспокойно. Неожиданно я вспомнил слова пророка Магомеда, что если тебя при-

глашают твои враги, то надо не отказываться, а, напротив, – идти к ним с добрыми намерениями… Тем более, что меня приглашает руководитель Республики. И поэтому, хотя никакого отношения к митингующим я и не имею, но если они просят меня об этом, то это нужно понимать и уважать, тем более, что они мне никакие не враги, а такие же, как я сам, таджики… И, больше уже ни в чем не сомневаясь, сел в машину и поехал в ЦК. Разве я мог не пойти? Что бы обо мне подумали и руководители, и митингующие на площади?

Не успел я добраться к Первому, как уже понял, насколько все серьезно. Прямо возле здания ЦК стояли люди. Многие узнавали меня, кричали друг другу, что я уже здесь, просили выступить, при этом даже хватали за руку и пытались увести на площадь…

Но я сумел пройти к дверям и быстро поднялся к Первому, хотя можно было бы, конечно, сразу свернуть к митингующим.

Поднимаясь на второй этаж, я столкнулся с Председателем Верховного Совета. Поздоровались, и я ему объяснил, что иду к Первому…

– Я в курсе, а Махкамов тебя уже заждался, – прервал он, минуту назад вышедший от Первого, и прибавил – Береги себя! Раз народ просит – надо идти. Хотя, как ты понимаешь, говорить с толпой – дело небезопасное...

Я вошел к Махкамову, тот взволнованно и непрерывно курил. Лицо у него было опухшее, очевидно, из-за бессонной ночи. Таким я его никогда не видел. Теперь в нем не было ничего от когда-то могущественного Первого секретаря ЦК республики. Каххор Махкамов выглядел озабоченным и даже больным, говорил неуверенно.

– Бури, народ ждет тебя. Иди, узнай, чего они хотят…

В эту минуту я понял, что иду выполнять чрезвычайно сложное задание руководства, попавшего в крайне тяжелую ситуацию…

На гребне политических событий

Черный день остался в памяти, как яд.
Группа кукол – интриган, бандит и хват.
Речь их вовсе на родную не похожа,
Ибо пулями с народом говорят.
Хокирох, Душанбе, 1990

Спускаясь к площади, я все думал: о чем говорить и как начать?.. Едва я вышел за двери ЦК, по ушам с новой силой ударил рев толпы: «Каримов – пришел!», «Давайте его сюда!». Несколько человек, подхватив меня под руки, помогли подняться на бронетранспортер.

Мне протянули микрофон, и когда я глянул на площадь, то увидел, что людскому морю – конца не видно...

Меня охватило дикое волненье. Впервые в жизни видел я столько народа, причем народа, который не сидит, не слушает, а, практически, стоя на одном месте, – бушует и ревет...

Часть толпы, стоявшая напротив меня, упиралась в рынок «Баракат». Левый поток – доходил до здания ЦУМа, а правый – заворачивал за чайхану «Рахат».

Это потом уже руководители докладывали, что на площади в то время находилось более 50 тысяч человек…

Митингующие на центральной площади. Душанбе

Я взял себя в руки и начал говорить.

И, конечно же, стихами.

После первой же строки народ на площади – как будто замер. Смысл же того, что я читал, заключался в следующем: «Несмотря на то, что вы – молоды и энергичны, но не надо поддаваться эмоциям, потому что у эмоций – слепые глаза. Бездумно забивая гвоздь, надо знать, что завтра он – обязательно попадет в зубы плоскогубцам»...

«Совершенно серьезно»:

Бури читал стих, а народ, любящий литературу, на площади внимательно его слушал. Бури читал, а митингующие восхваляли его и носили на руках.

К. Абдулло, «Чумхурият», 1991

Прочитав эти строки, я попросил митингующих сесть на землю. И хотя площадь была грязной, и не везде это было возможно сделать, – вся бескрайняя толпа разом села и замолчала, напряженно и внимательно слушая. Потом я стал читать стихи, как мне тогда показалось, не голосом, но – всем своим существом… Я чувствовал это и по своим интонациям, и по сотрясавшему меня тяжелому волнению… Оказалось, что это было самым лучшим в сложившейся тогда обстановке.

«Совершенно серьезно»:

...Митингующие не верили никому, но тем не менее к словам Б. Каримова отнеслись с большим доверием. Потому что уважали и в правительстве и митингующие на площади.

...Митингующие требовали, чтобы Б. Каримов был первым человеком в республике.

Р. Ермухаммедов
«Точикистон» №3, Душанбе, 1990

Когда я прочел рубаи, мне в ответ раздался хор голосов: «Мы умираем за твой язык, это – «забон-булбул» (язык соло-

вья. – Ред.), понятный нам!..» и «Будь с нами!», «Не оставляй нас!»…

В эту минуту я понял, что люди на площади – понимают меня, и они – вовсе не пьяные и не под наркотиками – потому что не осталось ни одного человека, который бы продолжал стоять. Все, как я и просил, сидя, слушали то, что я говорил…

Едва я закончил, люди стащили меня с бронетранспортера и принялись качать, передавая из рук в руки. Чем выше подбрасывали они меня, тем яснее я понимал всю опасность происходящего, и не только по отношению ко мне...

«Совершенно серьезно»:
Он очень молодой, но очень хорошо образован и ответственен. Первый секретарь ЦК и еще несколько человек Бури Каримова уже считали своим будущим конкурентом. Он появился на танке, митингующие его очень хорошо встречали и долго аплодировали...

Х. Насриддинов,
бывший секретарь ЦК Компартии Таджикистана,
министр и депутат, кн. «Таркиш» («Взрыв»).
Душанбе, 1996

Но не людей я боялся, не того, что кто-то из толпы может сделать мне что-то плохое. Я начал уже опасаться своих руководителей – поскольку невольно оказался на гребне политических событий…

Неожиданно для себя, с этого самого момента по желанию митингующих и с подачи Махкамова и других руководителей, я стал политическим оппонентом для руководства страны. Я понимал, что с этой минуты я не могу быть по обе стороны баррикад. Отныне я – только вместе с народом. По своей природе я и был частью народа – сам из бедной семьи, воспитанный в духе справедливости, правды и взаимопонимания, я просто не мог поступить иначе.

В моем лице в те часы некоторые хотели видеть героя нации. Люди тогда так и говорили: это единственный человек,

которого слушает народ. Всем было памятно, что незадолго до этого, когда Первый секретарь ЦК вышел пообщаться с митингующими, он делал это так безграмотно и топорно, что получил галошей по губам…

Недовольные политикой руководства

Просто я всем своим существом понимал, что на площади стоят люди, как воды в пустыне, жаждущие правды, ждущие решительных перемен и пришедшие рассказать, наконец, о своей боли. Разумеется, я не только стихи читал людям, но и говорил всем то, что не могло оставить равнодушным ни одного человека на площади. А начал я с того, что в первую очередь обратился к своим братьям, которые были моложе меня. Потом – к братьям, которые старше меня, и после – ко всем остальным. «Вы же говорите, – продолжал я, – что пришли рассказать о своей боли, чтобы вас выслушали и ответили на ваши вопросы, так давайте не будем поддаваться эмоциям, а в нормальной обстановке начнем слушать и слышать друг друга. Но невозможно сразу выслушать тысячи людей и ответить всем им одновременно – тоже нереально». Поэтому я и предложил тогда создать из уважаемых людей, представителей на-

рода, – группу, которая от имени всех присутствующих поведет переговоры с руководством страны. Кстати, об этом просил и Первый секретарь ЦК – Каххор Махкамов.

Хотя это не всем понравилось, тем не менее, первые ряды митингующих откликнулись на это предложение и через несколько минут передали мне какой-то список с напечатанными фамилиями.

Я сразу понял, что это – заготовка, взял этот листочек, но, как бы, не обращая на него внимания, продолжал настаивать на том, чтобы подавали предложения из толпы.

– Кого включить в группу переговорщиков?

Стоящие рядом настаивали, чтобы я зачитал фамилии людей из поданного списка. Это насторожило меня. Но я так и заявил митингующим, что это заранее изготовленный перечень, и согласился зачитать его, но после каждой фамилии спрашивал, устраивает людей эта кандидатура или нет. Я поступил так, потому что чувствовал огромную ответственность, ведь надо было воспользоваться этим моментом, чтобы правильно подобрать группу уважаемых и авторитетных представителей из числа митингующих для переговоров ради скорейшей стабилизации обстановки.

«Мы ждем перемен!..»

«Совершенно открыто»:

Организовавшее манифестации таджикское народное движение «Растохез» сформировало 13 февраля альтернативный орган власти – Народный Комитет, который возглавил «таджикский Ельцин» – председатель Госплана республики – Бури Каримов.

«Балтийское время», №6(114) от 28.01.1991

К сожалению, в те дни некоторые руководители эмоционально, до хрипоты, доказывали, что на площади были, в основном, наркоманы, пьяные, экстремисты и радикалы. Один из руководителей, споря по этому поводу, спрашивал у меня:

– Вы что, считаете, что там таких людей не было?!

– Я так не считаю, но вы поймите, что, когда обстановка ненормальная, всегда найдутся темные личности, которые поспешат делать свое черное дело. Ведь когда ситуация позволяет криминалу ловить рыбку в мутной воде, почему бы им и не воспользоваться подходящим моментом?.. Неужели вы думаете, что я не понимаю, что человек, бросивший бутылку с зажигательной смесью, после которой начался пожар в здании министерства, не был обыкновенным протестующим?!. Или же те, которые устраивают погромы, – ведь ими, конечно, кто-то руководит. И при этом преследует свои, в том числе и политические, цели. Что ни в коем случае не дает нам права безнаказанно применять оружие против безоружных людей!..

– Интересно будет узнать ваше мнение, как бы вы поступили в данной ситуации?

– А я поступил бы именно так, как поступаю в настоящее время. Надо не бояться выходить и общаться с митингующими. И это должны делать все, а не только первые лица, но также и министры, и другие члены правительства.

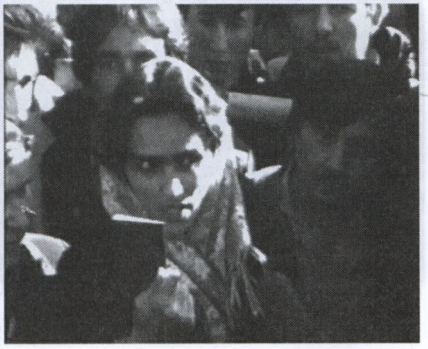
«Совершенно серьезно»:
Лишь благодаря авторитету Бури Каримова, обратившегося к митингующей перед зданием ЦК многотысячной толпе, удалось остановить бесчинства и кровопролитие.
М. Лацман, «Независимая газета», Москва, 1990

Ведь человек живет один раз. Любые, даже самые высокие, цели не стоят и капли человеческой крови. Повторяю еще и еще раз, мы должны сделать все, чтобы больше не гибли люди!

13 февраля 1990 г. Митингующие стали просить, чтобы правительство отпустило митингующих, которые днем раньше

были арестованы и увезены. Я лично передал их требования Каххору Махкамову. Он сам в моем присутствии дал свое согласие, добавив: «если они не замечены в противоправных деяниях». Я, Латифи и представители ЦК поехали к коменданту города Душанбе Навджуванову. В это время в его кабинете находились прокурор республики Михайлин и заместитель Председателя Верховного Совета Усманов. Я передал им просьбу митингующих, добавив и обещание Махкамова отпустить хотя бы часть задержанных, если они не участвовали в погромах и других противоправных действиях.

Почему нет справедливости?..



Заберите свой партбилет!

«Совершенно открыто»:
...Во время расследования выявилось, что они (Б. Каримов и др.) действовали в полном соответствии с Конституцией и соответствующими законами.

О. Латифи,
Заместитель Председателя Совета Министров,
газета «Сухан», Душанбе, 1991

На этот шаг я пошел только ради прекращения бесчинств в городе и стабилизации обстановки. Я прекрасно понимал, что даже если среди этих людей найдутся уголовники и радикалы, то если сейчас их не отпустить, – завтра их сторонники будут крушить все вокруг еще яростней, и обстановка может выйти из-под контроля окончательно.

«Совершенно открыто»:
Собравшиеся люди все как один требовали, чтоб Б. Каримов стал руководителем «Комитета 17». И на самом деле он был единственным, который смог успокоить народ.

Ч. Шоев, руководитель Политического клуба «Ру ба ру», 08.08.1990

Переговоры...

Передав требования митингующих коменданту и прокурору, мы вышли из здания МВД и направились в сторону КГБ. Застав там заместителя председателя КГБ, просили его принять все меры, чтобы стабилизировать обстановку. В те часы я был уверен, что все руководители понимают друг друга, – то есть, что в первую очередь необходимо стабилизировать обстановку. В противном случае волна бесчинств может перекинуться на другие регионы страны. В тот день я сделал все, что было в моих силах, и – далеко за полночь – возвратился домой…

Кто спровоцировал беспорядки? Существуют различные версии на этот счет. Распространение слухов – одно дело, а вот организация беспорядков и погромов – уже совсем другое.

Сами армянские источники сообщали о неких «эмиссарах из Баку», которые специально приезжали в Душанбе и даже в другие среднеазиатские республики, с целью разжигания вражды между армянами и местным населением.

Другая версия: слухи распускали «исламисты», апеллируя к «исламской солидарности», направленной против других: от немусульман – до «неверных», используя идеи крайних радикалов.

Разгон митингующих. Душанбе

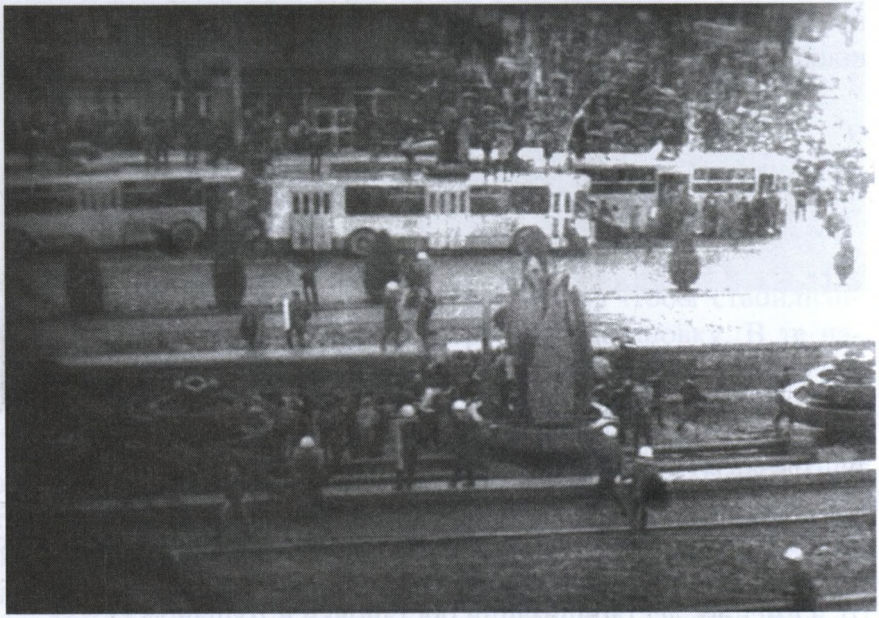
Многие здравомыслящие люди призывали к спокойствию и разуму, выступая против человеконенавистнических лозунгов завзятых провокаторов.

Но кто был главным провокатором, основным организатором распространения слухов, погромов и беспорядков? Как бы то ни было, тайные провокаторы все-таки добились главного, а именно: дестабилизации обстановки в Душанбе.

Натиск митингующих

Горящий факел протеста

Мыслящие люди сразу же опровергли «антиармянский» и «националистический» характер кровавых февральских выступлений. В адрес армянского народа было отправлено много писем и несколько посланий с соболезнованиями. В них было обращено внимание на то, что основным требованием митингующих была отставка руководства республики, причиной чего являлось – бедственное положения населения страны.



«Зачистка» площади. Душанбе. 1990 г.

Многие тогда, да и до сих пор, считают, что погромы и экстремистские призывы были результатом деятельности провокаторов, за которыми стояли партийные и силовые структуры, в т.ч. местные. Это им нужен был предлог для подавления недовольных и митингующих. В сознательном провоцировании беспорядков после февральских событий оппозиция обвинила республиканское руководство во главе с Каххором Махкамовым, в вину которому ставили нежелание вовремя пойти на диалог с митингующими. Именно его – руководителя стра-

ны – бездействие способствовало нагнетанию напряженности в те дни.

До сих пор стороны обвиняют друг друга, не понимая, что вина за случившуюся трагедию, безусловно, лежит на всех. Ведь тогда даже в ряды «Комитета 17-ти» попали неизвестные и непонятные люди, радикалы-исламисты и даже представители спецслужб. Комитет – комитетом, но ситуацию-то разруливали явно другие, которые, не добившись своих целей, потом преспокойно ушли в тень, а ответ за все дальнейшее – пришлось держать другим.

«Совершенно серьезно»:

Во многом благодаря усилиям Бури Каримова удалось избежать крупномасштабного кровопролития... И тогда, и сейчас я считаю, что он стал жертвой «придворных» интриг...

А. Искандаров
– Председатель Верховного Совета Таджикистана (1991-1992 гг.), затем посол в Туркменистане и Казахстане

А.И. Искандаров

В первый день народного волнения силовым структурам не удавалось сдерживать натиск митингующих. И если бы мы не убедили митингующих разойтись, то здание ЦК Компартии, где находился Каххор Махкамов, было бы захвачено за пять минут.

На самом же деле никто такой команды им не дал, потому что никто к этому не стремился. Люди хотели только услышать правду о своей жизни и начать переговоры с правительством. Ведь к тому времени происходящие в разных концах Союза события начали показывать по те-

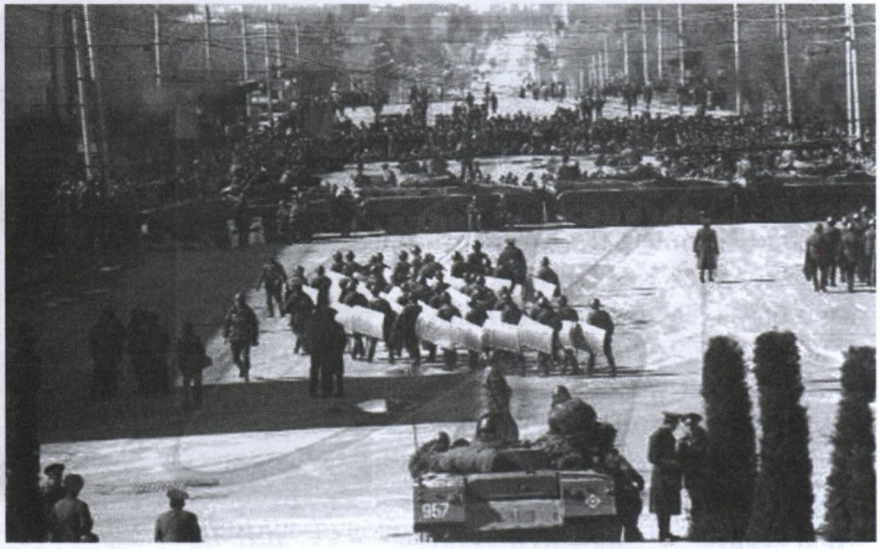
левидению во всех уголках страны. Так было поначалу и у нас в Таджикистане.

«Совершенно открыто»:

...В то время правительство не знало, что делать дальше, оно позволило Бури Каримову вернуться и поспешило успокоить народ, и не в последнюю очередь тем, что дари – его родной язык. «Это особая проблема у этих правителей страны, что они не могут говорить с народом на его родном языке, а если все-таки говорят, то очень плохо. Но если человек не говорит на своем родном языке, он не знает свою культуру». Ему удалось успокоить людей.

Издательский дом CA&CC Press AB
Швеция, 01.04.2007 г.

Вскоре подоспели новые силы, и две шеренги спецслужб со щитами окружили здание ЦК. Особенно же много их было со стороны входа. Но это не мешало все новым и новым митингующим двигаться к площади.



Тройной кордон вокруг здания ЦК. Душанбе. 1990 г.

Это потом сожалели, что часть душанбинской милиции и частей МВД в те дни были переброшены в Баку. В январе 1990 года туда уже были введены войска.

Когда уже вовсю развернулись беспорядки, Каххор Махкамов выступил по телевидению, объявив, что ситуация в городе напряженная, и призвал душанбинцев к самообороне. На следующий день все жители Душанбе попрятались по домам. А спешно созданные дружины защищали людей и жилища. Включились в дело и отряды самообороны.

В это время КГБ и Кремль наблюдали за тем, что получится у оппозиции. Поначалу смотрели, куда качнутся чаши весов, как это часто бывает в большой политике. Одно было ясно, что Центр в это время был занят происходящим не только в Душанбе, но и в других частях Союза. А еще больше – внутренними противоречиями на самом верху. Москва стремилась сохранить Советский Союз в его былом составе. И не хотела видеть, что страна, ставшая одной из мощнейших военных супердержав XX века, неотвратимо распадается.

Под прицелом танка

Спасаются, как могут

Факт остается фактом: уже на второй день февральских событий здание ЦК было оцеплено бронетехникой и вооруженными подразделениями МВД и КГБ. Из Центра перебросили в Душанбе несколько спецподразделений в количестве нескольких тысяч человек, и было применено огнестрельное

оружие. 12 февраля на площади у здания ЦК Компартии республики был открыт огонь по митингующим.

В 1990 году следственный отдел Комитета государственной безопасности Таджикистана под руководством Саиданвара Камолова сообщал последствия некоторых моментов февральских событий:

«Совершенно открыто»:

«В поселке Южный на юге Душанбе был Мулло Абдугаффор, из района Рудаки, был некто Боев и еще другие предводители религиозного толка, которые вели работу в мечетях. Именно они вели пропаганду, чтобы люди вышли на митинги».

Саиданвар Камолов –
Руководитель следственного отдела КГБ
Таджикистана.

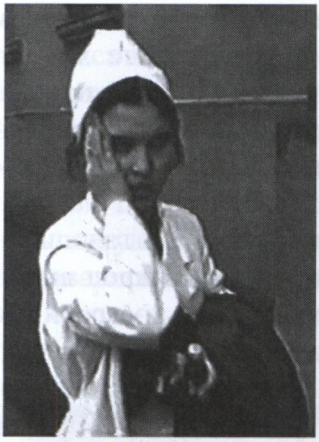
Знаменательно, что февральские события 1990 года произошли, когда Таджикистан стоял перед первыми парламентскими выборами. Набирали силу различные народные движения, поднимался уровень самосознания населения. В то же время силовые структуры советского государства ослабели из-за объявленной перестройки, в преддверии развала страны.

Между тем требования митингующих на площади перед зданием ЦК Компартии и правительства республики Таджикистан начали принимать серьезную политическую окраску.

«Совершенно открыто»:

«Когда была введена Таманская дивизия, после этого в республику прибыл Пуго. Он приехал для того, чтобы оценить и понять обстановку. В его вмешательстве не было необходимости, да и не мог он ничего сделать, поскольку на тот момент уже народ сел за стол переговоров».

Саиданвар Камолов –
Руководитель следственного отдела КГБ
Таджикистана



Какой ужас!

Что вы делаете?..

Со временем акции митингующих переросли в массовые беспорядки. Обещавший выйти к митингующим и дать разъяснения по поводу слухов первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Каххор Махкамов почему-то медлил. Чем он тогда руководствовался, – один Бог знает. В этот же день на площади многотысячная толпа продолжала требовать его отставки.

Противостояние. Душанбе. 1990 г.

Обстановка накалилась до предела, и митинг перерос в неуправляемые массовые беспорядки. Митингующие хотели ворваться не только в здания ЦК и Минводхоза, но уже начали громить магазины. Действиями толпы управляли вполне расчетливые люди, как многим кажется, не только из «мира криминала», но и властных структур.

То, что в Махкамова тогда из толпы полетела галоша, – тоже повлияло на ситуацию, ведь таким образом народ выразил свое недовольство, показал не только свое презрение к власти, но и способность замахнуться на ее незыблемость...

Кази Х.А. Тураджонзода в служебном кабинете

Нельзя скидывать со счетов и то, что многие боялись, что их долгожданное жилье отдадут армянам. В той ситуации глава мусульман Ходжи Акбар Тураджонзода – пришел на помощь Каххору Махкамову. Тогда митингующие удовлетворились его обещанием, что через 24 часа власти и духовенство прояснят ситуацию и доложат о результатах.

К 15 часам того дня народ вновь собрался у здания ЦК. Но первый секретарь ЦК Компартии Каххор Махкамов не вышел к людям в обещанное время. В ответ – произошли первые столк-

новения с милицией, когда несколько тысяч митингующих попытались взять штурмом здание ЦК Компартии Таджикистана. Вооруженные бойцы спецслужб отбросили их с применением оружия. А в течение тех 24 часов, за которые власть обещала прояснить и исправить ситуацию, к Душанбе стягивались все новые и новые силы – в том числе подразделения пограничных войск. В подкрепление к спецподразделениям 201-й мотострелковой дивизии было переброшено подразделение «Альфа».

Силовики – наготове. Душанбе. 1990 г.

Я как действующий тогда член правительства, вместе с большинством свидетелей кровавых событий, уверен, что если бы 12 февраля Секретарь ЦК Компартии Таджикистана Каххор Махкамов вышел к людям и призвал всех к спокойствию, – скорее всего, обстановка бы разрядилась. Тем более, дело не дошло бы до стрельбы по митингующим. Когда же, наконец, он сделал это, было уже поздно. Народ был в ярости. Тогда-то в него и запустили галошей протеста…Такое в Советском Союзе случилось впервые. Это вам не Запад, где отношение к руководителю выражают при помощи гнилых яиц, помидоров и даже тортов…

В это время здание ЦК уже охраняли отряды КГБ, милиции и вооруженные солдаты. Раздались выстрелы. Пролилась кровь. Молодежью, видимо руководили ее «вожаки». И когда толпа всколыхнулась, ее энергию умело направили на создание хаоса. Люди бросились жечь машины, грабить магазины, бить стекла.

Мне было понятно, что многое для нашего руководства было неожиданно, хотя происходящее в других точках Союза должно было их насторожить. Одним словом, руководство рес-

публики не смогло взять ситуацию под свой контроль. Здание ЦК окружили бронетехникой и вооруженными подразделениями МВД и КГБ, а вечером того же дня по телевидению было объявлено о введении чрезвычайного положения в городе.

Задержание

Хотя митингующих встречали ряды милиционеров с дубинками, тем не менее, площадь продолжала наполняться. Митингующие все больше напирали, когда милиционерам дали приказ на разгон. Раздались первые выстрелы в воздух, и толпа побежала под ударами дубинок. Возбужденные грубостью милиции люди начали останавливать на площади и на подступах к ней троллейбусы, укрываться за ними и жечь некоторые из них.

А потом, перегруппировавшись, толпа вновь пошла на штурм здания ЦК. Некоторым удалось ворваться внутрь. И тогда власти пустили в ход оружие.

Митинговавшие были вытеснены из здания ЦК, на крыльце появились спецназовцы в черных масках, которые расстреливали убегавших. Несколько убитых и раненых осталось лежать на площади. Тут толпа бросилась грабить магазины, витрины которых рассыпались от автоматных очередей со стороны ЦК.

Толпы громили на своем пути все подряд: магазины, киоски, транспорт, автобусы и троллейбусы, избивали людей. Среди погромщиков были и жители пригородов Душанбе.

К сожалению, тогда руководство Республики встретило митингующих дубинками и огнем. Только после начала беспорядков, после первой крови власти попросили мусульманское духовенство обратиться к населению.

Танки и мирное население. Душанбе. 1990 г.

Партийные и советские городские деятели, в т.ч. и Каххор Махкамов, обратились через СМИ к душанбинцам с призывом создавать отряды самообороны, поскольку власти не могли уже контролировать ситуацию.

Раненый милиционер. 1990 г. Душанбе

До сих пор не выяснено, кто отдал приказ стрелять в людей и выставить против безоружной толпы спецподразделения союзного и республиканского подчинения.

Нельзя забывать, что, когда 12 февраля в 22.00 по телевидению объявили о введении чрезвычайного положения, уже были убиты несколько человек и десятки ранены.

Комиссия Верховного Совета по расследованию обстоятельств и причин трагических февральских событий позже признала указ о введении чрезвычайного положения, подписанный 12 февраля председателем Верховного Совета, слишком запоздавшим, так как к моменту официального объявления о введении чрезвычайного положения уже имелись человеческие жертвы, и незаконным, поскольку не было кворума при принятии этого решения.

После первой крови центр города забурлил. Погромы, поджоги, беспорядки... Вопрос о беженцах был забыт, появились политические требования. На вопрос, кто дал указание стрелять в безоружных людей, ответа не последовало. Из чего следовал вывод: раз власти молчат, значит, они и дали команду стрелять. Народ требовал немедленной отставки руководства. Были и другие требования экономического и социального плана, в основном, справедливые.

13 февраля 1990 г. в Душанбе прекратил работу городской транспорт, а также междугороднее и железнодорожное сообщения. Студенты и учащиеся перестали посещать институты и школы. Закрылись детские сады и магазины. С перебоями работали телефонная связь и почта. Беспорядки переросли в погромы в некоторых жилых кварталах. Масштабы были не слишком большими, но и этого было достаточно, чтобы русскоязычное население стало осознавать необходимость спешно покинуть Таджикистан.

Они, да и многие местные мирные жители Душанбе, при почти полном отсутствии помощи со стороны властей и правоохранительных органов, спасали себя сами и старались вывозить свои семьи и близких подальше от города.

Те же, кто остался, по призыву Каххора Махкамова, начали создавать отряды самообороны. Некоторые – даже до его призыва. К примеру, в нашем доме было организовано дежурство из числа живущих в доме, в основном молодых мужчин.

В сложившейся ситуации это было естественно. Необходимо было защищать свои семьи и дома. В создавшейся обста-

новке людям приходилось самим охранять от погромщиков как подъезды своих домов, так и улицы и микрорайоны.

Для наведения порядка в столице республики надо было принимать срочные меры. Власть же все силы для подавления недовольства митингующих перебросила в центр. Тысячи военнослужащих Минобороны и МВД со всех концов страны были стянуты в Душанбе.

К вечеру 13 февраля в город уже были введены танки и усилены воинские подразделения, которым удалось остановить беспорядки.

К сожалению, руководители Компартии Таджикистана оказались не способны предпринять своевременные и эффективные меры для удержания власти в стране. И тогда они и обратились за помощью в Центр, в Москву. И Центр принял свои меры.

Военные и БТР-ы. Душанбе. 1990 г.

На самом деле еще до начала кровавых событий в Душанбе – в Нагорном Карабахе уже происходили столкновения на этнической почве. Решение властей в Центре не противоречило никаким законам, тем более гуманитарным.

Из-за беспорядков и погромов в г. Баку несколько армянских семей бежали к своим родственникам, в т.ч. и к живущим в Душанбе.

Для людей, которые хотели дестабилизировать обстановку в республике, это оказалось серьезным поводом к возбуждению народа и выходу на митинги. На самом деле квартиры армянам не выделялись. В связи с тем, что в Душанбе в Советские времена всегда существовала острая проблема – дефицит жилья, очереди были огромные… Это и вызвало негодование митингующих.

Как потом выяснилось, именно 9 февраля в Душанбе распространились слухи о прибытии тысячи армян, готовых занять новые квартиры местных горожан.

Именно эти слухи породили действия, направленные не столько против армян, сколько против «чужаков», нацелившихся на давно ожидаемую квартиру.

Чуть позже по телевидению показывали, что в городе работает комитет армян, который помогает желающим улететь в Ереван или в другие города Советского Союза, но уже дело было сделано. Надо сказать, что на самом деле армян в Таджикистане было не так много, и они жили относительно компактно и дружно, и между ними и таджиками не возникало проблем.

Спустя некоторое время, СМИ опубликовали интервью сотрудника КГБ Таджикистана Абдулло Назарова, который утверждал, что беспорядки были спровоцированы сотрудниками КГБ для дискредитации антикоммунистического движения в Таджикистане. И даже руководитель страны Каххор Махкамов в интервью службе «Би-би-си», говоря о причинах произошедших в Душанбе беспорядков, тоже заявил, что к этим событиям были «причастны и некоторые руководители КГБ – как в Душанбе, так и в Москве», чем наделал много шума. Кто же мог позволить КГБ вести себя подобным образом в столице Таджикистана? Не сам ли Махкамов? Или на самом деле кто-то из Центра? Из КГБ, из Бюро ЦК КПСС?

Одно остается несомненным: в феврале 1990 года силовые структуры превысили свои полномочия, поскольку они не имели право без разрешения руководства использовать огнестрельное оружие и боевую технику.

«Совершенно открыто»:
... По требованию площади (митингующих) и по просьбе и согласию первого секретаря ЦК Таджикистана Каххора Махкамова – председатель Госплана, зампред Совмина Бури Каримов избирается председателем комитета 17.

Анушаи Супарна
Москва, 2005 г.

В центральных СМИ события преподносились однобоко. В печати было опубликовано несколько десятков статей, а на телевидении и радио прошло немало передач, в которых таджиков обвиняли в погромах русского населения. Но, к счастью, ни тогда, ни потом не были предъявлены конкретные данные о погромах и убийствах таджиками русских, причем, не только в Душанбе, но и по всему Таджикистану.

Собираются на митинг

Конечно же, такая лживая информация возмущала интеллигенцию республики. Всем было ясно, что это не соответствует действительности. Что они и написали в своих опровержениях. А вот власти в основном все это «проглотили», особенно в ЦК Компартии и Правительстве Республики. Им важно было сохранить свою власть, а какой ценой, это было

для них даже не только не второстепенным, а – десятистепенным делом.

13 февраля беспорядки охватили и другие районы города. Митингующие стали требовать отставки руководства страны: и ЦК Компартии, и правительства, и Верховного Совета. Вечером 13 февраля в город ввели войска, напряжение немного ослабло. Был объявлен траур по погибшим.

Через несколько дней после начала митингов на улицах города стали появляться бронемашины, что еще больше возмутило и озлобило людей. Когда власти демонстрируют свою силу безоружным людям, это всегда приводит к обострению ситуации. Альтернатива в таких случаях всегда есть, особенно тогда, в феврале 1990 г. Это могли бы быть переговоры, своевременный выход к митингующим. По крайней мере, желание услышать от людей, что привело их на площадь, чего они хотят.

Но руководители основных структур и ЦК медлили и вовремя не вышли к митингующим, поэтому напряжение росло. А когда уже погибли люди, ситуация стала неуправляемой. Все уже забыли об армянах… Начался беспредел...

«Совершенно открыто»:

«Я помню, что тогдашний прокурор Михайлин, сказал, что, с точки зрения действующего законодательства, согласно Уголовному кодексу, он берет на себя всю ответственность и, чтобы снизить напряженность среди митингующих, разрешает использовать оружие, находящееся у них на руках. И в основном, это была та дивизия, которая прибыла из Москвы».

Саиданвар Камолов – руководитель следственной группы КГБ Таджикистана.

Местное население по ночам жгло костры и охраняло свои дома. Были созданы отряды самообороны. Лучшие представители таджикской интеллигенции ходили по домам и убе-

ждали жителей не поддаваться на провокации… Ходили, даже уговаривали – не уезжайте!

Многие участники событий и независимые наблюдатели считали, что февральские события 1990 года в Душанбе были организованы КГБ СССР. Тому есть основания. Надо было затормозить грядущий распад Советского Союза. К примеру, Махмадали Хаит, который много лет является заместителем лидера Партии исламского возрождения Таджикистана, утверждает, что в КГБ СССР и руководстве тогдашнего Таджикистана были очень озабочены зарождающимися в стране демократическими, народными и оппозиционными советскому режиму движениями.

«Совершенно открыто»:
«13 февраля пролили кровь народа. В частности, КГБ и группа «Альфа», которая была введена из России, по приказу ЦК КПСС начали расстреливать людей».
Махмадали Хайит –
участник февральских событий

Протестующие. Душанбе. 1990 г.

После этого начались повальные аресты среди митингующих. Для расследования кровавых событий февраля 1990 года была создана специальная комиссия в Верховном Совете республики.

Многие оценивали и оценивают февральские события как подавление свободолюбивых стремлений народа, желавшего перемен. А вмятины от пуль и снарядов, напоминающие о жертвах тех кровавых дней, по-прежнему не дают успокоиться нормально мыслящим людям.

Всего за несколько дней было убито более 20 человек, и более 500 получили ранения.

Позднее Каххор Махкамов заявил, что к организации беспорядков была причастна оппозиция – «люди, которые стремились к власти». Из его объяснений следовало, что оппозиция хотела дестабилизировать обстановку и для этого якобы даже заручилась «поддержкой высокопоставленных представителей КГБ». Представителями же КГБ высказывалась противоположная версия: «беспорядки были устроены местной властью, пытавшейся таким образом создать повод для подавления оппозиционных движений».

«Совершенно серьезно»:

«Не дав исчерпывающую оценку кровавым событиям 12 февраля, не поймем, что же случилось 13-14 февраля. 12 февраля пролита невинная кровь десятка людей. Вот об этом почему-то В. Пономарев молчит, ибо, согласно данной ему кем-то инструкции, это не входит в его задачу.

А жаль, ибо, рассказав истину о 12 февраля автор, вероятно, вышел бы на вопрос, кому было необходимо и выгодно, чтобы замять трагедию 12 февраля, разыграть чудовищную карту межнациональных трений. Эти непростые вопросы требуют и непростых ответов».

Мирбобо Миррахимов

Одним словом правители указывали на КГБ, а в КГБ решили, что к этому причастны сами власти. Начали ответственность перекладывать друг на друга. Одновременно – начали серьезно искать с первого дня, когда пролилась кровь, «козла отпущения», чтобы свалить всю вину на него. Несмотря на это, после двух дней кровавого февраля, под натиском митингующих, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Каххор Махкамов, затем Председатель Верховного Совета и Председатель министров Республики – подали в отставку.

К вечеру 13 февраля в городе Душанбе уже находились бронетранспортеры, танки и армейские подразделения и около 5000 военнослужащих, а также сотрудники милиции и спецслужб. С их помощью был восстановлен порядок. Помогло и введение комендантского часа.

И все же, кто приказал стрелять?

Кто – кого?.. Душанбе. 1990 г.

В одном из своих интервью бывший Генсек ЦК КПСС Михаил Горбачев сказал, что стрельба в демонстрантов у зда-

ния ЦК в Душанбе не могла быть стихийной, необходим был приказ высокопоставленного чиновника. И фамилию человека, отдавшего приказ, можно найти в архиве. Очевидцы тех событий уверены: приказ об открытии огня был отдан руководством республики по согласованию с Кремлем. За февральские события несут также ответственность и генералы бывшего КГБ СССР.

Д.Т. Язов

Руководитель группы сотрудников КГБ и Генпрокуратуры, которая занималась расследованием февральских событий, Солиджон Джураев намекал на причастность к этим кровавым февральским событиям бывшего Председателя КГБ СССР Н. Крючкова и экс-председателя КГБ Таджикистана Петкеля. Ведь без их приказа и просьбы руководителей Таджикистана в Душанбе не могли быть направлены около тысячи бойцов группы «Альфа» и другие войсковые подразделения, которыми командовали генералы Галаватов и Воротников. Для того времени, с учетом использования местных силовых структур, это была огромная сила.

В.А. Крючков

Поводом для отправки дополнительного контингента российских войск в феврале 1990 года, как сказал бывший министр обороны СССР Дмитрий Язов, являлось то, что демонстранты якобы нападали на военные объекты 201 дивизии, дислоцированной в Душанбе. Другой причиной была необходимость за-

щиты офицеров и их семей, что было, на первый взгляд, вполне убедительно. Убедительно для населения Советского Союза, но не для Таджикистана, тем более жителей Душанбе, которые тогда не могли даже помышлять об этом. Митингующие требовали справедливости, требовали улучшения своей жизни. Хотели элементарных условий: жилье, работа, зарплата…

А между тем митингующие вовсе не нападали ни на военные объекты, ни на офицеров и их семьи. Это была большая ложь из уст Министра обороны СССР для обоснования ввода войск в Душанбе.

Несомненно, вина за кровопролитие в февральские дни трагического 1990 года лежит и на КГБ СССР. Именно представители этой структуры спровоцировали разжигание конфликта. Затем начали очернять таджикский народ, подавив революционные настроения недопустимыми методами. Убивали молодых парней, сеяли страх и ненависть, губили пробуждающееся национальное самосознание. История хорошо помнит пагубные последствия многих революций. Но нигде руководители страны не вели себя так безответственно и бездумно, как в Таджикистане. Дальнейшая продолжительная гражданская война – тому яркое подтверждение.

14 февраля 1990 г. В ночь с 13 на 14 февраля руководство решило созвать пленум ЦК. Представители ЦК и Председатель Верховного Совета попросили меня рано утром быть в ЦК. И утром 14 февраля я уже стоял на лестнице у входа в здание ЦК. Вскоре я встретился с Долгушиным – представителем ЦК КПСС, срочно направленным в республику. Его сопровождал Председатель Верховного Совета Таджикистана – Гоибназар Паллаев. Вскоре появился Зампредседателя Совета Министров Отахон Латифи. Они объяснили, что принято решение, чтобы я выступил по телевидению и успокоил народ, поэтому они просят меня поехать в Гостелерадио.

– А как же пленум? – удивился я.

– Пленум начнется позже, – объяснили они, – сейчас главное – успокоить митингующих. Народ собирается митинговать и дальше.

Паллаев распорядился отвезти меня, а я не мог скрыть своего удивления:

– Вы считаете, что я должен поехать туда один – без вас?

– Просто у вас это хорошо получается, вы пользуетесь у населения огромным авторитетом, вот поэтому-то мы к вам и обратились.

И все же я уговорил их поехать вместе. Поскольку понимал, что это выступление руководители могут в будущем повернуть против меня же, даже отказаться от своих же слов, что это именно их инициатива и предложение.

Утром город был совершенно безлюдным. Общественный транспорт не работал, людей на улицах практически не было. Да и на телевидении нас, как оказалось, никто не ждал.

Через некоторое время нашли председателя Гостелерадио – Джураева. Но и он никак не мог организовать работу своих сотрудников. Мало того, что мы прибыли на телевидение слишком рано – там начинали работать с 10, – так еще и обстановка была далекой от нормальной. Транспорт в городе работал плохо, так что сотрудники Гостелерадио просто не смогли добраться до работы вовремя.

Это помогло мне сосредоточиться на своем выступлении, и я даже вчерне набросал текст. Заметив, что я готовлюсь к эфиру, Долгушин предложил:

– Давайте попробуем сначала выступить на радио, пока подойдут остальные телевизионщики.

– Тоже правильно, – поддержал его Председатель Верховного Совета Паллаев.

Я согласился, и мы поехали в Дом радио. Там, действительно, довольно быстро подготовились к передаче.

Меня попросили сесть в центре, справа – сел Паллаев, слева – Латифи, а по бокам – две дикторши. Они и начали передачу.

Сначала наше выступление передали в эфир, а потом мое выступление-обращение – повторяли и повторяли в течение всего дня…

Несмотря на комендантский час, народ продолжал стекаться к площади. Лозунги у людей были те же, но, поняв, что их обвиняют в антирусских настроениях, митингующие к прежним – добавили новые: «Таджики и русские – братья!», «Мы все вместе против предателей – Махкамова, Паллаева и Хаёева!»…

Между тем руководство готовилось к проведению пленума ЦК. К этому времени многие из митингующих и лидеры образовавшихся новых движений: «Растохез», «Ру ба ру» и «Комитета 17-ти» – поняли, что руководители могут пойти на очередную провокацию и вновь применят оружие против мирных жителей. Поэтому они и значительная часть интеллигенции ездили по городу, выступая на митингах, успокаивая людей и объясняя, что если они собираются на демонстрации, то все должно проходить без правонарушений, чтобы не спровоцировать нового кровопролития. И таких людей, всеми силами стремившихся стабилизировать обстановку, было не так уж мало.

Народ и армия – едины. Душанбе. 1990 г.

Что касается военных, то они и командующий гарнизоном города Сеньшов, – с преувеличенным рвением докладывали Махкамову ложную информацию, будто бы простой народ

уже вооружается и очень многие уже обзавелись рациями и гранатами. Все это я слышал собственными ушами и изо всех сил старался успокоить руководство республики. Убеждал, что хотя обстановка, действительно, неспокойная, но следует учитывать, что у простых людей при себе никакого оружия нет. Предпринимайте, что хотите, только не стреляйте. Я нисколько не сомневался, что у митингующих на самом деле оружия не было. Что потом и подтвердило специальное расследование комиссии Верховного Совета Республики...

«Совершенно открыто»:

Этот митинг, завершившийся кровопролитием и гибелью невинных людей, открыл глаза на многие имеющиеся серьезные недостатки и воздвиг большую стену непонимания и отчужденности между руководством страны и народом.

До многих дошло, что руководство республики предпочитает разговаривать со своим народом «языком силы».

Одной из жертв тогдашнего митинга стал самый молодой и наиболее перспективный руководитель государственного масштаба Б. Каримов. Он занимал пост Председателя Госплана – заместителя председателя Кабинета министров республики.

А.И. Искандаров,
бывший Председатель Верховного Совета
Таджикистана, посол Таджикистана в Казахстане.
Кн. «Родники дружбы»
Записки посла. «Международные отношения».
Москва, 2000г.

Каждый в эти дни предпринимал то, что считал нужным. Кто-то – действовал от чистого сердца, а кто-то – как некоторые руководители самого разного уровня, пытавшиеся продемонстрировать Первому свою лакейскую преданность, – в преувеличенном виде подавали негативную информацию…

Это заставляло меня не только информировать руководство о реальной обстановке по городу, но и просить руково-

дителей силовых структур, и в особенности Сеньшова, чтобы они, не сгущая красок, без лишних эмоций предоставляли правдивую информацию членам пленума – первым лицам республики…

Ситуация требовала ответа на главный вопрос: кто дал команду стрелять боевыми патронами по мирным жителям?

От ясного ответа на этот вопрос зависело очень многое, ведь требования митингующих ужесточились именно после пролитой крови. Сложившаяся ситуация еще больше подхлестнула недовольство народа.

Напряженная обстановка еще больше способствовала тому, что все грознее и грознее звучал и делался все более оглушительным гул голосов митингующих, доносившийся с площадей. Люди требовали отставки руководства республики.

Сила народная

Если поначалу требовали отставки только Махкамова, то теперь уже – отставки всех троих. И если раньше транспарантов было мало, то теперь число их стремительно росло. Некоторые еще были написаны от руки, но теперь уже многие явно было заготовлены заранее…

Паллаев, Латифи, Долгушин и я – вернулись из Дома радио в здание ЦК.

Письма Председателю «Комитета – 17»

Человек благородный везде отщепенец
Для своих соплеменников и соплеменниц, –
Рассыпается пеплом сгоревшая младость,
И чертоги средь звёзд человеку не в радость.
Ал-Маари

К счастью, в те тяжелые дни я получал много писем, которые помогали мне выстоять, ведь они, в окружавшей меня атмосфере всеобщей безнравственности и двурушничества, возвращали мне устойчивое ощущение собственной правоты. От всего сердца благодарю сегодня тех, кто поддерживал меня.

Конечно же, тогда я получал не только письма, но и множество звонков. Люди хотели каким-то образом увидеть меня, попасть ко мне в кабинет, придти ко мне домой, чтобы дать совет. Как я понимал, среди них были и «засланные казачки». В силу сложившихся обстоятельств и невероятно сложной ситуации в городе, я поздно приходил домой и очень рано уходил на работу, тем не менее, старался прислушаться к мнению людей. Если же не мог отвечать на телефонные звонки, то это за меня делал один из моих заместителей по Госплану – Самадов.

Все пожелания и советы тогда, как мне казалось, были доброжелательными и направленными на стабилизацию обстановки, поэтому от всего сердца благодарю сегодня всех тех, кто поддерживал меня.

Итак, вот несколько таких писем, проливающих свет на фактическую ситуацию в дни февральских событий.

«Совершенно открыто»:

«Здравствуйте, Бури Каримов!

Я извиняюсь, что отчество Ваше не знаю.

Информация, поступавшая на страницы центральной прессы, была однобокой, сразу пишу Вам о наболевшем. Из очередных номеров газет «Труд» и «Московские

новости» я все узнал и поразился Вашему мужеству – возглавить «Народный Комитет».

В условиях, когда инерция большой массы республиканского руководства сильна застоем, и вот так выйти в народ – это очень много значит. И еще удивило, что вам всего 33 года.

Действительно, только молодость позволяет действовать решительно и хорошо, когда она сочетается с такими качествами, как способность анализировать не только экономико-хозяйственную ситуацию, но и общественно-политическую.

Жаль, что произошла трагедия, есть жертвы, пострадавшие, но события заставляют думать – и думающих, и бездействующих.

На мой взгляд, на XVII пленуме ЦК обвинения против Вас выдвинули – бездействующие, но думающие. Народ, к какой бы ступени цивилизации он ни принадлежал, поймет, где начинается экстремизм (народ, при достаточно развитых демократических формах, сметает его в короткие сроки, но результат прорвавшегося экстремизма – трагичен). К сожалению, в республике, при наличии 117 тыс. безработных, демократические свободы зажаты в тиски партийно-командной системой руководства республики, да и в целом по стране.

Мы были с семьей летом в Душанбе, проводили отпуск. В это время шли бурные дебаты о придании таджикскому языку статуса государственного.

Шаг очень нужный. Я сам таджик (но пишу на русском языке, т.к., не дай Бог, думающие будут думать черт знает что). Но на фоне политико-экономической ситуации в республике, когда неразвитость промышленности отразилась на содержимом магазинных полок, и без того ухудшив положение народа, когда бедные стали еще беднее, а, с трудом перебивающиеся день ото дня семьи, особенно многодетные, стали нищими, оно могло бы стало причиной, которая явилась бы яблоком раздора между таджиками и людьми других национальностей.

Не были организованы публичные выступления руководства республики перед народом.

Больно было видеть, что между вчерашними друзьями теперь пролегла глубокая трещина взаимного непонимания.

Но февральские события показали и другую сторону характера таджикского народа. Были созданы многочисленные отряды самообороны, в рядах которых, независимо от национальности, люди, сплоченные общей бедой, защищали свои дома, семьи, достоинство. Все это говорит о том, что наш народ не растерял своих духовных ценностей.

Но все это внеочередной пленум ЦК, думаю, во внимание не принимал, а искал в критический момент виноватых. Не стыдно ли им после этого называть себя выразителями интересов народа? Хочется спросить хоть одного из членов ЦК, участвовали ли они в отрядах самообороны? Или их участие ограничивалось тем, чтобы в четверг, вместе с остальными ответственными работниками, прийти и получить спецпаек, и тем самым отметиться о проделанной работе.

Ну, Вы все это итак лучше меня знаете. А у меня взгляд со стороны, но не стороннего наблюдателя, а такого же – вместе со своим народом переживающего происходящие события.

Хочется говорить до бесконечности, и, возможно, так же захочет высказать свое мнение и каждый житель республики.

Конечно, в руководстве есть люди, которые не утратили своего достоинства. Как хочется, чтобы именно такие люди возглавили руководство республикой. От этого не только республика, но и держава станет крепче.

Я объездил весь Таджикистан, побывал во всех республиках и жизнь не только повидал, но и хлебнул, и простых людей, и руководство – знаю не понаслышке.

Рос и воспитывался в Кумсангирском детском доме. Но сейчас его нет, и этот район Вы знаете. Руково-

дящие лица застойного периода старались держать детей-сирот подальше от глаз.

Но я думаю, что любовь к жизни, любовь к людям дети-сироты ощущают так же остро, или даже еще острее, как и думающие люди, ощущают они и вопиющую несправедливость. Не знаю, но мне хочется приоткрыть, точнее, открыть перед Вами свою душу. Не знаю, как мне это удалось. Всего не напишешь, но поверьте – я с такими людьми, как Вы.

Очень хочется, чтобы письмо дошло до Вас, и Вы поняли, что таких людей, думающих о республике и демократии, немало.

Я хорошо понимаю, что экономика республики пребывает в стагнации, низок уровень образования населения, экономика, в основном, ориентирована на поставку сырья на союзный уровень, слабо развито производство товаров народного потребления, в т.ч. и продовольствия, социальной сферы. Все это добавляет ситуации остроту, круче закручивает не разрешенные пока проблемы. В этот час важно страдать вместе с народом и определить ориентиры перспективного развития, т.к. в действительности народ устал от говорильни, а авторитет партии низок. Если бы сейчас провести голосование о доверии к партии, хорошо, если половина поддержит ее. Нужны решительные перемены. Нельзя сидеть, сложа руки, и ждать указаний из Москвы. Ведь если Государственный план, экономическая, политическая и другие реформы обсуждаются в Верховном Совете страны, значит, наконец, руководители повернулись к человеку. Но, видимо, участники внеочередного пленума ЦК республики ждут еще указаний от ООН или какой-нибудь другой организации? Хватит ждать!

Знайте одно: если нужны мои руки, умение, знания, я готов их целиком отдать народу. Раньше смущало то, что я – такой же, как и тысячи других обездоленных, без жилья, без семьи и без какой-либо надежды на будущее. Я хочу именно такого, ощутимого, конкретного

труда, от которого жизнь людей становилась бы все лучше и лучше, и не на бумаге, а на деле.

Я готов посвятить жизнь борьбе именно за такую жизнь, справедливую для всех, независимо от должности. И пусть как можно больше на руководящих должностях работают беспартийные, раболепство к хорошей жизни не приводит.

Вот мое мнение как таджика, и думаю, если в каждой области, крае, республике лидерами будут настоящие, думающие о людях руководители, Союз будет крепким.

А моя оценка пленума такова: это не решение для выхода из кризисной ситуации, т.к. танками и армией ее не разрулишь. А участники пленума думали о своих местах, удастся ли им усидеть в своих креслах. Вот они и ищут козла отпущения, стремясь защитить свои должности и привилегии.

На этом заканчиваю. Если смогу быть полезным – всегда рад буду помочь, и не на словах, а на деле.

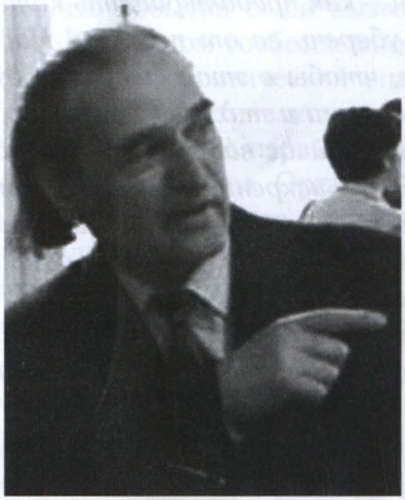
С уважением,
Ниязов Нарзулло Нуруллаевич»

Памятно мне и письмо человека, прямо участвовавшего в событиях и посчитавшего необходимым сперва встать рядом со мной и, как он тогда сказал, помочь мне в эти тяжелые дни, обрушившиеся на наши плечи.

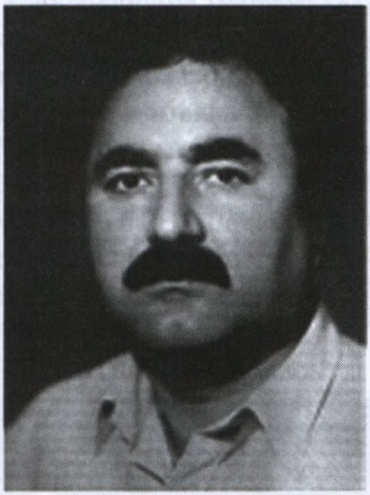
В дальнейшем, к сожалению, он выбрал другую позицию, сидя уже по другую сторону, рядом со Вторым секретарем ЦК, экзаменуя и допрашивая меня, забыв о том, что в данном случае необходимо было быть вместе и работать далее над стабилизацией обстановки. Как мне кажется, он был в это время уже другим человеком, который чего-то побаивался, или же руководство ЦК уговорило его стать против меня. Его, видимо, напугал тот факт, что он пригласил несколько человек ко мне в кабинет в те февральские дни. Хотя в этом ничего противозаконного не было, тем более в сложившейся обстановке. Он, как и другие, не понимал, что, поступая так, руководство

шаг за шагом всех затягивало в болото запланированных «обвинений».

И чтобы читателю стал ясен первоначальный его порыв, привожу здесь его письмо – полностью, без каких-либо изменений.



Н. Табаров



Б.Б. Каримов

«Совершенно секретно»:

«Уважаемый Б.Б.!

Причина сбора: устное решение сторон во время переговоров относительно передачи полномочий Пред. Совмина (после вопроса Хаёева!) и согласование вопроса через Указ. Кто-то предложил, чтобы его обязанности временного в законном порядке передавались председателю Временного народного комитета.

Это и было главным поводом Вашего приглашения к себе.

Далее: Я сразу предложил представителя ЦК, Совмина и ПВС (Президиума Верховного Совета). Так? Неважно, кто они и как теперь себя ведут. Главное – они из тех инстанций, которые являются авторитетом для Вр. комитета, т.е. полное отсутствие какого-либо

желания решить этот вопрос самостоятельно, ориентируясь на какие-то неведомые силы.

То, что все это происходило несколько фарсообразно, – это ясно. Мы с Вами вышли из глубокого душевного кризиса совместно с руководством, в котором главным вопросом был один – как предотвратить катастрофу в республике, как уберечь ее от пожара. Надо быть последним человеком, чтобы в этой ситуации думать о том, как стать у власти и т.д. Я уверен, что в мыслях этого у Вас не было. Сейчас важно убедить общественность в нашей с Вами искренности. А то, что выдвинули члены вр. совета (комитета) (М. Миррахимов), – это их дело. Помните, я категорически был против включения своего имени?

Но и проекта не было, по-моему, его обещали подготовить т. Нурулло Хувайдуллоев и Усман Ганиевич Усманов.

Ситуацию, ситуацию вспомните: мы были в трансе, в страхе, и вдруг облегчение – надо, значит, дальше, чтобы было еще легче – всем, всем, всем!

В случае чего (скажем, если не поверят) надо передать любому другому из состава членов Временного комитета, ибо я не хочу, чтобы из-за этой мелочи Вы пострадали.

Я хочу выразить и сожаление, и уверенность в Вашей мудрости.

Н. Табаров

Честно говоря, я не понимал как можно, собственноручно написав такое письмо, передав его мне, – через сутки поменять свое мнение и даже заявить на пленуме, что действительно речь идет о власти. Но тогда как понять им же написанные в письме слова «***Надо быть последним человеком, чтобы в этой ситуации думать о том, как стать у власти и т.д. Я уверен, что в мыслях этого у Вас не было***» или «***…я не хочу, чтобы из-за этой мелочи Вы пострадали***».

Как бы там ни было, после такого поведения Нур Табарова я окончательно почувствовал себя одиноким.

17 февраля 1990 г.

Есть много публикаций разных авторов и свидетельств того, что события были вызваны провокациями, организованными Комитетом госбезопасности с целью посеять страх перед исламско-демократической оппозицией, требовавшей ухода от власти коммунистического руководства республики. Таджикистан был одним из первых, где перестройку и гласность встретили с энтузиазмом. Организация паники среди населения, по замыслу провокаторов, должна была укрепить авторитет руководителей республики и послужить сохранению власти, и самое главное – тем самым доказать свою верность и любыми средствами получить поддержку Москвы, как политическую, так и военную.

«Мне – к руководству!..» Душанбе. 1990 г.

Всю ответственность за то, что не сумели остановить националистическую волну в февральские дни, надо делить между властью и оппозицией.

Тем более, что были уже примеры в Азербайджане после волны армянских погромов в 1989 – 1990 гг. Февральские события 1990 года в Душанбе произошли спустя несколько недель. Известно было, что после «кровавого января» в Баку и ввода советских войск, на подобный шаг снова могли пойти Центр и руководители Таджикистана, отлично понимая, что могут быть человеческие жертвы.

Хочу напомнить, что именно в начале 1990 года в Центральном доме литераторов в Москве российское общество «Память» организовало громкую антисемитскую акцию с призывами к евреям убираться из России. В истории Союза не было такого большого потока репатриации евреев в Израиль, который составил тогда более миллиона человек.

И это является ярким доказательством, что националистические настроения по всему Союзу среди республик, равно как и в самой России, похоже, дирижировались из одного Центра.

Пока все спокойно

Итак, 17 февраля. В подобных ситуациях следует прислушаться к мнению представителей спецслужб, поскольку у них больше информации. Тогда, как рассказывал участник этих событий, офицер КГБ Таджикистана Абдулло Назаров, «во мно-

гих местах стояли танки, в здании ЦК Компартии Таджикистана стояли автоматчики. Вокруг здания стояли солдаты в бронежилетах и в масках. Особой жестокостью отличились представители спецназа КГБ СССР – группы «Альфа» и Витебской воздушно–десантной дивизии, прибывшие в Душанбе накануне».

Были объявлены Дни траура, но похороны погибших еще больше обострили ситуацию. Десятки тысяч людей собрались на главных площадях Душанбе – столицы республики.

Я был свидетелем всего процесса подписания протокола между руководством республики и «Комитетом 17-ти», когда все трое руководителей страны подали в отставку. Поздно ночью их заявление передало национальное телевидение. Хотя буквально за час до этого участники пленума коммунистов города Душанбе призвали руководство «сопротивляться» и принять все меры, чтобы остаться у власти. В те дни власть почти перешла в руки «Комитета 17-ти».

Конечно же, это никак не могло устроить Центр – Москву. И она начала разыгрывать новый сценарий. Срочно был созван внеочередной пленум ЦК Компартии Таджикистана, на котором председатель Совмина Хаёев выступил в роли провокатора. Послушное руководство республики с удовольствием отказалось от объявленной прежде отставки. Даже интриган Паллаев Г.П., который призывал к митингам, тоже решил остаться. Армия быстро навела порядок. На важных объектах была выставлена охрана. Вскоре начали арестовывать первых подозреваемых. Пошли допросы и преследования представителей демократических и религиозных партий. И только после поражения ГКЧП и распада СССР остановились преследования тех, кто выходил на площади. Кроме того, все это повлияло на новых политиков. Они с бешеной энергией вступили в борьбу за власть.

Все, кто выступал в защиту родного языка и религии, свободы и демократии обвинялись либо в исламском фундаментализме, либо в национализме или экстремизме.

Кто был истинным организатором кровавой февральской бойни – это руководителей, конечно же, уже не волновало. Не волновало это и Центр. Грязные игры тогдашних руководите-

лей, которые не смогли удержать ситуацию под контролем и допустили трагедию, – не стали поучительным уроком для них и в дальнейшем. Напротив, у многих появилась уверенность в том, что можно совершать преступления и оставаться на плаву, руководить и дальше и не понести за все заслуженного наказания.

Некоторые безнравственные люди, послушные и бездушные марионетки, – в дальнейшем стали депутатами, министрами, послами. Им доверяли высокие должности. При этом были напрочь забыты те, кто был чист перед совестью и законом, на чьей стороне были только сила слова и правда. Но власти скорее простили и возвысили тех, кто, наряду с ними, были виновны в произошедшей трагедии, чем тех, кто ничем себя не запятнал, чья совесть осталась чиста. Такие были им чужды и оказались не нужны...

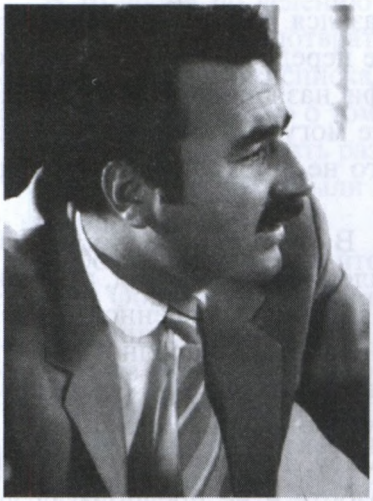
По отношению ко мне обстановка накалялась поминутно. Выискивая малейшую зацепку, они не на шутку взялись за меня, чтобы повернуть ход событий в другую сторону. Для этого начали «обрабатывать» близких мне в то время людей, то есть тех, кто, как они считали, был в тот трагический вечер рядом со мной. Запугивая сначала их, они шаг за шагом добрались и до меня. Среди них были очень слабые, трусливые люди. В первую очередь – Усманов и Икрамов.

Наконец дело дошло до того, что потом я вынужден был писать в Прокуратуру и затем в Верховный Совет Республики (по их просьбе) обо всем, что было со мной в эти дни.

«Прежде всего хочу отметить, что я к неформальным организациям, таким как «Растохез», «Ру ба ру» и т.д., никакого отношений не имел.

Только вечером 13 февраля 1990 года, после множества требований митингующих, я пришел в ЦК Компартии Таджикистана и, с разрешения товарищей Махкамова К.М., Хаёева И.Х. и Паллаева Г.П., вышел на площадь. Помню, что я прочел два четверостишия и тем призвал собравшихся на площади к благоразумию. Митингующие разошлись только после образования Временного комитета. После образования Временного

народного комитета я опять зашел к руководству, зачитал список членов комитета товарищу Махкамову К.М., а он записал какую-то фамилию в записную книжку.



Б.Б. Каримов

К.М. Махкамов

Он спросил: «Что, комитет состоит из 17 человек?» Я ответил, что из 16. Мы решили зачитать список заново. Тов. Махкамов первой прочел мою фамилию. Я сказал, что пока не согласился с требованием митингующих включить меня в список членов комитета, и хотел бы узнать мнение тов. Махкамова. Он одобрил мое участие в работе комитета. В это время там присутствовал тов. Латифи и другие.

Неужели я лгал, и неужели те, которые были свидетелями этого разговора, будут всё отрицать? Если нет, то почему не дали отпор тем, кто оклеветал меня на пленуме? Товарищ Пулатов из Центрального Комитета перед всеми трудящимися республики обвинил меня в том, что якобы я выдвинул свою кандидатуру сам как в члены, так и в председатели Временного комитета. И хотел подтвердить свои домыслы телевизионными записями. Я тоже, в свою очередь, прошу руководство республики показать всем трудящимся видеозаписи, чтобы

провокационные слова некоторых товарищей получили реальную оценку.

Кто-то на митинге произнес мою фамилию или держал в руках какой-то плакат с моей фамилией. Неужели все это может послужить тому, чтобы я оказался под подозрением? Например, 14 февраля митингующие перед зданием правительства предлагали, чтобы тов. Латифи назначили Председателем Совмина. Неужели эти слова тоже могут бросить тень на доброе имя товарища Латифи? Такого не должно быть, ибо здравый смысл всегда побеждает.

Ш.Д. Шабдолов

В те дни ни одно мое выступление на митингах, по радио, телевидению, особенно во время моей работы в народном комитете, не могло быть не согласовано с руководством республики. К примеру, 18 февраля я находился на работе и не предполагал участвовать в митинге. Но руководящие товарищи настаивали на этом. В том числе ко мне дважды обратился народный депутат СССР Давлат Худоназаров и просил пойти к митингующим. Звонил Шоди Шабдолов. Вадим Кошлаков тоже просил, чтобы я участвовал в митинге, и уверял меня, что ответственность за всё он берет на себя (и если меня посадят, то будет сидеть рядом со мной, зная мою абсолютную невиновность).

Неужели мы забыли, в каком состоянии все находились, когда для предотвращения кровопролитий и беспорядков были готовы пойти на всё.

Разве мы не с этой целью сами решили, что нужно освободить хотя бы 4 – 5 арестованных из числа митингующих и показать это по телевидению ради успокоения народа. Такое же обещание народу давал тов. Махкамов. Ради предотвращения кровопролития и бесчинств Усманов, Навджуванов, Ми-

хайлин, Латифи и я оказали помощь в освобождении задержанных товарищей. Разве теперь мы имеем право обвинять их в чем-либо? Конечно, нет!

В то время по велению совести мы старались делать все возможное, чтобы предотвратить возможные беспорядки. Тогда мы не имели никакого списка арестованных и не знали их количества. Речь шла только о том, чтобы освободить нескольких из них и этим способствовать разрядке напряженности.

Почему теперь забыли о той страшной ситуации? Разве это по-человечески?

Я более чем уверен, что истина, в конце концов, восторжествует. Обратите внимание на тот факт, что после образования Временного комитета не то что кровопролития, а даже беспорядков не было. Это потому, что как руководство республики, так и члены Комитета, несмотря на сложную обстановку, вели среди населения постоянную работу, успокаивая его и ослабляя противостояние.

Подписание протокола между Комитетом и руководством, безусловно, способствовало стабилизации обстановки. Все собрания Комитета проходили при открытых дверях и в духе демократизма. В них принимали участие товарищи Шабдолов Ш.Д., Алимов Ш.К., некоторые заведующие отделами и секторами ЦК Компартии Таджикистана.

Мы в эти дни были не единственные, кто стремился к предотвращению кровопролития. Кроме нашего Комитета образовался еще комитет «Вахдат». Ввиду того, что цель этих комитетов была одна, они объединились и вели дальнейшую работу совместно.

Я еще раз подчеркиваю, что к каким-либо неформальным объединениям отношения не имел. Устав и программу «Растохеза» и «Ру ба ру» не читал и с их членами познакомился только после образования народного комитета в качестве его члена. С членами Комитета до 13 февраля не был знаком, а некоторых из них до сих пор не знаю.

До меня никак не доходит, с какой стати некоторые товарищи утверждают, что происходящий ужас был не что иное,

как борьба за власть?! Кстати, разве то, что в ряде областей России народ требовал ухода в отставку первых секретарей и членов партийных бюро и даже в полном составе обкомов партии, можно квалифицировать как борьбу за власть? Я считаю, что ставить вопрос в такой плоскости – это не что иное, как желание освободить себя от малейшей ответственности за совершившееся, отвлечение общественного мнения от основных причин, породивших эти страшные события.

Корни зла, как отмечалось во многих выступлениях и на последних пленумах ЦК Таджикистана, – в накопившихся нерешенных жизненно важных проблемах в экономической, социально-культурной, демографической сферах жизни республики, в межнациональных отношениях, в отрыве республиканского партийного и советского руководства от широких масс. А искать первопричину только в чьем-то стремлении захватить власть – по меньшей мере, поверхностно!

В те дни, когда, как партийные руководители, так и члены Комитета, находились в абсолютном столбняке, митингующие давили и на тех, и на других. Работать было очень трудно. Я уверен, что придет час, когда будут найдены и названы и организаторы митингов, и виновные в кровопролитии. К этому взывает память о невинных жертвах.

Теперь обратите внимание на то, что после пленума были отключены и телефоны Временного комитета, и мой домашний телефон (сотка). После пленума, до 2-х часов ночи, не было возможности позвонить домой. Сломить и напугать они меня не смогли, но до сих пор не понимаю, к чему все это делалось?

Все, что было сказано в мой адрес, и о каком-то там будто бы заранее приготовленном Указе, – можно было сказать до пленума, уточнив все подробности. Но этого не было сделано. Очевидно, для того, чтобы ввести в заблуждение участников пленума. Еще раз заявляю: я не приглашал т.т. Хувайдуллаева, Мухаббатшоева, Икрамова и Хабибова в свой кабинет. Это – откровенная ложь. В доказательство приведу пример. Когда ко мне зашел т. Икрамов и сел у меня в кабинете, я спросил его о

причине его визита. Он ответил, что якобы я его приглашал. Эти мои слова может подтвердить т. Икрамов. С тов. Хабибовым я был незнаком, и только после пленума узнал, где и кем он работает.

Хувайдуллаев и Табаров беседовали между собой в отдалении от меня, и тема их разговора мне была неизвестна. После чего они подошли ко мне и предложили пригласить тов. Усманова У.Г. Я пригласил тов. Усманова У.Г. Разговор был о том, что т. Хаёев И.Х., подписывая известный протокол, сказал, что не несет ответственности за последствия. Я обратил внимание, что, в соответствии с протоколом, все должно идти на законном основании, и что у т. Хаеёва есть еще заместители (два первых). Усманов и Хувайдуллаев сказали, что побеседуют, посоветуются и вышли из кабинета.

В такой трагический момент о захвате власти думает только законченный негодяй. У меня же – даже и в мыслях подобного не было. Я по радио и телевидению, а также на пленуме – для всей республики, членораздельно и четко, заявил, что никогда не имел и не имею цели получить какую-либо высокую должность. Разве в подписанном протоколе, где стоит и моя подпись, не сказано, что руководители должны подать в отставку, согласно существующим законам. Для здравомыслящего человека – комментарии излишни. Подумайте, разве это возможно, когда председатель работает, никто его не освобождал от занимаемой должности, и вдруг я, ни с того, ни с сего – начну его дублировать?..

Теперь о правоохранительных органах. Они во весь голос говорят и спорят о малозначащих предметах, но для задержания организаторов убийств и бесчинств – ничего не предпринимают. Хотя предотвращение подобных событий – безусловно, входит в обязанности данных органов. Но после всего случившегося можно только спросить, где были сотрудники КГБ?

Сами представители этих органов неоднократно заявляли, что по всей республике – в мечетях, чайханах – распространялись слухи об армянах-беженцах. Но они ровно ничего

не предпринимали. Почему все-таки их работа оказалась безрезультатной?

С руководителями республики я поддерживал и поддерживаю хорошие отношения. Может быть, решение этих вопросов не было связано с заменой руководителей республики, но обстановка требовала этого. Лично я предъявил данное требование не из-за неспособности руководителей, а вследствие произошедшего кровопролития и для предотвращения дальнейших бесчинств и убийств. Об этом свидетельствует первый пункт подписанного протокола:

«Учитывая острую критическую ситуацию, создавшуюся в последние дни в г. Душанбе, и во избежание дальнейшего кровопролития, мы решили подать в отставку в соответствии с существующими законами:

I. Махкамов К.М.

II. Паллаев Г.П.

III. Хаёев И.Х.».

Тов. Хаёев и другие на пленуме заявили, будто я стремился захватить власть и готовил текст какого-то Указа. Но ряд товарищей на пленуме отвергли все эти дикие измышления. Не было никакого проекта Указа.

Народ – это могучая сила. Мы, руководители, должны быть всегда с ним, реагируя на все его пожелания и выражение недовольства. Неужели трудно чувствовать боль своих сограждан? По-моему, такие проявления душевной глухоты и равнодушия переполнили народную чашу терпения.

Я вполне уверен, что путем своевременных бесед, встреч, добрых слов можно было предотвратить все последующие беспорядки. Но, к сожалению, мы, руководители, этого так и не сделали.

Лично я готов понести за это любое наказание от имени своего народа. Пусть мой народ сам судит, в чем я перед ним провинился в те дни.

Для этого надо познакомить народ с подписанным протоколом, и тогда все встанет на свои места.

Но сейчас еще не найдены виновные и не выяснены основные причины произошедших беспорядков. Это входит в компетенцию органов КГБ и МВД.

Месяц тому назад в Верховном Совете работала комиссия по борьбе с преступностью. Выступая на ней, я с болью говорил о слабой работе правоохранительных органов. В том числе привел такой пример, что в охраняемом здании (подчеркну, здании правительства) у милиционера похитили пистолет и компьютер, а из сейфа Госплана украли 800 рублей партийных членских взносов. И до сих пор виновные не задержаны. И все это – из охраняемых зданий?!

Разве народ шел тогда против Коммунистической партии, советской власти или перестройки?! Конечно, нет!

Произносятся и такие слова, якобы зачинщиками этих беспорядков являются религиозные фанатики, которые хотят установить исламское государство. Будьте благоразумны, вспомните, что духовенство встретило перестройку с большим воодушевлением, так как в годы застоя религия была в загоне. Перестройка придала им новые силы. И мы не имеем права обвинять в этом духовенство.

Сам Председатель духовного управления мусульман Таджикистана Ходжи Акбар Тураджонзода по телевидению заявил, что религия не выступает против существующего строя и является поборницей перестройки и демократии.

Как говорят в народе, «в семье не без урода». И в нашей республике немало наркоманов, хулиганов и преступников. Именно такие группы людей и бесчинствовали, воспользовавшись сложившейся обстановкой и позоря наш народ. Но, поверьте, они – это не весь таджикский народ, это просто отдельные уголовные элементы. Таджикский народ за всю свою многовековую историю ни на кого не поднимал руку.

Бури Каримов

Я и сегодня так думаю и не изменил бы ни единой буквы в этом своем объяснении. С тем, видимо, и в могилу сойду.

Интрига руководителей

Пришел февраль – и гнев мой воспылал.
И образ жертв в душе моей восстал...
Опять пекусь о вахшской сироте я,
Коль траур матери в душе восстал.
Хокирох

Митинг у памятника В.И. Ленину. Душанбе

В те дни появился новый комитет под названием «Вахдат». (Одно из значений слова «вахдат» – единство). Интересно, почему вдруг возник этот комитет и тоже начал действовать, параллельно Временному комитету, объявив о неспособности тогдашнего режима решать жизненно важные проблемы республики? Вроде, на первый взгляд, их высказывания совпадали с высказываниями многих членов Временного народного комитета. Но, на мой взгляд, они появились еще и потому, что решили, что власть действительно перешла в руки нового Временного народного комитета, и им просто надо было как-то о себе заявить, чтобы не остаться в стороне.

Я тогда решил и, как мне кажется, правильно – объединить наши усилия ради стабилизации обстановки, открыто заявив об этом. Крайне важно подчеркнуть, что в «Вахдат», наряду с представителями интеллигенции, входили и действующие руководители, например, зампреды Совмина Георгий Кошлаков и Отахон Латифи.

Справедливости ради, надо сказать, что они в те дни тоже делали все от них зависящее, чтобы как-то воздействовать на ситуацию в городе. А с другой стороны, в связи с таким мгновенным появлением этой организации и вхождением в нее руково-

дителей, не только у меня, но и у многих членов Комитета возникли вопросы. Я же, ничего не имея против них лично, сделал все, чтобы они стали приходить и участвовать в заседаниях Временного комитета и высказывать свой взгляд на происходящее, а также предлагать способы выхода из создавшейся ситуации.

И все-таки у меня оставался без ответа простой вопрос: «Почему члены «Вахдата» не были привлечены, как другие члены Временного комитета, к ответственности, хотя и принимали участие в митингах и заседаниях и во всем, что происходило в те дни в городе? Говоря об этом, ни в коем случае не бросаю тень обвинения на какого-то конкретного человека, но, с высоты прожитых лет и подробного анализа произошедшего, понимаю, что, как у «Вахдата», так и у Временного комитета, были и организаторы, и вдохновители.

Митингующие у Дома правительства. Душанбе

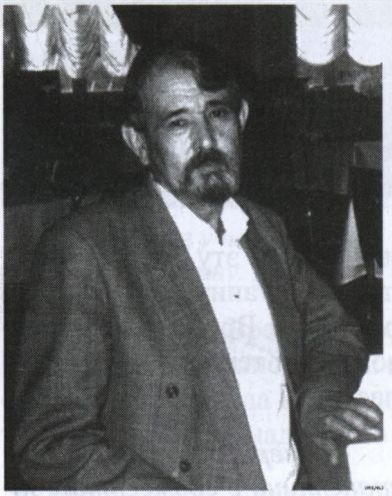
Кто-то же все-таки предложил создать эту организацию, причем, на скорую руку. Может быть, эта организация была создана по чьей-то указке именно в противовес Временному комитету – правительством и руководством? Или теми людьми, которые боялись оказаться на обочине власти?

«Совершенно открыто»:

Я хорошо помню телетрансляции с совместных заседаний Временного комитета, избранного митингующими, и созданным сразу вслед за ним комитетом «Вахдат». Ни у кого тогда не возникало сомнений в естественности их появления на политической арене в те грозные для будущего республики дни. Но если действующий член правительства Бури Каримов получил «добро» на прямое сотрудничество с представителями оппозиции от первого секретаря ЦК Каххора Махкамова, то, несомненно, мы вправе сделать аналогичный вывод и по факту появления комитета «Вахдат».

Участие сразу двух зампредов Правительства во втором по времени создания «согласительном комитете» не могло произойти без коллегиального решения высшего руководства республики или, опять-таки, без согласия первого лица – Каххора Махкамова. Тогда становится ясным, почему при разборе произошедших трагических событий члены комитета «Вахдат» оказались вне зоны ответственности – и будущих прокурорских, и парламентских – расследований. Даже неважно, на мой взгляд, было ли дано «спецзадание» «Вахдату» – контролировать мысли и намерения оппозиции или же – только снимать «острые углы» жесткого противостояния интересов – власти и оппозиции.

Х. Атаханов. Независимый журналист.



О. Латифи

В дни февральских событий многие руководители показали свое истинное лицо. Главными игроками, конечно же, были в первую очередь некоторые члены Временного комитета и некоторые члены правительства и ЦК Компартии Таджикистана. Кроме них особую роль играли Отахон Латифи – зампред Совмина, Нур Табаров – министр культуры, Шоди Шабдолов – секретарь ЦК и другие.

Отахон Латифи – бывший корреспондент газеты «Правда» в Таджикистане, который после своих серьезных критических статей в центральной прессе, стал зампредом Совмина Таджикистана. Очутившись в коридорах власти, он, особенно в дни февральских событий, сильно изменился. Теперь он только то и делал, что, выступая перед людьми, говорил одно, а, докладывая руководству страны, – «пел по-другому», и, конечно, не произнес ни одного слова на пленумах в защиту членов Временного народного комитета. А через некоторое время тот же

Латифи в своем интервью газете «Слово» на вопрос корреспондента Тимура Варки сообщил следующее:

«Когда было принято решение, касающееся исключения из партии, в отношении Бури Каримова и наказании Нура Табарова, мы все находились в плену старых представлений. Даже я все еще руководствовался прежней идеологией, классически-советской. Все мы были в плену идей одной партии – коммунистической. А в результате расследования выяснилось, что эти люди абсолютно не виновны и действовали в рамках существующих порядков и норм».

Но почему об этом он и другие своевременно не заявили на пленумах ЦК, а долго ждали, чем закончится расследование, чтобы потом повторить выводы проверяющих организаций?

Проблема же состоит в том, что политика на самом деле – дело грязное, и никакой настоящей дружбы там быть не может. Так что многие мои коллеги по работе в правительстве всегда жили и поступали именно по этой логике. И таких, к сожалению, было весьма и весьма немало… И по этой причине многие остались у власти и работают до сих пор в разных структурах правительства.

Если 14 февраля руководство страны и Временный народный комитет подписали протокол об отставке, то уже 16 февраля ночью «тройка» отказалась от подписанного протокола под натиском своих соратников по партии. Уже один этот факт говорит о том, что чем выше власть, тем больше в ее поведении политических составляющих, а значит – грязи и лжи. Как можно за 3 дня принять сразу два «судьбоносных» решения? Причем, первое – мы уходим. А второе – мы остаемся. Пусть даже и под натиском митингующих и своих же однопартийцев. Поэтому на фоне того, что позволила себе «тройка», поведение Отахона Латифи, Нура Табарова и других кажется вполне ожидаемым.

«Совершенно открыто»:

«Виновников» нашли по-партийному быстро: в февральской трагедии были обвинены народное движение «Растохез» («Возрождение») и группа должностных лиц во главе с председателем республиканского Госплана Бури Каримовым. Позже прокуратура республики признала:

Бури Каримов, министр культуры Нур Табаров, мэр города Максуд Икрамов, завотделом ЦК Нурулло Хувайдуллаева, начальник политотдела МВД Абдулло Хабибов, секретарь президиума ВС Усман Усманов и редактор республиканской газеты «Тоджикистони совета» Мазхабшо Мухаббатшоев к февральской трагедии не причастны. Более того, именно смелые действия председателя Госплана, который несколько раз выступил перед разъяренной толпой, сняли напряжение площади.

Тогда в Душанбе трагедия перемешалась с фарсом: в дни траура проходил пленум ЦК, и коммунисты беспрерывно хлопали в ладоши, выражая поддержку первому секретарю ЦК Каххору Махкамову. Подписавшие накануне протокол об отставке, при поддержке соратников, не только остались при должностях, но и вину за трагедию возложили на невиновных. С того времени злой рок преследует некогда цветущий край...

С. Киям
«Экспресс-хроника» 1996 г.

Выяснилось, что использование армянского вопроса было выгодно тем, кто хотел продолжения митингов и раздувал этот опасный пожар для достижения своих отдаленных целей. В те кровавые дни февраля 1990 года все искали виновников страшных событий. Кто же все-таки этот человек или группа людей, которые стоят за кровавыми событиями? Может быть, они связаны с Ираном и Афганистаном, может, – с Россией? С политикой Центра? И тогда, и в течение всего прошедшего времени – вплоть до последних дней, как этого ни требовало от власти общество, ни одна структура не назвала истинных виновников народной трагедии.

Одно ясно, что в тот роковой момент, если бы не объявили комендантский час и не перебросили войска, произошло бы что-то гораздо более страшное. После чего (переброски сил из Центра, сосредоточения всех силовых структур страны в столице и объявления комендантского часа) не только «тройка», но и другие «игроки» повели себя совсем по-другому.

«Совершенно серьезно»:

Бури Каримову как прекрасному специалисту и человеку завидовали, он стал жертвой зависти руководителей.

... Б.Каримов, как первый заместитель Хаёева, действовал правильно, всё делал законно.

А. Холикзода, историк, профессор,
«Дунё», № 1, Душанбе, 1991

А я – на первом после объявления комендантского часа митинге, состоявшемся 18 февраля у Киноконцертного зала, – полностью отверг обвинения в свой адрес, чем поразил бывалую «тройку». Сначала я выразил соболезнования присутствующим, и особенно матерям, потерявшим своих сыновей, и потом прибавил, что тоже являюсь одной из этих жертв. И еще объяснил, что, когда меня обвиняют в том, что я будто бы стремился к еще большей власти, то не понимают, что мне, ставшему в 28 лет – министром, а в 31 – председателем Госплана и заместителем председателя Совмина республики, совершенно ни к чему было еще чего-то добиваться!.. И это неоспоримый факт. В те дни на пленумах и во время выступлений на площадях, в Доме Гостелерадио и в других СМИ, я говорил и неоднократно повторял, что никакой власти не хочу, поскольку на меня и без того возложено много обязанностей.

«Совершенно серьезно»:

«Мы с доверием относимся к молодым, но выбор Каримова, конечно же, определялся не только его возрастом. В первую очередь, учитывалось умение Бури работать с людьми, знание дела и такие качества характера, как энергичность, выдержанность, требовательность. К сожалению, строительство и эксплуатация дорог в республике оставляют желать лучшего. Но Каримов выработал четкую концепцию улучшения дел. Думаю, справится».

Ю.П. Зацаринный
Заместитель Председателя Совета Министров
Таджикской ССР

Тогда таких положительных высказываний со стороны руководства партии и правительства было предостаточно. Так почему же сегодня на шею невиновного пытаются надеть кровавый хомут?! Почему с высоких трибун звучит бесстыдная ложь?! Почему меня сначала просят выйти к митингующим, затем – избирают председателем Временного комитета, упрашивая заниматься работой по прекращению братоубийства, а в конечном итоге – как использованную тряпку, бросают в огонь?!

А под конец я сказал, что для меня главными являются дружба и братство народов.

«Если вы очнулись от спячки, то я – рад за вас. Еще раз предлагаю «тройке» уйти в отставку, а вас прошу сделать так, чтобы больше ни единый волос не упал с головы ни одного человека. **Ради уважения к своему народу, доверия друг к другу и доверия ко мне, от всего сердца прошу вас, давайте дисциплинированно разойдемся! Найдем виновников этих страшных дней и сдадим их в соответствующие органы! Знайте все, что я не ищу себе – ни власти, ни должностей, выше тех, которые имею.**

И, зная о серьезной болезни моей страны – местничестве, скажу: пусть ослепнут люди, которые этим занимаются!..»

В тот раз митингующие, убедившись, что я жив и здоров, разошлись по домам. Зато, увидев и почувствовав, как вырос мой авторитет, некоторые властолюбцы опять старались сблизиться со мной, рассчитывая отхватить и себе лакомый кусок, если народ вдруг победит, а я, как им казалось, окажусь на коне и займу высокую должность. Тогда очень важно будет оказаться в нужном месте в нужное время. А вот руководители, почувствовав, как горит у них под ногами земля, предприняли все возможное, чтобы любой ценой очернить меня…

Даже на этом примере становятся очевидны запутанные тупики и лабиринты верховной власти и большой политики. Ох, как жаль, когда из-за таких людей в сложные исторические минуты приносятся в жертву простые люди. *Юноша, который с надеждой спешит к своим друзьям на площадь, чтобы обратиться к власти за помощью, стремясь обрести нормальную человеческую жизнь, – вместо этого получает пулю в лоб, и в его дом приходит беда.... Подобного горя – невозможно ни*

принять, ни измерить. Тем более, когда это происходит в роковые минуты народной трагедии, обагренной пролитой кровью.

Но, к сожалению, в большой политике подобное – отнюдь не редкость. Но все равно кто-то снова будет говорить людям правду и поступать по совести и, как ни печально, снова окажется в одиночестве или меньшинстве.… И порой таких людей легко вычеркивают из жизни, или попросту – уничтожают. Ну, а жизнь по-прежнему будет продолжаться, идти своим чередом, а отъявленные негодяи – спокойно пользоваться всеми существующими благами, о малой части которых мечтал тот несчастный парень, который спешил на митинг…

Мне, по делам службы, приходилось не раз бывать в некоторых арабских странах – в Ираке, Сирии, Тунисе. Скоро я понял, что то, что творили большие политики и сверхдержавы в этих странах, не поддается никакой нормальной логике. К примеру, в Ираке, даже официально, количество убитых уже превышает число погибших в гражданской войне в Таджикистане – 180 тысяч человек. А по неофициальным данным – почти миллион. Это страшная трагедия для народа, который еще 10 лет тому назад жил по собственным правилам и законам и вот теперь, в силу не совсем понятных причин, потерял десятки тысяч своих сыновей в неправедной войне.

Новый президент Америки в предвыборном выступлении обещал вывести своих солдат, которые, кстати, незаконно, без санкций ООН, воевали в этой, некогда такой мирной, стране. Даже, как мне кажется, члены комиссии «Нобелевской премии» присудили ему звание Нобелевского лауреата авансом, в надежде, что он своим появлением укрепит мир во всем мире. Но – ни он, ни американский народ – не спешат заявить, что они были неправы, и извиниться перед народом Ирака. Тем более что никакого химического оружия там так и не обнаружили. А дело-то уже сделано… И кровавую машину не остановить!.. И таких примеров в мире уже десятки.

Бывал неоднократно я и в Сирии и видел, как в этой стране люди разных национальностей и вероисповеданий живут мирно, даже по светским законам, и как там свободно сосуществуют различные религии, обычаи и традиции. И вдруг,

по абсолютно надуманному поводу, – «ось зла» – эта страна превратилась в кровавую бойню, где ежедневно гибнут невинные люди. И ведь совершенно неизвестно, когда и чем закончится это безнаказанное преступление.

Если даже, раньше или позже, уйдет нынешний президент, то очевидно, что страну захлестнет новая волна насилия и беспорядков... Неужели эти «великие демократы», говоря о свободе, независимости и правах человека, умудряются не замечать творящуюся рядом с ними трагедию целого народа?!. Пусть даже все это будет делаться ради какого-то непонятного будущего. Нельзя же ради будущего дня уничтожать день сегодняшний!

И, невольно проводя параллели, с ужасом понимаешь, что, как в гражданской войне, так и в так называемых революциях, считай, войнах, подобных «арабской весне», именно политики, с их бездумной жаждой крови, творят все, что хотят, стремясь, во что бы то ни стало, – и при этом якобы вполне демократично, – подчинить себе весь мир.

Другим примером бессмысленной жестокости могут служить не только казнь Саддама Хусейна, но и убийство Каддафи в Ливии или суд над Хосни Мубараком в Египте, или продолжающиеся события в Афганистане, которые ежедневно уносят жизни десятков людей. Тем более, как показало время, что некоторые из них не виновны. Зная о плодах деятельности политиков и лидеров больших стран, начинаешь утрачивать веру во что-то светлое, человеческое… Что же будет с нынешним поколением сегодня и завтра, если продолжится ожесточенная война за энергоресурсы в разных концах планеты?..

Возвращаясь к событиям в Таджикистане, я думаю, что страна, не имеющая особых стратегических преимуществ, слабая экономически, без поддержки больших государств, – может в любой момент превратиться в очередной полигон для испытания новых вооружений или же – с очередной подачи американцев или других больших государств – подтолкнуть ее народ к новому витку гражданской войны. Это будет очень легко сделать, если Таджикистан останется без защиты других стран ШОС, ЕврАзЭС и СНГ, в т.ч. и России.

Во многих странах сегодня существует сильная оппозиция, которая не дает дремать руководителям, заставляя постоянно помнить о нуждах народа. Есть оппозиция и у нас в стране. Лидеры некоторых партий, находясь на государственном окладе, только тем и заняты, что поддерживают нынешнюю власть, при этом имея свои собственные партии, которые объединяют малочисленные группы сторонников. Во всяком случае, сегодня общество еще больше должно быть начеку, чтобы враги нашей страны не столкнули ее в бездну нового гражданского противостояния.

Для нашей страны, пережившей кровавые февральские столкновения, потом – затяжную гражданскую войну, которая отбросила ее лет, этак, на 50 назад, это стало бы таким страшным потрясением, от которого мы не оправились бы долгие и долгие десятилетия…

Главными интриганами февраля 1990 г., конечно же, была тройка руководителей республики и Борис Пуго.

В те дни я собственными глазами видел, как Пуго именно этим и занимался. Он даже подбадривал руководителей ЦК, чтобы они не боялись происходящего, крепко держались за власть и всеми силами и средствами противодействовали оппозиции, в том числе – «Комитету – 17». Прекрасным доказательством двуличности руководителей может служить обращение ЦК Компартии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Таджикистана к гражданам республики. Смысл его заключался в том, что виновники кровавых событий будут найдены и наказаны по всей строгости закона.

При этом они признавались, что многие предложения и требования митингующих являются правильными и власти принимают меры по их решению. Еще в обращении говорилось о том, что все вопросы, которые поднимали митингующие, остаются в центре внимания Центрального Комитета, который продолжает работать над повышением жизненного уровня населения, и выше этой цели для него просто не существует. «Мы тоже являемся сыновьями своего народа и сделаем все возможное для дальнейшего развития нашего общества…» Ну, разве это не прекрасно?..

Принимая такое обращение в роковые февральские дни, они потом ровным счетом ничего существенного не предпри-

няли и ничем не ответили народу, несмотря на все свои широковещательные обещания.

Характерными в этом обращении являются два важных момента. Во-первых, в нем, как и в прежние годы, подчеркивается, что простые люди, люди труда, низовые организации из разных районов и регионов страны всемерно поддерживают решение XVII-го внеочередного пленума Компартии Таджикистана. Конечно, отнять это у коммунистов никак нельзя. Они в годы своего правления всегда осуществляли свои планы от имени и по поручению народа. И даже свои кровавые преступления против собственного народа – тоже совершали от народного имени.

Как сказал простой рабочий, увидев танки, едущие расстреливать митинг в Новочеркасске: «Господи! И эти спешат удовлетворить пожелания трудящихся!..»

Другим же серьезным моментом, который обращает на себя внимание, являются следующие слова: «Много молодых людей, которые не успели надеть чапан жениха, и их родители, которые не видели радость своих детей, стали жертвами, и они навсегда останутся в памяти народа»… И далее, без малейшего внутреннего затруднения: «Это – невосполнимая потеря!»

Действительно, то, что творили наши руководители в те дни, и кровь невинных жертв – навсегда останутся в истории и памяти нашего народа. И уже другие руководители, которые придут им на смену, – с новой энергией начнут рассуждать о кровавых событиях и их истинных виновниках. Почему же – не сегодняшние? Да потому, что они как раз сделали все возможное, чтобы люди не анализировали произошедшее и как можно быстрее забыли обо всем. **И одним из главных доказательств этого является то, что они убрали единственный камень с высеченными на нем именами жертв тех кровавых дней, который был поставлен на месте трагедии,** – около площади, рядом с чайханой «Рохат» (хотя, как это было сделано в Алма-Ате, – должен бы стоять в самом центре площади).

Но об этой «огромной потере» сразу же позабыли руководители, чтобы снова заняться борьбой за свои кресла и нескончаемыми интригами…

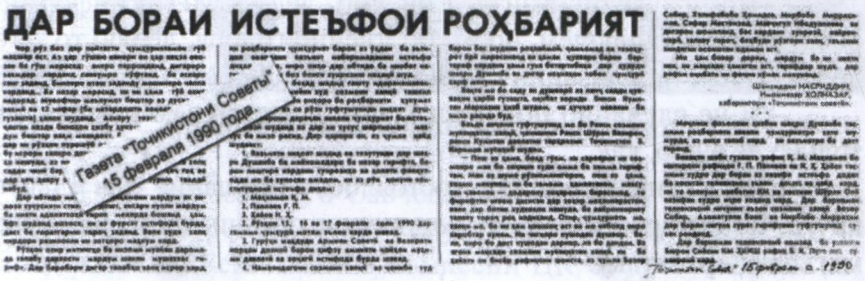
А теперь вернемся к февральским событиям и последовавшим друг за другом трем пленумам ЦК Компартии Таджикистана.

Пленум, Пленум, Пленум!..

Тот способен ради чина клеветать,
Этот может свою должность вымогать,
Нечестивца называть честнейшим мужем,
Что угодно ради должности продать.
Хокирох, Душанбе, 1990

Итак, пленум ЦК Компартии Таджикистана по февральским событиям. 15 февраля, хоть и с опозданием, пленум все же начался. Поначалу он не предвещал ничего плохого, особенно для членов «Комитета – 17», в том числе и для меня.

Утром того же дня главная газета коммунистов Таджикистана «Точикистони Совети» опубликовала Протокол отставки руководителей республики. Как позже выяснилось, часть тиража, по указанию руководства, успели уничтожить.


ДАР БОРАИ ИСТЕЪФОИ РОҲБАРИЯТ

Газета "Точикистони Советы" 15 февраля 1990 года.

Пресса сообщает об отставке руководства

Во время встречи с руководством – а тогда оно серьезно с нами считалось – мы обменялись мнениями о способах стабилизации обстановки, и я вернулся в зал ЦК. Войдя, не мог не заметить, что на многих из членов ЦК буквально не было лица. Между тем, они вяло занимали свои места, видимо, все еще не отдавая себе отчета в том, что происходит в столице. С надеждой глядя на меня, они тепло со мной здоровались. Хотя среди

них были люди, которые меня попросту ненавидели, чувствуя, что под ними уже зашатались их насиженные кресла.

Когда я пересекал зал, одна из женщин, участвующая в пленуме ЦК, схватив меня за руку, прошептала горячей скороговоркой:

– Готовься – тебя будут бить… И по-настоящему!..

Я тогда не очень понял ее, но вскоре все прояснилось… Незадолго до этого ко мне подошел незнакомый человек в форме летчика и хотел представиться. Но сопровождавший опередил его:

– Бури, вы, конечно, о нем наслышаны. Тот самый командир лайнера, который посадил самолет прямо на брюхо.

– Кто ж его не знает? Личность легендарная!

– А про вас знает теперь весь мир! Все западные СМИ и даже «Голос Америки» – уже успели рассказать и показать, что происходит у нас в Душанбе. Кто есть кто, как говорится, – улыбнулся мужественный капитан авиалайнера, пожимая мне руку.

– Не преувеличивайте. Конечно, дело СМИ – информировать о происходящем, но я, собственно говоря, делаю то, что должен для стабилизации обстановки.

– Я не случайно подошел к вам. Хочется вам помочь, да только не знаю, как…

Стало ясно, что в ЦК состоялось совещание для узкого круга, на котором кое-кого попросили организовать на меня, мягко говоря, атаку.

Признаюсь честно, все это меня тогда и неприятно удивило, и расстроило…

Я хотел было что-то ему ответить, но тут всех попросили пройти в зал, и пленум начал свою работу. Члены Бюро и гости из Москвы заняли места в президиуме. То, о чем меня старались предупредить, не давало мне покоя. Я вспомнил свой утренний разговор с Насреддиновым – представителем Таджикистана в России, когда он мне так прямо и сказал:

– Сейчас вы должны быть очень осторожны, постарайтесь никого не задеть, особенно – руководство и Центр.

На что я возразил ему: «Почему, собственно, я должен кого-то задеть?..» Хоть теперь-то я понимал, что и этот разговор, и предупреждение женщины из ЦК, и помощь, предложенная мне командиром лайнера, – далеко не случайны. Все это заставило меня внимательно просмотреть свое выступление.

Митингующие у Дома правительства

Я дал прочесть его Савченкову – старому члену ЦК, руководителю строительства Рогунской ГЭС, и Грищенко – Председателю Ревизионной комиссии ЦК. Я поступил так потому, что хорошо их знал, а главное – не хотел, чтобы что-то из сказанного мной было использовано против меня и в дальнейшем помешало бы стабилизации обстановки. Я был готов на любые предложения, дополнения или замечания от старых членов ЦК и даже собирался принять их к сведению. Но они только кивали мне головами, мол, все нормально, и ничего нового от себя в текст не внесли.

Может быть, они просто побоялись, а, может, время не позволяло или обстановка в зале. Факт остается фактом, они не сочли нужным что-то добавить. А может быть, они просто уже знали, что на пленуме меня ждет расправа.

Выступающие один за другим говорили о происходящем в городе. Внизу, на улице, народ ждал серьезных решений, а тут, на пленуме ЦК, вместо того, чтобы предложить что-то действенное, в основном, только ругали митингующих, давая им оскорбительные определения: от «бездельников» до «экстремистов».

Наконец объявили перерыв, во время которого практически все журналисты радио и телевидения, представители «Таджикфильма» и других СМИ – окружили меня, чтобы расспросить о том, что всех тогда волновало, и сфотографировать. Больше всего вопросов задавали мне журналисты из Москвы. Местные же, если и задавали вопросы, то – весьма общего характера. Очевидно, боялись спрашивать о чем-то действительно серьезном и насущном. Нельзя забывать, что в то время республиканские СМИ беспрекословно подчинялись местным руководителям.

После перерыва пленум продолжил свою работу. Сначала несколько слов произнес Первый секретарь ЦК, а затем начались дебаты.

Особенно поразило меня выступление представителя Таджикистана в Москве – Насреддинова. А он действительно говорил вещи, от которых все пришли в недоумение. Прилетев из Москвы, он явно не понимал, что творится в республике. Может быть, с высоты московских высоток, он на самом деле не различал, что тут разворачивались такие процессы, о которых он не догадывался? Либо же его специально так подготовили, чтобы он говорил только то, что ему было велено.

Я неоднократно встречался с Насреддиновым во время многочисленных поездок от Госплана республики в московское министерство и Госплан СССР, часто пользовался служебными машинами таджикского представительства и не раз встречался там с секретарями ЦК. И не раз во время моих выступлений перед студентами МГУ и других вузов, что было еще новинкой в работе руководства страны, он сопровождал меня. Я очень хорошо знал сотрудников представительства, с которыми был связан еще по комсомолу, и все они понимали, как отношусь я к выполнению своих обязанностей, когда при-

езжаю в Москву для решения вопросов планирования народного хозяйства республики.

«Почему же, – думал я, – Насреддинов во время своего выступления не произнес ни одного доброго слова в мой адрес?..» И вспомнил, что однажды сильно раскритиковал его за то, что он не ставит на контроль письма, которые идут в Центр, и не следит за тем, чтобы на них был получен своевременный ответ из министерств и ведомств.

«Неужели именно эту мою критику, критику, идущую на пользу делу, он мне припомнил и поэтому сегодня, заведя речь непонятно о чем, говорил не просто не по теме, но – явно критикуя меня?.. Возможно, он действовал по указанию Центра или же – по наводке руководства республики?..» И я уже ничему не удивлялся, только ждал, что дальше будет еще хуже.

После выступления Насреддинова другой член ЦК – Назриев, – взяв слово вне очереди, неожиданно резко потребовал: «Пусть товарищ Насреддинов попросит извинения у Каримова. Он даже не представляет, сколько за эти дни он сделал почти невозможного – для нормализации обстановки!..»

И вот в то время, когда Насреддинов, явно по чьему-то приказу, выступал против меня, учившиеся в Москве таджики и их руководитель, председатель московского общества «Согдиана», – слали десятки телеграмм, поддерживающих мои действия по нормализации обстановки, и просили членов ЦК, принимая новые решения, не совершить вместе с тем новых роковых ошибок.

Привожу текст моего выступления на пленуме ЦК, под которым готов подписаться и сегодня. Учитывая, что члены пленума, руководства республики и многие коммунисты были тогда уже настроены против движения «Растохез» и его руководителей. Поэтому я начал свое выступление словами:

«Уважаемые товарищи!

Разница между организациями «Растохез» и Временный народный комитет – весьма значительная.

Многим из вас известно, что 13 февраля митингующими был избран Временный народный комитет из 17 человек. Следует сразу оговориться, что это не означает, что Комитет был избран всем народом. Но в другом я совершенно уверен – что

члены этого Комитета выражают волю части населения г. Душанбе. **В создавшейся ситуации, во избежание кровопролития, считаю правильным сказать следующее: я – не прошу, я – умоляю пленум удовлетворить просьбу руководителей республики об отставке.** Они – больше всех сидящих здесь информированы о происходящем, и их решение подать в отставку неслучайно.

На протяжении трех дней работая с членами Временного комитета (с некоторыми из них я познакомился впервые), внимательно слушая их, я убедился, что это в основном люди сознательные, здравомыслящие, пользующиеся авторитетом у народа. Они правильно оценивают обстановку и дают себе отчет в том, что они говорят и предлагают.

На мой взгляд, не следует сбрасывать со счетов того, что они имеют большое влияние на массы, и, на мой взгляд, поддерживают линию партии на перестройку, демократизацию и гласность. Они – за интернационализм, дружбу народов, равенство всех наций и против каких-либо антиобщественных действий, а кроме того – против создания исламской партии и исламской республики, как это некоторые стремятся сейчас представить. **Важно подчеркнуть, что, начиная с председателя Временного комитета – то есть меня самого, – до рабочих, никто не претендует на власть и не требует себе высоких должностей, да и вообще никаких должностей**.

Все требования, которые они предъявляют к руководству республики, они просят решить на законном основании, демократическим путем.

Не надо делать вид, что у нас не накопились проблемы. Обстановка в республике была и есть напряженная и сложная. Беженцы – это просто повод. Видимо, это когда-нибудь должно было случиться. Такова реальность, от которой нам никуда не уйти, и с учетом этого нам надо принимать ответственные решения.

Что касается Временного комитета и других неформальных организаций, нам не надо их бояться. Надо идти им навстречу, брать всё положительное, где надо – поправлять, вести с ними диалог, умело направляя здоровые силы общества на развитие республики.

Вчера некоторые выступавшие говорили, что в зале сидят экстремисты, сволочи, но на самом деле никто не знает, какие люди входят в «Растохез». Мне было стыдно за выступавших товарищей перед ними. А туда входят ученые, писатели, поэты, журналисты. Достаточно назвать Лоика Шерали, Сотима Улугзода, Отахона Латифи, Акбара Турсуна и много других. Не исключено, что со стороны некоторых возможны проявления и экстремизма.

Мне непонятно было, почему мы вчера не могли спокойно выслушать студента, представителя молодежи, который пользуется у нее авторитетом и может вести с ней работу.

Мы в первую очередь должны учитывать мнение именно молодежи. Жалко, Борис Карлович, что двухдневный искренний разговор не дает положительных результатов. Жаль, что участники пленума не соглашаются на отставку руководства. Это на нашей совести.

Танки «охраняют» митингующих

Я вышел 13 февраля на митинг после просьб руководителей. Меня просили это сделать тов. Махкамов К.М. и другие. Моя работа в этом Временном комитете тоже согласована с

ними. Во избежание кривотолков, на прошлом и настоящем пленуме, руководители могли бы дать разъяснение или справку по этому вопросу участникам пленума, которые не являлись очевидцами трагических событий и переговоров. Какую власть мы хотим, об этом неоднократно говорил тов. Пуго вчера на заседании Комитета в присутствии секретаря ЦК Компартии Таджикистана тов. Шабдолова и секретаря Горкома тов. Алимова, а также по республиканскому телевидению.

Пленум должен сегодня принять решение. Очень бы хотелось, чтобы данное решение было правильным и последним. Независимо от решения пленума, мы делаем все возможное, чтобы не лилась больше кровь и нормализовалась обстановка!».

Решающими днями кровавых февральских событий были 12 и 14 февраля 1990 года. Поскольку пролилась невинная кровь, и все почувствовали слабость, как верховной власти, так и участников обоих пленумов, посвященного кровавым событиям, – коммунисты города, во главе со своим руководителем, организовали глубокой ночью пленум городского комитета партии. На нем они обвиняли руководителей в слабоволии и приняли все меры, чтобы любой ценой удержаться на своих местах. Чтобы спасти положение, Джамшед Каримов, глава парторганизации города Душанбе, просил приехать некоторых членов Бюро ЦК, а главное – представителя Центра Бориса Пуго.

Тогда, как это будет подтверждено позже, КГБ активно способствовал «развязыванию братоубийственной войны в Таджикистане». Оружие, из которого стреляли в людей 12 февраля 1990 г., принадлежало спецслужбам КГБ Таджикистана. Это выяснил руководитель следственной бригады генпрокуратуры по расследованию ферганских событий 1990 года Солиджон Джураев. Расследование было проведено с привлечением большого количества оперативно-следственных работников КГБ и Генпрокуратуры не только Таджикистана, но и СССР. Их было больше 100 человек.

На начальном этапе руководителем этой большой следственной группы был старший следователь по особо важным делам при генпрокуроре СССР Олег Литвак. После того, как

Литвак убедился, что, мягко говоря, ищут не там и обвиняют не тех, с согласия Центра, бразды управления оперативно-следственными делами передали местному прокурору – Солиджону Джураеву.

Для многих членов этой следственной бригады были смехотворными выдвинутые против меня обвинения, прозвучавшие из уст тогдашнего Председателя Совмина Изатулло Хаёева, заявившего о попытке государственного переворота. Хотя тогда прокурор Таджикистана Геннадий Михайлин заявил, что будет проведено тщательное расследование по данному заявлению, однако этого сделано не было. Наверное, просто потому что никакой попытки переворота не было, и все это было просто надуманным.

«Совершенно серьезно»:

15 февраля состоялся пленум ЦК Компартии Таджикистана, что на самом деле было совещанием всех руководителей республики. Официально рассматривался вопрос «о политической ситуации в республике», но на самом у деле была кампания по выявлению и изобретению виновных. Любому, кто имел отличное мнение, не давали высказаться.

Самый страшный момент наступил тогда, когда Бури Каримову не дали говорить на родном таджикском языке.

С. Ериён «Фарханг», 3-4, Душанбе, 1990 г.

Михайлин по просьбе руководства ЦК Компартии Таджикистана и представителей Центра, не афишируя этого, все-таки завел уголовное дело и начал вести расследование. И меня, и многих членов Временного комитета много раз приглашали для дачи показаний в качестве свидетелей.

Тогда уже к расследованию подключилось КГБ республики, а именно – председатель Петкель, который заявил, что будет произведено партийное, а в дальнейшем и прокурорское расследование. Это выглядело смехотворно, поскольку, если

речь идет о государственном перевороте, надо тут же подключать прокуратуру.

А они тогда знали, что требования народа – справедливые. С молчаливого согласия руководства стреляли по людям боевыми патронами, поскольку решено было данную проблему снять именно силовым способом.

Петкель же заявил, что это произошло по указанию Центра и местных руководителей. Спустя день, под руководством Бориса Пуго – Председателя Комитета партийного контроля при ЦК, члена Политбюро, который находился в Таджикистане по поручению Михаила Горбачева, началось проведение партийного расследования.

Важно подчеркнуть, что с того дня целых четыре месяца более ста человек занимались поиском виновников февральских событий, и, ничего не найдя, прокуроры и следователи из Центра переложили и следствие, и, одновременно, ответственность – на местных следователей и прокуроров.

Что же касается меня, то надо напомнить, что 18 сотрудников следственной бригады занимались исключительно тем, что старались найти хоть какой-то маломальский факт, чтобы можно было обвинить меня в подготовке переворота. Они дотошно перепроверили всю мою трудовую биографию – с первого дня моего появления на производстве.

К счастью, после того, как на местного прокурора Солиджона Джураева возложили руководство оперативно-следственной бригадой, работа приобрела новое качество – она стала более прозрачной. И я, вместе с другими ответственными руководителями, обвиненными в попытке государственного переворота, понял, что свет в конце тоннеля – вполне реален.

«Совершенно открыто»: Досье:

***Гоибназар Паллаев** (1929-2000) – таджикский советский государственный и партийный деятель. Член КПСС; член ЦРК КПСС (1986-1990), первый секретарь Курган-Тюбинского обкома КП Таджикистана (1983-*

1986). Депутат Совета Национальностей Верховного Совета СССР 10-11 созывов (1970–1989) от Таджикской ССР. Депутат Верховного Совета Таджикской ССР.

Г.П. Паллаев

Родился 20 мая 1929 года в городе Ош.

В 1937 году семья Паллаевых перебралась обратно в Шугнанский район, и отец отдал сына учиться в детский дом, затем в интернат. Окончил Таджикский сельскохозяйственный институт (1954).

Работал: в 1954-1958 годах – агрономом колхоза им. Кагановича Джиликульского района, главным агроном, директором Чубекской МТС Московского района Кулябской области; в 1958-1959 – начальником инспекции по сельскому хозяйству, заместителем председателя Московского райисполкома; в 1959-1960 – секретарем Московского райкома КП Таджикистана. Далее – в 1960-1961 – заместителем министра сельского хозяйства ТССР, в 1961-1964 – первый секретарь Аштского райкома. Затем в 1964-1973 – первый секретарь Ленинского райкома, секретарь парткома производственного колхозно-совхозного управления. В период с 1973 по 1977 гг. – председатель РО «Таджиксельхозтехника», затем 1977-1984 – первый секретарь Курган-Тюбинского обкома КП Таджикистана, а с февраля 1984 по август 1990 года – председатель Президиума Верховного Совета Таджикской ССР – заместителя председателя президиума ВС СССР.

В апреле 1990 года на первой сессии Верховного Совета Таджикистана 12-го созыва проиграл выборы председателя Верховного Совета ТССР Каххору Махкамову (набрал 62 голоса против 162 у конкурента).

Это еще одно доказательство того, что он боролся за власть, даже выставлял свою кандидатуру против действующего руководителя, коллеги, первого лица государства. Одним словом, стремясь сохранить власть в лице Первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана, Хаёев тоже хотел стать «Первым», а Паллаев своими действиями тоже доказал, что все они борются за власть. Они хотят не только сохранить ее, но еще и стать «Первыми». А когда на политическом небосклоне появился неожиданно Бури Каримов, все трое, вместе со своими командами, ополчились против него. (Прим. автора).

У нас были основания верить, но мы заблуждались. Именно тогда, 14 февраля 1990 г., председатель Президиума Верховного Совета Таджикистана Г. Паллаев подписал решение о создании комиссии, которая будет объективно расследовать кровавые февральские события, произошедшие в Душанбе. В эту комиссию вошли 15 депутатов, правоведы и силовики, а также представители рабочего класса и студенчества. Так появилась реальная возможность проведения второго, параллельного расследования, на этот раз силами членов парламента, которое предоставило бы объективную информацию.

И комиссия тут же приступила к работе. А в это время, как на совещаниях в ЦК, так и вне их, верхушка страны занималась активным поиском виноватых, при этом отлично понимая, что во всем происходящем виноваты в первую очередь они сами.

Именно 14 февраля, решением Бюро ЦК Компартии Таджикистана, якобы для объективной оценки событий в городе, был организован своеобразный пресс-центр СМИ, который начал заниматься защитой верховной власти и очернением митингующих. Справедливости ради надо сказать, что то-

гда, напрямую, лично меня эти СМИ не обвиняли, поскольку многие журналисты хорошо меня знали, как по работе, так и по моим поступкам – причем, не только на площади, но и на пленуме.

Именно я был единственным руководителем, который, занимая высокую должность, считай, по тем временам – четвертый человек в республике, поскольку все вопросы решались через Госплан, подталкиваемый самим ходом событий, невольно оказался на стороне народа. К этому меня привели не только ситуация, обстановка, ищущие правды соотечественники, но прежде всего – собственная совесть. Я, даже еще не представляя всей головокружительной глубины предстоящей кровавой катастрофы, с высокой трибуны пленума обратился тогда к властям:

– Я не прошу, я умоляю вас – уйдите в отставку!..

Выступая, я обращался к залу, а произнося слова об отставке, повернулся к «тройке» и просил их с огромным эмоциональным напряжением. Я отдавал себе ясный отчет в том, что делаю. Но при этом я прекрасно понимал, что ситуацию спасет именно их отставка, поскольку они должны были, после всех трагических событий, и главным образом, – после пролитой крови, да и просто по совести – немедленно сделать это.

Правитель, которому нечего молвить народу,
Самим своим нравом дурным не подходит народу.
Вовеки не будет он обществом принят своим...
Уж лучше, чем с ним, без правителя будет народу.
Хокирох, Душанбе, 1990

Я и сегодня, по прошествии многих лет, по-прежнему не устаю предупреждать, что в подобных ситуациях тупое желание удержать власть любой ценой и абсолютная безнаказанность – неизменно приводят к повторению подобных ситуаций, за которыми неминуемо следует кровавое подавление народного негодования…

Что началось тогда в зале пленума – описать трудно! Это надо было видеть. Все происходящее было похоже на всеобщее безумие. Зал вскочил! Все топали ногами и орали. Ожидая чего-то в этом роде, я все же без малейшего сомнения сделал то, что был должен. Сами же руководители, когда просили меня выйти к народу, – не ожидали от митингующих, что они выберут меня председателем Временного комитета, а от меня – что я так, на их взгляд, жестко обойдусь с ними. Но люди, пришедшие на площадь, да и я сам – ждали решительных перемен. Тем более что не только в центре и других регионах СССР, но и у нас в Таджикистане, в Душанбе, возникло несколько новых, в том числе молодежных, организаций, которые не только выдвигали требования о независимости, суверенитете страны, свободе слова, но и смело говорили о проблемах, накопившихся в таджикском обществе, требуя ухода в отставку прежних руководителей, долгие годы занимавших свои посты и тормозящих кардинальные реформы, происходившие уже по всей стране.

Как ни странно, руководители высокого ранга иногда не понимают, что надо своевременно уходить в отставку. Занимать должность, согласно закону, но – не до скончания же своих дней!.. Это – несомненно, одна из главных проблем государств с авторитарным режимом управления и неискоренимой вседозволенностью. И когда ради этого порой переписывают под себя основной Закон страны – Конституцию, какое может быть доверие таким руководителям?

Неудивительно, что в такой ситуации, как это не раз бывало в истории, руководители постарались переложить всю вину на подобные организации или же отдельных людей, которые не имели серьезной защиты, ведь их легко обвинить, чтобы потом все на них же и списать. Вот почему, как на пленуме, так и за его стенами, главной мишенью оказался я.

Я по-прежнему приходил в свой кабинет, работал и возвращался домой, но уже с оглядкой. Тем более что меня одновременно охраняли не только представители силовых структур той власти, которой я служил, но и молодые активисты, кото-

рые искренно верили как в мою невиновность, так и в то, что правда восторжествует, и я буду продолжать исполнять свои обязанности. И что со временем все встанет на свои места, и восторжествует справедливость...

На страже ЦК

Важно отметить два факта. Первый – то, что в тот момент, скрытно, но явно, в столице республики шла острая клановая борьба между представителями южного и северного регионов. Южане были недовольны тем, что из года в год северяне занимали высокий пост первого секретаря Компартии Таджикистана. А второй – что памирцы и гармцы были недовольны тем, что им всегда достается только третий, хотя и почетный, пост – председателя Президиума Верховного Совета. И они стремились продвинуть своего представителя на самый верх.

Было очевидно, и это доказано, что и внутри самой «тройки» шла ожесточенная борьба. «Заготовки» Председателя Президиума Верховного Совета Паллаева и Председателя Совета Министров Хаёева были весьма запутанными и, мягко говоря, своеобразными. Их представители старались делать все в высшей степени завуалировано, но это не могло продолжаться вечно…

Перемены и все, происходящее вокруг, каждый из них стремился использовать с выгодой для себя. А тут вдруг возник я, который вдруг начал пользоваться серьезным уважением у местного населения, особенно после выступлений на ра-

дио, телевидении и на митингах. И вот по этой самой причине между тремя сторонами разгорелась серьезнейшая борьба.

В сложившейся ситуации я не знал, как себя повести. Председатель Президиума Верховного Совета Паллаев не скрывал своей ненависти к Первому секретарю ЦК Махкамову и Предсовмина Изатулло Хаеёву, – всячески боролся за удержание власти.

Тем временем в стране разрастался глубокий кризис. Ситуация грозила выйти из-под контроля, поскольку было доказано, что с 12 по 14 февраля 1990 г. из автомата Калашникова был убит 21 человек и 127 – ранены. Количество погибших равнялось 24. Трое других – погибли как-то иначе. Были еще сотни людей, получившие различные травмы или ранения, но побоявшиеся обратиться за врачебной помощью.

12 февраля непрекращающиеся требования митингующих напугали руководство, в результате чего – до объявления чрезвычайного положения и введения комендантского часа – уже были ранены 46 человек, из которых пятеро – скончались.

Именно до объявления комендантского часа были убиты Шеров, Маджнунов, Фозилов и Нигматулина. Эти данные подтверждаются и приводятся в материалах расследования параллельной комиссии, созданной Верховным Советом республики.

Но даже по этим неоспоримым сведениям, имеющим все же неполный характер, число пострадавших было намного больше. Эта важнейшая информация долгое время была запрещена к публикации. И вот, несмотря на то, что была создана альтернативная следственная группа в составе 15 человек, – ради сохранения своих кресел, и даже отвлекшись на время от всепоглощающей «подковерной» борьбы, – «тройка» направила все свои силы на обвинение «группы лиц» в попытке государственного переворота. И только ради того, чтобы в глазах народа выглядеть невиновными в произошедшем.

Трудно было мне и другим, так называемым заговорщикам, отстаивать свою невиновность в ситуации, когда на нас были секретно заведены уголовные дела. При этом мы были

лишены возможности получать достоверные данные и вынуждены были приводить в свое оправдание общие данные, поддерживаемые только выступлениями митингующих.

С одной стороны, параллельно работающая комиссия доказала, что военные использовали автоматы Калашникова и военную технику, преступно превысив свои полномочия, а с другой, никуда не годное руководство продолжало обвинять митингующих, заявляя, что среди них большинство были наркоманами или алкоголиками, грабившими магазины и поджигавшими все, что попадалось им по дороге.

Понимая надуманность многих обвинений, я изо всех сил защищал митингующих, заявляя повсюду, что 99% из них были простыми жителями нашей республики, которые боролись за серьезные перемены в жизни, за социальную справедливость и требовали, чтобы с ними считались как со свободными людьми. Именно то, что испуганные руководители не вышли к митингующим, когда их об этом просили, привело людей в ярость и вызвало агрессивные действия со стороны митингующих, и в первую очередь – молодежи.

Небезынтересным является и тот факт, что Верховный Совет республики принял решение, по которому незаконным считалось создание Временного комитета в период 12 – 14 февраля 1990 года. Само же свое решение Верховный Совет, опиравшийся на многолетнюю партийную практику, объяснял, как всегда, многочисленными просьбами граждан республики.

Примечательно и то, что до этого именно Председатель Верховного Совета Г. Паллаев лично подписал протокол об отставке, в том числе и своей собственной с членами Временного комитета. Он же, по некоторым данным, через своих людей звал людей идти на митинги.

Возникает законный вопрос: разве подписывают с каким-то незаконным комитетом – протокол о своей собственной отставке? Здесь же на лицо – явное противоречие. Но в большой политике случаются и не такие казусы. По сути дела, в ней – возможно все!..

Просто в сложившейся тогда обстановке, под угрожающим натиском митингующих, они вынуждены были сотрудничать с Временным комитетом. А вот после того, как из Центра подоспела внушительная поддержка – спецподразделениями и вооружением – руководители уже повели себя прямо противоположным образом.

Так почему же все-таки они тогда так невероятно переменились?

Во-первых, потому что почувствовали за спиной силу, которая уже была переброшена в Душанбе для удержания ими власти.

Во-вторых, потому что, по предложению Бориса Пуго, Михаил Горбачев одобрил разработанный ими совместный план стабилизации ситуации в Таджикистане, чтобы происходящее в нем не стало примером для других союзных республик.

В-третьих, потому что и номенклатура, и бюрократический аппарат, и руководители в Центре и на местах – отлично понимали, что если они не поддержат руководителей в Таджикистане, то и им самим – не усидеть в своих креслах!

«Совершенно открыто»:

Во всем Таджикистане мало людей, которые бы спрашивали: кто такой Бури Каримов? Одним словом, он был надеждой Таджикистана... Люди говорили: если так пойдет, то в будущем Бури Каримов точно станет первым секретарем ЦК или Председателем Совета Министров республики. Бури имел много больших, добрых планов, он одинаково смотрел на развитие всех районов...

Газета «Адолат», Душанбе, 1990

15 февраля 1990 г. Поздним вечером я вернулся домой. И до самого утра не мог сомкнуть глаз. Этот день был тяжелее других. Встречаясь с работниками аппарата, я тогда увидел, что они разительно переменились. Но я вел себя, как и прежде,

ни на кого не оглядывался, ничего не боялся, называл вещи своими именами и при встрече все время убеждал троих руководителей республики, что их отставка является требованием времени.

После пролитой крови они все должны уйти в отставку – и незамедлительно. Если же они не сделают этого сегодня, то завтра народ принудит их к этому, но уже ценой несравнимо больших жертв.

И как же я оказался прав! Последовавшие за этим позорный уход Каххора Махкамова и дальнейшая кровавая трагедия – продолжительная гражданская война – неоспоримое тому подтверждение.

Утром следующего дня телефоны звонили, не умолкая, особенно те, номера которых объявили поздно ночью по центральному телевидению. Я, как всегда, с самого утра сидел за своим рабочим столом, не выпуская из рук трубок непрерывно звонивших телефонов. Кто-то – не скрывал своей ненависти к руководству, виновному в недавних жертвах, кто-то – звонил, чтобы поддержать меня, а некоторые – даже чтобы поздравить, не понимая, что я всего лишь Председатель Временного комитета, а не глава государства.

В этот день работники городского комитета партии были как никогда активны. Они толпились в приемной у секретаря городского комитета, ожидая, что решит руководящая «тройка», подавшая ночью в отставку, а уже утром объясняющая всем, что они, «подписывая протокол с Временным комитетом, имели в виду, что уйдем со своих постов после решения пленума и очередной сессии Верховного Совета».

Совершенно очевидно, что это была очередная интрига руководителей, ход которой оттягивал время для переброски дополнительных войск из Центра и передислокации их внутри республики.

Борис Пуго несколько раз успел переговорить и со мной. Он как будто бы даже понимал необходимость успокоения митингующих и мирного разрешения взрывоопасной ситуации.

Но я заметил, что подобным же образом пообщался он и с другими. А вот что они советовали ему, мне было неведомо.

На первоначальном этапе работы Временного комитета Борис Пуго убеждал меня, что в Комитет должны войти представители и от других групп, в том числе – от коммунистической партии.

– Вы же понимаете, что без этого народ не поймет нас. В Комитете должны присутствовать представители всех направлений и движений.

– Я согласен с вами, Борис Карлович. С одной стороны, несколько членов Комитета являются членами партии, с другой – двери Комитета открыты и для других. А самое главное – в сложившейся ситуации важно, чтобы членов Временного народного комитета члены ЦК не превратили во врагов.

– Именно поэтому я и хочу, – продолжал Борис Пуго, – чтобы в состав Комитета были введены дополнительно несколько человек.

Тогда не до конца была понятна идея Бориса Карловича, который имел опыт службы и в специальных органах, и в партийных. И вот «Комитет 17» превратился в «Комитет 20», а в другом варианте – 21. В тот день уже стало абсолютно ясно, что и высшая власть, и руководители среднего звена, особенно руководители телевидения, радио и других СМИ, – были строго предупреждены о том, что члены Комитета не должны получить возможность выступать и рассказывать о своих истинных задачах.

15 февраля члены Комитета собрались в моем кабинете, чтобы обсудить один единственный и главный вопрос – что нужно сделать, чтобы успокоить митингующих, и люди могли спокойно выходить на работу? Во всяком случае, 15 февраля – в различных районах города – люди активно собирались на самопроизвольные митинги. Хотя многих сдерживало то, что 15, 16 и 17 февраля были объявлены днями траура по погибшим. С другой стороны, таджикский народ – в большинстве своем народ верующий. Именно глубокая религиозность и внутренний душевный склад удерживали людей от очередных

необдуманных шагов, и, разумеется, большинство не стремилось попасть на многотысячные митинги.

Воспользовавшись ситуацией, другие силы под руководством и с согласия некоторых членов правительства оперативно создали свою организацию под названием «Вахдат» («Согласие»). Поскольку их программа не была до конца ясна, члены «Комитета 17» не захотели сотрудничать с ними, а некоторые их даже не признали. Я был единственным человеком, который оказался связующим мостом между руководителями государства – через «Комитет 17» – и народом. А в данном случае – и с новой организацией «Вахдат». Я из всех сил успокаивал народ, просил и уговаривал людей в создавшейся ситуации сотрудничать не только с «Вахдатом», но и с другими организациями – ради одной, но наиглавнейшей цели – последовательного налаживания жизни в городе, столице республики. Я был сторонником того, чтобы в работе этих организаций участвовали также руководители и представители ЦК Компартии республики и городского руководства.

Заседает Временный народный комитет. Госплан. Душанбе. 1990 г.

В тот день в совместном совещании участвовали как руководители ЦК Компартии, так и городские власти: Шабдолов, Олимов, помощник первого секретаря ЦК Шералиев и др. С ходу завязалась жесткая дискуссия, и мне пришлось употребить все свои способности, как организаторские, так и ораторские, чтобы успокоить и примирить все стороны и без горячки обсудить самые неотложные вопросы.

Но покуда «Комитет 17» и представители других организаций – заседали, обстановка на улицах все накалялась. Время от времени поступали устные и письменные сообщения, что в разных частях города происходят стычки и разграбления магазинов.

Члены Комитета вынуждены были ездить по так называемым «горячим точкам» и многое делать ради стабилизации обстановки.

В очередном заседании «Комитета 17» принимал участие сам Борис Пуго. Обращаясь ко мне, он высказался в том духе, что, конечно, дескать, ваше дело, кого приглашать, кого не приглашать, но все-таки члены ЦК Компартии республики жалуются, что вы их на свои совещания не зовете… Признаюсь, мне крайне не понравилась его обвинительная интонация, и я возразил:

– Борис Карлович, зря вы говорите подобные вещи, ведь мы с самого начала были открыты для всех. И не только от членов коммунистической партии, но и от других людей – ровным счетом ничего не скрывали и не скрываем.

Заметно было, что Пуго и коммунисты хотели через своих представителей подробнейшим образом узнавать, чем занимается «Комитет», чтобы в случае чего сообщить обо всем, как говорится, по инстанциям и при этом внести свои «коррективы». А главное – решить проблемы и повернуть ситуацию – в нужном для них направлении.

Тогда Пуго вел себя весьма корректно и дипломатично, но при этом было заметно, что он дьявольски хитер. Видимо, занимаемая им должность и все его прошлое и настоящее заставляли его быть именно таким. Он, по большей части, слушал, внимательно глядя собеседнику в глаза. Подобным же образом изучал он и меня, понимая, что я имею авторитет не только у митингующих, но, несомненно, и у членов «Комитета».

«Совершенно открыто»:
Многие эксперты высказали предположение, что 53-летний латыш «интерфронтовской» ориентации Борис Пуго будет проводить значительно более жесткую политику в отношении республик, чем его предшественник Бакатин, контактировавший с мятежными министерствами внутренних дел Эстонии и Латвии и вызвавший гнев военно-партийного лобби – депутатской группы «Союз».

«Балтийское время», № 6 (114) от 28.01.1991

И когда Пуго задавал мне вопросы, в его словах чувствовался страх не удержать под контролем ситуацию, которая явно ускользала из его рук. Ведь он должен был ответить Центру. Пользуясь этим, некоторые члены «Комитета» буквально обрушились на него. Особенно, когда речь зашла о раненых и убитых и о том, что руководители не хотят по-хорошему уйти в отставку. Но Пуго до самого последнего момента, даже после пленума Городского комитета, держал в секрете свои главные козыри.

Военные охраняют Дом правительства. Душанбе. 1990 г.

Это были две важные поправки. Первая: по причине ухода в отставку конституционным путем, во время подписания протокола он и другие руководители внесли свою поправку: «Уходим в отставку в соответствии с существующим законодательством». И вторая: запись в третьем пункте, касающаяся введения незначительного контингента Советской армии и внутренних войск для охраны важнейших государственных учреждений и объектов народного хозяйства города…

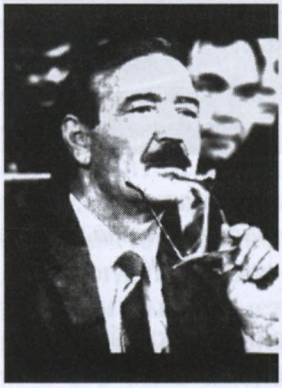
Пуго и руководство республики, добиваясь включения в протокол двух этих пунктов, и с учетом того, что 15, 16 и 17

февраля 1990 г. были объявлены днями траура по всей республике, достигали того, к чему они стремились.

«Тройка», с подачи Пуго и с согласия Горбачева, перебросила к Душанбе значительный контингент войск и военной техники не только из различных регионов республики, но и из Центра. Так хитроумные политические игры Пуго заморозили выход из ситуации, загнав болезнь внутрь и предопределив последующий взрыв в республике, а практически – ее саморазрушение.

Но вернемся к работе «Комитета 17», который продолжал заседать совместно с вновь созданной организацией «Вахдат». В кабинете уже не хватало мест для всех, желающих подискутировать. Участников стало уже больше 50, с учетом руководства и других представителей ЦК.

Почему же все-таки появилась организация «Вахдат», в которую вошли люди, стремившиеся к нормализации обстановки, но не выбранные в «Комитет»? В случае ухода в отставку «тройки», в ситуации, когда меня неожиданно избрали председателем Временного комитета, они все же хотели оказаться в числе тех, кто в будущем, возможно, станет управлять страной. Это еще больше осложнило ситуацию, поскольку «Комитет» становился все менее дееспособным, и становилось все труднее оперативно принимать решения.



Б. Собир

А. Хаким

М. Бахти

Шабдолов, один из секретарей ЦК, между прочим, выступая, позволил себе реплику – мол, некоторые, кроме не-

скольких стихотворений, больше ничего не знают. Члены «Комитета» принялись с удивлением переглядываться, не понимая, кого он имеет в виду?.. Меня ли, обратившегося к людям, стоя на танке, и сумевшего усмирить бушевавшую площадь?.. Или же – поэта Бозора Собира? Или – Мехмона Бахти? Или – Аскара Хакима? Только он сам, да Бог знали, кого же он все-таки имел в виду…

Бесспорно же только одно. То, что он до сих пор является руководителем Компартии Таджикистана, а число его единомышленников с годами так стремительно падает, что его едва хватает на то, чтобы иметь одного – двух представителей в парламенте. Тогда же ни он, ни его соратники – ни за что не хотели покидать своих кресел.

Ш.Д. Шабдолов

Кем же был Шабдолов на самом деле? В прошлом – руководитель партийной организации города Хорога Горно-Бадахшанской автономной области. В принципе, образованный человек. Но, как говорится, коммунист до мозга костей. Я с ним встречался неоднократно, когда работал министром строительства и эксплуатации автомобильных дорог республики. Учитывая, что регион этот высокогорный, руководители, как партийных, так и исполнительных органов, в то время, да и сейчас не могли развивать его без улучшения состояния автомобильных дорог.

В свое время меня избрали депутатом Верховного Совета именно от этого горного региона. И руководители района были всерьез заинтересованы в том, чтобы их депутатом стал именно я – министр строительства и эксплуатации дорог Таджикистана. За исключением трех избирателей, все остальные голосовали за мою кандидатуру.

«Партия сказала – народ сделал». Хотя, конечно же, не все принимали участие в выборах. Да и сейчас еще слишком много фальши и мухляжа при проведении избирательных ком-

паний разного уровня. А в те времена руководители искренне удивлялись, почему эти трое – вдруг взяли и проголосовали «против»? Это сейчас мы пользуемся относительной свободой, которая дает нам право выбирать, голосовать нам или нет, и при этом не боимся получить самые неожиданные проценты голосов…

Во всяком случае, по причине того, что я был дорожником и депутатом, мы с Шабдоловым часто встречались, организовывали встречи, а порою долгими вечерами обсуждали накопившиеся проблемы. Поэтому я считал, что неплохо его знаю. И никак не мог даже предположить, что он окажется одним из коварных людей и в обстоятельствах, когда лилась кровь, поведет себя с какой-то звериной хитростью и даже на мою просьбу оказать помощь в те тревожные и страшные для республики дни – поступит не по-человечески.

Будучи избранным Председателем Временного комитета, я позвонил Шабдолову, чтобы попросить совета по вопросу стабилизации обстановки. Но едва он услышал мой голос, как немедленно бросил трубку… Я понял, что Шабдолов просто боится говорить со мной. А вот почему, я еще тогда не понимал...

Просто, он уже, оказывается, знал, что ночной пленум горкома партии чуть ли не принудил первую «тройку» – не уходить в отставку. Потому-то Шабдолов, участвовавший и в других переговорах с участием Пуго и понимавший, что «тройка», скорее всего, сможет удержаться на плаву и переиграет и митингующих, и «Комитет 17», повел себя подобным образом...

…Однако мы продолжаем находиться на совещании «Комитета 17» и «Вахдата», когда представители прежней власти, то ли с большого перепугу, то ли от чистого сердца, бесконечно благодарили и членов «Комитета», и меня за то, что мы помогли остановить разгул бесчинств в городе и успокоить митингующих, собиравшихся в разных частях города. Тогда и Шабдолов, и Олимов, да и многие другие были очень даже толерантны.

Воспользовавшись моментом, члены «Вахдата» говорили исключительно о своих целях и задачах, а «Комитету 17» ос-

тавалось в этой ситуации соглашаться и даже приветствовать их, продумывая совместно с ними меры по стабилизации обстановки. И действительно, в «Комитете 17» и «Вахдате» было немало искренне любящих свой народ и родину людей. Другое дело, что они-то сами – на скорую руку «сколотили» свою группу, а вот «Комитет» – явился результатом прямого народного волеизъявления...

В те дни совместные совещания «Комитета» и «Вахдата», равно как и отдельные заседания «Комитета», проходили под пристальным вниманием средств массовой информации – телевидения, радио и газет. Удивительно, что только через 22 года некоторые оппозиционные газеты начали печатать подлинные стенограммы пленумов ЦК и другие важные документы, проливающие хоть какой-то свет на реальные обстоятельства произошедших тогда событий.

Но все равно, по состоянию на 2013 год, ни разу не были показаны видеозаписи митингов на площади у Верховного Совета республики и, в частности, на так называемом «Комсомольском озере» и перед площадью киноконцертного зала «Кохи Борбат», не говоря уже о митинге на площади перед ЦК Компартии Таджикистана.

Но факт остается фактом: «Комитет» и «Вахдат» сделали все возможное, даже организовали несколько встреч с Пуго, что стало серьезным шагом на пути к стабилизации обстановки. Другое дело, что это был уже совсем другой Пуго – его заставили перемениться. Чему у меня имеются неопровержимые доказательства.

Борис Пуго был единственным человеком, который со временем мог бы рассказать правду о многих эпизодах кровавых февральских событий. Но он ушел из жизни, причем не менее странно, чем вел себя в те кровавые дни в Душанбе…

«Совершенно серьезно»:

За пределами Таджикистана мало кто помнит, что в феврале 1990 г. Каххор Махкамов чудом избежал отставки, а возможно, и физической гибели. Спасителем Махкамова был Борис Пуго, прибывший в Душанбе в

качестве председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

«Балтийское время», №6(114) от 28.01.1991

Во время беседы со мной с глазу на глаз Пуго сказал:

– Ситуация такая, что, может быть, придется избрать вас первым секретарем ЦК.

Я тогда объяснял ему, что это вряд ли возможно, потому что, хоть я и коммунист, но не являюсь даже членом ЦК. К тому же – слишком молод для такого поста. В те минуты в глазах и поведении Пуго я ощущал неподдельную искренность…

Он даже говорил, что времена, мол, нынче другие, и надо давать дорогу молодым. Кому, дескать, как не вам, решиться на это, поскольку народ вас поддерживает. Да, пролилась кровь, но ведь не по нашей с вами вине, а народ – целиком за вас. Произнося эти слова, он как бы освобождал себя от ответственности за все, происходящее в республике, и одновременно, наверное, проверял меня.

И все же я уже видел перед собой совсем другого человека. Он явно выжидал, что будет дальше и в какую сторону повернется ситуация. В те дни все: и члены «Комитета», и сам Пуго, и члены ЦК – по дороге к зданию ЦК подбирали патроны, оставшиеся после недавней стрельбы. Но тогда мы не только патроны подбирали, но еще и проходили по окровавленному асфальту, издававшему тошнотворный, сладковатый запах вчерашней крови…

Очередная встреча была назначена на 16.00. Пуго появился вовремя. Все зашли на первый этаж здания ЦК, и вскоре началось совместное совещание «Комитета 17», «Вахдата» и представителей ЦК вместе с Пуго. Конечно, члены «Комитета» старались, чтобы их переговорам с Пуго никто не мешал. Но другие секретари ЦК, особенно Дадабаев, следовали за ним неотступно и все равно информировали его на свой лад. Все журналисты и члены «Комитета», ранее находившиеся в моем кабинете, тоже участвовали в очередном совещании. Желаю-

щих было значительно больше, но приняли решение, что имеющегося количества достаточно для переговоров.

К примеру, секретарь ЦК Дадабаев выгнал нескольких журналистов, хотя в той ситуации не стоило этого делать. Ведь чем больше присутствует представителей СМИ, тем больше можно быть уверенным, что правдивая информация дойдет до населения.

Сначала выступили я и некоторые члены «Комитета» и «Вахдата», а другая сторона, вместе с Пуго, внимательно слушала. И в ответ – даже на обращение членов «Комитета» – ничего не сказали, просто промолчали. Вот только слова одного из членов «Комитета», а именно Мирбобо Мирахимова, неожиданно расшевелили Пуго. Тогда, обращаясь к нему, Мирахимов спросил:

– Вы что, думаете, у нас отсутствует многопартийность? У нас уже давно налицо многопартийная система. Есть партия Махкамова, партия Паллаева и даже Дадабаева и Хаёева. Вот он – Дадабаев! Его у нас называют таджикским Чаушеску. Он – то возглавляет дела строительства и промышленности, то – идеологию в ЦК, то – профсоюзы. Такой уж он – многосторонний…

Не выдержав, Дадабаев вскочил с места и начал клянчить:

– Дайте мне еще немного поработать, мне же до пенсии осталось всего два – три года, я же ни в чем не виноват…

Все это он говорил по-русски, так что Борис Пуго отлично понимал его. Я и члены «Комитета» были поражены тем, насколько униженно тот себя ведет. Но он так поступал именно потому, что, на его взгляд, в это время именно «Комитет 17» – реально руководил страной.

А вот то, что он просил дать ему еще немножко «порулить» – в обстановке, когда лилась кровь и когда все ломали голову, как спасти положение, было не просто смешным, но воистину неправдоподобным!..

Такие люди, жаждущие власти и всяческих привилегий и добивающиеся ее ценой любых унижений и преступлений,

способны на все!.. И было неудивительно, что он потом продолжил свою деятельность против «Комитета 17», тем более, что ему пришлось выслушать в свой адрес весьма нелестные слова. Впрочем, он как раз из таких, кому плюнь в глаза – ему все Божья роса… Итак, когда внутри здания ЦК вновь и вновь затевались очередные совещания, на улицах продолжала литься кровь…

«Где мой сын?..»

Матери, потерявшие своих сыновей, шли на площадь, и их рыдания доносились до окон здания правительства. В десятках домов в те часы оплакивали родных. Теперь уже люди призывали всех идти на митинг на площадь «Шахидон» («Невинных жертв»). Так отныне называли они площадь перед зданием ЦК партии. И снова люди толпами повалили к зданию ЦК. В это время как раз закончилось совещание «Комитета 17» и «Вахдата».

Народ ждал хоть какого-то решения... Хотя совместное совещание продолжалась около трех часов, люди боялись, что руководители снова применят против них оружие. Как бывает в подобных случаях, срабатывает закон толпы, когда, возбуждаемая страхом, она делается все более и более опасной…

А люди все прибывали и прибывали, чтобы добиться, наконец, реальных изменений.

Но были среди них и такие, которые сознательно и расчетливо приближали назревающий взрыв….

Подстрекатели умело разжигали в толпе антиправительственные настроения, и обстановка накалялась все заметнее. Наверное, такие люди всегда были, есть и будут. И, к большому сожалению, нашлись они и в «Комитете», и в «Вахдате», и даже в руководстве страны – к примеру, Паллаев и Хаёев. Всегда существуют авантюристы, которые, пользуясь ситуацией, стремятся отомстить кому-то, не гнушаясь при этом никакими, самыми грязными, средствами.

К этому моменту здания ЦК и правительства Таджикистана защищались уже не только местными войсками, но и «Альфой», присланной из Центра. Здание ЦК было окружено двумя кордонами и взято для верности в два кольца. Учитывая, что «тройка» ушла в отставку, члены «Комитета 17» начали готовить список руководителей, которых они хотели видеть в правительстве.

Они попросили меня раздобыть список членов бывшего правительства. Такой список (а попросту – список правительственных телефонов) был и в ЦК. Изучив его, они подготовили свой вариант руководителей министерств и ведомств. Члены «Комитета» действительно верили, что все идет к тому, что прежние руководители возьмут – и добровольно освободят свои кресла.

Члены «Комитета» включили в список людей, искренне веривших в возможность перемен, и тех, кто пользовался уважением и хоть какой-то популярностью у населения. Но не тут-то было. На пленуме, зачитывая фамилии из списка, члены ЦК принялись обвинять этих людей в том, что они якобы поддерживают «Комитет 17» и имеют с ним связь. Это был хорошо отработанный прием партийцев и «комитетчиков». Поэтому, когда на пленуме люди услышали, как зачитываются их фамилии, они начали всерьез опасаться за свои должности и, как и следовало ожидать, принялись оправдываться. Дескать, они никакого отношения к митингующим не имеют, и уж тем более – к «Комитету 17».

И ни сном, ни духом не ведают, как оказались в этом списке… Поступая подобным образом, они хотели получить

шанс удержаться на своем посту… В нормальной ситуации они были бы счастливы попасть в подобный список…

Но в существующих условиях они не только ото всего отреклись, но еще и принялись чернить митингующих, а вместе с ними и «Комитет 17».

Д.Х. Каримов

Некоторые члены Бюро и ЦК дошли до того, что поддерживали своего партийного лидера Махкамова, который утверждал, что это митингующие организовали беспорядки, тогда как другой член ЦК Мирхоликов называл людей на площади – «группой экстремистов» и бандитами, Махмадалиев – «кучкой хулиганов», а Джамшед Каримов – превзошел всех и, послав их по матери, заклеймил как «прожженных сволочей»…

Но среди подобных «ортодоксов» были на пленуме люди из числа членов ЦК, крупных руководителей и членов правительства, поддержавшие требования, которые выдвигали «Комитет 17», митингующие и я. В их числе – министр мелиорации, бывший секретарь ЦК Насреддинов, член Ревизионной комиссии Компартии Таджикистана Тагоев, Председатель Ревизионной комиссии Компартии Таджикистана Борзенко, заместитель руководителя управления делами Совета Министров Очилов и некоторые другие.

К примеру, Очилов сказал, что вот, мол, пять дней подряд идут митинги. И многих, которые здесь так бурно выступают на пленуме, там вовсе даже не было. «И надо благодарить именно членов «Временного комитета 17», – продолжал он, – что они стали на пути митингующих, как перед зданием Совета Министров, так и в других местах, и успокоили бу-

шующую толпу. Ведь это именно они, останавливая людей, всегда говорили: не допускайте, чтобы негодяи подняли руку на русских и оскорбляли их. А где в это время были вы, дорогие мои партийцы, особенно работники партийных структур? Что вы делали вчера, если сегодня – так красиво разглагольствуете?!. Где вы были, еще раз спрашиваю вас, где вы были тогда?!. Где вы отсиживались, в конце-то концов?!.»

Х. Насреддинов

Почувствовав, что пленум принимает неожиданное направление, решили объявить перерыв и перенести его работу на следующий день. Этот шаг, разумеется, оказался привычным тактическим ходом. Надо было потянуть время, чтобы посмотреть, что смогут сделать «силовики», а там – ситуация подсказала бы, как им поступать дальше.

В ночь с 14 на 15 февраля руководство страны, сопровождаемое Борисом Пуго, приехало после пленума городского комитета партии в здание телевидения. Дикторы зачитали протокол об их отставке, и они сами, в присутствии некоторых членов Временного народного комитета, в том числе меня и Бозора Собира, подтвердили свою отставку.

Интересно, что до этого председатель Гостелерадио Джураев на собрании актива города Душанбе доложил, что члены Временного комитета якобы находятся в здании телевидения, чтобы силой захватить эфир и выступить. На самом же деле мы там были по согласованию с руководством страны, поскольку накануне договорились о том, что для стабилизации обстановки и успокоения людей сами руководители выступят по телевидению и сообщат населению о принятом решении.

Доказательством того, что такое решение существовало, служит сам приезд Пуго и руководства республики на телевидение и их последующее выступление. Но речь идет о Джураевых и подобных им, которых было тогда немало, дававших не только руководству республики, но и активу, мягко говоря, неверную информацию.

Ш. Султонов

Другим членом ЦК был Шухрат Султонов, который в то время возглавлял организационный отдел ЦК Компартии Таджикистана. Немаловажно, что в горбачевские времена Султонов в составе делегации «Восходящих молодых лидеров СССР» оказался вместе со мной в Америке. И имел обо мне довольно полное представление. И – как я работал раньше, и как я держался в Америке, и почему мне доверили столь высокий пост. И вот, несмотря на все это, в те тяжелые для меня дни он не только не поддержал меня, но – наоборот – предложил включить в решение пленума куда более жесткую формулировку, касающуюся меня, чем предлагалось.

Впрочем, когда человек попадает в беду, тут-то и познаются и его истинные друзья, и его откровенные враги, и все его окружение. Хотя тогда для меня уже не имели никакого значения ни их высказывания, ни их поведение, потому что к тому времени я уже получил исчерпывающее представление о грязной изнанке политической жизни и понял, что есть люди, которые ради должностей и привилегий готовы продать мать родную и ни перед чем не остановятся.

И все же позже я с интересом наблюдал, как Шухрата Султонова выдал его коллега из КГБ, с обидой написавший в своей статье, что вот, дескать, Султонов, став руководителем администрации президента, не выделил деньги для его газеты

под названием «Щит». Мол, как же, это – сын кагэбэшника, а своим не помогает?!.

Наступило 15 февраля. Напомню, что 15, 16 и 17 февраля были объявлены днями траура по невинно погибшим во время столкновений, произошедших 12 – 14 февраля на улицах Душанбе. С одной стороны, именно объявление чрезвычайной ситуации и комендантского часа сдерживали людей, а с другой, согласно протоколу об отставке руководства, члены Временного народного комитета брали на себя ответственность за стабилизацию обстановки.

И хотя были попытки некоторой части населения Душанбе выходить на митинги, но принимались все меры, чтобы не допустить нового кровопролития, и особенно в дни траура.

Конечно же, людей сдерживал не столько комендантский час, сколько объявление дней траура, священных для мусульман. И действительно, в эти дни на улицах было относительно тихо.

«Совершенно открыто»:

14 февраля делегация Народного комитета прибыла в осажденное здание ЦК партии, где её приняли Махкамов и Пуго. Махкамову была отведена роль пассивного наблюдателя, в то время как Пуго и представители Народного Комитета разрабатывали совместный протокол об отставке руководства Таджикистана.

В ночь с 14 на 15 февраля протокол был прочитан по таджикскому телевидению. Отставку Махкамова (а также Председателя Совмина и Председателя Президиума ВС Таджикистана), как это предусматривалось протоколом, должен был утвердить назначенный на 15 февраля пленум ЦК КП Таджикистана. Сам Махкамов заявил об окончательности своего решения об отставке.

«Балтийское время», №6(114) от 28.01.1991

16 февраля пленум продолжил свою работу. Глава коммунистов опять начал себя выгораживать, оправдывать и объяснять, почему он подал в отставку. Он – то говорил о том, что вынужден был поступить так под натиском митингующих и

членов «Комитета 17», то «признавался», что его мучила совесть, и он из-за этого подал в отставку. И совсем неудивительно, что участникам пленума все это показалось малоубедительным. Ведь он выдавал себя за жертву, пытаясь вызвать жалость у присутствующих и совсем забывая и о пролитой крови, и том, что он был в ответе за происходящее в республике.

И становилось непонятно, когда же он был самим собой и говорил по-настоящему искренне? Что же касается другого руководителя – Паллаева, то он внешне всегда либо выражал нейтралитет, либо поддерживал митингующих. Хотя делал он это с особой осторожностью. Но я знал, что он в высшей степени неискренен. В ЦК говорит одно, в Верховном Совете – другое, а в ином месте – что-то прямо противоположное всему, сказанному прежде...

В итоге же доказал, что он именно такой и есть, что подтвердилось на примере наших с ним отношений. Пригласив меня к себе, он объявил, что, очевидно, вся «тройка» должна будет уйти в отставку, в том числе и он сам. Что нынешние требования митингующих – это совсем не простые, не рядовые требования.

И даже как-то раз обронил, что чем больше людей прибывает из регионов на митинг, тем быстрее развяжется этот тугой узел. Несмотря на такие его высказывания, едва ли не провокационные, мне, конечно, и в голову не могло прийти призывать людей идти на митинг. Я отлично знал цену подобным вещам.

И рад по сей день, что не пошел тогда на поводу у Паллаева. Позже я не раз спрашивал себя, снова и снова возвращаясь к его словам, – как же мог он, руководитель такого уровня, занимавший серьезный государственный пост, быть сторонником проведения подобных массовых митингов?

Он явно хотел, чтобы руководители, в том числе и он сам, – ушли в отставку. Ему практически нечего было терять. Он видел, что времена изменились и к власти должны придти молодые. И он – человек преклонного возраста – вел свою игру, при этом было понятно, что он хочет кого-то другого продвинуть на свое

место. А тут вдруг на гребне политической волны – возник я... Если называть вещи своими именами, он просто заигрывал со мной, ведя свою запутанную шахматную партию.

Если бы это было не так, почему же тогда он принял решение Верховного Совета об отмене протокола об отставке? Причем, обосновывая это тем, что якобы «Комитет 17» был создан незаконно. Но тогда возникает естественный вопрос: каким же образом с этим самым «незаконным» «Комитетом 17» руководители страны все-таки сели за стол переговоров и подписали протокол об отставке? Двуличие налицо, особенно – председателя Верховного Совета Паллаева. Было очевидно, что если даже он пошел бы навстречу тем самым митингующим, которых он так желал собрать из разных районов в центре города, и хотя бы их поддержал, тогда события вполне могли бы пойти по другому сценарию.

Что же касается председателя Совмина Хаёева, то он, с первых дней моего появления во властных структурах, внимательно ко мне присматривался. И поначалу ему даже нравилось, как я работаю на посту председателя Госплана. Что же касается моей прежней деятельности на посту министра, то Хаёев, как говорится, одобрял ее целиком и полностью… Вот почему во время своих деловых поездок по стране он непременно включал меня в свою команду. Практически не было ни одной его поездки по горным регионам, в которой бы я не находился рядом с председателем Совета Министров Хаёевым.

Поскольку я прошел определенную научную школу, то с первого же раза умудрился неожиданным образом удивить членов правительства, поскольку свой доклад, посвященный выполнению государственного плана страны и очередным задачам на текущий год, я проиллюстрировал многочисленными рисунками, графиками и таблицами. Мне хотелось как можно меньше говорить, но зато дать максимальный объем информации, чем вызвал к себе неподдельный интерес.

На плановые совещания в правительстве всегда набивалась масса народу. А вечером один из членов правительства позвонил мне по «сотке» и сказал, что хотел бы встретиться. И

прибавил, что хорошо бы нам вместе уйти с работы, явно намекая на то, что ему есть что сказать, но явно не в стенах моего кабинета.

– Бури, то, что мы услышали сегодня, было по-настоящему замечательно!

– Спасибо! Я просто хотел, чтобы членам правительства был понятен государственный план и они осознанно включились в реализацию поставленных задач.

– Все понятно. Только я хотел поговорить совсем о другом – я вынужден вас предупредить. И знайте, то, что я вам скажу, это не только мое мнение, но и еще нескольких министров: мелиорации, торговли и промышленности. Они, наверное, когда-нибудь подтвердят, что во время вашего доклада интереснее всего было смотреть на лица членов президиума, в особенности – на Председателя Совета Министров.

Он менялся в лице несколько раз, пока вы последовательно обосновывали тот или иной показатель или просили, чтобы члены правительства обратили внимание на выполнение составленного плана, поскольку план – это закон. Не буду комментировать, но ему явно не понравилось ваше, по-деловому яркое, выступление.

– Возможно. Но я вовсе не хотел, чтобы кто-то обиделся или счел мое выступление саморекламой. Я просто делал свое дело, как я это умею. Кстати, работая начальником ПМК, я на совещания в тресте и на коллегии в министерстве тоже приходил с таблицами и диаграммами, чтобы поменьше тратить времени на лишние разговоры и выступать по делу, по существу и потом оперативно решать все вопросы.

– Да мы все прекрасно понимаем. Просто хотим вас предупредить, что старая гвардия подобных вещей не прощает… Ну, не нравятся им такие люди, и вы об этом должны знать… – многозначительно заключил он.

И когда грянули февральские события, и меня, вместе с другими новыми руководителями, начали обвинять чуть не в конституционном перевороте, мне не раз припомнился тот эпизод.

…Но вернемся к пленуму. 16 февраля предсовмина Хаёев на очередном заседании попросил слова и выступил, примерно, в том смысле, что вот, дескать, некоторые товарищи говорили тут неискренне, а другие товарищи знали обо всем, но побоялись сказать, поэтому, мол, он и хочет объяснить все сам…

Тут надо заметить, что если «некоторые товарищи», по его словам, не выступили, то именно потому, что не поверили в так называемую попытку государственного переворота. Зато он сам, боясь, что это его последний шанс как-то удержаться во власти, заговорил о какой-то мифической подготовке проекта указа Президиума Верховного Совета о его освобождении и назначении на его место – его заместителя Каримова.

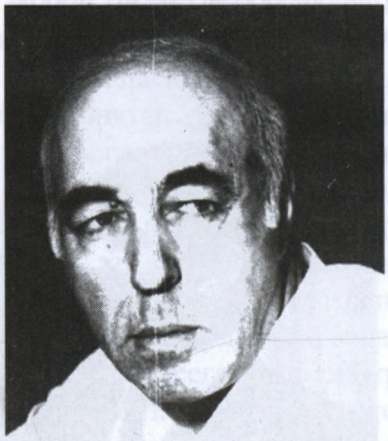
М.М. Икрамов

Он говорил все это сам, потому что на такую низость не пошел бы больше никто. И, как показали дальнейшие события, он тогда, накануне кровавых событий, тоже играл «своеобразную» роль как один из претендентов на первое место в республике. Как бы там ни было, но он попытался ввести участников пленума в заблуждение, и, как ни странно, это ему удалось…

Во-первых, подобного указа никто не подписывал, по крайней мере, сам я в глаза его не видел. Во-вторых, это была очередная интрига уже не председателя Верховного Совета, а председателя Совета Министров против своего заместителя, который якобы жаждал занять его кресло. Но об этом – позже.

На пленуме же – после всего услышанного – поднялся невероятный шум, крик и топот. Зал, не сдерживаясь, выражал свое возмущение услышанным. Многие начали бросать негодующие взгляды в сторону моих товарищей и меня, которые, как выяснилось, пытались подготовить проект указа и сместить, кого бы вы думали, – самого Предсовмина!

Хотя – зачем надо было его смещать, если он к тому моменту уже собственноручно подписал Протокол о своей отставке?..



Н. Хувайдуллоев

А между тем, как выяснилось потом, все было намного проще. На самом деле, действия некоторых членов правительства были продиктованы самой обстановкой, поскольку они искренно считали, что правящая «тройка» страны – подала в отставку. Одним из них был министр культуры Нур Табаров. Как оказалось, именно он вызвал в мой кабинет руководителя города Душанбе Икромова и заведующего отделом ЦК Хувайдуллоева.

Поздно вечером я сидел у себя в кабинете. А кабинет у меня был большой – кроме рабочего был еще и длинный стол для проведения разного рода совещаний. Около длинного стола находился параллельный телефон – «сотка». Вот с этого-то телефона министр культуры Нур Табаров и сделал несколько звонков. В это время я просматривал накопившуюся государственную почту и переписку. Через какое-то время зашел Икрамов и спросил: «Вы меня вызывали?»

– Простите, но я вас не вызывал и вообще вам не звонил.

Икрамов взглянул на Табарова, сразу сообразив, что это была его идея. И поняв, что никаких поручений не предвидится, повернулся и вышел из кабинета.

Через какое-то время появился Хувайдуллоев, затем заместитель председателя Верховного Совета Усманов, и Нур Табаров начал объяснять, что это он их пригласил, потому что я подписал как председатель «Комитета 17» протокол об отставке руководителей. И вот, чтобы удержать ситуацию под контролем, теперь крайне необходимо с ними посоветоваться. Стали обсуждать общие вещи – как в такой ситуации стабилизировать

обстановку в стране, и конкретно в столице. И вскоре так называемая «группа товарищей» разошлась по своим делам.

Тогда же, но несколько позже, к нам примкнули начальник политуправления МВД Абдулло Хабибов и главный редактор республиканской газеты «Советский Таджикистан» Мазхабшо Мухаббадшоев. Я тогда еще удивился, почему председатель горисполкома спросил у меня, какие будут для него поручения? А Икрамов был удивлен больше меня, что я его вовсе не вызывал.

А. Хабибов

Оказалось, что его вызвал от имени председателя Госплана, то есть моего, – министр культуры Нур Табаров. По словам людей из окружения Табарова, в те дни он тоже сыграл свою отдельную роль… И, как говорил один из них, надо было срочно меня «трудоустроить». Причем, именно так, чтобы должность первого секретаря ЦК как бы оставалась свободной. Первая должность – для кого? Но это всего только мнение, и насколько оно правдиво, известно только Табарову.

Что же касается Икрамова, то в тот момент, не получив от меня никаких поручений, он трактовал это по-своему. В том смысле что, видимо, его не хотят видеть в новом составе правительства. И тут же побежал в ЦК – к партийному руководству города, где и доложил по всем правилам, что у меня в кабинете, дескать, уже собрались и что-то, видимо, задумали…

На самом же деле в то время Президиум Верховного Совета играл вполне номинальную роль – от него практически ровно ничего не зависело. Поэтому на самом деле мы обсуждали, как быть в этой ситуации, что предпринять, чтобы успокоить митингующих и повлиять на обстановку в республике в целом. Указа о назначении меня председателем Совмина не было, поскольку такие решения утверждаются на сессии Верховного Совета, в ко-

торой принимают участие все депутаты. «Группа товарищей», которых пригласил Нур Табаров, обсуждала, как следует поступить, чтобы не создавать вакуума власти, непосредственно в управлении страной, в те тяжелые дни.

С этой точки зрения, их действия в какой-то степени были оправданы, хотя и несколько заблаговременны, что дало возможность Хаёеву вывернуть их на свой лад…

Но мне было абсолютно ясно, что в протокол об отставке «тройка», не без помощи Пуго, не случайно внесла свое небольшое, но крайне важное дополнение. Оговаривалось, что руководство делает это «в соответствии с существующими законами»… То есть протокол вступает в силу только после того, как его одобрит пленум ЦК и затем утвердит Верховный Совет республики. Именно из-за этих-то соображений в действительности никакого проекта указа так и не было подготовлено.

Несмотря на это, Хаёев считал приход ко мне в кабинет «группы товарищей» серьезным поводом и зацепкой, чтобы продолжать защищать свое положение и кресло путем обвинения нас в «попытке государственного переворота». Этот нечестный и сомнительный прием помог ему какое-то время продержаться во властных структурах.

Впоследствии Секретариат ЦК, председатель Верховного Совета и Предсовмина – тоже повели себя недостойно, не по-мужски. Они больше всего боялись потерять свои кресла, готовые забыть о пролитой невинной крови. И только главный редактор газеты «Советский Таджикистан» Махзабшо Мухаббатшоев оказался совсем иным человеком и повел себя в высшей степени достойно.

Мухаббатшоев в ярости вышел на трибуну и произнес:

– Меня тоже вспомнил председатель Совмина, я ведь тоже после телефонного звонка Нур Табарова приехал к Каримову!..

Но коммунисты – члены ЦК – не хотели его слушать. И тогда он выкрикнул:

– Прекратите, в конце концов, хулиганство, это у нас пленум или балаган?!.

На какой-то миг воцарилась тишина, но вскоре участники пленума снова принялись поносить «группу товарищей» во главе с Каримовым…

Тогда мне лично показалось, что Мухаббатшоев – главный редактор партийной газеты – является не только серьезным, но и очень принципиальным человеком. Его товарищи по партии знали, что он будет говорить только правду, поэтому сделали все возможное, чтобы не дать ему возможность выступить, так же как и председателю Ревизионной комиссии ЦК Компартии Таджикистана Борзенко.

А «товарищи» по очереди выходили на трибуну и принимались оправдываться перед своими однопартийцами и перед пленумом. В основном, они говорили о том, что это именно Нур Табаров пригласил их к Каримову и что это «сборище» отнюдь не является незаконным действием, и любые другие «группы товарищей» – вполне в праве собираться и обсуждать действия партии и руководства, побоявшихся идти против пленума и поддержать митингующих.

Больше всех задержался на трибуне, конечно же, я. Несмотря на общее возбуждение, я тогда спокойно заявил:

– Если я в чем-то виновен, то отвечу по закону. Но, прошу вас, до решения соответствующих органов не делайте поспешных выводов, ведь я – такой же, каким был и прежде. Или вы думаете, что я за 3 – 4 дня переменился на 180 градусов?..

И все же, за небольшим исключением, члены ЦК и весь зал были настроены агрессивно, как против меня, так и против всей так называемой «группы товарищей».

Но «первым среди равных» оказался инспектор ЦК Пулодов. Он встал и заявил:

– Когда читали список членов народного комитета, Каримов лично попросил включить его в список. После чего митингующие избрали его председателем комитета.

Интересно, что клевете Пулодова – поверили, а вот голосам тысяч других – почему-то нет. Как будто не было транспарантов, не было требований выбрать Каримова – Первым секретарем ЦК...

В тот момент Пулодова заставляли лгать, но совесть его при этом не мучила. В этом поединке требовалось как можно

больше очернить противника, и тогда, возможно, все они опять окажутся на коне и получат новые, более высокие должности. Таких людей было десяток, только на пленуме ЦК, а за его стенами – один Бог знает сколько.

Республика погибала, а они цеплялись за свои кресла!..

Кстати, после, вплоть до сегодняшнего дня, многие, выступившие против меня, получили «заслуженные должности»… И таких-то приспособленцев оказалось немало. Они живут и здравствуют и поныне, а порой даже, уверенные в собственном величии «серые кардиналы», – еще и дают советы за определенные подачки…

На самом же деле многие митингующие знали меня в лицо, поскольку в последнее время я часто выступал по телевидению. Ведь я был первым руководителем, во время назначения которого многие газеты напечатали мою фотографию. Прежде у нас в республике такие вещи не практиковались. Когда же меня назначили председателем Госплана, все увидели и мои фотографии, и автобиографию – в газетах и журналах, как местных, так и центральных.

Но главной причиной моей популярности у населения и членов правительства была не моя молодость, а моя работа и прекрасное знание родного таджикского языка, истории и культуры своего народа. И еще одно, что тогда, во время перестройки, было немаловажно, – я был человеком ищущим, идущим вперед, и не столько политиком, сколько практиком, целиком отдающимся работе.

Мои выступления и интервью на телевидении тогда запомнились многим. Особенно, когда, приглашенный в «Еще одну молодежную передачу», я в беседе с журналистом прочел наизусть несколько стихотворений. Кстати, этот случай мне припомнили не только на пленумах ЦК, но и до пленумов, когда жизнь в стране еще текла по обычному руслу. Впрочем, мне куда приятнее вспоминать отзыв руководителя Центрального банка Таджикистана К. Кавмиддинова: «Бури, вся моя семья влюбилась в вас после этой передачи. Они передают вам огромную благодарность и просят вас и впредь – так держать!..»

Кстати, зная об этой моей приверженности к стихам, первый секретарь Компартии Таджикистана Махкамов на пле-

нуме ЦК, в присутствии всех, попросил меня не говорить по-таджикски.

А я подумал: «За окном – перестройка, свобода, гласность, возрождение самосознания, а руководитель такого уровня не позволяет члену правительства говорить на родном языке!.. Поразительный анахронизм!..»

Сейчас многим не верится, что подобное могло происходить… А ведь были такие времена, и совсем еще недавно. Наряду с широковещательной «дружбой народов», насаждалось и такое – неявное, но, соответствующее тайным инструкциям, – отношение к родному языку…

Тогда причиной дикого поведения многих людей на пленуме было существование нескольких сильных кланов. Причем, как говорил один из членов Временного комитета Миррахимов, основными были кланы Махкамова, Паллаева и Хаёева. Если северяне поддержали тогда Махкамова, и их представители напали от его имени на «группу товарищей», во главе со мной, то южане (кулябцы) выступали от имени Хаёева. В то время как клан Паллаева старался держать нейтралитет, являя в очередной раз собственное двуличие и дожидаясь, куда выведет ситуация.

«Совершенно серьезно»:
Бури Каримов как первый заместитель Предсовмина действовал правильно, всё сделал законно. Бури Каримову как прекрасному специалисту и человеку завидовали, он стал жертвой зависти руководителей.
А. Холикзода, историк, проф.
«Дунё» №1, Душанбе, 1991

В годы перестройки о кланах начали говорить, и зачастую – вполне открыто. Но для меня все это оставалось не совсем понятным, поскольку я спрашивал себя: не преувеличивают ли люди эту самую клановость? Ведь я-то сам, сын простого колхозника, с отличием закончивший институт, без участия какого-то там клана – был же назначен министром.

Но после февральских событий я, наконец, разглядел и эти кланы, и их границы, и даже появившиеся в их монолитах

трещины, когда некоторые руководители перебегали из одного клана в другой в надежде сохранить власть или получить ее в будущем. Особенно в республиках Центральной Азии и Кавказа, как это ни горько, именно руководители кланов уверенно протаскивают своих представителей на руководящие места. И многие беды происходят именно из-за этого.

Если в современных условиях представители европейских стран, включая прибалтийские, разыскивают своих соотечественников по всему миру, зовут к себе, приглашают и избирают на разнообразные должности, если они того заслуживают, то в странах, пораженных клановостью, больше других страдает именно молодое поколение, лишенное возможности к самореализации. Ведь зачастую одаренные люди не могут получить достойное их место в структурах власти.

Хуже того, такое поведение властей еще и узаконивается через Верховный Совет. К примеру, если гражданин не живет, как минимум, 10 лет в стране, то он не может баллотироваться на должность президента. И это не единственная недоработка в законодательстве Таджикистана.

После февральских событий депутаты, подталкиваемые руководством, приняли новый Закон, по которому граждане, которым не исполнилось 35 лет, не имеют права баллотироваться в президенты. Мне в это время было 33 года. Тогда многие средства массовой информации писали, что этот Закон принят, как говорится, «под меня» – чтобы не дать мне прийти к власти. А вот «верхний предел» был как раз высокий, чтобы старые партийцы могли уверенно баллотироваться.

Если говорить о Таджикистане, то в последние три десятилетия молодое поколение не имело возможности нормальной самореализации, в том числе и на политическом поле. А кровавые февральские события и последовавшая за ними продолжительная гражданская война поставили страну на грань нищеты и еще больше усугубили ситуацию с трудоустройством. В результате – трудоспособное население вынуждено было покидать родину для того, чтобы прокормить себя и свою семью.

И, как показала жизнь, не только таджикам, но и другим мигрантам, даже очень талантливым, в чужой стране крайне трудно найти достойное их место. И только исключительно одаренные люди могут прорваться через существующие сегодня видимые и невидимые барьеры.

Конечно, чрезвычайно повезло странам, имеющим значительные природные запасы нефти и газа: Туркменистану, Казахстану, России и Азербайджану. Они смогли наилучшим образом использовать эту возможность и не только удержаться на плаву во время затянувшегося мирового финансового кризиса, но даже подготовить многочисленные кадры специалистов. В этом отношении впереди всех оказались, разумеется, Казахстан и Россия. Именно они имеют огромный сырьевой потенциал и пользуются великолепно подготовленными, молодыми, талантливыми специалистами, прошедшими обучение в самых лучших университетах мира. Впрочем, повезло им и со странами-соседями.

Но ведь значительная часть природных богатств моего родного Таджикистана не используется, может кто-то возразить автору. На это я отвечу, что существуют природные запасы, которые необходимы сегодня, и они доступны для освоения. Есть такие природные ресурсы (золото, серебро, вольфрам), которые требуют для освоения значительных людских, технических и материальных ресурсов, да и долгих лет подготовки и серьезных изысканий, а кроме того, зачастую добываются в труднодоступных горных условиях… А ведь им – цены нет. Но тут нужна серьезно разработанная правительственная программа. Очевидно, все это у Республики еще впереди.

«Совершенно серьезно»:

Три с половиной часа делегаты пленума ждали прихода Махкамова и Пуго, которые проводили в это время закрытое заседание ЦК. Как выяснилось, Борис Пуго убедил Махкамова в необходимости денонсировать свое заявление об отставке. Пленум тут же послушно выразил Махкамову вотум доверия; «Комитет» был неспосо-

бен повлиять на результаты Пленума, т.к. по договору гарантировал прекращение всех митингов и демонстраций в Душанбе в период объявленного траура по погибшим, т.е. 15 – 17 февраля.

«Балтийское время», № 6 (114) от 28.01.1991

Но вернемся к событиям 17 февраля. В этот день Борис Пуго встретился с интеллигенцией Душанбе. Выступая перед ней, он не дал правильной и достойной оценки происходящему в городе. После чего, вместе с первым секретарем ЦК Махкамовым, встретился с представителями духовенства. А вот это, на мой взгляд, было очень правильно, поскольку одним из главных катализаторов разогреваемой на площадях народной лавы были именно представители религиозных организаций. Но какой вывод сделали после этой встречи Пуго и Махкамов – так и осталось загадкой.

В тот же день – 17 февраля – они устроили большую пресс-конференцию для представителей средств массовой информации. В ней участвовали Пуго и Шабдолов. Там некоторые заявили, что якобы у митингующих было найдено двадцать килограммов наркосодержащих веществ.

Такое поведение руководителей говорило о том, что они, кажется, поняли, что в городе назревает серьезная ситуация, и необходимо сделать все возможное, чтобы успокоить население и нормализовать обстановку.

Последующие день и ночь были для меня исключительно тяжелыми. Я делал все возможное для стабилизации обстановки, но, по поступавшим сообщениям и из официальной информации, понимал, что митингующие на этом не остановятся. Так и вышло.

«Совершенно серьезно»:

Многолетний партийный опыт Бориса Пуго позволил Махкамову мгновенно сориентироваться в ситуации. Быстро и четко проведенный пленум выразил доверие Махкамову, при этом сам Пуго остался как бы в тени. Кроме того, Пуго принял необходимые меры к оконча-

нию срока траура, проконтролировав ввод в Душанбе танковых соединений. Манифестация «недоверия власти лжецов» 18 февраля окончилась безрезультатно, т.к. здание ЦК было уже окружено кольцом бронетранспортеров, и соотношение сил было слишком неравным.

Балтийское время», № 6 (114) от 28.01.1991

Наступило 18 февраля 1990 года.

С утра я заехал к своей маме, а потом вернулся в Госплан. Текущие дела и угрожающие события требовали всего моего внимания. Родительский дом находился в 7 километрах от моей квартиры. Надо сказать, что в тот день с самого утра на улицах, особенно вокруг правительственных зданий, уже начало скапливаться множество вооруженных военных. Как будто весь центр города уже был окружен, а горожане – взяты в плен. Не был исключением не только мой кабинет, но и длинный коридор, весь заполненный солдатами, стоявшими от лестницы Госплана и до моего кабинета. В одной только моей приемной и рядом в коридоре – стояло человек 20 в форме и с автоматами…

Мной овладело смутное тяжелое предчувствие. Зачем нужны в моем кабинете все эти военные – показать, что и сам я не так уж свободен?.. Или они хотели, чтобы ко мне никто не мог зайти и со мною встретиться?..

Вот когда мне пришлось спросить себя, где же мои верные друзья?.. Которые бы понимали меня и не оставили бы одного в тяжелую минуту?.. Где мои любимые братья и сестры?!. Они, конечно, никогда не приходили ко мне, когда я занимался государственными делами… Да и вообще, не было у меня такого обыкновения – изо всех сил тащить за собой на разные должности своих родственников и знакомых, если они не годятся для подобного рода деятельности. В этом-то меня, пожалуй, никто не мог бы упрекнуть.

И вот теперь я остался один на один с бедой… А вокруг меня – чужие, посторонние люди. А может быть, в такую роковую минуту родные оказались бы здесь как никогда кстати?..

«Где мой отец, – думал я, – чтобы поддержать меня?..» Да нет, очень хорошо, что его здесь нет, и он не видит всего происходящего, а то, с его правдивым, прямым характером, он наверняка пошел бы «на баррикады», в неравный бой, вместе со всем народом...

Итак, к утру 18 февраля я почувствовал себя на редкость одиноким. Но при этом внутренне был совершенно спокоен, зная, что правда на моей стороне… В ушах звучали слова моего отца: «В любых, даже самых страшных обстоятельствах – говори только правду!»

Все улицы и площади были запружены людьми, главным образом, – молодежью, хотя попадались, конечно, среди них и старики, и женщины. Представители Временного народного комитета, сами и по моей просьбе, выходили к митингующим и даже к солдатам. Они просили их, в первую очередь, молодых ребят и военных, – ни в коем случае не поддаваться на провокации.

Некоторые члены Временного комитета, убеждая людей, буквально срывали себе голоса. Я сам слышал, как они кричали охрипшими голосами, не переставая уговаривать и осаждать все более и более нараставшую и напиравшую толпу...

Поперек улицы

Несмотря на то, что в городе уже скопилось много военных, люди снова начали собираться, на этот раз на площади Ленина – перед зданиями Верховного Совета и Совета Министров.

Военные торопились перегородить улицы тумбами и колючей проволокой, а кое-где уже стояли даже танки и бронетранспортеры. Сами же они выстраивались живым щитом в два-три ряда позади техники. А людские реки все текли и текли в сторону площади…

Для Таджикистана все это было совершенно непривычно…

Возле Госплана – на улице Ленина – несмотря на то, что улицы были уже перегорожены колючей проволокой, стояли еще солдаты и сотрудники Комитета госбезопасности. А напротив них – тысячи людей с плакатами, – все прибывающее море народное…

Все слушают...

Тогда две улицы – улица Ленина, идущая мимо Госплана, и другая, выходящая на нее, – от здания МВД и Комитета госбезопасности, – были уже заполнены народом до отказа. Критическая масса была уже почти превышена….

Десятки самодельных плакатов, не всегда грамотных, давали понять, что единого штаба, координирующего действия митингующих, – не существует. Но все же чувствовалось, что разными группами организуется приток людей из соседних районов – на митинги.

Все ждали, что руководители республики появятся либо на площади, перед зданием ЦК, либо – перед Домом Прави-

тельства. Военные никак не хотели пропустить митингующих на площадь. И по-прежнему члены Временного комитета, в сущности, представители интеллигенции, – бегали с разными поручениями и делали все возможное, чтобы народу разрешили провести митинг, дабы избежать повторного кровопролития.

Митинг у здания ЦК Компартии. Душанбе. 12 февраля 1990 г.

Но что можно придумать, если руководство боится выходить к простым людям? Ведь они за последние десятилетия отвыкли говорить с согражданами. Тем более – с таким огромным человеческим морем… Да подобного опыта у партийных бонз просто не было. К тому же, за годы работы на руководящих постах они успели подзабыть свой родной язык, поскольку в советские времена приветствовалось знание русского языка, что было непременным условием для продвижения наверх. В результате, они успешно забывали родной язык, нимало не содействуя ни его поддержке, ни развитию…

Чтобы показать истинное лицо многих тех руководителей, особенно их отношение к происходящему в дни февральских событий, в т.ч. к родному языку, и многое другое решил сделать документальное повествование на основе стенограммы Второго пленума Компартии Таджикистана, на мой взгляд, основного из тех, которые подряд проходили в те дни.

Спектакль на крови…

Народа руководитель не был с народом одно.
Хвостом и рогами народа сделался он давно.
Из-за него страдает мой несчастный народ…
Камнем чужим молотим наше с тобой зерно.
Хокирох

В самый раз нам перенестись непосредственно на XVII Внеочередной пленум ЦК Компартии Таджикистана, который стал для ЦК в феврале 1990 года уже вторым, и окунуться в его атмосферу. В первую очередь, явственно ощущалась ненависть членов ЦК к людям, стоявшим на площадях Душанбе и к их представителям в зале, но, спустя два десятилетия, выразить её мне не так просто. Поэтому, чтобы достоверно передать происходившее, воспользуюсь Стенографическим отчетом Внеочередного XVII пленума ЦК Компартии Таджикистана, который состоялся после подписания высшей властной тройкой – документа о своей отставке.

Справедливости ради должен отметить, что стенограмма, к сожалению, не передает звукового фона этого политического спектакля (трагикомедии) на крови. В зале заседаний ЦК, где обычно царила церемониальная тишина, прерываемая дежурными аплодисментами очередному оратору, стоял шум, прерываемый всплесками ненависти – выкриками, топотом ног, взрывами бурных оваций, глушившими выступающих. Атмосфера партийной дисциплины сменилась – по определению главного редактора газеты «Советский Таджикистан» М. Мухабатшоева – на «хулиганскую».

Эту атмосферу пленума может в какой-то степени передать видеозапись заседания, сделанная таджикским телевидением, которая, конечно же, не была показана народу. И, поскольку в обозримом будущем вряд ли будет показана, в своём документальном повествовании я постараюсь раскрыть фабулу драматического фарса, одним из главных действующих лиц которого, по воле истории, я оказался, и донести до читателя атмосферу спектакля на крови.

Итак, повторяю: учитывая серьезность сложившейся ситуации в республике, 15 – 16 февраля в г. Душанбе проходил XVII Внеочередной пленум ЦК Компартии Таджикистана. В нем участвовало более 400 партийных функционеров (по информации Георгия Кошлакова – зампреда Совмина – 500 чел.). Хотя на рассмотрение пленума был внесен вопрос «О политической ситуации в Республике», на деле получилось, что участники пленума занимались защитой Верховной власти, очернением митингующих и поиском «виновных» (козла отпущения).

Многотысячный митинг на площади у ЦК Компартии. Душанбе. Февраль 1990 г.

Учитывая важность пленума не только для Таджикистана, но и властных структур Советского Союза, в его работе приняло участие большое количество высокопоставленных руководителей из Москвы: Пуго Борис Карлович – кандидат в члены Политбюро, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Крихунов Владимир Николаевич – заместитель заведующего отделом партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС, Долгушкин Николай Кузьмич – ответорганизатор отдела партийного строительства и кадровой

работы ЦК КПСС, Федин Василий Константинович – заведующий сектором отдела национальных отношений и Иванов Иван Ильич – член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, и конечно большие военачальники...

На пленуме выступили партийные руководители республиканского, областного и районного уровня, а также члены ЦК КПТ и гости: К.М. Махкамов, Т.М. Мирхаликов, Х. Насриддинов, В.Н. Новичков, У. Абдукахарова, М. Махмадалиев, И. Ахроров, П. Базаров, С.К. Маркевич, Д. Х. Каримов, Г. Джуманазарова, Х. Тагаев, С. Ибрагимов, А.А. Азимов, М. Рахматов, А.И. Ситников, А.А. Костыря, С. Мирзошоев, Т. Абдуджабборов, А. Очилов, М. Абдувасиев, В. Ахадов, Р. Гарибшоев, М.С. Табаров, М.С. Асимов, А.Т. Касымова, Ю.П. Зацаринный, М. Мамаджонов, В.А. Гиро, Х. Хамидов, Н. Зарипова, Н.В. Шевченко, Г.Г. Веселков, Х.И. Касымов, В.В. Петкель, А. Якубов, М. Исаева, О. Латифи, Ш.Д. Шабдолов, Р.Г. Мусаева, А. Н. Максумов, З. Мурадова, Т. Раджабов, А. Хакимов, Б. Б. Каримов, У. Шакиров, Б. А. Аминов, Р.К. Алимов, А. Д. Суханов, М. Миррахимов, И.Х. Хаеев и другие.

Конечно же, предварительно руководство республики и гости из Центра уже рассматривали данный вопрос за закрытыми дверями – на Бюро ЦК Компартии Таджикистана. По словам Пуго, они 3 часа обсуждали его на Бюро ЦК, прежде чем вынести на рассмотрение пленума. И, конечно же, как всегда, они вышли уже с выработанным от имени Бюро ЦК Компартии (считай и Центра) мнением – проектом решения. Справедливости ради надо сказать, что в проекте решения Бюро ЦК Компартии ничего плохого в отношении меня и членов временного народного комитета не было.

При этом в глаза бросалось, что на пленуме ЦК Компартии из членов и кандидатов в члены ЦК, несмотря на сложность ситуации в стране и важность повестки дня, – как минимум 45 человек отсутствовали.

Что касается участия в работе пленума ЦК Компартии Таджикистана представителей народа, включая членов Временного народного комитета (ВНК), то противников этому

было много. Но все-таки с трудом, путем голосования, разрешили шестерым активистам, двое из которых не являлись членами ВНК, присутствовать на заседании.

Надо отметить, что после первого февральского пленума ЦК обстановка в городе еще больше осложнилась и, по словам Махкамова, он в течение шести часов вел переговоры с представителями Временного народного комитета ради того, чтобы разрядить обстановку. В результате, в целях стабилизации ситуации, он вынужден был подать в отставку.

Руководитель Республики – **Махкамов К.М.** – далее продолжил с вопроса:

«Что произошло после вчерашнего пленума? Вы помните, когда пленум шел, мы говорили, что обстановка сложная и поэтому просили быстрее закончить пленум, дабы товарищи могли заняться непосредственно той работой, которую им нужно проводить в городе, и теми мерами, которые необходимо было срочно принять.

Проповедь у здания ЦК Компартии Таджикистана

После вашего отъезда обстановка в городе настолько осложнилась, что огромное количество людей – в общей сложности около 30 тысяч, скопилось на трех улицах вокруг

площади перед Центральным Комитетом – с требованием разрешить провести на площади джанозу – коллективную молитву по погибшим. Так продолжалось примерно до 5 часов вечера – их не пускали на площадь. А в это же время в различных частях города происходили стычки, драки, столкновения, поджоги и прочие негативные события. В течение шести часов мы вели переговоры с представителями Временного народного комитета, как выйти из этого положения, как прекратить эти угрожающие общественной безопасности явления. Порой доходило до критических моментов, чреватых многими человеческими жертвами. Именно эти события и привели к тому, о чем я вам говорил: к подписанию соответствующего протокола...

Но сегодня был только один митинг, проведенный на площади Ленина, больших стычек и негативных явлений в городе не наблюдалось. Жертвы были вчера. В различных частях города погибло 6 человек – по тем данным, которыми мы располагаем ...»

Затем выступал **Т.М. Мирхаликов**, который в заключение просил, чтобы:

«...в республику направили работников Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Прокуратуры СССР. С их помощью мы обязаны тщательно разобраться во всем и дать объективную оценку виновникам событий, невзирая на лица и занимаемые посты. Думаю, что участники пленума поддержат (бурные аплодисменты) меня и в том, что сегодня мы сами должны дать оценку всем членам Центрального Комитета, тем, кто занимает двойственную позицию. Сейчас нельзя, да и опасно заигрывать».

Конечно же, партийный функционер Мирхаликов понимал, что происходящее сегодня может негативно отразиться на его будущем – вплоть до потери должности. Но интересно, на мой взгляд, то, что в этой критической ситуации наши руководители видели спасение именно в Центре, хотя его представителей в Душанбе уже было достаточно. Возможно, они не понимали, что Центру необходимо удержать ситуацию под кон-

тролем больше чем им, чтобы предотвратить начало цепной реакции распада Союза. Впрочем, именно Ленинабадский клан руководителей всегда имел с Центром тесные отношения и при необходимости не стеснялся просить помощи и раньше, а в дни февральских событий тем более.

Но на руководящих должностях в республике были и другие люди, которые понимали, что происходившие в те кровавые февральские дни в республике события были не случайными, а закономерным следствием копившихся годами проблем. Вот что сказал, например, министр мелиорации и водного хозяйства республики **Х.Н. Насреддинов**:

«Раз сегодня наши руководители просят отставки, я считаю, что это продиктовано соображениями гуманности, ради прекращения дальнейшего кровопролития в республике, я думаю, что просьбу товарищей надо удовлетворить. Если это, конечно, стабилизирует обстановку в нашей республике.

Я не думаю, что с уходом товарищей Паллаева, Хаёева и Махкамова наша республика провалится. У нас нет кадров, которые могут руководить партийной организацией или, допустим, Советом Министров? Есть, я поддерживаю. Считаю, что предложение, внесенное Махкамовым, правильное и его надо удовлетворить».

Высказавший такое мнение Хикматулло Насреддинов в течение нескольких дней наблюдал за тем, что происходит на улицах города под его окнами (здание Министерства мелиорации примыкало к зданию ЦК и центральной площади), и, как член ЦК, поддержал отставку триумвирата высших руководителей республики. Он хорошо понимал, что говорит. Он был одним из нескольких мужественных руководителей, которые поддержали требования простого народа.

Далее выступал **В.Н. Новичков:**

«... и вот эта кучка людей – пускай 30, 40 тысяч... Ну как это можно нам, коммунистам, идти сейчас в отставку? Ни в коем случае нельзя идти на поводу. Сегодня они просят уйти ЦК, Бюро, а завтра потребуют убрать Советскую власть в нашем Таджикистане.

Таджикистан наш – никто об этом не подумал. Здесь самый миролюбивый народ. ***Вы посмотрите, ну, бежали люди отсюда. Люди, которые слабохарактерные. Но я думаю, что мы отсюда никогда не уйдем, и нашу Советскую власть никто у нас не отнимет, никакая кучка экстремистов, бандитов и так далее».***

Многотысячный митинг у здания ЦК

Новичков говорил добрые слова в адрес таджикского народа, как и Кошлаков, – Таджикистан он считал своим домом, многое сделал для его развития, хотя впоследствии, к сожалению, уехал из республики. Он, руководитель с большим опытом работы как в правительстве, так и на производстве, тоже тогда не понимал, что подобные процессы идут по всей огромной Стране Советов и это уже невозможно остановить. И один немаловажный факт он недооценил – уже до февральских событий люди некоренной (а после февраля и коренной) национальности бежали из Таджикистана (сейчас мы знаем, что не только из него).

Далее выступает **Джамшед Каримов** – глава коммунистов столицы республики. Он, говоря правду, в то же время раскрывает свою истинную ненавистническую сущность:

«...есть вторая сила – политические авантюристы. Они сидят здесь. Есть третья сила – коррумпированные и преступные элементы. Кто они, я не могу пока вам сказать, но вы проходили здесь по улице Ленина и все видели, что они сделали...

В принципе идет нормальный процесс борьбы за власть, борьбы в условиях переходного периода демократического самоуправления...

Воодушевленная молодежь

Я считаю также, что ***мы допустили громадную ошибку, когда в период начавшейся перестройки по существу не перестроились на деле. Перестроились на словах.*** *Это заключается в том, что наш Центральный Комитет занимается хозяйственными вопросами, не занимается вопросами политическими, вопросами идеологическими и вопросами кадровыми.*

Решение кадровых вопросов сегодня полностью запущено. Компромиссы, ненужные, понимаете, выдвижения, но и я, я – повторяю, не снимаю с себя вины, мы должны были с вами занимать более твердые позиции при решении кадровых вопросов. Сегодня мы расплачиваемся за то, что мы имеем на сегодняшний день...

Но вся сложность заключается в том, что организаторы беспорядков в городе Душанбе это – ***прожженные матерые сволочи, они не гнушаются ничем, стреляют в тех же***

пацанов из-за угла, стреляют в спину и потом сваливают все это на войска, которые здесь стоят…

Я сегодня не могу не сказать о том, что виноваты не только коммунисты города, республики, но виноваты коммунисты всего Советского Союза, поскольку многие процессы, мы видим, повторяются в целом ряде республик. И здесь чувствуется опытная дирижерская рука, которая находится за пределами нашей республики».

Много правильных слов сказал руководитель коммунистов города Душанбе (считай – хозяин города), но одновременно он сделал вид, что не понимает: вся ответственность за происходящее в городе, в первую очередь, возложена партией на него. Хоть он говорил и о своей ответственности, при этом, правда, не жалея бранных слов в адрес митингующих. Как это ни удивительно, но хозяин города, в котором произошли трагические события, не только вышел сухим из воды – впоследствии он долгие годы работал на руководящих должностях. И, представьте, даже Послом Таджикистана в одной из стран – представляя тот народ, о котором в дни февральской трагедии так злобно отзывался.

Его главное обвинение: ***«…из-за угла стреляют в спину и потом сваливают все это на войска, которые здесь стоят…»***, – оказалось ложью. Расследования прокуратуры и Верховного Совета республики опровергли это публичное утверждение главного коммуниста столицы.

Словом, партийные функционеры вели себя предсказуемо. Мирхаликов, как известно, просил Центр направить проверяющих (которые, приехав в большом составе, не подтвердили обвинений Джамшеда Каримова в адрес народа), но сам к партийным товарищам, например, **Х. Тагаеву** – члену Ревизионной комиссии Компартии Таджикистана – не прислушивался.

А тот говорил по делу. Обращаясь к первому секретарю ЦК Компартии Таджикистана сказал:

«Мое мнение такое: Каххор Махкамович, если вы заявили от души уйти в отставку, надо идти в отставку. Почему я так говорю. Не надо оскорблять этих людей, обозвать можно

всех. Истину пока не установишь, не надо никого обижать и обзывать. Их мало, но их всех мы ругаем. Это неправильно. ***Я и раньше говорил, и сейчас говорю, Каххор Махкамович, пускай меня все осуждают, вы не в силах руководить республикой.*** *Сейчас в этом году было такое кровопролитие. Кто они – это бандиты или не бандиты? Людей, по-моему, кто стрелял, надо найти, потом говорить.* ***А сейчас это слова – кто в спину стрелял, кто куда еще, так же нельзя.***

С другой стороны, на трагедии народа добиваться портфеля – это низость. *Этими беспорядками кто-то руководит. Найдут виновных, выведут на чистую воду. Беспорядки не нужны: раз народ собрался, надо кому-то из руководства республики вникнуть в это и уговорить, и подсказать, чтобы не было трагедии.*

Изатулло Хаёевич, я к Вам обращаюсь. Вас в Кулябе все уважали, и сейчас уважают, Вы были нашим первым секретарем. Это правильно, если Вы заявление написали от души. Тоже будет правильная эта отставка и настаивайте на этом. Гоибназар Паллаевич, я тоже Вас прошу, я Вас тоже уважаю, ***никакой трагедии не будет, если Вы уйдете в отставку.***

Я предлагаю организовать оргбюро, на этом пленуме или на следующем, чтобы члены оргбюро не занимали никаких постов. Чтобы это оргбюро стабилизировало обстановку в городе Душанбе и в республике. *А это предложение, вы принимаете или не принимает -, это ваше дело.*

Я отмечаю, что назначения или избрания на должности сейчас продолжаются без альтернативы. Сколько об этом говорили! Почему на Украине на основе альтернативы избран первый секретарь Центрального Комитета партии? Почему у нас нельзя? В районах до сих пор выборы идут без альтернативы. Альтернатива должна допускать возможность выбора, скажем, в Ленинабадскую область из других мест, в Кулябскую область могли бы выдвигать из Курган-Тюбе, и такие альтернативы никому не будут угрожать. Поэтому я прошу в дальнейшем при выдвижении всех должностей придерживаться альтернативы.

Я предлагаю принять заявление товарищей об отставках».

Хотя Х. Тагаев сделал нужные для стабилизации обстановки в республике и городе предложения, ему не дали договорить. Если проанализировать ситуацию, то получается, что его предложения созвучны с теми, которые на данном пленуме сделает позднее заместитель председателя движения «Растохез» Мирбобо Миррахимов. Но главное – он напрямую сказал Махкамову, что тот не в силах руководить республикой, что никакой трагедии не будет, если вся «Большая тройка» уйдет в отставку. И он предлагал создать рабочий орган – временное Оргбюро ЦК – для стабилизации обстановки в городе и республике. Учитывая, что, одновременно с отставкой руководства, он предложил создать Оргбюро, это не понравилось членам ЦК, и пленум превратился в пчелиный улей – начал гудеть с новой силой. Тем более, когда многие руководители не увидели в составе временного Оргбюро свои фамилии.

Учитывая, мягко говоря, неправильное поведение участников пленума, **Г.В. Кошлаков** вынужден был в порядке ведения пленума взять слово и сказать:

«Четверо уже суток длится трагедия в городе Душанбе. Мне пришлось присутствовать на пяти разных митингах. Там и камнями кидали, и железками кидали, и просто говорили. Очень вас прошу, не надо уподобляться митинговой массе. ***Любые точки зрения, высказанные с этой трибуны, надо выслушать так, как подобает настоящим коммунистам и обсудить».***

Но не помогло справедливое замечание Г.В. Кошлакова: члены ЦК по-прежнему не хотели слушать неугодные им речи. Несмотря на угрожающую обстановку, накал которой не был снят пленумом горкома партии, предшествовавшим пленуму ЦК, поскольку члены ЦК уже были проинформированы о том, что в Душанбе переброшены воинские подразделения, некоторые из них почувствовали себя уверенней.

Одним из таких членов ЦК был начальник Главгосстроя Таджикистана **А.А. Азимов**, который сказал:

«Товарищи Махкамов, Паллаев, Хаёев, надо вам как-то сплотиться. Здесь пока об этом никто не говорит. Я осмелюсь сказать: мы чувствуем разобщенность в вашей работе, надо объединиться, взять все в свои руки, такая сила с вами, мы всех сломим. Неужели мы не справимся с небольшой группой людей, которые что-то требуют и которые ничего не представляют? Есть неформальные организации, незарегистрированные организации...»

Митинг на центральной площади. Душанбе

Азимов и подобные ему после пленума городского комитета партии договорились заранее о том, что сплотятся вокруг «Тройки» и потому он на полном серьезе заявил, что, мол, неужели мы не справимся с людьми, которые ничего из себя не представляют? Когда он говорил эти слова, он хорошо знал, что здание ЦК Компартии и другие важные государственные объекты охраняются военными – в городе уже достаточно сил правопорядка.

То, что действительно в зале происходило невообразимое ранее для него – стороны дискуссии не слушали и не слышали друг друга – стало понятно во время выступления **Т. Абдуджабора**, научного сотрудника СОПС Академии наук Таджикской ССР и руководителя движения «Растохез». Ему, конечно, тоже не дали спокойно высказать свою точку зрения. К тому времени по республиканскому телевидению уже были показа-

ны январские шествия сторонников движения «Растохез» во главе с Абдуджабором.

«Таджикскому языку – государственный статус!»

Но участники пленума не хотели слушать не только руководителя движения «Растохез», а даже и ответственных работников Правительства Таджикистана.

Вот что говорил, например, заместитель заведующего одного из отделов Правительства республики **А. Очилов**:

«Действительно, культуре слушать друг друга мы не научились. И очень неприятно, когда противоположное мнение высказывают тут же из зала – выкрики, окрики и вообще все, что угодно. Прошу не перебивать друг друга. Надо себя уважать и других. Это к сидящим в зале.

Во-первых, я полностью поддерживаю т. Кошлакова, потому что уже пять дней идут митинги. ***Большинство из выступающих здесь ни на одном митинге в городе не были. Товарищи, этот вопрос на «ура» решать в этом зале нельзя.*** *Я лично был 4 дня на митингах. Два дня – вчера и сегодня мы с Георгием Вадимовичем.* ***Надо сказать спасибо этим людям,***

что они успокоили вчера, что сказали: «Товарищи, нельзя громить, допускать национальную рознь, бить, выкрикивать всякие антилозунги о русских и других национальностях. *Надо этим товарищам отдать должное: вчера они остановили эту толпу у Совета Министров на площади, где-то около четырёх тысяч было. Сегодня больше пяти тысяч людей собралось.* ***Но к чему сегодня очень красиво выступают все партийные работники? Где они находились вчера? Где, в каких углах, извините меня. Нам сказали, что у каждого кабинета ответработника ЦК сидели автоматчики, охраняли их. В такие дни надо к людям выходить.*** *Вот мы выходили, я сколько своих знакомых видел. Товарищи, ну хорошо, требовать можно, митинговать можно, но нельзя грабить.*

Мое предложение. *Я считаю,* ***если не будет отставки до 18 числа, то именно 18 числа в 12 дня люди опять соберутся на митинг на площади Ленина.***

Сегодня митинг был у памятника Владимиру Ильичу Ленину, ни одного партийного работника там не было. *Выступали другие товарищи. Т. Кошлаков был там, и мы ходили. Поэтому такое предложение: товарищи, я взываю к разуму, товарищи, нельзя на «ура», нельзя, я вам говорю.* ***Поэтому мое предложение: надо удовлетворить их просьбу*** (об отставке руководства. Прим. автора).

Кроме того, товарищи, все это произошло в городе Душанбе, надо нам отправить в отставку все бюро горкома партии, все бюро райкомов партии, все четыре, нет у них заслуг. *И вообще, в городе не нужны райкомы, оставить только один исполком. Все безобразие в городе Душанбе из-за несовершенности структуры городского хозяйства. Ведь надо же подумать кому-то: четыре райкома зачем нужны, четыре райисполкома зачем нужны?».*

Положив руку на сердце, хочу отметить, что, на мой взгляд, абсолютную правду говорил А. Очилов. Но и его не хотели слушать, не понимали его, как и меня.

Чувствуя, что направление работы пленума уходит в совсем непонятное русло, не выдержав, кинорежиссер **В. Ахадов** начал говорить с места:

«Наше обсуждение сейчас сводится к вопросу об отставке или не отставке, а на пленуме стоял вопрос о политической ситуации. ***Ни один человек эту политическую ситуацию в своем выступлении не обрисовал.*** *Только тогда можно логично сделать вывод – принимать отставку, не принимать, трудность это или политический компромисс. Должен быть анализ.* ***Мы собрались с вами для того, чтобы проанализировать ситуацию».***

Далее слово было предоставлено представителю митингующих **Р. Галибшоеву.** Выступление молодого активиста не понравилось участникам пленума, поэтому ему тоже практически не дали говорить. Но в конце, отвечая на вопросы участников заседания, один из его ответов привел партхозактив в шок:

«Конечно, вы уже, наверное, заметили, в какое трудное положение меня поставили. Это вы должны понять, потому что первый день пленума я приходил сюда, но впустили только четверых. Я вину, конечно, беру на себя, признаю свои ошибки.

Требуем отставки руководства

Я чувствую, что вы хотите сейчас сторонников народного движения физически уничтожить здесь же. Я вот об одном прошу. Сейчас вот мы хотим решить судьбу народа. Здесь давайте посмотрим друг на друга не как противники, а как люди, прежде всего, как люди, как человек на человека. Будем уважать друг друга. Значит, дайте нам тоже такие права, какими вы владеете. К сожалению, я вот не имею тут авторитетного голоса. Переходим к делу. Так значит. Вот этот товарищ, который до меня выступил, он правильно начал, я тоже начинаю осмысливать.

То, что произошло в Душанбе, – это трагедия. С этим вы должны согласиться, да? Да. Дальше. Эта трагедия нанесла много ущерба, правильно? – Да. Вот сейчас, видите, мы сейчас должны вот выяснить эту трагедию, так, знаете, с какой точки зрения? Мы не должны рассматривать как частный случай действия погромщиков, воров, экстремистов, знаете почему? Потому что вор всегда ворует, погромщик всегда разбойник. Вы должны рассматривать этот вопрос в целом. В причинно-следственной связи у нас перестройка, а в чем она, какая задача перед перестройкой? Это борьба с бюрократической системой, которая возникла за эти десятилетия. Что у нас есть бюрократическая система, вы должны согласиться. На мой взгляд, она вызрела, как господствующий класс. Вот я за свои слова могу ответить. Господствует класс, такой характер носит. И представляете, это сейчас идет классовая борьба, если так назвать, хотя никто так вот не решится сказать. Значит, у нас сейчас идет классовая борьба рабочих, крестьянства с бюрократическим аппаратом. И вот видите: раз дело перестройки в уничтожении бюрократической системы, если она существует, она не может существовать отдельно в Москве, отдельно в Казахстане, Узбекистане и других регионах. Она диалектически взаимосвязана, потому что злые силы, агрессивные силы тоже связаны между собой, так? – Да, конечно.

Если нет, вы закон отрицаете, науку отрицаете. Так, дальше, значит. (Шум в зале). Дорогие товарищи, одну мину-

точку. Во-первых, вы не проинформировали о регламенте. Так как передо мной вот эти товарищи без регламента выступали, я тоже должен. Пожалуйста, умоляю вас, выслушайте меня, если вы убеждены в своей точке зрения, сколько бы я не толковал вам свою мысль, вы будете держаться за свое, не так ли? Вы не должны меня бояться. Я же без оружия».

На него с негодованием смотрели члены ЦК, в зале поднялся невообразимый гвалт.

Один из участников пленума вскочил с места крикнул: *«Что он делал 13 числа?»*

А Галибшоев спокойно продолжает говорить:

«Я, допустим, экстремист, уголовник, и кто угодно, но я – ваш сын. И те, которые соберутся в городе, они тоже ваши сыновья».

Конечно, он был абсолютно прав. Все те люди, которые собирались на площадях, были нашими согражданами, братьями, сестрами, нашими детьми и надо было с ними разговаривать, а не применять силу, как это было сделано вопреки логике жизни – здравому смыслу.

Далее **М.С. Табаров**, руководитель Орджоникидзеабадской партийной организации, понимая шаткость ситуации, исходя из своего положения, говорит: *«...сейчас не время отставки, Каххор Махкамович».*

Следующим слово берет **М.С. Асимов** – член Президиума Академии наук Таджикистана:

«Вспомним, товарищи, слова Ленина. В политике озлобленность вреднее всего. Давайте без озлобления, без взаимного обвинения, без конфронтации. Этим товарищам спасибо, что они помогают, и впредь я прошу, чтобы помогали, чтобы не было в городе кровопролития. Всех надо сплотить, чтобы не было кровопролития.

Второе. Видимо сегодня мы так устали, возбуждены, я просил бы наш пленум перенести на завтра.

Третье. Сейчас мы должны обсуждать сложившуюся ситуацию. Выход из этой ситуации, как она сложилась, кто убит, по чьей вине? К этому мы вернемся позже, после тща-

тельного анализа. Сейчас должны обсуждать саму ситуацию и как выйти из этой ситуации».

Говоря о перерыве в работе наэлектризованного перевозбуждёнными людьми пленума, умный ученый понимал, что время все расставит на свои места. Но члены ЦК торопились принять решение, которое будет им выгодным и даст возможность усилить воинский контингент для подавления протестов митингующих. К сожалению, Асимов и еще один ученый – профессор, академик Гулямов – в дальнейшем в годы гражданской войны были убиты. Это большая потеря для Таджикистана, поскольку они были учеными с мировыми именами.

А.Т. Касымова, секретарь Президиума Верховного Совета республики, говорит:

«Я считаю, то, что происходит, – позор для таджиков. Кто виноват? Виноваты коммунисты… Борис Карлович, много молодежи без работы… Мне действительно стыдно перед этими людьми, которые в первый раз попали на наш пленум. Вот этот вопрос всем нам на размышление».

И она была права: поведение коммунистов-руководителей выглядело неадекватным.

Конечно же, 15 февраля – в первый день заседания пленума – его участники не смогли ответить на все злободневные вопросы и продолжили свою работу утром 16-го.

К.М. Махкамов снова выступил с обоснованием мотивов, вынудивших его, Г.П. Паллаева и И. Хаёева подать в отставку. По вопросу его несвоевременного выхода к участникам митинга для открытого диалога, партийный руководитель республики сказал:

«Обстановка на митингах сложилась такая, что сделать это практически не удавалось. Только 11 февраля – в первый день митинга – диалог шел около трех часов подряд. Многие видели, как он проходил».

Но это с его стороны было лукавство. Ведь не то, что трехчасового, наверное, даже часового своевременного общения было бы достаточно, чтобы сбить накал страстей. Конечно же, он выходил к митингующим в окружении своих сторонников и помощников, но говорил очень мало, еще и по той причине, что его просто не хотели слушать. Если бы нормальный

диалог имел место, то, возможно, прочувствовав ситуацию, руководители республики не пошли бы на силовой вариант разрешения проблемы и последствия не были бы такими страшными. Но, защищая себя любыми способами, руководители смешали правду с ложью, и с такой информацией выступали на пленуме. Конечно же, подобным образом вели себя многие.

Военные, милиция, спецслужбы и митингующие

И даже Б.К. Пуго как бы подсказал Махкамову:

«А вот угрожали, что будет подожжен кинотеатр, что начнутся поджоги во всем городе, что весь город будет сожжен – это ведь все правда?»

Другой партийный функционер, не выдержав, с места задает вопрос:

«Вы сказали, что эти сообщения вам передавали представители комитета, они здесь. Кто конкретно передавал вам эти слова?»

К.М. Махкамов: *«Сейчас мне трудно говорить кто. Их там было 17 человек, в полном составе».*

Б.К. Пуго: *«Неважно, кто. Речь идет о том, что говорили, что будут поджоги. Все говорили».*

К.М. Махкамов: *«От имени митингующих говорили».*

М. Миррахимов: *«Дело в том, что все переговоры записаны на телевидении. Если т. Махкамов неправильно информирует, мы можем снова воспроизвести запись.* ***От имени комитета никто этих слов не говорил».***

И.Х. Хаёев: *«Постоянно повторяли».*

К.М. Махкамов: *«Тов. Миррахимов, я еще раз повторяю, что мы вели диалог с комитетом, а в комитет постоянно приносили информацию и через комитет доводили до нашего сведения».*

И.Х. Хаёев: *«И первым заявил он, Миррахимов».*

М. Миррахимов: *«Вас не было тогда».*

К.М. Махкамов: *«Товарищ Хаёев тогда был. Кто-то забежал, сказал, что в 46 микрорайоне идут погромы с поджогами».*

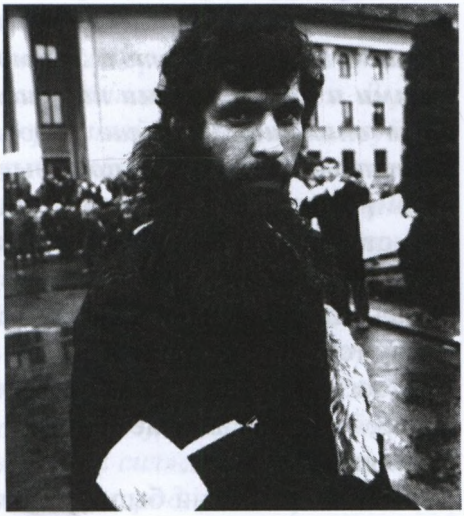
Председательствующий дал слово П.А. Пулатову – секретарю ЦК ЛКСМ Таджикистана.

П.А. Пулатов: *«Я два дня присутствовал на всех этих переговорах. Действительно, через каждые 15 минут заходили неизвестные люди и заявляли в ультимативной форме, что если не будет сейчас подписан протокол об отставке всего правительства, т. е. имелось в виду Бюро ЦК, Президиума Верховного Совета, Совета Министров республики, то будет подожжен 46-й микрорайон».*

Пулатов все время ходил по пятам членов Временного народного комитета, все видел, слышал, но преподносил руководству информацию – иногда абсолютно противоположную реальной картине событий. Он говорил то, что хотели от него услышать. А то, что Миррахимов сказал, что имеется видеозапись и можно было ее показать, уже никакой роли не играло. Правда тогда была не нужна…

В кабинете у Зампреда Совмина, Председателя Госплана. 15 февраля 1990 г., г. Душанбе

Слово предоставили Военкому республики **М. Мамаджонову:**



Кто с кем?..

*«Мы третий раз собираемся, Каххор Махкамович. Вы извините меня, **в первую очередь вы виноваты**. Почему вы не говорите коммунистам, что вы выходили, выступали, и не раз?...Вы, Каххор Махкамович, не сказали, что 13-го, из так называемого народного фронта, три человека зашли. Был командующий войсками округа. На вопросы, которые задавали, Каххор Махкамович говорил: это можно решить, давайте решим вместе. Фамилию я не запомнил, но лицо этого человека запомнил на всю жизнь, Каххор Махкамович, вы записывали его фами-*

лию, инженер-геолог работает в Министерстве водного хозяйства. Там была молодежь от 16 до 20 лет. Когда вроде уже решили вопросы, вдруг он встает и матерится на таджикском языке. Находясь в Центральном Комитете, такое говорить. А мы смотрим, никаких мер не принимаем. Потом он опять идет в толпу».

(Про этого человека много говорили. Одни считали его представителем КГБ, другие спрашивали, что это за человек непонятного происхождения? Хотя, как видно из данного выступления, он имеет и должность, и известно из какого региона. Таких подозрительных лиц тогда было очень много и они, конечно, тоже сыграли свою роль в дни февральских событий. Прим. автора).

«...Каххор Махкамович, здесь в течение полутора-двух лет идеологическую работу не проводили. Вчера здесь уважаемый Каримов говорил, что к нам из ЦК не пришли, ничего не сказали. А почему вы не поднимали этот вопрос? Почему всякие фильмы показываем, и не один идеолог не выступил, не сказал, какие неформалы у нас появляются, какие задачи они ставят и т. д. Об этом мы молчим. ***Десятки раз коммунистами и неформалами нарушались границы дозволенного, и ноль внимания****...Больше надо говорить по телевидению об обстановке.* ***Пофамильно называть тех, кто стрелял».***

Никто не был против, чтобы пофамильно назвали тех, кто стрелял по безоружным митингующим. Но Военком республики, поддерживая и одновременно обвиняя Махкамова, делал вид будто не понимал, что виновниками кровавой бойни являются именно руководители республики. И, хотя об этом ещё тогда на пленуме Мамаджонов и другие просили руководство, – до сих пор не названы фамилии тех людей, которые стреляли по людям.

Как бы там ни было, участники заседания поддерживали такие двусмысленные выступления и бурно аплодировали им. Аплодисментов было так много, что, когда председательствующий на пленуме **Махкамов К.М.** зачитал поступившую записку:

«В республике объявлен День траура, но не все об этом знают. Прошу объявить присутствующим, чтобы воздержались от аплодисментов», – всех это поразило.

Но это же и есть спектакль на крови.

Произошли страшные события в столице республики – пролилась невинная кровь её граждан. Идет второй день второго после февральской трагедии пленума. А один из членов ЦК передает записку в президиум о том, что надо помнить о трауре – воздержаться членам ЦК от бравурных аплодисментов. Классическая трагикомедия в духе древнегреческого драматурга Эсхила! Как говорят в России, всё это было бы смешно, коли бы не было так грустно…

Ужас сковал тогда мою душу…

В значительной степени справедливо выразился народный депутат СССР **В.А. Гиро**:

«Руководство республики, считаю, недостаточно серьезно анализировало обстановку, приняло недостаточно мер к тому, чтобы оградить народ от экстремистской волны, они за это будут нести ответственность. *Но только законным путем. Другая сила, которая рвется к власти, прекрасно знает, как этой власти сейчас добиваться. В республике предстоят выборы в Верховный Совет. Участвуйте, побеждайте, завоевывайте, выбирайте. Нет, этим путем они не хотят идти. В данной ситуации, я считаю,* ***товарищи Махкамов, Хаёев, Паллаев допустили промах. И, наверное, мы будем выбирать другую власть, но только законным путём.*** *Пройдут выборы, выберем законные органы власти. Пройдёт съезд, пройдут пленумы, выберем других партийных руководителей, и все пойдет, как положено, законным путем. А сейчас дать отставку правительству – значит пойти на поводу. Я считаю, у самых низменных сил». Жаль только, что в завершение выступления, товарищ народный депутат о народе выразился пренебрежительно.*

Интересным является и следующий факт: многие высокопоставленные лица, например, даже заместитель министра юстиции республики (важнейшего правоохранительного орга-

на власти!) **Халифабобо Хамидов**, был не только членом общества «Растохез», но и одним из его руководителей. Многие участники заседания даже не знали, что он – представитель власти. Из зала выкрикивали: «Кто он такой?» Поэтому Хамидов начал со следующих слов:

«Уважаемые товарищи, не надо спрашивать, кто я есть. Я – Хамидов Халифабобо, зам. министра юстиции республики, зам. председателя правления организации «Растохез», заместитель председателя той организации, которая борется за справедливость, за честность. Я хочу здесь, сейчас повести разговор о честности, искренности до конца, без всяких эмоций, без лишних обвинений. Для того, чтобы всем было ясно, я хотел бы изложить то, что мы делали в течении этих 3 – 4 дней, то, что мы хотим и то, что мы хотели.

Товарищи, прежде всего я хотел бы поблагодарить тех участников пленума, которые объективно подошли, говоря о нас, о «Растохезе». В Душанбе сложилась действительно сложная ситуация, которую можно разрядить только при помощи разумных, реалистичных поступков. Оскорблять друг друга, обзывать не делает чести никому. Надо сначала разобраться в сложившейся ситуации.

Первое. О том, что слухи о приезде армянских беженцев в Душанбе вызывают неблагополучную ситуацию в городе, было известно многим. Но почему ни органы КГБ, ни органы МВД не проявили своевременную реакцию, чувствительность, остроту своего профессионального ума, не смогли это предотвратить? Более того, митинг, состоявшийся 11 февраля, не имел никакого отношения к руководству «Растохез». Я, например, сам дома находился, другие тоже находились дома, занимались своими делами. Ночью в 11 часов позвонили Халикову из исполкома, явиться к т. Поносову, где присутствовали т. Краснов. Кстати, Вашими усилиями, т. Каримов, он, оказывается, Ваш секретарь горкома, т. Шаимов, как я понимаю, представитель органов КГБ, представитель армянской общины т. Васканян и другие. Там состоялась конструктивная беседа относительно принятия совместных действий. Тов. Халиков предложил, по-

скольку «Растохез» не имеет отношения к митингующим, поэтому в понедельник в 10 часов утра им надо выйти в прямой эфир с обращением к населению, с участием известных лиц республики, и просить этих митингующих и тех, которые должны были прийти в 3 часа, воздержаться от митинга и выслать своих представителей в исполком из махаллей, мечетей для ознакомления с тем, что армяне-беженцы уезжают. Однако это предложение не было реализовано.

Второе. В пятницу состоялось заседание правления «Растохез», где был поднят этот вопрос. Его участники подготовили письмо в адрес ЦК Компартии Таджикистана. По ошибке секретаря письмо поступило в ЦК с опозданием.

Третье. О том, что был разговор по этому поводу в мечетях, о разногласиях между козикалоном республики и его заместителем знали многие. И опять возникает вопрос: почему компетентные органы проявляли крайнюю политическую близорукость? Ответа я не нашел.

Четвертое. Узнав о случившемся, правление «Растохеза» подготовило обращение к населению, которое было зачитано перед митингующими в 13.30 во вторник с машины с микрофоном, где говорил сам Каххор Махкамович. В понедельник 12 февраля я сам и председатель «Ру ба ру» Исаев, с участием Халикова и других лиц, сняли фильм в домах в районе Испечак, ул. Гафурова, где, якобы, проживали армяне-беженцы. Вечером фильм был показан по телевидению, в котором говорилось о необоснованности требований митингующих. В тот же день вечером я вместе с т. Хаёевым и Навджувановым выступил по телевидению и призывал митингующих к спокойствию и благоразумию,

Пятое. В понедельник, в 11.30 в аэропорту г. Душанбе я был с председателем «Ру ба ру» Исаевым, с членом правления Гафаровым, с религиозными деятелями, с руководством горисполкома Душанбе, вместе с секретарем горкома Красновым для того, чтобы поговорить с беженцами. Тогда же тов. Икрамов позвонил на Таджикское телевидение и попросил, чтобы они сняли видеофильм о процессе проводов армян-

беженцев. Однако, по словам Икрамова, т. Джураев сказал, что у него все люди заняты, и надо вопрос согласовать с ЦК. Затем, где-то в 14 часов, был вопрос решен, а к этому времени беженцы вылетели. Можно было избежать всего этого позорного явления для нашей республики.

Уважаемые товарищи! Те, кто митингует, те, кто сейчас раскрутил такую бестактную ситуацию – это действительно экстремистски настроенные люди, живущие в нашей республике. Это дело рук мафии. Это дело тех, кто не хочет советской власти, это дело тех, кто действительно хочет свергнуть советскую власть.

Уважаемая т. Касымова и уважаемый т. Каримов! (Имеется в виду Джамшед Каримов, глава коммунистов города. Прим автора). *Нельзя быть такими нечестными, что все сволочи, все хотят свергнуть советскую власть.*

Митинг о статусе национального языка

Уважаемые товарищи, я сын колхозника, я получил воспитание в университете, работал в университете и так обзывать нашу организацию я бы не позволил. Имейте в виду, если кто-то там рвется к власти из числа мусульманских фа-

натиков, вот кому не надо давать выхода, вот кому не надо давать дорогу, надо преградить путь таким элементам, а не здравомыслящим людям, которые ставят проблему в открытую, в честном и конструктивном русле».

Далее **Х. Хамидов** ответил на вопросы из зала.

***Вопрос**: «Вы большую работу провели как заместитель председателя правления «Растохез», а что сделали по предотвращению событий как заместитель министра юстиции республики?»*

***Х. Хамидов**: «Я выступаю в качестве двух ответственных лиц, и как зам. председателя правления «Растохез», и как заместитель министра юстиции. Если вы хорошо понимаете таджикский язык, я еще вчера обратился к коменданту города, обратился к т. Хаёеву о том, чтобы наказать по всей строгости закона тех, кто нарушает общественный порядок, нарушает социалистическую законность. В этом я вижу свою задачу».*

Конечно же, такие выступавшие как **Н.З. Зарипова, Н.В. Шевченко, Г.Г. Веселков, Х.И. Касимов** произносили общие слова в поддержку руководства и задавали риторические вопросы типа: «Почему Политбюро, Горбачев не наведут порядок в стране?» и т.д. Словом, звучали ненужные выступления и шла пустая трата времени. А вот от **В.В. Петкеля** – председателя КГБ Таджикской СССР, хотели конкретно услышать об истинном положении дел в республике, особенно в столице. Он был многословен, говорил, в том числе о «Растохезе», его руководителях.

Глава чекистов республики также сказал:

«...Если говорить о тех конкретных событиях, которые произошли в Душанбе, надо отметить, что начало их было организовано уголовными элементами, я думаю, что и подкупленной частью жителей нашего города. Именно их выдвинули вперед для организации напора, силового напора, силового нажима. Два дня происходил штурм именно хулиганами, уголовными элементами. Как только этот штурм дошел до определенной стадии, когда наше правительство и руководители дрогнули, прямо скажем, тут же прямо из-за спины этих хулиганов и уголовных

элементов вышли политические силы. Они обозначились в лице Временного комитета, который начал диктовать, угрожать, шантажировать... Вот вчера решали вопрос, когда в нарушение подписанного протокола Временный комитет созвал большой митинг на площади Ленина. Мы могли найти силы для того, чтобы этот несанкционированный митинг по закону чрезвычайного положения не допустить, привлечь к ответственности тех, кто организовал этот митинг, к очень строгой ответственности. Но наше руководство сказало: «Подождем, посмотрим как они будут вести себя дальше». (Шум в зале). Будут продолжать, будем применять силу закона, товарищи. И никаких вопросов. (Шум продолжается).

... Я вам скажу больше, товарищи. События развиваются таким образом, что тут некоторые представляют себя такими, понимаете, скромными товарищами, которые, якобы, далеки от ответственности. И даже больше того, некоторых наших, я смотрю, уважаемых аксакалов так разжалобили, что они даже жмут руку и благодарят за наведение порядка тех, кто вчера все это устраивал. Да ничего подобного, товарищи. Кто наводит порядок? Всем видно и ясно. Сегодня была информация из Москвы о том, что «Растохез» ищет в Москве корреспондентов «Би-би-си» для того, чтобы быстрее возбудить мир, возбудить Европу сообщениями о том, что здесь гибнут таджики, нужна помощь.

Обращаются за помощью в Прибалтику, к народным фронтам, с тем, чтобы быстрее сюда прислали подкрепление, чтобы помогли соответствующим силам здесь. (Голоса с мест). Товарищи, минуточку внимания, я вам говорю, чтобы вы это учитывали.

Теперь, почему и как допустили эти события? Прогноз был, товарищи. Была информация о том, что вот эти силы, силы антиконституционного порядка, готовятся, готовятся капитально и в этом плане могут быть использованы любые ситуации. Откровенно говоря, знали и партийные, и советские органы, и административные органы... Надо сказать и о том, что и наши партийные руководители проявили здесь, ну,

прямо скажем, и непоследовательность, и на каком-то этапе слабость организации...

Только Временный комитет создали, его создали после обеда, а вечером председатель комитета т. Каримов с представителями «Растохеза» и вместе с т. Латифи – заместителем Председателя Совмина – приходят в Комитет и говорят: «Кого вы тут содержите? Задержанных? Ну-ка, давайте, отпускайте». (Шум в зале). Заместитель председателя товарищ Убайдуллаев объяснил, что у нас задержанных в связи с этими событиями нет. Пошли в МВД, там сказали, чтобы всех выпустили. Об этом как раз на заседании Верховного Совета СССР и был разговор со стороны Михаила Сергеевича Горбачева. С точки зрения подхода. Я понимаю, что где КГБ, где партия, где МВД – это единое, это власть, это наш строй. Поэтому и идут нападки на строй, чтобы убрать всех вместе...».

Мне хочется оставить выступление Председателя КГБ без комментариев, потому что, помимо необоснованных обвинений и общих фраз, которые должны быть несвойственны работникам спецслужб, он по существу ничего не сказал. Если вы видите что-то противозаконное в действиях членов «Растохез» или Временного народного комитета, то скажите прямо и конкретно. А то получается в эпоху, когда объявлена перестройка, гласность, плюрализм мнений – с одной стороны, с другой стороны, когда нет возможности сказать через СМИ своей страны свое мнение, как же быть членам «Растохеза».

Конечно же, не остался в стороне официальный руководитель молодежи республики **А. Якубов** – первый секретарь ЦК ЛКСМ Таджикистана. Он начал пугать участников пленума, ссылаясь на Председателя КГБ Петкеля:

«...О границе сегодня Петкель уже сказал, но с утра идет информация из Пянджского района. Звонят нам молодые люди, что есть достоверная информация с той стороны реки: ***крупнейшая дисклокация воинских бандформирований с вооружением и предложением оказать помощь в свержении власти в нашей республике.*** *В этих условиях мы равнодушными быть не можем. Поэтому создаются отряды само-*

обороны. Будем увеличивать их не только в городе Душанбе. Эта работа с сегодняшнего часа перекинулась на районы республиканского подчинения, в том числе – приграничные...»

Центральные улицы Душанбе перекрыты. Февраль 1990 г.

Подобные громкие заявления, набиравшие силу после ввода войск в Душанбе, были нужны для обоснования ввода войск и оставим все это на совести комсомольского вожака.

Много шума наделало в обществе в те дни выступление на заседании актрисы Государственного драмтеатра имени А. Лахути **М. Исаевой**:

«Я хотела бы знать сегодня, я не знаю, ответят на этот вопрос мой или нет. Меня волнует третье лицо. Здесь сидит наше правительство, здесь сидит вот организация, но здесь кроется самое страшное третье лицо, которое здесь не присутствует, оно за ширмой, оно давно начало свое действие, очень оперативно. Меня всегда волновало, когда Рахмон Набиевич был, и Каххору Махкамовичу, я приходила на прием, говорила о вопросах идеологии, искусства, театров. Поднимала эти вопросы, хотя, может быть, это меня не касалось, я не министр. Но потому что я знала, что это волнение со временем превратится в очень большую неприятность. Почему с такой скоростью в нашей республике, не только в нашей республике, по всему Советскому Союзу стали строить мечети вместо того, чтобы воздвигались театры, клубы и библиотеки. Вы сейчас посмотрите – весь народ стал отдавать свои деньги, несмотря на то, что у всех большие семьи, на по-

стройку мечетей. Почему мы оказались в стороне, когда мы это своими глазами видим?

Здесь вот правильно выступили из КГБ, первый секретарь ЦК комсомола очень правильно. Поэтому я считаю, что всем нам ясно, уже все вышло наружу. И давайте сейчас не будем обвинять друг друга, устраивать лагерь один, другой лагерь против друг друга, а объединимся все, если у нас цель одна. Во имя таджиков, во имя республики и наций Советской страны, которую мы в тяжелейшие годы защищали кровью своей, жизнью своей.

Грозит нам, товарищи, не то, что там кто-то завоевал власть, кто-то отказался от власти, есть вещи страшнее».

Как мною ранее было отмечено, не совсем понятным было поведение в те дни моего коллеги – заместителя Предсовмина республики О. Латифи. Он с 11 по 18 февраля активно участвовал в митингах, успокаивал митингующих, по согласованию с Каххором Махкамовым поехал со мной в МВД и КГБ, чтобы выпустить нескольких митингующих и показать это по телевидению – для успокоения взбудораженной толпы, встречался с Пуго, Махкамовым и другими руководителями. Словом, вел себя активно, выступал от имени «Вахдата» на совещаниях Временного народного комитета и отлично знал, что главное требование митингующих в те дни было – отставка руководства республики. Несмотря на это, когда его спрашивали о личной позиции, он отвечал, что из состава Бюро ЦК должен уйти Председатель КГБ Петкель. Тем самым делая жест в сторону руководства, мол, они не должны уйти в отставку и поэтому в дальнейшем они его оставили работать на своей должности. В те дни в отношении отпущенных митингующих я не сделал ничего большего, чем он.

О. Латифи: *«...Десятого февраля я вместе с Усманом Ганиевичем, Бури Бачабековичем поехал на поминки сначала Хикмата Ризо, потом на поминки к Джурабеку Муродову. Вернулись где-то к часу дня, к зданию Верховного Совета, и разошлись по домам... 11 февраля, во время заседания Президиума Совета Министров Таджикской ССР, – это уже после*

обеда, мне послышался как будто выстрел где-то со стороны. Через некоторое время заседание прервали. Мы – я, Изатулло Хаёевич, Кошлаков, кто еще, я сейчас не помню, и Вахидов, нас пригласили в ЦК. Мы приехали сюда...

Но вот когда здесь бушевала толпа, вы меня извините, товарищи заведующие отделами ЦК, я никого из вас на крыльце не видел. Партийные работники стояли за колоннами и за солдатскими щитами. Давай, давай, говорят, иди, тебя требуют, выступи.

Протест...

Хорошо! Пришел. Я сказал: Бародархо! (Братья!) Ман (Я) клянусь матерью, говорю, что не вру, что вот 47 беженцев были и они уже уехали. Здесь они разбушевались, пусть, мол, Махкамов скажет. Я пошел к Каххору Махкамовичу. Он согласился выступить, уже когда бушевали... Я извиняюсь, даже опера не было еще рядом тогда, я стоял, пока Каххор Махкамович выступал, я его держал, потом Анатолий появился, я ему говорю: держись, держи его за пальто. И когда здесь начали уже потом кидаться камнями, и Каххора Махкамовича увели и когда там уже урнами били окна, я их рас-

таскивал, а другой разбил окно и уже начались поджоги. Вы меня извините, что творилось, я многого там не видел.

Но я хочу это все оставить. Если уже несколько недель бродят слухи и Комитет Государственной безопасности, а на деле это со дня рождения комитет партийной безопасности, потому что тов. Петкель, он себя даже членом правительства никогда не признает. Он, когда даже подойдет сессия, вы все знаете, где он сидит.

Работники КГБ на местах информацию если дают, то только партийному комитету, исполкомам они никакую информацию не дают. Если, значит, товарищ, которому поручено знать обо всех экстремальных ситуациях, извините, чуть не выразился грубо, не знает, что происходит, какие слухи ходят, не обобщает их, не формирует и не передает эту информацию, вы меня извините, такой Комитет Государственной безопасности не может быть Комитетом Государственной безопасности. И единственный виновник всего произошедшего – тов. Петкель. Если человек сидит на таком посту и не знал это, вы меня извините, что до этого азербайджанцы были, вот мы не информировали – здесь стоят свидетели – значит хитрит. Пусть компетентная комиссия разберется. Если мое обвинение неправильное, то пусть комиссия изучит всю информацию.

Это первая часть.

Вторая часть: То, что вот здесь начинали обвинять товарищей, которые сидят вот в этом ряду, из «Растохеза». Вот с Мирбобо Миррахимовым я познакомился в те дни, когда шло обсуждение проекта изменений в Уставе и Программе партии. Он пришел ко мне в корпункт «Правды», говорит: муаллим, помогите, я не могу в Центральный Комитет пробиться. В переводе документов партии много ошибок, которые искажают смысл Программы партии и Устава партии, я его тогда привел в отдел пропаганды. Говорю, есть логика в его словах, надо исправлять ошибки.

По поручению Центрального Комитета Компартии Таджикистана он занимался вопросами Навруза, готовил сце-

нарий. Он, вы знаете, мне в этом Халифабобо вчера клялся, атеист. Да, он занимается вопросами религии. Мы иногда, как в кинофильме «Покаяние», умеем делать... из друзей – врагов. Так, надо ли мыслящих людей отталкивать от себя и устанавливать слежку? Не там, где надо, собирать информацию, а за Миррахимовым, за Латифи следить и за другими. Если в этом заключается задача Госбезопасности, то пусть продолжают. Но я думаю, что отталкивать мыслящих людей, трезво мыслящих, критически мыслящих нам нельзя. Именно Комитет Государственной безопасности Таджикистана толкнул его на противостояние. Во всем этом виноват т. Петкель... когда в Комитете Государственной безопасности сидят и говорят, что Коран это – подрывная литература, вы меня извините.

***Голоса из зала**: Ваша позиция?*

***О. Латифи**: «Моя позиция такова: единственный человек, кто должен выйти из состава бюро и уйти – это товарищ Петкель!»*

***Голоса из зала**: «Кто виновник освобождения задержанных лиц? Это прозвучало на сессии Верховного Совета СССР в выступлении Генерального секретаря, Председателя Верховного Совета М.С. Горбачева. Надо дать справку нашему пленуму: кто в этом конкретно виноват».*

***Голоса**: «Правильно!»*

***К.М. Махкамов**: «Может быть, образовать комиссию? Это же не так просто выяснить».*

***А.Д. Дадабаев**: «Разобраться надо».*

***К.М. Махкамов**: «Разобраться, ну, комиссию составить».*

Интересен был акцент вопроса, заданного из зала: «Кто виновник освобождения задержанных лиц?» Во-первых, почему виновник, если это было сделано ради стабилизации обстановки и по согласованию с первым лицом республики. Во-вторых, обратите внимание на вторую часть вопроса: «Это прозвучало на сессии Верховного Совета СССР в выступлении Генерального секретаря, Председателя Верховного Совета

М.С. Горбачева. Надо дать справку нашему пленуму: кто в этом конкретно виноват». На это требование в зале несколько человек отвечали: «Правильно, надо найти виноватых!» А Каххор Махкамов, который лично согласовал, а правильнее будет сказать, разрешил освободить несколько человек, дрожащим голосом говорит: «Может быть, образовать комиссию? Это же не так просто выяснить». Другой секретарь ЦК – А.Д. Дадабаев, который в те дни, особенно во время подписания Протокола об отставке руководителей, вел себя трусливо, тихо подал голос: «Разобраться надо». А Каххор Махкамов, который, повторяю еще раз, дал разрешение на освобождение митингующих, как бы соглашаясь с натиском участников пленума – своих однопартийцев, сказал: *«Разобраться, ну, комиссию составить».* Все эти факты говорят о том, что в те дни руководители республики, в т.ч. К.Х. Махкамов и А.Д. Дадабаев, смешали правду и ложь в одном флаконе и подали ее так, как было нужно им и участникам пленума.

В этот момент я вспомнил члена Ревизионной комиссии ЦК Компартии Тагаева, который ранее на пленуме выразился прямо: «Вы Каххор Махкамов – слабый человек и не можете руководить республикой». Прав был Тагаев. Махкамов, вместо того, чтобы признаться, что он лично дал полномочия председателю Госплана Бури Каримову выпустить нескольких задержанных, трусливо сказал: «*Разобраться надо*…». Для меня такое его поведение было нелепым, но, поскольку члены ЦК – участники пленума, не знали истины, они поверили, что мы это сделали самостоятельно. А у меня не было возможности выступать каждый раз и отвергать все новые и новые обвинения.

Одним словом, всё руководство ЦК (его секретари) уже было в приподнятом настроении. Повторяю, это было после пленума Душанбинского горкома партии, участники которого требовали, чтобы руководство отказалось от своей отставки. С другой стороны, затягивая время, они добивались того, чтобы в город был стянут еще больший контингент силовых структур. Поэтому воодушевленные секретари ЦК продолжили выступать с нападками на митингующих и Временный народный комитет.

Временный народный комитет заседает в кабинете Бури Каримова

Одним из них был **Ш.Д. Шабдолов**. Он говорил о 99% поддержке руководства народом, умалчивая о поддержке Временного народного комитета, назвав его митинговым:

«Товарищи! Краткая информация. В это время 1300 телефонных сообщений со всей республики, около двухсот телеграмм со всех регионов республики и 93 письменных обращения, притом коллективных. Основная масса – где-то около 99 процентов – поддерживает то, что нынешнему руководству республики необходимо выразить доверие и до конца разрешить этот вопрос. Но есть телеграммы, которые поступили из Азербайджана. Они поддерживают нынешнюю ситуацию дестабилизации... Товарищи, речь не о слухах уже, а о фактическом влиянии на существующие процессы, которые происходят в республике...

Вторая же реальность – Временный комитет, митинговый комитет. Закрывать глаза на них сегодня нельзя. Как бы мы не говорили. Я вчера бы по-другому выступил, я опять же повторяю, признаюсь. Тут говорят: вот, каждый день меняем мнение. Не мнение меняется, каждый день – мы прозреваем, мы действительно становимся политическими бойцами. Жизнь нас этому учит. Мы там были, понимаете? Едут машины, грузовики, четко организованные, сидят там боевики, четко организованные и едут по нашим дорогам к центру. Никто их не останавливает, хотя мы знаем, куда они едут. Они едут на несанкционированный митинг в период чрезвычайного положе-

ния. И когда я даю уже приказ: остановите эти грузовики, разворачивайте их! Мне говорят: нельзя, мы не имеем права. Ну, надо же людей подпитывать информацией».

Одним из партийных руководителей районного масштаба в городе Душанбе была Р.Г. Мусаева. Она тоже, увидев огромный воинский контингент в городе, оправилась после шока от событий и поддержала свое высшее руководство. Но при этом она осторожно говорила о подписании ими Протокола об отставке руководителей, а также обо мне лично.

***Р.Г. Мусаева**: «Я больше чем уверена: когда подписывался протокол, ввели в заблуждение и членов Временного комитета, и нашу (руководящую – Б.К.) тройку. Ни о каком Каримове Бури Бачабековиче речь там не шла. Было единственное, кстати, вот о Каримове. Я согласна с Шоди Давлатовичем. Чем дальше мы говорим, тем больше имен, фамилий появляется, разжигаются обиды. Не нужно этого».*

Председательствующий предоставляет слово А. Н. Максумову – директору Института ботаники АН Таджикской ССР.

***А.Н. Максумов**: «Уважаемые, товарищи! Уважаемый т. Пуго! Я совершенно конкретно... как делегат XXVII съезда партии от республиканской партийной организации. Мне пришлось честно отдать голос за Ваше избрание (шум в зале) точно также, как за избрание членов ЦК КПСС Каххора Махкамовича – в состав ЦК КПСС, т. Паллаева, т. Хаева. У меня к вам четверым просьба. В республике в общем-то сложилась... политическая ситуация чрезвычайная. Такого у нас не было. В составе пленума ЦК не столько много осталось нас, ветеранов. Наверное, человек 10 – 15. Тех, кто по 20 – 25 лет работает в составе ЦК.... Мы пережили 61 – 62 годы, мы пережили многие другие вещи, но никогда... Ну, вспомните 61, 62 годы. Вспомните эти толпы около этого здания ЦК. Но не было ни одного побитого, не было ни одного убитого, не было ни одного оскорбленного. Это было так. Справлялись. Правда, у нас был действительно выдающийся лидер – Джаббар Расулович, покойный. Это первое.*

Второй вопрос. Слушайте, вы меня простите, мы становимся кровожадными. Из всех первых секретарей ЦК Компартии Таджикистана мы с почестями проводили единственного Джаббара Расуловича. Все остальные или расстреляны, или исключены из партии, или сняты за беспробудное пьянство и т.д.

Погода – не помеха митингующим

Вот нельзя же так. Нам нужны, в конце концов, традиции. Нам нужна наша честь, честь республиканской партийной организации. Каххор Махкамович, вот сегодня только вокруг вас и вчера и позавчера шла речь. Что-то Гоибназар Паллаевич и Изатулло Хаеевич в стороне. Я имею в виду вас двоих. Вы – члены Бюро Центрального Комитета партии. Первые лица республики. Вы подписали этот протокол. Тут выступали от имени областных трудящихся, ста сорока тысяч. Я выступаю от своего имени как член Центрального Комитета Компартии Таджикистана. Вы поставили членов ЦК в страшно неудобное положение. Как понять? Если это серьезно, давайте решать серьезно. Я не знаю. Наверное, понимаете, как, уважаемый Борис Карлович, вы наверное, несколько дней у нас поживете, судя по всему. Я буду оперировать только фактами.

Вчера то, что своими ушами слышал. Вот с Мухамедом Сайфитдиновичем мы рядом живем. Недалеко от нас мечеть с огромным минаретом, прекрасно радиофицирована, лучше, чем здесь. В 2 часа – молитва. Значит, поминовение погибших,

невинно погибших, кстати, о которых мы плохо и мало здесь говорим. После этого начинается речь духовника. Я сначала не прислушался, потом прислушиваюсь. И то, что я слышал: площадь напротив ЦК назвать площадью Шахидон, т.е. великомучеников, принявших мученическую смерть. Если только наши условия не будут приняты, то мы призываем вас, а там же туда идут без повесток, без телефонных звонков, без ничего. В воскресенье в 12 часов все на площадь погибших мучеников, т. е. сюда. Почему мы уходим от этого факта? Что будет в воскресенье? Кто может об этом сказать? Ну нельзя же, дорогие товарищи, так.

Второй факт. Сегодня у нас в Лучобе хоронят девятиклассника, которого позавчера убили где-то около зоопарка днем – он шел с книжками в руках, перебегал улицу днем, мальчишка. Нельзя же так, дорогие товарищи. Ну, как мы можем, члены Центрального Комитета партии на это смотреть?

Поэтому я прошу вас как членов пленума ЦК КПСС. Слушайте, прокрутите по-солидному все эти материалы. Ну, пожалуйста. Сами вы прежде всего ответственны перед ЦК КПСС и т. Махкамов, и т. Паллаев, и т. Хаеев. *Я просил, здесь: учитывая заявление членов бюро ЦК, пленум оказывает доверие. Прошли эти слова или нет, мне неизвестно. Потому что всюду звучит – полное доверие.* ***Но я, например, свои руки в невинной крови не хочу пачкать. И я от этого отхожу. Что это такое? Будьте добры, члены бюро, все на 100 процентов подавайте в отставку.***

Вы сейчас все в курсе всех событий в стране. Ну, представьте на секунду, ну, давайте все-таки поразмышляем, на секунду, представьте: вот если бы столько погибли в других местах, конечно, уголовники – все должны быть привлечены к ответственности. Тут однозначно. Погромщики, уголовники, грабители, убийцы – все должны быть по закону осуждены. Но вот представьте: такое событие произошло бы сегодня в Волгограде, в Уфе, в Новосибирске, в Свердловске. Что там

было бы? Мы должны быть благодарны своему народу все-таки за то, что он нас поддерживает».

Читатель, вероятно, понял, что уважаемый учёный – академик А.Н. Максумов – говорил абсолютно разумно, справедливо и ответственно, что называется, по существу. Но, к сожалению, процесс отговаривания руководящей тройки от отставки был уже запущен. И, несмотря на разумные доводы некоторых членов ЦК, не являющихся партработниками и митингующих на площади, руководство республики и партхозактив начали судорожно цепляться за свои должности. Они не слушали не только руководителей неформальных организаций, членов Временного комитета, представителей молодежи, митингующих, но и больших ученых с мировыми именами.

Без слов...

Председательствующий предоставляет слово председателю ЦК профсоюза работников госучреждений **З. Мурадовой**:

«Уважаемые товарищи! Я вчера пленум слушала по радио... Мы сегодня очень благодарны, что кто-то вспомнил о профсоюзах.

Борис Карлович, я очень сожалею, что сейчас, вот в этой аудитории, самая такая эрудированная должна быть аудитория, сейчас сменяют друг друга: «Растохез» виноват, этот – не виноват. Но, товарищи, ***ну почему мы даже сегодня должны дорожить своей должностью,*** *которую мы занимаем и должны, чтобы вот этими хорошими, извините, если я грубо, угодническими словами опять-таки себя сохранить?*

Борис Карлович, извините, что я к вам обращаюсь, но я не понимаю тенденцию коммунистов. Я не член Центрального Комитета (партии. Прим. автора), *я рядовой коммунист, моя позиция, мнение мое как руководителя профсоюза государственных учреждений таково: наших руководителей я не понимаю. Почему вот в такой обстановке они должны идти в отставку?*

Теперь я буду говорить несколько минут о том, почему, ***кто нам дал такое право отделить себя от народа? Кто дал такое нам право? Да кто мы, ты? Ну, нас же избирали. Меня тоже избирали они, вас тоже избирали. Что, если первый секретарь райкома партии, это значит, уже не народ? Почему мы сегодня должны сказать, что вот эта «кучка». Это не кучка.***

Мы с опаской принимаем перестройку, мы с опаской принимаем возрождение нашего народа. Почему мы должны им не верить. Я уверена, это от своего имени говорю, что народ пробуждается, мы сами отстаем, коммунисты. Народный депутат СССР Римма Казакова сказала, что это за человек, который не знает языка той республики, в которой живет? Это что, тоже «Растохез» виноват? Да, я не говорю о том, что другие не знают моего языка, – таджик не знает своего языка. Начатое в этом отношении дело нужно довести до конца.

А что, ***Каххор Махкамович, разве вы не знаете****, разве Вам не докладывали,* ***что мы живем при самом низком уровне жизни в стране?*** *У нас в республике очень развита спекуляция. В магазинах ничего нет, а на базаре все есть. В магазины никакой райпотребсоюз или министерство торговли ничего не завозит. Почему вы думаете, это народ не видит, как мы живем? Пока не будет искоренено все это, у нас народ будет плохо жить и будут недовольные. Я очень прошу, товарищи,* ***обратите внимание на нескромность наших партийных работников****. А почему вы сейчас думаете, что этого не видит народ? Не надо думать сейчас о народе так. Он очень грамотный. Меня судьба связала в последнее время очень близко с Гиссарским рай-*

оном. В течение многих лет в районе ни одной квартиры не было построено, а в течение шести месяцев партийные работники там построили коттеджи, в которых сейчас живут. Разве это нас украшает? Вот поэтому недоверие у народа. Нам не верят. Нам сейчас не верят, перестали верить».

Председательствующий предоставляет слово главному редактору партийного журнала «Тоджикистон». **Т. Раджабов** очень эмоционально говорит:

«Дорогие товарищи! Я думаю, сегодня решается не только судьба партийного портфеля, а судьба таджикского народа. Имейте в виду, повторяю, судьба таджикского народа... И вот так легковесно члены пленума подходят к этому вопросу, просто удивлен. Почему? Да потому здесь, ***товарищ Махкамов. Вы виноваты.***

Почему товарищи, которые не могут пост нести, сидят крепко, и даже против своего народа выступают? Я против того, чтобы здесь были войска. Это не в нашей крови, чтобы войска вводили. Это нас взбаламутили, народ Душанбе, когда ввели войска, взбаламутили просто. *(Шум в зале). Это у меня манера такая, если кто не знает... Я могу без микрофона говорить.*

Да, поэтому, давайте, товарищи, сегодня всякие обиды надо оставить дома. Кто на кого обижен, на что обижен – оставьте дома. Сейчас надо думать, как надо выходить из этого положения. Чтобы нам не погибнуть, таджикам здесь, чтобы не погибнуть, понимаете? ***Я уже своими глазами видел, как эти танки наезжают, понимаете, на наших (шум в зале). Уже были наезды, уже были наезды!***

Разве можно так, в такой манере и такой серьезный вопрос обсудить, обнародовать. ***Уже весь мир знает о том, что в Таджикистане отставку дали.*** *Что за члены бюро? Но такое безответственное заявление нельзя было давать. Теперь уже очень трудно нам, очень трудно.* ***Я главный редактор журнала – партийного органа ЦК, а 4 дня не могу зайти в ЦК. Если я не могу зайти… как народ зайдет?***

Поэтому давайте, я думаю, все-таки гуманность проявим немножко, хоть по-человечески Вас можно понять, та-

кую отставку. Но гуманное решение какое-то должно быть». (Шум в зале)».

Теша Раджабов, к сожалению, неважно говорил на русском языке, но он хотел говорить по существу, а ему – представить трудно – как мешали это делать. А не давали ему говорить потому, что поняли: он не поддерживает руководство ЦК.

Спустя несколько лет он нашел меня, и когда я спросил его о цели визита, он ответил: «Увидеть тебя, обнять и подарить свою книгу». И он преподнес мне толстый том, который содержал написанную им пьесу, посвященную трагическим событиям февраля 1990 года, в том числе трем пленумам Компартии, которые подряд проходили в Душанбе.

Выступает глава Союза писателей Таджикистана **А. Хакимов**:

«Дорогие товарищи! Я хочу сказать о том, как некоторые из нас попали на митинг и как попали в члены Временного комитета. Я был в гуще событий, 13 числа стоял возле Союза писателей. Народ требовал. Вот я со стороны улицы Паустовского, там было несколько тысяч человек, очень много, все видели там. Нас было 2 – 3 там писателя: я, Убайд Раджаб, Гулназар, и народ требовал от нас, от меня лично, чтобы с ними поговорил Каххор Махкамович.

И у них первое требование было: встреча с первым секретарем. Второе требование – освободить всех людей, которые были захвачены во время митинга на площади, а не тех, которые были раньше. И с двумя этими требованиями, значит, они подходили к зданию Центрального Комитета.

Нам удалось добиться, что 13 числа по улице Паустовского не было ни одной жертвы. Потому что они слушали, что выполняется их требование, не стали бить, не было стрельбы там. На этой улице никто тогда не был убит. И когда вечером 14, нет, 13 числа вечером уже все подошли к зданию Центрального Комитета, прямо здесь на БТР я целый день говорил, у меня голос охрип.

Требовали еще раз встречи с первыми лицами. Они вышли и, надо отдать должное, это было очень опасно. Но – многих аппаратчиков, извините меня, не было там, поэтому

тут обвинение, может быть правильное даже, вышли первые лица, а многих других не было.

Но я знаю, кто был, я всех в лицо знаю. Вот. И тогда стали кричать, что надо создать Временный комитет, чтобы вести дальнейшие переговоры. Названы там были случайные фамилии. Так как я там был целый день, назвали и мою фамилию.

И после – 14 числа, когда был составлен протокол, первоначальный вариант, мне показали – здесь сидят товарищи, которые создали этот документ. Мы в одном кабинете были, я его не подписал. Там были, кроме членов бюро, названы фамилии, я могу сказать, кто это были. Я спросил товарищей, чем можно объяснить, что именно вот этих людей надо снять? Там было, кроме членов бюро, так, я сейчас скажу, кто был. Значит, Петкель, Навжуванов, Мирхаликов, Рашид Алимов, Акбар Шадманович, Каримов (подсказывают из зала), Насриддинов, да.

Я просто спросил: объясните мне, хорошо. Объясните, в чем вина их, давайте.... Я не стал подписывать и там нет моей подписи на этом документе».

Временный народный комитет и примкнувшие...

На самом деле в Протоколе об отставке руководителей нет его подписи, но, несмотря на это, я его видел на митинге, который проходил у здания ЦК Компартии в день, когда был избран Временный народный комитет. Несмотря на то, что он не подписывал этот документ, активно участвовал на совеща-

ниях комитета. Доказательства тому – многочисленные фотографии и видеозаписи.

Почему он так себя вел тогда – это на его совести. Когда я говорил речь на бронетранспортере перед площадью ЦК на многотысячном митинге, он был свидетелем, что моя кандидатура была предложена митингующими и он мог, к примеру, дать отпор Пуладову, что тот лжёт. К сожалению, он этого не сделал. Он, Мехмон Бахти, Бозор Собир, Халифабобо Хамидов и другие в течение 25 лет могли писать правдивые статьи, но почему-то до сих пор истину не сказали.

После выступления А. Хакимова слово было предоставлено мне, текст приведен в книге ранее. Хочу только отметить, что, учитывая, как другим не давали нормально выступить, я запросил всего шесть минут и попросил слушать меня внимательно. Смысл моего выступления заключался в том, что наши уважаемые руководители имеют информации больше всех сидящих в зале, и их решение об отставке не случайно. Я знаю, что не так просто им было пойти на такой шаг. Я также отметил, что не только я, но и другие члены Временного комитета – не требуем никаких должностей. Особо отметил, что мы просим руководителей республики уйти со своих должностей на законном основании в духе демократии. А что касается неформальных организаций, то с ними надо вести диалог – используя их эмоциональный порыв на благо развития республики.

И еще я акцентировал внимание собравшихся на том, что Временный комитет после нормализации обстановки будет распущен, а каждый из его членов – заниматься своим делом.

Помню, **И.Р. Рахимов** – персональный пенсионер союзного значения – задал мне вопрос:

«Вы выступили как председатель Временного комитета, изложили мнение... Как ветеран партии, я хочу спросить, какая ваша... позиция – как заместителя Председателя Совета Министров?»

Я ответил, что такая же.

Председательствующий предоставляет слово члену Президиума Академии наук Таджикистана **М. С. Асимову:**

«Уважаемые товарищи! Мы должны одно понять: видимо наши эмоции иногда довлеют над трезвым рассудком.

Мы решаем не судьбу наших трех руководителей, мы говорим о судьбе нашего народа, нашей республики, о ситуации в республике. С таких позиций мы должны подойти. Видимо, когда они подписывали протокол, думали только об этом. Поэтому прав Акбар Нусратуллаевич, должно наше бюро определить безусловную ситуацию, даже можно пойти вплоть до отставки всего бюро, ***на формирование временного комитета. Этого требует обстановка в республике****. Поэтому здесь надо оставить эмоции, оставить старые стереотипы наши. В этом зале мы решали только свои внутренние вопросы, сейчас мы решаем судьбу нашей республики.*

Я очень прошу т. Петкеля очень дифференцированно подойти к оценке того или иного явления и течения митингующей, протестующей молодежи. Видимо, на это есть основания. Нельзя ставить их на одну доску с хулиганствующими подростками. ***Нельзя огульно обвинять всех, надо использовать здоровую часть духовенства как наших союзников, они должны агитировать верующих, чтобы они были вместе с нами в установлении мира в нашей республике.***

Чрезвычайное положение объявили для того, чтобы нормализовать обстановку, а не для того, чтобы парализовать обстановку».

Танки прибывали и прибывали… Февраль 1990 г. Душанбе

Правду говорили уважаемые ученые с мировыми именами, но, к сожалению, члены ЦК не брали на вооружение их высказывания, а делали то, что им было велено из Центра. Не слу-

чайно, несмотря на то, что выступили многие, пленум продолжал предоставлять слово тем, кто поддерживает руководство.

Следующим выступил заместитель Председателя Комитета народного контроля Таджикской ССР **Б.А. Аминов**:

«Наш коллектив просил меня передать, чтобы организовать точную информацию, точную, четкую работу, чтобы вовлечь в эти дела, как здесь сказал Сайфитдинович, может быть, и духовенство. Мы знаем из истории, что духовенство всегда выступало за мир, а сейчас вопрос стоит о мире, чтобы не лилась кровь. Мы, сидящие здесь, в ответе не только за нынешнее, но и за будущее, не только за нынешнее поколение, но и за будущее поколение. С нас история спросит...

И еще. Уважаемый Борис Карлович! Я прошу Вас передать Политбюро ЦК КПСС и Михаилу Сергеевичу Горбачеву, что не слишком ли много у нас сейчас горячих точек в Союзе?.. Раньше были наводящие указания, и мы действовали».

Сказанное главным народным контролёром республики стало невольным подтверждением того, что функционеры всех властных структур республики действовали по указке Центра. Б.А. Аминов откровенно просил «циркуляр» для себя. Что, впрочем, неудивительно, ведь все руководители республики всех уровней были только шестерёнками большой машины по имени Компартия Таджикистана, которая входила в КПСС, присвоившую себе монополию на истину. Конечно же, с благими намерениями, но эта монополия и сгубила партию, страну – она не предполагала народной инициативы. А, как известно, без течения свежих мыслей – река превращается в болото…

Когда председательствующий предоставил слово Р.К. Алимову -второму секретарю Душанбинского горкома партии – я воспринял это спокойно. Подумал, что человек, который непосредственно участвовал в работе многих совещаний Временного комитета, – будет говорить серьезно, с глубоким анализом, выводами и предложениями. Но моих ожиданий он не оправдал – не раскрыл, что называется, темы пленума, хотя сделал разумный призыв к властям. Судите сами.

***Р.К. Алимов**: «Наша ошибка заключается в том, это и моя ошибка, скажу откровенно, что мы не владеем свободно двумя языками. Вот здесь одно из предложений, которое поступило по телефону «Доверие» от русского человека. Он говорит о том, что наша беда заключается в том, что мы не понимаем таджикский язык. Это их беда и наша беда тоже. Поэтому-то сейчас из числа «Комитета 17-ти», где тоже есть здоровые силы: Аскар Хакимов, Бозор Собир и т. д., не буду перечислят всех, во всяком случае, здоровые силы. Надо же опираться тоже, использовать любые возможности сейчас. Поэтому предлагаю: надо будет все-таки сесть за «круглый стол» и работать всем нам вместе, искать все здоровые силы».*

Требования о статусе языка у памятника вождю пролетариата

Затем слово было предоставлено человеку, чьё предложение мне показалось уместным. Заместитель председателя Госагропрома Таджикской ССР **А.Д. Суханов сказал:**

«У меня конкретное предложение: митинг не запрещать в воскресенье. До митинга сесть за «круглый стол» с представителями «Растохеза» и «Ру ба ру», перенести вопрос о ваших отставках на законных основаниях на съезд нашей партии. Таким образом, чтобы товарищи из «Растохеза»

могли предложить из числа делегатов, которые будут выбраны на съезд, свою кандидатуру в качестве альтернативной».

Далее председательствующий предоставил слово научному сотруднику отдела философии АН Таджикской ССР **М. Миррахимову:**

«Хафиз о политике сказал: «Политика очень тонкая игра». – Я не буду учить вас этому, перейду к конкретным вопросам... Чтобы не быть голословным, скажу, революционная ситуация в республике началась давно. Ровно год назад я вылетел из Таджикистана за свой счет, чтобы участвовать в беседе «за круглым столом» журнала «Вопросы истории».

Эти высказывания Миррахимова были интересны и для меня. С одной стороны, он – как активный участник таджикских «революционных» событий, говорил о том, что занимался политикой, вопросами истории и использовал термин «революционная ситуация». С другой – вся эта риторика на грани фола, это поднадоело Борису Пуго и он, взяв бразды правления в свои руки, предложил прекратить прения. И зал, вроде бы, принял его – были слышны голоса: «Прекратить прения». Но Миррахимов хотел продолжить и потребовал 10 минут.

Б.К. Пуго не выдержал и сказал:

«По-моему, в любом обществе существует принятый порядок. Когда люди друг друга уважают, договариваются о чем-то. А вы приходите с такими выражениями: «Я требую»... Не надо требовать».

Тем не менее, несмотря на недовольство участников пленума, Миррахимову представилась возможность продолжить свое выступление:

«Я хочу внести предложение, не хотите – не надо. Я предлагаю создать временное бюро Компартии Таджикистана, которое будет действовать до съезда. В состав этого временного бюро включить следующих товарищей. (В зале оживление)... Мухабатшоева М., Табарова Н., Шорахматуллоева, Аслонова, Боходурова, Тураева, Хайруллаева С., Хувайдуллаева Н., Каримова Б., Давлятова И., Якубова А. и т. Краснова. Вот это первое предложение. Это на ваше усмотрение.

Сейчас никто из руководителей республики не владеет ситуацией. (В зале возмущенные голоса.)

И сейчас последнее предложение. В комиссию, которая расследует все эти события, включить всего двух товарищей из числа прокуроров: Кенджаева С. И Одинаева Б. Никаких других предложений у меня нет».

Конечно же, после предложения Миррахимова чаша терпения членов ЦК и других руководителей переполнилась. В предложенном временном бюро не было практически ни одного нынешнего члена Бюро. Именно в это время в зале стало твориться нечто невообразимое: возмущению членов ЦК не было предела – зал просто взорвался, хотя это было только предложение для рассмотрения. Первым стал рваться на трибуну **Изатулло Хаёев**, который не услышал своей фамилии в новом списке. Как ни просил его Пуго не делать этого:

«Я не буду говорить о том, почему мы подписали протокол. Мы подписали его от души, но и обстановка заставила. Только ради того, чтобы прекратилось кровопролитие, хоть на один час, на полдня. Это первое.

Второе. Некоторые товарищи выступили неискренне. Товарищи, которые знают об этом, не набрались смелости сказать. Поэтому я решил высказаться. После того, как этот протокол был подписан, у т. Каримова собрались: т. Табаров Н., которого сейчас в оргбюро включают, т. Хувайдуллаев из Центрального Комитета, т. Мухабатшоев – редактор газеты, т. Икрамов М. – председатель горисполкома. Подготовили проект Указа Президиума Верховного Совета о назначении т. Каримова Председателем Совета Министров.

Я случайно оказался в параллельной комнате с приемной т. Махкамова... я услышал там разговор по телефону т. Паллаева: «Приостановить это, не надо» и прочее.

Если бы не рвались к власти, то никакой другой причины нет. Единственная причина – это рвались к власти. (В зале шум возмущения присутствующих)».

В стенограмме скромно записано: «в зале шум возмущения присутствующих». На самом деле некоторые участники пленума

топали ногами, другие вскочили со своих мест – их возмущению не было предела. Если бы члены ЦК со стороны могли посмотреть на себя!.. Поэтому Борис Пуго начал успокаивать участников пленума: *«Товарищи, я прошу всех успокоиться».*

Затем председатель Горисполкома Душанбе **Максуд Икрамов** продолжил пугать участников пленума, встав с места, сказал:

«Я прошу первого секретаря горкома дать справку, иначе я сам скажу».

То есть он хотел, чтобы первый секретарь Горкома Джамшед Каримов сказал, что он хочет озвучить.

Следующим на трибуну вышел завотделом ЦК Компартии Таджикистана **Нурулло Хувайдулаев**. Он сказал, что 14 февраля после восьми часов вечера Табаров пригласил его ко мне:

«Я приехал в Госплан, дали мне раздеться, зашел в кабинет т. Каримова. Там сидят т. Табаров, т. Хабибов – начальник политотдела МВД, т. Каримов, еще там были два товарища, я их не знаю. Меня отозвал в сторону т. Табаров, говорит – ознакомьтесь. Я посмотрел: там протокол об отставке. Он говорит: как быть в данном случае? Каримов сказал: как Вы думаете, если объединить две власти? Я говорю, какие две власти, что Вы имеете в виду? Председателя Совмина и председателя Временного комитета. Чтобы, говорит, взять власть в руки. Я говорю, что, товарищи, по закону этого делать нельзя. Я спрашиваю, а вопрос обговорен на бюро ЦК или нет? Т. Табаров мне заявил, что вопрос обговорен, т. Пуго звонил Генсеку, и Генсек дал согласие на назначение т. Каримова председателем Совмина».

В этих его словах главным является то, что именно Табаров пригласил его ко мне. В другом случае он говорит, что Табаров отозвал его в сторону и ознакомил с протоколом. Наконец, его высказывание: *«Генсек дал согласие на назначение Каримова Председателем Совмина»* – вообще ни в какие ворота не лезло.

Словом, то, что я услышал о себе с трибуны пленума, повергло меня в шок. Конечно, все это на совести авторов негативных легенд обо мне, и, в первую очередь, вероятно, Табарова.

Георгий Кошлаков возмущенно спросил у Хувайдуллаева: *«Кто это сказал-то?»*

Хувайдуллаев ответил: *«Товарищ Табаров»* (В зале возгласы возмущения усилились).

После этого вмешался секретарь ЦК КПТ Геннадий Веселков: *«Ну, наверное, поблагодарим за информацию».*

Но голоса из зала просили: «Пусть говорит!».

Далее Хувайдуллаев сказал, что пришел Мухабатшоев; Каримов позвонил Шабдолову, затем Усманову. *«Мы ушли с Усмановым в Президиум Верховного совета, потом, по-моему, Нуров подготовил проект Указа, хотел подготовить».*

На самом деле, когда они были у меня, по республиканскому телевидению показывали мое интервью, в котором я говорил, что не претендую ни на какую власть, главным для меня было стабилизировать обстановку в столице. И в их присутствии не говорил ни о каком Указе. Но факт остается фактом, что эта выверенная, заранее подготовленная справка Предсовмина Изатулло Хаёева в той наэлектризованной обстановке настолько напугала посетителей кабинета Председателя Госплана, что Усманов, Хабибов, Икрамов, как и Хувайдуллаев, друг за другом выходя на трибуну, начали выгораживать себя как будто они на самом деле участвовали в каком-то антиправительственном заговоре. Это ещё подлило масло в огонь и повысило политическую температуру в зале.

Усманов говорил о каком-то временном правительстве, хотя уже действовал Временный народный комитет, с которым «Тройка» подписала протокол о своей отставке.

Хабибов говорил правду, поскольку Табаров его попросил об оказании помощи по обеспечению порядка в городе.

А вот Икрамов говорил неправду. Потому что, когда он зашел в мой кабинет и сказал: *«Я Вас слушаю»*, я в недоумении повторил: «Я Вас слушаю» – потому что я не приглашал его. И всю эту кашу заварил Нур Табаров, что, в свою очередь,

дало повод А. Касымову, М. Заирову (старым партийцам), У. Шакирову и другим настаивать на предложении от имени пленума по образованию специальной комиссии из Москвы.

Кстати, впоследствии комиссия была организована, и результатом ее работы стало оправдание Каримова, что он не только в те кровавые февральские дни не был виновным, но и его назначения на ответственные должности министра, зампреда Совмина, Председателя Госплана, имели веские основания: несколько высших образований с отличием, прекрасная работа на производстве, когда возглавляемые им организации получали переходящие красные знамена ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, ВЦСПС и Красные знамена республиканского масштаба.

Среди всех персон, которые были приглашены в мой кабинет, только главный редактор газеты «Тоджикистони Совети» М. Мухабатшоев вел себя достойно, по-мужски и сделал попытку сказать правду:

«Моя фамилия упоминалась, я тоже по такому же звонку Табарова прибыл туда... (в зале шум, возмущение)». Не выдержав, редактор главной партийной газеты республики воскликнул:

«Прекратите, в конце концов, хулиганство. Это пленум или что?..»

Многотысячный митинг у Дома правительства Таджикистана. Февраль 1990 г. Душанбе

И на самом деле невозможно было спокойно смотреть на безобразное поведение членов ЦК – участников внеочередного пленума, предназначенного, казалось бы, для выяснения истины и принятия взвешенного решения, которое помогло бы стабилизировать обстановку в республике и вернуть себе доверие народа. Но, очевидно, это не входило в их планы. Почувствовав, что почва уходит из-под ног, они были готовы кинуться и на меня, и на любого из тех, кто побывал тогда у меня в кабинете.

Накал страстей можно передать только через видеоматериалы, отснятые республиканским телевидением, но, как я уже писал выше, так и не показанный народу. Поэтому посланцы Центра – представители ЦК КПСС – вынуждены были взять слово.

***И.И. Иванов**, член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС: «Товарищи, одну минуту внимания. **Нельзя же в такой обстановке работать. Кандидат в члены Политбюро стоит перед вами, вы галдите.** Послушайте одну минуту, что вам скажут. **Так же нельзя. Надо соблюдать порядок.** Есть ведущий, **он скажет, кому можно подойти, кому нельзя, выслушает, кто хочет задать вопрос,** обсудите вместе и примите решение. Давайте договоримся: полный порядок, слушаться того, кто ведет пленум».*

Прочитав, что сказал И.И. Иванов – посланник Центра, читатель поймет, что представители из Москвы все уже взяли в свои руки, даже ведение пленума. Тем более что об этом же просили местные партфункционеры, наделенные большими полномочиями и солидным возрастом.

Другим ярким примером того, что творилось в зале пленума и как посланцы Центра, в т.ч. **Б.К. Пуго**, вынужденны были гасить эмоции тех, кто хотел удержаться у власти, является следующее его высказывание:

«Уважаемые товарищи! Я хочу прежде всего обратиться к вам и напомнить, что вы наделены огромнейшей ответственностью. Об этом нельзя забывать ни на одну минуту. Мы сейчас с вами решаем вопросы чрезвычайной важности, и сейчас забыть абсолютно все и только начать об-

суждение последнего вопроса, когда за пределами этого здания может произойти неизвестно что, так нельзя. Такие серьезные вопросы, которые сегодня поставлены, они в такой большой массе, в такой большой аудитории решаться не могут. Но они требуют обязательного очень детального рассмотрения...

...По первому вопросу. Я хотел вот о чем сказать. Наверно, таких пленумов ЦК совместно с городским комитетом партии Таджикистана не было. Видимо, это есть как раз из характеристик нашего перестроечного времени... Необычным явлением для нашего пленума являлось и то, что для участия в работе были приглашены товарищи из общества «Растохез»... Сегодня мы должны рассматривать вопрос только о первом секретаре ЦК Компартии республики т. К.М. Махкамове, который, как вы знаете, подписал протокол, он сегодня обсуждался на пленуме. Первые выступления, которые прозвучали на пленуме, состояли в том, что остаться на позициях пленума, который был проведен два дня тому назад, оказать доверие т. К.М Махкамову, подтвердить его полномочия для того, чтобы он продолжил работать первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана. Это было первое предложение.

Кроме того, прозвучали еще предложения... чтобы все-таки принять его просьбу об отставке. Было такое предложение. Наконец, с этой трибуны последний выступавший товарищ внес предложение о том, чтобы создать временное бюро. Он – не участник пленума, но мы его пригласили.

Я говорю обо всем, что было на пленуме, а нам с вами решать, как быть. Других предложений, по-моему, не было».

Зато было предложение у напуганного секретаря ЦК Компартии Таджикистана **Ш.Д. Шабдолова**:

«Поскольку этот вопрос возник и попутно была задета моя фамилия, каждый участник событий должен отвечать...»

Чтобы понять трусость тогдашних руководителей, вдумайтесь в слова Шоди Шабдолова: *«Поскольку задета моя фамилия...»*. Ради чего он рвется в бой в целях самозащиты?

Все это **Бориса Пуго** утомило и он произнёс:
«Я прошу вас, пожалуйста, садитесь. Значит, было три предложения».

Но заместитель заведующего отдела экономики Совета Министров **К.В. Сарычев** настойчиво просит огласить мнение Бюро ЦК КПТ по данному вопросу, другими словами, мнение руководителей республики. Заранее зная, какое оно, и **Борис Пуго** вынужденно отвечает:

«Значит, мнение бюро – поручить т. Махкамову войти с предложением на пленум ЦК Компартии Таджикистана, чтобы тов. Махкамов продолжал исполнять свои обязанности. (Аплодисменты)».

Затем **Н.Г. Савченко** – начальник Рогунгэсстроя – просит, чтобы выступил Махкамов. Пуго, как бы огораживая его, говорит, что он уже выступил и позднее будет выступать.

Тем не менее, **К.М. Махкамов** – по просьбе участников пленума – выступил, сказал много общего, но остановился и на некоторых серьезных моментах:

«...Я всегда сознавал и еще с большей силой сознаю сейчас, что причины массовых волнений прежде всего кроются в нерешенности многих социально-экономических проблем, неудовлетворенности уровнем жизни нашего народа. Их решать надо как можно скорее.

...Здесь, на пленуме, присутствуют представители народного комитета, от позиций и действий которых зависит очень и очень многое. Я по-человечески призываю их помочь партийной организации республики использовать свое влияние для того, чтобы люди могли жить спокойно. Я очень хочу надеяться, что меня поймут правильно...»

Затем Махкамов сказал, что *«сегодня период шока, растерянности проходит...».*

И он был прав потому, что тройной кордон уже окружал его резиденцию, а многие из зала требовали его усиленной охраны, тем более что вслед за ним **Борис Пуго** заявил:

«Чтобы не повторялись колебания, которые были в последние дни. Я понимаю сложность обстановки. Действи-

тельно было очень трудно, но сейчас штурвал, в руках командира корабля колебаться больше не должен. Мандат партии получен и его надо осуществлять.

Сейчас в республике достаточно сил, средств для того, чтобы поддерживать такой порядок, какой должен быть в демократическом правовом государстве. Есть возможность действовать в рамках советских законов, в условиях чрезвычайного положения. Народ с пониманием относится к присутствию войск, одобряет действия властей по наведению порядка, восстановлению законности.

Сейчас речь идет в полном смысле слова о принятии судьбоносных решений для жизни партийной организации республики, Советского Таджикистана. Все участники пленума должны подходить к его решениям с широких общепартийных, общегосударственных позиций, сформулированных февральским пленумом ЦК КПСС...

...Центральный Комитет КПСС требует, чтобы все партийные организации решительно повернулись к использованию политических методов, к диалогу, в том числе с людьми, с движениями, которые придерживаются и иных взглядов. Диалогу с теми, кто стремится к прогрессивным изменениям, используя при этом законные, конституционные, ненасильственные методы. Решения февральского пленума ЦК КПСС, которые, по сути дела, узаконивают плюрализм во всех сферах нашей жизни, в том числе и политический плюрализм, я: думаю, являются ключом к решению многих проблем республики...

...Товарищи, заканчивая выступление, хочу сказать о том, что партийная организация республики пользуется у коммунистов, у народа Таджикистана заслуженным авторитетом. Она имеет силы, возможности для того, чтобы направлять развитие событий в нужном направлении, нормализовать обстановку, мобилизовать народ на решение назревших проблем Таджикистана. И в этом благородном деле Центральный Комитет КПСС окажет коммунистам республики полную поддержку. Успехов вам, товарищи! (Аплодисменты)».

Если вещи называть своими именами, то уже к этому времени, когда в зале звучали бурные аплодисменты после слов Пуго, система в лице Центра со своими силовыми структурами сделала все возможное, чтобы все функционеры остались на своих местах и продолжился поиск без вины виновных.

Чувствуя поддержку, **К.М. Махкамов**, который в те дни не знал, что делать и лично много раз обращался ко мне за помощью, говорит следующее: *«Товарищи, как со вторым вопросом, который возник?»* Из зала звучит: *«Поручить бюро».*

А персональный пенсионер союзного значения **Р.Х. Ходжиев** настаивает: *«Я думаю, что откладывать в долгий ящик это нельзя».*

В ответ **Борис Пуго** говорит:

«Товарищи, вот тут прислали записку с таким предложением, о том, чтобы, не делая перерыва, чтобы дали объяснения тт. Табаров, Хабибов, Мухабатшоев, Хувайдуллаев, Икрамов, Усманов, Каримов. Кто еще не дал, просим на трибуну».

Одним словом, срежиссированный сценарий продолжил своё развитие. Не дожидаясь наших объяснений, в ход пошла, в полном смысле слова, тяжелая артиллерия.

Начальник Душанбинского гарнизона **И.А. Сеньшов** сказал:

«Каххор Махкамович, разрешите мне две минуты. Товарищи, я был свидетелем всего развития обстановки и хочу сказать, что от имени армейских коммунистов требую не просто рассмотрения, а вообще принадлежности к партии этих лиц, ***требую, чтобы поручить прокурору заняться этой организованной преступностью.*** *(Голоса: «Правильно!» Аплодисменты). Я не хочу, чтобы армия отвечала за те жертвы, которые были. Мы пришли на защиту. И я сам вел колонны в город,* ***когда мне приказали войти, и видел, как по радиостанции за мной следовали и предупреждали, чтобы меня блокировало население. Меня кто блокировал, народ? В носках, без обуви, обкуренные, пьяные, потому что это были просто бессознательные люди, и их посылали на блокаду, чтобы они легли под танки, чтобы я не вошел. Реши-***

тельность помогла, мы все равно вошли. Но я не хочу за это отвечать, должны ответить истинные виновники *(Аплодисменты)».*

Митинги у здания ЦК Компартии Таджикистана

Пенсионер союзного значения Ходжиев с поддержкой посланцев Союза опять «пошел в бой» и просил последнюю часть сегодняшнего пленума без всяких поправок передавать по радио. Звучали одобрительные голоса: *«Правильно!»*

Но интересным остается факт, почему обсуждение главного вопроса, волновавшего народ, – о политической ситуации в республике не транслировали по радио? А концовку пленума, которая посвящена поискам виновных, надо транслировать по радио. По-хорошему, надо было не только транслировать по радио, но и показать по телевидению пленум все от и до.

И вот начались объяснения товарищей, которые были у меня в кабинете.

Первым на трибуну пригласили Нур Табарова. Министр культуры почему-то начал с подтверждения, что, действительно, речь шла о власти. Эти слова вызвали новый шум в зале.

Но когда **Нур Табаров** заявил: *«И самым последним человеком, который дал согласие на ввод войск, был тоже Каххор Махкамович»*, – он стал еще больше раздражать участников пленума, хотя говорил правду. В общем, не дали ему нормально высказаться, хотя против него и меня было выдвинуто серьезное обвинение.

В конце выступления он всё-таки сказал одну новацию – не только для членов ЦК, но и меня: *«Затем я пошел в сторону Центрального Комитета, по пути он меня подвез. В машине были Бозор Собир, Гоибназар Паллаевич и Мехмон Бахти. Пошли, говорят, мы сейчас достигнем какого-то согласия. Пришли, и так получилось, что я стал свидетелем... довольно драматического события, в которое оказались ввергнутыми три наших главных руководителя. Вопрос стоял: «или-или». На компромисс шли только при условии выполнения 17 пунктов, а потом это сузилось до нескольких пунктов. Первым пунктом было освободить арестованных 41 человека. Был вопрос, как же можно освободить их? Это было условием толпы...»*

Для меня до сих пор неясны истинные мотивы поведения Председателя Верховного Совета республики Гоибназара Паллаева, его связь с Мехмоном Бахти, Бозором Собиром и Нуром Табаровым. Первый вел себя, мягко говоря, неоднозначно. Мехмон Бахти оказался вообще в тени. Бозор Собир сделал мне медвежью услугу – в ночь с 14 на 15 февраля сообщив по телевидению, что власть в республике перешла в руки Б.Б. Каримова, а Нур Табаров и другие «заговорщики» на пленуме стали защищать себя и все валить на меня, якобы, именно я их собирал для составления неконституционного Указа, что не имело ничего общего с фактическим положением дел. Обратите внимание на слова Нура Табарова «*В машине были Бозор Собир, Гоибназар Паллаевич и Мехмон Бахти. Пошли, говорят, мы сейчас достигнем какого-то согласия*». Как все это понять? Получается, что они заранее знали, чего хотят и что будет…

Г.Г. Веселков: *«Т. Табаров, ближе к теме, у нас мало времени».*

Н. Табаров: *«У меня тоже мало времени, Геннадий Гаврилович, но речь идет о нашей с вами судьбе и о судьбе таджикского народа, всех трудящихся. (Возгласы возмущения в зале)».*

Не выдержал академик **М.С. Асимов:**

«Дорогие товарищи, ***заглушите свои эмоции. На улицах кровь льется.*** *Давайте спокойно, без эмоций».*

Многотысячный митинг у Дома правительства

Как будто проснулась совесть у Председателя Совмина **И.Х. Хаёева** или же ему стало жалко Нур Табарова и он сказал:

«Товарищи, этот вопрос я поднял, ***очень и очень прошу не торопиться.*** *Действительно, там обстановка не из легких. Давайте так: раз поручили бюро ЦК, если... (Голоса из зала: «Нет, выслушаем объяснения...»)*

Но он выпустил джинна из бутылки, сам ранее дезинформировал пленум и трудно было уже остановить ярость участников пленума, требовавших: *«Нет, выслушаем объяснения...»*

Н. Табаров: *«Товарищи, я считаю, надо все-таки подумать. Почему, если у меня были какие-то другие цели или помыслы, я не обратился ни к кому, а в Центральный Комитет позвонил и пригласил товарища, ведающего вопросами права, в МВД позвонил и в горисполком. Прошу подумать об этих вещах, не делать скоропалительных выводов. Мне не нужна никакая власть...*

...Я к т. Каримову отношусь с большим уважением. Но когда возник вопрос о том, как быть дальше, у меня возникли

какие-то внутренние сомнения, честно говоря, я вынужден был действительно позвонить и посоветоваться».

Вот здесь Нур Табаров говорит правду, что действительно он позвонил своим друзьям и решил посоветоваться. Но как бы там не было, все, что происходило в моём кабинете – председателя Госплана, никакого заговора или злого умысла не имело. Большие руководители серьезно напугали Табарова и других участников встречи, и те стали обелять себя, а не говорить по существу о том, что именно происходившая в те дни в городе трагедия привела их в кабинет заместителя Председателя Правительства – с вполне понятной целью – попытаться найти выход из кризиса. И все, кроме Усманова, пришли по просьбе Нур Табарова.

***Т.М. Мирхаликов**, первый секретарь Ленинабадского обкома партии: «По первому вопросу четко и ясно ответить родителям 26 погибших. Я еще раз повторяю просьбу, чтобы разобраться».*

***Г.Г. Веселков**: «Я понял вас. Есть правоохранительные органы, прокуратура, которые по всем случаям убийств, гибели людей уже ведут расследование. Создана Комиссия Президиума Верховного Совета... О партийном расследовании идет речь».*

***Р.Х. Ходжиев**: «В проекте постановления есть слова «определенных кругов», записать: «определенными лицами».*

***Из зала**: «Так как эта группа представляет опасность, я вношу предложение соответствующим решением отстранить их от работы до рассмотрения их дел».*

Б.К. Пуго: «Мы не можем этого сделать».

***Г.Г. Веселков**: «Товарищи, есть закон, который никто из нас не вправе нарушать. Почему мы сразу исходим из презумпции виновности? Мы должны разобраться тщательно. Здесь эмоции нам не помощники.*

И при этом заместитель министра внутренних дел СССР т. Демидов здесь находится. Я думаю, достаточно этих мер для того, чтобы разобраться и навести порядок».

***В.А. Якубов**, заместитель председателя Госстроя: «Мы выразили здесь полное доверие Бюро Центрального Комитета партии Таджикистана, первому секретарю ЦК т. Махкамову. И тем не менее, я считаю, что было бы не совсем этично назначить комиссию или проверять вот эти факты о неконституционном назначении председателя Совета Министров Бюро Центрального Комитета партии. Я считаю, более правильно и этично и с юридической точки зрения, и с этической, во-первых, у нас здесь председатель КПК при ЦК КПСС, у нас есть Партийная комиссия при ЦК Компартии Таджикистана. Почему мы ей выражаем недоверие? Поэтому я считаю поручить, сделать председателем т. Б. К. Пуго».*

Г.П. Паллаев (справа)

Руководство республики и некоторые члены ЦК неверно информировали Бориса Пуго, вынуждая, как В.А. Якубов, возглавить комиссию и, самое главное, срочно – прямо в ходе заседания пленума – принять решение о наказании меня и «группы товарищей». Интересно, где сейчас находится В.А. Якубов и другие, видели ли они документ из Генеральной прокуратуры республики о невиновности Каримова и других то-

варищей. Но, как говорится, тогда члены ЦК сделали все то, что им было велено их руководством и, как минимум, руководствовались своими личными эмоциями.

***Г. Паллаев**: «Товарищи, **чтобы ясно было, должен сказать, никакого Указа** (Президиума Верховного Совета Таджикской ССР. Прим. автора) **не было**. Было поручение Усману Ганиевичу подготовить такой проект Указа, я ему запретил. **Не было Указа о назначении, а также об освобождении»**.* (И такого поручения тоже не. Прим. автора).

***Г.Г. Веселков**: «Я думаю, что предложение В.А. Якубова правильное. Это мое личное мнение, потому здесь упоминались и фамилии членов бюро. Поэтому, видимо, будет правильно под председательством Бориса Карловича образовать комиссию».*

***Б.К. Пуго**: «Я могу только помогать».*

Конечно, Пуго был изворотливым руководителем: он все что надо было партруководству страны делал, но при этом хотел оставаться в тени. Словом, он не взял на себя руководство комиссией, но за это дело активно взялся Геннадий Веселков, который меня недолюбливал. Это я почувствовал еще во время работы в Госплане, когда он приходил меня «экзаменовать»…

***Г.Г. Веселков**: «Значит, вы выберете председателя, членов комиссии, а мы все вместе с Борисом Карловичем будем активно помогать в работе этой комиссии».*

Старая гвардия все еще не верит своему счастью – просит и просит не уезжать представителей Центра пока окончательно не стабилизируется обстановка в республике. Поэтому **Р. Ходжиев** говорит*: «Просьба к Борису Карловичу пока не уезжать».*

Г.Г. Веселков: «Борис Карлович** еще какое-то время будет здесь, в республике, он **этим делом будет заниматься».

Б.К. Пуго: «Здесь находится член КПК т. И.И. Иванов, он буквально с сегодняшнего дня вместе с бюро начнет этим вопросом заниматься».

Прилетел из Москвы **Д. Худойназаров** – депутат Верховного Совета СССР. Выступая на пленуме, он сказал:

«Я сегодня утром прилетел, поэтому не совсем в курсе дела. Но считаю, что мы в какой-то степени забыли о том, зачем собрались реально. Я считаю, если вы, члены Центрального Комитета оказали доверие своему первому секретарю, то дайте ему полномочия. А если вы сами хотите вот таким образом решить какие-то вопросы, тогда он пусть снимет с себя полномочия. Это, по-моему, логично.

Тут очень многие ораторы говорили о том, что ***надо консолидировать все реальные силы,*** *существующие в настоящее время в обществе для того, чтобы нормализовать положение. Это самое главное, не допустить дальнейшего кровопролития.*

«Комитет – 17» был открытым для всех

Я не понимаю и хотел бы знать, в какой форме вот с этими товарищами, которые здесь сидят, о которых начисто забыли, в какой форме будет это сотрудничество? Вы говорите о «круглом столе», когда будет этот «круглый стол»? Время работает не на нас».

«Пошел в бой» и **А. Рашидов**, который участвовал в совещаниях временного народного комитета. Его участие было от души или по поручению руководства видно из его выступления:

«Мы должны оградить Каххора Махкамовича, если мы оказываем доверие Бюро ЦК, то бюро мы должны оградить.

Поэтому комиссия должна быть не из числа бюро. Сейчас мы пересматриваем не 37-й год».

Все власть имущим – мало! Как будто поддержки пленума ЦК, двойных-тройных кордонов вокруг правительственных зданий, присутствия в Душанбе войсковых подразделений и силовых структур из республики и Центра – недостаточно. Рашидов ещё и выказывает свою верность Первому секретарю ЦК заклинаниями: «*мы должны оградить бюро ЦК*» и «*сейчас мы пересматриваем не 37-й год*». С одной стороны, как говорят в России, – «научи дурака Богу молиться – он и лоб рад разбить!». А с другой – именно такое поведение на пленуме позволило многим, я их называю иронически – «преданниками», в дальнейшем не только сохранить имевшиеся должности, но и получить еще более высокие.

Г.Г. Веселков, который далее взял ведение пленума на себя, поставил на голосование предложение:

«Поручить Бюро ЦК КПТ расследование этого вопроса».

При голосовании 23 человека были против. Эта цифра, во-первых, говорит, что, по существу, 23 члена ЦК были за меня – не хотели, чтобы расследование вело бюро ЦК, потому что результат был предрешён. Во-вторых, эта цифра показывает соотношение сил в зале (400 или 500 против 23).

Далее **А. Байматов**, министр местной промышленности, сделал такое предложение:

«Внести в протокол: до проверки, до решения бюро ЦК в отношении этих товарищей, ***если произойдут беспорядки, то ответственность возложить на них****».*

Другими словами, мало нас мазали чёрной краской за прошлое, в котором нет нашей вины, так еще и хотели, чтобы в будущем за все негативные события (если они произойдут) отвечали мы! Поистине, цинизм лакея победившей высшей власти не имеет предела. И, наверное, поэтому Давлат Худоназаров говорил о «*презумпции невиновности*».

Г.Г. Веселков*: «Я думаю, что мы сейчас продолжим еще разъяснение, в процессе объяснений, они, видимо, сами скажут об этом».*

Д. Худоназаров**: «Как же презумпция невиновности? Еще **неизвестно, кто, что натворил, а мы за беспорядки обвиняем конкретных людей. Где презумпция невиновности, где законность нашего движения, демократия?»

…Борис Пуго предложил вопрос о Председателе Президиума Верховного Совета Таджикской ССР рассматривать на сессии Верховного Совета республики, но при этом поставил на голосовании вопрос о доверии ЦК к Паллаеву и Хаёеву. Конечно же, пленум, как и Махкамову, оказал им доверие.

Далее говорили **Веселков, Гиро и Суханов**.

Суханов сказал, что в воскресенье нас ждет митинг, предложил пойти на него и объявить такое решение. Поскольку он также поднял вопрос о сохранении чрезвычайного положения в Душанбе. На что **Г.В. Кошлаков**, Зампред Совмина республики, ответил:

«Вносить предложения сгоряча не надо. По поводу митинга надо как следует продумать. Я вам скажу, положение такое: собираются 5 – 6 – 10 тысяч человек, идут. Стоят солдаты с автоматами, они идут. А дальше, что? Ну-ка, кто ответит мне? Товарищи, надо очень взвешенно подойти. Прошлый раз толпы людей собирались на площади им. Ленина. Если бы начали разгон, подавили бы половину людей. Мы пошли на то, что давайте, вот вам усилитель, обменивайтесь мнениями. Четыре часа шел митинг, мы там все стояли, после чего люди тихо и спокойно ушли. Но объявили, что мы еще раз соберёмся 18-го в 12 часов. Громко, на всю площадь. Очень хорошо надо взвесить все на весах. Может быть, предложить другое место и в порядке исключения разрешить, положим, на стадионе. Организованно, как это делалось в Москве, где прошел двухсоттысячный митинг. Короче говоря, должен быть целый план».

М. Исаева, актриса Государственного драмтеатра им. Лахути, внесла предложение:

«Чтобы людей из этого комитета не растерзали, я прошу, чтобы очень внимательно подошли к этому вопросу. Они сейчас нужны всем нам. Если мы сегодня что-то в отно-

шении их предпримем, то завтра действительно может быть кровопролитие».

М. Миррахимов поддержал предложение М.Исаевой: *«Я благодарен т. Исаевой за такое предложение. Дело в том, что этот митинг к нам никакого отношения не имеет. Он организуется Народным фронтом. Если вы гарантируете нам жизнь, мы можем прийти».*

Ведя далее пленум, **Г.Г. Веселков** сообщил, что второй секретарь Орджоникидзеабадского горкома партии нам сообщил, *«что там уже начался митинг в поддержку народного комитета, и народ прибывает. Все здоровые силы, кто может помочь в этом деле, обращаемся с призывом ко всем, в т. ч. и представителям общества «Растохез», всем, кто может помочь в этом вопросе принять все меры, чтобы не было кровопролития. Чтобы было спокойствие, чтобы комендантский час и меры, предусмотренные чрезвычайным положением, соблюдались».*

Но участникам пленума было интересно мое выступление и поэтому они просили: *«Пусть выступит с объяснением т. Каримов».*

Учитывая чрезвычайную обстановку не только в городе, но и на пленуме, **я убедительно просил участников пленума дать мне возможность сказать на родном таджикском языке** и потом я хотел повторить на русском языке. **Но мне не дал это сделать пленум и в первую очередь руководитель республики К.М. Махкамов, сказав: *«Лучше сразу на русском».***

Б.Б. Каримов: «Я сказал это потому, чтобы при разговоре не допустить никаких лишних слов. Ну, хорошо, тогда я постараюсь на русском языке сказать.

Я убедительно прошу быть спокойными. Если я виноват, буду отвечать по всем правилам закона, и как коммунист – перед Уставом партии **за свои действия и слова буду отвечать. Это чтобы вы были спокойны.**

Я все не помню, что-то могу упустить, но я могу описать тот момент, когда был подписан протокол. Товарищи работали без меня, я практически подошел тогда, когда протокол надо было подписать. Многие из числа членов комитета и предста-

вители народа говорили, чтобы Б. Каримова убрать из этого комитета. Но факт остается фактом, я в этом комитете остался.

Снег идет, требования продолжаются...

Могу много говорить, но я считаю, что сегодня не это главное. **Главное сделать нам таким образом, чтобы обстановка была нормальной.** Что, на мой взгляд, нужно для этого сделать? Хотел я или не хотел, за эти четыре дня я попал в такую историю, которой никогда не ожидал. Имейте в виду, товарищи, когда проходили митинги, я этого не знал. 13-го находился на работе, когда меня попросили из ЦК, чтобы приехал, потому что какая-то группа митингующих меня просит. И я, хотел этого или нет, стал председателем этого Временного народного комитета.

Я еще раз повторяю, буду по всем правилам отвечать за свои слова, за свои действия. (Я повторял много раз по-

добные слова, поскольку надо было успокоить участников пленума, чтобы говорить по существу. Прим. автора).

Я очень бы просил, чтобы вы не делали преждевременные выводы. Все-таки я был Б. Каримов, и за 3 – 4 дня не изменился на 180 градусов. Надо каким-то образом определить и доказать вину, а затем наказать. Никуда же я не денусь.

Что я прошу? Тут сказали, что народ собирается в Орджоникидзеабаде, в других местах. Прошу дать мне возможность, чтобы по всем средствам массовой информации я обратился к ним. (В зале возгласы возмущения.)

Если люди пойдут на митинг, если они хоть немножко меня уважают… чтобы не было кровопролития. Тут разные моменты, разные люди. Если все-таки люди будут собираться, Георгий Вадимович правильно сказал: мы же на свой народ не пойдем с автоматами. Это реальность жизни, упрощать не надо. **Надо предварительно объявить, чтобы люди в одном месте собирались, если вы пойдете, то и я пойду, я ничего не боюсь»**.

Хотя уже всем все ясно, кто приходил ко мне в кабинет и почему, другой партийный функционер – **К.Г. Хасанов** жестко спрашивает*: «Вы организовали проект Указа или нет?»*

Б.Б. Каримов: «Нет, нет, нет».

К.Г. Хасанов*: «К вам в кабинет товарищи приходили?»*

Б.Б. Каримов: «Ко мне в кабинет в тот день столько товарищей приходило, здесь назвали не всех, кто ко мне приходил. Действительно я позвонил т. Усманову, попросил, чтобы он зашел, я проконсультировался с ним. Никакого проекта Указа я не видел, даже от руки написанного, ничего не было. Я за все это дело буду отвечать, согласно Закону.

Еще раз прошу учесть, что обстановка сложная и дать возможность членам комитета работать, чтобы не проливалась кровь. Сегодня-завтра вы найдете виновных и свое последнее слово скажете».

Другой член правительства и ЦК **А. Байматов**, министр местной промышленности, спросил:

«По чьему указанию собирались в Вашем кабинете?»

Присутствующие на совещании «Комитета – 17»...

Б.Б. Каримов: «Никакого указания не было. Видимо, Нур Табарович хотел помочь мне. Он протокол видел, он все это понял. Может, кто-то ко мне пришел ради любопытства – посмотреть этот протокол. Выводы сделать вы успеете. Главное, я еще раз прошу, не накалять обстановку, дать возможность нам работать и вы чтобы работали».

Был провокационным вопрос второго секретаря ЦК Компартии Таджикистана **Г.Г. Веселкова**, который еще больше накалил обстановку в зале, увеличив количество людей, негативно настроенных против меня.

«У меня тоже к Вам вопрос, почему Вы приняли такое активное участие в освобождении сорока одного задержанного?»

Веселков, конечно, знал, что тогда выпустили не 41 задержанного и почему мы пошли туда, и что говорили, и что все это мы делали по согласованию с первым руководителем республики Махкамовым, но ему надо было накалить обстановку.

Вот как я тогда на пленуме ответил на его вопрос: «В тот день, я не помню, протокол был уже подписан или нет, я зашел к Каххору Махкамовичу. Говорю, что вот такой ультиматум, чтобы товарищей, которых задержали в день митинга, освободили. Тут же сказал, что, конечно, там есть много людей, которых не надо отпускать, но для того, чтобы разрядить обстановку, несколько человек, даже с хулиганскими действиями, надо освободить. По телевизору показать, чтобы люди успокоились. Это было так. Мы решили поехать в МВД. Зашли мы туда, мы не говорили ни о каком списке, у меня такого списка не было. У меня бумаг много было, но я не читал. Мы говорили т. Навджуванову и прокурору (он там был) о том, что товарищей, которые сжигали дома, отпускать нельзя. Тех товарищей, которых задержали по неизвестным (случайным) причинам, чтобы их освободили и показали по телевизору. Это было сделано, я оттуда ушел. Зашел в Комитет госбезопасности, точно по такому же вопросу обратился к Убайдуллаеву. Он мне ответил в присутствии Латифи, что за два дня никого не задержали. Мы спокойно ушли...»

Старый партфункционер **Р. Ходжиев** продолжал давить на меня и, путая всех, хотя уже знал, что я никакого заведующего ЦК не приглашал за исключением Усманова, спросил: *«С точки зрения этики, как Вы считаете, Вы председатель Госплана республики, звоните заместителю председателя Президиума Верховного Совета, говорите: «Зайдите ко мне». То же самое – заведующему отделом ЦК. Какая здесь этика?»*

Тем не менее, я ему ответил: «Я просил, это могут подтвердить товарищи. Кого я пригласил, что сказал, я сам лично буду говорить, я не буду ничего искажать. Если я просил кого-то освободить, то ради того, чтобы не было кровопролития.

Неужели не понятно? Зачем говорить «к власти рвались»? Я могу по телевидению сказать: не хотел никакой власти, и тут же через несколько часов претендовать на пост Председателя Совета Министров. Этого же не может быть».

***А.Н. Максумов**: «Каким образом Вы оказались председателем Временного комитета, санкционировало ли это руководство Центрального Комитета партии, кто лично? Почему вы взяли на себя такую грязную работу?»*

Б.Б. Каримов: «Скажу».

***Из зала**: «В продолжение этого вопроса. Был решен вопрос об отставке руководства, Вы председатель «Временного комитета», вы можете дестабилизировать обстановку».*

Б.Б. Каримов: «Во-первых, как это получилось. Я еще раз повторяю, я сидел в кабинете, несколько раз звонили из ЦК, сказали, что митингующие просят Б. Каримова, просьба придти. Я не помню, кто звонил».

Обстановку продолжал нагнетать второй секретарь ЦК **Г.Г. Веселков**: *«На красном полотнище был огромный лозунг».*

Тогда, друг за другом, такие как Веселков засыпали меня вопросами, порой неуместными, даже глупыми, что я не успевал реагировать. Но, если второй секретарь ЦК Компартии Таджикистана видел *«огромный лозунг» с моей фамилией*, заснятый спецслужбами, то почему бы его сотрудникам самим не спросить у митингующих, с какой целью они держат полотнища с моим именем. Разве я должен отвечать на этот вопрос? Быть может, это организовано спецслужбами по указанию руководства, того же самого Веселкова?..

Далее **Н.З. Зарипова** наседает на меня со своим провокационном вопросом: *«Вы скажите о подпольном правительстве».*

Я был вынужден выдержать небольшую паузу, чтобы зал успокоился, и ответил: «Меня пригласили, я не пошел в народ, поднялся в кабинет к Махкамову. Состояние у него было известное. Я спросил у Каххора Махкамовича: мне идти в народ или нет? **Он сказал: идите, пожалуйста, успокойте народ.** Я

пришел к митингующим, не знаю, кто участвовал, и сказал несколько слов. Там дали мне список, сказали, что половину из этих товарищей надо вычеркнуть и новых товарищей записать в этот список, голосовать и организовать Временный комитет для того, чтобы передать вопросы, поставленные митингующими, руководству республики для решения. На этом митинге был составлен этот список, голосовали митингующие, последним был Аскар Хаким. Там же народ сказал, что пусть этот комитет возглавляет Б. Каримов.

Я людям ничего не ответил, еще раз зашел в кабинет Каххора Махкамовича, он поинтересовался списком. Я его зачитал. Каххор Махкамович в своем дневнике полностью фамилии записал. По-моему, он меня спросил, кто будет председателем, и я ответил, что люди хотят, чтобы был я. **Каххор Махкамович сказал, что с ними надо работать...**

Выступление лидера «Растохеза» Т. Абдуджабора на совещании Временного народного комитета

Вы спрашиваете, почему я, будучи членом Правительства – председателем Госплана, зампредом Совмина, – согласился с этими товарищами работать во Временном комитете? Только потому, что я видел обстановку на этом митинге… меня они качали на руках (услышав это, участники пленума не дали мне договорить. Прим. автора)… Какое подпольное пра-

вительство? Вот этот список? О чем разговор? Я никакого Указа не видел. Если кто-то сочинял Указ, имеет на руках, пусть покажет. Я никакого Указа не видел».

Все это внимательно на пленуме слушал Каххор Махкамович. Беда заключалась в том, что он ничего не опровергал, просто трусливо молчал и поэтому с того момента я стал с большим недоверием относиться к нему. И, в конечном итоге, оказался прав.

***Н. Хувайдуллаев**: «Наберитесь мужества, скажите правду, как это было».*

Б.Б. Каримов: «Какую правду, я разве неправду сказал? Вы были у меня в кабинете, но я же вас не приглашал». (Как выяснилось позже, Н. Хувайдуллаева ко мне в кабинет тоже пригласил Нур Табаров. Прим. автора).

У.Г. Усманов**: «Я должен поправить т. Каримова. **Никаких проектов Указа не было.** Он меня пригласил для того, чтобы мы этот проект подготовили. Он меня просил».* (Усманов в части того, что «никаких проектов Указа не было***» говорил правду, но то, что я якобы просил его подготовить проект – не соответствовало действительности. Прим. автора). И поэтому тогда на пленуме я ему ответил:

«Усман Ганиевич, я же вас не приглашал Указ готовить».

Но всех переплюнул своим цинизмом **М. Пулатов** – инспектор ЦК Компартии Таджикистана, который неотлучно находился то со мной, то рядом с другими членами Временного народного комитета. Он начал откровенно лгать: *«Я хочу пояснить, где я видел товарища Каримова. Он зашел из той двери, мы поздоровались. Он прошел на бронетранспортер. Когда зачитали список состава Временного комитета, он потом сказал – и меня включите. Когда толпа узнала, что он Б. Каримов, все сказали: «Да». Это я слышал.*

Даже то, что он сам рвался в председатели, это ясно. Я попрошу т. Джураева сохранить все пленки телевидения, их очень много. Если вы хотите, чтобы не проливалась кровь, скажите правду, кто виноват».

Хочется спросить этого господина – бывшего инспектора ЦК, почему до сих пор не показывает телевидение те пленки, которые он просил у председателя Гостелерадио Таджикской ССР Джураева? А не показывали и не показывают потому, что это была ложь во спасение таких, как он, продавших свою совесть ради личного благополучия, забыв о том, что на улицах города проливается кровь.

Б.Б. Каримов: «Товарищи, я еще раз скажу, что, если я виноват, я буду отвечать по всем статьям закона. Но не торопитесь с этим делом. Это не главное, успеете выводы сделать. **Надо обстановку разрядить**».

Далее произошло неожиданное – я получил «поддержку» самого главного коммуниста республики. Не знаю – или **К.М. Махкамов** сильно устал за два дня непрерывного напряжения, или совесть у него проснулась, или побоялся, что я еще что-то скажу не в его пользу, но он обратился к участникам пленума: *«Товарищи, давайте доверьтесь Бюро ЦК. Давайте на этом закончим».*

Но Второй секретарь ЦК **Г.Г. Веселков** никак не успокаивался: *«Всех товарищей, которых я уже перечислил, а также З.М. Ахмедову, Г.С. Михайлина я прошу остаться в этом зале. И еще просил бы остаться Шарофа Джураевича.*

*И последнее. Чтобы снять напряжение с одного товарища, **который сидит бледный**, **я хотел бы тоже дать справку**. Мы действительно пережили критические минуты в этот день. Бюро ЦК заседало непрерывно и все руководители республики были в ЦК, в большей части в кабинете Каххора Махкамовича.*

Мне раздался телефонный звонок, звонил из кабинета первого секретаря горкома партии М.М. Икрамов и сказал, что готовится гнусное дело, готовится проект Указа о назначении нового Премьера, его надо предотвратить. Что и было сделано немедленно. Мы собрались у Каххора Махкамовича, там находился Гоибназар Паллаевич, немедленно даны были все отмены. И дальше события развивались по обычному сценарию».

Тем самым Веселков как бы поблагодарил Икрамова за своевременно подкинутую «гнусную» информацию.

Хочу ещё раз особо отметить: все, что было сказано в отношении меня, – в основном исходило из ложной информации Максуда Икрамова и нелогичного поведения моего тогдашнего шефа – Председателя Правительства Изатулло Хаёева.

Вдумчивый и объективный читатель, прочитав даже такой сокращенный (полный займёт всё пространство книги), **но не искажённый вариант стенограммы пленума** с моими поясняющими комментариями поймет, что тогда меня не просто заклевали прислужники власти, а оклеветали. В подтверждение этих слов два факта: 17 декабря 2014 года и 7 января 2015 года мне звонил бывший Генеральный прокурор республики Почомуллоев, под руководством которого проводилось тогда расследование февральских 1990 года событий. Он сообщил:

«Совершенно серьезно»:

«Подтверждаю, что Вы в февральских событиях абсолютно невиновны. Самый главный организатор «наезда» на вас был Максуд Икрамов – председатель горисполкома, который, помимо того, что вел себя непорядочно до и во время пленумов, еще собственноручно написал на Вас заявление, что, якобы, Вы действительно требовали от Усманова подготовить указ о Вашем назначении Предсовмина. Мы и тогда не поверили этому... Если бы вы хотели власти, то за нее боролись бы все эти годы. Это еще одно доказательство тому, что вы действительно не хотели никакой власти. А другие продолжали бороться за эту власть...».

Почомуллоев – бывший генеральный прокурор Таджикистана

Это мне сказал сам бывший Генеральный прокурор, который звонил не по моей инициативе. Видимо, у него тоже проснулась совесть. Этот факт подтверждает также гнусную

сущность Икрамова. Теперь вспоминаем тот момент, когда он зашел ко мне в кабинет и наш странный диалог, когда мне пришлось повторить его вопрос ко мне: «Я вас слушаю». Он тогда ушел, и абсолютно ничего не знал, что происходило в моем кабинете, а потом столько наговорил! Возможно, он обиделся, что его не взяли в «заговорщики»? Так или иначе, но такие люди очень нужны были веселковым и другим членам ЦК Компартии Таджикистана. Впрочем, такие люди нужны во все времена любой нечистоплотной власти, чтобы любой ценой её удержать. Но время неумолимо – мусор рано или поздно уходит на дно океана жизни…И они вместе делали свое дело – любой ценой сохранить власть в республиках и систему – СССР и ЦК КПСС в целом.

Вернемся к пленуму. В завершение его работы, не выдержав, **И.Х. Хаёев** на высказывание Веселкова о звонке Икрамова сказал: *«Я был здесь, почему меня не пригласили как члена бюро ЦК?»*

Да потому, уважаемый Изатулло Хаёевич, что «гнусное сообщение» Икрамова и Ваши высказывания на данном пленуме ничего общего не имели с политической ситуацией в Душанбе и в республике. Вы ведь только спасали себя от нависшей угрозы отставки и ответа за пролитую кровь. Хотя вашу отставку, равно как и отставку Паллаева и Махкамова продолжали требовать и после пленумов. Когда я уже не был у власти и никакого отношения к этому не имел.

Вдумчивый и внимательный читатель, знакомясь с данной стенограммой, увидит, что и кроме меня многие другие члены ЦК и участники пленума требовали отставки всего руководства республики. Эти требования оно проглотило, заметив и не простив только мою искреннюю мольбу о том, что, в создавшейся ситуации, они должны как можно скорее уйти в отставку, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие.

Не простило меня руководство республики и потому, что народ (митингующие) не только избрал меня руководителем Временного народного комитета, но и предлагал в качестве

первого руководителя республики. Таковы были главные причины сделать из меня козла отпущения за свои грехи.

Но, как показало время, эти усилия оказались тщетными. И урок последующих после Февраля 1990 года в Таджикистане событий заключается в том, что, рано или поздно, – справедливость восторжествует! Но тогда, сразу после пленума, я не мог предполагать такого развития событий. Не могу предположить и сейчас, что в матрице исторического развития Таджикистана заложено дальше… Ведь это древнейший и мудрейший в мире народ. Он не может влачить жалкого существования на задворках истории. И от наших с вами, читатель, добрых мыслей и усилий зависит их претворение в жизнь. Так будем же работать и молиться за лучшую жизнь не только на своей Родине, но и во всем мире!

После трагикомедии…

Обычно после любого спектакля жизнь продолжается, за одним исключением, что в жизни все намного сложнее, серьезнее и драматичнее. В те трагические дни народ обращался со своими проблемами не только к руководству республики, лидерам движений и известным людям, но и к духовенству. Митингующие и все население Таджикистана ждали позитивных решений от руководства страны.

Кази республики – Тураджонзода участвовал в большинстве митингов, поскольку многие люди, и прежде всего верующие, хотели услышать его слово. Вот почему 18 февраля Джамшед Каримов, ученый и первый секретарь городского комитета Душанбе, вместо того, чтобы самому выйти и поговорить с митингующими, попросил Тураджонзоду выступить вместо него и призвать митингующих к спокойствию.

Джамшед Каримов был первым лицом в Душанбе и, следовательно, – тоже в ответе за все происходящее. Но, к сожалению, он был совершенно не способен говорить с народом, тем более что по-таджикски он изъяснялся весьма посредственно, хотя его отец Хилол Каримов был автором таджикского школьного «Букваря».

Вот почему руководство республики обратилось за помощью к Тураджонзоде и ко мне, поскольку они понимали, что сами не сумеют справиться с ситуацией.

А что приготовила для всех жизнь и что она еще им всем преподнесет – станет ясно несколько позже…

Заместители Председателя Совмина – Отахон Латифи и Георгий Кошлаков – были, как тогда мне казалось, адекватными профессионалами. Они-то и объяснили в очередной раз руководству, что Бури Каримов пользуется авторитетом у митингующих, и трогать его ни в коем случае нельзя. Иначе может произойти очередное кровопролитие. Если в руководстве республики Отахону Латифи не очень доверяли, то к мнению Кошлакова руководители ЦК Компартии республики прислушивались.

Итак, к тому времени правительственные здания уже были окружены вооруженной охраной, и руководство страны не давало возможности митингующим собираться ни на площади перед Верховным Советом и Советом Министров, ни, тем более, на площади перед зданием ЦК.

В результате – митингующие начали скапливаться в районе Комсомольского озера и киноконцертного зала «Кохи Борбад». По разным оценкам, там собралось около 50 тысяч человек.

В этот день – 18 февраля – я с утра работал в своем кабинете в Госплане, а некоторые члены правительства сообщали мне, что многотысячные колонны со всех концов города движутся к Комсомольскому озеру.

Все опасались, что толпа прорвет кордоны и ринется к зданию ЦК. А так как здание ЦК было окружено вооруженными людьми из числа спецподразделений КГБ, МВД и военных, нетрудно себе представить, чем это могло кончиться. Все этого очень боялись. Боялись новой крови…

Я понимал, что если, не дай Бог, что-то случится, мне предъявят обвинение, в первую очередь, как председателю Временного народного комитета. Я вполне сознавал меру своей ответственности и старался предпринимать все возможное для того, чтобы успокоить перебаламученный народ – через СМИ и всеми другими возможными способами.

К примеру, мой коллега Г.В. Кошлаков сообщил, что люди, собравшиеся у Киноконцертного зала, по-прежнему требуют, чтобы я к ним вышел. Все это так и было. Поскольку после пленумов ЦК Компартии Таджикистана, где меня обвиняли во всех грехах и пытались сделать из меня, как говорится, крайнего, простой народ и митингующие стали опасаться, что меня могут по-тихому убрать или же просто посадить. Вот поэтому на митингах с новой силой зазвучали требования: «Дайте нам Каримова!», «Каримова – в руководители страны!» и так далее.

В это время мои «любимые» руководители в ЦК и Совете министров не хотели, чтобы я вышел к митингующим, все время чего-то опасаясь…

Д. Худоназаров

С этого дня некоторые члены правительства, депутаты, и в особенности общественные и религиозные деятели, – начали появляться на митингах. Но люди давали выступать только тем, кому они доверяли и кого могли не опасаться. Например: представителю духовенства Тураджонзоде, поэтессе Гулрухсор, депутату Верховного Совета СССР Давлату Худоназарову, журналистке Бердиевой…

Несмотря на это, митингующие по-прежнему требовали, чтобы к ним вышел Бури Каримов, чтобы слышать, что я им скажу. Поскольку я уже знал об этом, то, сидя у себя в кабинете, на маленьких листочках набросал основные тезисы своего выступления на случай, если мне придется говорить с людьми.

Г. Софиева

Но в руководстве были люди, которые хотели подвергнуть меня, в лучшем случае, домашнему аресту, а еще бы лучше, считали они, – немедленно арестовать. И хотя народ требовал, чтобы мне дали возможность выступить перед митингующими, не кто иной, как руководитель аппарата правительства Махкамбаев, сделал все возможное, чтобы я не узнал об этом.

Информация, приходящая в Правительство, о том, что меня хотят слышать люди на площади, не доходила до меня. Об этом сообщили мне через приемную Первого секретаря ЦК, а также депутаты и другие люди.

А когда кто-то подходил к дверям Госплана, вооруженная охрана не пускала их внутрь, потому что кроме обычных рядовых постовых милиционеров, здание уже охраняли не только местные спецслужбы, но и сотрудники из Москвы. Наверное, на всякий случай, ведь я все еще был зампредом Совмина, а также – председателем Временного народного комитета, а в будущем, кто знает, – может быть, и руководителем республики. Так это объясняли некоторым.

А мне показалось, что у них было совсем другое задание и другое желание. Так что я был практически изолирован от митингующих. Сидел и работал в своем кабинете, постоянно анализируя происходящее.

Меня по-прежнему настораживало поведение «тройки» и участников пленумов республики, которые не отдавали себе отчета в том, что на самом деле творится в городе и почему шесть дней подряд – с 12 февраля, не прекращаясь, в столице республики идут многотысячные митинги. А еще то, как ловко приноравливали они мнение членов ЦК к своей выгоде.

Как ответственный человек, учитывая, что митингующие просили меня стать членом Временного комитета, председателем которого я и был впоследствии избран, я теперь оказался под таким огромным давлением, не хотел допустить ошибки, опасаясь, что меня не простят «старшие товарищи». И все же я всей душой был готов выйти к митингующим, чтобы сказать им правду, хотя и понимал, что на меня в этой ситуации навешают новые ярлыки и непременно обвинят во всем происходящем...

И до чего же я оказался прав!.. Последовавшие затем события подтвердили это. Под натиском митингующих мой коллега, другой зампред Совмина – Г.В. Кошлаков не постыдился сначала солгать, будто бы я уехал к матери в деревню!..

Когда он произносил это, я находился в своем кабинете, в Госплане. Да если б даже я и был у матери, так ведь до митингующих и в этом случае было бы всего-навсего каких-то 7 километров! И меня за десять минут вполне могли бы примчать на митинг!..

Чем сильнее этого требовали митингующие, тем яростнее сопротивлялись этому и «тройка», и другие руководители. Итак, митингующие требовали привезти меня, чтобы видеть, что я жив и здоров и успокоиться, а перепугавшиеся правители – всячески этому сопротивлялись.

Они имели к тому веские основания. Ведь если бы я, выйдя на трибуну, взял, да и рубанул правду-матку, рассказал, как на партийном пленуме умолял «тройку» подобру-поздорову уйти в отставку, или же, не дай Бог, отдал бы команду разорвать правителей на куски, а то и взять штурмом здание Компартии, – началось бы что-то невообразимое!..

Они искренне опасались этого, поскольку никак не могли понимать глубины моих переживаний, твердости моей воли, а самое главное – серьезности воспитания сына простого труженика, и в светском, и в религиозном плане. Того, что такой человек никогда не пошел бы на кровопролитие. Мое сердце разрывалось от боли и напряжения, но я оставался в своем кабинете, а в это время народ шумел и митинговал в районе Комсомольского озера у Киноконцертного зала…

И все-таки, под давлением митингующих, Давлат Худоназаров поехал в ЦК компартии, пошел к руководству и заявил: «Если вы не найдете Бури Каримова и не дадите ему говорить с людьми, то на этот раз ситуация может окончательно выйти из-под контроля!..»

В эту минуту на горе-руководителях буквально лица не было. Особенно сдал первый секретарь ЦК компартии Каххор Махкамов. Дрожащим голосом он согласился, что, дескать, да, надо уже дать Каримову возможность выйти к митингующим.

Давлат Худоназаров тут же схватил «сотку» и – прямо из кабинета Первого – набрал мой номер. К его удивлению – я сразу взял трубку.

– Бури, все говорят, что ты куда-то уехал, а оказывается, – сидишь у себя в кабинете.

– Да я здесь с самого утра…

– Люди на площади хотят тебя видеть…

– Знаю…

– Почему не идешь?

– Давлат, ты же видел на пленуме, как все на меня напали, будто это я – организатор митингов и беспорядков. И хотя все это – совершеннейшая ложь, почти не было людей, которые бы меня защищали.

– Да забудь ты об этом! Сейчас главное – успокоить людей и нормализовать обстановку!

– Неужели ты думаешь, что я этого не хочу? Да я больше всех озабочен этим и страшно боюсь, что ситуация может выйти из-под контроля!

– Тем более тебе надо как можно быстрее поговорить с ними. Да и Каххор Махкамов хочет того же... Вот я стою и звоню тебе из его кабинета.

– Так почему же он сам мне не позвонил?

– Кто ж его знает…

– Вот и я – о том же… Они же потом, как пить дать, предъявят кучу фиктивного компромата и опять займутся своими подковерными битвами и чудовищными интригами. И непременно от всего открестятся, дескать знать ничего не знают… Он же сам сначала просил меня выйти к народу, а потом преспокойно дал задний ход…

– И все-таки, как бы мы не огребли куда большей беды. Бури, я тебя, как брата, прошу: ступай к людям на площадь и скажи им все, что только сочтешь нужным!.. Ты же сам понимаешь, какая там ситуация и во что это все, того гляди, выльется!.. Грозные времена наступили, сам видишь!..

И он был прав. Конечно же, он, депутат Верховного Совета СССР, собственными глазами видел, сколько отрядов различных спецслужб, оружия, танков, бронетранспортеров сосредоточено уже в городе, особенно вокруг правительственных зданий. К тому же он наверняка знал мнение представителей Центра о происходящем и их намерение жестко подавить недовольство народа.

Я же – был абсолютно уверен, что власть должна служить народу. И в подобных ситуациях руководители тем более должны оказаться в народной гуще – как сейчас, на митинге, – и выслушать требования людей.

А на самом деле выходило, что они – смертельно боятся гнева народного. Того же, кого хочет видеть народ, держат в изоляции и даже после натиска митингующих не желают разрешить ему пойти на митинг, обманывая митингующих тем, что он якобы находится слишком далеко…

Меня же мучила совесть. С одной стороны, я хотел, вопреки доводам рассудка, идти к людям, а с другой – в силу того, что был объявлен комендантский час и в город переброшены войска, – решил, поговорив с Давлатом Худоназаровым, позвонить Махкамову. Ведь оба говорили со мной именно из кабинета Первого секретаря. Я взял трубку, соединявшую меня с Махкамовым, и спросил:

– Мне звонят и говорят, что народ на митинге – требует меня! Идти мне или нет?

– Как хотите, – ответил Первый.

– Еще раз спрашиваю – да или нет?

– Как хотите, так и поступайте…

– Тогда пусть скажет Пуго – идти мне?

– Его тут нет, – ответил Первый.

Я положил трубку и задумался. Так идти мне или не идти? Даже в такой ответственной ситуации они ведут себя провокационно. Двойственно. В это время я вспомнил, как меня просили другие:

– Прошу тебя, срочно приезжай! – умоляли депутат Верховного Совета СССР Давлат Худоназаров и мой коллега Георгий Кошлаков. – Если не приедешь, случится непоправимое!..

– Клянусь тебе, если тебя посадят, я буду рядом с тобой!.. – клялся тогда Кошлаков.

Возможно, каким-то образом он повлиял на секретаря ЦК Шабдолова, или же тот сам почувствовал неладное… Бог весть, но только Шабдолов тоже позвонил и попросил меня поспешить на митинг.

В предчувствии серьезных социальных потрясений, Шоди Шабдолов стал уже другим. Если раньше он боялся говорить со мной по телефону, то теперь тоже просил меня выйти к людям.

Тогда все были в штабе, в кабинете – и Латифи, и зам. предсовмина Зацариный, и весьма неоднозначная личность – руководитель аппарата правительства Махкамбаев, который якобы дежурил в штабе. О том, что другой зампред Г.В. Кошлаков попросил меня выйти и спасти положение, они, разумеется, слышали и знали…

…А в это время на всем пространстве вокруг Киноконцертного зала уже не было места, где яблоку упасть. После зимы дно Комсомольского озера стояло сухим, и митингующие полностью заполнили и его котловину, и все вокруг.

В небе над городом барражировал военный вертолет, наблюдая за происходящим и снимая все на кинопленку. Кроме того, журналисты почти всех журналов и газет республики, а также центральных СМИ – находились среди митингующих и снимали все, что происходило вокруг.

Митингующие ждали развязки, и накал страстей достигал уже своего пика.

После просьбы Давлата Худоназарова и руководства ЦК, да уже теперь и правительства – я рванул на площадь на своей «Ниве». Ведь в те дни митингующие готовы были перевернуть и закидать камнями любую правительственную машину. Я миновал улицу Ленина, потом – повернул на Путовского, доехал до Комсомольского озера и вышел невдалеке от кордона. Хотел пройти к трибуне как можно незаметней. К сожалению, у меня это не получилось.

Меня сразу узнали и, как и в первый раз, опять захотели подхватить на руки, чтобы начать подбрасывать в воздух. Я поднял руки, умоляя не делать этого. Раздались возгласы: «Качать его!..» Я вынужден был решительно воспротивиться этому и потребовал:

– Дайте мне пройти к трибуне!..

Каждый хотел меня видеть, чтобы сказать что-то доброе. Пока я шел, а до трибуны было метров 350, люди спешили сказать мне, что они – со мной и что народ меня защитит…

Микрофон стоял на возвышении. Я шел сквозь людской коридор, а впереди бежали молодые ребята, раздвигая людей... Бросился ко мне и Джалгаш Палвон – чтобы обнять, но я поблагодарил и удержал его. Палвон был один из тех, кого я хо-

рошо знал. Сын крестьянина, сделавшийся профессиональным борцом. Он тоже стал энергично упрашивать людей немного раздвинуться, и я быстро прошел по коридору, рассекавшему людское море, как это иногда показывают в кинофильмах. Только теперь все это происходило со мной самим и наяву…

Я шел, но внутренне все еще сомневался. А люди вокруг кричали:

– Подымите его! Почему ты так опоздал?!. Мы с тобой!.. Да здравствует Каримов!..

Я все это видел и слышал, но в моих ушах все еще звучали слова партийцев – Пулодова, Алимова, Мусаева и Султанова. Кстати, все они были потом назначены на высокие должности, стали руководителями, послами… В эту минуту мне хотелось у них спросить: «Где вы, дорогие партийцы?!. Видите ли вы все это?!. Где те, кто обвинял меня в том, будто я сам внес свое имя в список Временного комитета, как будто это не митингующие избрали меня?!. Где вы, участники пленума, до хрипоты, с безумным жаром выступавшие против меня?!. Пойдите, поговорите с простым народом!..»

«Знаю, где вы, – думал я, – смотрите на все происходящее из-за спин солдат, с вертолета или же – в записи на пленке…»

…Какой-то парень из Кулябского района, в темных очках (мне и теперь кажется сомнительной его роль), помог мне дойти от дверей Госплана до импровизированной трибуны. А когда я говорил, держа в одной руке микрофон, а в другой – листочки с текстом, он придерживал их.

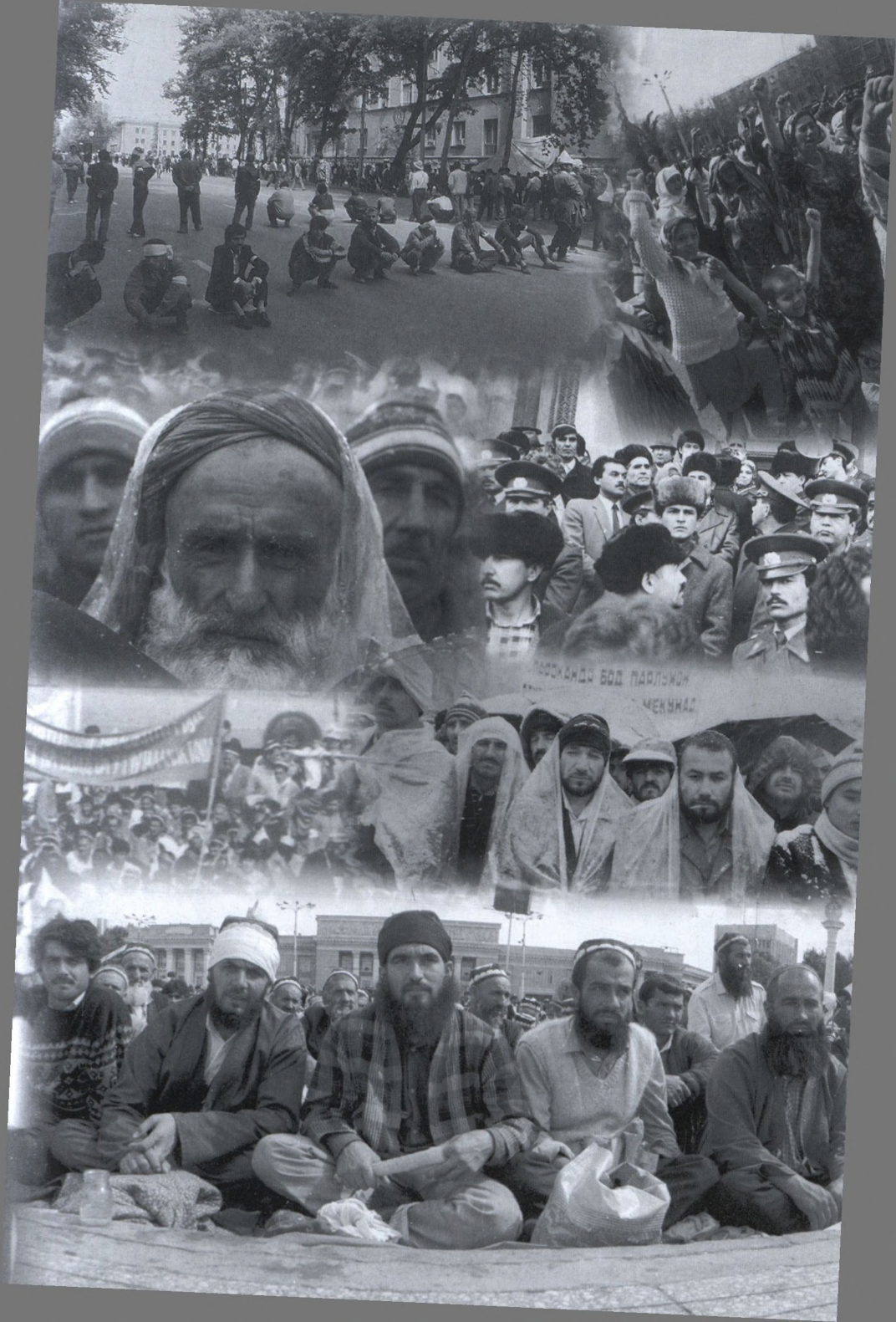
Что же происходило на самом деле? Да то, что я действительно, после многочисленных требований митингующих, вынужден был выйти к людям на площадь. Но, прекрасно уже зная коварство руководства республики, решил, что пока Пуго или Махкамов официально меня об этом не попросят, сам я с места не сдвинусь... Руководителям страны для стабилизации обстановки нужно было самим говорить со своим народом. Если же Пуго и Махкамову захотелось, чтобы с людьми общался я, то пусть они сами попросят меня об этом. Потому что вот так – взять и, ни с того, ни с сего, перейти на сторону народа, будучи официальным руководителем, – тогдашняя власть понять такого поведения просто не могла!..

БОЯД АМАЛЙ ШАВАД
ШЎРОК ОЛЙ ҶОИ
БЕСАВОДОН, БЮРОКР
ВА МАНСАБПАРАСТОН
МОДАН
МУҲАММАД СУЙТОН
ЗИНДАГИ
МАТБУОТ

сувениры

ЗАБОНИ ТОҶИКӢ

ТОҶИКИСТОН
ХИЗБИ НАҲЗАТИ ИСЛОМИИ



А обстановка все накалялась. В этой ситуации промедление было уже смерти подобно... И я сделал тогда все, что было в моих силах... Молчание Пуго и Махкамова счел за согласие, внутренне сосредоточился и поехал на митинг.

Когда я добрался до площади, все журналисты, да и митингующие, имевшие фотоаппараты, принялись меня фотографировать. Вот только некоторые – прятали свои фотоаппараты. Это были как представители спецслужб, так и те, кто боялся возможных последствий. Такие были времена… В любом случае, все происходящее снималось на теле– и видеокамеры, которых было множество…

Тогда на митинге до меня выступили уже несколько представителей власти, но их слова просто не значили для людей ровным счетом ничего после пролитой недавно крови. А вот что касается первых лиц, то их-то здесь и близко не было. Тогда же у меня произошел разговор с Кошлаковым, который, во всяком случае, внешне, показывал, что он вроде тоже – на стороне народа…

Он спрашивал, обращаясь к площади: «Вы хотите видеть Каримова?» «Да!.. Мы требуем его!..» Когда он кричал это в микрофон, возгласы «Ура!» и аплодисменты сотрясали воздух над Комсомольским озером. Люди стояли и ждали, когда же я появлюсь. Поэтесса Гулрухсор призывала людей:

– Родные мои! Друзья мои! И прежде всего – матери и сестры невинно погибших людей! Примите мои соболезнования! Вас постигло тяжелейшее горе, и слезы ваши не высыхают! Вам плохо живется, и хотя мы мечтаем о многом, но уровень нашей жизни – ниже уровня моря. И сегодня я вам должна сказать, что наш уровень жизни поднять можем только мы сами. Отставка двух руководителей не стоит кровопролития. Да и все они, вместе взятые, не стоят одной материнской слезы! Поэтому, родные мои, я должна вам пожелать, чтобы вы в будущем избирали в Верховный Совет только самых достойных своих представителей! Создавайте свое, народное правительство и не надейтесь ни на кого!

После ее слов площадь загудела с новой силой: «Руководство – в отставку! В отставку! В отставку!..»

К микрофону вышел молодой парень.

– Вокруг – сплошная несправедливость! Мы многого не знали, но сегодня видим, что и у наших руководителей – кругом обман! И беспросветная ложь! После всего, что произошло, – чему научатся наши дети, наша молодежь, да и те, которые грабили магазины и устраивали погромы, – они ведь тоже наши, они тоже – мы! Все они – это мы сами!..

В любые времена и в любых ситуациях появляются люди, которые оставляют яркий след в жизни своего народа. Одной из таких отважных личностей была журналистка Буринисо Бердиева. В свое время ее, главного редактора партийной республиканской газеты, выходящей на узбекском языке, выгнали за то, что она говорила и писала правду. И она в эти грозовые дни была, несмотря на свой возраст, очень деятельна и выступала на многих митингах. Пришла она и на этот митинг.

– Самодовольные руководители и их дети, начальники на пленуме – единодушно аплодировали, а мы в это время – оплакивали своих детей, безвременно вырванных из жизни. Все вы, очень прошу вас, выслушайте меня внимательно! **Неужели должность первого секретаря должна быть наследственной?!.** Неужели за семьдесят лет мы и впрямь не смогли вырастить себе другого руководителя?!.

После этих ее слов на площади опять загремело: «Отставка! Отставка! Отставка!..»

Бердиева продолжала:

– Я предлагаю разогнать пленум!

И снова митингующие с новой силой: «Отставка! Отставка! От ставка!..»

– Достойных людей, которых мы выдвигаем, – в эти дни допрашивают в КГБ, и в Бюро ЦК уже начали расследование! Мы не должны допустить этого!...

«Отставка! Отставка! Отставка!..»

– Я призываю весь народ – наказать подлого убийцу, который умыл нашу молодежь кровью, а народ – довел до такого состояния! **Мы должны найти виновных в убийствах и казнить их всенародно!..**

«Отставка! Отставка! Отставка!..»

Потом она сделала паузу и выкрикнула:

– Они должны привезти сюда – к нам – Каримова!

– Ура!..

Кто-то из митингующих встал у микрофона:

– Мы должны защитить его!..

Вся площадь скандировала: «Каримов! Каримов!! Каримов!!!»

– Не одного Каримова – но и Махкамова и Хаёева с Паллаевым – к нам, сюда!..

Эти слова были доказательством того, что я правильно понимал обстановку – народ требовал не только меня, но и всю «тройку».

К микрофону быстро подошла пожилая женщина:

– Я, мать четырех детей, до сих не имею ни кола, ни двора. А вот из других мест к нам привозят людей и дают им прекрасные квартиры. А я – как прежде, скитаюсь с детьми без жилья…

Потом к людям вышел руководитель международного управления ЦК КПСС В.К. Федин:

– Товарищи! Друзья мои! Братья! Мы были с вами в трудную минуту. Я читаю у вас тут прекрасный лозунг: «Русские и таджики – братья!» (По площади прокатилось многоголосое: «Ура-а-а!..») Я понимаю вашу боль... Я произношу слова самого искреннего, самого горького своего сожаления...

В эту минуту меня не покидает боль по вашим погибшим, по нашим товарищам. (Шум вертолета, который постоянно кружит над митингующими).

Никогда больше не должна пролиться ни одна капля крови ради того, чтобы мы жили вместе, и жили счастливо. Пусть будет наказан тот, кто пролил эту кровь!..

Кто-то в это время подошел к микрофону и сказал на таджикском:

– Бародарон, рафик Федин корманди масъули ЦК КПСС аз Маскав омадагй. (Карсакзанй...). (Братья! Товарищ Федин – ответственный работник ЦК КПСС из Москвы!.. (Аплодисменты).

После чего Федин продолжил:

– Братья мои! Я вижу, какой здесь, в Таджикистане – мудрый народ, какой прекрасный, активный, энергичный молодой народ. Значит, и через 20, и через 100 лет мы будем идти по такому пути, которому будут завидовать другие народы!

(Если бы тогда не задушили ростки демократии, наверное, так оно и было бы… – Прим. автора).

– Ура-а-а!

– Да здравствует наш великий Союз Советских Социалистических Республик!

– Ура-а-а-а!..

В это время еще один человек подошел к микрофону со словами:

– Вот наше требование об отставке Махкамова, передаю его товарищу Федину!..

И Федин сказал:

– Дорогие мои! Я вчера был на заседании «Растохеза» и встретился с замечательными ребятами, которые думают о том, чтобы молодежь была занята, чтобы жизнь была такой, как мы о ней мечтаем.

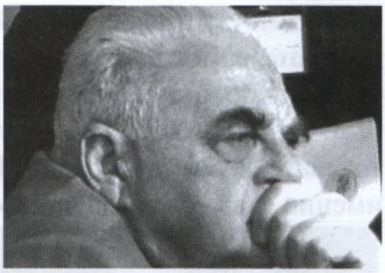
Я слушал их и думал, разве можем мы, хоть на минуту, усомниться в правильности настроения людей, которые хотят жить полной жизнью и не хотят плестись в хвосте у других народов.

Я полностью разделяю такое мнение и хочу вам сказать: «Я против того, чтобы здесь, в городе Душанбе, стояли танки, чтобы здесь существовало чрезвычайное положение, и я верю в вашу мудрость, что вы меня правильно поймёте. Я думаю, вы мне поверите, если я вам скажу: «Я – за то, чтобы не было танков!..»

Кстати, Федин был тоже свидетелем моих выступлений в Доме Гостелерадио и во время записей некоторых заседаний Временного народного комитета. К слову сказать, после моего выступления на радио в трагические дни февраля он мне сказал, что даже по моей интонации было видно, насколько я ответственно говорю. Кстати, на пленумах он вполне мог выступить в мою защиту, но не делал этого, потому что всегда выполнял то, что ему велела Система.

Заместитель Предсовмина Г.В. Кошлаков начал по-таджикски: «Ман ба забони точикй холо баромад карда наметавонам! Ба ичоза ти Шумо ба забони русй гап мезанам!» (Я пока не могу выступать на таджикском, с вашего разрешения, буду говорить по-русски!).

И потом продолжил:



Г.В. Кошлаков

– Дорогие мои друзья!

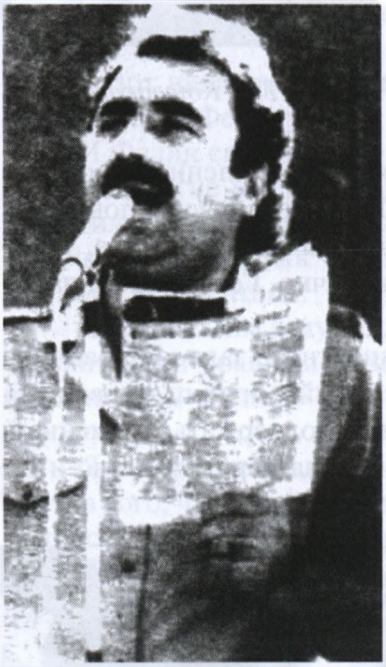
Братья мои! Я обращаюсь к вам от имени русского народа, от имени таджикского народа! Я – таджик! Я 32 года работаю в Таджикистане. Я вас очень прошу соблюдать спокойствие! Говорите все, что вы думаете!..

Справедливости ради надо сказать, что в тот момент решающими были не их выступления, а выступления духовного лидера мусульман страны и мое. И это прекрасно понимали как руководство, так и некоторые члены правительства, которые находились на митинге, в т.ч., конечно, Георгий Кошлаков и депутат Давлат Худоназаров.

18 февраля 1990 г., у Киноконцертного зала «Борбад», не кончаясь, шел шумный многотысячный митинг, вызванный решениями пленумов ЦК и желанием поддержать Временный комитет и меня. Об этом, безусловно, знало руководство и те, кому по работе было положено это знать.

Давлат Худоназаров: «Бури, надо идти к митингующим!». Площадь у здания ЦК Компартии. Душанбе. 1990 г.

Вот что было основной причиной того, что я, сидя у себя в кабинете в Госплане, а потом – в приемной Предсовмина, не имел возможности поехать и участвовать в этом митинге, как бы очутившись под «кабинетным» арестом, благодаря желанию тогдашних руководителей. Подробности уже изложены, но что именно сказал я тогда людям на митинге, привожу целиком.



Б.Б. Каримов

Мой приход сопровождали возгласы: «Ура, Каримов – с нами!», «Каримов – жив!» «Дайте дорогу Каримову, пусть он скажет!..» и много другого в том же роде….

Я вышел, взял микрофон, взглянул на многотысячную площадь, и у меня на секунду перехватило дыхание – все глаза были устремлены на меня. Люди напряженно слушали – что же я сейчас им скажу. После небольшой паузы я начал говорить, примерно то, что набросал у себя в кабинете буквально полчаса тому назад.

«Совершенно открыто»:
Дорогие соотечественники!

Я был всегда с вами и вашу боль считал своей и сегодня выражаю вам искреннее сочувствие и глубокое соболезнование. Я не хочу стать жертвой несправедливости, моя опора и надежда – это вы.

Я в 29 лет стал министром и в 31 – заместителем Председателя Совета Министров, Председателем Госплана республики. Разве всего этого мне удалось достичь путем митингов и кровопролития? Конечно, нет. Тогда почему сегодня меня хотят обвинить в бесчинствах и кровопролитии? Почему с высоких трибун нагло лгут?

Почему для успокоения народа приглашают меня, почему избрали меня председателем комитета, и все соглашаются, чтобы я вместе с членами Временного комитета вел работу по стабилизации обстановки и предотвращению кровопролития? Но, в итоге, я оказался ненужным.

Буринисо Бердыева на митинге 18 февраля 1990 г.

Во все времена всегда торжествовала правда, и только она. Тот, кто роет могилу другому, сам в нее попадет.

Разве мы не виноваты перед своим народом в том, что почти заживо похоронили свой язык, неуважительно отнеслись к своей культуре и истории, традициям, литературе и вере?

Б.Б. Каримов, Х.А. Тураджонзода и Д. Худоназаров на митинге у Киноконцертного зала «Борбад» 18 февраля 1990 г.

До сих пор Фонд таджикского языка, Детский фонд и Фонд культуры не имеют своего помещения и необходимых условий. Разве это не преступление перед народом? Далее, разве не преступление, что мы, руководители, живем все лучше и лучше, а простой народ – все беднее и беднее?

Многотысячный митинг на «Комсомольском озере». Душанбе. 1990 г.

Наш стол полнится плодами труда дехканина, а его – нашими обещаниями...

Почему зоны отдыха, специальные больницы и магазины предназначены для нас, а нищета и смертность детей – для других? Почему?

Я от всей души желаю, чтобы виновные понесли наказание, а подлых людей – пусть мучает совесть!

Поздравляю тебя с твоим пробуждением, мой дорогой соотечественник! Да сопутствует удача родному языку, культуре, истории и традициям!

Пусть будут вечно на земле дружба и братство между всеми нациями и народами! Народу, партии и перестройке – желаю идти только вперед и ни шагу назад!

Бессердечных руководителей – в отставку! Если вы пробудились, то я вас умоляю, сделайте так, чтобы никто и ничто не пострадали!

Если вы уважаете свой народ, верите друг другу и мне, то я вас умоляю, разойдитесь мирно, способствуйте задержанию виновных!

Мое интернациональное чувство выше национального!

Верьте, что я не жажду получить высокую должность. Но всю жизнь буду бороться за правду и справедливость.

Долой местничество и национализм!

Б.Б. Каримов. 18 февраля 1990 г.
Митинг у Киноконцертного зала в Душанбе

В те дни, происходящие в республике события, изменили взгляды многих, в т.ч. и работников парторганизации и рядовых членов партии.

Г.В. Кошлаков

Но вернемся к событиям февраля 90-го года, чтобы подробнее остановиться на личностях главных его участников. Как вы уже поняли, другим активным участником трагических событий был Георгий Вадимович Кошлаков, занимавший пост заместителя председателя Совета Министров Таджикистана, который 18 февраля 1990 г. находился на митинге.

Когда меня ждали митингующие на площади, Кошлаков, находящийся среди них в районе Киноконцертного зала, прекрасно понимал, что я сижу в своем рабочем кабинете, но почему-то уверял людей, что не знает, где меня искать. Подойдя к микрофону, он заявил:

«Рафикон (товарищи)! Вчера мы вместе с Каримовым работали до половины второго ночи. (Голоса из толпы: «Почему его сейчас здесь нет?!) Честное партийное слово, клянусь хлебом, клянусь матерью, клянусь своими детьми, никто не собирался и не собирается его арестовывать! Он работает на том же месте, Председателем Госплана.

Як дакика! (Одну минуту!)

Сегодня мы звонили ему домой, но его там не было. У него же мама живет в Ленинском районе. Скорее всего, он

сейчас там. Товарищи, когда мы туда пошли, мы всем говорили, что мы не врем. Я никогда никого не обманывал.

И против Каримова никакого уголовного дела по линии прокуратуры нет, не велось и не ведется. На пленуме прозвучала критика – но это же инициатива самих коммунистов, так же, как и в «Растохезе» и в Комитете. Да, это их дело, но против них никакого уголовного дела не заведено…».

В те дни бросались в глаза многие интересные вещи. К примеру, тот же Кошлаков в начале своего выступления говорит: «Рафикон! (Товарищи!)» – на таджикском языке, как бы дает митингующим понять, что он знает язык местного населения или, как минимум, уважительно к нему относится.

Были случаи, когда некоторые люди, объятые страхом, спешили надеть национальные головные уборы – тюбетейки. Это было чистой воды лицемерие.

Кошлаков был очень хитрым человеком, но имел одно большое преимущество перед другими русскими, которые работали в Таджикистане, – он понимал и принимал «перестройку».

Он всегда вел себя гибко, объявив себя «сыном Таджикистана» и часто, к месту и не к месту заявлял: «Это моя Родина. И если я умру здесь, то и похоронят меня здесь…» Он сдержал свое слово и до сих пор продолжает жить в Таджикистане. Ну, а на самом деле, какой он, настоящий Кошлаков, знает один Бог, да он сам.

«Совершенно серьезно»:
...Митингующие с невиданным воодушевлением встретили Бури Каримова.
Он полностью отверг обвинения, которые были выдвинуты против него на XVII пленуме ЦК.
А.Минаев, Журналист
«Московские новости», февраль 1990 г.

Дело в том, что когда 18 февраля 1990 г. я не хотел участвовать в митинге, он меня попросил приехать, потому что ситуация могла выйти из-под контроля. Он уговаривал меня, своего коллегу:

– Бури, я тебя прошу как брата, приезжай, как можно быстрее, может случиться непоправимое! (Видимо, он опасался продвижения митингующих в сторону ЦК).

И добавил:

– Бури, приезжай, пожалуйста, если тебя посадят, я буду рядом с тобой сидеть в тюрьме.

Конечно же, спустя некоторое время, было тайно открыто на меня дело, и прокуратура начала расследование. И неизвестно, в случае отрицательного исхода дела в отношении меня, сидел бы он рядом со мной в тюрьме?..

Как бы там ни было, не об этом речь, речь о другом. А именно о том, что он мог во время работы пленумов и Комиссии Верховного Совета выступить и поддержать меня. Это было бы намного честнее, поскольку он сам лично несколько раз просил меня выступить на митингах, когда обстановка накалялась, и он был свидетелем моих выступлений и знал, что я это делал со всей ответственностью и от души ради стабилизации обстановки, а главное, чтобы повторно не пролилась кровь.

«Совершенно открыто»:
Правительство Таджикистана должно радоваться, что люди именно из числа заместителей Председателя Совета Министров, именно Каримова рекомендуют в руководители...

Х.А. Тураджонзода,
Руководитель духовенства Таджикистана.
Душанбе, 18.02.1990г.

Справедливости ради надо сказать, что он в дни февральских событий и после несколько раз давал мне советы, смысл которых сводился к тому, чтобы я не вел себя резко. Хотя как же мне нужно было еще себя вести, если я уже обратился к тройке руководителей на пленуме ЦК с категорическим требованием: «Я не прошу, я умоляю вас – уйдите в отставку!»

О том же говорил я и 18 февраля у Киноконцертного зала на многотысячном митинге. И все же Кошлаков призывал меня к максимальной сдержанности. А после того, как меня исключили из партии, посоветовал написать заявление на имя Михаила Горбачева с объяснением того, как я оказался в подобной ситуации, и, пользуясь политическим моментом, просить о восстановлении в партийных рядах... При этом реко-

мендовал не плевать против ветра, а, как все это делают, признаться, что в те дни допустил досадные, но вполне простительные ошибки, поскольку все это произошло исключительно в силу моей молодости…

Такое поведение Кошлакова можно было бы в какой-то степени даже и понять, но вряд ли – принять. Понять, потому что он по-прежнему работал на своей должности, поддакивал руководству ЦК и своему председателю и чувствовал, что они перемелют ситуацию и останутся у руля. И, по извечным законам бюрократии, не оставят меня в покое… Ну, а не принять, потому что Кошлаков так до конца и не сказал всей правды о том, чему был свидетелем, когда в один из февральских дней из его уст даже прозвучало: «Надо бы из оружия стрелять по асфальту, чтобы напугать митингующих…» На что я тогда немедленно возразил: «А что, рикошетом, – мы людей, получается, – не поубиваем?!» Выдержав значительную паузу, тот резюмировал: «А как же еще мы можем удержать ситуацию под контролем?..»

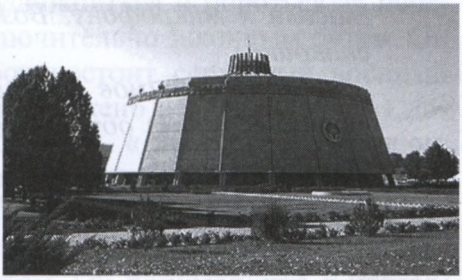
Понятно, что мне он не казался тем руководителем и человеком, которому можно до конца доверять. Хотя, в силу своей тогдашней простоты, я нередко советовался с ним по разным вопросам или же – перед принятием разного рода решений. И вполне искренне верил, что тот шагает в ногу с перестройкой. Но, как показало время, он был одним из тех, кто, как и многие в руководстве, просто руками и ногами держался за свое кресло и сознательно играл по привычным бюрократическим правилам.

«Совершенно серьезно»:

«В 1990 году я работала в партийной организации города Рогуна, также возглавляла местный женсовет. Меня отправили в Душанбе, изучить ситуацию в столице. В Душанбе нам объяснили, что мы – несколько женщин-активисток – должны будем участвовать в будущем митинге и поддерживать позицию Каххора Махкамова. Я сразу отказалась от этого предложения. 14 февраля я стала свидетелем жестокого и бесчеловечного подавления народного протеста. Вечером того же дня я вернулась в Рогун и сразу написала заявление на имя первого секретаря горкома партии, где заявила о

своем выходе из рядов коммунистической партии. ***Для меня было позором оставаться членом такой партии, которая направляет штыки против своего народа.*** *Быть коммунистом для меня означало считаться соавтором кровавого спектакля, подготовленного кучкой бессовестных людей».*

Хуринисо Гаффарзода



Душанбе. Киноконцертный зал

Из приведенного высказывания видно, как руководство республики и партхозактив любыми способами держались за свои места, но было много членов партии, которые правильно понимали перестройку и были разочарованы действиями местных партийных функционеров, особенно на местах, и тем более в дни февральских событий.

После этого я стал убеждать митингующих разойтись. Я слишком хорошо знал, что правящая верхушка пойдет на все ради сохранения своих должностей, включая самое страшное…

Тогда Кошлаков выступил на этом митинге еще раз, примерно так:

– Дорогие мои друзья! Родные мои! После того, как пролилась кровь, поймите, что это может повториться. И поскольку в городе увеличено количество войск и спецподразделений, и ради того, чтобы больше не лилась кровь, ради того, чтобы не было больше погромов, чтобы темные элементы осмелились на рискованные шаги, разойдитесь, пожалуйста, по домам и давайте подождем, какое решение примут наши конституционные власти. Я от всей души прошу вас послушать меня, если вы мне верите. Если вы так сделаете, я буду знать, что вы на моей стороне. Еще раз прошу вас мирно разойтись!

Примерно то же говорил и я, только с одним отличием. Он, уже после внесения дополнений в текст протокола об отставке и обсуждения обстановки на пленумах, использовал слова «конституционные власти»…

«Совершенно серьезно»:

Душанбе, 18.10.90 г.

В 16 часов 35 минут пришел Б.Б. Каримов. Его пригласили к микрофону. Возбужденный народ слушал его спокойно.

Б.Б. Каримов просил собравшихся разойтись и впредь во время объявленной чрезвычайной ситуации не собираться.

Д. Давлат, «Чавонони Точикистон», Душанбе, 21.02.1990

Несмотря на участие некоторых местных руководителей и представителей Центра в многотысячном митинге около киноконцертного зала «Кохи Борбад» 18 февраля 1990 г., на котором, по разным данным, присутствовало около 50 тысяч человек, люди все решения пленума сочли неудовлетворительными и неприемлемыми. И приняли свое обращение, которое состояло из 4-х пунктов:

1. Решения XVII-го пленума Компартии Таджикистана считать недействительными.

2. Тот, кто первым дал приказ о пролитии крови в нашей столице, должен быть наказан.

3. Из числа независимых граждан Москвы, Прибалтики, Грузии и добровольцев, которые имеют опыт принятия адекватных решений и не замешаны в местничестве и интригах и будут говорить народу правду, должна быть создана отдельная комиссия.

4. Вооруженные силы должны быть выведены из города Душанбе.

После наших выступлений митинг начал рассасываться и редеть. Одни уходили по главной дороге мимо ЦК, в сторону Орджоникидзеабада, другой поток – двинулся в сторону Варзоба, третий – в сторону Гиссара, четвертый – на юг страны,

поскольку в митинге участвовали не только душанбинцы, но и жители соседних районов.

Справедливости ради следует сказать, что многие выступавшие тоже призывали людей разойтись. Среди них выделялся депутат Давлат Худоназаров, который на ломаном таджикском языке, с акцентом, говорил: «Мы всегда – с вами! Если человек – личность, то он должен быть со своим народом, а если уж умирать, – так только за свой народ!..»

Он тоже просил людей успокоиться и бороться за перемены в стране и обществе исключительно законным путем. Он предупреждал, что людям противостоит серьезный военный контингент. Правительство – вооружено и опасно. Нельзя допустить, чтобы опять пролилась кровь. «Для меня, – заявил он, – одна капля таджикской крови, и даже волосок одного таджика – превыше всего…»

По меркам Таджикистана, кинорежиссер и депутат Давлат Худоназаров был демократом. Он понимал, что в настоящем демократическом обществе – нет и не может быть ничего выше самого человека, и уж тем более – человеческой жизни. Если же мы об этом забываем, то, значит, мы стоим на уровне феодализма. И пока не изменим своего отношения к людям, из которых и состоит общество, мы не сможем существовать и развиваться как нормальное общество.

Надо отметить, что в скором времени именно Худоназаров станет одним из тех, кто будет бороться за президентский пост. Здесь же необходимо отметить, что еще в 1990-е годы, после того, как он стал депутатом Верховного Совета СССР, бадахшанский клан и некоторые его ближайшие родственники, которые занимали посты во властной иерархии страны, конечно, хотели помочь ему и мечтали о том, чтобы он добился успеха и, наконец, – стал президентом. И именно это обстоятельство в период февральских событий тоже сыграло свою роль и повлияло как на поведение председателя Президиума Верховного Совета республики Паллаева, так и министра внутренних дел Навджуванова, что обсуждали тогда на кухнях и в коридорах власти. Впрочем, и это тоже – отдельная тема.

И все же все эти обстоятельства сыграли негативную роль, поскольку каждый клан, почувствовав, что недалек тот

день, когда теперешний глава республики должен будет уйти в отставку, а я, возможно, стану первым лицом в государстве, – начал заметно проявлять свои политические аппетиты.

«Совершенно серьезно»:
«Февральскую трагедию инициировала правящая номенклатура ради расправы над свободомыслящими сынами таджикского народа, мечтавшими о независимости.

Бури Каримов, Нур Табаров, Мазхабшо Мухаббатшоев, Бозор Собир, Мирбобо Миррахимов и другие поднялись на защиту своего народа в этой бойне. Они были и остаются истинно свободными людьми, настоящими патриотами своей родины».

Дустмахмад Дуст,
Ведущий специалист управления культуры
Хокимията Согдийской области
«Бури Каримов «Среди предательства и крови»,
Москва, 2005 г.

Но – вернемся к тому, что митинг 18 февраля 1990 года завершился, к счастью для всех, мирно. И я – на своей «Ниве» вернулся в Госплан. От Комсомольского озера до Госплана – максимум три километра. Когда машина остановилась у дверей Госплана, последние сотни митингующих как раз проходили мимо здания. Узнав о том, что я возвращаюсь в свой кабинет, они приветствовали меня криками «ура!» и аплодисментами. И снова захотели подхватить меня на руки, чтобы начать качать…

Поблагодарив и помахав им рукой, я быстро вошел в здание правительства.

В эту минуту я снова увидел, что среди народа действительно много моих сторонников. А уж после того, как меня принялись обвинять во всех грехах на пленумах ЦК, их число возросло в геометрической прогрессии. И ровно в такой же степени у меня в душе разом выросло чувство ответственности за сложившуюся ситуацию.

Я прошел в свой кабинет мимо многочисленной охраны, занявшей посты и в здании, и в коридоре, чуть ли не у каждого окна. И подумал, что, с одной стороны, они призваны охранять меня, что вроде бы было похоже на правду, а с другой – сде-

лать все, чтобы никто ко мне не прорвался. Тем более, что уже был введен комендантский час, и под этим лозунгом легко было изолировать от народа не только меня, но и тех немногочисленных членов правительства и Верховного Совета, которые и теперь, и впоследствии готовы были поддержать меня.

Хотя, конечно, в головах главных руководителей было совсем другое. Ведь условия существования огромной Страны Советов требовали иного – удержать ситуацию в руках и не дать раскачать политическую и экономическую системы. Так что, наделенные соответствующими полномочиями, Борис Пуго и спецподразделения, прибывшие из Центра, преследовали сугубо государственные цели.

Пуго в это время слушал своих однопартийцев, наблюдая за всем происходящим через иллюминатор вертолета, барражировавшего над митингующими, и, конечно же, прежде всего – слушал сообщения своих агентов и сотрудников спецслужб, готовых выполнить любой его приказ, санкционированный Москвой…

Петкель, председатель КГБ Таджикистана, оказался тогда очень полезен ему, вместе со своими спецподразделениями. Впрочем, об этом тоже чуть позже.

А я в это время занимался решением проблем народного хозяйства, независимо от того, что это происходило в необычных условиях и в ситуации непосредственной близости и даже соприкосновения с представителями силовых структур.

По инерции люди названивали по телефонам, которые были объявлены членами Временного народного Комитета, но только теперь никто не брал трубку, поскольку эти телефоны оказались запертыми в пустующих кабинетах… И не я, конечно, их запирал.

А кроме того нашлись в Госплане люди, и даже из числа моих заместителей, например, бывший мой университетский преподаватель, да и некоторые другие, которые спешили обо всем доложить, куда положено. А кто-то – и первому лицу государства.

Хотя среди заместителей нашелся человек преданный, и справедливый – председатель Ревизионной комиссии ЦК Компартии Таджикистана Александр Борзенко. Так вот он-то как раз

сочувствовал мне и помогал, чем мог, особенно в невыносимо тяжелые для меня дни во время роковых для страны потрясений. Он объективно докладывал руководству обо мне и моей работе и серьезнейших испытаниях, выпавших на мою долю, когда я, волей обстоятельств, оказался в гуще народного возмущения.

Для Александра Борзенко я был безусловным примером человека, который сам добился серьезных успехов, как производственных, так и творческих, в результате чего занял высокие посты в государственной иерархии. Поэтому он ни минуты не сомневался, что я не мог совершить ничего, что запятнало бы меня и мой род и входило бы в противоречие с моим воспитанием и пониманием жизни. Тем более что и страна, и я сам оказались в ситуации, которая становилась все более и более зловещей и угрожающей...

Письма-обращения

Не огорчай людей ни делом, ни словом,
К любой людской тоске прислушиваться надо.
Носир Хисрав

В те дни сотни писем поддержки меня приходили в адрес Центрального Комитета, как в Центр, в Москву, так и в Душанбе, в том числе в адрес пленумов ЦК Компартии Таджикистана.

Общество «Согдиана» было образовано в Москве из числа студентов, аспирантов и живущих в Москве представителей интеллигенции. Оно тоже обратилось к участникам XVIII пленума ЦК Компартии Таджикистана:

Обращение общества «Согдиана»

«Участникам XVIII Пленума ЦК Компартии Таджикистана!

Пленум ЦК КП Таджикистана будет проходить в период, когда в Душанбе еще действует чрезвычайное положение, сохраняется напряженность, когда люди еще не пришли в себя от трагических февральских событий. На пленуме будут рассматривать результаты партийного расследования в отношении тов. Каримова Б.Б. – Председателя Госплана Таджикской ССР.

Мы хорошо знаем Бури Каримова. За прошедший год члены общества «Согдиана» дважды встречались с ним. На этих встречах мы узнали его как способного, по-новому мыслящего руководителя, далекого от стереотипов застойного периода, искренно пытающегося найти новые, неординарные подходы к решению сложных проблем, стоящих перед республикой, которые, по нашему мнению, и являются основной причиной народного возмущения. Мы не можем поверить, чтобы такой человек, как Каримов, пытался незаконным путем стать Председателем Совмина республики, тем более, что его нынешняя должность позволяет ему в полной мере осуществлять свои замыслы по коренному улучшению планирования социально-экономического развития республики».

«Совершенно серьезно»:
«Вызывает удивление прозвучавшая в прессе критика в адрес Каримова за его согласие стать во главе

организованного демонстрантами народного комитета. В том сложном, критическом положении, которое сложилось на 13 февраля, он принял единственно правильное на тот момент решение и, проявив волю и высокое чувство ответственности, вышел к практически неуправляемым митингующим, взяв на себя полномочия ведения переговоров между ними и руководством республики, которые первые два дня были в шоке, и не владели ситуацией».

Общество «Согдиана»

В республике сейчас поднимается вопрос о правомерности участия занимавших ответственные посты коммунистов в различных неформальных движениях и организациях. Однако, во-первых, насколько мы знаем, Каримов не является членом каких-либо неформальных обществ. Во-вторых, то, что происходило на улицах Душанбе 12 – 13 февраля, не имеет ничего общего с неформальными демократическими обществами. Мы более чем уверены, что если бы с самого начала они были причастны к этим событиям, то последние не приняли бы столь трагический характер. Чтобы не оказаться в плену поверхностных оценок, нужно вспомнить, что социальные потрясения являются стихийным процессом, «бурей в океане народа», возникающей лишь при определенных «климатических» условиях среды, и никакие организованные силы не могут ее вызвать. Политическая же атмосфера, сложившаяся в последние годы в республике, не способствовала развитию демократических сил, что привело к тому, что они были в зачаточном состоянии и оказались в хвосте событий, а взрыв недовольства принял стихийный, неуправляемый характер. Они консолидировались только в ходе событий.

«Совершенно серьезно»:

«Доказательством тому служит тот факт, что проведенный 18 февраля несанкционированный митинг, который находился уже под контролем передовой интеллигенции, народных депутатов СССР и демократических сил, прошел мирно, без эксцессов».

Общество «Согдиана»

Мы обеспокоены наметившейся тенденцией – обвинять во всем случившемся неформальные демократические объединения. По нашему мнению, если они будут сейчас насильственно подавляться, то это ни к чему хорошему не приведет.

Уровень развития и влияния общественных демократических организаций показывает уровень демократизации в целом по республике. Сейчас же Таджикистан находится на одном из последних мест в стране не только по социально-экономическим показателям, но и по степени демократизации общества. Недаром на февральском пленуме ЦК КПСС говорилось о возможности многопартийности в нашей стране, причем речь шла не только о плюрализме мнений, но и о политическом плюрализме…

Что же касается участия коммунистов в неформальных обществах и объединениях, то сообщаем Вам, что многие члены нашего общества являются коммунистами. Только в Совете общества – пять членов КПСС, один из них – Постпред Насретдинов С.К. Именно своим участием в общественной жизни, процессе демократизации общества коммунисты могут повысить подорванный авторитет партии.

«Совершенно серьезно»:

«Февральские события настолько серьезны, что еще не раз придется вернуться к их оценке. Поэтому убедительная просьба огласить нашу телеграмму на пленуме, чтобы наше мнение дошло до каждого члена ЦК. Мы призываем к предельной взвешенности в принятии решения. От этого во многом зависит стабильность в Душанбе и в целом в республике. Любой неосторожный шаг может привести к эскалации напряженности и торможению формирования демократических сил в Таджикистане. Мы верим, что разум возьмет верх».

Общество «Согдиана»

«Если наше письмо не будет оглашено на пленуме, то это будет расценено нами как отсутствие гласности и демократии в ЦК. И мы опубликуем письмо в прессе», – писал в своем обращении к руководству Совет Московского общества таджикской культуры «Согдиана».

Конечно же, в той ситуации, в которой находились члены ЦК Компартии Таджикистана, им не было никакого смысла оглашать это письмо-обращение Московского общества таджикской культуры «Согдиана», поскольку все его содержание было

направлено – на защиту меня, а они всему силами старались вину за происходящее переложить на других, и на меня в том числе.

Писем-поддержек и обращений в адрес руководства, как Центра, так и республики, по защите меня было сотни. А это – короткое письмо в мою поддержку от простых жителей.

«Совершенно открыто»:
Пленуму ЦК Компартии Таджикистана

Обращение

Прошедшие события 12, 13 и 14 февраля сего года нас не радуют, очень умело действуют экстремисты извне, воспользовавшись глупостью и неопытностью молодежи, при помощи которой им удалось совершить свои черные замыслы... Вследствие чего в нашей республике было совершено кровопролитие и братоубийство, разрушение административных зданий путем погрома и поджога. Причинение ущерба народному достоянию этими негодяями мы осуждаем... Но, наблюдая за событиями, догадываемся что в действиях экстремистов подозревается честнейший человек – тов. Каримов Б.Б. Мы очень просим правительство, чтобы с выводами не торопились. Ведь тов. Каримов Б.Б. не похож на того, на кого вы думаете. Народ тоже многое понимает и по ходу событий выясняет отношения между руководителями. Тов. Каримов Б.Б. действительно оказался в сложнейшей ситуации, однако в ней он не виновен, и не надо бояться его тени, надо доверять ему. Об этом мы вас очень просим.

26.02.1990 года. Жители поселка Нефтяников Ленинского района:

Сидоров И.В., Кутбудинов А.К., Одинаев И., Сангов Б., Ходжаев З., Солиев А., Кадиров С., Иванов Е.И., Романов А.В., Саодатов А., Ходжаев Б., Ходжаев Ш., Боронов О., Самсонов Л.И. и другие.

Все перемешалось

Нам суждено по-разному слова произносить.
А в остальном единая нас связывает нить...
Произношенье – повод ли, чтоб стали мы врагами?
Да. Для кого-то – повод, чтоб с тобой нас разделить.

Хокирох

Для полноты картины предлагаю на суд читателя краткую информацию о тех партиях, народных движениях и обществах, которые уже существовали, наряду с коммунистической партией, в Таджикистане, и тех, которые только зарождались.

«Растохез»

Народное движение «Растохез» сыграло значительную роль в оживлении политической жизни в республике, пробуждении у населения, особенно среди интеллигенции, стремления к демократии, свободе и независимости в Таджикистане.

Т. Абдуджабор

Народное движение «Растохез» было создано в Душанбе в 1989 г. Лидером его был избран экономист, некоторое время работавший в Афганистане после ввода туда войск СССР, – Тахир Абдуджабор. Он предложил название движения «Растохеза» как очевидную аналогию названию партии «Растохез-и-милли», основанной шахом Ирана в 1975 г. для уравновешивания исламского влияния в стране. Обе организации были созданы для поддержания национальной идеи, и обе уходили своими корнями в доисламское прошлое. «Растохез» даже избрал своим девизом постулат Заратустры: «Доброе слово, доброе деяние, добрый помысел».

Однако грубые действия его союзников, да и некоторых членов организации в дни февральских событий подорвали авторитет «Растохеза» и особенно его лидера Тахира Абдуджабора. Опасаясь преследования, лидер «Растохоза» долгое время, особенно после гражданской войны 1992-1994 гг., находился за пределами Таджикистана, в том числе в Бишкеке, в Кыргызстане. И, без всякого сомнения, эта личность, сыгравшая в истории Таджикистана тех лет свою роль, заслуживает уважения и почета, хотя бы после смерти.

Первый митинг «Растохез»-а

На волне дискуссий в Верховном Совете вокруг закона о национальном языке он выдвинулся на ведущую роль. Движение объединяло несколько тысяч человек в Душанбе и регионах республики.

Относительно молодая интеллигенция организации выступала против власти партийного аппарата, засилья ленинабадского клана. Но главное: они были первыми, кто выступил за укрепление политической и экономической самостоятельности Таджикистана. Они также подняли вопрос о предоставлении таджикам Узбекистана культурной автономии. Все направления их деятельности были значительными для интеллигенции республики в целом.

Руководители «Растохеза» иногда вели себя весьма решительным образом, не считаясь с тем, что население не было готово к столь радикальным переменам. Такое поведение усилило противостояние оппозиционных сил и правящей номенклатуры.

Они начали выпускать свои листовки, затем – газеты. Некоторое время они издавали свои газеты в Прибалтике, одновременно изучая их опыт борьбы за самостоятельность и освобождение. На начальном этапе их работа с массами имела вполне цивилизованный характер, хоть и чувствовалась прямолинейность руководителей организации, стремящихся к бы-

стрейшему решению серьезных и, признаюсь, весьма запутанных, проблем.

Общество раскололось

«Растохез» хотел стать движением, объединяющим прогрессивно мыслящую интеллигенцию и народные массы. К сожалению, этого не произошло по многим причинам. На начальном этапе радикальные методы борьбы за власть, равно как и изменение существующего строя, – были невозможны, по причине того, что в Центре власть была все еще сильной, а в республике не происходило настоящего объединительного процесса.

Поэтому советская партийная номенклатура по отношению к новым политическим движениям держалась жесткой линии, всячески препятствуя их деятельности.

Партия исламского возрождения

Начиная с 70-х гг., в республике время от времени происходили стычки между исламскими фундаменталистами и традиционалистами. Некоторые изменения в обрядах, похоронных ритуалах и другие нововведения без учета реалий сегодняшнего дня воспринимались населением неоднозначно. По этой причине они невольно делили себя на противоборствующие группы внутри верующих.

А. Нури

Первые ячейки партии были созданы в середине 70-х гг. Они действовали в подполье в условиях глубокой конспирации. Одним из первых лидеров в Партии исламского возрождения был Мулло Абдулло Нури.

Надо отметить, что это происходило во многих мусульманских республиках, главным образом, в Таджикистане и Узбекистане. Подобное движение существовало и в России. Вопреки всем запретам советской власти, подпольные религиозные школы существовали всегда, и многие умудрились одновременно учить своих детей и там. Это было не так просто и происходило почти подпольно. Поэтому во многих кишлаках существовали трения между местными муллами и директорами школ.

Появление движения исламского возрождения в республике связано с объективными и субъективными, внутренними и внешними факторами. При плохой жизни простых людей оно использовалось как недовольство части населения республики в целом существующим общественно-политическим строем.

При слабеющей стране и во многом ложном атеистическом воспитании, а позже – полном отсутствии идеологии, оппозиционные партии и движения взяли на вооружение религиозные постулаты, так как знали, что религия является наиболее естественной формой массового протеста в любой ситуации, тем более в условиях длительного тоталитаризма, царившего в Советском Союзе.

В 70 – 80-е гг. к тяжелым экономическим трудностям в Вахшской долине прибавилась еще и демографическая проблема. Естественный высокий прирост населения, тяжелые условия, экологические проблемы и многое другое стало мощ-

ным катализатором появления религиозного движения. Катастрофически росло число безработных, особенно среди молодежи. Положение людей было крайне тягостным, особенно для работников сельского хозяйства. Низкая оплата тяжелого труда, монотонный образ жизни увеличивали чувство неудовлетворенности и безысходности. В этих условиях, и при растущей безработице, молодежь впоследствии обращалась к исламским институтам, как во многих странах мира.

Народ, руководство и «Растохез»

Справедливости ради надо отметить, что Партия исламского возрождения Таджикистана во многом отличается от партий и движений экстремистского толка. На начальном этапе своей деятельности партия привлекала к себе внимание широких слоев трудящихся. Людей устраивали близкие и понятные им лозунги, которые выдвигали исламисты. Поэтому система обучения кадров не только в республике, но и за рубежом на начальном этапе этого процесса нашла поддержку не только у части интеллигенции, но и руководства республики, поэтому начали планово отправлять молодежь на учебу в другие мусульманские страны.

Апеллируя к региональным настроениям, Партия исламского возрождения сумела организовать широкое массовое движение. Другие же партии и движения: Демпартия Таджикистана, «Растохез» – не стали массовыми организациями и не представляли достаточно серьезную силу. Произошедшее после февраля 1990 г. объединение оппозиционных сил усилило позицию, прежде всего, Партии исламского возрождения Таджикистана. В идеологическом плане она стала доминирующей среди других оппозиционных партий и движений. Достаточно указать на де-

мократические издания – газеты «Адолат» (орган Демпартии), «Дуньё» (то же), «Чароги руз», «Сухан» (независимый орган журналистов) и др., которые стали проводниками их идей.

Религиозные лидеры конца 80-х

Х.А. Тураджонзода

Религиозными лидерами конца 80-х были в основном ишаны и муллы областных и районных масштабов. Они хорошо восприняли перестройку.

Накануне февральских событий и в дальнейшем основу религиозных сил составили именно они. В то время духовенство возглавлял Ходжи Акбар Тураджонзода, получивший религиозное образование в Иордании и пользующийся авторитетом среди многих верующих.

Со временем появились сторонники «ваххабизма». По сути, ваххабизм означал слияние политики и религии, что показали дальнейшие события в регионе.

Х.А. Тураджонзода на митинге

В советские времена был арестован и осужден мулла Абдулло Нури. Местное население осуждало ваххабитов, основываясь на традиционных взглядах в исламе и не принимая толкования фундаменталистского ислама. Советская власть в этом фундаментальном течении ислама видела опасность.

Идея возрождения религии им всячески пропагандировались и поддерживались.

Рэкетиры

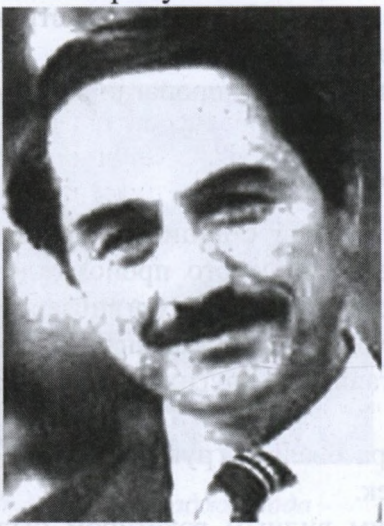
В Душанбе, в районе водонасосной станции, одной из группировок руководил осетин самаркандского происхождения Рауф Салиев. Костяк верхушки мафиозной организации Рауфа составляли, в основном, выходцы из Самарканда и частично примкнувшие к ним представители других этнических групп.

Со временем вокруг него образовалась группировка, занимавшаяся рэкетом торговых точек.

По разным сведениям, другим видным рэкетиром был кулябец Якуб Салимов, деятельность которого поддерживали и прикрывали некоторые люди из правозащитных органов республики. Говорили и писали, что незадолго до своей гибели генеральный прокурор Хувайдуллоев был тамадой на каком-то торжестве у Рауфа. Почему я начал писать о них? Потому что есть предположение, что именно Рауф и Якуб не только сыграли негативную роль в моей жизни, но и были непосредственными организаторами беспорядков, произошедших в Душанбе в феврале 1990 г.

Я же, со своей стороны, подтверждаю, что когда стоял на бронетранспортере и говорил с людьми на площади, мне передавали много записок, где находились фамилии тех, кто был арестован. И кто-то мне тогда сказал, что это люди Рауфа. Я и тогда, и по сей день не знаю, кто он такой. Эти списки я оставил у себя на столе в рабочем кабинете. Спецслужбы изъяли их из кабинета в мое отсутствие, а спустя месяц, начали меня расспрашивать о моих связях с ними. Но, я их не знал, никогда не видел, что они и подтвердили позже на допросах в прокуратуре. Незнаком я с ними и до сих пор, а Якуб, назначенный

при новой власти министром внутренних дел, однажды спас жизнь Президенту, что не помешало впоследствии посадить его в тюрьму.



С. Кенджаев

После февральских событий Рауф исчез. Потом был пойман в каком-то санатории Минздрава СССР и якобы приговорен к тюремному заключению за организацию беспорядков во время февральских событий. Но все это – только по слухам. Если бы этот факт имел место, то, наверное, власти хвалились бы, что нашли организаторов февральских событий.

Богатый человек пользуется уважением и имеет определенный статус. Одним из таких людей тогдашнего Таджикистана был министр, ставший затем премьер-министром, Абдумалик Абдуллоджанов. До февральских событий заместитель Предсовмина Г.В. Кошлаков говорил, что его боится сам «Раис» (Председатель) и что он, в сущности, вор, сделавший большое состояние на кооперативном движении.

Р.Н. Набиев

Политическая жизнь на Востоке кишит изощренными интригами и построена на беспринципности. Еще в XIX столетии эту особенность местной жизни отмечали русские специалисты по Средней Азии. Надо признать, что характерные черты политической жизни Таджикистана оправдывают подобное суждение, и причина кроется в специфических свойствах жизни на Востоке. Здесь

человек не заявляет откровенно о своих целях, а действует скрытно и хитро.

Лично меня несколько встреч с С. Кенджаевым в полной мере убедили, что он, как и Г. Паллаев, является стопроцентным политическим интриганом.

Некоторые наблюдатели в Душанбе не без основания приписывают роль дирижеров кровавой февральской трагедии 1990 г. Рахмону Набиеву и Сафарали Кенджаеву. Заручившись поддержкой С. Кенджаева, Р. Набиев решил отомстить К. Махкамову. А Рауф Салиев и Якуб Салимов помогли им в организации погромов в Душанбе в февральские дни 1990 г.

Помню, как однажды мы с Секретарем ЦК Компартии Махкамовым в его кабинете говорили о Киноконцертном зале, который в те годы был одним из самых современных зрелищных объектов и являлся несомненным украшением города. Вот тогда-то Махкамов неожиданно весьма резко отозвался о Набиеве и его желании присвоить себе заслугу его строительства. Так что версия о том, что Рахмон Набиев стоял и за организацией политического спектакля ухода Каххора Махкамова, кажется мне в значительной степени правдоподобной. Тем более, что позже Рахмон Набиев явил свои политические амбиции, начав претендовать на власть, и даже стал Президентом. Правда, весьма ненадолго.

Демократы

В подобной ситуации самым непродуктивным, как со стороны руководителей, так и со стороны оппозиции, является замалчивание истинного положения вещей, действительных событий, неудобных для сторон моментов...

Ведь именно искажение фактов провоцирует все новые и новые народные выступления. **Происходившее в феврале 1990 г. по своей сути было национально-демократическим движением.**

Кому-то выгодно не вспоминать, что движение возникло с молчаливого согласия руководителей ЦК Компартии. Уже тогда появился студенческий клуб «Ру ба ру», который сыграл весьма заметную роль в пробуждении молодежи.

Итак, в республике появились новые партии и движения, а исламская партия существовала еще раньше. После принятия Закона о государственном статусе таджикского языка общественность разделилась на группы, которые были и за и против его принятия.

Консерваторы, старые партийно-хозяйственные работники, «спящая» интеллигенция, которая имела должности и сделала себе карьеру, в т.ч. благодаря знанию русского языка, кроме того – обрусевшие таджики (смешанные семьи) – были против нововведений, не говоря о фанатиках, радикалах и экстремистах.

Передовая творческая интеллигенция, патриотически и националистически настроенные люди хотели перемен.

Известно, что общество «Растохез» («Возрождение») ставило перед собой задачу создания в республике широкого национального движения. В последние годы Советской власти такие движения появились не только в Литве, Эстонии и других республиках, но и в самой Российской Федерации. К февральским событиям, безусловно, было причастно и движение «Растохез».

В годы перестройки исламисты и некоторые представители «Растохеза» расширили свое влияние на общество. Главное – они добились открытого признания, приобрели авторитет у населения по всей республики.

На ход февральских событий повлиял религиозный фактор и местничество. Политические лозунги использовались сторонами в зависимости от обстановки. Противостояние разных сил в республике стало неизбежно.

Переселение людей из Каратегинской группы районов в Вахшскую долину многим было еще памятно. Кроме того, уровень религиозности рос как на юге, так и на севере республики.

В местах, где жили переселенцы, руководители в основном были из Ленинабадской области. Они занимали ведущее положение, как в политической, так и экономической сферах жизни южных областей. Именно северяне на протяжении многих лет существования советской власти, в основном правили республикой. Эта тенденция наблюдается в Таджикистане и в настоящее время.

Как бы там ни было, накануне февральских событий 1990 г. север республики был экономически более развитым регионом. Что касается связей представителей северных районов с Центром Российского государства, то они имеют давнюю – еще досоветского периода – предысторию. Назначение на руководящие должности по местному принципу стало неписаным правилом, отрицательно влияющим на развитие республики.

В этническом отношении страна не однородна. В Таджикистане живет много узбеков и представителей других национальностей. Все это подспудно бурлило.

Начались трения между разными кланами и группировками. Конфликтовали выходцы из памирской, кулябской и каратегинской групп районов.

А накануне февральских событий стало очевидным появление нового клана – выходцев Заравшанской долины республики. В некоторых кругах говорили об Отахоне Латифи, Максуде Икромове и тогда еще прокуроре – Сафарали Кенджаеве и некоторых других.

Справедливости ради, надо отметить, что среди представителей Заравшана было много талантливых людей: литераторов, ученых и особенно журналистов, которые работали в разных структурах СМИ, в первую очередь на телевидении, и которые имели огромное влияние на аудиторию. Что касается их лидеров, Латифи и Кенджаева, то они, к сожалению, были убиты в период гражданской войны, а Икрамов погиб при загадочных обстоятельствах вблизи Самарканда в Узбекистане. Тогда еще, в конце 80-х – начале 90-х годов, представители Заравшана могли бы достойно занимать посты во властных структурах.

На фоне появления новых движений и партий усилилась работа кланов, как внутри, так и в связке с этими новыми партиями и движениями. Партии и движения увеличивали свои ряды за счет вступления в их ряды влиятельных представителей кланов, и наоборот – кланы расширялись за счет новых представителей партий и движений. И, конечно, все это смешалось, усиливая противоречия в обществе, и хлынуло в дни февральских событий как страшная снежная лавина, зарождающаяся высоко в горах.

Протокол об отставке руководства

Вырвали из рук богатство, взяли.
Нашу кровь из нас повыпивали.
В нашу дверь опять стучат чужие...
Господи! Нас слышишь ли в печали?
Хокирох

Справедливости ради, хочу отметить, что Протокол об отставке руководства республики принимался под натиском митингующих масс в критической ситуации, которая создалась 14 февраля 1990 года в г. Душанбе. Хочу остановиться на некоторых особенностях и неизвестных сторонах данного Протокола.

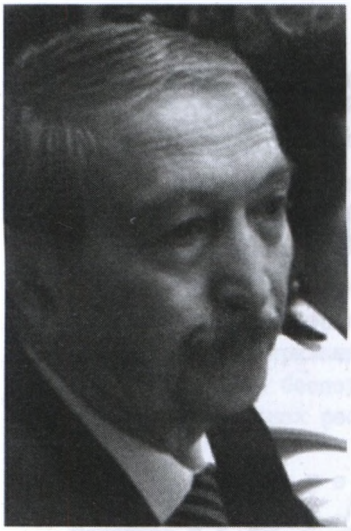
Протокол был подписан в двух экземплярах – на русском и на таджикском языках. Оба экземпляра до сих пор находятся у меня, Каримова Б.Б., – в то время Председателя Временного народного комитета или, как его тогда называли, «Комитета-17». Теперь перейдем к сути и обратим внимание на некоторые обстоятельства, которые проливают свет на темные и неизвестные стороны подготовки Протокола и его подписания.

Необходимо отметить, что:

1. Варианты протоколов на русском и таджикском языках напечатаны не только на разных машинках, но и на разной бумаге. Почему-то вариант протокола на таджикском языке – на бледно-желтой, старой бумаге (как напоминание о том, что таджикский язык – не в чести и является не главным). Но, как говорится, это второстепенный вопрос, говорящий всего лишь о внешнем виде протокола.

2. Перевод названия Протокола с таджикского на русский – неверный (смысл искажен сознательно, или же это говорит о том, что на самом деле работники ЦК плохо знали свой родной язык).

3. Протокол на таджикском языке подписан Хаёевым, а в русском варианте – его подпись отсутствует. Надо заметить, что он его подписал из всей «тройки» – последним.



М. Бахти

После долгих раздумий, ривая сигарету за сигаретой, первым подписал протокол Махкамов, вторым – Паллаев.

В русском варианте протокола Хаёев написан как «Хаёев И.», а другие руководители – Махкамов и Паллаев – со всеми инициалами полностью: «Махкамов К.М.» и «Паллаев Г.П.» (см. Протокол).

4. Фамилия Каримова Б.Б. – по какой-то причине, в таджикском варианте оказалась на 20 месте с искаженным вариантом имени: «Каримов Бачабек» (а не «Каримов Бури»), а в русском варианте Протокола – вообще не попала в список. Моя фамилия впечатана сверху, он указан как Председатель, и добавлено сокращение «т.» (товарищ) в единственном числе (т.е. получается, что Махкамов К.М., Паллаев Г.П., Хаёев И.Х. и другие члены Комитета не являются товарищами, в отличие от меня).

Б. Собир

5. Из Протоколов, как на таджикском, так и на русском языках, видно, что фамилии Махкамова К.М. и Мехмона Бахти набраны на машинке на одном уровне, а фамилия Каримова – как в русском варианте, так и в таджикском, – оказалась не напротив фамилий руководителей республики (в русском варианте – наверху, где подписи сторон, и выше, чем фамилии Махкамова К.М. и Мехмона Бахти, а в таджикском варианте – последним в списке (20), где подписи, в самом низу, с искаженным именем).

П Р О Т О К О Л

совместного заседания руководства республики с народным комитетом, избранным митингующим народом от I4 февраля I990 г.

ПРИСУТСТВУЮТ т.т.Махкамов К.М., Хаёев И., Паллаев Г.П.

и все представители комитета:

Председатель - т.Каримов Б.Б.

I. Мехмон Бахти
2. Хомидов Халифабобо
3. Мадалиев Ахмад
4. Имомназаров Мирзоназар
5. Мухаммад Абдулхохи
6. Хабибулоев Хамидулло
7. Заробеков Олим
8. Саидов Боир
9. Холиков Абдукодир
I0. Назари Мусозода
II. Бозор Собир
I2. Мирбобо Мирахим
I3. Тохир Абдуджабор
I4. Бобоев Косим
I5. Боев Азаматуло
I6. Мастонзод Сафар
I7. Аскар Хаким
I8. Ибодулоева Мавджигул
I9. Файзулоев Хадиятуло

П о с т а н о в и л и :

I. Учитывая острую критическую ситуацию, создавшуюся в последние дни в городе Душанбе и во избежание дальнейшего кровопролития, мы решили подать в отставку в соответствии с существующими законами:

I. Махкамов К.М.
2. Паллаев Г.П.
3. Хаёев И.Х.

2. Дни I5, I6, I7 февраля I990 года объявить днями траура по всей республике.

3. Небольшой контингент из Советской Армии и внутренних войск использовать для охраны важнейших государственных объектов народного хозяйства города.

4. Представители комитета со своей стороны содействуют прекращению всех несанкционированных шествий и митингов, демонстраций и приложат все силы для немедленного прекращения любого рода беспорядков на территории города Душанбе и в других районах республики.

С т о р о н ы:

Махкамов К.М.
Паллаев Г.П.
Хаёев И.

Каримов Б.Б.
Мехмон Бахти
Хамидов Халифабобо
Мадалиев Ахмад
Имомназаров Мирзоназар
Мухамад Абдулхохи
Хабибулоев Хамидуло
Заробеков Олим
Саидов Боир
Холиков Абдукодир
Назари Мусозода
Бозор Собир
Мирбобо Мирахим
Тохир Абдуджабор
Бобоев Косим
Боев Азаматуло
Мастонзод Сафар
Аскар Хаким
Ибодулоева Маджигул
Файзулоев Хидоятулло

ПРОТОКОЛИ

машварати байнитарафайни роҳбарияти ҷумҳурӣ ва созмони мардумӣ аз 14.02.1990 ш.. Душанбе бо

ИШТИРОК МЕКУНАНД:

рафиқон Маҳкамов К.М., Ҳаёев И.Х. ва Паллаев Р.П.

ва ҳамаи аъзоёни созмони мардумӣ:

1. Меҳмон Бахтӣ
2. Ҳамидов Халифабобо
3. Мадалиев Аҳмад
4. Имоминазаров Мирзоназар
5. Муҳаммад Абдулхоҳӣ
6. Ҳабибуллоев Ҳамидулло
7. Заробеков Олим
8. Саидов Бобир
9. Холиков Абдуқодир
10. Назари Мӯсозода
11. Бозор Собир
12. Мирбобо Миррахим
13. Тоҳири Абдуҷаббор
14. Бобоев Ҳасим
15. Боев Азаматулло
16. Мастонзод Сафар
17. Аскар Ҳаким
18. Ибодуллоева Мавҷигул
19. Файзуллоев Ҳидоятулло
20. Каримов Бачабек – раис

Қарор қабул шуд:

1. Вазъияти нихоят шадид ва тезутунди дар шаҳри Душанбе ба миёномадаро ба назар гирифта, барои пешгирӣ кардани хунрезихо ва ҳалати фавқуллодда мо ба хулосае омадем, ки аз рӯи қонуни конституционӣ истиъфо диҳем:
   1. Маҳкамов К.М.
   2. Паллаев Р.П.
   3. Ҳаёев И.Х.

2. Рӯзҳои 15,16 ва 17 феврали соли 1990 дар тамоми ҷумҳурӣ рӯзҳои мотам эълон карда шавад.

3. Гурӯҳи маҳдуди Армияи Советӣ ва Вазорати корҳои дохилии барои ҳифзу амнияти ҷойҳои муҳиммии давлатӣ ва хоҷагии истифода бурда шавад.

4. Намояндагони созмони мардумӣ аз ҷониби худ барои бас шудани раҳпаймоӣ, ҷамъомад ва тазоҳурот ёрӣ мерасонанд. ва ҳамаи кувваро барои бартараф кардани ҳама гуна бетартибиҳо дар ҳудуди шаҳри Душанбе ва дигар ноҳияҳои тобеи ҷумҳурӣ сарф мекунанд.

ИМЗОҲОИ ТАРАФАЙН:

Маҳкамов К.М. Мехмон Бахти

Паллаев Ғ.П. Ҳамидов Халифабобо

Ҳаёев И.Х. Мадалиев Аҳмад

Имомназаров Мирзоназар

Муҳаммад Абдулхоҳ

Ҳабибуллоев Ҳамидулло

Заробеков Олим

Саидов Боир

Холикрв Абдукодир

Назари Мусозода

Бозор Собир

Мирбобо Миррахим

Тоҳири Абдуҷаббор

Бобоев Карим

Боев Азаматулло

Мастонзод Сафар

Аскар Ҳаким

Ибодуллоева Мавҷигул

Файзуллоев Ҳидоятулло

Каримов Бачабек

6. Несоответствия, приведенные выше, не только наталкивают на мысль, но и доказывают, что Бури Каримов не был заранее ни в этом списке, ни в списке «Комитета – 17», а самое главное – список, который зачитали на площади и по которому составляли Протокол об отставке руководства, сделан был без его ведома, в его отсутствие другими людьми. Что подтверждается не только оформлением данного Протокола, но и ходом событий в целом.

7. Во избежание дальнейшего кровопролития и для продолжения ведения переговоров на площади – митингующими был избран Комитет из 17 человек, который назывался, как в народе, так и среди руководителей, – «Комитет-17», хотя в Протоколе, подписанном сторонами, от Комитета числится 20 человек (см. Протокол). Это подтверждение того, что власти в него включили своих нужных представителей.

8. От членов Комитета в Протоколах, как в русском, так и таджикском вариантах, вообще отсутствуют подписи Аскара Хакимова, Косыма Бобоева и Тохира Абдуджабора. Русский вариант подписан Бозором Собиром и Хомидовым Халифабобо, таджикский же – ими не подписан.

9. Протокол не был подписан Аскаром Хакимовым, Косимом Бобоевым и Тохиром Абдуджабором. С чем это связано – с их нежеланием подписать Протокол или с их отсутствием на момент подписания? Это требует уточнения. По словам Тохира Абдуджабора, его не было в городе, но отсутствие под Протоколом подписи Аскара Хакимова было связано с тем, что он не хотел ухода руководителей, тем более что и сам занимал высокое положение и должность.

10. Первым в списке стоит фамилия Мехмона Бахти, который в русском варианте расписался дважды, и за меня тоже. Видимо, не ожидая, что на горизонте появится Каримов Б.Б., и его фамилию соответствующие заинтересованные лица «втиснут» в Протокол об отставке, – в одном месте сверху списка, в другом – снизу (см. Протокол).

11. В таджикском варианте Протокола слово «раис» набрано позже. До этого было написано что-то другое, напротив других фамилий – обозначение должностей отсутствует (см. Протокол).

12. Из 20 человек, которые числились в Комитете на день подписания, я был ранее знаком с Аскаром Хакимовым, Тохиром Абдуджабором и Мехмоном Бахти, встречался с ними несколько раз по разным случаям. С остальными 17-тью – после моего избрания Председателем «Комитета –17» и то – именно во время работы в Комитете в течение 2-3 дней и не более.

13. Из 20 человек, со многими из которых я познакомился во время работы в «Комитете –17», до сих пор не знаю, кто такие Файзуллоев Хидоятулло., Бобоев Косым, Саидов Боир, Хабибуллоев Хамидулло, Мухаммад Абдулхохи, Имомназаров Мирзоназар и Мадалиев Ахмад. И по сей день, по прошествии 25 лет, не знал и не знаю вообще этих людей.

14. Что же касается Ибодуллоевой Мавджигул, Мастонзода Сафара, Боева Азаматулло, Заробекова Олима и нескольких других – то подробности их биографий стали мне известны значительно позже. Помню, что один из членов Комитета задавал вопрос, как ему быть, поскольку его ФИО в Протоколе не настоящее. Это был, кажется, Мухаммад Абдулхохи.

15. Тогда же я вычислил Ибодуллоеву Мавджигул и утвердился в своих подозрениях на ее счет как о представителе КГБ. Может, еще кто-то из этого списка был представителем спецслужб или креатурой какого-то руководителя – сие мне неведомо.

16. Что касается активности членов Комитета в те дни, то она была, конечно же, весьма различной. Некоторые, самые активные на начальном этапе работы Комитета, ушли в тень, едва запахло жареным, как только в город ввели войска. И уж тем более, когда руководители решили удержаться на своих постах, максимально используя приезд Бориса Пуго, а деятельность членов пленума перенаправили с хода обсуждения главного вопроса – на второстепенный, занявшись поиском «виноватых».

17. При пристальном взгляде на подписи и варианты Протокола на русском и таджикском языках бросается в глаза, что напротив нескольких фамилий подписи выполнены разными чернилами и выглядят поддельными. Как минимум, это тоже должно было стать материалом для дополнительных размышлений и анализа.

18. Многие члены «Комитета – 17», а также руководство клуба «Ру ба Ру» и «Растохеза» (Миррахимов М. и др.) вынуждены были писать и говорить, что, действительно, Каримов Б.Б. не являлся членом их организаций (они сделали это во время работы пленумов и после, что соответствовало фактическому положению дел).

19. Каримов Б.Б. вышел к митингующим по просьбе членов ЦК Компартии Таджикистана и после личного разрешения Махкамова К.М.

20. Набор текстов Протокола на русском и на таджикском языках в целом, а также внесение дополнительных фамилий (троих новых членов) в Протокол были сделаны без ведома Каримова Б.Б. и в его отсутствие.

21. Каримов Б.Б. подписал Протокол после того, как его подписали все трое руководителей и многие члены Временного народного комитета (он обратил внимание, что его фамилия в Протоколе на русском и таджикском языках находится в разных местах, и указал на это несоответствие, но обстановка была настолько накалена, что не было возможности переделывать Протокол, поэтому он его и подписал).

«Совершенно открыто»:

Отставка «триумвирата» была всего лишь тактическим ходом, сделанным для успокоения населения. Впоследствии, умолчав о своем малодушии, все трое свалили всю ответственность на Каримова...

М. Лацман,
«Независимая газета». Москва. 20.07.1990

Суммируя вышеперечисленные обстоятельства, связанные с подписанием Протокола, я пришел к выводу, что не только «тройка», но и некоторые члены Комитета вели двойную игру. Наверняка кто-то из них или даже несколько человек являлись инициаторами подготовки списка, который заранее был где-то напечатан, а вечером 13 февраля передан мне в руки во время митинга из толпы, чтобы я произнес их фамилии во время своей импровизированной речи на бронетранспортере.

Как видно из текста Протокола, он не был подписан всеми членами Временного народного комитета. Среди них оказался и Председатель Союза Писателей Таджикистана – Аскар Хаким. Причина неподписания, на мой взгляд, заключается в том, что такие люди всегда смотрят, куда качнется чаша весов, на чьей стороне полезнее оказаться, встать ли им на сторону народа или лучше остаться с руководителями? Хотя всем своим видом выражают людям свое сочувствие.

«Махкамова – в отставку!..»

«Совершенно серьезно»:

...Прокуратура Союза и республики полностью доказала его невиновность. В последующие заседания Верховного Совета ряд депутатов много раз говорили о невиновности Бури Каримова...

Раз Бури Каримов не виновен, то тогда должна победить правда. Мы, представители культуры и литературы, настоятельно требуем как можно быстрее исправить эту ошибку, отменить решение Президиума Верховного Совета в отношении Бури Каримова.

(Из письма представителей культуры в адрес Верховного Совета республики)

Почему я говорю об этом? Потому что 14 февраля 1990 года, когда представители Временного народного комитета и

«Растохеза», под руководством Мирбобо Миррахимова, подготовили письменный протест в связи с невыполнением требований Временного комитета, за исключением одного пункта (освобождение нескольких человек во время митинга), было выдвинуто требование об отставке Махкамова и следующих членов Правительства: Петкеля, Михайлина, Веселкова, Дадабаева, Д. Каримова, Паллаева, Хаёева, Кошлакова, Олимова, Навджуванова, Джураева, Усманова, Мирхоликова и др. Они жаждали наказать людей, открывших стрельбу по безоружным людям, требовали отменить комендантский час.

В связи с этими обстоятельствами они заявили, что не берут на себя ответственность за дальнейшую эскалацию обстановки, если не будут выполнены их требования. Письмо было подписано и представлено руководителю республики Каххору Махкамову.

«Совершенно серьезно»:

Бури Каримов появился на танке, митингующие его очень хорошо встречали и долго аплодировали. ...Б.Каримов умолял, чтобы все вопросы написали, отдали ему и разошлись по домам. «Всё, что вы просите, я передам высшим руководителям Таджикистана. Уверен, что все ваши пожелания будут удовлетворены».

...Люди настоятельно требовали, чтобы Бури Каримов возглавил народный комитет.

...К.Махкамов, который был мастером интриги, несмотря на свою просьбу к Каримову и его согласие выйти к митингующим, вину возложил на Бури Каримова.

Х. Насриддинов,
бывший секретарь ЦК Компартии Таджикистана,
министр и депутат. «Таркиш», Душанбе, 1996

Вот что пишет об этом сам инициатор документа Мирбобо Миррахимов (газета «Адолат» («Справедливость»): «13.02.1990 года в 18.45 часов произошло историческое событие: на площади перед зданием ЦК Компартии Таджикистана был создан народный комитет.

Никто не мог представить себе, что в условиях объявленного комендантского часа появится возможность проведения переговоров между народным комитетом и руководством страны. Тогда мы зашли в первый этаж здания ЦК, который примыкает к чайхане «Рахат». Советских солдат было больше, чем волос на голове. Все проходы и коридоры были заполнены ими. И они смотрели на нас предвзято и с желанием расправиться с нами…

«Силовики» в коридорах Госплана. Душанбе. 1990 г.

Члены Временного комитета не имели никакого опыта политической борьбы. Главной своей целью они видели стабилизацию ситуации и прекращение кровопролития, направляли свои усилия на то, чтобы успокоить людей. Понятно, что они, увлеченные этим, могли ошибиться в истинных целях руководства. Основным для них было обещание Махкамова. Если 13 февраля 1990 года Махкамов на площади при ЦК Компартии дал слово митингующим, что уйдет в отставку, то утром 14 февраля 1990 года уже отрицал свою отставку и на пленуме вел себя хитро. В итоге он так и остался на своей должности».

Мирбобо Миррахимов как один из основных участников событий тех дней чуть позже пишет, что:

«Совершенно секретно»:

Более того, так как Б.К. Пуго просил, чтобы его фамилия не была упомянута в этом документе, протокол совместного заседания руководства республики с народным комитетом был отредактирован самим К. Махкамовым и отпечатан в ЦК. И никто их не заставлял, чтобы они его собственноручно подписали.

Мирбобо Миррахимов

Мирбобо Миррахимов

Как один из активных членов Временного народного комитета, он подробно описал процесс подписания Протокола об отставке руководством Республики.

При этом он отмечает, что на переговорах И.Х. Хаёев отсутствовал и лишь около 18.30 14-го февраля пришел в ЦК.

«Совершенно серьезно»:

«Почему без меня решили мою судьбу?».

И.Х. Хаёев

Конечно, никто тогда, кроме него самого, не решал его судьбу. Он тогда не хотел уходить в отставку, но, тем не менее, подписал Протокол об отставке, а потом занялся интригами на пленуме. И то, что проливалась невинная кровь, и он, являясь, как и двое других, руководителем республики, за все в ответе – было забыто. Поэтому ему и другим руководителям задавали вопросы:

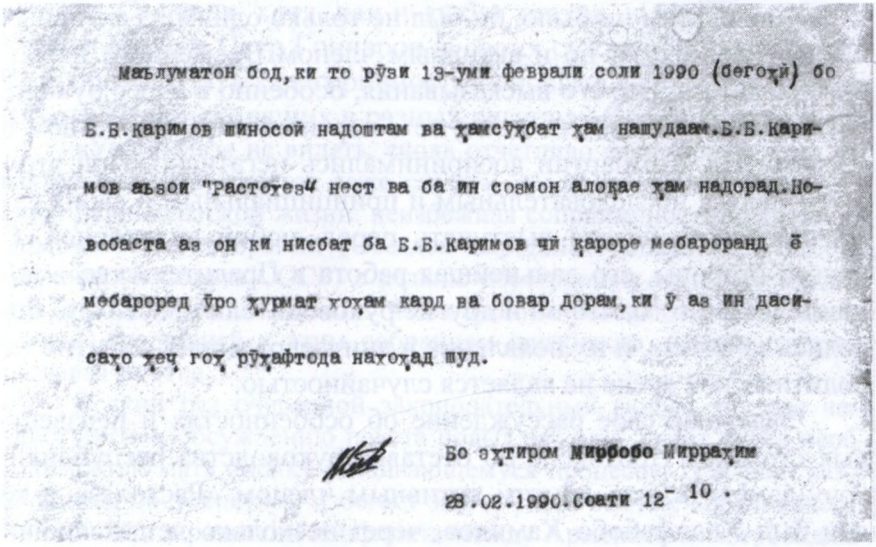
«Совершенно серьезно»:

«Хочется задать вопрос, кто все-таки дал приказ стрелять в безоружных людей? Во имя исторической истины необходимо поименно назвать тех, кто отдал

приказ стрелять, и привести поименный список всех погибших. Если сегодня мы знаем имена всех солдат из Таджикистана, погибших на афганской земле, то тем более о трагических событиях 12 – 14 февраля необходимо рассказать всю правду».

Мирбобо Миррахимов

Миррахимов, увидев во время пленумов ЦК нападок партийных функционеров на меня, которым казалось, что я тоже член «Растохеза», написал письменно, что таковым я не являюсь.



Маълуматон бод, ки то рӯзи 13-уми феврали соли 1990 (бегоҳӣ) бо Б.Б.Каримов шиносой надоштам ва ҳамсӯҳбат ҳам нашудаам. Б.Б.Каримов аъзои "Растохез" нест ва ба ин созмон алоқае ҳам надорад. Новобаста аз он ки нисбат ба Б.Б.Каримов чӣ қароре мебароранд ё мебароред ӯро ҳурмат хоҳам кард ва бовар дорам, ки ӯ аз ин дасисаҳо ҳеҷ гоҳ рӯҳафтода нахоҳад шуд.

Бо эҳтиром Мирбобо Миррахим

28.02.1990. Соати 12- 10 .

Письмо-подтверждение, что Бури Каримов не является членом Растохеза

Кстати, Мирбобо Миррахимов был заместителем председателя движения «Растохез». В свое время защитил кандидатскую диссертацию о празднике, известном на Востоке, как Навруз. Это старинная зороастрийская традиция празднования Нового года. Именно он при поддержке большой группы таджикской интеллигенции добился того, что Верховный Совет провозгласил Навруз официальным нерабочим днем в Респуб-

лике и в его праздновании в дальнейшем принимали участие крупные партийные и правительственные чиновники. Мирбобо Миррахимов выступал против экстремизма и атеистической пропаганды.

После февральских событий через некоторое время после смены руководства в стране он был назначен руководителем телерадиокомпании в республике. На этом посту он проявил себя как проирански настроенный руководитель, впервые начал показывать «Новости» Ирана и некоторые другие программы по республиканскому телевидению. Хотя это продолжалось недолго, а в годы гражданской войны 1992-1997 гг. в Таджикистане – он и вовсе эмигрировал в Иран.

Как бы там ни было, он был не только одним из активных членов «Растохез», но и активным членом Временного народного комитета. Все его высказывания, особенно в адрес руководства, и выступление на пленуме – партийным руководством и членами ЦК Компартии воспринимались негативно. При этом он оставался последовательным и принципиальным в своих суждениях и не боялся выступать перед любой аудиторией. С другой стороны, его дальнейшая работа в Правительстве – доказательство того, что он и другие руководители «Растохез» боролись за власть, и их появление в дни февральских событий на политической арене не является случайностью.

Завершая свое рассуждение об особенностях и неизвестных сторонах Протокола об отставке руководства республики, хочу заметить, что другим активным членом «Растохез» в те дни был Халифабобо Хамидов, через несколько лет занявший пост министра юстиции Таджикистана. Это является доказательством того, что среди представителей движения «Растохез» были вполне уважаемые люди и достойные представители таджикского народа. Но, с другой стороны, некоторые из членов Временного народного комитета не были столь активными после февральской трагедии. Мягко говоря, иные в те дни предпочитали отмалчиваться, находясь в тени, или же выбирали выжидательную позицию, ожидая, чем все это закончится.

«Вспышка в горах»

Жаль таджика – он с печалью слился,
Был богат, а нынче разорился...
С Крыши Мира, где ему сидеть бы,
Он упал на землю и разбился.

Хокирох

Статья под названием «Вспышка в горах» в газете «Новое время» № 9 за 1990 г. ***раскрыла происходящие в городе Душанбе события. В этой статье хорошо подан геополитический контекст событий, происходящих в целом в стране Советов***, хотя, как и любая статья, и авторы, в т.ч. и Ксения Мяло и Петр Гончаров, в своих суждениях были порой категоричны. Эта категоричность основывалась на их анализе событий, происходящих в разных регионах Советского Союза:

«Уже нельзя не видеть, сколь отчетливо оформилась одна характерная черта, хочется даже сказать, традиция нашей, еще столь юной парламентской жизни: неизбежная сопряженность важнейших парламентских собраний (Съездов народных депутатов и сессий Верховного Совета СССР) с резким обострением того, что мы все еще продолжаем называть «межнациональными конфликтами». Словно прелюдией к этим собраниям неизбежно должна служить кровавая жертва...

Всякий раз очередной законодательный форум, прежде чем приступить к обсуждению пакета новых законов, стоит перед необходимостью дать оценку развивающемуся процессу. И всякий раз с завидным постоянством избегает этого. Так и сейчас: новый качественный этап в развитии конфликта между Арменией и Азербайджаном, сопровождаемый *внезапным объявлением чрезвычайного положения в Таджикистане,* стал фоном, на котором произошло открытие третьей сессии Верховного Совета СССР.

И если в первый же день ее работы снова прозвучало напоминание о приведшем к столь трагическим последствиям замалчивании Сумгаита и изгнании азербайджанских беженцев, то *реально здесь и теперь происходящие события, а именно положение в Душанбе, снова остались за кадром, за пределами внимания сессии.* Это нашло отражение в повестке дня с ее формулировкой «ситуация в Армении и Азербайджане», *как если бы «ситуации в Таджикистане» и других регионах страны не существовало вовсе.*

Суждение, думается нам, симптоматичное. Установка «не драматизировать ситуацию», «не паниковать» обернулась тем что, пытаясь сформировать в общественном сознании оценки разворачивающегося процесса как цепи «случайных» и «частных» событий, законодатели сами стали ее заложниками. Между тем каждую болезнь, прежде чем ее лечить, нужно назвать по имени, и *в политическом процессе точность диагноза имеет значение не меньшее, чем в медицине, ибо речь идет о здоровье страны, жизни тысяч людей и будущих взаимоотношениях народов в нескольких поколениях.* Кроме того, нельзя не понимать, что этот «набор случайных событий» формирует завтрашнюю, впрочем, уже сегодняшнюю геополитическую обстановку на одной шестой части земного шара, и снова мы говорим – в который раз! – о том, *что замалчивание событий, запоздалая и неточная информация о них, по сути дела, делают граждан СССР все более беззащитными перед лицом насилия.*

Однако никогда еще подобное замалчивание, даже если вспомнить начало процесса (Сумгаит и поток беженцев), не было столь очевидным, хочется сказать – нарочитым, как сейчас, в ходе событий в Таджикистане. Газеты практически не помещают ничего, кроме кратких сообщений ТАСС, весьма неопределенна статистика пострадавших. Однако олимпийская фраза «обстановка стабилизируется» уже замелькала на страницах печати. (Зато краткие сообщения ТАСС и заказные статьи, санкционированные спецслужбами, – были. – Прим. автора).

Но если это так, то как следует понимать краткое сообщение в «Правде» о переброске в район конфликта подразделений Туркестанского военного округа? На каком уровне принято такое решение и кто будет в случае неблагоприятного развития событий нести за него ответственность, когда все еще отсутствуют четкие правовые нормы использования вооруженных сил в подобных ситуациях? Кто будет успокаивать население, уже глубоко травмированное, как показал «бабий бунт» в южных регионах РСФСР, участием вооруженных сил в межнациональных конфликтах? И разве общество не имеет права знать, куда и зачем перебрасываются курсанты теперь уже первого года обучения – вчерашние школьники, которых встречают бутылками с серной кислотой?

Думается, вряд ли кого-нибудь могут сейчас удовлетворить стандартные формулировки: «хулиганствующие элементы» и «экстремистские группировки». Они отнюдь не соответствуют ни масштабам осуществляемых операций, ни характеру разворачивающихся событий. И чем скорее это будет понято, тем лучше. В одной из своих статей мы определяли государственно-административную

структуру, сложившуюся в среднеазиатских республиках в предшествующие десятилетия как партийно-феодальную (что, разумеется, переключало функционирование в этой структуре субъективно честных и социально ориентированных личностей). Как правило, подобные структуры основываются на клановом принципе властных отношений, и политическая борьба в той мере, в какой она имела место до сих пор, также происходила почти исключительно по форме борьбы кланов.

Опираясь на уже сообщенную прессой информацию, более подробное рассмотрение которой поручено созданной внеочередным пленумом ЦК Компартии Таджикистана комиссии, было бы соблазнительно и сейчас остановиться на этой версии. Однако ход развития событий в Таджикистане, их своеобразие, резко выделяющее их даже на фоне летнего кризиса в Фергане или только что потрясших страну столкновений в Закавказье, говорят о другом: о том, *что в процесс вступили новые политические силы. Именно попытка их местного самоутверждения и была предпринята здесь, где они впервые выступили не как косвенный, а как прямой и едва ли не единственный организатор процесса. Жесткости этой организации не может скрыть внешняя анархичность событий, с их уже традиционной ударной силой в виде отрядов маргинализированной, опьяненной наркотиками молодежи.* Важная деталь: сами участники этих отрядов не скрывали того, что подчиняются неким полулегальным молодежным организациям.

Есть данные, свидетельствующие и *о большой роли в формировании процесса представителей народных фронтов Прибалтики и Азербайджана, что также не позволяет говорить о его «стихийности».* Характер приемов устрашения населения в Душанбе, где впервые осуществился переход от, пусть и массовых, актов насилия в отношении отдельных граждан к террористическим актам в отношении социальных объектов (поджог роддома, целенаправленные атаки на кареты «скорой помощи»), уже сам по себе свидетельствует о той цели, инструментом которой должно было служить это устрашение: социальный паралич населения и всех структур власти, делающий ее легкой добычей беспощадного победителя.

Однако включился новый фактор. Само по себе географическое положение Душанбе, исключающее какую-либо возможность массированного исхода населения, попавшего под пресс организованного террора, вынудило представителей всех национальных меньшинств, равно как и коренного населения, не поддерживающего этот террор, объединить свои усилия в целях самозащиты.

Возникли отряды самообороны: и опять-таки впервые в короткой, но динамичной истории националистического терроризма в СССР гражданское население попыталось защитить себя само, объединяя свои усилия не по национальному, а *по социально-политическому признаку.* Тем самым, однако, была обнажена и социально-политическая, отнюдь не национальная, подоплека конфликта. Тем более резко, что если в других регионах в процесс оказывались включенными разнообразные движения в поддержку перестройки, за национально-культурное возрождение, усложняя картину и придавая кризису вид структурного (то есть кризиса отдельных уровней и звеньев управления), то *в Таджикистане все промежуточные этапы оказались опущенными, и кризис сразу заявил о себе как режимный (кризис системы как целого).*

Процесс же сразу, без всяких идеологических прикрытий, обнажено предстал как политический. Это нашло отражение и в общей психологической атмосфере, индикатором которой являются слухи: с первого дня в Душанбе стали говорить о приходе из Афганистана дивизии муджахеддинов, которая «уничтожит Советы».

С переходом кризиса в латентную форму при практическом сохранении структуры террористических групп, растворившихся в горном массиве, нарастает активность эмиссаров из Таджикистана и Азербайджана в небольших городах и поселках Узбекистана, особенно вокруг Ташкента. Нестабильна ситуация вокруг Фрунзе, а потому с высокой долей вероятности можно ожидать и здесь нового витка террора и насилия. Процесс в подобных масштабах и с такой скоростью приобретает черты прямой связи с геополитическими процессами Среднего Востока и Восточной Европы. Однако, если в Восточной Европе крушение прежних политических режимов привело к возвращению государств Европы на национальные позиции в межгосударственной политике (что ставит под сомнение идею «общеевропейского дома» – не зря часть прессы заговорила о возвращении к ситуации 1914 года), то разворачивание режимных кризисов в регионах СССР, примыкающих к Среднему Востоку и Малой Азии (Афганистан, Иран, Ирак, Турция), ведет к идее «общемусульманского» или «общетюркского» дома. Разве Европа – единственное историко-культурное целое, которое может заявить права на возрождение и развитие? Разумеется, нет, и, выпадая из одного структурного целого, элементы этого целого ищут для себя новую объединяющую структуру, каковой для народов среднеазиатских республик, естественно, выступает ее транснациональный и трансгосударственный мир общемусульманской культуры.

Естественно также, что при подобном развитии событий остающаяся часть распадающейся геополитической системы не сможет существовать без внешнеполитических гарантов, единственным весомым из которых являются при таком сценарии событий США.

Подобная перспектива в условиях, когда процесс восстановления национальных суверенитетов в формах этнократии зашел так далеко, сверхактуальным становится вопрос о детальном восстановлении полного суверенитета РСФСР. Ибо только он может обеспечить равноправные, равносуверенные отношения остающихся в Союзе республик и народов, как с выходящими из СССР народами и республиками, так и с другими участниками геополитического процесса.

Разумеется, о такой возможности развития политического сценария думают и режиссеры процесса разгосударствления СССР. Вероятно, надо прямо сказать, что от желанной цели их отделяют лишь два этапа: создание конфликтного поля между традиционно дружественными славянскими народами (Украина, Белоруссия, Россия), первые шаги к чему уже сделаны, и перенесение межнациональных конфликтов в отношения между народами РСФСР с развитием их в серию режимных кризисов. *Эта цель реализуется подталкиванием малочисленных или занимающих небольшие территории этносов к созданию в РСФСР возможно большего количества «суверенных» государств в роли сырьеобеспечивающих придатков.*

Рассматриваемые в таком контексте и под таким углом зрения – как часть общемирового геополитического процесса – *события в Таджикистане могут оказаться опасной* ступенью *к достижению этой глобальной и вполне транснациональной цели.*

«Совершенно открыто»:

И поэтому Центром (в том числе и его представителем Борисом Пуго) принимались очень жесткие меры по отношению к происходящим событиям в Таджикистане. Центр боялся именно возможности появления большого количества «серьезных» государств и опасность этой глобальной цели врагов СССР.

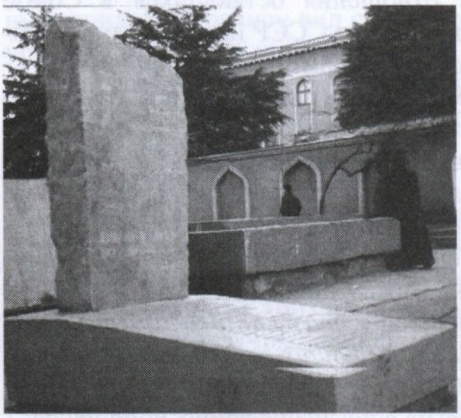
К. Мяло, П.Гончаров

«Новое время» №9, г. Москва, 1990 г.

Камень памяти

Бахман наступает – и сердце опять болит.
Оно от гнева и боли опять и опять болит...
Скорблю о сиротах, оставшихся без отцов.
От горького плача «Дитя мое» сердце болит.

Хокирох



Камень памяти жертв февральских событий, 1990 г.

В память о жертвах февральских событий возле знаменитой чайханы «Рохат» в центре Душанбе, рядом со зданием ЦК Компартии Таджикистана, был установлен постамент – Камень памяти. Последний раз к нему возложили цветы через два года после событий – 12 февраля 1992 года. За исключением родных, близких и друзей погибших, почти все забыли о жертвах февральских событиях 1990 года. Исчез и Камень памяти…

Но февральские события 1990 года в Душанбе и без этого молчаливого напоминания останутся в истории Таджикистана черной страницей. Как могло случиться, что до сих пор не названы виновники произошедшего?!. Власти стараются о феврале 1990 года молчать, вообще не вспоминать.

«Совершенно открыто»:

Кровавая мельница в Таджикистане начала крутиться с 1990 года, когда 12 февраля на площади у здания ЦК компартии республики был открыт огонь по безоружным митингующим. Сейчас уже не разобраться в том, какими таинственными силами был организован этот митинг, но то, что вначале он был сугубо мирным, а не «сборищем экстремистов», как позже именовало его перепуганное руководство Таджикистана, не вызывает сомнений. Возбужденные слухами о передаче не-

скольких новостроек армянским беженцам, митингующие говорили о нищете народа и роскошной жизни высших чинов. Здание ЦК было оцеплено бронетехникой и вооруженными подразделениями МВД и КГБ. У руководителей республики не выдержали нервы, и был отдан приказ открыть огонь. После первой крови центр города превратился в ад: начались погромы и поджоги киосков, магазинов, транспорта. Еще два дня, несмотря на введенное чрезвычайное положение и комендантский час, в центре Душанбе бурлили митинги. А снайперы, засевшие на верхних этажах здания ЦК, «работали» исправно: за три дня от пуль «неизвестных лиц» погибли 25 и были ранены около 500 человек.

С. Киям
«Экспресс-хроника» 1996 г., Москва

«Тюльпаны, тюльпаны...»

Перед зданием ЦК Компартии Таджикистана, по иронии судьбы, армянскими мастерами из гранита были высечены тюльпаны. Они и сегодня украшают площадь перед зданием правительства. А луковицы живых тюльпанов были высажены в почву перед февральскими событиями и успели дать первые ростки. Вышло так, что кровь невинных людей залила не толь-

ко гранитные цветы, но и свежие ростки – символ новой жизни. Потрясенный гибелью молодых людей, я написал тогда стихотворение.

Тюльпаны

О, багровые, красные тюльпаны, тюльпаны,
тюльпаны!
Вы – как память о жертвах кровавой Отчизны, –
тюльпаны.
Проросли из-под снега – из крови пречистой и юной,
Точно знак угнетателям –
от ушедших навеки, тюльпаны.

О, багровые, красные тюльпаны, тюльпаны,
тюльпаны!
Вы, как саван кровавый для юности,
рвете нам сердце, тюльпаны.
Ты, таджик и на родине, в доме своем -
как бездомный...
Убивает нас боль по отчизне и страшные рваные раны.

О, багровые, красные тюльпаны, тюльпаны,
тюльпаны!
Как тюльпан, я горю от печали своей несказанной.
Угнетатели, людям от вас –
только горе, и горе, и горе...
Был таджик наповал вашей пулей убит окаянной.

О, багровые, красные тюльпаны, тюльпаны,
тюльпаны!
Крик со мною и траур – по ушедшим из жизни так рано.
С каждой юной душою надежда уходит под землю...
Страшный суд приближая, я плачу и плачу, тюльпаны.

О, багровые, красные тюльпаны, тюльпаны,
тюльпаны!
Кровь семнадцатилетних и матери горе – тюльпаны.
Все, кто в черный тот день за подмогой пришли
к руководству,
У ворот без надежды застыли и преданы были,
тюльпаны.

О, багровые, красные тюльпаны, тюльпаны,
тюльпаны!
Это время слилось с окровавленным нашим чапаном.
Прежде знали таджики войну мировую по слухам,
А теперь увидали воочию в горе безгранном.

Братья, братья родные!
Кто понять наконец нас заставит:
В государстве военном законы военные правят.
Коль народом разбито стекло
и солдаты стреляют из ружей, –
Справедливости нет – и в живых никого не оставят.

Душанбе, 1990

Распустить парламент! Демократия победит!

От тех февральских тюльпанов, конечно, ничего не осталось, но красные гранитные цветы – остались как памятник, до сих пор напоминающий живым о тех кровавых событиях. И, слава Богу, что они есть. Они стали причиной и для написания стихотворения о жертвах кровавых событий – «Тюльпаны». Поскольку камень, который был установлен на площади Шахидон в память двадцати шести невинно погибших, – унесли с площади. Кто распорядился его убрать, кто этот герой? Одно известно, что он – наш соотечественник и, значит, таджик. Как и непосредственные исполнители. Он, явно, идет против исто-

рии и преследует свои интересы. Но только разве можно скрыть такие факты?

Наступит день, когда назовут поименно виновников февральской трагедии и тех, кто приказал убрать этот камень памяти.

И все-таки, кто же это сделал и почему?.. А ведь на месте этого камня сначала хотели поставить большой памятный монумент…

Я уверен, что достойные сыновья своего народа когда-нибудь исправят эту непростительную ошибку, допущенную тогдашними руководителями, поскольку жертвы Кровавого Февраля 1990 г. заслуживают намного большего. И они не должны остаться на обочине истории, но – найти достойное место на ее страницах, пусть даже кровавых. Потому что, как бы кто-то не стремился стереть даже память о них, но они боролись за перемены и выходили на митинги ради свободы и независимости своей страны. Февральские выступления стали началом национального демократического движения в Таджикистане, вдохновленного стремлением молодого поколения к построению нового, более свободного, правового общества.

Жертвы кровавого февраля

Азизбеки Файз
Балатонов Юрий
Бобоев Шерали
Гиёев Умарали
Маджнунов Саймиддин
Матросов Никита
Мирзорахимов Исроил
Наджотов Туймахмад
Наимов Шарофиддин
Негматулина Наиля
Плаксин С.А.
Платонова Галина
Сайфуллоев Шамшер
Сангинов Ахмад
Стрелков Вадим
Тешабоев Рустам
Умаров Саид
Урунов Аъзам
Фозилов Кобилчон
Холиков Исматулло
Шеров Аъзам
Халимов Эркин
Хомидов Абдусалим

Год спустя у «Камня памяти»

Еще три человека погибли при невыясненных обстоятельствах в других местах города.

Комиссии по расследованию февральских событий доказали, что оружия у людей не было. А власти сообщали в Москву о вооруженных бандитах…. А еще писали, что нападают на русскоязычных и многое другое – что было ложью и враньем. Таким образом, Центр ввели в заблуждение. Как бы там ни было, пролилась кровь невинных, в основном, молодых людей, а «тройка», члены ЦК и сотрудники КГБ принесли в жертву системе жизни молодых, ни в чем не повинных людей, простых жителей Душанбе…

«Колокола надежды»

Заххок, твой мир вполне бесспорен –
Ты Ахримана родила.
Ты вечно надеваешь маску.
Чтоб никто не видел зла.

Хокирох

Анализ прессы о кровавых событиях в Душанбе в 1990 г., говорит о том, что в обществе существует несколько версий о политической подоплеке февральских событий. Одни считают, что беспорядки были срежиссированы и спровоцированы извне для дискредитации Горбачева и усиления позиций КПСС.

Другая группа журналистов уверена, что беспорядки были задуманы врагами руководства республики для смещения первого секретаря ЦК Каххора Махкамова. Многие считали Махкамова – слабым, неавторитетным и безынициативным.

«Совершенно открыто»:

«Скрытая трагедия февраля состоит в том, что это – модель, разработанная Центром с целью запугать, привести в состояние страха народ, требующий обещанной свободы и независимости. Подобные же трагедии они пытались инсценировать и в других регионах Средней Азии, но там им это не удалось – пуля ушла в песок.

Как только они осознали, что таджикская нация заражена болезнью местничества и раздражена резким падением уровня жизни и обнищанием, в то время, как сторонники независимости объединяются, а противостояние религии и власти достигло опасного предела, – Центр свел к минимуму уровень поддержки и – спровоцировал февральскую трагедию».

Мазхабшо Мухаббатшоев
(Председатель фонда возрождения персидско-таджикского языка, журналист), в книге «Бури Каримов: Дар миёни хун ва хиёнат» («Бури Каримов: Среди предательства и крови») Москва, 2005 г.

После кровавых февральских событий 1990 г. в Душанбе в Центре началась мощная антитаджикская компания. Одна из самых клеветнических статей принадлежала В. Пономареву, автору статьи «Колокола надежды».

Почему-то только по истечении нескольких месяцев, в мае 1990 года он напишет о жутких подробностях февральской трагедии:

«Я разговаривал с очевидцами страшного зрелища, когда толпа фанатиков на мосту через Душанбинку растерзала на части русского мальчишку. Люди видели, как та толпа сбросила с моста русскую женщину. Но и от русских слышал рассказ о групповом изнасиловании таджички с семимесячной беременностью. За то, что была одета по-европейски. Добравшись до дома, несчастная повесилась».

Правда и ложь – вперемешку с грубейшим очернением всех таджиков. Говорят, что позже в редакции «Правды» осудили статью Пономарева, но он свое дело сделал, конечно, не без подачи своих покровителей…

Руководитель следственной группы Прокуратуры Таджикской ССР по расследованию февральских событий 1990 года Джураев пишет: «То, что его статьи были лживыми, установлено следствием. Я лично с ним разговаривал, он признал свою ошибку, сказал, что материал для него готовили председатель КГБ Таджикистана Петкель и руководитель спецслужб КГБ СССР генерал Воротников, который приезжал накануне февральских событий. Пономарев поверил им…»

И это было прямым преступлением, на которое он пошел с легкостью.

Как утверждал Солиджон Джураев, «журналист» Пономарев был кадровым офицером КГБ СССР и во всех массовых беспорядках сопровождал подразделения КГБ. Он делал репортажи из Баку, Армении, Молдавии, Прибалтики и т.д.

«Когда хотели вызвать его для допроса вторично, Пономарев сбежал. Прокуратура СССР не помогла нам доставить его в Таджикистан. То же самое случилось и с Петкелем», – утверждает С. Джураев в своем интервью. Я сожалею, что Джураев не выступил тогда же с его разоблачением.

Отвечая через несколько лет на вопросы корреспондента «Экспресс-хроники» в Москве, который спрашивал: «Но признаемся, что пробный шар был пущен еще во время февральских событий 1990 года, когда спровоцированные неизвестными до сих пор силами национальные выступления превратились в массовые беспорядки, поджоги, избиения «чужаков», а также безнаказанное убийство демонстрантов...», я ответил:

«Совершенно открыто»:

– К сожалению, многие до сих пор не знают настоящей правды о февральских событиях. Не знают организаторов и исполнителей трагедии. По сей день нет ответа на главный вопрос: кто приказал открыть огонь по мирным демонстрантам? Все свои наблюдения, собранную информацию я использовал в книге «Жертва двойного удара», где читатели могут найти ответ на многие свои вопросы. Например, о том, что стреляли в мирных людей снайперы КГБ. Или о том, что февральские события были тщательно разработаны в недрах ЦК КПСС и Госбезопасности.

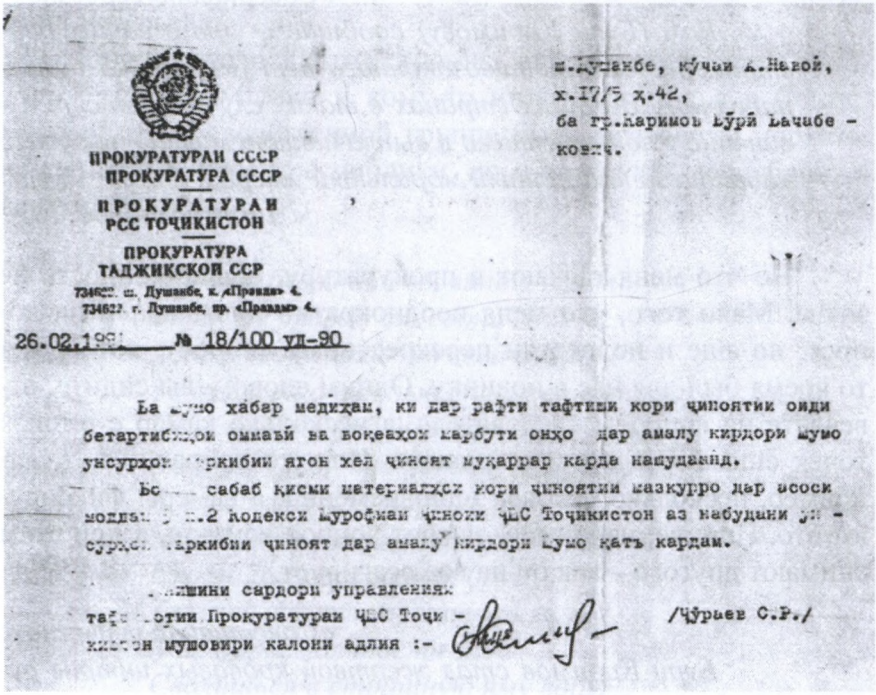
Я – невольный участник февральских событий. Меня вытолкнули, в прямом смысле этого слова, на площадь к бушующей толпе недовольных, разъяренных после первых жертв людей. Мне удалось их успокоить, предотвратить дальнейшее кровопролитие, а потом, когда все уладилось, меня тоже обвинили в попытке государственного переворота и организации беспорядков. Я могу сказать: после февральских событий правители Таджикистана уяснили, что организовать хаос, и тем самым не только еще немного продержаться у власти, но и уйти от ответственности, обвинив и наказав абсолютно невинных людей намного проще, чем прокормить народ. К сожалению, трагические события февраля 1990 года не получили ни политической, ни правовой оценки, до сих пор главные виновники трагедии гуляют на свободе. Именно безнаказанность породила последующую затем, еще более страшную трагедию – гражданскую войну.

Бури Каримов

Перекрестный допрос

Может безвинность виною стать,
Вина же благом способна стать...
Хокирох

В студенческие годы однажды я был вызван в качестве свидетеля для участия в судебном процессе по делу избиения одного моего соседа – другим моим соседом. Хотя на самом-то деле свидетелем не был, потому что находился в тот момент в Душанбе и преспокойно сидел на лекции в институте. Как добрый сосед – я должен был их обоих выгораживать. Хотя один из них был откровенным бандитом, а другой – мирным тружеником. Но, как говорится, соседей не выбирают.



ПРОКУРАТУРАИ СССР
ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРАИ
РСС ТОҶИКИСТОН
ПРОКУРАТУРА
ТАДЖИКСКОЙ ССР
734622. ш. Душанбе, к. «Правда» 4.
734622. г. Душанбе, пр. «Правды» 4.

ш.Душанбе, кӯчаи А.Навой,
х.17/5 ҳ.42,
ба гр.Каримов Бӯрӣ Ваҷабе -
кович.

26.02.199[illegible] № 18/100 уд-90

Ба Шумо хабар медиҳам, ки дар рафти тафтиши кори ҷиноятии оиди бетартибиҳои оммавӣ ва воқеаҳои марбути онҳо дар амалу кирдори Шумо унсурҳои таркибии ягон хел ҷиноят муқаррар карда нашудаанд.

Бо[illegible] сабаб қисми материалҳои кори ҷиноятии мазкурро дар асоси моддаи [illegible] п.2 Кодекси Шурофиаи Ҷиноии ҶШС Тоҷикистон аз набудани унсурҳои таркибии ҷиноят дар амалу кирдори Шумо қатъ кардам.

[illegible]ишини сардори управлениям
тафтиши Прокуратураи ҶШС Тоҷи - /Ҷӯраев С.Р./
кистон мушовири калони адлия :-

Прокуратура подтверждает невиновность Бури Каримова

Все, что я мог в сложившейся ситуации, – охарактеризовать одного как передового колхозника, который день и ночь пропадает на хлопковых плантациях, а другого, чтобы его не посадили, старался представить исключительно как прекрасного футболиста, кем он и являлся на самом деле…

Одним словом, это был мой первый и последний, как мне тогда казалось, опыт пребывания в судебных стенах…

И вдруг, в возрасте 33 лет, после февральских событий, когда началось предварительное расследование по февральским событиям, я был вызван на допрос в Генеральную прокуратуру, правда, пока в качестве свидетеля. К тому времени общественность знала, что Председатель Госплана снят с работы и исключен из партии.

«Совершенно серьезно»:

Вам (Бури Каримову) сообщаем, что в ваших действиях ничего противозаконного нет (из письма прокуратуры)... В других странах в таких случаях просят извинение у потерпевшего и выплачивают миллионы рублей штрафа за нанесенный моральный ущерб...

«Ч.Р.», Душанбе. 1991

Но что меня таскают в прокуратуру, общественность не знала. Мало того, что меня неоднократно приглашали на допрос, но еще и подвергли перекрестному допросу, который в то время был для нас в новинку. Одним словом, вы сидите, отвечаете на вопросы следователя, а несколько камер с разных точек снимают все происходящее. Или же допрашивают, например, несколько человек одновременно, а камеры фиксируют это. Или же, например, задают вопрос кому-то, а при этом снимают другого – как он на все реагирует.

«Совершенно серьезно»:

Бури Каримов стал жертвой кровавых интриг руководителей. Его чернили, обсуждали, «таскали» в прокуратуру; радио, телевидение и прессу направили против него, но это всё было подобно ненужному ветру, кото-

рый не мог потушить пламя разума и яркость его цвета, равно как не могли уменьшить народную любовь по отношению к достойному сыну своей нации.

Он ни на миг не падал духом, занимался своим делом. Делом, которое направлено на благо своего народа и страны.

Н.Косим, поэт,
«Адолат», Душанбе, 1992

Были случаи, когда во время допроса меня угощали чаем, конфетами, фруктами. Не знаю точно, из-за того ли, что я пользовался у них уважением или – чтобы был помягче, посговорчивее, зная мой прямой характера правдолюба. Сие мне неведомо. Как бы там ни было, на меня произвел впечатление именно перекрестный допрос следователей, особенно Солиджона Джураева.

Мне показалось, что эта запись еще нужна высшим руководителям республики и кому-то интересна еще и в Союзе. Потому что в следственной группе были правоведы, юристы не только из нашей республики, но и из других республик, и даже из Москвы.

Может безвинность виною стать,
Вина же благом способна стать...
А коль вздыхаешь от всей души,
То вздох этот болью способен стать.
Печаль способна дождем хлестать,
А локон – то, что хотим, – скрывать.
Я на закате предвидеть рад,
Что будет рассвет красотой сиять.
Ежели руку протянет друг.
Тяжкая грусть улетит как пух,-
А на дороге алчности злой
Свалишься в страшную яму вдруг!
Взгляду внимательному поверь:
Тайная тайных – твоя теперь!

Благодаренье судьбе, благодаренье друзьям,
Что наше время тоже когда-то бывает.
Душу раскрыл соловей цветку...
От Хокироха – моя газель.

Хокирох

Однажды, когда во время допроса коснулись моих взаимоотношений с Махкамовым, я спросил следователя Солихджона Джураева, почему в перекрестном допросе участвуют второстепенные лица, а самого Каххора Махкамова не пригласили?

На что он ответил: «Если потребуется, мы и его пригласим. А что, у вас есть к нему вопросы?

– Конечно, – ответил я. – Я хотел бы на перекрестном допросе спросить у него, считает ли он себя виновным за все произошедшее? Если да, то в какой мере? Если нет – то почему?

– Ну, и что дальше?

– В зависимости от его ответа я задам ему один основной и главный вопрос: кто дал команду открывать огонь по людям? Или, может быть, он не знал об этом?

Конечно же, он, как руководитель республики, все знал. При его молчаливом согласии все и случилось. Любое дело имеет свои стимулы и рамки. Но когда проливается кровь собственного народа, должны брать верх человеческие ценности, и каждый человек, независимо от занимаемой должности и положения, обязан не только говорить правду, но и отвечать за все содеянное.

Ждали правды

Ты честь и совесть повергаешь,
Преступность же вперед ведешь.
И против подлинных героев,
Змеей губительной ползешь.

Хокирох

Обстоятельства после партийных пленумов складывались так, что мне проходилось, с одной стороны, доказывать свою невиновность в Прокуратуре республики, а с другой стороны, через Верховный Совет, где уже работала созданная депутатами комиссия, куда вошли как депутаты Верховного Совета СССР, так и Верховного Совета республики Таджикистан. Правда, среди них было больше половины простых тружеников, в т.ч. и рабочих, которые никакого отношения к расследованию не имели и были далеки от правовых и юридических тонкостей.

Некоторые депутаты были людьми руководства республики и именно по его наводке попали в комиссию. Другие, например, Сафарали Кенджаев, бывший прокурор, – играли свою роль в расследовании, зарабатывая популярность, которая в конечном итоге вышла ему боком – во время гражданской войны он был убит его врагами. Но, как говорится, это другая тема. Итак, я написал записку в Комиссию Верховного Совета Республики:

«Как Вам известно, 12 – 14 февраля в г. Душанбе происходили трагические события, которые запятнали доброе имя древнего таджикского народа. В эти дни на площадях города Душанбе собиралось огромное количество митингующих, которые выдвигали определенные требования.

12 февраля, к вечеру, меня пригласил тов. Латифи Отахон, заместитель председателя Совета Министров Таджикской ССР – в ЦК Компартии Таджикистана. Там нам было поручено написать обращение к народу на таджикском, русском и узбекском языках. Подготовив это обращение, мы разошлись по домам уже поздней ночью (около 3-х часов).

13 февраля я целый день находился на работе. Опять возобновились митинги. К вечеру неоднократно звонили из ЦК Компартии Таджикистана, сообщая, что митингующие просят меня выйти к ним. Просили срочно приехать. Через некоторое время я действительно приехал и, с разрешения т.т. Махкамова К.М., Паллаева Г.П. и Хаеева И.Х., вышел на площадь. Прочитал два четверостишия и призвал народ к спокойствию и благоразумию. Митингующие разошлись после образования Временного комитета с учетом удовлетворения их требований.

Мое участие в деятельности так называемого Временного комитета было согласовано с Первым Секретарем ЦК Компартии Таджикистана Махкамовым в присутствии т. Латифи Отахона и др., которые находились в его кабинете.

К большому сожалению, во избежание недоразумений, хочу сказать, что на пленумах ЦК Компартии Таджикистана руководители и очевидцы не дали ни разъяснения, ни справки по этим вопросам. Именно поэтому и потому, что участники пленумов не являлись очевидцами этих событий и переговоров, обо мне создалось неправильное общественное мнение, что якобы я являюсь членом неформальной организации.

Г.С. Михайлин

Я заявляю, что с какими-либо неформальными объединениями не имел и не имею никаких отношений, а с членами вновь образованного Временного комитета до 13 февраля не был знаком и большинства из них до сих пор не знаю. Все это они готовы подтвердить письменно и устно – каждый. Одним из основных требований митингующих было освобождение задержанных на митинге. (Освободить на площади перед людьми или показать по телевидению).

Для выполнения требований митингующих я согласовал вопрос с руководством (т. Махкамовым К.М.), после чего обратился в МВД и КГБ с просьбой об освобождении 4-5 человек – только из числа митингующих.

Руководство МВД согласилось освободить нескольких арестованных из числа митингующих и показало их по телевидению ради успокоения народа. (Такое же обещание митингующим давал т. Махкамов К.М.). В решении этого вопроса участвовали тт. министр внутренних дел Навджуванов, заместитель председателя Верховного Совета Усманов, Прокурор Республики Михайлин. Члены Временного комитета присутствовали при решении данных вопросов и все свои действия направили на предотвращение кровопролития и неблагоприятной ситуации. Все делалось ради прекращения беспорядков.

В последующие дни некоторые люди, учитывая мою двухдневную работу в Комитете, подумали, что я являюсь организатором митингов. Я, с полной ответственностью, заявляю, что это ложь. Я участвовал в работе Комитета только ради предотвращения кровопролития и ликвидации неблагоприятной ситуации. Это было велением совести, хотя мне было нелегко работать во Временном комитете и умолять участников пленума удовлетворить просьбу об отставке руководства республики на пленуме.

В переговорах между членами Комитета и руководством республики я не участвовал. Протокол подписал самым последним – после т.т. Махкамова К.М., Паллаева Г.П. и Хаеева И.Х.

В те дни все мои выступления на митингах, по радио, телевидению, особенно во время моей работы во Временном комитете, были согласованы с руководством республики.

К примеру, 14 февраля заместитель Председателя Совмина т. Кошлаков Г.В. просил меня выйти к митингующим на площадь им. Ленина перед зданием Правительства.

А 18 февраля, когда начался многотысячный митинг около Киноконцертного зала, я находился на работе и не имел никакого желания участвовать в митинге. Но многие товарищи настаивали на этом. В том числе ко мне обратился т. Шабдолов Ш.Д. – секретарь ЦК, народный депутат СССР Д. Худоназаров (дважды) – он звонил по внутреннему телефону т. Махкамова (с его кабинета по «вертушке»), видимо, согласовав с ним вопрос, просил пойти к митингующим. Также т. Кошлаков Г.В. просил, чтобы я участвовал в митинге и уверял меня, что ответственность за все берет на себя. При этом он умолял меня и просил, как брата, приехать на митинг. Я сидел в это время у дежурного в кабинете председателя Совмина, и при нашем разговоре присутствовали зам. председателя Совмина т.т. Латифи О. и Зацаринный Ю.П.

«Совершенно открыто»:
«Бури, ситуация выходит из-под контроля. Народ требует тебя. Умоляю, как своего брата, приезжай на митинг».

Г.В. Кошлаков, Первый Заместитель Председателя Совмина Таджикской ССР

Кроме Временного народного комитета на площади имени Ленина в присутствии заместителей председателя Совмина т.т. Латифи и Кошлакова был образован комитет «Вахдат» («Согласие»), и переговоры этого комитета проходили в здании Совмина и транслировались по телевидению.

14 февраля 1990 г. после завершения пленума я вернулся в Госплан и находился там приблизительно до 16 часов. Зашел ко мне тов. Разаков из Совмина и сказал, что меня просит тов. Кошлаков Г.В. выйти к главному входу Совмина, что я и сделал. В это время дежурному по Госплану Хасанову Г.К. позвонил тов. Латифи О. и сказал, что Каримова просит зайти т. Махкамов К.М.

Тогда Хасанов пошел искать меня. В это время я находился с тов. Кошлаковым у входа перед митингующими у здания Совмина. Об этом я известил тов. Кошлакова Г.В. и поехал к Махкамову К.М., но его на месте не оказалось.

Просили меня спуститься в зал заседаний. Выяснилось, что Временный комитет уже давно ведет переговоры с руководством республики. Руководство республики согласилось подписать протокол об отставке. В это время в зале отсутствовал тов. Хаёев И.Х. Пригласили и его. Он ознакомился с протоколом и спросил, кто будет нести ответственность за дальнейшие беспорядки после подписания ими протокола?

Члены Временного комитета ему ответили: «Вы же до законного снятия с должности должны работать и нести ответственность». Он заявил, что после подписания протокола слагает свои полномочия и не будет больше нести ответственность.

Как было видно из высказывания членов Комитета, митингующие ждали подписания вышеуказанного протокола. Мы размножили протокол, т. Дадабаевым А.Д., секретарем ЦК Компартии по идеологии, была выделена автомашина с громкоговорителями. Все члены Комитета, с копиями протокола вышли к митингующим.

Увидев, что два основных требования митингующих выполнены, люди разошлись.

Все собрания Комитета проходили при открытых дверях в духе демократии. В них принимали участие т.т. Шабдолов Ш.Д., секретарь ЦК Компартии, Алимов А. и некоторые заведующие отделами и секторами ЦК Компартии Таджикистана.

Я дал согласие работать с членами Временного комитета после того, как мне стала известна их позиция и разрешение Махкамова К.М.

Мои вопросы, заданные им, были следующие: «Являетесь ли Вы сторонниками коммунистической партии и советского строя, дружбы народов, интернационализма?» Ответ был один – да. Члены Комитета единогласно заявили, что их функция заключается только в предотвращении кровопролития и бесчинств. После стабилизации обстановки Комитет будет распущен.

А.Н. Мартовицкий

Я вполне уверен, что истина восторжествует. Обратите внимание на тот факт, что после образования Временного комитета не то, что кровопролития, а даже беспорядков не было. Это потому что, как руководство республики, так и члены Временного комитета, несмотря на сложную обстановку, вели среди населения работу, успокаивали его. По-моему, именно подписание протокола между Комитетом и руководством способствовало стабилизации обстановки.

Меня удивляет, что многие товарищи на пленуме исказили факты, а пресса, не проверяя, односторонне освещает их. К примеру, на последнем пленуме генерал-майор Мартовицкий А.Н., обвиняя меня, сказал следующее: «Пограничники, охранявшие 14 февраля вместе с милиционерами вход в здание ЦК партии, видели, как оттуда выходил Бури Каримов. Настроение у него было прекрасное. Он обнял и расцеловал милиционера, громко воскликнул: «Поздравьте! Я – глава правительства!..» Несмотря на то, что я на пленуме отверг эту ложь, тов. Мартовицкий А.Н. сказал, что, если надо,

– солдаты подтвердят. Ведь он не предполагает, что тогда я выходил не один, а с Секретарем ЦК Компартии по идеологии т. Дадабаевым А.Д., членами Временного комитета и другими товарищами, которые могут подтвердить, что все то, что он говорит – неправда.

Необоснованных обвинений на последних двух пленумах было очень много. До сих пор не могу понять, кому все это было нужно.

Те слова, которые были сказаны в мой адрес также и о каком-то проекте Указа, можно было сказать до пленума, выяснив все подробности. Но этого не сделали. По-моему, это было сделано для того, чтобы ввести в заблуждение участников пленума.

Как все это было?

Около 20 часов тов. Табаров Н.Т. зашел ко мне в кабинет и заговорил в общем-то о необходимости оказания мне помощи в эти тяжелые минуты для республики.

М.М. Икрамов

Т.т. Хувайдуллаева, Мухабатшоева, Икрамова и Хабибова (зам. Министра, про которого я только на следующий день после пленума узнал, кем работает), я не приглашал.

Даже был такой случай в подтверждение сказанному, что пришел ко мне т. Икрамов М.М. – глава города и сел. Я спросил его о причине его визита. Он ответил, что якобы его пригласили от моего имени. Это может подтвердить сам т. Икрамов М.М.

Т. Хувайдуллаев и т. Табаров Н.Т. в это время переговаривались между собой в отдалении от меня, а о чем – не знаю. Подошли ко мне и посоветовали пригласить т. Усманова У.Г., что я и сделал. Никакого проекта Указа никто не подготавливал. Тов. Усманов У.Г. с т. Хувайдуллаевым вышли, сказав, что пойдут посоветоваться.

Надо было быть последним человеком, чтобы в этой трагической ситуации думать о том, как стать у власти. У меня в это время и в мыслях этого не было. Тем более что я по телевидению, и до, и во время пленума, конкретно, членораздельно, на всю республику заявил, что ни о какой должности не думаю и ни на что не претендую. И потом, разве я не сам подписал протокол, где написано об отставке руководства на законном основании.

В этой связи я обратил внимание присутствующих на то, что, в соответствии с протоколом, отставка руководителей должна осуществляться на законном основании, и у т. Хаёева, в случае чего, есть заместители (два первых).

До пленума я просил тов. Табарова Н.Т. рассказать, почему и из каких побуждений он пригласил людей в мой кабинет и оказал мне такую медвежью услугу. Мне до сих пор эта ситуация не понятна.

Меня смущает то, что тов. Табаров Н.Т. на XVII пленуме Компартии Таджикистана заявил следующее: «Товарищи, мы теперь убедились в том, что действительно речь идет о власти. Мы все убедились, что да, действительно вопрос стоит о власти...» С другой стороны, я бы просил обратить внимание на неразрывность единой цепочки событий – от подписания известного протокола об уходе в отставку, в соответствии с существующими законами, т.т. Махкамова К.М., Паллаева Г.П. и Хаёева И.Х. – до консультации, организованной т. Табаровым Н.Т. в моем кабинете в Госплане. Как он заявил на XVIII пленуме, после подписания протокола и до последнего пленума он как бы был и оставался моим консультантом. До последнего пленума он собственноручно написал мне следующее:

«Совершенно секретно»:

«Надо быть последним человеком, чтобы в этой ситуации думать о том, как стать у власти и т.д. Я уверен, что в мыслях этого у Вас не было... Я не хочу, чтобы из-за этой мелочи Вы пострадали».

Н.Т. Табаров, Министр культуры Таджикской ССР

Обращает на себя внимание непоследовательность мысли т. Табарова Н.Т. До пленума на бюро ЦК Компартии Таджикистана он заявлял, что из хороших побуждений оказал мне медвежью услугу и готов нести за это ответственность. На XVIII пленуме он и вышеуказанные товарищи говорили неправду.

Тов. Усманов У.Г. на пленумах заявил, что якобы я настаивал на необходимости подготовки проекта Указа о назначении меня на пост председателем Совмина. Если это правда, то возникает вопрос: интересовался ли я в дальнейшем подготовкой проекта Указа, так как я до 2 часов ночи находился в телестудии и на следующее утро об этом тоже не спрашивал. В этих условиях и учитывая, что тов. Хаёев И.Х. при подписании упомянутого выше протокола сказал,

что за последствия ответственности не несет. Я могу только сожалеть, что должным образом не оценил предложения возглавить правительство Таджикской ССР и считал, что временно (до сессии) это сможет стабилизировать обстановку и не дал отпор этим разговорам. В то же время я был убежден, что никто никакой Указ не подписывает.

Далее, когда на заседании бюро я задал вопрос тов. Дадабаеву А.Д. – секретарю ЦК Компартии, что подготовка так называемого проекта Указа является основной или второстепенной, то он ответил, что второстепенной, а, в конце концов, она оказалась основной.

Я считал, что главным в моей деятельности в этот период было прекращение кровопролития, а факт консультаций по поводу подготовки проекта Указа – второстепенным, не понимая подоплеки и политического значения этого события.

До меня никак не доходит, с какой стати некоторые товарищи утверждают, что происходивший ужас был не что иное, как борьба за власть?!. Кому-то выгодно так ставить вопрос. Кстати, разве то, что в ряде областей России народ требовал уйти в отставку первых секретарей и бюро и даже полные составы обкомов партии, можно квалифицировать как борьбу за власть?

Я считаю, что ставить вопрос в такой плоскости – это не что иное, как отводить от себя всякую ответственность за свершившееся, отвлекать общественное мнение от основных причин, породивших эти чудовищные события.

Корни зла, как отмечалось во многих выступлениях и на последних пленумах ЦК КП Таджикистана, – в накопившихся нерешенных жизненно важных проблемах в экономической, социальной, культурной, демографической сферах жизни республики, в межнациональных отношениях, в отрыве республиканского партийного и советского руководства от широких масс. А искать их в стремлении кого-то захватить власть, по крайней мере, несерьезно.

В те дни, как руководители, так и члены Комитета, переживали сильный шок. Митингующие давили и на руководителей, и на членов Временного комитета. Работать было очень трудно. По-моему, придет час, когда будут найдены организаторы митингов и виновные в кровопролитии. Невозможно забыть, что погибли совсем невинные люди.

На пленумах мне было очень трудно говорить, так как практически не давали до конца высказать свои мысли (шум, крик, возмущение, неуместные аплодисменты, затаптывание и т.д.).

Мне была непонятна позиция моих руководителей, когда, выступая на последнем пленуме, Председатель Совета Министров т. Хаёев И.Х. заявил, что к Каримову Б. Б. никаких претензий не имеет. Он это говорил мне и при личной встрече. Кроме того, я до последнего пленума по собственной инициативе встречался с членами бюро т.т. Махкамовым К.Х., Паллаевым Т.П., Хаёевым И.Х., Каримовым Д.Х. и Веселковым Г.Г., объясняя, что происходит какое-то недоразумение, и я оказался на волне событий случайно. Тем не менее, я очень строго наказан – исключен из рядов КПСС, снят с работы. О своем освобождении я узнал со страниц республиканских газет.

«Совершенно серьезно»:

Единственный человек среди членов ЦК Компартии Таджикистана, который был свидетелем всех событий,– т. Борзенко А.Б. – Председатель Ревизионной Комиссии ЦК КП Таджикистана, заместитель председателя Госплана Таджикской ССР – хотел говорить правду, но ему не дали сказать всего. Знали, что он скажет правду, которая не нужна руководству.

Бури Каримов

Рассчитывая на снисхождение со стороны руководства Центра и республики, в надежде, что в ближайшее время во всем разберутся, я впервые тогда о себе написал:

«Совершенно открыто»:

Я молодой, мне всего 33, в августе 1985 года был принят в ряды КПСС и в том же году стал руководителем строительной организации. Вступил в партию по убеждению, перестройку принял с большим воодушевлением, никогда себя не хвалил, да и не так меня воспитали мои родители. Меняя несколько раз должности, написал один раз заявление и помню слова покойного отца, писать заявление один раз, потому что «дерево растет хорошо на одном месте».

Сейчас вынужденно пишу эти строки: Окончил среднюю школу, Политехнический институт и Государственный университет с отличием. Родители у меня

колхозники, но сделали все возможное, чтобы я учился. Являлся слушателем заочного отделения АОН при ЦК КПСС, где тоже старался учиться на «отлично».

Без преувеличения, работал днем и ночью, сначала – на производстве, потом окончил вечернее отделение Университета (отделение планирования народного хозяйства), одновременно писал диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук и защитил ее в 1987 году в городе Москве, готовил докторскую диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук. Так как это диктовал профиль работы. Первые годы трудовой деятельности работал на всесоюзных стройках, таких как Нурекская ГЭС, Таджикский алюминиевый завод. Коллективы могут подтвердить, что организовывал работу, не считаясь со временем и перевыполняя планы.

Благодаря перестройке, в 28 лет был назначен министром строительства и эксплуатации автомобильных дорог республики. В 31 год – председатель Госплана республики, рекомендован на учебу в АОН при ЦК КПСС, был участником «Форума восходящих молодых лидеров СССР и США» в Филадельфии.

Я практически только начал возмещать народу те средства, которые государство затратило на мое становление».

Бури Каримов

Многие, конечно же, и я, с нетерпением ждали выводов комиссии Президиума Верховного Совета республики по проверке фактов кровавых февральских событий 12 – 14 февраля 1990 г. в г. Душанбе.

К сожалению, в республиканской прессе была напечатана незначительная и только заключительная часть работы комиссии. Даже в Верховном Совете Таджикистана только строго ограниченное число народных депутатов получило возможность ознакомиться с этим документом.

Прошло много лет, пока, наконец, эти материалы, так же, как и стенограммы пленумов ЦК Компартии, без купюр – были доведены до сведения общественности.

Правда о произошедших событиях должна стать достоянием простого народа. Нельзя допустить, чтобы факты, изложенные в «Сообщении», остались скрытыми от общественности. Вот текст этого «Сообщения» полностью, без каких-либо сокращений.

Сообщение Комиссии президиума Верховного Совета Таджикской ССР по проверке событий 12-14 февраля 1990 г. в г. Душанбе

Со дня начала трагических событий 12 – 14 февраля сего года прошло более пяти месяцев. Однако, несмотря на это, боль в сердце каждого жителя все еще не утихает, в глазах стоят картины тех страшных убийств и поджогов в столице Таджикистана, они еще долго будут в нашей памяти.

Вопросы, связанные с этими событиями, о которых все мы глубоко сожалеем, подробно были обсуждены на 17 – 18 пленумах ЦК КП Таджикистана, сессии Верховного Совета, XXI съезде Компартии республики, много различных мнений высказывалось на страницах республиканской и центральной печати, по радио и телевидению. Однако споры, обсуждения, обмен мнениями среди людей продолжаются. Органы суда, прокуратуры, государственной безопасности, общественного порядка, специальная Комиссия Президиума Верховного Совета заняты расследованием случившейся трагедии.

В процессе расследования простые люди, труженики, пострадавшие в те дни, члены их семей, родственники погибших – во всех инстанциях, начиная с низших и кончая верхними, с глубокой болью в сердцах задают основной справедливый вопрос: *кто главный виновник этих событий, в чем причина случившегося?*

Вопрос законный. Но дать полный ответ на него, чтобы утешить и успокоить людей, пока невозможно. Хотя Комиссия Президиума Верховного Совета за этот длительный период проделала большую работу по изучению этих событий. В распоряжении комиссии имеются сотни объяснений, копии постановлений и решений, фотоальбомов, стенограмм различных собраний, магнитофонные записи показаний свидетелей этой невообразимой драмы, мно-

гочисленные письма пострадавших, медицинские заключения, которые необходимо скрупулезно изучить, сопоставить, *сделать выводы, чтобы узнать истину, снять маски с лиц двурушников и интриганов и сообщить народу всю правду об этих событиях. Это требование – веление нашего времени.*

Люди задаются вопросом: что было началом всего этого? Надо отметить, что Президиум Верховного Совета образовал в самом разгаре этих событий такую авторитетную комиссию, от ее работы ждали многого. Однако, не скрывая, уместно сказать, что, *образовав Комиссию, Президиум впоследствии быстро забыл про свое хорошее начинание.* Для нормальной работы Комиссии не были созданы необходимые условия. Кроме того, своевременно не были преграждены искусственные препятствия со стороны некоторых ведомств, в частности, органов прокуратуры и внутренних дел, которые создавались в ходе работы Комиссии. *К большому сожалению, предварительное сообщение Комиссии не обсуждалось на сессии Верховного Совета республики, и по этому важному вопросу, который взволновал всю республику, на сессии не состоялся серьезный разговор.*

Что же произошло в Душанбе во время февральских событий? В чем причины этой печальной трагедии? Разве невозможно было предотвратить ее? Что к чему? Кто и какую роль сыграл в этой трагедии? Над этими вопросами ломают голову члены комиссии. Но чтобы найти ответы на них, необходимо вновь вернуться к началу событий.

Краткая хронология тех дней такова. 11 февраля, около часа дня у здания Президиума Верховного Совета состоялся митинг, в котором участвовало примерно 2500 человек. Участники митинга затем двинулись к зданию ЦК КП Таджикистана, причем, число их за счет студентов и молодежи намного возросло. Цель и основные требования митингующих заключались в том, чтобы за пределы республики выехали прибывшие в нее армянские беженцы. Слухи распространялись и разрастались. Число прибывших беженцев доходило в них до пяти тысяч, говорили, что всем им предоставлены квартиры. Когда митингующим было обещано, что армяне будут отправлены, участники митинга разошлись.

12 февраля, примерно в 3 часа дня вновь большая группа людей собралась у здания ЦК КП Таджикистана и до девяти часов вечера с криками настойчиво требовала, чтобы армяне были выдворены немедленно, выдвигались также требования по вопросам жилья, экологии, требовали отставки руководителей республики. Выйдя к

людям, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана т. Махкамов объяснил, что недостатки будут исправлены. Но беспорядки продолжались, на улице Путовского совершались избиения, убийства и поджоги. О пострадавших, а также о понесенном в тот день материальном ущербе данные самые разнообразные. Об истинном и ложном в этом вопросе речь пойдет ниже.

В тот день с помощью войск часам к восьми вечера площадь была освобождена от демонстрантов. Учитывая сложившуюся обстановку, в тот же вечер Указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР в городе Душанбе было объявлено чрезвычайное положение и введен комендантский час. Обоснован ли этот Указ и другие вопросы, связанные с ним – рассматривается в другой части настоящего документа.

13 февраля, невзирая на чрезвычайное положение и комендантский час, люди вновь собрались у здания ЦК. Беспорядки продолжались, в результате несколько человек были убиты, многие торговые точки и предприятия разграблены и сожжены. В городе проходили погромы, кражи и насилие. В тот вечер из числа собравшихся, а также из членов неформальной организации «Растохез» был предложен рабочий комитет из 17-ти человек, и Председатель Госплана Б.Б. Каримов был назначен руководителем этого комитета. *(Не назначен, а избран на совещании комитета, а вхождение Председателя Госплана Бури Каримова было одобрено 1-м Секретарем ЦК Компартии Таджикистана. – Прим. автора).* К восьми часам вечера люди разошлись, но погромы и избиения продолжались в разных местах города.

14 февраля в хронике событий правильнее всего будет охарактеризовать как день споров и переговоров между «Комитетом 17-ти» и «Вахдатом» с руководителями партии и правительства республики. Пока в высших инстанциях происходили длительные совещания, в кварталах и микрорайонах нависла угроза насилия, и люди, чтобы обезопасить себя, свои дома, начали создавать отряды самообороны.

15, 16, 17 февраля в истории столицы республики отмечены черным цветом. Указом Президиума Верховного Совета республики эти дни объявлены днями траура. Опущены головы людей, приспущены флаги республики. Люди с боязнью, но и с какой-то надеждой ждали утра 18 февраля.

18 февраля во второй половине дня, невзирая на чрезвычайное положение, без разрешения, у киноконцертного зала им. Борбада состоялся митинг, в котором участвовало около 15 тысяч человек.

Участникам митинга были предоставлены технические средства. Важно было знать, насколько изменилось сознание людей после решения пленума партии и двухсторонних переговоров. Несмотря на шум и крики, митинг прошел спокойно, и люди разошлись.

Таково краткое описание событий тех дней, без эмоций и вымыслов. Но в последнее время число рассказчиков о событиях так возросло, что даже авторитетная комиссия может запутаться. Объяснения, протоколы допросов до того противоречивы и запутаны, что очень трудно определить участников драмы. Каждый старается объяснить, рассказать так, чтобы выгородить себя, многие уже забывают запах пролитой крови, тянущиеся за помощью руки пострадавших.

Несмотря на все это, комиссия Президиума Верховного Совета продолжает объективное расследование февральских событий и в этом очень ответственном деле опирается на изучение достоверных фактов и обоснованных показаний. Хотя не следует сбрасывать со счетов то, что основная часть расследования прямо связана с завершением работы органов следствия, то есть суда и прокуратуры, КГБ и МВД. Им следовало бы ускорить ход предварительного следствия и рассмотрения уголовных дел.

Итак, чем были вызваны эти печальные события в столице? Были ли они случайными или совершались по специальному, заранее подготовленному плану? Разве это не было следствием общего политического, экономического и социального положения страны в последние годы, в частности, положения республики, следствием нехватки жилья, низкого уровня жизни и быта, неравномерного развития регионов? Недовольство людей в Исфаре, Колхозабаде, Ганче, волнения, связанные с турками-месхетинцами в Аште, а также споры по вопросам экологического положения, кривотолки и предвзятость в отношении закона о языке – все это разве не повлияло на дальнейший ход событий? Первый несанкционированный митинг, состоявшийся в январе у здания ЦК под лозунгом «Пробудись от глубокого сна», не мог ли стать первопричиной дальнейших беспорядков? И наконец, избирательная кампания по выборам народных депутатов, которая – то в одном, то в другом районе – превращалась в настоящую игру, борьбу за чины, разве она не была сигналом для совершения несправедливости?

И последнее: сейчас все двери открыты настежь для религии и духовенства, молодежь устремилась к мечетям и Корану, почему это не озаботило руководителей партии и республики?

Прежде чем дать полную политическую оценку февральским событиям, Комиссии необходимо ответить на вышеназванные вопросы. Кроме того, Комиссию беспокоит и ряд других вопросов, которые задают трудящиеся республики, то есть – приняты ли конкретные меры для искоренения местничества и местнических настроений, не допускаются ли ошибки при подборе и расстановке кадров и, наконец, где были компетентные органы государственной безопасности общественного порядка, которые не предугадали трагедию и не предотвратили ее?

Не находя подробных ответов на эти вопросы, очень трудно дать удовлетворительную, объективную оценку событиям 12 – 14 февраля. Мы должны говорить народу правду, и никто не должен предаваться эмоциям и искажать истину. Все должно быть расставлено по своим местам.

Изучение последних документов пленумов и XXI съезда Компартии Таджикистана, а также материалов, представленных Советом Министров, Госпланом, рядом предприятий и учреждений, позволят в какой-то степени прояснить эти вопросы.

Рассматривая причины февральских событий, прямо надо сказать, что все еще сильны командно-административные методы руководства во всех сферах жизни республики. *На 19-ом пленуме ЦК партия сама была вынуждена признать, что невнимание к человеку, к его запросам и нуждам, перевод этого фактора на задний план, направленность экономики на размещение производительных сил не на производство готовой продукции, а лишь полуготовых изделий, чрезмерно низкая отдача капиталовложений, усугубление экологического положения в некоторых регионах, увеличение незанятости населения, особенно молодежи, рост преступности – все это причины тревоги людей, которую нечистоплотные элементы умело использовали и спровоцировали молодежь на такое преступление.*

Говоря о событиях, нельзя не отметить, что некоторые настойчиво хотят доказать, что основной причиной их были армянские беженцы, и тем самым стремятся скрыть истинное лицо организаторов беспорядков.

Прямо надо сказать, что вопрос с армянскими беженцами был только поводом для разрастания событий, о чем речь пойдет ниже. По мнению Комиссии, трагические события совершились также из-за того, что в прошлые годы и даже сейчас решению национальных проблем, усилению интернационального и патриотического воспитания, особенно молодежи, уделялось мало внимания. Принятые

многочисленные постановления о национальном развитии и межнациональных отношениях не выполняются, что становится причиной недовольства людей, особенно интеллигенции.

Один из вопросов, который стал причиной конфликтов – это жизнь молодежи и студентов высших учебных заведений. На этот счет приняты сотни больших и малых постановлений, которые также не выполнены. Приведем один пример. На дневных отделениях Душанбинского пединститута обучаются 8176 студентов, из которых 2009 – проживают на частных квартирах и жизнь которых очень трудна. В этом институте побывали многие руководители партии и правительства, на встречах много было обещано. Но интересы студентов никто не отстоял до конца. Естественно, что в результате этого доверие студентов к вышестоящим руководителям снизилось в какой-то степени. Накопилось много вопросов в жизни студентов столицы. Своевременно не решаются даже такие вопросы, для решения которых не нужно особо больших денег и средств. Все это стало причиной того, что определенные группы студентов были вовлечены в эти события. Конечно, было бы ошибкой прощать тех, кто совершил хулиганские действия и преступления. Вместе с тем в Комиссию поступает много жалоб о том, что студентов исключают из вузов именно за то, что они участвовали в митингах, к ним принимаются административные меры, это абсолютно ошибочно. Необходимо отметить, что положение вузов хорошо известно Министерству народного образования, но с его стороны не предпринято никаких практических мер.

Рассматривая причины случившегося, Комиссия считает себя вправе коснуться очень важного вопроса. Это вопрос религии.

Как мы все видим, в последнее время усиливается влияние религиозных деятелей. Интерес молодежи к религии развивается. Число молодежи, даже школьников, совершающих намаз, намного увеличилось. По событиям в городе Душанбе можно видеть, что определенная часть неофициального (незарегистрированного) духовенства в этих событиях сыграла определенную отрицательную роль, что необходимо также глубоко проанализировать.

В те трагические дни все обвинения были направлены в сторону неформальных организаций. Особенно «Растохеза». Такое мнение бытует и поныне. По мнению комиссии, такое отношение притупляет общественное мнение и уводит его от истинных причин событий.

Абсолютно правильно, и это доказано, что в этой организации состоят и такие неустойчивые, корыстные, недоброжелательные к партии и правительству люди, которые, действуя под лозунгами: «перестройка, демократия, справедливость», скрывают свои истинные намерения – завладеть чинами, должностями. Часть из них показала свое настоящее лицо на пленуме ЦК партии, на митингах и сборищах, с их лиц сорваны маски, разоблачены их ухищрения и уловки. Но было бы неправильным в период появления многопартийности отвергнуть эту организацию и ее передовые и здоровые силы. Нужна не конфронтация, а единство.

Несколько слов о средствах массовой информации. Необходимо отметить, что в период чрезвычайного положения на них лежала огромная ответственность. Республиканская и союзная печать, по мнению комиссии, в основном осветила февральские события объективно. Но, к сожалению, в некоторых сообщениях и статьях позиции авторов были противоположны друг другу в оценке событий, имели место искажения, что вводило читателей в заблуждение. В результате, по поводу публикаций в «Литературной газете» и 'Труде» появились опровержения. Особенно последняя статья, опубликованная в «Правде» под заголовком «Колокола надежды», вызвала возмущение людей из-за того, что в ней было много вымышленного. Оскорбляется таджикский народ. Несмотря на это, она была опубликована в республиканских газетах. Комиссия считает совершенно правильным Постановление Бюро ЦК КП Таджикистана об опровержении на эту публикацию и придерживается того мнения, что при освещении случившегося печать должна быть объективной, а не подливать масла в огонь негодования людей и не сеять семена ненависти вместо дружбы и братства народов.

Необходимо также отметить, что члены Комиссии Президиума Верховного Совета при проверке обстоятельств побывали на многих фабриках и заводах, предприятиях и учреждениях, колхозах и совхозах и встречались с людьми разных профессий, ответили на их многочисленные вопросы. Людей серьезно волнует то, чтобы многие преступления остались нераскрытыми. Затягивание расследования многих преступлений, отдельные нарушения законности в республике дают повод к таким тревогам. Иногда случается, что в результате расследования невиновные становятся виноватыми, а нарушители и преступники остаются ненаказанными. Естественно, такая несправедливость становится причиной законного негодования людей и в какой-то степени обостряет политическое и социаль-

ное положение республики, ослабляет веру народа в справедливость советских законов.

Продолжающиеся годами в республике недостатки, нарушение самых насущных вопросов и проблем привели к серьезным трудностям. Люди хотят быть сытыми, иметь не только крышу над головой, а благоустроенное жилье, работу, хороший заработок. Разве эти простые человеческие запросы трудового человека в республике удовлетворяются? Конечно, нет. Вот некоторые доводы. Республика по всем основным социально-экономическим показателям намного отстает от среднесоюзного уровня и в стране занимает одно из последних мест. Производство общественной валовой продукции и национальный доход на каждого человека очень низкий. В 1987 году в стране произведено на каждого человека по 2130 руб. национального дохода. В Таджикистане показатель составляет 957 рублей. А сейчас и этот показатель снижается. Главная причина в том, что в республике основную часть промышленности составляет сырьевая отрасль. Слабо развита перерабатывающая промышленность, сырье и продукты сельского хозяйства по низким ценам вывозятся в другие республики. Разве справедливо, что в *1989* году сумма общественных фондов потребления в СССР составила 162,9 миллиарда рублей, что составляет на каждого человека по 577 руб., а в Таджикистане сумма этих фондов – 1667 миллионов рублей на каждого человека, соответственно, 347 рублей? Сбережения жителей нашей республики также очень низкие. Исходя из всего этого, делается вывод, что экономика нашей республики приобрела односторонний характер, она является в основном лишь источником сырья. Не была направлена экономика и на комплексное развитие и удовлетворение потребностей людей.

Все это привело к ухудшению экономического положения и снижению жизненного уровня трудящихся. Разве справедливо, что в нашей республике из всех источников финансирования на здравоохранение на каждого жителя затрачивается около 49 рублей? Этот показатель по стране составляет 80, в Прибалтике 120-130 рублей. Только в городе Душанбе не хватает около 5000 больничных мест. Стоимость технического оборудования учреждений здравоохранения составляет 5-6 тысяч рублей. А этот же показатель по стране составляет 23-25 тысяч рублей.

В условиях перестройки богатство и достояние республики связаны с наличием квалифицированных рабочих, специалистов с высшим образованием. Надо сказать, что и в этом отношении Таджикистан отстает от других союзных республик. В 1986 – 1987 учебном году число учащихся средних специальных учебных заведений на каждые 10.000 жителей страны составляло 159 человек, в РСФСР – 170, в Узбекистане – 171, а в Таджикистане этот показатель был всего 86. В 1986 – 1987 учебном году на каждые 10.000 жителей по стране приходилось 118 студентов вузов, в РСФСР – 200, Литве – 178, а в Таджикистане – 115. В республике на каждого ученика затрачивается в 13 раз меньше, чем в развитых странах. Тревожит то, что на протяжении многих лет строятся крупные производственные мощности, а подготовка местных кадров никого не заботит. В республике 150 тысяч семей стоят в очереди на получение квартир, 140 тысяч человек желает работать на предприятиях поближе к месту жительства. Разве эти и другие проблемы не были сигналом приближавшейся трагедии, однако никого не волновали, и никто не старался исправить такое положение.

Таковы некоторые аспекты событий тех дней, таковы недостатки и нерешенные проблемы, таковы вопросы и ответы в связи с событиями 12 – 14 февраля. Это было предысторией событий.

На все эти вопросы необходимо ответить по человеческой совести, партийной честности и советским законам. Поэтому представляется необходимым вопросы разделить соответственно на группы и описывать подробно.

Рассказы о том, что армяне, «неверные», растоптали и сожгли отправленную из Таджикистана в помощь пострадавшим от землетрясения национальную одежду, в последнее время передавались из уст в уста. Это было опасным злонамеренным планом, чтобы возбудить чувство ненависти к армянам. Затем те, кто планировали организовать беспорядки, распространили слухи, будто бы в город Душанбе прибыли 3000 армянских беженцев, и правительство республики вне очереди предоставило им квартиры. Эта весть была на устах жителей столицы республики. В том числе в общежитиях, на улицах и в техникумах, в мечетях и на базарах, в квартале Испечак и в районах республиканского подчинения – в первой половине января этого года. Но правоохранительные органы, КГБ, МВД республики проявили беспечность, своевременно не придали им внимания и не предотвратили распространение этих слухов.

О прибытии в Таджикистан азербайджанских эмиссаров с целью ведения антипартийной агитации 25.01.90 г. ответственный работник ЦК КПСС сообщил секретарю ЦК КП Таджикистана Дадабаеву А. Д. Тов. Дадабаев А.Д. это сообщение передал руководителям КГБ республики. Кроме того установлено, что член Народного фронта Азербайджана, корреспондент газеты «Молодежь Азербайджана» *и* радио Би-би-си Тахир Джафаров находился в Душанбе и 15 февраля этого года принимал участие в сборищах, агитировал людей выступать против армян, прибывших из Сумгаита, Нахичевани и Баку. В тот же день он на улице М. Горького и им. Ленина, собрав 30 юношей, призывал их выразить протест против введения чрезвычайного положения и организовать митинг и демонстрации.

23.02.1990 года народный суд Железнодорожного района приговорил к 10 суткам ареста жительницу г. Баку М.А. Низомиддинову за то, что она 22.02.1990 года в Политехническом институте города Душанбе вела антипартийную агитацию и демонстрировала отпечатанные материалы провокационного характера. Зухуров Сайд в своих объяснениях сообщил, что 14.02.1990 года в 12 часов группа азербайджанских юношей, примерно, из 19 – 20 человек, которые говорили по-русски, пригласили его под мост через реку Душанбинку и зоопарка выпить водку и затем, разделившись по группам, вышли в город.

Из всего этого следует, что митинги не были случайными, и имелись организаторы. Однако никаких мер для того, чтобы дать разъяснения народу через органы массовой информации и преградить распространение клеветы, соответствующими органами не было принято, особенно сотрудники Комитета Госбезопасности республики в этом отношении не выполнили свою прямую обязанность. Не придали должного значения распространению этих слухов среди населения и не поставили в известность партийные и советские органы. Поэтому руководители партийных и советских органов г. Душанбе и республики не смогли объективно оценить сложившуюся обстановку и принять необходимые меры для предотвращения событий.

Такое отношение к своим обязанностям привело к тому, что слухи разрастались и распространялись день ото дня. 10 февраля в квартале Зарафшон группа молодежи совершила проступок, выражающий ненависть к проживающим в Душанбе армянам, и подожгла квартиру одного армянина. Тогда из гостиницы «Душанбе» в Министерство внутренних дел по телефону сообщили, что азербай-

джанцы в гостинице подняли шум, чтобы армянам не предоставлять места, а иначе 11 февраля 1990 года обстановка обострится. Слухи разрослись до большого митинга. Участники митинга, собравшись у здания ЦК Компартии Таджикистана, требовали, чтобы армянские беженцы выехали за пределы республики.

По требованию участников митинга руководители партии, правительства и главный казий республики вышли к ним и разъяснили собравшимся, что в г. Душанбе прибыло всего несколько человек армянских беженцев из Азербайджана. Государством, то есть исполкомом г. Душанбе, им квартиры не предоставлялись. После этого участники митинга разошлись и договорились, что 12 февраля 1990 года в 15 часов, то есть через сутки, вновь соберутся у здания ЦК, а за это время руководители партии и правительства должны проверить обстоятельства и сказать правду об армянских беженцах, в противном случае будет кровопролитие. Но, как выяснилось при проверке, руководители республики и города требованиям участников митинга не дали объективной оценки, для разрешения возникших вопросов не была создана специальная комиссия, чтобы всесторонне изучить доводы участников митинга.

Из-за безответственности партийно-советских работников такая комиссия в составе работников исполкома г. Душанбе, представителей духовенства и неформальных организаций была создана только через 24 часа. Сотрудники Комитета Госбезопасности и Министерства внутренних дел республики за эти 24 часа по своим каналам не предприняли никаких мер по изучению требований и установлению лиц, подозреваемых в призывах к митингу и хулиганским действиям 12 февраля.

Поэтому руководителями партии и правительства республики ничего не было предпринято, чтобы предупредить готовящиеся события.

В целях всестороннего изучения вопроса о приезде армянских беженцев в г. Душанбе комиссия полностью проверила дома отдыха, санатории и пансионаты Варзоба, Ходжа-Оби-Гарма, Харангона, Алмасы, Шахринау, Чептуры, Каратага, Рамита. Орджоникидзеабада, Явана, Шамбары, все общежития и гостиницы городов Душанбе, Турсунзаде, Орджоникидзеабада и Явана. Встречалась с руководителями многих министерств, комитетов, учреждений и предприятий, государственных и общественных организаций, коллективами многих учреждений и предприятий города Душанбе и районов республиканского подчинения, а также с отдельными лицами.

В результате выяснилось, что в этих местах армянские беженцы не проживали.

По официальным данным исполкома г. Душанбе, за период с 21 по 24 января 1990 г. из г. Баку через Красноводск в г. Душанбе прибыло 29 армянских беженцев. Из них 23 человека жили у родственников, 22 армянским беженцам горисполкомом оказана помощь по 35 рублей, двоим – по 80 рублей, всего выдано 930 рублей.

Комиссия, не удовлетворившись этим, проверила корешки билетов в аэропортах городов Душанбе, Курган-Тюбе, Ленинабада, Ташкента и Ашхабада, и при пофамильной проверке выяснилось, что 12 – 16 февраля из аэропорта г. Душанбе в столицу Армянской ССР г. Ереван дополнительными рейсами вылетели 1227 армян. В том числе 12.02.1990 – два рейса (10 ч. 50мин. и 20 ч. 25мин.; 13.02.1990 – один рейс (14 час. 52 мин.); 14.02.1990 – два рейса (03 час. 29 мин. 15 час. 15 мин.), 15.02.1990 – два рейса (09 час. 14 мин.; 22 часа 20 мин.) и 16.02.1990 – два рейса (07 час. 58 мин.; 15 час. 23 мин.) самолетами ТУ-154 вылетели из аэропорта г. Душанбе в г. Ереван. За этот период в другие города Советского Союза из аэропорта г. Душанбе вылетели 163 пассажира армянской национальности.

Всего вылетело 1390 человек. Чтобы установить, кто из 1229, улетевших в Ереван, и 163 – в другие города Союза являются жителями нашей республики, комиссия, с помощью МВД республики во всех отделах внутренних дел районов и городов, адресных бюро республики провела пофамильную проверку номеров и серий паспортов. В результате установлено, что из этого числа 776 человек не являются жителями нашей республики, им паспорта выданы не в нашей республике. Эта цифра неполная, потому что провести проверку по железнодорожному и автомобильному транспорту было невозможно. Установить, кто эти 776 человек – беженцы или туристы, также невозможно, потому что в авиабилетах не показываются данные на этот счет.

Комиссия Верховного Совета Таджикистана ССР по расследованию событий 12 – 14 февраля 1990 года проверяла обстоятельства и причины совершившегося. *Комиссия тщательно ознакомилась с документами, которые были представлены административными органами, просмотрела снятые ленты (это говорит о том, что все снято, и почему Комиссия не требовала их показать, – непонятно (Прим. автора).* Встречалась со свидетелями.

Как было сказано выше, 12 февраля в г. Душанбе уже распространились слухи о приезде армянских беженцев. Одним словом,

невнимание к серьёзным сигналам привело к тому, что 11 февраля 1990 года у ЦК КПСС состоялся многолюдный митинг.

В тот день демонстранты поставили перед ЦК условие, что через 24 часа вновь соберутся у здания ЦК. Остается только сожалеть о том, что руководители города и республики подошли к этому вопросу поверхностно и должным образом не подготовились к следующей встрече.

Согласно договоренности, уже к 15 часам у здания ЦК КП Таджикистана собралось более 5 – 7 тысяч демонстрантов. В этот зимний день, когда шел снег с дождем, митингующие потребовали, чтобы к ним вышли руководители партии и правительства и лично первый секретарь ЦК тов. Махкамов К.М., чтобы сообщить об армянских беженцах. Однако, приблизительно до 15 – 16 часов, требование со стороны руководства не было выполнено, и не были даны убедительные ответы об отправке армян. Кроме того, сотрудниками охраны общественного порядка митингующие насильно, с применением резиновых дубинок, были отброшены от здания ЦК Компартии Таджикистана, что привело к озлоблению демонстрантов, некоторые из них начали бросать камни и другие предметы в сторону сотрудников охраны общественного порядка.

Как показала проверка, после двусторонней стычки в 15.30 - 15.40 началось применение огнестрельного оружия, т.е. уже до выхода руководства республики к митингующим огнестрельным оружием были ранены люди, и несколько человек скончались.

Тогда ему верили...

Например, Асоев Машхур, несовершеннолетний, 1974 года рождения, дал объяснение, что 12.02.1990 года отец послал его купить пшеницу на базаре «Баракат». В момент, когда он проходил через большую улицу в сторону базара, приблизительно в 15.30, он получил пулевое ранение в левую ногу.

Или Баротов Абдухаким, 29 лет, 12.02.1990 года был на площади у здания ЦК КП Таджикистана, в 15.30 был ранен из огнестрельного оружия.

А в 16 час – 16-летний Шеров Азам был застрелен и скончался на месте.

Все – наготове...

Гражданка Фанфандо М.В. на 2 этаже здания Министерства мелиорации и водного хозяйства была ранена в голову. Гражданин Матросов Н.И. и гражданка Негматулина в 15 час. 40 мин. были застрелены в доме 91, кв. 23 и кв. 16 по улице Ленина на 2 этаже. Все трое скончались.

Комиссия придерживается мнения, что если бы руководство республики встретило демонстрантов, тщательно подготовившись, и если бы работники милиции не применяли резиновые дубинки, – поджоги и другие хулиганские действия, возможно, были бы предотвращены.

Несмотря на обстановку, скопление большого числа людей, их гнев и ярость, силы охраны общественного порядка МВД, пограничные войска КГБ, отряд Минобороны СССР, которые были мобилизованы для охраны здания ЦК, имели все возможности для предотвращения кровопролития и неиспользования огнестрельного оружия.

Однако большое число жертв и пострадавших в ходе использования тяжелой боевой техники и автоматического оружия не только в зоне митинга, но и в других местах, свидетельствуют о том, что акция со стороны военнослужащих, работников милиции и КГБ 12, 13, 14 февраля 1990 года была осуществлена непродуманно. При этом не всегда неукоснительно соблюдались нормы закона,

исключающие вероятность кровопролития. Чрезвычайное положение, при всем его грозном статусе, не может быть оправданием гибели невиновных. Тем более что в любом цивилизованном государстве, в том числе и в нашей стране, имеются инструкции, предписания, определяющие порядок применения специальных средств и правила их использования в случае необходимости. Но ни в одном из них не сказано о возможности применения боевого оружия против безоружных до того, как были использованы эти средства…

Категорически запрещается применение специальных средств, не указанных в настоящем перечне.

Однако силы охраны общественного порядка МВД республики, нарушив требования указанной инструкции, применяли все эти специальные средства и использовали огнестрельное оружие. Кроме того, руководство Министерства внутренних дел, стянув все свои силы со всего города и близлежащих районов к зданию ЦК, тем самым не предусмотрело охрану важных хозяйственных, торговых объектов, зданий, учреждений и самое главное – жилищ граждан, допустило большую ошибку. Этот недостаток не был устранен и в дальнейшем, в период усиления грабежей, поджогов магазинов, транспортных средств, избиений жителей города хулиганскими группами.

М. Навжуванов

Приведем один пример из книги регистрации оперативного дежурного МВД от 12.02.1990 года:

«В 16 час. 20 мин. на площадь у здания ЦК дополнительно привезли из резерва МВД 40 человек, из УВД – 15 человек. В 15 час. 27 мин. начался грабеж ювелирного магазина, который расположен недалеко от площади здания ЦК. Но до полного грабежа и поджога магазина на многократное обращение работников магазина сотрудники внутренних дел ответили тем, что у них нет людей, и тем самым не обеспечили охрану магазина, в результате чего разграблено товаров на 400.000 рублей. После этого хулиганы своими выходками нанесли хозяйству города большой материальный ущерб. 13-14 февраля также

во многих квартирах города, в том числе в 33, 91, 101 и других микрорайонах имелись случаи нанесения побоев прохожим, поджогов машин и других беспорядков, учиненных хулиганами, в результате чего, в целях охраны жилищ и важных хозяйственных объектов, население города объединялось в группы самообороны.

При беседе Председатель КГБ Петкель В.В., Министр внутренних дел Навжуванов М., командиры воинских частей 5453 и 6593 дали объяснения, что их сотрудники не стреляли в митингующих и не имели боевого оружия. Также они подтвердили, что до настоящего времени не установлены случаи использования огнестрельного оружия со стороны демонстрантов. Спрашивается, кто стрелял в гражданку Негматулину, гражданина Матросова и других 12.02.1990 года из автомата «Калашников» (АКМ-74). До сегодняшнего дня следственные органы прокуратуры, МВД И КГБ не хотят ответить на этот вопрос. (Разве можно такой власти верить? – Прим. автора).

На страже закона

Установлено, что гражданка Негматулина Н. 12.02.1990 года, примерно в 14 часов пришла к матери, которая проживала по адресу ул. Ленина дом № 91, кв. 23. Приблизительно в 15 час. 40 мин., когда она находилась на кухне на втором этаже, она была застрелена и тут же скончалась (расстояние высоты прохождения пули автомата составляет 5 метров 94 см.).

При обследовании места происшествия установлено, что пуля прошла через двухслойное окно, пробила стекло только в одном месте. Направление пули – вниз прямо. Квартира матери Негматулиной расположена напротив крыла здания ЦК.

Опубликованные статьи, о том, что якобы Негматулина и Матросов были застрелены «экстремистами», не соответствуют действительности, так как с улицы стрелять во второй этаж из огнестрельного оружия невозможно.

Гражданин Матросов В.Я. также в аналогичной ситуации застрелен из автомата АКМ-74. Разве кроме работников милиции и военнослужащих кто-либо имел право пользоваться таким оружием?

Также Комиссия, в целях выяснения вопроса об убитых и раненых в результате применения огнестрельного оружия в гор. Душанбе 12-14 февраля, провела следующие расследования: посетила больницы, квартиры умерших и раненых, беседовала с родственниками. Были получены многие объяснения от лиц, которые были свидетелями событий 12–14 февраля. Комиссия ознакомилась с медицинскими карточками больных, умерших, беседовала с хирургами.

В результате установлено, что 12 – 14 февраля из огнестрельного оружия, в том числе из автомата Калашникова, были ранены 117 человек, из них 21 человек погибли, число погибших достигает 25 человек, т.е. 4 человека были ранены ножом и другим оружием.

Необходимо отметить, что 12 февраля до объявления чрезвычайного положения и введения комендантского часа, т.е. с 15 час. 30 мин. до 20 часов, 46 человек получили ранения от огнестрельного оружия, 9 из них скончались. В том числе у площади ЦК погибли следующие лица: В 16 часов – житель улицы Захматабад Шеров Азам – 16 лет, в 16 час. 30 мин. – житель улицы Навои Маджнунов С.И. – 32 года, житель улицы Жданова Фозилов – 20 лет, в 15 час. 40 мин. – Негматулина Наиля, в 15 час. 40 мин. – работник «Ленфильма» Матросов Н.И.

Оцепление улиц вокруг здания ЦК

Также из огнестрельного оружия на площади ЦК КП Таджикистана и вокруг нее были ранены следующие лица: Мухамадиев Саидахмад – в 16 час 30 мин., Шафиев Хабиб, Сайфуддинов Камол, Шарифов Абдурахим – в 16 час. 30 мин., Икромов Суннатулло, Содиков Хикмат, Умаров Дилшод, Ахмадов Амиршох, Каримов Равшан, Калугин Андрей Абдугафарович, Абдулло Назаралиев – в 17 час., Умаров Махмадшариф – в 17 час. 15 мин., Каримов Раджабали – в 17 час. 55 мин.

Анализ материалов показывает, что после применения огнестрельного оружия и наступления смерти вышеуказанных лиц часть митингующих начала разбивать стекла магазинов, поджигать здания.

Полностью установлено, что первые стекла Центрального универмага были побиты в 16 час. 45 мин., поджог первого этажа ЦК и Министерства мелиорации и водного хозяйства был осуществлен после 17-00, поджог магазинов и ларьков у базара «Баракат» был осуществлен около 19 часов. Это подтверждается книгами оперативной регистрации МВД, УВД, а также свидетелями. *А 13 февраля 31 человек получил ранения, из них 10 человек скончались; 14 февраля получили ранения 16 человек, из них 5 человек скончались.*

Проверками установлено, что 12 февраля все скончавшиеся и раненные были ранены на площади ЦК КП Таджикистана и вокруг нее. А 13 – 14 февраля часть раненых и погибших получили ранения на проспекте Путовского, в Гипроземгородке, в районе старого аэропорта, у гостиницы «Душанбе» и по дороге Душанбе – Гиссар.

Кроме того, *необходимо отметить, что использование огнестрельного оружия и боевой техники военнослужащими и другими лицами, стоящими на защите, были допущены в результате нарушения закона, превышения предоставленных законом полномочий. Это стало причиной увеличения числа погибших, раненых и недовольства населения.*

14.02.1990 года, приблизительно, в 10 часов Урунов Аъзам, Балабанов Юрий Яковлевич, Сангов Зиевуддйн, Негматов Исломиддин (один из них шел из больницы, другие шли на работу) со стороны зоопарка на мосту через Душанбинку были застрелены военными на месте. В результате Балабанов Юрий и Урунов Азам скончались, Негматов и Сангов были ранены и до сих пор больны. 13.02.1990 г. Сафаров Махмадсаид у базара «Баракат», Мирзорахимов Исраил у зоопарка были застрелены из БТР.

Другой пример. 14.02.1990 года около 17 час. гражданин Тешабаев на своей личной машине с супругой и грудным ребенком по

дороге к городку Гипрозем ехали домой в сторону совхоза «Варзоб». По дороге группа военнослужащих остановила его и после проверки отпустила. Через 150 – 200 метров его остановила другая группа военнослужащих. У танка стояли два – три офицера и один солдат. *Солдат потребовал у него документы, тот ответил, что он едет домой и документов не имеет. Тешабаев завел машину и отъехал несколько метров. В это время без предупреждения сзади раздался выстрел. В результате Тешабаев скончался, а его жена и двухлетний ребенок были ранены.*

По заключению медэкспертизы от 15.02.1990 года, установлено, что причиной смерти Тешабаева стало ранение из огнестрельного оружия АКМ-74. В моче Тешабаева обнаружен один процент спиртного, и медкомиссия пришла к выводу, что нельзя считать его находившимся в нетрезвом состоянии.

Кроме того, 14.02.1990 года, примерно в 11 часов у въезда в совхоз «Варзоб» без всякой причины БТР военных столкнулся со стоящей у двора Давлятова Бури автомашиной ГАЭ-53. Автомашина задела стоящего рядом гражданина Худоёрова Исматулло, и был развален забор гражданина Давлятова Бури. В результате Худоёров получил телесные повреждения, и Давлятову нанесли материальный ущерб.

Этот же БТР после столкновения с ГАЗ-53 через 200 – 300 метров наехал на автомашину «Москвич», принадлежащую гражданке Каримовой Бибигул, в прошлом депутату Верховного Совета Таджикской ССР и члену Президиума Верховного Совета Таджикской ССР. Работники милиции Кадиров, Юлчиев А., гражданка Давлятова Азиза и другие дали показания, и следствием установлено, что когда БТР совершил наезд, скопления людей не было, также не было нарушений общественного порядка. После случившегося жители города и кишлака собрались возле машин, в том числе Каримов с сыном. В это время из танка No МТЛ-БУ-8143 в/ч-0/62, который шел из города в сторону воинской части, солдаты произвели выстрелы, в результате чего был ранен Каримов Абдуали. Ему была сделана операция, и до настоящего времени одна его рука не двигается.

Другой пример. 14.02.1990 года в 15 час житель Гиссарского района Саидов Рахматулло хотел уехать домой. У батальона милиции был остановлен военными, которые произвели выстрелы в воздух и заставили его с поднятыми руками стоять у стены. Потом выстрелы были произведены в землю, в результате чего одна из пуль попала в его правую ногу. Когда от боли он хотел сесть на землю,

ему не разрешили и бросили в подвал батальона, где он пробыл до 21 часа и был отпущен после прихода работников милиции.

Все эти самовольные действия военных разве справедливы? Конечно, нет. Но до сих пор никто из военных не привлечен к уголовной ответственности, и на вопросы о действиях военных не были даны соответствующие ответы. Тем временем следственные органы заняты только теми, кто разбивал стекла окон и грабил магазины. Но нельзя забывать, что кровь и жизнь людей дороже всего и неоценимы.

Необходимо отметить, что все, кто погибли от огнестрельного оружия, не находились в нетрезвом состоянии и не были наркоманами, они на митингах оказались случайно, все они работали и характеризуются положительно.

Надо отметить, что районные и городской суды г. Душанбе до 16 июля рассмотрели 35 дел, связанных с февральскими событиями, и в отношении 48 подсудимых вынесли приговоры.

Из них по статье 77 УК Таджикской ССР – за участие в массовых беспорядках уголовные дела в отношении 11 подсудимых по статье 234 УК Таджикской ССР за незаконное ношение ножей и холодного оружия – 10 уголовных дел в отношении 10 подсудимых; по статье 220 УК Таджикской ССР – два уголовных дела, в отношении двоих за хулиганство; по статьям 154, 155 и 90 УК Таджикской ССР за воровство и грабеж государственного, общественного и личного имущества – 11 уголовных дел в отношении 13 подсудимых. Рассмотрено одно уголовное дело по статье 220 УК в отношении двух подсудимых.

Изучение приговоров судов свидетельствует о том, что 21 уголовное дело в отношении 25 человек не связано с февральскими событиями. Также надо сказать, что никто из привлеченных к уголовной ответственности и приговоренных судом не является организатором массовых беспорядков в г. Душанбе.

Из приговоренных судами шестнадцати несовершеннолетних, по национальному составу: 29 – таджики, 5 – русских, 7 – узбеков, остальные – лица других национальностей. Также надо отметить, что из приговоренных судами при совершении преступления трое находились в нетрезвом состоянии, из них 1 – таджик, 1 – еврей, 1 – русский. Два преступления, совершенных в нетрезвом состоянии, не связаны с февральскими событиями. Никто из приговоренных не находился в наркотическом состоянии. Также надо сказать, что следственными органами прокуратуры, КГБ и МВД до сегодняшне-

го дня не выявлены и не установлены главные организаторы трагических событий, а также те, кто открыл огонь по 117 человекам, 25 из которых скончались, и никому не предъявлено такое обвинение.

В целях определения нанесенного ущерба в результате трагических событий 12 – 14 февраля Комиссией проведена следующая работа: от всех министерств и ведомств, комитетов, предприятий и учреждений, общественных и кооперативных организаций, а также из Совета Министров республики официально затребованы необходимые документы и внимательно изучены. По официальным документам, поступившим в адрес Председателя Совета Министров, установлено, что основным резервам предприятий и государственных учреждений, общественных организаций всего в результате уничтожения товаров нанесено 330076 руб. ущерба и в результате пожаров, грабежей и разбоев – 3208 рублей (всего 6569 руб.). Упущенная прибыль, исчисляемая в результате объявления чрезвычайного положения и введения комендантского часа до 22 февраля, определена в 39851 руб.

Для того, чтобы доказать, соответствует ли это действительности, и в целях выявления прямого нанесения государству материального ущерба, комиссия официально пригласила руководителей министерств, комитетов, предприятий, учреждений, соответствующих общественных и кооперативных организаций и официально взяла у них объяснения.

В результате установлено, что многие факты поджогов и погромов, воровства и грабежей, которые были опубликованы на страницах республиканских и союзных газет и журналов, не соответствуют действительности.

Проверкой установлено, что клиническая республиканская больница No 3 в Караболо, автовокзал, хлебокомбинат, молзавод, МЖК, фабрика «Ширин», киноконцертный зал им. Борбада, кинотеатр им. А. Джами и другие объекты не пострадали и не понесли материального ущерба. Однако, *не вникая в суть дела, без анализа и проверки ответственные лица на XVII внеочередном пленуме ЦК КП Таджикистана, не имея соответствующих фактов и цифр, ввели людей в заблуждение.*

Приведем пример. 13.02.1990 г. дежурный МВД сообщает: в 12 час. 14 минут группа людей остановила завод безалкогольных напитков, в 12 час. 31 мин. КГБ И МВД сообщают, что автовокзал разгромлен. Или *второй секретарь Октябрьского района Костыря А.А. на внеочередном XVII пленуме ЦК КП Таджикистана сказал:*

«Я понял, какое значение имеет для таджиков хлеб. Когда они перевернули машину с хлебом и растоптали хлеб – это варварство».

В ходе проверок комиссия установила, что подобного вообще не было, и эти сведения были только ложью и клеветой в отношении таджикского народа. Таких примеров немало.

Кроме того, в ходе бесед с руководителями министерств, комитетов, предприятий и учреждений, общественных и кооперативных организаций установлено, что прямой ущерб, нанесенный государству в результате февральских событий в сумме 6569 рублей, не соответствует действительности. Для того, чтобы доказать это, совместно с министерством финансов, официально представленные документы руководителей и комитетов, предприятий и учреждений о нанесении прямого экономического ущерба были подвергнуты тщательному анализу.

Выявлено, что руководители многих министерств, предприятий, учреждений и организаций размер ущерба, нанесенного в результате воровства, разбоя, поджогов, погромов магазинов и организаций, несколько завысили и официально представили в Совет Министров Таджикской ССР. (На горе людей такие руководители хотят заработать. – Прим. автора).

В итоге *проверка показала, что в результате событий 12 – 14 февраля 1990 года государству нанесен прямой материальный ущерб в сумме 3193,07, а не 6568,98 рублей, и приписка составила 3375,89 рублей, или 52%. Значит, отдельные министерства, комитеты, предприятия, государственные, кооперативные и общественные организации – хотели воспользоваться несчастьем народа и за счет бюджета государства противозаконным путем присвоить 3375,89 рублей.*

Необходимо отметить, что определенный ущерб на сумму 2702,0 руб., относящийся к Минторгу республики, у комиссии вызывает сомнения.

Чтобы доказать это, уместно привести некоторые примеры:

Согласно документам, предоставленным Минторгом, в результате поджогов магазина «Колинхо» (по ул. Путовского), торгового объединения «Культбытхозтовары», якобы сожжено ковров на сумму 158,8 тыс. рублей.

Проверкой установлено, что до 12.02.1990 г. в магазине «Колинхо» не было ни одного ковра, и якобы в этот же день, т.е. 12.02.1990 г. с базы несколькими машинами получено ковров и завезено в магазин, что не соответствует здравому смыслу. Потому что

12.02.1990 г. состоялась демонстрация, примерно в 13 – 14 часов уже была приостановлена работа транспорта по ул. Путовского, и в это время несколько автомашин не могли завезти в магазин ковры.

Таких фактов, в достоверности которых комиссия сомневается, немало. В этой связи комиссия поручила МВД и прокуратуре республики факты нанесенного ущерба, относящиеся к Министерству торговли, подвергнуть тщательной проверке, ответственных лиц привлекать к уголовной ответственности, о результатах сообщить комиссии. По сей день расследование уголовных дел не завершено. Необходимо отметить, что комиссия достоверность поступивших документов в отношении упущенных доходов, что составляет 33 млн. руб., не расследовала, так как, с точки зрения правоведов, о чем гласит и гражданский кодекс, упущенные доходы или еще не приобретенные не включаются в материальный ущерб, и эту сумму невозможно возместить. Тем не менее ,из поступивших в Совет Министров республики документов вытекает, что недополучение доходов произошло потому, что в результате объявления чрезвычайного положения и введения комендантского часа в гор. Душанбе не все предприятия и учреждения, общественные и кооперативные организации нашего города готовы были эффективно работать в таких условиях.

Хотя Указ обязывал всех руководителей министерств и комитетов принять все меры для эффективной работы, однако по объективным и субъективным причинам не все учреждения и организации работали с должной отдачей.

12-13 февраля 21990 единиц городского транспорта не работало. Несмотря на это во многих учреждениях и организациях работа была организована должным образом.

Например, молкомбинат и хлебокомбинат г. Душанбе 11 – 14 февраля текущего года, как в обычные дни, производили продукцию, и население города обеспечивали хлебом и молоком. Хлебокомбинат в эти дни произвел продукции от 65 до 140 тонн больше, чем обычно. Но упущенные интересы (доходы) нанесли нашей экономике большой экономический ущерб.

Следовательно, мнение о том, что якобы события 12 – 14 февраля текущего года государству нанесли более 30 – 40 миллионов материального ущерба, не соответствует действительности. Государству и обществу всего нанесено 3193,07 тыс. рублей материального ущерба, из этой суммы на 1,5 миллиона открыты уголовные дела, следствие по ним ведется.

Как известно, 12.02.1990 г. в 21 час 40 мин. Председателем Совета Министров ТаджССР тов. Хаеевым И.Х. и Министром Внутренних Дел республики тов. Навджувановым М. по радио был оглашен Указ Президиума Верховного Совета ТаджССР об объявлении на территории г. Душанбе чрезвычайного положения и введения комендантского часа с 22 часов до 6 часов утра, подписанный Председателем Президиума Верховного Совета ТаджССР тов. Паллаевым Г.П. и секретарем Президиума Верховного Совета Касымовой А.Т.

Для определения законности данного Указа комиссия ознакомилась с документами Президиума Верховного Совета ТаджССР, его рабочим регламентом, Конституцией республики и СССР, а также другими необходимыми документами, провела беседу с некоторыми членами Президиума.

В результате комиссия определила, что состав Президиума Верховного Совета ТаджССР состоит из 15 человек.

В статье 19 Регламента Верховного Совята ТаджССР говорится: «Лица, входящие в состав Президиума Верховного Совета ТаджССР, и другие лица, участвующие на заседаниях Президиума, заранее должны знать, какие вопросы будут рассматриваться, и по этим вопросам им должны быть розданы соответствующие документы». 20 статья: «Решение Состава Президиума Верховного Совета республики принимается большинством голосов из общего числа членов Президиума».

Статья 63: «Протокол Президиума подписывают Председатель и секретарь Президиума Верховного Совета, если Председатель отсутствует по объективным причинам, то заседание ведет заместитель Председателя Президиума».

При принятии данного Указа грубо были нарушены эти три статьи Регламента Верховного Совета, т.к. по данному вопросу не проводились заседания Президиума, члены Президиума не собирались, и до сегодняшнего дня нет протокола заседания Президиума. К тому же 12.02.1990 г. Председатель Президиума Верховного Совета ТаджССР тов. Паллаев Т.П. находился на сессии Верховного Совета СССР в Москве. Его заместитель тов. Усманов У.Г. проводил в колхозе «Ленинград» Шаартузского района встречу с избирателями.

По этой причине они не могли участвовать в заседании Президиума Верховного Совета республики. Без участия Председателя и заместителя Председателя Президиума Верховного Совета, согласно статье 63 Регламента Верховного Совета ТаджССР, проводить заседание Президиума категорически запрещается, т.к. только Предсе-

датель или его заместитель имеют право проводить заседания Президиума.

На деле же проект данного Указа был составлен в Министерстве юстиции и в Совете Министров республики и с официальным письмом, подписанным председателем Совета Министров республики тов. Хаёевым И.Х., был вручен бывшему секретарю Президиума Верховного Совета ТаджССР тов. Касымовой А.Т. Однако, согласно Конституции ТаджССР, председатель Совета Министров республики не имеет прав и полномочий для составления проектов Указов *(А обвинять без основания своего заместителя и Председателя Госплана тоже было из этой «оперы». Ему не привыкать нарушать закон. – Прим. автора).*

Затем Касымова А.Т. вместе с бывшим Министром юстиции республики тов. Махмудовым Ш.Д. и ответственным работником юридического отдела Верховного Совета Таджикской ССР Абдуллаевым А. после редакции отнесли проект Указа в ЦК КП Таджикистана.

В ходе беседы бывший секретарь Президиума Верховного Совета Касымова А.Т. стремилась увести комиссию с правильного пути и доказывала, что по телефону добилась согласия всех членов Президиума о принятии Указа об объявлении чрезвычайного положения и введении комендантского часа, а с членами Президиума Махкамовым К.М., Алимовым Р.К., Икрамовым М.М. и Юсуповым А. якобы беседовала лично сама.

Усманов У.Г. в 21 час прибыл из Шаартуза и подписал данный Указ. После чего Указ был дан в эфир. Указ якобы был опубликован по требованию Председателя Совмина республики тов. Хаёева И.Х. Эти показания Касымовой А.Т. не имеют ничего общего с действительностью и говорят о том, что она совершенно не знакома с Конституцией СССР, Таджикской ССР и Регламентом Верховного Совета Таджикской ССР, что доказано данными фактами.

Во-первых, в Регламенте Верховного Совета ТаджССР и Конституции республики, Законах СССР не предусматривается право телефонного одобрения, вместо заседания Президиума. Отсюда, несмотря на обстоятельства, никто не имеет права не выполнять требования Закона и принятые правила.

Во-вторых, по итогам проверки междугородней телефонной станции выяснилось, что тов. Касымова А.Т. 12.02.1990 г. звонила лишь по телефону 2-31-41 г. Ура-Тюбе Аюбовой М. и говорила с

ней всего минуту – с 15.48 ч. по 15.49 час. московского времени. Какой вопрос можно было решить за этот промежуток времени?

В-третьих: из объяснений членов Президиума Каримовой Б., Алимова Р., Бабаджанова Э., Махмадалиева М., Раджабова Б., Ташматовой М., Тургунова Е.И., Гордеевой Ю.М. выясняется, что 12.02.1990 г. никто не звонил им, не искал их и не приглашал в Президиум, о принятии данного Указа не оповещал, заседания Президиума не было, и вообще об этом они ничего не знали. Об Указе, об объявлении чрезвычайного положения и введении комендантского часа узнали по телевидению и из прессы.

Оказывается, из 15 членов Президиума Верховного Совета Таджикской ССР 8 членов не были осведомлены о принятии Указа об объявлении чрезвычайного положения и введении комендантского часа, и никто не спрашивал их о принятии этого Указа.

В-четвертых, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Таджикской ССР тов. Усманов У.Г. 12.02.1990 г., примерно в 19 часов, проводил встречу с избирателями в колхозе «Ленинград» Шаартузского района. Его попросили, чтобы он срочно позвонил первому секретарю Курган-Тюбинского обкома партии тов. Халимову. Прервав встречу, он проехал 35 км и прибыл в райком партии. Примерно, в 7 час. 20 мин. позвонил Халимову и за 10 мин. переговоров был проинформирован о событиях, произошедших в Душанбе. Примерно, в 19 – 20 он выехал в Душанбе (расстояние до г. Душанбе – 198 км). В приемной председателя Президиума Верховного Совета встретился с Касымовой А.Т. и др., которые смотрели в это время телевизор. В ходе беседы Касымова А.Т. сообщила о событиях в Душанбе и о принятии Указа об объявлении чрезвычайного положения и введении комендантского часа. После этого он пошел в ЦК КП Таджикистана к тов. Махкамову К.М. и сообщил о своем прибытии. Т. Махкамов К.М. сказал ему: «Мы Вас искали по поводу принятия Указа об объявлении чрезвычайного положения и введении комендантского часа, но по телефону связались в Москве с Паллаевым и все решили. Вы можете заняться своими делами».

12.02.90 г. председатель Совета Министров республики Хаёев И.Х., министр внутренних дел Навджуванов М. и зам. министра юстиции Хамидов Х. примерно в 21 час 20 мин. «спустились со второго этажа здания ЦК КП Таджикистана и поехали на телестудию. После 15-20 мин. подготовки они прошли в одну из студий для записи. Там, наряду с другими вопросами, тт. Навджувановым М. и Хаёе-

вым И.Х. был зачитан и данный Указ (из объяснительной Хамидова Х., Навджуванова М.).

Факты, изложенные выше, свидетельствуют о том, что Усманов У.Г. прибыл в Душанбе в 21 час 40 мин. В это время Указ был уже посредством радио и телевидения дан в эфир. По этой причине тов. Усманов У.Г. не видел в глаза Указ об объявлении чрезвычайного положения и введении комендантского часа и не участвовал в составлении этого Указа.

Член Президиума Аюбова Махбуба в своей объяснительной отметила, что Касымова А.Т. 12.02.1990 г. позвонила ей и сообщила, что в столице республики объявляется комендантский час. Но что это за комендантский час, ей не известно.

Член Президиума Юсупов А. подтвердил, что 12.02.90 г., примерно в 20 часов по приглашению Касымовой А.Т. прибыл в ее кабинет и дал согласие на составление Указа. Но при этом указал, что он против применения военных сил.

Бывший Председатель Президиума Верховного Совета тов. Паллаев Г.П. подтвердил, что 12.02.1990 г., примерно в 20 часов, в ходе беседы с Махкамовым по телефону, он сказал: «Если этого требует положение и соответствует закону, то принимайте Указ об объявлении чрезвычайного положения и введении комендантского часа. Президиум должен был рассмотреть этот вопрос согласно закону». «Указ я подписал 14.02.90 г.».

Член Президиума Икрамов М. подтвердил, что его согласие по данному Указу спросили лишь 12.02.90 г. в 22 часа. Но заседания Президиума не проводилось, и он не участвовал в нем.

Учитывая эти факты, комиссия пришла к заключению, что данный Указ по непосредственному согласию членов Президиума Касымовой А.Т., Юсупова А., Махкамова К.М., Аюбовой М. и Паллаева Г.П. … Из названных товарищей Аюбова М. и Паллаев Г.П. свое согласие передали по телефону. Согласие же Усманова У.Г. и Икрамова М. спрашивали лишь после объявления Указа. Даже если это можно было считать соответствующим закону, то все равно все названные товарищи не составляют кворум, являются меньшинством – 7 из 15. Это является доказательством того, что появление данного Указа является незаконным актом.

Главным к тому же является то, что принятие Указа противоречит Конституции. В статье 108, пункт II Конституции Таджикской ССР говорится: «Для обеспечения защиты и безопасности граждан Таджикской ССР Президиум Верховного Совета Таджикской ССР

рассматривает вопросы объявления на территории республики, в том числе в отдельных местностях, чрезвычайного положения и ввода комендантского часа». Таким образом, наша республика имеет право лишь рассматривать данный вопрос. А в Конституции СССР в статье 119, пункте 14 говорится: «В целях обеспечения защиты СССР и безопасности граждан имеет право распространения по всей стране, а также в отдельных местах военного или чрезвычайного положения, непременно обсудив этот вопрос с Президиумом Верховного Совета соответствующей республики». То есть Президиум Верховного Совета СССР имеет право объявить чрезвычайное положение, но только после согласования с Президиумом Верховного Совета союзной республики.

Анализ двух статей дает основание сделать вывод, что наш Президиум Верховного Совета не имел права объявить чрезвычайное положение и вводить комендантский час.

Комиссия, не удовлетворившись этими неоспоримыми фактами, обратилась в Институт государства и права Академии наук СССР с официальным письмом под N К-36 от 2.04.1990 г. В ответ, за подписью директора института, члена-корреспондента АН СССР Топарнина Б.Н. от 09.04.1990 г. за No 14202-01 ж 54, получен ответ, который подтверждает данные тезисы Конституции и добавляет, что Президиум Верховного совета Таджикистана не имел права издавать данный Указ.

Право принятия такого Указа имеют Верховный Совет республики (п.26 ст. Конституции Таджикской ССР) или Президиум Верховного Совета СССР.

Несмотря на это, Указ Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 12.02.90 г., без подписи Паллаева Г.П. или Усманова У.Г., был объявлен в 21 час. 40 мин. по телевидению и радио и 13.02.90 г. опубликован во всех газетах.

Заключение: Указ Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 12.02.90 г. об объявлении чрезвычайного положения и введении комендантского часа по форме, содержанию, правовому назначению полностью является незаконным. Главными виновниками принятия данного Указа являются работники Юридического отдела Совмина и Верховного Совета республики, бывший секретарь Президиума Верховного Совета Таджикской ССР тов. Касымова А.Т. (И кто понес наказание, и почему этого не потребовала Комиссия? – Прим. автора).

Необходимо отметить, что 12 февраля после 16 час. обстановка в Душанбе очень обострилась и стала напряженной, и принятие Указа о введении чрезвычайного положения и комендантского часа было обосновано. Надо отметить, что, согласно закону, принятый Указ не уполномочивает союзные министерства совершать какие-либо действия.

В этой связи по устной просьбе руководителей республики (Паллаева Г.П. и Махкамова К.М.), по совету Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачева Минобороны СССР – тов. Язовым Д. *был отдан приказ о вводе частей Туркестанского военного округа в Душанбе. Было введено 1068 военнослужащих и 14 февраля – еще 790 воздушных десантников Туркестанского военного округа из Армении.*

Из официального письма тов. Язова Д. от 11.06.1990 года за No 312/1/159 стало известно, что он разрешил ввод войск в Душанбе по той причине, что якобы часть жителей напала на военнослужащих и членов их семей и на военные объекты.

Одним из требований митингующих был вопрос об освобождении лиц, участвовавших в беспорядках 12.02.90 г., задержанных правоохранительными органами. Для тщательного расследования данного вопроса комиссия провела беседы со многими людьми, используя большое количество документов и фактов и всесторонне изучив их. Во время бесед Аскар Хаким, Сафар Мастонзод, Олим Зарабеков, Хамидулло Хабибуллоев и др. подтвердили, что действительно 13.02.90 г. митингующие через Временный комитет потребовали от руководителей партии и правительства республики, чтобы они содействовали освобождению тех лиц, которые незаконно были задержаны вечером 12.02.90 г. представителями правоохранительных органов. Это требование председатель Временного комитета Каримов Б.Б. передал тов. Махкамову К.М., в свою очередь он дал согласие на освобождение тех, кто не совершал преступления. После чего Каримов Б.Б. вместе с О. Латифи, ответственным работником ЦК КП Таджикистана Пулатовым и др. ответственными товарищами пошли к Министру внутренних дел и коменданту г. Душанбе тов. Навджуванову, в штабе которого находились прокурор республики тов. Михайлин Г. С. и заместитель Председателя Верховного Совета республики тов. Усманов У.Г. После чего Каримов передал требование митингующих и просьбу Махкамова К.М. об освобождении задержанных, которые не совершали преступлений. По приказу ответственных работников правоохранительных органов Михайлина Г.С.

и Навжуванова М., из районных отделов внутренних дел г. Душанбе были освобождены 60 человек задержанных.

Министр внутренних дел республики тов. Навджуванов М. подтвердил, что действительно, с целью удовлетворения требований митингующих и предотвращения кровопролития, по телефонному звонку Махкамова К.М. и Хаёева И.Х., 13.02.90 г. вечером по совету прокурора республики тов. Михайлина Г.С. 60 человек задержанных были освобождены из районных отделов внутренних дел г. Душанбе.

В соответствии с вышеуказанными фактами выяснилось, что 60 человек задержанных были освобождены прокурором и министром внутренних дел республики по совету руководителей партии и правительства с целью предотвращения кровопролития и столкновений.

Кроме того, комиссия установила, что этих 60 человек по закону нельзя было считать задержанными, т.е. об их задержании и взятии под стражу со стороны работников Министерства внутренних дел и прокуратуры республики нет необходимых документов, таких, как протокол задержания на короткий срок лиц, подозреваемых в совершении преступлений, постановления о возбуждении уголовного дела и др.

Для составления таких уголовно-процессуальных документов правоохранительные органы не имели никаких оснований, т.к. из 60 задержанных 58 – не совершали никаких правонарушений, только лишь Холов Тошмахмад и Одинаев Абдувахоб являются настоящими преступниками (по официальным документам МВД республики). А значит, 58 человек не являются задержанными, а лишь приведенными. Но их противозаконно вместо трех часов держали сутки. К тому же, не зная всех тонкостей закона, на 17 пленуме ЦК КП Таджикистана и XXI съезде партии, по радио, телевидению, в прессе, в выступлениях ответственных работников вместо слова «приведенные» использовалось слово «задержанные».

Заключение: 60 человек, привлеченных и доставленных в отделения внутренних дел, освобождены по закону. Это значит, что требование тов. Махкамова К.М., Хаёева И.Х., действия Навджуванова М., Михайлина Г.С.. также Каримова Б.Б., Латифи О. и др. ответственных лиц соответствуют закону. С их стороны не отмечается противозаконных действий.

Следует отметить, что отношение правоохранительных органов, КГБ не всегда было доброжелательным. Позиция КГБ республики в этом отношении особенно необъяснима. На вопросы ко-

миссии по поводу поведения и деятельности некоторых представителей «Растохеза», религиозных деятелей и тех, кто незаконно хотел сместить Председателя Совета Министров и захватить власть, не дано четкого удовлетворительного ответа. Более того, не был показан комиссии обещанный 3-х часовой фильм, снятый работниками КГБ.

К тому же работники прокуратуры и Министерства внутренних дел республики до сих пор под любым предлогом стараются не представлять комиссии необходимых сведений и материалов. Многочисленные письма и требования комиссии и сегодня остаются без ответа. В комиссии два раза были прослушаны сообщения заместителя прокурора республики тов. Захарова Е.Д., один раз сообщения прокурора республики Михайлина Г.С. и прокурора г. Душанбе С. Шаропова *Но они отказались отвечать на многие вопросы, поставленные комиссией. (И это представители власти. – Прим. автора).*

К примеру, ими был дан приказ не выдавать соответствующие медицинские документы из больниц и бюро медэкспертизы. Руководители Министерства здравоохранения республики по этой причине не ответили на официальное письмо комиссии по поводу раненых огнестрельным оружием в период 12 – 14.02.90 г. (объяснительная Министерства здравоохранения республики Иномова Д.И.). (Как можно оценить такие действия властей? – Прим. автора).

По мнению комиссии, основной задачей органов прокуратуры и КГБ республики является тщательное расследование и выяснение острых моментов. Например, кто, при каких обстоятельствах, по чьему приказу использовал оружие против человека. Эти органы должны выяснить, кто же те 117 человек, в которых стреляли 12 – 14 февраля на площади у здания ЦК КП Таджикистана, Абу Али Ибн-Сина. по ул. Путовского, у зоопарка, в Гипроземе и 25 человек, которые были убиты, из какого оружия в них стреляли и по чьему приказу.

Однако в течение более чем 5 месяцев по этому вопросу работниками прокуратуры и КГБ ничего конкретного не сделано.

Проверка комиссии определила, что до сих пор некоторые из раненых даже не вызывались в прокуратуру, их одежда не была по законам предварительного следствия подвергнута медицинской, физико-технической и др. экспертизам. Что же это за следствие? Комиссия по этому вопросу опросила более ста человек, проводила встречи на предприятиях и в организациях, получила множество писем и жалоб. В не-

которой степени картина прояснилась – в пострадавших стреляли военные и работники правоохранительных органов, имеющие огнестрельное оружие, и многих из стрелявших пострадавшие могли бы узнать. Однако этим никто не занимался, никого не интересовала эта сторона вопроса. Поэтому, на сегодняшний день, *не возбуждено ни одного уголовного дела по фактам ранений и убийств, никто из стрелявших не был привлечён к уголовной ответственности.*

Вследствие этого руководители прокуратуры республики, используя множество отговорок и предлогов, не отвечают на многочисленные запросы комиссии.

В том числе комиссия 13.03.90 г. обратилась с официальным письмом под N 9/S9; 9/169 к Прокурору республики тов. Михайлину Г.С., в котором просила прояснить детали в следующих параграфах проверки:

а) сведения о пострадавших (раненых и убитых): фамилия, имя, отчество, место жительства, место попадания пули, кем ранен.

б) кто из раненых и убитых был обследован следственными органами, есть ли данные судмедэкспертизы и др. документы.

Однако до сегодняшнего дня в комиссию ответного письма не поступило. Поэтому комиссия была вынуждена с большими трудностями, обойдя больницы, места проживания и работы раненых, определив личности тех, кто был убит, уточнить нужные данные о пострадавших.

28.03.90 г. под N 9/168 комиссия обратилась к тов. Михайлину Г.С. с очередным запросом, в котором выразила просьбу представить копию заключения Прокурора республики о том, законным ли было задержание 60 человек в первый день событий? На комиссии прокурор г. Душанбе тов. Шаропов С. сказал, что такое заключение есть в Прокуратуре республики, и комиссия имеет право с ним ознакомиться. Несмотря на неоднократные запросы комиссии, тов. Михайлин Г.С. не счел нужным ответить комиссии и не представил копию заключения. Кроме того, комиссия по итогам проверки определила все паспортные данные 60 задержанных и освобожденных и отослала этот список в Прокурору республики, попросив обосновать юридически законность их задержания и освобождения и представить заключение комиссии. Однако и на этот запрос не был дан ответ.

После того, как комиссия, с большими трудностями, определила фамилии, имена, дату, место и время каждого случая ранения и смерти, 03.05.90 г. под N 9/240 на имя тов. Михайлина было послано еще одно официальное письмо, в котором был запрос о выяснении

обстоятельств 96 случаев огнестрельных ранений, о том, кто стрелял, возбуждено ли против них уголовное дело.

С таким содержанием на имя тов. Михайлина Г.С. было послано еще одно официальное письмо (№ 9/241 от 03.05 90 г.), где, в частности, говорилось: «При каких обстоятельствах и кем, каким видом оружия убиты 25 человек? Есть ли виновные в убийстве?»

Однако до сегодняшнего дня Прокурор республики не желает ответить и на эти два письма.

К тому же по многим вопросам, поднятым в газете «Правда» в статье «Колокола надежды», комиссия отослала на имя Министра внутренних дел республики Навджуванова М. официальное письмо, в котором делается запрос. По тем случаям 12 – 14.02.90 г., описанным в статье, зарегистрированы ли случаи растерзания русского ребенка, сбрасывания русской женщины с Путовского моста в реку Душанбинку, изнасилования беременной женщины, или это выдумка и искажение фактов, как и приписка 700 тысяч тонн хлопка и др.? Однако первый заместитель министра внутренних дел тов. Щенцев Н.В. дает на запрос расплывчатый ответ, что якобы этим случаям еще не дана правовая оценка.

По поводу халатного отношения руководителей прокуратуры, МВД и лиц, занимающих руководящие посты в советских и правительственных органах, к комиссии говорилось в официальном письме от 22.05.90 г. на имя Председателя Верховного Совета Таджикской ССР тов. Махкамова К.М. К сожалению, и это письмо осталось без ответа (Круговая порука. – Прим. автора).

Поэтому комиссия не может дать заключение по вопросам, решение которых является святой обязанностью органов КГБ, МВД и прокуратуры, слагает с себя ответственность за их решение и оставляет их на совести руководителей партии и правительства. С материалами проверки, проведенной бюро ЦК КП Таджикистана, не ознакомили членов комиссии.

Несмотря на то, что бюро ЦК КП Таджикистана, пленум и XXI съезд КП Таджикистана рассмотрели вопрос о неконституционном назначении тов. Каримова Б.Б. на должность Председателя Совета Министров и освобождении от этой должности тов. Хаёева И.Х. и дали ему политическую оценку, тем не менее, комиссия проверила многие стороны этого вопроса.

В ходе осуществления проверки была проведена беседа с заинтересованными людьми, необходимые документы и инструкции были изучены соответствующими органами.

В результате проверки и анализа установлено, что 13 февраля на несанкционированном митинге на площади у здания ЦК КП Таджикистана по требованию митингующих, с разрешения тов. Махкамова К.М., зам. председателя Совета Министров Таджикской ССР, Председатель Госплана республики тов. Каримов Б.Б. выступил перед митингующими.

Затем митингующими, с целью доведения до сведения руководителей партии и правительства республики их требований, был избран временный комитет из 17 человек. Председателем был избран тов. Каримов Б.Б. Об этом тов. Каримов сообщил тов. Махкамову и приступил к исполнению своих обязанностей.

На другой день, 14 февраля, временным комитетом с целью исполнения требований митингующих, т.е. ухода в отставку трех руководителей партии и республики, в ЦК была организована встреча сторон, а в это время Каримов Б.Б. вместе с первым заместителем Председателя Совета Министров тов. Кошлаковым Г.В. на площади призывали митингующих соблюдать порядок и спокойствие. Затем в ЦК началась встреча сторон. В ходе продолжительных острых дебатов, в целях предотвращения кровопролития и поджогов магазинов и предприятий, первый секретарь ЦК КП Таджикистана тов. Махкамов К.М., Председатель Президиума Верховного Совета тов. Паллаев Г.П. и Председатель Совета Министров Таджикской ССР тов. Хаёев И.Х. подписали протокол по конституционным требованиям об уходе в отставку. Согласно Конституции Таджикской ССР и Уставу КПСС, тов. Махкамов К.М. освобождается от обязанностей первого секретаря ЦК КП Таджикистана в том случае, если на пленуме 56 процентов членов ЦК КП Таджикистана поддержат его отставку. Тов. Паллаева Г.П. только народные депутаты Таджикской ССР могут на сессии Верховного Совета Таджикистана отправить в отставку. А тов. Хаёева И.Х. члены Президиума Верховного Совета Таджикской ССР Указом Председателя Президиума Верховного Совета Таджикской ССР могут освободить от занимаемой им должности.

То есть протокол, который подписан руководителями республики 14 февраля с.г., сам по себе не является законным документом, не приводит к каким-либо юридическим последствиям, никого не обязывает, так как руководители республики работают на выборных должностях. До дня пленума и сессии и заседаний Президиума Верховного Совета Таджикской ССР т.т. Махкамов К.М., Паллаев Г.П., Хаёев И.Х. полноправно занимали свои партийные и государственные должности.

Но тов. Каримов Б.Б., не зная закона, взяв протокол, который не имел законной силы, с Министром культуры тов. Табаровым Н.Т. в 18 час. вернулся в свой кабинет в Госплан.

Затем Табаров Н.Т., по совету Каримова Б.Б., по правительственному телефону от его имени позвонил Председателю горисполкома тов. Икрамову М.М., главному редактору газеты «Точикистони Совети» тов. Мухабатшоеву М.М., зав. отделом госправа ЦК КП Таджикистана тов. Хувайдулаеву Н.Х. и начальнику политотдела МВД Таджикской ССР тов. Хабибову А.Х. и пригласил их в Госплан, но не сообщил, зачем он их приглашает.

Когда они пришли, Табаров Н.Т. показал протокол об уходе в отставку руководителей республики т.т. Хувайдулаеву Н.Х., Мухабатшоеву М.М., Хабибову А.Х., Каримов – показал тов. Икрамову М.М., затем Табаров отвел в сторону тов. Хувайдулаева и спросил о процедуре и правах назначения на должность Председателя Совета Министров республики.

В ответ тов. Хувайдуллаев пояснил, что вопрос назначения и освобождения Председателя Совета Министров сложный, так как он входит в номенклатуру Политбюро, и необходимо рассмотреть на Бюро ЦК КП Таджикистана и Президиума Верховного Совета Таджикской ССР. Затем принимается Указ. Указ, в соответствии с законом, должен подписывать только Паллаев Т.П. На вопрос Хувайдуллаева, кто будет главой правительства, тов. Табаров ответил: «Каримов Б.Б. Этот вопрос был решен у тов. Махкамова К.М., Паллаева Г.П., Хаёева И.Х. Тов. Пуго Б. К. решил этот вопрос с Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Горбачевым М.С.» Позже, по приглашению тов. Табарова Н.Т., пошли к Каримову Б.Б., который, сидя за своим рабочим столом, смотрел свое выступление по телевизору. На вопрос Каримова Б.Б. о совмещении двух ответственных постов – Председателя Верховного Совета и Председателя Совета Министров Таджикской ССР тов. Хувайдуллаев Н.Х. дал неудовлетворительный ответ. По просьбе Каримова Б.Б. он разъяснил ему закон и сказал, что вопрос освобождения от занимаемой должности тов. Махкамова К.М. решает пленум, Паллаева – сессия Верховного Совета, а тов. Хаёева И Х. – с согласия Бюро ЦК КП Таджикистана, Президиума Верховного Совета Таджикской ССР посредством изучения Указа. По этому вопросу Каримов Б.Б., по правительственной связи позвонив тов. Шабдолову, сказал: «Ако, обстановка тяжелая, что делать, республика осталась без руководителя…» Однако по данному вопросу слова Шабдолова и Каримова противоречат друг другу. Каримов утверждает,

что вопрос о том, чтобы он поехал на телестудию, согласовал по телефону с Шабдоловым, а Шабдолов игнорировал слова Каримова и сказал: «Каримов позвонил мне и сказал «Ако, обстановка тяжелая, надо посоветоваться» и бросил трубку».

Затем Каримов Б.Б. позвонил заместителю Председателя Президиума Верховного Совета Таджикской ССР тов. Усманову У.Г. и пригласил его в свой кабинет посоветоваться и ознакомил с протоколом ухода руководства партии и правительства в отставку. Потом Каримов Б.Б. в присутствии других сказал Усманову У.Г.: «Нельзя оставлять республику без руководителя, поэтому прошу Вас издать хотя бы временный Указ об освобождении Председателя Совета Министров Хаёева И.Х. и о моем назначении на эту должность», но Усманов отказал Каримову Б.Б. и сказал: «Во-первых, временных указов не бывает. Во-вторых, тов. Паллаев Г. П. работает на своей должности, и *этот* вопрос решает Президиум Верховного Совета Таджикской ССР. Я таких прав не имею». Надо посоветоваться с тов. Паллаевым Г.П. и послушать по этому вопросу мнение Президиума. Тов. Каримов еще раз уверил Усманова, что Паллаев подписал протокол об уходе в отставку, поэтому надо готовить Указ, который необходимо объявить в 22 часа по телевидению. После *этого* Усманов и Хувайдулаев пошли в Президиум. А Табаров попросил Мухабатшоева в очередном номере газеты опубликовать этот протокол.

В свою очередь Усманов зашел в кабинет Секретаря Президиума Верховного Совета Касымовой А.Т. и в присутствии ответственных работников Кахарова, Абдуллаева рассказал о происшедшем, попросил зав. юридическим отделом тов. Нурова подготовить проект Указа об освобождении от обязанностей Председателя Совета Министров Таджикской ССР тов. Хаёева Н.Х. и о назначении вместо него Каримова Б.Б. Затем Усманов пошел в свой рабочий кабинет и рассказал Председателю центральной избирательной комиссии тов. Дедову И.Ф. о случившемся (Как можно было отказать Каримову Б.Б. и затем подготовить проект Указа, где логика? – Прим. автора).

С целью уточнения сути дела он в присутствии Дедова несколько раз звонил в приемную секретаря ЦК КП Таджикистана Махкамова К.М., чтобы поговорить с Паллаевым, но его не нашел (объяснения Усманова, Дедова). Через несколько минут Усманов по телефону сообщил Паллаеву о случившемся. Паллаев категорически запретил готовить подобный Указ. *Когда Нур Табаров принес проект Указа, Усманов его разорвал. (Ну, герои! – Прим. автора).*

Как показала проверка, в эту же ночь Икрамов по вопросу, касающемуся Указа, сообщил секретарю ЦК КП Таджикистана тов. Веселкову Г.Г.

Как вытекает из сообщения Председателя Государственного Комитета Таджикской ССР по телевидению и радиовещанию тов. Джураева, вечером 14 февраля т.г. Каримов Б.Б. дважды звонил ему и просил о том, чтобы протокол об уходе руководителей партии и правительства в отставку передать по радио и телевидению, но Джураев отказал ему в этом. В эту же ночь Табаров Н.Т. от имени Каримова звонил заместителю редактора газеты «Точикистони Совети» Ахмадалиеву и сказал, что к ним поступил важный документ, и они должны быть готовы к его опубликованию. Но не сказал, что это за документ (объяснение Ахмадалиева).

Кроме того, 15 февраля Временный комитет Каримова Б.Б. в присутствии своих членов Миррахимова, Табарова, Мадаминова, выдвинул кандидатуру Каримова Б.Б. членом временного бюро ЦК КП Таджикистана, и Миррахимов зачитал этот список на XVII внеочередном пленуме ЦК КП Таджикистана.

Необходимо отметить, что Хувайдулаев 14 февраля, прежде чем поехать в Госплан к Каримову Б.Б., сказал об этом ответственным работникам ЦК КП Таджикистана Мухамедову С.М.. Азизовой и Негматову и звонил в приемную первого секретаря ЦК КП Таджикистана Махкамову К.М., второму секретарю ЦК КП Таджикистана тов. Веселкову Г.Г., но по объективным причинам не смог переговорить с руководителями республики. После того как вернулся от Каримова Б.Б. в свой кабинет, повторно по правительственному телефону позвонил Васелкову Г.Г., чтобы сообщить, но по объективным причинам не смог переговорить с ним. Через 10 минут Хувайдуллаев Н. позвонил еще раз тов. Веселкову Г.Г., но его уже не было, он уехал на собрание в горком партии. Тогда Хувайдуллаев Н. едет в горком, чтобы сообщить тов. Веселкову Г.Г., там встречает Икрамова М.М., который уверяет его в том, что он сообщил тов. Веселкову Г.Г.

Мухабатшоев М.М., взяв протокол об уходе в отставку руководителей республики, злоупотребляя своим служебным положением, без согласия ЦК КП Таджикистана, невзирая на то, что его дважды предупреждал Худоиев М., первый зам. заведующего идеологическим отделом ЦК КП Таджикистана, что ЦК против публикации этого протокола, вопреки Закону о печати и инструкции ЦК КП Таджикистана, самовольно 15. 02.1990 года опубликовал протокол на страницах газеты «Точикистони Совети» (объяснение Худоиева

М., Юсуфова Г., Ахмадалиева А., Кузьмина П., Насриддинова Х. и Холназарова).

Кроме того, Мухабатшоев М.М. о тех переговорах и совещаниях, которые происходили в кабинете тов. Каримова Б.Б., не сообщил руководителям партии и правительства.

В тот же вечер он участвовал в заседании актива города Душанбе, который проходил с участием членов ЦК КП Таджикистана, но о встречах и разговорах, связанных с Каримовым Б.Б. и другими ответственными лицами, участникам актива не сообщил. Как Председатель ревизионной комиссии тов. Дадабаев А.Д. подтвердил, что Мухабатиюев М. сознательно, с определенной целью действовал по заговору Каримова Б.Б. и Табарова Н.Т., чтобы реализовать их намерения.

После того, как Хабибов А.Х. ознакомился с протоколом ухода в отставку руководителей партии и правительства, Табаров Н. ему сказал: «Возможно, обстановка в городе станет тяжелее, поэтому серьезно надо следить за общественным порядком». Спустя несколько минут, по поручению Каримова Б.Б. Хабибов на дежурной автомашине МВД доставил в МВД неизвестного человека, не установив его личность. Затем после 25 – 30 минут, посадив его в служебную машину с помощью военнослужащих, которые находились на охране общественного порядка, доставил его домой в район Испечак. Также Хабибов на пленуме поступил неискренне и скрыл много моментов, сказал, что в ночь на 14 февраля т.г. впервые был в рабочем кабинете Каримова. Но проверкой установлено, что за этот период он с Каримовым трижды по 25 – 30 минут имел беседу. 12 февраля т.г. вечером он отвозил Каримова в кишлак Учкул Ленинского района к матери. Он позже признался в этом (справка проверок МВД и протокол партийного собрания МВД Таджикской ССР).

Необходимо отметить, что материалы и факты, которыми располагает комиссия, свидетельствуют о том, что т.т. Каримов, Табаров, Хувайдуллаев, Хабибов, Мухабатшоев и Усманов к организации несанкционированных митингов, которые проходили 12 – 18 февраля, не имели отношения.

Собрав множество фактов, доводов и проанализировав их, члены Комиссии пришли к такому мнению:

1. Каримов Б.Б. и Табаров Н.Т. после того, как взяли протокол об уходе в отставку руководителей республики, не зная тонкостей закона, признали его как законный документ и решили, что республика осталась без руководителя. Поэтому, посоветовавшись между

собой, хотели воспользоваться этим моментом, подготовить проект Указа Президиума Верховного Совета о назначении тов. Каримова Б.Б. и освобождения от этой должности тов. Хаёева И.Х.

В целях осуществления этих своих эгоистических целей и с тем, чтобы подготовить в соответствии с законом упомянутый Указ, пригласили ответственных лиц и специалистов.

2. В целях осуществления советов Каримова Б.Б. и Табарова Н. Мухабатшоев, злоупотребляя своим служебным положением, вопреки Уставу КПСС и приказу ЦК КП Таджикистана, действовал, не подчиняясь распоряжению первого заместителя заведующего идеологическим отделом ЦК КП Таджикистана Худоиева М.Х., опубликовал протокол об уходе в отставку руководителей республики в газете «Точикистони Совета».

Беседы, которые проходили в Госплане, скрыл от руководителей партии и правительства республики и членов ЦК КП Таджикистана.

3. Хувайдулаев Н.Х. действовал, нарушая партийную этику, по приглашению Каримова Б.Б. и Табарова поехал в Госплан. Давал им в соответствии с законом правовые советы и в целях оповещения звонил в приемную Махкамова К.М., Веселкова Г.Г., но по объективным причинам не смог переговорить с ними. Затем, чтобы поставить в известность, позвонил тов. Веселкову Г.Г., поехал в горком партии, встретил Икрамова М.М. и понял, что Икрамов сообщил об этом тов. Веселкову Г.Г. Поэтому в действиях Хувайдулаева Н.Х. элементов беспринципности и корысти не замечено. (Зачем же его наказали? – Прим. автора).

4. Усманов действовал не по требованию правительственной этики и по приглашению Каримова Б.Б. пошел в Госплан. Разъяснил Каримову Б.Б. требования закона о порядке составления Указа Президиума Верховного Совета, не проявил бдительности и поручил зав. юридическим отделом Верховного Совета республики подготовить проект Указа. Затем, посоветовавшись с Паллаевым Г.П., порвал этот проект Указа. Таким образом, в действиях Усманова У.Г. отсутствуют элементы злоупотребления служебным положением.

Хабибов А.Х., злоупотребляя служебным положением, вопреки требованиям закона и правилам, действующим во время чрезвычайного положения и комендантского часа, не определив личность неизвестного человека, по поручению Каримова Б.Б. доставил его с военнослужащими из Госплана в Испечак. (Смешные вещи… Врач, который попросил отвезти его до Испечака. – Прим. автора).

Материалы проверок, официальное письмо Комитета Государственной безопасности и Прокуратуры республики – свидетельствуют о том, что в организации несанкционированных митингов 11 – 18 февраля, стремлении к созданию исламской республики и составлении неконституционным путем Указа Президиума Верховного Совета Таджикской ССР по вопросу освобождения от обязанностей Председателя Совета Министров Хаёева И. Х. и назначения вместо него Каримова Б.Б. виновность зарегистрированных служителей культа и неформальной организации «Растохез» не доказана.

По сведению лечебно-профилактического управления Министерства здравоохранения республики, оказана стационарная амбулаторно-поликлиническая помощь 813 пострадавшим. Регистрация имени, социального происхождения, возраста, адреса и места жительства произведена по их показанию, или по показанию сопровождающих лиц, возможно, некоторые из них неправильны. В имеющихся документах отсутствует графа «национальность», в связи с этим Комиссия лечебно-профилактического управления, согласно роду и социальному происхождению, поделила пострадавших на лица местной национальности и русскоязычных. Медицинская помощь оказана со стороны работников медицинских учреждений г. Душанбе и частично – со стороны работников центральных больниц Ленинского и Гиссарского районов. Пострадавшие обращались с 12 февраля до 21 февраля 1990 г. Большая часть пострадавших обратилась за помощь 12 – 13 февраля – 565 человек (69,5%), 14 – 15 февраля – 120 чел. (14,8%).

Подавляющее большинство пострадавших составляют мужчины – 732 (90,1%), женщины – 81 чел. (9,9%). Большинство пострадавших – представители русскоязычного населения – 459 чел. (56,5%), лиц местной национальности – 354 чел. (43,5%),

Из общего числа пострадавших (813 чел.) люди от 16 до 30 лет – 446 (54,8%), от 31 до 40 -186 (22,9%), детей от 15 до 25 лет (3,1%).

Каждый четвертый пострадавший с тяжелыми увечьями (204 – 26,1%) были доставлены в хирургический стационар, в основном, мужчины (191 – 93,6%), лица местной национальности (120 – 58,8%). Русскоязычных в стационаре – 84 человека (41,2%).

Из общего числа 813 пострадавших, которые обратились за медицинской помощью, 204 человека были госпитализированы в хирургический стационар. Из 609 пострадавших, которые обратились в амбулаторно-поликлинические учреждения, подавляющее

большинство – это люди, у которых была сильно повреждена черепно-мозговая система.

Так, например, можно сказать, что число сильно пострадавших составляет 385 человек (47,3%), т.е. почти каждому второму предписано лечение в стационарных условиях.

Внезапное обращение и доставление большого числа пострадавших, как в стационар, так и в амбулаторно-поликлинические учреждения (569 чел. или 69,5%) в первые 2 дня событий (12 – 13 февраля), потребовало мобилизации людей и материальных резервов всех служб скорой помощи и несколько часов. Во всех лечебно-профилактических учреждениях (в хирургических стационарах, поликлиниках, травмпунктах) гор. Душанбе, в центральных больницах близлежащих районов и его окрестностях опытные врачи, работники кафедр Таджикского Государственного медицинского института, работники санавиации и неотложной хирургии были приведены к готовности для приема пострадавших. Обращающимся – даже в роддомах и больницах, где не имелось хирургических отделений, оказывали амбулаторную помощь. Республиканская станция по переливанию крови и общество Красного Креста и Полумесяца оперативно и бесплатно выделили большое количество инфузионных продуктов, крови и искусственной крови, плазмы и бинтов для перевязок. Из числа опытных специалистов во всех хирургических учреждениях с 12 до 21 февраля было организовано круглосуточное дежурство.

«Караул устал...»

Много работы легло на плечи работников скорой помощи. Например, в первые два дня событий на специальных автомашинах скорой помощи были доставлены в стационары и поликлиники 66,7% пострадавших. Остальные пострадавшие сами обратились или доставлены на попутном автотранспорте.

Необходимо отметить, что оказание медицинской помощи пострадавшим на местах происшествия, в травмпунктах, в стационарах проходило для медработников в трудных и опасных условиях. Медицинские работники попадали в окружение лиц, которые препятствова-

ли оказанию первой медицинской помощи пострадавшим. Они угрожали врачам, избивали их, выводили из строя автомашины скорой помощи. Группы людей врывались в приемный покой и реанимационные отделения, бросали камни в окна. Несмотря на все это, работники скорой медицинской помощи, санавиации, поликлиник и стационаров честно выполнили свой долг. По их работе не поступило жалоб.

Пострадавшим нанесены следующие формы телесных повреждений:

1) раны от пуль; 2) ножевые и сквозные ранения; 3) удары (внешне невидимы), наносящие повреждения внутренним органам; 4) переломы, вывихи, разрывы связок; 5) раны.

Ножевые и сквозные раны обнаружены у 122 человек, число ран 155. Основная часть пострадавших (90 чел.) за помощью обратились 12 – 13 февраля в поликлиники. У большинства из них возраст составляет 16 – 40 лет (105 чел.). Более 40 лет -14 чел., дети до 15 лет – 3 чел. Мужчины – 110 чел., женщины – 10 чел. Русскоязычное население – 80 чел., лица местной национальности – 42 чел. Большинство ран в области лица и головы (34 чел.), верхних органов (30 чел.), грудной клетки (29 чел.), брюшной полости (25 чел.), в области поясницы (12 чел).

Тупые раны и повреждения внутренних органов обнаружены у 291 чел., большинство пострадавших обратились в медицинские учреждения 12 – 13 февраля -167 чел., в другие дни постоянно обращались 30 – 40 чел. Мужчины – 249 чел., женщины – 12. Дети до 15 лет – 4 чел. Наблюдалось обращение лиц пожилого возраста. Русскоязычные – 183 чел., местные – 108 чел. Необходимо отметить, что у каждого второго, получившего тупую рану, наблюдалось повреждение черепно-мозговой системы. Из 291 больных – 70 было применено экстренное сложное хирургическое вмешательство.

Переломы, вывихи, разрыв связок обнаружены у 80 чел., лечение у них, в основном, проходило амбулаторно. Детей – 4, остальные – пострадавшие различных возрастов. Такие пострадавшие, взятые под медицинскую опеку, обращались с 12 по 14 февраля. Большинство из них составляют мужчины и лица русскоязычного населения.

Раны от ударов – нанесены 187 чел., 12 – 13 февраля 154 чел. обратились в поликлиники. Дети – 4 чел., остальные – лица, получившие телесные повреждения, по возрастным признакам примерно равны. Число мужчин больше (168 чел.), преобладали русскоязычные (117 чел.).

Умерли – 25 чел. 12 – 14 февраля в бюро судебно-медицинской экспертизы республики из 25 трупов было доставлено 22. С мест

событий доставлено 11 трупов. 8 других, скончавшихся в первые дни событий, в тяжелом состоянии со смертельными ранениями были доставлены в больницы. В последующие дни скончались еще трое после хирургических операций. Имеются сведения о трех других умерших, которые не были доставлены в бюро судмедэкспертизы. Из числа 25 умерших причиной смерти 21 является пулевое ранение, два ножевых и сквозное ранения. Причина смерти двух других осталась невыясненной. По национальной принадлежности среди умерших: таджиков -16, русских – 5, узбеков – 2, татар – 1, азербайджанцев – 1. В результате получения ранений 12 февраля – 9,13 февраля -10 и 14 февраля – 6 чел. – погибли.

По той причине, что органы прокуратуры республики взяли медицинские документы из лечебных учреждений, полный анализ результатов лечения пострадавших 12 – 14 февраля в гор. Душанбе не представляется возможным.

В период деятельности комиссии на ее имя в письменном и устном виде поступило 124 заявления, жалоб и обращений, под которыми подписалась 756 граждан. Письма поступали не только от жителей столицы, но и из ряда других районов республики. Всех их условно можно разделить на 4 категории:

а) заявления; б) жалобы; в) предложения по деятельности партийных и государственных органов; г) сведения по отдельным фактам февральских событий.

Заявления и жалобы письменно и устно, а также по телефону поступили на имя комиссии и зарегистрированы в специальных книгах. Часть этих писем, в том числе жалобы граждан Романова Е.А., Борисовского В.И., Норова К., Винникова В.А., Коваленко Л.П. и Коваленко Л.И., Каримова А., Искандерова В.В. и других, направлены для принятия мер в соответствующие правоохранительные органы.

Необходимо отметить, что граждане в своих жалобах, как правило, пишут о том, что в результате событий 12 – 14 февраля получили телесные повреждения, увечья или же сообщают о своем имуществе, которое потеряли. В комиссию поступают письма с требованиями найти истинных виновников этих событий, пишут о том, как возместить нанесенный ущерб. Подобные жалобы изложены в письмах и объяснениях тех, кто получил ранения, увечья или потерял своих близких родственников. Часть жалоб о восполнении материального ущерба, в том числе о том, что пострадали личные автомашины, похищено имущество населения. Например, в своих пись-

мах граждане Брейзер И.Л., Каримов А. и др. пишут о том, что группой хулиганствующих элементов их машины забросали камнями.

Согласно жалобе гражданина Борисовского В.И., его личная машина полностью уничтожена. Граждане Морозов В.В., Клименко Б.Б., Панченко В. и другие сообщают о том, что были ограблены хулиганами и понесли материальный ущерб. Некоторые граждане, пострадавшие в дни февральских событий, жалуются на то, как медленно ведется расследование по их делу правоохранительными органами, на плохое отношение к ним работников (особенно МВД). Например, такая жалоба поступила от гражданки Васильевой И.П., граждане Ашуров И.Ш. и Гарибшоев Р. пишут о том, что они необоснованно преследуются правоохранительными органами.

В комиссию, наряду с жалобами, также поступило много заявлений с многочисленными подписями. В них граждане требуют удовлетворения их тех или иных правовых и законных интересов. Например, гражданка Урунова Риския (ул. Фируза 39) сообщает, что ее муж погиб в результате февральских событий, у нее двое детей, беременна третьим, проживает на частной квартире, ее родители после землетрясения в Шарора проживают в вагоне-домике и не имеют возможности приютить ее. Урунова Р. просит комиссию помочь в обеспечении жильем.

Гражданка Ходжабекова И. пишет, что в дни событий в результате выстрела в окно ее квартиры у нее повредилось зрение и просит помочь в лечении.

Другую часть корреспонденции составляют письма, в которых люди рассуждают о февральских событиях, решениях февральского и мартовского пленума ЦК КП Таджикистана.

Во многих устных обращениях по телефону некоторые жители столицы поддерживают решения пленумов, в то же время отмечают, что виновные понесли легкие наказания. Такая же мысль высказана в письме Тошматова Б. (Науский р-н, к-з им. Кирова).

Вместе с тем из районов республики поступили письма с многочисленными подписями, в которых авторы выражают свое несогласие с решениями указанных пленумов, односторонним освещением событий 12 – 13, 14 февраля в средствах массовой информации. Например, в письме из Кабодиена, которое подписали 527 человек, требуют правдивого освещения в печати, отставки руководителей, требуют положить конец издевательству и клевете в отношении Б.Каримова, М.Миррахимова, Н.Табарова, А.Турсунова, религиозных деятелей, соблюдения равенства всех наций, населяющих республику, привлечения к ответственности тех, кто дал приказ открывать огонь по безоружному народу.

Такое письмо (186 подписей) поступило из к. Самсолик Комсомолабадского района. В нем отмечается, что февральские события произошли из-за ослабления работы ЦК, партийных руководителей на местах. Внеочередной пленум был односторонен и посвящался разбору только Каримова Б.Б. Такое содержание и в письме гр. Нусратова А. (Файзабадский район, ул. Тельмана).

В заявлениях гр. Сидикова, Исмоилова, Ганиева, Шарипова (жители к-за «40 лет Октября», Колхозабадского района) выражают недовольство решениями 17 – 18-го пленумов ЦК КП Таджикистана. Они отмечают, что *на пленумах не было принято во внимание мнение низших слоев народа, способные толковые местные кадры, которые росли долгие годы, наказаны слишком сурово.*

Они также рассказывают об экономическом положении республики, о том, что республика стала сырьевым источником, что низки цены закупки хлопка, молока и мяса.

В отдельных своих письмах русскоязычные жители города рассказывают о грубом отношении работников торговли после февральских событий. Эти случаи были с гр. Марковым В.П. в приемной стеклотары городка Гипрозем, в магазине около инфекционной больницы по ул. Айни, с гр. Ивановой В. в магазине N 25 у ДОКа и др. Гражданка Абдлуллаева З.А. по телефону сообщила комиссии, что она на базаре Шохмансур наблюдала отказ работников торговли обслуживать русскоязычных людей. Такие случаи отмечены в магазинах кооператива «Нури нав» (в том числе, в магазине по ул. Свириденко), общественном пассажирском транспорте. После изучения эти письма для принятия мер направлены соответствующим органам.

В своем коллективном письме жители к. Урметан Айнинского района, которое подписали 15 родственников и близких погибшего в дни февральских событий Начотова Туймахмада, требуют привлечения к ответственности виновных.

Некоторые заявления (в т.ч. гр. Латифи, М. Ибодуллоев) содержат описание событий 12-14 февраля, дается также личная оценка деятельности государственных служб накануне этих событий.

Вообще, *анализ писем и заявлений граждан помогает всесторонне представить события 12 – 14 февраля, способствует всеохватывающему объективному расследованию обстоятельств, связанных с событиями.*

Таковы некоторые размышления комиссии Президиума Верховного Совета в г. Душанбе. Наряду с этим, комиссия еще раз отмечает, что всесторонняя истинная картина, *общая политическая*

оценка событий тесно связаны с завершением расследования со стороны прокуратуры и без этого трудно установить главных виновников этой трагедии. (Бури Каримов и другие дали официальные письменные ответы, что они не виновны. – Прим. автора).

В результате расследования и предварительного анализа можно сделать следующие выводы:

1. События 12 – 14 февраля не были случайными. Предпосылками являются серьезные экономические и экологические трудности, низкий уровень жизни, нехватка земли и жилья, неравномерное развитие регионов, невнимание к потребностям людей и подготовке местных кадров, существование местничества и неправильная расстановка кадров, увеличение числа незанятых трудом, нарушение законов в отношении прав человека. *И смело можно сказать, что всем этим умело воспользовались некоторые рвущиеся к власти, религиозные деятели, члены неформальных организаций, а также хулиганствующие элементы и преступники.* Ярким свидетельством этого является попытка освобождения неконституционным путем главы Правительства и назначения вместо него Каримова Б.Б. (Преждевременный вывод, повтор решения пленума, по указанию руководства страны. – Прим автора.).

2. *Митинги, различные слухи были сигналом к этим событиям. К сожалению, компетентные органы не выполнили свой священный долг, не придав им должного внимания, не дали должной политической оценки, не приняли конкретных мер для предотвращения трагедии, не сообщили соответствующим государственным и партийным органам. В этом отношении ярко проявилась нерасторопность Комитета госбезопасности и Министерства внутренних дел. Беспорядки в этих двух организациях, прежде всего в КГБ, в будущем должны стать поводом для серьезного разговора, коренным образом должен меняться стиль их работы. Виновные должны понести наказания. (И кто понес наказание? – Прим. автора).*

3. Одна из причин совершившихся событий та, что в последние годы в республике имеет место много нарушений законов, ослаблен прокурорский надзор, возросла преступность, особенно организованная. Не ведется должная работа прокуратурой и МВД республики по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Нераскрываемость совершенных преступлений составляет 30 процентов. Почти не раскрываются преступления, связанные с приписками, хищением государственного и общественного имущества в крупных размерах, выпуском недоброкачественной, нестандартной, некомплектной продукции, плохим качеством строительства. Кроме того, в разных звеньях имеют место бесконтрольность и беспорядок,

затягивание сроков расследования уголовных дел, незаконное осуждение и привлечение к уголовной ответственности невиновных, также много нарушений законов.

Необходимо быстрее устранять имеющиеся недостатки в деятельности Министерства внутренних дел и Прокуратуры республики. Кроме того, *Прокуратура республики обязана усилить прокурорский надзор и как можно быстрее расследовать уголовные дела, связанные с февральскими событиями, установить зачинщиков трагедии, главных виновников и тех военных, которые стреляли в людей, привлечь к уголовной ответственности и способствовать торжеству судебной справедливости.*

4. Совершившиеся события и сложившаяся обстановка в республике явились результатом ослабления работы идеологических учреждений. Чувствуется, что на этом важном участке находятся всё те же люди, которые работают по старинке, далеки от народа, от его забот, все используют старые лозунги и требования. В результате в последние два – три года усилилась религиозность, особенно среди молодежи. Происходившие события показали, что люди больше слушают казиев, чем руководителей партии и государства. К сожалению, в те дни и сами руководители республики, организаторы идеологической работы всю надежду возложили на казия и были уверены, что только он может успокоить людей.

5. Интеллигенция, научные и творческие люди во все времена считались цветом народа и государства. К сожалению, в последние годы про это партийные организации забыли, и интеллигенция самоустранилась. В результате между руководителями партии и лучшими представителями нации возникла отдаленность, разделенность, что в дни событий было ярко ощутимо. Это положение необходимо немедленно исправить. В политико-воспитательной работе с особым доверием надо опираться на творческую интеллигенцию.

6. По событиям, связанным с армянскими беженцами, можно определить, что в республике усиливается местничество, на очень низком уровне находится патриотическая и интернациональная работа, что может представить серьезную опасность для республики. Необходимо принять серьезные и чрезвычайные меры по этим вопросам. Для этого целесообразно проведение недель и дней братских республик, областей республики в Таджикистане, восстановить старые братские связи.

7. Как всем стало известно, после этих событий усилился отъезд русскоязычных жителей республики. Отъезд квалифицирован-

ных и опытных специалистов может стать причиной ухудшения положения многих отраслей экономики республики. Поэтому сдерживание этого нежелательного процесса и забота о подготовке местных кадров становится важной политической задачей.

8. *Указ Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 12.02.1990 года об объявлении чрезвычайного положения и введении комендантского часа по содержанию, по полномочию и правовым аспектам является незаконным*, хотя сложившаяся обстановка была основанием для принятия этого указа. Основными виновниками нарушения закона являются ответственные работники юридических отделов Совета Министров, Верховного Совета республики, а также бывший Секретарь Президиума Верховного Совета Таджикской ССР тов. Касымова АТ.

9. К руководителям Таджикпотребсоюза, концерна «Хизмат», Министерства водного хозяйства, Госкомпечати, внутренних дел, Госстроя, Минместпрома, Минкомхоза, Сбербанка, Минсвязи, Душанбинского отделения Среднеазиатской железной дороги, Минхлебопродуктов, Таджикэнергостроя, Госагропрома, Министерства здравоохранения, ТУГА, которые допустили приписки и понесли материальный ущерб, необходимо принять меры.

10. *Необходимо отметить, что в дни событий 12 – 14 февраля военнослужащие в некоторых случаях, превышая предоставленные им права, незаконно использовали огнестрельное оружие.*

11. Каримов Б.Б. и Табаров Н. после того, как получили протокол об отставке трех руководителей республики, вследствие незнания тонкостей закона и считая протокол вступившим в законную силу, по согласованию друг с другом стремились воспользоваться положением и издать Указ Президиума Верховного Совета Таджикской ССР о неконституционном освобождении от должности Председателя Совета Министров Таджикской ССР Хаёева И. Х. и назначения на эту должность Каримова Б.Б. Для совершения этого своего корыстного замысла в целях издания Указа законным путём указанные лица пригласили ответственных лиц и специалистов, также составили список лиц, входящих во временное бюро ЦК Компартии Таджикистана. (Как можно писать такие смешные вещи в выводах? – Прим. автора).

12. М. Мухабатшоев в целях осуществления договоренностей между Каримовым Б. и Табаровым Н., злоупотребляя своим положением и действуя в противоречии с Уставом КПСС и указаниями ЦК КП Таджикистана, не подчинившись указаниям первого Заместителя заведующего идеологическим отделом ЦК КП Таджикистана

Худоиева М.Х., в газете «Тоджкистони Совети» опубликовал протокол об отставке руководителей республики. От руководителей партии и государства и членов ЦК КП Таджикистана скрыл договоренность, которая состоялась в Госплане.

13. Хувайдуллаев Н.Х., нарушив партийную этику и закон, по приглашению Каримова Б.Б. и Табарова Н., пошел в Госплан. Он им дал разъяснение по закону, и, с целью сообщить руководителям партии, позвонил в приемную Махкамова К.М., Веселкова Г.Г., но по объективным причинам не смог связаться с ними. Чтобы сообщить Веселкову Г.Г. об этом, пошел в Душанбинский горком партии, там он встретился с Икрамовым М.М., и тот сказал, что он уже сообщил Г.Г. Веселкову. Поэтому в действиях Хувайдуллаева Н.Х. не прослеживаются элементы беспринципности и корысти.

14. Усманов У.Г., нарушив требования, предусмотренные законом, по приглашению Каримова Б.Б., пошел в Госплан и разъяснил Каримову Б.Б. порядок оформления Указа Президиума Верховного Совета. Затем, поговорив с Паллаевым Г.П., порвал составленный проект Указа. Поэтому в действиях Усманова У.Г. не прослеживаются элементы злоупотребления служебным положением. *(Смешно, он пошел к Каримову, нарушил требования закона... порвал протокол... – Прим. автора).*

15. Хабибов А.Х., злоупотребляя служебным положением и действуя в противоречии с требованиями, предусмотренными законом, в период чрезвычайного положения и комендантского часа, не установив личность незнакомого человека, по просьбе Каримова Б.Б. при содействии военнослужащего отвез его из Госплана в Испечак.

Комиссия, представляя вышеизложенное, никак не претендует на то, что расследование печальных февральских событий этим и завершается. *Чтобы выяснить истинную причину событий и сообщить народу, предстоит еще выполнить много работы. Сказав народу всю правду, можно будет согреть душу и сердца людей.* А горячее стремление к работе и жизни является неоценимым гарантом продвижения республики, развития перестройки и демократии. *(5 последних пунктов – это повтор выводов ЦК, повтор решения пленумов, тогда торопились, а сейчас они, зная истинное положение дел, выполняли заказ руководства республики, и это факт. Ничего нового. – Прим. автора).*

Члены комиссии Верховного Совета Таджикской ССР:

Сиродж Михтоджев – *токарь* Душанбинского арматурного завода им. С. Орджоникадзе, депутат Верховного Совета Таджикской ССР одиннадцатого созыва, Председатель комиссии.

Сафарали Кенджаев – *заместитель Среднеазиатской транспортной прокуратуры*, народный депутат Таджикской ССР, заместитель Председателя комиссии.

Бедилхон Одинаев – *прокурор отдела* по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних Прокуратуры Таджикской ССР.

Юсуфхон Исхаки – *ректор* Таджикского Госмединститута им. Абуали-ибн-Сино, *профессор*, народный депутат СССР.

Аъзам Пулатов – *зав. кафедрой* детской хирургии Таджикского Госмединститута им. Абуали-ибн-Сино, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Таджикской ССР.

Владимир Гиро – *командир самолета* ТУ-154, народный депутат СССР.

Елизавета Дедова – *машинист* вращающихся печей Душанбинского цемзавода, депутат Верховного Совета одиннадцатого созыва.

Негмат Якубов – *машинист* тепловоза Душанбинского локомотивного Депо.

Уктам Аюбов – *студент* Таджикского Госмединститута им. Абу Али Ибн-Сина.

Бури Бобокалонов – *бригадир* ЖБК и СД, депутат Верховного Совета Таджикской ССР одиннадцатого созыва.

Сиродж Юнусов – бригадир объединения «Нонпаз» г.Душанбе, народный депутат Октябрьского *райсовета* XXI созыва.

Олим Норов – *зам. начальника цеха* объединения «Таджиктекстильмаш» им. Ф.Э. Дзержинского.

Мошариф Саидова – *телеграфистка* производственного объединения «Межгорсвязь» Министерства связи Таджикской ССР, депутат Верховного Совета Таджикской ССР одиннадцатого созыва.

Мунаввар Назриев – *председатель* Госкомприроды Таджикской ССР, депутат Верховного Совета Таджикской ССР одиннадцатого созыва.

Рустам Аноятов – *зам. директора* «Дозатор» производственного объединения «Таджикгидроагрегат»

Баходур Раззоков – *студент* Таджикского Госуниверситета им. В.И. Ленина.

Ибодулло Файзуллаев – *секретарь правления* Союза писателей Таджикистана, депутат Верховного Совета Таджикской ССР одиннадцатого Созыва.

***

Конечно, хорошо, что Верховный Совет страны создал комиссию по расследованию обстоятельств февраля 1990 года. Хорошо еще и потому что депутаты, избранные народом, – его представители, и наверняка должны были, расследовав события, открыть людям глаза, сказать правду обо всем – по пунктам.

Но когда видишь, что в состав комиссии включены пятеро рабочих (которых я, конечно, очень уважаю), двое студентов (а я и сам был когда-то студентом) и еще несколько совсем простых людей, пусть даже самых честных и справедливых, то я все же не могу понять, как они могут расследовать такое серьезное дело и уж тем более – сделать окончательные выводы?

В то время многие правоведы и юристы были удивлены, что в состав комиссии Верховного Совета попали такие люди. Тогда как руководители разного ранга или же представители прокуратуры, когда они входят в состав комиссии, действительно могут добиться серьезного результата, последовательно расследовать и сделать убедительные выводы.

Во всяком случае, я и многие другие ждали справедливого «приговора» Верховного Совета республики. А как на самом деле было проведено расследование, и к каким результатам оно пришло, видно из этого документа.

Мне важно было дождаться итогов работы комиссии, а она тянулась месяцами. (Почему – станет ясно из последующих глав). А мне надо было жить, хотя я жил и работал с высоко поднятой головой, но, как говорится, жизнь – остается жизнью, и отношение людей ко мне начало понемножку меняться.

Едва на меня начал накатывать государственный каток, многие, даже близкие друзья, стали опасаться приходить ко мне, а некоторые – и вовсе от меня отвернулись…

Другие же, наоборот, принялись меня разыскивать, писать письма, желая поддержать, будучи уверенными, что я абсолютно не виновен в том, что произошло, и даже наоборот – сделал все возможное, чтобы остановить бесчинства и кровопролитие.

При закрытых дверях

О чём говорили депутаты[4]

Душа не навеки одна –
Меняется с жизнью она.
И, сколько б свой стыд не таил ты, –
Наружу он хлынет со дна.

Хокирох

По словам Председателя Комитета Верховного Совета Республики по законодательству Курбанова, некоторые члены неформальных организаций «Мусоев, Хамидов и другие организовали несанкционированный митинг у здания ЦК КП Таджикистана, на котором в выступлениях и лозунгах призывали к отставке руководства республики, прекращению разграбления богатств республики, очищению правительства Таджикистана от шарлатанов, вредителей и мафиози, немедленному вводу в действие «Закона о языке».

В результате судебных процессов было выяснено, что некоторая реакционная часть мусульманского духовенства: Боев, Бедимогов, Давлятов, Хакимов, Тиллоевы и другие – подтвердили, что они проповедовали и насаждали в сознании людей, и особенно подростков, реакционные идеи ортодоксального ислама, ненависти к другой идеологии и вероисповеданию, существующему государственному общественному строю, к коммунистам и призывали к установлению в Таджикистане исламской республики.

Именно с такими требованиями выступили 12 февраля 1990 года представители этой части мусульманского духовенства на открытии мечети в кишлаке Арбобхотун Ленинского района.

Слухи о приезде армянских беженцев были использованы и уголовными элементами на сборе, имевшем место 9 февраля 1990 года. На нем было принято решение об изгнании армян из республики и участии 11 февраля 1990 года в антиармянском митинге у здания ЦК КП Таджикистана.

Одним из участников этой сходки Расуловым 10 февраля 1990 года была организована группа из молодых жителей кишлаков Авул,

[4] Из стенограммы заседания Верховного Совета Реуспублики

Испечак и Учкул численностью около 200 человек, которые ночью совершали погромы, поджоги нескольких квартир, избиения лиц армянской национальности в жилмассиве «Заравшан». После погромов Расулов призвал всех приходить 11 февраля на митинг у здания ЦК КП Таджикистана. (Я вырос в кишлаке Учкул и могу заверить, что ни одного дела против его жителей заведено не было. Учкул же упомянут для того, чтобы как-то связать эти события с моим именем. – Прим. автора).

Антиармянские акции уголовники провели и в других районах города. 9 февраля в одном из кишлаков Гиссарского района мулла Хакимов в мечети объявил о приезде армянских беженцев и призвал всех участников к антиармянскому митингу 11 февраля на площади у здания ЦК КП Таджикистана. Аналогичные призывы к участию в антиармянских акциях происходили и в других мечетях.

Правление «Растохеза» в письме от 9 февраля в Верховный Совет и ЦК КП Таджикистана, подписанном заместителем председателя Хамидовым, также потребовало объявить народу о количестве прибывших армян-беженцев. Почти во всех вузах и техникумах тоже распространились слухи о приезде армян-беженцев и предстоящем антиармянском митинге у здания ЦК КП Таджикистана. А в Душанбинском Госпединституте им. Шевченко на двери столовой 8 и 9 февраля висели объявления, призывавшие на эту акцию.

11 февраля на митинге у здания ЦК КП республики собралась преступная группировка со своими лидерами, участниками сходки 9 февраля, участниками погромов армянских квартир 10 февраля, возглавляемыми муллами Боевым, Хакимовым и другими, учащиеся школ, ПТУ, техникумов, вузов и другие спровоцированные группы молодежи.

Участники митинга необоснованно потребовали в ультимативной форме от государственно-политического руководства республики, прежде всего первого секретаря ЦК КП Таджикистана тов. Махкамова, выдворить армянских беженцев, которым будто бы руководством вне очереди давались квартиры. В противном случае угрожали кровопролитием и расправой над всеми ними. В связи с тем, что участники митинга настаивали на своем требовании, примерно, с 17.00 часов для проверки информации о приезде беженцев была создана комиссия из представителей государственных, общественных органов, духовенства и участников митинга. Результаты проверки комиссии должны были быть сообщены через 24 часа на том же самом месте, т.е. к 17.00 12 февраля.

Недовольные ходом митинга отдельные экстремисты бросали камни, различные предметы в тов. Махкамова и в других руководителей, выкрикивали оскорбления. Активное участие в этом митинге приняли муллы-экстремисты Боев и Хакимов. В тот же вечер 11 февраля во время молитвы в мечети Арбобхотун мулла Хакимов призвал верующих участвовать в несанкционированном митинге 12 февраля, а в случае неудовлетворения их требований, прибегнуть к насилию.

Утром 12 февраля, совместно с муллами Давлатовым и Тиллоевым, Хакимов для активного участия в несанкционированном митинге организовал выезд жителей из кишлака Ленинского района и учащихся средних школ на площадь у здания ЦК. К 14.00 здесь уже собралась многотысячная толпа во главе с лидерами преступных группировок, студенты и учащиеся, некоторые служители, члены «Растохеза», религиозные фанатики. Ими были выдвинуты, наряду с антипарламентскими, лозунги о немедленной отставке тов. Махкамова, прекращении грабежа богатств республики, очищении правительства от шарлатанов, вредителей и мафиози, с провоцированием беспорядков.

По требованию митингующих, не дождавшись сообщения комиссии о результатах проверки, для успокоения митингующих и предотвращения возможных беспорядков после 14.00 и 15.00 к ним дважды выходил тов. Махкамов.

Наготове...

Однако его не слушали, не давали ему говорить, оскорбляли, забрасывали камнями, палками, чем создавали реальную угрозу его жизни и здоровью. 12 февраля к 15.00 митинг уже перерос в массовые беспорядки. Начался штурм зданий и автотранспорта, с нападением и избиением работников милиции, не имевших огнестрельного

оружия. Погромы распространялись и на прилегающие к площади ЦК здания, магазины, аптеки и другие объекты. Погромщиками останавливался общественный транспорт, пассажиры которого избивались, а автобусы и троллейбусы поджигались. Примененные для разгона нападавших резиновые палки и спецсредства «Черемуха», из-за малочисленности работников милиции, не смогли остановить участников беспорядков.

Для усиления охраны общественного порядка к площади прибыли дополнительные силы милиции, вооруженные автоматами. Однако нападения, погромы на площади и вокруг нее не прекращались. Преступники были вооружены металлическими прутьями, камнями, палками, бутылками с кислотой, бензином, а также холодным и огнестрельным оружием, которые использовались ими при нападении на граждан и работников милиции.

Для отражения вооруженного нападения экстремистов на личный состав сил охраны порядка, защиты охраняемых объектов, жизни и здоровья граждан, в соответствии с Законом, было применено оружие для стрельбы вверх и в отдельных случаях – по земле. Поэтому произошли случайные ранения пулями, а также от рикошета, как нападавших, так и других граждан, часть из них скончалась. Прицельно на поражение оружие не применялось. Решение о применении оружия принималось для необходимой обороны в каждом конкретном случае работниками милиции и военнослужащими. Как установлено следствием, Махкамов указания о применении оружия не давал, такое право законом ему не предоставлено

Вечером 12 февраля массовые беспорядки распространились на многие жилые микрорайоны, улицы города. Учитывая сложившуюся обстановку, к 22.00 часам, Указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР, в городе Душанбе было объявлено чрезвычайное положение и введен комендантский час. Об этом было объявлено по радио и телевидению, через средства громкоговорящие связи.

13 февраля у здания ЦК беспорядки продолжились и постепенно охватили практически весь город.

Их активные участники – экстремисты – с помощью членов правления «Растохез» Хамидова и Хабибуллаева начали формировать, так называемый, Временный комитет для передачи через него руководству республики своих незаконных, ультимативных требований об освобождении задержанных участников беспорядков, а также оказания психологического воздействия, давления на руково-

дителей Таджикской ССР с помощью шантажа, угроз физической расправы над ними, продолжения погромов, поджогов, кровопролитий, бесчинств для того, чтобы вынудить их немедленно уйти в отставку.

Оцепление на ул. Ленина. Душанбе. 1990 г.

Из толпы выкрикивались фамилии кандидатов в члены этого комитета, передавались записки. Халиковым и Хабибуллаевым список временного комитета был составлен таким образом, что в него вошли они и семь членов и лидеров «Растохеза», в том числе Бозор Собир, Джабборов – народный депутат Таджикской ССР, Хамидов – зам.министра юстиции Таджикской ССР, Миррахимов, Мастонзод, Зарабеков, Файзулаев, т.е. практически все руководство «Растохеза». Вышеуказанные ультимативные требования лидеры «Растохеза» оформили документально и передали их на переговорах руководителям республики, в процессе которых члены «Растохеза» Б. Собир, Миррахимов, Боев, Зарабеков и другие оказывали на них психологическое воздействие, шантажируя от имени толпы продолжением массовых беспорядков, поджогов и погромов, кровопролития, угрозами со стороны толпы расправится с ними и их семьями, требуя и тем самым вынуждая их к немедленной отставке.

Во избежание кровопролития и дальнейшего обострения обстановки, несмотря на наличие необходимых сил охраны порядка, для обеспечения общественной безопасности руководство вынуждено подписало протокол об уходе в отставку в установленном порядке.

Лидеры «Растохеза», став предводителями бесчинствующей толпы, состоящей из уголовных и экстремистских элементов, неправомерно выдвигали от имени всего таджикского народа требования об отставке руководителей республики.

Ни один из членов «Растохеза» и членов Временного комитета не выступил с призывами к толпе успокоиться и разойтись, разрешить все вопросы мирным путем. (Прямая ложь. – Прим. автора).

Не принимались ими до подписания отставки другие меры для бесчинств и беспорядков. Вместе с тем, Мусоев, Арабеков (Не было такого члена Временного комитета! – Прим. автора) и другие, входившие в состав комитета и подписавшие этот протокол, умышленно искажая его смысл и вводя в заблуждение митингующую толпу и жителей города Душанбе, *объявили о том, что руководители республики с этого момента подают в отставку, и власть в республике перешла к Временному комитету под руководством Каримова.*

В тот же день члены «Растохеза» Заробеков и Хаитов в студии радиовещания требовали от руководства предоставить им по радио возможность заявить, что они совершили революцию.

Поэт Собир тогда же выступил по таджикскому телевидению и дезинформировал население, объявив об отставке руководства и переходе власти к Каримову.

Продолжая борьбу за власть в республике 15 февраля 1990 года, лидеры «Растохеза» Джабборов, Миррахимов, Б. Собир, Хамидов, Хабибуллаев и другие на заседании Временного комитета выдвигали в состав оргбюро ЦК КП Таджикистана, с рассмотрением на предстоящем пленуме, угодные им кандидатуры, подобранные ими же по земляческим и приятельским мотивам. Список был написан Миррахимовым, который, по поручению Временного комитета выступая на пленуме, потребовал отставки бюро ЦК КП Таджикистана во главе с тов. Махкамовым и взамен его предложил избрать оргбюро, согласно оглашенному списку.

Таким образом, лидеры «Растохеза» и представители духовенства явились зачинщиками, которые привели к дестабилизации общественно-политической обстановки, усилению напряженности в межнациональных отношениях.

В конечном итоге, все это, наряду с другими причинами, привело к массовым беспорядкам и определило их направленность на дестабилизацию.

Я уже сказал, что на сегодняшний день на той стадии, на которой находится следствие, мы не можем завершить его, не прове-

рив достоверность этого следствия. Мы обязаны провести следствие дальше, это объективная необходимость. Я только это могу сейчас вам сказать.

Затем по данному вопросу выступил прокурор республики Г. Михайлин, которому Т. Джабборов задал следующие вопросы:

– Скажите, пожалуйста, в прошлый раз комиссия Верховного Совета республики сделала сообщение по этому поводу. Как Вы относитесь к этому сообщению? Там были поставлены ряд существенных вопросов, в частности, относящиеся к Вашему заведению. Чтобы Вы могли бы ответить на это?

Г. Михайлин: «Встречный вопрос. Вы допрашивались?»

Т. Джабборов: «Не понял».

Г. Михайлин: «Вы допрашивались нашим работником?»

Т. Джабборов: «Я беседовал с вашими работниками».

Г. Михайлин: «Не беседовали, а допрашивались».

Т. Джаббаров: «Может быть, так».

Г. Михайлин: «Выясняются ваши вопросы при нашей поддержке».

Т. Джабборов: «Это не ответ».

Г. Михайлин: «Это ответ».

Т. Джабборов: «Это не ответ».

Г. Михайлин: «Что значит, как я отношусь к заключению комиссии? Это заключение комиссии. Я же отвечаю за результаты предварительного следствия. И вполне возможно, что оценки не совпадут».

Т. Джабборов: «Процитирую. Было убито 25 человек, многие ранены. Возбуждены ли уголовные дела по этим случаям?»

Г. Михайлин: «Безусловно. Все материалы уголовного дела находятся в соответствии».

Т. Джабборов: «Скажите, пожалуйста, Вы здесь сознательно, намеренно лжете или же по ошибке?»

Г. Михайлин: «На этот вопрос я отвечать не буду. Будьте, пожалуйста, корректны».

Т. Джабборов: «Дело в том, что у меня есть достаточно доказательств».

Г. Михайлин: «В таком случае я еще раз повторяю: у нас будет возможность с Вами встретиться».

Товарищи юристы понимают, что означает это освобождение. Разве это не нарушение норм социалистической законности? Если он виноват, то должен сидеть в тюрьме. И зачем надо изменять меру

пресечения? Здесь уже второй вопрос возникает, значит, о том, что товарищ Михайлин, может быть, он наш народ в сомнение ввел, что мы нечестные, может быть, он сам нечестность проявил в этих эпизодах, в том, что их освободил. Также хотелось говорить о том, что цель нашего государства, нашего народа – это построение правового государства.

П.К. Лучинский

Разве с таким нарушением закона, с таким Прокурором, который сам нарушает, можно построить правовое государство?! Я думаю, никогда! Поэтому мне хотелось говорить о том, что товарищ Михайлин здесь пока не говорил еще своего мнения по второму вопросу. Мне хотелось бы еще сказать о том, что под «мудрым руководством» второго секретаря ЦК Компартии Таджикистана Лучинского Петра Кирилловича, товарищ Михайлин не доверял нашей республике, правительству республики, не доверял тем правоохранительным органам нашей республики, не доверял партийно-советскому активу нашей республики, вызвали следственную бригаду из Союза. И чем и как хотели бы Вы это видеть, вы вчера слышали итог результата работы этой следственной группы, это плачевно. Поэтому я хотел бы говорить о том, что, поскольку, как в народе выражаются, «бог не фраер, все видит», и одной из основных причин, на мой взгляд, является именно несвоевременное рассмотрение жалоб и заявлений граждан республики и торжества справедливости, написанные в их заявлениях, привело к этим плачевным событиям в феврале. Именно отсутствие прокурорского надзора и правильной правовой оценки всех решений и заявлений. Поэтому я прошу вас, товарищи депутаты, поймите меня правильно, я как заместитель председателя комитета, поскольку наш комитет является комитетом законности, правопорядка, борьбы с преступностью, должен, с точки зрения закона, подать свои предложения.

М. Олимов: *«По данному вопросу я хочу говорить о том, что товарищ Михайлин не имеет ни малейшего права говорить от имени таджикского народа. Он этого народа никогда не признавал, и свидетельством этого являются все эти незаконные уголовные дела и масса вызовов свидетелей, масса привлеченных, которые были оправданы. Спасибо за внимание».*

К. Аслонов: «Первый микрофон».

К. Аслонов

Г. Михайлин: «Товарищи, я искренне сожалею о том, что здесь произошло. Ни в коей мере я не могу выйти на трибуну, потому что это было бы авантюрой, и ответить на все вопросы. Даже без моего участия, в материалах прокуратуры республики и других правоохранительных органов вы найдете ответы на все поставленные вопросы. И вам судить, имею ли я честь называться достойным человеком. Но, только не тая, не так как это произошло. Буквально, в течение какого-то года с небольшим я оказался врагом двух народов. Здесь присутствуют люди в зале, которые знают о том, что летом 89-го года я был врагом киргизского народа, только за то, что не разрешил стрелять в людей. Здесь – врагом таджикского народа. Никогда я большего оскорбления не слышал.

И. Хаёев: «Была ли дана Вами санкция КГБ вести в отношении меня уголовное дело? Это первый вопрос. Ваше отношение к статье, опубликованной в газете «Точистони Совети» («Советский Таджикистан») в конце ноября? О том, что по Восейскому хлопзаводу следствие было направлено на то, чтобы те, кого допрашиваете, дали показания против Хаёева, Мирали Махмадалиева и Табарова.

Г. Михайлин: «Спокойно отвечу на эти вопросы. Никаких санкций подобного рода не давал».

И. Хаёев: «Если не было санкции прокурора, если не было санкции руководителя группы, которая ведет следствие по февральским событиям, почему тогда меня допрашивает он?

Далее он говорил о том, что имеются документы по этому вопросу, с которыми занимаются следователи КГБ. Поэтому я прошу...» (Шум в зале.)

Г. Михайлин: «Уважаемые товарищи! Вполне возможно, что в каких-то показаниях определенных лиц могут содержаться какие-то сведения. Если есть сведения, я проверю их. Я сейчас не могу ответить, в каком объеме, в каких материалах есть или нет такого рода информация. И тогда надо ее рассматривать. В соответствии с этим в обязательном порядке... Я еще раз говорю, я действительно должен посмотреть. Я не хочу ничего ни приуменьшать и ни преувеличивать».

К. Аслонов: «Геннадий Степанович, тебя просят по сообщению председателя комитета Курбанова о приписке хлопка».

Г. Михайлин: «Я совершенно не знаком с материалами, поэтому не могу ответить. Но мы представили подробную информацию относительно того, какая работа проведена по хлопковым делам. Я еще раз повторяю: на все вопросы можно найти ответ, даже если я умру... Материалы находятся в уголовных делах, все до единого уголовные дела сохранены».

С. Кенджаев: «Геннадий Михайлович!»

Г. Михайлин: «Степанович».

С. Кенджаев: «У меня к вам есть два вопроса. Точно скажите, по каким вопросам тов. Хаёев был допрошен? Это раз. Потому что речь идет о главе правительства. И кто дал право, КГБ или другому человеку, допрашивать главу правительства? Расчленение по всем вопросам, не по вопросам февральских событий, другие разговоры есть. Пусть народ и депутаты узнают об этом. Во-вторых, объясните, почему, когда вас вызвали в комитет, сказали, что комитет будет проверять хлопковые дела, вы истребовали все уголовные дела и закрыли их у себя в сейфе, не дали комитету? Третий вопрос, объясните, пожалуйста, только ревизорам оплачено около 800 тысяч рублей зарплаты, не считая 100 человек, которых вы вызывали оттуда, не считая наших следователей. Кто несет ответственность за, где-то, около 2 миллиона рублей, им выплаченных как зарплата?»

Г. Михайлин: «Я еще раз говорю, протокол можно посмотреть, и на основании того вопроса, по которому задавались вопросы, и самого товарища Хаёева. Посмотреть протоколы, и все будет ясно. Относительно того, кто допрашивается по уголовным делам. Допрашивались буквально все без исключения лица, которые так или иначе были связаны с этими событиями. Руководители партийные, советские, все допрашивались, в том числе и Пуго. Потому что эти люди были связаны с решением вопросов в этих событиях. Разницы ни перед кем не делалось. В качестве свидетеля допрашивается лю-

бое лицо независимо от занимаемого положения. Предъявление обвинения – это другое дело».

И. Хаёев: «Почему допрашивать? Следователь имеет право допрашивать любого. Вы правильно говорите. Я это все понимаю. Я задал вам вопрос, я понимаю так, что любой следователь имеет право допрашивать и может заниматься делами, следствием только с разрешения прокурора или следственной группы.

Я вас спрашиваю, вы давали санкцию или руководитель группы, который ведет дела по февральским событиям, о том, чтобы КГБ вел расследование против меня? И все, я больше вопросов не имею. Если была такая санкция, то все законно. Если санкции не было со стороны Прокурора или руководителя следственной группы – это является незаконным. А в остальном, что было, мне документов не показал следователь. Он задавал мне вопросы, я отвечал, он читал отдельные выдержки из объяснений, из материалов, которые имеются у него. Скажу прямо, что сфабриковано это дело, сфабриковано на 100 процентов. Это мое мнение, но если следователь докажет что я виновен, я готов нести любое наказание. Если не было санкции – это незаконное расследование».

Г. Михайлин: *«...Свидетелей не требуется. КГБ и МВД входили в группу следствия».*

Убайдуллоев Ч.: «Товарищи! Я как заместитель председателя КГБ официально хочу заявить вам, депутатскому корпусу, что я как зам. КГБ не знал и не знаю, что КГБ официально вел против Вас следствия. Нет. Второе: все лица, в том числе и Петкель и Убайдуллаев и Усманов, кто был очевидцем февральских событий, в том числе и Каххор Махкамович и Аслонов, и Вас, товарищ Хаёев, допрашивали как свидетеля-очевидца февральских событий. Я официально заявляю, что никакого следствия против премьер-министра Таджикской ССР не велось. Это может подтвердить тов. Белоусов, зам. пред. КГБ, который входит в штаб следственной группы прокуратуры».

И. Хаёев: «Уважаемые товарищи депутаты! Я просто хочу вас немного ввести в курс дела, потому что дело касается моей чести. Я не только как глава правительства, но как депутат и как гражданин имею такие права. Дело в том, что еще по хлопковым делам люди ходили все время. Начали говорить, что их допрашивают, с них требуют давать показания против Хаёева. Именно это дело, по чьей инициативе, чья это санкция, не знаю. Не знаю, как в ЦК партии исчезли персональные дела для рассмотрения в бюро ЦК, исчез мате-

риал в отношении товарищей Иойкина и Сиротина. Даже этот материал на бюро ЦК, когда я участвовал, не поднимался. Кроме всего этого мне пришивали по делам Хасанова, много таких дел, и мне надо высказываться. Вроде деньги, которые нашли у Хасанова, я ему дал для хранения. Этот номер не прошел. Началось дело с хлопком, это дело тоже не прошло.

Начались февральские события. Наверное, все вопросы по моей инициативе... Да, я неудобный человек, неудобный для многих, потому что я не могу держать в сердце и говорить где-то, я говорю всегда прямо и только правду. И вот получилось так, я прошу депутатов, так как этот вопрос не закончен, по расследованию событий в городе Душанбе, наверное, решение какое-то будет принято по этому поводу. Комиссия, которая занималась этими делами, у следователя тов. Джураева начали говорить, что вроде эти события организовал я. Я встречался, вроде, какое-то здесь есть кафе, там вел переговоры с этими хулиганами, разбойниками, которые участвовали в этих событиях, и они начали все это организовывать. Вопросы задавал следователь, мне не дал их читать, притом в нехорошем тоне говорил, что есть материал КГБ о сборе всех рэкетиров, хулиганов из ближайших районов и города Душанбе в этом кафе и говорил это дело. И когда все это не получилось, то вроде какая-то женщина там работала, собиралась уезжать в Израиль, ей пригрозили работники с КГБ: пока не дашь объяснение, никуда не поедешь. После того, как было установлено это дело, ее задержали в аэропорту Шереметьево в городе Москве перед вылетом работники уже следственной бригады и взяли объяснение. Она отказалась от подписи. Все это было. Я не знаю, что она сказала, документ этот я не читал. Поэтому я очень просил, возможно, Геннадий Степанович не знает, когда ведется следствие, должно быть разрешение прокурора или разрешение человека, который ведет следствие. Я поэтому задал вопрос, кто давал санкцию. Дело нешуточное. Всё было последовательно. У меня всё.

(Действительно, дело нешуточное. И до сих пор не определена Ваша истинная роль в трагических февральских событиях. Я, к примеру, даже после Вашего заявления, своеобразного обвинения, а также страшной ненависти ко мне членов ЦК и пленума, в нарушение запланированного Вами сценария, который нашел поддержку со стороны Ваших близких друзей, не проронил в Ваш адрес ни единого плохого слова.

В конце концов, надо быть мужчиной и говорить правду, когда речь заходит не только о Вашей чести, Вашей должности, но

касается чести и работы других. Надо прекратить «катить бочку» на невинных людей, а начать отвечать по существу, вместе с другими высшими руководителями за пролитую кровь.

Получается, что Вы, в отсутствие Председателя Верховного Совета республики, второпях отвезли в Дом радио подготовленное Вами запоздалое и абсолютно незаконное решение о введении чрезвычайного положения и комендантского часа – для оповещения населения. Вы это сделали так, что под Вами кресло зашаталось, а потом не нашли ничего лучше, чем предъявить обвинение своему заместителю, который верой и правдой служил не только народу, но и Вам. Вы можете упрекнуть меня в том, что я, наряду с другими, умолял Вас уйти в отставку. Отвечу, что имел на это полное моральное право, поскольку ситуация выходила из-под контроля, тем более, что по вине руководства республики, в т.ч. и Вашей, пролилась кровь невинных людей, как правило, совсем еще молодых.

Можно, конечно, долго говорить о Вашем поведении в те дни, но в данном случае, по истечении стольких лет, не это главное. Главное то, что и без меня на Вашей родине нашлись люди, которые хотели обвинить Вас не только за пролитую в февральские дни 1990 года кровь, но и за Вашу работу до того, как Вы заняли пост Председателя Совета Министров. Как говорится, все это на Вашей совести и совести тех людей, но Вы могли бы, хотя бы по истечении 25 лет, если этого не захотел сделать Каххор Махкамов, признаться, что кровь пролилась в те дни, в том числе, и с Вашего молчаливого согласия. – Прим. автора).

Трагедия, не ставшая уроком

В Вахше прятаться в овраге принудили.
В Душанбе всего в крови умыли.
Он дошел до Гарма, жизнь спасая...
В Джафре зверски, наконец, его убили.
Хокирох

В 2000 году, когда исполнилось 10 лет трагическим февральским событиям, журналисты «Независимой газеты» попросили меня написать кратко о том, что происходило в феврале 1990 г. Эта небольшая статья была напечатана 11.02.2000 г. под заголовком «Трагедия, не ставшая уроком»:

«Развал Советского Союза получился трагическим. Кровь пролилась в Тбилиси в 1989-м, Баку и Душанбе – в 1990-м, Вильнюсе – в 1991-м...

В феврале 1990 г. в Душанбе были незаконно введены воинские подразделения с целью расправы с мирным населением, вышедшим на улицы в знак протеста против неумелой деятельности местных руководителей и низкого уровня жизни. Пресса представляла эти выступления как националистические, антиармянские, однако все было не так. Умалчивался тот факт, что основным требованием митингующих была отставка руководства республики. Острое недовольство народа своим правительством, нищета, особенно на селе, большая безработица, масса нерешенных вопросов в социальной сфере – вот неполный перечень истинных причин митингов.

Политико-экономическая ситуация в Таджикистане накануне февральских событий была непростой. На арену тогда вышли новые силы: народное движение «Растохез», Демократическая партия Таджикистана и другие общественные организации. Необходимо было серьезно считаться с религиозным фактором, учитывая, что основная масса народа – верующие люди.

То, что произошло в Душанбе, потрясло всю республику, но осталось малозамеченным в тогдашнем Союзе и за рубежом. Средства массовой информации односторонне и тенден-

циозно освещали ход событий. В начале февраля 1990 г. в народе серьезно муссировался вопрос об армянских беженцах. Якобы тысячам армян хотят предоставить жилье в Душанбе, когда самим не хватает... Тогда ни руководители республики, ни руководители города серьезно этим вопросом не занялись и допустили серьезные ошибки. Это нагнетало недовольство людей, порождало новые слухи.

11 февраля проходил митинг у здания ЦК. Митингующие пришли услышать правду. Руководители обещали в определенное время сообщить подробности, но с выполнением своих обещаний не торопились. Это опоздание еще больше осложняло обстановку. В ход пошли разные предметы, камни с одной стороны, дубинки, слезоточивый газ, вода, пули – с другой. Вышел Махкамов, но было уже поздно. 12 февраля на площади у здания ЦК Компартии республики был открыт огонь по митингующим. Здание ЦК было оцеплено бронетехникой и вооруженными подразделениями МВД и КГБ. Из Центра перебросили в Душанбе несколько спецподразделений в количестве нескольких тысяч человек, было применено огнестрельное оружие.

12 февраля в 22.00 по телевидению объявили о введении чрезвычайного положения. Но до этого уже были убиты несколько человек и десятки ранены. Комиссия Верховного Совета по расследованию обстоятельств и причин трагических февральских событий позже признала, что указ о введении чрезвычайного положения, подписанный 13 февраля председателем Верховного Совета, являлся незаконным, так как к моменту официального объявления о введении чрезвычайного положения были убиты безвинные люди, и не было кворума при принятии решения.

После первой крови центр города бурлил. Погромы, поджоги, беспорядки... Вопрос о беженцах был забыт, появились политические требования. На вопрос, кто дал указание стрелять в безоружных людей, ответа не было. Соответственно – вывод: раз власти молчат, значит, они дали команду стрелять. Народ требовал отставки руководства. Были и другие

требования экономического и социального плана, и в основном справедливые.

За три дня от пуль «неизвестных» погибли 25 человек и более 450 были ранены. Среди убитых и раненых были люди разных национальностей, женщины и несовершеннолетние. Смерть настигла людей в разных местах, даже в их домах. Потерь со стороны силовых структур практически не было.

Страсти накалялись. Митингующие скандировали: «Долой руководителей!», «В отставку!», «Каримова на место Махкамова!» и т.д. В этот день я был на работе в Госплане. Звонили из ЦК несколько раз и просили приехать срочно. Приехав в ЦК, поднялся к Махкамову, в приемной увидел предсовмина Хаёева. Председатель Верховного Совета Паллаев сидел у Махкамова. На Махкамове не было лица. Он просил меня успокоить митингующих.

Наверняка политический и государственный деятель Таджикистана Изатулло Хаёев был не прочь занять пост Каххора Махкамова, отсюда и его позиция в период февральских событий, и его интриги по отношению ко мне.

...Я вышел на площадь, меня подняли на бронетранспортер. Картина была жуткая. Танки, солдаты с автоматами, бушующая молодежь. На первом этаже здания ЦК – силы МВД, на втором – КГБ. Взяв себя в руки, прочел два рубаи с глубоким и понятным смыслом: о прекращении бесчинств и о вреде неправильных действий. Тишина на площади, все слушали. По правде говоря, сам не ожидал такого эффекта. На мою просьбу расходиться последовал ответ: «Только после образования Временного народного комитета для ведения переговоров с правительством».

На митинге путем выдвижения и голосования спешно был избран «Комитет 17-ти». Люди просили, чтобы я возглавил комитет, а затем на первом совещании Комитета меня избрали председателем. Мы начали заседать и работать. **Реально обстановка контролировалась Временным народным комитетом, и это создавало определенную опасность для существующей власти. Поэтому все члены Комитета в один**

голос на встречах и переговорах говорили о том, что никто из них ни на какую должность не претендует.

Обстановка диктовала руководителям сделать шаг навстречу митингующим, поскольку гибель людей усугубила бы положение. Это был основной момент, побудивший их подписать протокол об отставке. С одной стороны, власть понимала главенствующую роль Комитета в нормализации обстановки, а с другой – сработал инстинкт самосохранения, поэтому начались аппаратные игры. «Виновников» нашли. Была обвинена группа должностных лиц, в том числе и я. **Чуть позже прокуратура республики признала, что эта группа лиц к февральским событиям непричастна.** Более того, они играли существенную роль в деле стабилизации обстановки. Вдохновителями и организаторами кровавых событий были тогдашние руководители правоохранительных органов, как в Центре, так и на местах.

Председатель КГБ Крючков обвинил на Съезде народных депутатов СССР руководство республики в том, что, получая информацию о готовящихся событиях, оно не приняло необходимых мер. Махкамов говорил, что это неправда. Большие люди, наделенные властью, спорили, кто прав.

В те дни в Таджикистане трагедия перемешалась с фарсом. На улицах пролилась кровь, в республике был объявлен траур. Душанбе погрузился в скорбь, народ оплакивал погибших. Коммунисты же проводили пленум ЦК, поддерживали своих. По сути, повторилось то, что происходило в Тбилиси, Баку, Прибалтике. **Народный протест и возмущение были загнаны вглубь.**

За кровавые события февраля 1990 г. ответственны также народившиеся движения того времени. Многими людьми осуждались безответственные призывы и действия руководителей движений, сыгравших негативную роль. Существовал разрыв между массами и руководителями, который оказалось трудно преодолеть. Было ясно, что народ больше не поддержит тех, кто проливал кровь, никогда не простит тех, кто развязал гра-

жданскую войну. Тем не менее, руководители своим упорным сопротивлением и нежеланием отказаться от власти приблизили новую кровь.

Трагедия в Душанбе была военно-политической акцией против мирных людей, поверивших в демократизацию общества, акцией противозаконной, осуществленной с серьезными нарушениями центральной и местной конституций, установленных законов и процедур. К сожалению, виновные в этом преступлении так и не понесли наказания.

Историю можно переврать, преподнести иначе, но все, что творилось в Таджикистане, забыть нельзя. Приходит время – и история начинает мстить. Мстить жестоко. Мы получили свое. После была братоубийственная война...».

Неудавшийся экзамен властвующей элиты

- О, знатоки! Не огорчайтесь,
Что сбивчива строка моя…
За мной – победа, ибо скоро
Ни лжи не будет, ни вранья.
Хокирох, Душанбе, 1992

Спустя несколько лет газета «Чунбиш» («Движение») в первом номере, вышедшем в августе 1997 г., в статье под заголовком «Метаморфозы и трансформации властвующей элиты Таджикистана», кроме прочего, подробно анализировала февральские события 1990 г. как экзамен, проваленный властвующей элитой. Учитывая объективность проведенного исследования, считаю необходимым представить его на суд читателя:

«На основании «Сообщения комиссии Президиума ВС Таджикской ССР по проверке событий 12 – 14 февраля 1990 г. в г. Душанбе», опубликованного в октябре 1990 г. в Москве в газете «Согдиана», и общественно-политического опыта последних лет можно сделать некоторые выводы. Февральские события стали как бы своеобразным водоразделом, положившим начало нового отсчета общественно-политической жизни Таджикистана, а также политическим лакмусом на проверку прочности, мобильности и самонастраиваемости партийно-административной номенклатуры, т.е. властвующей элиты. Но на сегодняшний день с полной уверенностью можно сделать вывод, что они не выдержали этот серьезный, судьбоносный экзамен. Именно тогда произошли трещины по всем направлениям, тогда еще единого организма политической элиты республики. Были допущены серьезные кадровые, идеологические и политические просчеты, ставшие в дальнейшем причиной резкого ухудшения общественно-политической обстановки и, в конечном результате, развязывания в стране гражданской войны. Не были найдены ответы на вопросы: что же произошло тогда в г. Душанбе, в чем истинные причины этой печальной трагедии, что можно было предпринять для предотвращения трагических последствий этих событий?

Для объективного анализа причин и последствий февральских событий в кавычках приведем некоторые вставки из «Сообщения комиссии Президиума ВС Таджикской ССР по проверке событий 12 – 14 февраля 1990 г. в городе Душанбе».

«Вопрос с армянскими беженцами, отправленными в январе 1990 г. в Таджикистан из Азербайджана, и прибытие азербайджанских эмиссаров в целях ведения антиармянской агитации был только поводом для разрастания событий».

«События 12-14 февраля не были случайными. Предпосылками являются серьезные экономические и экологические трудности, низкий уровень жизни, нехватка земли и жилья, неравномерное развитие регионов, невнимание к потребностям людей и подготовке местных кадров, существование местничества и неправильная расстановка кадров, увеличение числа незанятых трудом, нарушение законов касающихся прав человека. И смело, можно сказать, что всем этим умело воспользовались некоторые рвущиеся к власти религиозные деятели, члены неформальных организаций, а также хулиганствующие элементы и преступники».

«Необустроенность учащихся молодежи и студентов и их тяжелые жизненные условия также стали причиной того, что они активно были вовлечены в эти события».

Еще одной «из причин совершившихся событий то, что в последние годы в республике имеет место много нарушений закона, ослаблен прокурорский надзор, рост преступности, особенно организованной. Не ведется должная работа прокуратурой и МВД республики по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений».

«Совершившиеся события и сложившаяся обстановка в республике явились ослаблением работы идеологических учреждений. В результате в последние два – три года усилилась религиозность, особенно среди молодежи. Происходящие события показали, что люди больше слушают казиев, чем руководителей партии и правительства. К сожалению, в те дни и сами руководители, организаторы идеологической работы всю надежду возложили на казия и были уверены, что только он может успокоить людей».

«Интеллигенция, научные и творческие люди во все времена считались цветом народа и государства. К сожалению, в последние годы про это партийные организации забыли, и интеллигенция самоотстранилась. В результате между руководителями партии и луч-

шими представителями нации возникла отдаленность, разделенность, что в дни событий ярко было ощутимо».

Уважаемый мною Махкамов К.М. считался символом интеллигентного, демократического руководителя, что сыграло роковую роль в его карьере и судьбе таджикского народа. Он всегда старался беспрекословно выполнять политическую волю Центра и уполномоченных представителей партийно-хозяйственной номенклатуры и всячески старался во всех отношениях быть «чистым». Именно в чрезвычайное для республики время он, проявляя слабую волю, максимально старался уйти от ответственности и поручал наиболее ответственные задачи другим должностным лицам».

«Как известно, 12.02.1990 г. в 21 час 40 мин. Председателем Совета Министров республики тов. Хаёевым И.Х и Министром внутренних дел Навжувановым М. по радио был оглашен Указ Президиума ВС ТаджССР об объявлении на территории г. Душанбе чрезвычайного положения и введении комендантского часа с 22 часов до 6 часов утра». Это вызывало соответствующую агрессивную реакцию со стороны митингующих.

Хотя «Указ Президиума Верховного Совета ТаджССР от 12.02.90 г. об объявлении чрезвычайного положения и введении комендантского часа по форме, содержанию и правовому назначению полностью являлся незаконным». Крайним в составлении данного Указа сделали секретаря Президиума Верховного Совета ТаджССР Касымову А.Т.».

«Необходимо отметить, что 12 февраля после 16 часов обстановка в Душанбе очень обострилась и стала напряженной, и принятие Указа о введении чрезвычайного положения и комендантского часа было обоснованным». Один из недостатков тогдашней Конституции Таджикистана заключался в том, что в ней отсутствовала процедура оперативного введения чрезвычайного положения.

«13-го февраля на несанкционированном митинге на площади у здания ЦК КП Таджикистана по требованию митингующих, с разрешения тов. Махкамова К.М., – зам. председателя Совета Министров ТаджССР, Председатель Госплана республики тов. Каримов Б.Б. выступил перед митингующими».

По-видимому, его молодость и хорошее знание таджикского языка сделало его героем перед собравшимися.

«Затем митингующими, с целью доведения до сведения руководителей партии и правительства республики их требований, был избран временный комитет из 17 человек. Председателем был из-

бран тов. Каримов Б.Б. Об этом тов. Каримов сообщил тов. Махкамову и приступил к исполнению своих обязанностей».

Может быть, тогда у Махкамова К.М. было намерение сделать впоследствии Каримова Б.Б. своим преемником, но его окружение в лице совета представителей кланов властвующей элиты, предчувствуя такой ход событий, помешали ему осуществить его намерение.

«Каримов Б.Б. и Табаров Н.Т. после того, как взяли протокол об уходе в отставку руководителей республики, не зная тонкостей закона, признали его как законный документ и решили, что республика осталась без руководителя». **В тот критический момент, с точки зрения государственного прагматизма, поведение Б. Каримова было вполне оправданным, так же, как и объявление чрезвычайного положения в г. Душанбе. Сделав исключение, в нарушение закона, для себя, властвующая элита не поступила аналогичным образом по отношению к Б. Каримову и др. Наоборот, она устроила над ним победоносный публичный «суд». Властвующая элита в лице ЦК КП Таджикистана тогда не хотела услышать тех предостережений и опасения за будущее республики, которые поступали в поддержку Б. Каримова.**

В результате февральских событий нашли «стрелочников», и были наказаны Б.Б. Каримов, Н. Табаров, Хабибов А.Х., Мухаббатшоев М. и др. Если присматриваться к региону их происхождения, то невольно на ум приходит мысль, что наказание происходило исключительно по регионально-местническому признаку, положившему начало окончательному региональному расколу страны.

Здесь добавим, что в 50-годы, в целях орошения и освоения земель Вахшской долины, было принято решение о массовом насильственном переселении на эти земли населения горных районов, большую часть которого составили представители Гармской группы районов. В то время, хотя по всей республике с начала 50-х годов население увеличилось в 2 раза, – в Курган-Тюбинской области население возросло более чем в четыре раза. Более 50% хлопка-сырца производилось в этой области. Но в центральных властных структурах они не имели своих непосредственных представителей. Именно тогда, по нашему мнению, появление Б.Б. Каримова в качестве одного из политических лидеров республики могло бы удовлетворить притязания этой группы населения и таким образом предотвратило бы напряженность в этом многонациональном и разнообразном в этническом отношении регионе.

«Во время февральских событий погибло 25 человек, более 800 человек получили ранения разной степени тяжести». Люди, прошедшие через февральские события получили мощную психологическую закалку. Безнаказанность массового девиантного поведения ослабляло впоследствии их чувство страха и резко повысило чувство риска. В дальнейшем митинги и демонстрации для них превратились в не более чем простое развлечение, подталкивая их все ближе и ближе к антиконституционной политической борьбе.

Февральские события позволили списать более 30 миллионов рублей из народного хозяйства. По меркам 1990 года, это были достаточно большие деньги. Из них небольшая часть, более 3 млн руб., награбленных в торговых точках, попали в руки мелких воров и криминалитета, остальная же часть оседала в карманах работников торговли и их государственных покровителей. Таким образом, были созданы все условия для «первоначального накопления капитала» криминально-мафиозной «элиты», что стало для них своеобразным крещением, прокладывая «зеленую улицу» для их финансового укрепления и максимально быстрого приближения к власти. С тех пор «криминальная элита» превратилась в серьезного политического игрока, претендующего на распределение власти в свою пользу. **Использование «криминальной элиты» в качестве политического союзника стало заманчивым, как для традиционной властвующей элиты, так и для вновь формирующихся оппозиционных сил. Естественно, что обе стороны были вынуждены в качестве компенсации уступить часть своей политической воли в их пользу, постепенно превращаясь в их политического заложника».**

«Комиссия придерживается мнения, что если бы руководство республики встретило демонстрантов, тщательно подготовившись, и если бы работники милиции не применяли резиновых дубинок, то поджоги и другие хулиганские действия, возможно, были бы предотвращены».

Тогда, во время предвыборной кампании, для нахождения наиболее близкого пути к сердцу избирателя, использование религиозного фактора стало главным козырем всех кандидатов, начиная от первого секретаря и ниже. Массовое строительство мечетей, публикация религиозной литературы были основными симптомами такого подхода.

Все эти ошибки наносили серьезный удар по тем силам, которые придерживались стратегии национального возрождения Таджи-

кистана и таджикского народа и расчистили путь для быстрого продвижения «контрэлиты» разного толка к власти. После февральских событий «контрэлита», временно отступая с активной политической сцены, солидно пополнила свою социальную и интеллектуальную базу. Началась затяжная идеологическая «война». За очень короткий срок было создано большое количество всякого рода общественно-политических организаций по региональному признаку. Политическая фрагментация и атомизация общества в дальнейшем препятствовали формированию влиятельных политических сил, способных осуществлять определенную национальную стратегию.

Ставленники Центра, т.е. представители ЦК КПСС, и русскоязычное население до февральских событий играли главенствующую роль в контрольных партийно-государственных органах власти. Такая система распределения власти имела позитивный характер и считалась рационально обоснованной с точки зрения тогдашнего времени, выполняя функцию «сдержек и противовесов» разных ветвей государственной власти. Сразу же после февральских событий эта система была разрушена. В результате политических ошибок Центра, проявления некомпетентности, безразличия и нейтральности самих русскоязычных кадров и серьезной ошибки таджикской властвующей элиты – русскоязычное население республики, мгновенно реагируя на их беспомощность, начало массово выезжать из республики.

Согласно закономерностям естественно-исторического развития общества, по моим расчетам, присутствие, как минимум, 10% представителей народа, имеющих более высокий коэффициент зрелости, т.е. которые находятся на более высоком уровне общественно-исторического развития, с условием их уважительного отношения к культуре и традициям нации государства-образователя, могут играть огромную стабилизирующую, социально-экономическую и, в конечном счете, цивилизационную роль, ускоряя таким образом процесс возрастания коэффициента, зрелости остальных народов, проживающих в данном государстве. Естественно, что они не должны становиться «шестой колонной» и фактором политического давления других государств на внутренние дела государства, в котором они проживают. При условии, что им будет представлена культурная автономия, они вполне могут себя чувствовать полноправными гражданами государства-нации и благотворно работать на благо его развития. Исходя из этих соображений, процесс массового отъезда русскоязычного населения из республики нанес огромный мораль-

но-психологический, социально-экономический и общецивилизационный ущерб молодой таджикской государственности.

У руководства тогда не нашлось способа и воли корректировать ход политических процессов в соответствии с импульсами, идущими снизу. После февральских событий, в условиях крушения старого общественно-политического строя и перехода к новому, в принципе, были возможны два пути: относительный общественный консенсус или резкий раскол общества по вопросу о целях этого перехода. Таджикистан, вследствие ошибок властвующей элиты, был обречен на раскол, основанный на противостоянии «консерваторов», «модернизаторов», «демократов-исламистов» и «коммунистов», «государственников – регионалистов». Властвующая элита мгновенно реагировала на девальвацию политической значимости коммунистической идеологии.

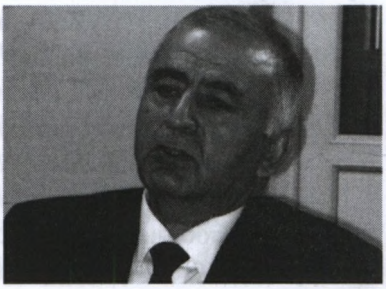
Чуткая часть бюрократической элиты сделала все для того, чтобы поменять свои кресла в ЦК КП Таджикистана на кресла в новоизбранном ВС Таджикистана. В самом ЦК произошел глубокий раскол по принципиальным стратегически-идеологическим кадровым вопросам. Властвующая элита однозначно предала коммунистическую идеологию и Коммунистическую партию. Эти разногласия впоследствии стали одной из основных причин свержения К.М. Махкамова в сентябре 1991 году и ухода традиционной элиты с политической сцены».

Газета «Чунбиш» №1, Душанбе 1997 г.

Главный следователь Февраля

Я не был во главе народа –
Был в гуще своего народа.
Жизнь для них – отдохновенье,
А для других она – мученье.
Хокирох, Душанбе 1991

Но кто же, все-таки, стоял за февральскими событиями? Спустя двадцать два года, руководитель следственной бригады Генпрокуратуры по расследованию февральских событий Солиджон Джураев сообщает:



С. Джураев

«Совершенно открыто»:

«КГБ активно способствовал развязыванию братоубийственной войны в Таджикистане». Оружие, из которого стреляли 12 февраля 1990 года и в феврале 92-го, принадлежало спецслужбам КГБ Таджикистана...»

Следователь Солиджон Джураев

На вопрос журналистов: «Как Вы возглавили следствие?» – он отвечал:

«Совершенно секретно»:

– К расследованию февральских событий 1990 года были привлечены более 100 оперативно-следственных работников из КГБ, МВД и Генпрокуратуры СССР и Таджикистана. Вначале следственной бригадой около 4 месяцев руководила Москва. Руководителем был назначен старший следователь по особо важным делам при генпрокуроре СССР Олег Литвак.

Потом руководителем следственной бригады был назначен я.

Следователь Солиджон Джураев

– Как это было?

– В середине февраля 1990 года, как вы помните, на пленуме ЦК Компартии Таджикистана премьер-министр республики Изатулло Хаёев заявил о попытке государственного переворота.

Тогда прокурор республики Геннадий Михайлин пообещал, что будет проведено расследование по данному заявлению. Однако нам не дали это сделать. Председатель КГБ Петкель сказал:

«Сначала проведем партийное расследование, а потом вы будете расследовать». Петкель сказал, что это указание Пуго (Борис Пуго – председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, член Политбюро, по указанию Горбачева он был отправлен в Таджикистан для проведения партийного расследования).

В общем, спустя 4 месяца распоряжением генпрокурора СССР Сухарева руководство бригады было возложено на меня...

– Почему выбор *пал на Вас?*

– Потому что никаких значимых результатов следствие на тот момент не добилось. Я работал в составе следственной бригады прокуратуры СССР, все руководство прокуратуры по линии следствия меня знало. И заместитель генпрокурора Владимир Кравцов лично со мной разговаривал, так как я знаю обстановку республики, я профессионал, независим от кланов и т.д.

Когда мне передали дело, я говорил Кравцову и его заму – начальнику следственного управления Владимиру Титову, что проведу независимое и самостоятельное расследование, что не буду ходить к руководителям республики, а буду допрашивать их по своему усмотрению. Сказали: самостоятельно решай, следуй закону. Михайлин меня поддержал, нужно отдать ему должное.

Тогда нескольких руководителей обвинили в попытке переворота. С Литваком у меня были доверительные отношения. Когда передавал материалы, он сказал:

«Совершенно секретно»:

«Солиджон, на меня сильно давят, чтобы я арестовал этих людей. И на тебя будут давить. Ты парень принципиальный, будь осторожен, решай по закону и по своим убеждениям».

Следователь Литвак

Я так и поступил. Я точно могу сказать:

«Совершенно открыто»:
«Массовые беспорядки тогда в феврале 1990 года были организованы внешними силами и спецслужбами».
Следователь Солиджон Джураев

Они, используя слухи вокруг «армянского» вопроса (о том, что якобы беженцам из Баку давали квартиры вне очереди в Душанбе), сложность общественно-политической обстановки и социальные проблемы республики, умело использовали недовольных людей, реакционную часть духовенства, а также преступные элементы. Организаторы знали, что единственное в республике подразделение внутренних войск по указанию руководства СССР тогда было задействовано в Баку.

– Какие у Вас были основания для таких выводов?

– Были анонимные звонки в мечети страны, авторы которых призывали к митингу 12 февраля. Следствием точно установлено, что в 15:27, до выхода Махкамова к митингующим, в «скорую помощь» Душанбе уже были доставлены раненые, и раны были от огнестрельного оружия. Было установлено, что Матросов, кинооператор из Ленинграда, был убит снайпером КГБ с крыши ЦК. Экспертиза показала, что выстрел был произведен сверху вниз. Экспертиза других раненых и убитых показала то же самое.

«Совершенно серьезно»:
Оружие, из которого стреляли 12-го числа, принадлежало спецслужбам КГБ Таджикистана. За весь период следствия ни органами МВД, ни КГБ, ни другими оперативниками у митингующих не было изъято ни одной единицы огнестрельного оружия.
Следователь Солиджон Джураев

Организация митинга и незаконное применение оружия 12-го числа спровоцировало массовые беспорядки. Заметим, что в ходе следствия было установлено, что на митинге и в беспорядках принимали участие граждане из других республик СССР. Тогда значения этому наши органы почему-то не придали...

– Можете назвать, кто конкретно применил оружие, и кто отдал этот приказ 12 февраля?

– До сих пор нет ответа, кто конкретно отдал приказ. Приведу факты, которые сами скажут. Помните, на пленуме было заявление председателя КГБ Петкеля, что они стреляли в воздух холостыми патронами? Однако следствие установило обратное.

«Совершенно секретно»:
Мной лично был допрошен оружейник КГБ, который признался, что до начала событий он выдавал группе «Альфа» КГБ 15 автоматов, 2 ящика патронов и две снайперские винтовки.

Следователь Солиджон Джураев

Руководитель спецслужб «Альфа» Тихонов и зампред КГБ полковник А. Белоусов. Это тот самый Белоусов, который вместе с двумя сотрудниками КГБ 5 мая 1992 года бросил гранату на площади Озоди, чтобы столкнуть две площади митингующих. При этом он переоделся в халат оппозиционера.

Я руководил следственной бригадой и в 1992 году.

Тогда было установлено, что именно КГБ активно способствовал развязыванию братоубийственной войны в Таджикистане. Я могу назвать еще два факта провокаций КГБ в Орджоникидзеабаде в апреле 1992 года, когда митингующие из Куляба приезжали в столицу. Тогда три кагэбэшника, переодевшись в белые халаты врачей «скорой помощи», обстреляли автоколонну. Потом 5 мая при возвращении этих же митингующих они обстреляли их колонну в поселке Олий Совет Ленинского района.

На этот раз сотрудники КГБ были переодеты в милицейскую форму.

Потом митингующие вернулись с трупами в Душанбе. Ошибочно полагая, что этот обстрел – дело рук милиции, они в здании Верховного Совета захватили в заложники нескольких сотрудников МВД, в том числе начальника ОВД Душанбе А. Рахмонова, а также депутата ВС Муродали Шерализода, который оказался там случайно и потом был застрелен. Это я видел собственными глазами, я тоже был там, среди милиционеров, как руководитель следственной бригады. Мне удалось убежать, но я помню, как они, зайдя к нам в ка-

бинет, сказали: «Вы, суки милиционеры, стреляли в нас!» Эти провокации стали поводом для начала гражданской войны. Вот вам прямая связь между событиями 90-го и 92-го годов и причастностью КГБ к этим событиям.

– О каких еще провокациях спецслужб Вам известно?

– Есть более яркий факт провокаций и фальсификаций доказательств КГБ в отношении высших должностных лиц государства.

«Совершенно секретно»:

Примерно, в начале июня 1990 года КГБ представил прокуратуре материалы об организации массовых беспорядков и попытке госпереворота со стороны премьер-министра республики Изатулло Хаёева. Эти материалы, секретные материалы на ряд должностных лиц, в том числе и на Хаёева, были переданы и мне.

Следователь Солиджон Джураев

Там были протоколы допросов старшей официантки кафе «Пингвин» города Душанбе Г. Венджик. Допросы провел следователь КГБ СССР В. Круговой.

Официантка утверждала, что лидеры организованных преступных групп Душанбе Рауф Солиев, Холик Авазов и Кабил Ортиков до начала февральских событий собрались в этом кафе вместе с премьер-министром Хаёевым. Они обсуждали организацию массовых беспорядков и совершение госпереворота.

Тогда я как руководитель следственной бригады решил лично допросить следователя Кругового и официантку. Круговой сказал, что в Таджикистане он человек новый, ему КГБ Таджикистана подсунул этого свидетеля, он допросил её, протокол составил КГБ.

Мы стали искать официантку, и оказалось, что ей дали разрешение на выезд в Израиль. Через прокуратуру СССР мы выяснили, что она должна была лететь через день вечерним рейсом из Шереметьево в Тель-Авив. Мы срочно отправили следователя, который задержал ее в аэропорту в Москве и допросил. Она показала, что никакого Хаёева она в глаза не видела, в КГБ ей поставили условие: она дает нужные показания, в ответ ей дадут разрешение на выезд...

– Почему именно Хаёев?

– Я думаю, когда начались беспорядки, на кого-то нужно было списать этот переворот, найти козла отпущения. Им оказался Хаёев, а также другие без вины обвиненные лица.

Когда я после окончания следствия доложил президенту Махкамову об этих фактах, он сказал, что КГБ ему практически не подчиняется...

– В газете «Правда» корреспондент ТАСС Пономарев дважды писал, что была попытка государственного переворота.

– То, что его статьи были лживыми, установлено следствием. Я лично с ним разговаривал, он признал свою ошибку, сказал, что материал для него готовили председатель КГБ Таджикистана Петкель и руководитель спецслужбы группы «Альфа» КГБ СССР генерал Воротников, который приезжал накануне февральских событий. Пономарев поверил им.

«Совершенно серьезно»:

Когда хотели вызвать его для допроса вторично, Пономарев сбежал. Прокуратура СССР не помогла нам доставить его в Таджикистан. То же самое случилось и с Петкелем. Потом следствием было установлено, что Пономарев – не простой корреспондент ТАСС, а кадровый офицер КГБ СССР. Во всех массовых беспорядках он сопровождал подразделения КГБ, был в Баку, Армении, Молдавии, Прибалтике.

Следователь Солиджон Джураев

Допрос президента

– Оппозиционные силы утверждали тогда, что разрешение на незаконное применение оружия было дано по поручению Махкамова.

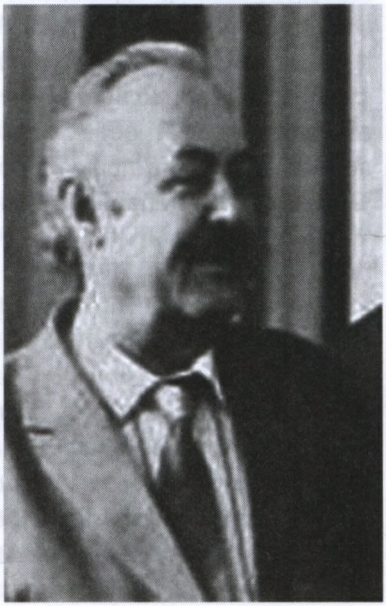
– Следствие проверяло эти заявления. Махкамов таких указаний не давал. Мы его допрашивали в прокуратуре.

«Совершенно открыто»:

Досье

***Изатулло Хаёев** родился 22 июня 1936 г. в Кулябском районе Таджикской ССР. Образование: Душанбинский финансово-кредитный техникум, Таджикский государственный университет им. В.И. Ленина, Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Трудовую деятельность на-*

чал в 1954 г. старшим ревизором финансового отдела Гармского облисполкома, работал заведующим финансовым отделом Навободского горисполкома, затем с 1956 по 1961 гг.– ревизор управления Министерства финансов Таджикской ССР, а в 1961-1965 гг. – начальник отдела Министерства сельского хозяйства Таджикской ССР, затем заместитель председателя колхоза им. Ленина Кумсангирского района. В 1965 -1966 гг. – начальник Пянджского управления сельского хозяйства, далее – заведующий отделом Комитета народного контроля Таджикской ССР, первый секретарь Калаи-Хумбского райкома партии, председатель Горно-Бадахшанского облисполкома. В период с 1978 по 1983 гг. – министр мясной и молочной промышленности Таджикской ССР.



Далее – партийная работа: первый секретарь Кулябского обкома партии (1983-1986 гг.), председатель Совета Министров Таджикской ССР (1986-1990 гг.), после февральских событий успел поработать вице-президентом Таджикской ССР (1990-1991 гг.), премьер-министром Республики Таджикистан (1991-1992 гг.).

Избирался депутатом Верховного Совета СССР 11-го созыва, народный депутат СССР с 1989 г. по 1992 г., народный депутат Таджикской ССР с 1990 г., член КПСС с 1961 г. по 1991 г., кандидат в члены ЦК КПСС (1986-1990 гг.), член ЦК КПСС (1990-1991 гг.). Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Надо сказать, что применение оружия после 12 февраля осуществлялось военнослужащими и сотрудниками правоохранительных органов самостоятельно по обстановке, на законных основаниях.

– Неужели Первый секретарь действующего ЦК и Президент страны пришли на допрос к Вам?

– Да, было дело. Я вечером позвонил по внутреннему телефону, говорю: «Каххор Махкамович, я такой-то, следователь республиканской прокуратуры, прошу Вас явиться на допрос». Он спросил: «Какой допрос?» Я объяснил ситуацию. «Как же так? – спросил он. – Генпрокурор СССР приходил ко мне сам, а ты меня к себе вызываешь?!.» Я говорю: в целях объективного и независимого расследования Вы должны явиться в прокуратуру. Он согласился, сказал, что позвонит. Через два часа он пришел. Допрос шел шесть часов.

«Совершенно секретно»:

А вот Хаёев не пришел, хотя я трижды вызывал его и повестку направлял. Я был вынужден подвергнуть его принудительному приводу через постановление, которое направил для исполнения министру МВД Навжуванову. Тот обратился ко мне с недоуменным вопросом, а потом к руководству республики. И мне позвонил второй секретарь ЦК Веселков и говорит: «Проблема решена, Хаёев будет у Вас завтра».

На следующий день И. Хаёев пришел на допрос, но потом на меня жаловался в Верховный Совет, который проверил законность моих действий.

Паллаев был в Москве, он тоже не хотел приходить, ссылаясь на занятость. Но в Москве я обратился к Председателю Совета национальностей Верховного Совета СССР Рафику Нишанову, который отправил Паллаева на допрос ко мне в прокуратуру СССР в Москве.

Следователь Солиджон Джураев

Надо было проверить законность указа о введении чрезвычайного положения, законность применения оружия и введения войск.

– Вы отвели от Хаёева необоснованные обвинения, а он на Вас жаловался. А Махкамов Вас потом не преследовал?

– Нет. А почему Хаёев на меня жаловался – его надо спросить. Махкамов мог меня преследовать и прямо, и косвенно. Я до сих пор искренне благодарен ему за то, что он был честным, тактичным, вежливым и скромным президентом.

На следствие никакого давления не оказывал и согласился с его решением. После принятия следствием решения все исключенные из партии руководители были восстановлены в своих правах.

(Конечно, не совсем так. Не знаю, кто был восстановлен в своих правах, но все лица, которые были обвинены, были наказаны по партийной линии и сняты с занимаемых должностей. – Прим. автора).

Только мужественный и честный руководитель может признать ошибки и восстановить справедливость в отношении невинных лиц. Когда в 1991 году Хувайдуллаев повел меня на собеседование к Махкамову как члена коллегии и начальника следственного управления заместителя генпрокурора, президент хорошо меня принял и сказал, что надо поддержать таких молодых и принципиальных людей. Если бы мои действия были бы незаконны, он мог бы в любое время меня выгнать.

– Вы говорите, что проверяли их Указ о введении чрезвычайного положения и о введении союзных войск в Душанбе. Это было необходимо?

– Были, если помните, в Верховном Совете и пленуме ЦК заявления оппозиционных сил, что это было незаконно. Поэтому этот вопрос необходимо было расследовать.

Поскольку в то время, когда было введено ЧП, руководитель Президиума ВС Паллаев находился в Москве (там, согласно Конституции, в течение месяца председательствовал на заседании Президиума ВС СССР), поэтому, когда я допрашивал руководителей республики, мне сказали, что введение войск было согласовано с высшим руководством СССР. Одни ссылались на министра обороны Язова, другие – на главу МВД Бакатина и на Горбачева. Паллаев говорил, что ходил к Горбачеву, который то к Язову направлял его, то к Бакатину. Ввод войск был законным, и введение ЧП – тоже. Если бы руководство республики не приняло бы этих мер, тогда этот конфликт перерос бы в широкомасштабный.

Ну, а кто был провокатором беспорядков в первые дни – об этом даже Махкамов не знал. Я его допрашивал об этом. До этого я

обращался с письменным рапортом к генпрокурору СССР Сухареву о необходимости допроса Горбачева, Пуго, Язова, Бакатина, председателя КГБ Таджикистана Петкеля и других работников КГБ.

Генпрокурор Сухарев прочитал, с иронией сказал: «Ты, таджичонок, дашь мне работать или нет? Кого хочешь допрашивать? Горбачева?!» Тогда говорю ему: «Резолюцию напишите, что Вы не согласны. Нам надо отчитаться об этом деле в Верховном Совете Таджикской Республики. Этот вопрос может возникнуть и в Верховном Совете СССР, как было с событиями в Тбилиси и Баку».

«Совершенно открыто»:
В итоге мне разрешили допросить только Пуго. Борис Карлович вел себя спокойно, без высокомерия. Основной вопрос был, почему он вмешался в политику руководства ЦК республики, когда его решением из партии были исключены невинные люди. Он сказал, что в то время такая обстановка была, что сотрудники КГБ давали им такую информацию.
Следователь Солиджон Джураев

Он сказал: меня убедили, но я не следователь, не прокурор, я партийный деятель, мы решали только партийные вопросы. Он тоже был юрист, мы долго беседовали, он спрашивал про обстановку. В общем, протокол допроса находится в этом уголовном деле.

Доклад на Политбюро
– Давайте вернемся к Вашему решению по февральским событиям. Удовлетворило ли оно руководство республики? Знал ли Махкамов о провокации КГБ?
– По окончании следствия я ходил к Каххору Махкамовичу и докладывал результаты.

«Совершенно секретно»:
Я сказал, что исключенные из партии люди невиновны, что были некоторые провокации со стороны КГБ.
Следователь Солиджон Джураев

Еще накануне февральских событий прибыла та самая спецгруппа «Альфа». Их было человек пятьдесят. Прибыли они ночью 12 февраля, еще ничего тогда не было. Махкамов сказал, что об этом

не знал, КГБ ему об этом не докладывал. Они спали в здании КГБ, я показал ему документы.

Он засомневался, задумался, а я сказал: «Как коммунист, как следователь, – я готов нести любую ответственность. Пригласите министра МВД, КГБ, прокурора республики – я представлю материал, пусть они обратное докажут». Он согласился, на этом мы расстались. Но больше он меня не вызывал. Я лично неоднократно докладывал по делу заму генпрокурора СССР Кравцову, руководству следственного управления, которое потом доложило генпрокурору Сухареву.

В октябре 1990 года пришла телеграмма от Сухарева: срочно явиться с докладом по делу на Политбюро. Ну, мы подумали, что, видимо, Пуго написал какую-то записку. Я с необходимыми документами явился к Кравцову и Титову, они доложили по внутреннему телефону Сухареву, и тот сказал: «Проверьте дело, составьте справку». На следующий день в 18 часов мы доложили дело генпрокурору. Потом приехали в Политбюро ЦК КПСС; Сухарев зашел на доклад, а нам он сказал: «Ждите, при необходимости вас вызовут».

«В Политбюро ЦК КПСС»

Два с половиной часа Сухарев докладывал Горбачеву в Политбюро. Когда он вышел, прямо при всех генпрокурор СССР сказал мне: «Михаил Сергеевич одобрил твое решение, поздравляю». Обнял меня, показал его резолюцию на докладе: «Сухареву А.Я. Следует согласиться с решением следствия». Подпись: М.С. Горбачев.

Сухарев меня посадил в свою «Чайку», привез в кабинет, говорит: «Молодец, если бы твое решение признали бы незаконным, мне тоже по шапке попало бы. «Какое у тебя звание?» Я говорю: «Советник юстиции». Он: «Ты теперь старший советник» (т.е. полковник).

Следователь Солиджон Джураев

(Даже после одобрения материалов следствия, которое велось огромным числом разных сотрудников, нашу невиновность до сих пор не хотят признать наши руководители, равно как и признать свою ошибку. – Прим. автора).

Это было 10 октября 1990 года. На следующий день я пришел к 10 часам, говорю: мне к Сухареву. Секретарь печатает на машинке, на меня не смотрит. Потом, не поднимая глаз, говорит: «У него мать умерла, он улетел в Воронеж». А потом посмотрела на меня и спросила: «Вы Джураев из Таджикистана? Идите к Побежимову, заместителю генерального по кадрам, ваше удостоверение готово».

Вот такой человек Сухарев, несмотря на все, сдержал свое обещание...

...Я ехал туда, рискуя стать антипартийным, привлеченным к ответственности или уволенным, а приехал с почестями.

– Ваше решение не совпадало с решениями высших партийных органов и высшего руководства Таджикистана и СССР. На Вас не давили?

«Совершенно секретно»:

– Конечно, было давление! Со всех сторон. Особенно КГБ. Они просили и требовали (Руководители ЦК Компартии Таджикистана. – Прим. автора.), чтобы решение следствия соответствовало решениям Бюро, пленума ЦК КП Таджикистана и Политбюро ЦК. То есть, чтобы я предъявил обвинения Хаёеву, Каримову, Хувайдуллаеву, Табарову, Хабибову и другим в превышении власти и попытке государственного переворота.

Следователь Солиджон Джураев

Но я не поддался давлению и самостоятельно принял законное и справедливое решение. Всем невинным я направил сообщения о прекращении против них уголовного дела. Это было право следователя.

– А конкретно кто говорил об этом?

«Совершенно секретно»:

– Я сейчас не хочу называть фамилии. Кто-то моими руками хотел посадить в тюрьму невинных и заработать себе политические дивиденды.

– А кто тогда оказывал на Вас давление? Ведь Вы тоже были членом КПСС?

– Да, я тоже был членом КПСС, но это не значило, что я должен обвинять и сажать невинных граждан, как в 30-е годы. Я не был карманным следователем, политические и социальные заказы не выполнял. Если вы хотите факт прямого давления, я могу назвать его.

– Так кто это был?

– Когда прокурор Михайлин ушел из республики, на его место был назначен Почомуллаев, который неоднократно заявлял, что мое решение незаконно. Я предложил ему самому изменить его. Он этого не сделал.

Потом через полтора-два месяца он мне говорит: «Поедем на Бюро ЦК, там будет заслушано дело о результатах февральских событий, я там скажу, что ты незаконно прекратил дело».

Когда мы зашли на расширенное заседание Бюро ЦК и Президиума ВС, там председательствовал второй секретарь ЦК Веселков. Прокурору республики Почомуллоеву дали слово.

Он выступал только минуту, и, не говоря по существу дела, пять раз назвал мою фамилию. Джураев, мол, зазнался, незаконно прекратил дело, вел себя высокомерно, вызывал руководителей республики в свой кабинет. Он их опорочил, дискредитировал партию.

Я не сдержался, прервал его и заявил: «Уважаемое руководство республики, прокурор республики некомпетентный человек, он вводит вас в заблуждение, поскольку дела он не знает, его не читал. Дайте мне доложить». (На самом деле, по моим наблюдениям и после встреч с секретарем ЦК Компартии Таджикистана Веселковым у меня создалось впечатление, что он нечестно вел себя, не знал в должной мере обстановку и любой ценой хотел обвинить нас. Прокурор Почомуллаев тоже был таким и послушным ставленником руководства. – Прим. автора).

Все замерли, Веселков посмотрел на Махкамова, тот одобрительно кивнул головой.

– Давайте, руководитель следственной бригады Джураев доложит, а прокурор потом дополнит, – сказал Веселков.

Все согласились. Я в течение 40 минут докладывал. Больше часа мне задавали вопросы, я объяснил, что я руководство республики вызывал не к себе домой или в чайхану, а в служебный кабинет.

«Совершенно серьезно»:

Перед законом все равны, и в целях независимого расследования я их вызывал в прокуратуру, чтобы проверить заявления оппозиционных сил. ***Следственным путем была установлена их невиновность.*** *Сказал: создайте комиссию, если она решит, что мои действия незаконные, то я готов нести ответственность. Сам Михаил Сергеевич Горбачев и Политбюро, сам генпрокурор признали решение законным, а Почомуллаев, не читая дела, необоснованно заявляет, что решение мое незаконно.*

Все выступающие и участники, около 40 присутствующих, поддержали мое решение, а не мнение прокурора республики.

Следователь Солиджон Джураев

– А от погромов русскоязычные разве не пострадали?

– Есть такое выражение: лес рубят – щепки летят. Конечно, ведь тогда сколько русскоязычного населения проживало в городе. Конечно, кто-то мог быть убит. Но это не было проявление националистического характера.

– Сейчас следователь имеет право вызвать на допрос в прокуратуру президента страны?

– Об этом и о масштабной коррупции в высших эшелонах власти надо спросить генерального прокурора Шерхона Салимзода и его следователей, а не простого адвоката.

В заключении я хочу сказать, что если ты уверен в правоте своего дела и своей позиции, то, несмотря на давление, можешь принципиально отстаивать законность, и никто не заставит тебя стать послушным, карманным следователем.

С гордостью хочу сказать, что в истории Таджикистана еще не было такого, чтобы при действующем руководстве и президенте страны их решения, решения Бюро ЦК и Политбюро ЦК были отменены самим этим руководством на основании решения следователя Джураева.

Были восстановлены доброе имя и честь порядочных граждан Таджикистана. Восстановление такой справедливости – это великая честь для меня, и я ее не поменяю ни на какие должности, чины и богатства.

Надо сказать, что настоящей оппозицией были элиты северных кланов, которые свергли честного и порядочного президента Махкамова и потом с другими коррупционерами и мафиозными структурами довели страну до гражданской войны. В конце 1992 года к власти, в правоохранительные органы пришли бывшие воры-рецидивисты и рэкетиры, случайные люди с улицы. И сразу стали генералами. А тысячи высококвалифицированных, преданных стране кадров были выброшены на улицу.

Хотя я нашел справедливость для других, я 20 лет не могу найти справедливости для себя, я лишен всех чинов и должности в прокуратуре, не знаю, почему и за что...

Подготовили журналисты
Нурали Давлатов и Марат Мамадшоев

Вот так говорит в заключение прокурор. И он прав и не одинок в этом. Хотя, как он говорит, и были восстановлены добрые имена и честь порядочных людей, но у меня до сих в трудовой книжке – невероятная запись: «скомпрометировавший себя». Она до сих пор не дает мне нормально работать и спать, а вот Каххор Махкамов заявил, что у него хороший сон, и он отлично спит по ночам…

А в те роковые для Таджикистана дни – на большом митинге перед Киноконцертным залом – многие руководители показали свое истинное лицо, и его увидели митингующие. К примеру, секретарь ЦК Шабдолов говорил людям:

– Сегодня в конце дня в Душанбе прибыло несколько сотен военных из спецподразделений Советской Армии. Я знаю, что вы хотите, чтобы они покинули нашу территорию. Я знаю это и являюсь вашим сторонником, но для того, чтобы военные подразделения покинули нашу страну и не появлялись здесь больше, мы должны сами принять меры для стабилизации обстановки в своей стране.

Итак, в начале своего выступления он подтвердил, что спецподразделения из Центра – уже в Душанбе. А в конце – выразил свою поддержку требованиям митингующих. Но на самом деле он был таким же их сторонником, как и другие руководители, делая все, чтобы любой ценой сохранить свою власть. Он и ему подобные не говорили правды тогда и не говорят ее до сих пор. И только по этой очевидной причине до сих пор находятся они у власти. Сего-

дня, к примеру, Шабдолов – член парламента и лидер нынешних коммунистов и уж тем более может до конца не открывать всей правды о событиях того периода. Ну, неужели он пойдет против самого себя, тогдашнего Шабдолова, да и нынешнего тоже?..

По сути, это уже не важно, важно другое – что многие средства массовой информации, разными путями получив архивные документы, – приступили к их публикации. Пусть даже с опозданием, но народ все-таки уже знает и будет теперь всегда знать настоящую правду о трагических событиях февраля 1990 года. Другое обидно – что до сих пор всенародно не объявлены главные виновники этих трагических событий, настоящие преступники. Если в других государствах их стремятся найти, назвать и даже наказать, у нас о них – молчат вмертвую…

«Совершенно серьезно»:
Прокуратура Таджикистана прекратила расследование в отношении бывшего члена КПСС, бывшего Председателя Госплана республики Бури Каримова. Заключение: ничего уголовно наказуемого во время февральских событий 1990 года он не совершил. Правда, Каримова по горячим следам успели в марте прошлого года исключить из партии и снять с должности.

Сергей Литвинов. Москва

А ведь прежде обвинялась группа лиц, которые на самом деле никакого отношения к кровопролитию не имели. Что было доказано и прежними силовыми структурами, и последующими, работой этих же структур при бывших и нынешних руководителях. Возникает справедливый вопрос: если члены Временного комитета – не причастны к этому (причем, ни один из них!), – кто тогда является основными виновниками и когда, наконец, будут названы их имена?..

На этот вопрос до сих пор нет ответа. Нет его даже у руководителей, у тех людей, которые отвечали и отвечают за судьбу страны.

А вот у меня и многих других людей он есть и давно. Они-то знают виновников, об этом они говорили и писали не раз, называя виновных поименно. Но разве могут виновные, находясь у власти, взять и назвать самих себя виновными?..

Разве могут они, сидя в своих начальственных креслах, не делать все возможное, чтобы не выпустить истину из-под спуда? И, к сожалению, это является главной трагедией народа, которому вешают лапшу на уши, чтобы он продолжал оставаться верным режиму и служить нечистым на руку, обладающим лживым языком и сердцем, руководителям.

Информированные люди, особенно из числа журналистов, не раз не только намекали мне, но и прямо указывали способ не только решить эту проблему, но и защитить свое честное имя, вплоть до Гаагского трибунала. Но я понимал, что не только очернение моего имени, но даже и горе людей, потерявших своих близких в февральские кровавые дни, – просто меркнут и выглядят малозначительными по сравнению с тем, что произошло в стране позже и называлось – **полномасштабной гражданской войной**…

Хотя я не раз испытывал все новые удары судьбы, но снова поднимался и реализовывал себя – уже в другой стране. И все же в моей трудовой книжке продолжала оставаться порочащая меня запись, что я снят с работы по причине того, что «скомпрометировал себя»…

Спустя много лет, принимая во внимание заявления президента страны Эмомали Рахмонова о торжествующей в стране справедливости, в том числе – и судебной, я написал заявление в Верховный Суд с просьбой убрать эту запись из моей трудовой книжки. Ведь сколько раз она мешала мне получить высокие правительственные награды и должности в России. И каждый раз я снова мысленно возвращался к событиям кровавой исторической катастрофы, постигшей мою страну…

И сегодня руководители многих стран разыскивают по всему миру и приглашают на Родину не только тех, кто является истинными патриотами своей страны, но и тех, кто может быть полезен при решении государственных проблем. Именно поэтому нежелание очистить от клеветы мое честное имя – оказалось новым ударом по моим чести и достоинству, поскольку и Верховный Совет, и Верховный Суд, и Прокуратура Таджикистана, как будто сговорившись, – пускали заявление по кругу, давая понять, что ни рассмотреть подобное дело, ни решить его должным образом – они не могут…

Одно это обстоятельство уже должно было бы заставить меня обратиться в международные суды – хотя бы в Международный суд

по правам человека в Гааге. Но я считал все это пустой тратой времени, поскольку хорошо знал свой родной, ко всему привычный народ, к которому принадлежу всей душой и судьбой, а еще и потому, что верил в Бога и успокаивал себя тем, что Большому Начальнику – Там, Наверху, – все видно. Остальное же для меня – по большому счету, было несущественно…

Мне важно было работать, приносить пользу людям, стране, а не заниматься бессмысленной тратой времени, блуждая по бюрократическим лабиринтам, выхода из которых – просто не существует. Хотя то, что по этому поводу, в очередной раз, творили со мной в Таджикистане, могло бы дать поучительный материал для другой книги.

Крушение на взлете

Мой опыт сердце обескровил
И тяжким грузом оказался.
Себя я к гибели готовил...
Но людям, людям открывался!
Хокирох, Душанбе 1991

Считаю важным привести интервью, которое взял у меня журналист В. Жуков, главный редактор газеты «Забота» вскоре после кровавых февральских событий.

«Стремительные взлеты и сокрушительные – до полного выпадения из нашей памяти даже фамилий вчерашних фаворитов – падения... Мало ли мы видели такого? Помнится, когда года два назад на одном из журналистских семинаров в Москве нам представили очередного лектора: «Шепилов», – зал ахнул:

– Неужели он?!

Оказалось, он самый: – «...и примкнувший к ним Шепилов». Выходит, – жив и никуда не девался. Только мы об этом даже не подозревали. Собственно, удивляться здесь нечему. Таковы уж правила аппаратно-кадровых игр: не пришелся ко двору – исчезни навсегда.

Но то, что произошло с Бури Бачабековичем Каримовым, поразило даже завзятых фаталистов: в двадцать девять лет – самый молодой в стране министр, в тридцать два – заместитель Председателя Совмина республики... А в тридцать три – зам. управляющего трестом. Откуда взлетел, туда и рухнул…

Крушение Бури Каримова последовало сразу после чудовищных февральских событий в Душанбе. Это был его звездно-трагический час: небывалой яркости популярность разгорелась на фоне погромов, насилий, пожарищ. Признаться, мне в те дни его успех был враждебен: в один узел связались «Вахдат», «Растохез», Бури Каримов и бесчинства до одури обкурившихся, наглых, но явно кому-то послушных, молодчиков...

Но вот прошло время. И – странное дело – оно не утрясло душевного сумбура тех дней. Наоборот возникли новые вопросы. Перечитывая сбивчивые объяснения Каримова на пле-

нуме ЦК Компартии Таджикистана, противоречащие одно другому утверждения на пресс-конференции, ищешь и не находишь ответа на вопрос, который сегодня занимает всех недоумевающих, отчего до сих пор не названы главные виновники уличных беспорядков: кем же все-таки был Бури Каримов – организатором или жертвой? Безжалостным циником, рвущимся по крови к власти, или подставным лицом, с наивно-пламенным отвращением ко лжи и насилию?

Не разобравшись в личности «президента на сутки», мы рискуем так никогда и не узнать скрытых пружин Февральского бунта. Конечно, политики редко бывают откровенны. Но все же, в поисках ответов на проклятые вопросы, лучше всего не мудрствовать лукаво, а обратиться прямо к тому, в ком хочешь разобраться. Это соображение и привело меня к Бури Бачабековичу.

Не уверен, что после знакомства с записью нашей беседы читателю станет решительно все ясно. Не уверен, что все поверят в искренность ответов моего собеседника. Однако толкование событий одним из главных его участников до сведения общественности довести надо. Пусть люди сами выберут, чему им верить и чему не верить дальше.

Итак – интервью.

Корр.: – Вот перечитываю я газетные публикации тех дней. Специальный корреспондент «Известий» В. Кулешов в газете «Союз» пишет так: «Возникает законный вопрос: уж не они ли, из «Комитета 17-ти», и организовали беспорядки, которые возобновились с новой силой, как только в Душанбе стало известно, что пленум ЦК Компартии республики выразил доверие членам Бюро ЦК?.. « Здесь намек ясен – да, именно они и есть организаторы. А у Р. Рахимова в газете «Единство» мелькнула другая мысль: «Не случайно в самый ответственный момент к народу вытолкнули южанина Б. Каримова». Обратите внимание – «вытолкнули». Выходит, Вы – невольная жертва.

Так кто же прав? Можно ли Вас, Бури Бачабекович, считать организатором февральского бунта?

Б.К.: – Нет и еще раз нет. Сомнительная честь – предстать перед общественностью в роли подставного лица, но из песни слова не выкинешь. Будем смотреть правде в глаза. Меня очень красиво использовали для того, чтобы сбить накал страстей и приостановить поток бесчинств и кровопролития: пригласили в ЦК и попросили выйти к митингующим. Я без каких-либо задних мыслей использовал все свое влияние, чтобы успокоить людей. Думал, мне за это хотя бы скажут «спасибо». А получилось… Сыграв на этом факте с помощью послушной прессы и особенно активных участников пленума, которые в эти трудные для нашего народа дни из окон своих рабочих кабинетов, дома или по телевизору наблюдали за ходом событий, а меня представили как организатора февральских событий.

Это – ложь. Не думаю, что она проживет долго. Народ рано или поздно во всем разберется.

Корр.: – Но в таком случае как Вы оказались во главе «Комитета 17-ти» и «Вахдата»? Почему он заседал именно в Вашем кабинете? Поймите правильно мои вопросы – именно их сейчас чаще всего слышишь в разговорах. Люди рассказывают, например, что на площади, когда выкрикивались имена членов будущего комитета, свою фамилию Вы назвали сами. Если это так, то зачем Вы это сделали? Ведь рождается подозрение, что Вами руководили чисто карьеристские соображения...

Б.К.: – Видите, как правда мешается с ложью. Во-первых, давайте вспомним – до того, как образовался «Временный народный комитет» (мы его назвали именно так, а не «национальным комитетом», как его именовали – явно, чтобы придать нашей деятельности оттенок национализма – журналисты «Правды»), существовал «Вахдат». Его создали 14 февраля митингующие на площади имени Ленина перед Домом Правительства. А я в «Вахдат» не входил и тем более не руководил им. Это нетрудно проверить – переговоры «Вахдата» с руководством республики транслировались по телевидению. Я в них не участвовал.

Во-вторых, как участник событий я появился перед людьми, когда вышел на площадь. Подчеркиваю, вышел по поручению руководства республики. И не сам я назвал свою фамилию, а люди на площади. Мою фамилию выкрикивали многие. Я надеюсь, что когда-то покажут эти кадры. Ведь все было снято силовыми структурами.

«Вахдат» появился на день позже и влился в наш комитет, так как его цели совпадали с нашими.

И, в-третьих. Члены комитета поддерживали предложение именно меня избрать председателем. Но не думаю, будто что-нибудь принципиально изменилось бы, если бы мы заседали в каком-нибудь другом кабинете. На месте заседания внимание общественности акцентируют те, кому хочется обозначить как организатора именно меня. А для нас главное заключалось в другом – работать, работать и работать ради стабилизации обстановки. Мы ничего не скрывали – наши заседания проходили при открытых дверях. И каждый из нас знал: как только положение нормализуется, наши функции будут исчерпаны. Кого и кем потом выберет народ – дело народа.

Корр.: – То есть к личной власти Вы не стремитесь?

Б. К.: – Да поймите же, наконец, что вся эта возня вокруг моего имени преследует четко осознанную цель: представить дело так, будто кучка беззастенчивых политиканов организовала путч, чтобы захватить власть и создать что-нибудь вроде исламской республики. Удивительно, как это люди верят подобной чепухе!

Причина февральских событий – в нерешенности жизненно важных проблем экономической, социальной, культурной жизни, обострении национальных отношений, в отрыве руководства от забот простых людей. Участники пленумов и многочисленных объединений, организованных по поводу этих событий, должны были обсуждать именно эти проблемы, разработать оптимальные пути их разрешения и преодоления. Еще раз хочу подчеркнуть, что корни этих зол к моей личности и к моим деловым качествам никакого отношения не имеют. Это же ясно, как дважды два.

Разве во многих областях России люди выходят на улицы и объявляют забастовки, чтобы захватить власть? К конфликтам их подталкивают нужда и лишения. А те, кто обвиняет их во властолюбии, сами трясутся за свою власть. Они всячески пытаются уйти от ответственности за то, что мы с каждым днем живем все хуже и хуже, становимся беднее и беднее. Они пытаются переложить вину на тех, кто указывал на язвы нашего общества, требует перемен. Но ведь не интеллигенция – литераторы, музыканты, врачи, инженеры – виноваты в том, что мы подведены к самому краю пропасти. Виноваты те, кто безраздельно пользовался властью вчера и хочет сохранить ее за собою на завтра: власть абсолютную и бесконтрольную.

Корр.: – И все же, мое глубочайшее убеждение: любая попытка внепарламентскими средствами создать кабинет министров – неконституционна и, следовательно, безнравственна. А стремление передать власть новому правительству буквально накануне выборов, то есть поставить граждан республики перед совершившимся фактом, – безнравственно вдвойне. Все же понимают, как повернулась бы вся предвыборная компания в Таджикистане после насильственного переворота.

Б.К.: – А я и не спорю с вами. Любой переворот – явление зловещее. Но с нашей стороны не было попытки создать новое правительство. Повторяю еще раз: мы образовали временный комитет, который стремился стабилизировать ситуацию и – между прочим – создать тем самым условия для действительно свободного волеизъявления народа.

Чтобы извратить суть дела, скомпрометировать нас, представить события так, будто мы добивались власти для себя лично, пущена была легенда о том, как я на радостях, что меня избрали «президентом», расцеловал первого подвернувшегося под руку милиционера. Более двадцати человек выходило в тот момент вместе со мной из здания ЦК, и никто не видел, что я нежничаю с милиционером. А вот генерал Мартовицкий, прилетевший из Ташкента, увидел. И публика повери-

ла ему – очень уж психологически тонко была рассчитана ложь.

Так что мы имели дело с опытными, хорошо знающими свое дело клеветниками. Для меня лично это было неожиданностью. Не думал я, что такие нравы царят в верхних эшелонах власти.

Корр.: – Значит, после февраля Ваша система взглядов и оценок изменилась? Может быть, Вы и на сами события сейчас смотрите иначе, чем в те дни?

Б.К.: – В чем-то иначе. В чем-то нет.

В отношении моральных качеств заправил командно-административной системы я теперь не обольщаюсь. В обычной обстановке эти люди могут создать группировки, кланы, враждующие между собой. Но если у них появится общий враг, общая цель, они мгновенно объединятся между собой и ради собственной выгоды не остановятся ни перед чем, пренебрегут любыми моральными нормами. Их внутренний мир и внешность очень ярко и глубоко охарактеризованы в «Бахориёт» Сайидо Насифи.

На пленуме я настолько был сбит с толку потоком недобросовестных обвинений, что даже не сумел на них внятно ответить.

За свою бестактность приношу свое извинение уважаемому читателю, что это был не пленум, а сборище оголтелых бюрократов, осуждавших каждое слово или намек, противоречащих их интересам, выкриками и аплодисментами (топали ногами, вели себя, как сумасшедшие и хулиганы).

Так что в этой области у меня – человека, сделавшего карьеру в рамках административно-командной системы, – произошла крутая переоценка ценностей.

Но ценности общечеловеческие – они не потеряли для меня своего значения. Так что я и на февральские события смотрю, как прежде, – с позиции интеллигента-гуманиста.

Как и прежде, считаю, что насилие – далеко не лучшая и крайне нежелательная форма выяснения социальных отноше-

ний. Но если народ вышел на улицы – не его надо в этом винить, а тех, кто довел народ до такого состояния.

К сожалению, эта сторона дела прессой почти не рассматривается. События в Душанбе подаются, по большей части, тенденциозно.

Что ж, народ не виноват в том, что не располагает полной информацией об истинных причинах февральской трагедии. Но думаю, в самом недалеком будущем мы все узнаем, кому так страстно захотелось обострить обстановку, довести дело до безумия и провести затем выборы в условиях чрезвычайного положения.

Корр.: – То есть политическая карьера Вас больше не прельщает?

Б.К.: – Жить в обществе и оставаться вне политики невозможно. Но до февральских событий всерьез политикой не занимался. Моя профессиональная сфера – дорожное строительство и экономика. Февраль вынес меня на гребень волны. И я насмотрелся за этот короткий временной отрезок на многое. Я понимаю сейчас, что политикой заниматься можно и нужно, но делать это необходимо честно и справедливо. Однако осознал я и еще одну – довольно горькую – истину: общество еще не готово к активной поддержке откровенных, открытых политиков.

Вот вам пример. В четырех избирательных округах избиратели намеревались выдвинуть мою кандидатуру. Но под нажимом местных руководителей отказались от своих намерений, уступили нажиму.

И сколько таких примеров по республике!

Корр.: – Бури Бачабекович, а если с философских высот опуститься к повседневной обыденности: не кажется ли Вам, что на Ваше нынешнее настроение сильно влияет чисто практическое обстоятельство – после февральских событий Вы, Отахон Латифи и Нур Табаров стали крайне непопулярны в умеренных слоях населения, и особенно среди русскоязычной его части?

Б.К.: – Да, в какой-то степени вы правы. На меня сейчас, образно говоря, «пытаются надеть чалму национализма». А узкий национализм – не лучшее качество для приобретения сторонников в самых широких слоях населения.

Но я, знаете ли, и не стремлюсь к популярности. Всегда помню мудрую горьковатую мысль: «Ничто не умерщвляет душу так быстро, как жажда нравиться людям».

В то же время вы не совсем правы. Я бы не сказал, что ко мне плохо относятся именно те, кого мы здесь называем русскоязычными. У меня среди них много добрых знакомых, которые такими остались и по сей день. Я благодарен, например, Георгию Вадимовичу Кошлакову. В свое время он был против моего назначения. Но в трудную минуту не побоялся поддержать меня морально. Пытался восстановить справедливость Председатель Ревизионной Комиссии ЦК Компартии Таджикистана заместитель Председателя Госплана республики А.Б. Борзенко, но ему на пленуме говорить, к сожалению, не дали.

То есть, я хочу сказать, что в наши дни крах административной карьеры не ведет, к счастью, к автоматической утрате общественной репутации. И популярность – дело наживное. Были бы душевные силы. Только их-то у меня пока поубавилось.

Корр.: – Но человек должен чем-то жить. Если не политика, тогда что же?

Б.К.: – Я работаю сейчас в тресте «Мостоспецстрой» Министерства строительства и эксплуатации автомобильных дорог, заместителем управляющего.

Со студенческих лет у меня осталась привычка по два – три часа работать вечерами. Сейчас она мне очень пригодилась – завершаю работу над двумя книгами. Одна – о встречах молодежи СССР и США в Америке. А вторая – о моем собственном восприятии, моей оценке февральских событий в Душанбе.

Параллельно занимаюсь экономическими проблемами дорожного строительства и мостостроения. Год назад в Академии общественных наук при ЦК КПСС доложил концепцию

работы на соискание ученой степени доктора экономических наук и рассчитывал вместо выпускной дипломной работы представить диссертацию, посвященную анализу развития экономики региона. Как видите, есть чем заняться.

Конечно, душевное состояние – не идеальное. Но я стараюсь не забывать слов великого А. Джами:

Когда ты замыслил достигнуть вершины, –
С добром благодарным свой связывай век.
Не в сане высоком величье мужчины,
Причина величия – сам человек.

Вот и вся беседа. Трудно угадать, как откликнутся на нее читатели. Возможно – станут задавать новые вопросы. Такие, например:

– А почему собственно, в ЦК вызвали, чтобы послать на площадь, именно Бури Каримова? А если не вызывали?

Если «Комитет 17-ти» не направлял событий, почему, когда стало известно о готовности руководителей уйти в отставку, по бурлящему и разгромленному проспекту Ленина понеслось радостное: «Мы победили!» Кто «мы»? Те, кто заботился лишь о тишине и спокойствии?

Что ж, задавайте свои вопросы. Бури Каримов выразил готовность ответить на них».

Интервью вел В. Жуков

Предупредить погромы

Спроси у спящего дитя,
Спроси у матери его,
Спроси любого на земле –
Нет кроме мира ничего!
Хокирох, Москва 1995

Почему правоохранительные органы не в состоянии предупредить погромы?

Такой вопрос ставился в газете «Новое время» № 9 за 1990 г. На следующий день после того, как в центральных газетах появилось по старым образцам составленное сообщение «В Комитете государственной безопасности СССР», где давалась отповедь распространителям слухов о «якобы готовящихся погромах евреев, азербайджанцев, армян» и сообщалось о том, что «КГБ СССР следит за развитием ситуации и предпримет надлежащие меры в случае ее реального обострения», в столице Таджикистана начались погромы.

Требования митингующих...

Трагические события в Душанбе, происшедшие всего через месяц после погромов в Баку, убивают еще теплившуюся надежду, что и Фергана, и Сумгаит, и Новый Узень были лишь несчастными случаями, повторения которых удастся избежать.

«Можно, конечно, принять версию ответственных работников КГБ, которые полагают, что во всем виноваты как раз распространители слухов: кричали, кричали, вот и напророчили. Посему главный вывод, который сделан КГБ накануне начала событий в Душанбе, – это призыв к печати «не тиражировать непроверенные сведения». Это удобная логика: она сразу снимает ответственность с тех, кто по служебному долгу обязан был сохранить людям жизни. Но при всем ее удобстве она не выдерживает критики: армянских беженцев громили люди, которые не читают «Огонек», «Литературную газету» или «Московские новости». Погромщики вряд ли что читают. Конечно, у них есть в высшей степени образованные вдохновители – погром невозможен без соответствующей идеологической подготовки. Но идеологические погромщики с научными степенями в области философии или филологии давно пришли к выводу о необходимости расправиться с инородцами. Что касается блистательного предположения, что армяне, евреи, а также, видимо, изгнанные из Армении азербайджанцы и турки-месхетинцы, которых уничтожали в Фергане, сами себя убивают, чтобы получить статус беженца или что-то там еще, то с такими вещами всерьез полемизировать стыдно.

«Совершенно серьезно»:

Кризисная ситуация в стране, карточки, нехватка жилья, отсутствие перспективы, ощущение, что ничего к лучшему не меняется, – да это же классическая почва для погромов. Армянские квартиры в Баку громили главным образом азербайджанские беженцы из Армении, которые не нашли поддержки и помощи у правительства, но выместили зло на армянах. Ситуация в Душанбе напоминает Фергану: те же хронические социальные беды, безработица, отсутствие жилья, но за плохое хозяйствование руководителей отвечают «чужие».

«Новое время» № 9 за 1990 г.

Конечно, кому-то на руку представить погромы стихийным «проявлением народных чувств». Но только неискушенному взгляду. Погром должен быть хорошо подготовлен. Как найти в Душанбе квартиры, в которых живут армяне? В Ферганской долине дома турок-месхетинцев загодя метили... Надо подобрать верных людей, объяснить им «патриотическую» задачу, подвести под расправы идеологическую базу... Так и появляются слухи, которые вызывают раздражение правоохранительных органов. В Баку за несколько дней до начала погромов была названа точная дата... Ее услышали все, кроме тех, кто обязан был услышать и предупредить кровопролитие. Можно предположить, что реакция была той же: «данных об обоснованности слухов не имеется»...

Правда, после Сумгаита, Ферганы, Нового Узеня представители КГБ говорили, что они предупреждали политическое руководство, но... Не знаю никаких документов на сей счет, потому не могу судить. Такие документы, вероятно, могла бы получить депутатская комиссия, задавшись целью выяснить, почему такой мощный правоохранительный аппарат не в состоянии предупредить погромы. Но, судя по заявлению, опубликованному 9 февраля, могу предположить другое: центральный аппарат КГБ, возможно, действительно не располагал сведениями о приближающихся погромах. Почему? Может быть, люди на местах (а отделы КГБ есть в каждом районе) не готовы к борьбе с новой опасностью? Не готовы, как и вся наша правоохранительная система, которая десятилетиями боролась совсем с другими врагами...

Милиционеры, которых вызвали в ЦДЛ, чтобы утихомирить хулиганов, обещавших в следующий раз прийти с автоматами, отпустили их. Но немедленно задержали участников мирной демонстрации возле здания ТАСС. Милиция привыкла защищать государственные учреждения. Тот, кто пикетирует ТАСС, – нарушитель, это милиционеру объяснять не надо. А вот в ЦДЛ, как потом заявляли правоохранительные руководители, было «трудно разобраться», кто там хулиган... Районного милиционера воспитывали так, что либеральный интеллигент в очках – «диссидент», а то и «сионист»! – кажется ему опаснее «простых ребят», которые кому-то очки разбили. Эка невидаль... «Памяти» разрешают митинговать даже на Красной площади. Любопытно, что митинги, например, Демократического союза у милиции таких проблем не вызывают: разгоняют, а лидеров арестовывают, чтобы потом суд дал по пятнадцать суток. Тоже понятно: резкая критика правительства, КПСС, призывы к многопар-

тийности. Тут учить не надо – криминал налицо. А у «Памяти» призыв к порядку и – инородцев к ответу...

Недавно созданное Управление по защите советского конституционного строя КГБ СССР – наследник пятого управления, которое боролось с диссидентами – от Синявского и Даниэля до Сахарова и Солженицына. Говорят, что управление на сколько-то процентов обновилось. Но не из одних же новичков оно состоит! А аппарат на местах! Можно представить, что бурные перемены в стране многих ставят буквально в тупик. Как, скажем, относиться к диссиденту, которого вчера сажал, а он сегодня в депутаты баллотируется. И кто же представляет опасность для «советского конституционного строя»? Тот, кто призывает к многопартийности? Вчера, наверное, представлял, а сегодня он вроде политинформацию по материалам пленума ЦК КПСС читает...

Оформлять дела на тех, кто читает «запрещенную литературу» или ведет «порочащие Советскую власть разговоры», – это одно, а бороться с реальными преступниками, какими являются организаторы погромов, судя по всему, связанные с мафией, – другое. Другая профессия.

Армия честно выполняет свой долг. Но наводить порядок в городах, предотвращать погромы – удел и привилегия других ведомств. Но кто может заставить их выполнять свой долг? Сегодня – только общественное мнение, только печать. Завтра на их призыв, надо надеяться, откликнется президент.

«Совершенно серьезно»:

В отличие от удельных областных и районных князьков, которым на руку армянские, еврейские и прочие погромы, он оценит не только масштабы удара по престижу государства, но и опасность погромов для всех народов нашей многонациональной страны. В Душанбе погибли не только армяне, в Фергане – не только турки-месхетинцы. Из Баку бегут и русские...

Леонид Млечин, журналист, Москва

Баку, Сумгаит, Фергана выявили страшное положение: на местную милицию положиться нельзя. Она либо не вмешивается, либо помогает погромщикам.

Это требует каких-то организационных решений. Возможно, превращения внутренних войск в чисто профессиональные. Возможно, реконструкции и объединения каких-то подразделений КГБ и МВД, превращение их в федеральную полицию...

А пока что пресса никак не может доставить удовольствие руководителям правоохранительных органов и замолчать.

«Совершенно серьезно»:
Подлые дела и творятся в молчании. Погромы начинаются тогда, когда некому вступиться за жертвы.
Леонид Млечин

«Фильм-обвинение»

Угнетены мы, обижены – о, как жаль!
В чужих руках мы игрушки – о, как жаль...
Страшный Суд приближается – неужели
В тяжком сне его встретим и в неведении?
Жаль.
Хокирох

Известно, что СМИ играют огромную роль в жизни любого общества, и, в первую очередь, освещении политических событий. Телевидение показывает и рассказывает еще больше, поскольку, имея картинку перед глазами, намного четче можно все представить и понять. Если в первый день спецслужбы лишили такой возможности оператора из «Ленфильма», то другие представители телевидения, киностудии, КГБ и даже «гости» Таджикистана снимали все на пленку, и они являются ярчайшим документом, хроникой тех черных дней.

Творческой группой «Таджикфильма» по горячим следам был создан фильм, который в СМИ назвали «фильм-обвинение», намекая на правдивость, поскольку там было использовано большое количество документальных кадров.

Под таким же заголовком и вышла небольшая статья в оппозиционных СМИ в 1990 г.

«Совершенно серьезно»:

Правда о событиях февраля 1990 года – так можно сказать о премьере документального фильма «Дни ущербной луны», которая состоялась на днях в Доме кино.

Фильм создан творческой группой киностудии «Таджикфильм». Авторы фильма (сценарий В. Максименкова, режиссер Е. Аралев, монтаж В. Мирзоянц, оператор Р. Махмудов) постарались рассказать хроникальными кадрами о событиях февраля 1990 года. Да, того мрачного февраля, который оставил неизгладимые следы в памяти многих людей. В фильме показаны не толь-

ко те черные дни, но и действительная жизнь таджикского народа – народа-труженика.

Документальные кадры событий перекрещиваются с обстоятельным анализом, который ведут известные люди.

«Правда – превыше всего». Таков основной замысел фильма. Хотелось бы, чтобы эту правдивую картину увидела как можно большая зрительская аудитория.

Просмотрев фильм «Дни ущербной луны», наверняка, многие поймут горькую правду, которая замалчивается официальными кругами по сей день, и изменят свое мнение об этих событиях.

«Адолат». Душанбе, 1990 г.

Несомненно, документальное кино, в том числе созданное творческой группой киностудии «Таджикфильма», – это правда, которая была зафиксирована в те трагические дни. Конечно же, руководители страны того времени не дали ход этому фильму, и многие оказались лишены возможности его посмотреть. Тем не менее, фильм для узкого круга был неоднократно показан в стенах киностудии «Таджикфильма» и один раз, помню, даже гостям из Москвы.

В этом фильме своеобразным героем выступает бывший Председатель кинематографистов Таджикистана, бывший депутат Верховного Совета СССР Давлат Худонозаров. Конечно же, создатели фильма на это имели полное право, но, к сожалению, и они не сказали всей правды о происходящем.

С другой стороны, они не предприняли достаточных усилий для того, чтобы фильм был размножен и показан, хотя бы спустя много лет. Быть может, я не посвящен в замыслы создателей этого фильма или же это связано еще и с тем, что Давлат Худонозаров, в последующем выставляя свою кандидатуру на пост Президента, проиграл выборы или что-то еще, но только если бы показали этот фильм хотя бы в настоящее время, многое стало бы ясно, особенно для молодого поколе-

ния в части того, что на самом деле происходило в те дни в республике и по чьей вине пролилась невинная кровь.

И, конечно же, фильм «Дни ущербной луны» надо сохранить для потомков, потому что другой такой в высшей степени объективной картины, за исключением материалов телевизионщиков и КГБ (которые до сих пор держатся в секрете) просто не существует.

Конечно же, документальное кино – это факты, это – настоящие деяния людей, которые были зафиксированы операторами «Таджикфильма» в те трагические дни. Показывая происходившее в те дни, создатели фильма сделали одним из главных героев Давлата Худоназарова (на что он, без сомнения, имеет право), но они не показали всей правды. Может быть, потому что многого тогда не знали или все же выполняли чей-то негласный заказ.

Кандидат в депутаты

«Законное правительство» – завеса.
«Народное решение» – дым без веса…
Все ложь: введенье, главы, содержание, –
А ложь не представляет интереса.

Хокирох

В конце февраля 1990 года в Советском Таджикистане были намечены выборы в парламент республики, и представители интеллигенции объявили о своем намерении участвовать в них. Массовые беспорядки, ответственность за которые хотели возложить на членов «Народного комитета» и других инакомыслящих граждан, были на руку тогдашним властям, которые и воспользовались ими. В сложившейся ситуации руководители сделали все, чтобы обвинить в кровавых событиях неугодных им людей.

После февральских событий 1990 года прошли выборы в Верховный Совет республики, причем, впервые на альтернативной основе. Во многих избирательных округах было более двух кандидатов. Там, где я баллотировался – 7, в некоторых – еще больше. Конечно же, позиция Центра и руководства на местах была еще сильна, поэтому в парламенте коммунистам досталось больше всего мест, потому что партийцы и хозяйственная номенклатура имели еще серьезное влияние на таджикское общество.

Именно тогда в парламенте Таджикистана появились оппозиционные депутаты: Ходжи Акбар Туражонзода, Бозор Собир, Аслиддин Сохибназаров, Тохир Абдуджаббор. Их было очень мало, а все остальные были по-прежнему сторонники и ставленники руководства Республики и ЦК Компартии Таджикистана.

Малочисленные оппозиционеры не были сплочены и едины в силу ряда причин, и именно этот парламент в конце 1990 года избрал Махкамова К.М. первым Президентом Тад-

жикистана. Это был результат неустанной работы членов ЦК, партаппарата, правительства, чтобы в выборах одержала верх прежняя партноменклатура, и президентом стал именно Махкамов.

Сторонниками президента по-прежнему были, в основном, его земляки, которые становились руководителями не только на севере, но и в других регионах республики, а его оппоненты были малочисленны, но они пользовались авторитетом у народа. В настоящее время в этом отношении Север и Юг поменялись местами, и теперь в Парламенте преобладают представители Юга и сторонники нынешней власти, а в Верховном Совете по-прежнему оппозиционеров почти нет.

После февральских событий я не на шутку расстроился, когда узнал, что на меня негласно открыли уголовное дело. Тогда я вспомнил слова Вадима Кошлакова – другого зампреда Совмина: «знай, если тебя посадят, я – сяду рядом с тобой». Были заверения и других руководителей республики, что, мол, все со временем уладится. И все-таки не хотел больше никакой власти и работы в правительстве.

Тем не менее, многие меня уговаривали, чтобы я пошел на выборы и стал кандидатом в депутаты Верховного Совета республики. Мол, вас избрал народ, и поэтому руководители не могут надавить на вас. Рассказ об этом заслуживает отдельной книги.

В рамках же этой хочу с самого начала отметить, что тогда ЦК Компартии направил всю силу на то, чтобы я ни в коем случае не то, чтобы выиграл выборы, но даже не был зарегистрирован как кандидат.

Меня в то время хотели выдвигать кандидатом в депутаты от многих регионов республики. Я же решил баллотироваться от самого ближайшего округа – Октябрьского района города Душанбе. Мне казалось, что так удобнее будет вести предвыборную кампанию, поскольку округ находится рядом. И я не подумал о другой стороне вопроса – что он находится рядом с ЦК, и что возможностей повлиять на регистрацию и дальнейший ход выборов оказывается больше именно у руко-

водителей и членов ЦК, многие их которых меня откровенно ненавидели.

Против меня выставили семь других кандидатов – членов партии. Среди них – два больших руководителя. Один из них – председатель райисполкома Октябрьского района, другой – секретарь райкома из другого района. Одним словом, тоже вполне узнаваемые и уважаемые люди, которых хорошо знали в этом округе. Особенно председателя райисполкома, да еще и в постсоветские времена. Кто же его не знает! Он же – на виду у всех. Кроме того, пятеро остальных тоже были включены в список кандидатов для того, чтобы потом отобрать у меня голоса, и состоялся бы – второй тур выборов.

Все именно так и произошло. Но давайте по порядку. Для того, чтобы меня зарегистрировать в качестве кандидата, необходимо было проводить собрания и выступления в разных населенных пунктах, собирать протоколы этих собраний, подписи, а потом все это нести в окружной избирательный орган для регистрации. И каждый раз, в момент представления документов моими доверенными лицами, они искали причины и поводы, чтобы их не принимать. Это тянулось так долго, что мои сторонники до выборов успели почти везде провести свои собрания и завалили Избирком протоколами.

В то время люди шли на эти собрания, как на праздник. Во-первых, все хотели настоящих перемен. Во-вторых, хотели, чтобы по отношению ко мне восторжествовала правда. И главное – поддержать меня, отдать за меня свои голоса, чтобы я мог вернуться к власти. И, в-третьих, – увидеть меня, послушать, что я скажу обо всем происходящем, пусть это не покажется читателю нескромным. Как-никак, тогда я пользовался у людей авторитетом, и все, даже на кухнях, говорили обо мне.

Одним словом, люди хотели, чтобы я стал кандидатом, но руководство республики – по-прежнему через Избирком и своих людей, а руководитель района – через местные власти – всячески препятствовали проведению собраний, применяя самые неожиданные методы.

К примеру, однажды вечером, за пять минут до начала собрания, отключили свет во всем поселке. Конечно, это не могло не возмутить людей. Тогда кто-то из аксакалов, взяв слово, произнес в абсолютной темноте: «Мы все равно не разойдемся. Если надо, будем ждать до утра, и утром все равно проведем собрание по выдвижению кандидата. И если представители района и ЦК – серьезные люди, уважающие нас, они тоже должны подождать до рассвета!»

Видимо, аксакал знал, что говорил, потому что те, как раз по этой причине, уже собрались расходиться. А если они не будут присутствовать, то потом скажут, что их представителя не было на собрании и потом заявят, что собрание не состоялось или что неправильно проголосовали, в общем, найдут какие угодно другие причины…

Удивлению представителей ЦК, города и района не было предела, когда люди притащили откуда-то движок, завели его и в поселке – хлынул свет!.. В тот вечер собралось так много народа, что не вместил бы никакой зал. Именно по этой причине собрание проходило в саду, где было предостаточно места. И все решили, что после этого ответственные руководители вынуждены будут врубить электричество, но этого не произошло. Тогда люди начали проводить собрание. Никогда не забуду, как радовались люди, когда завели движок! И такие моменты, к счастью, сохранились в фильме оператора киностудии «Таджикфильм» и других любителей, записавших все это на пленку.

И много тогда происходило подобных эпизодов.

Итак, все собрания проведены. Протоколов уйма, а председатель Избиркома не хочет регистрировать меня в кандидаты. Только под давлением журналистов и депутатов Верховного Совета СССР, творческой интеллигенции (Давлата Худоназарова, Гулрухсор Сафиевой, Бозора Собира и др.) я стал кандидатом в депутаты. И только со второго раза на собрании Избиркома решили, что мне нужно выдать удостоверение кандидата.

Двое из кандидатов – сняли свои кандидатуры, посчитав дальнейшую борьбу бесполезной, потому что увидели, что все хотят голосовать за меня. Но остальным пяти коммунистам было велено держаться до конца. В результате они добились того, что в первом туре я не набрал необходимого для победы количества голосов, хотя большинство – было за меня.

И все же я не набрал больше 50%. И началась борьба между двумя оставшимися кандидатами – мной и председателем Исполкома Октябрьского района. Тут уже в ход пошла раздача жителям – галош, муки, необходимых продуктов. Этим занимались, разумеется, сторонники председателя Исполкома. У меня не было таких возможностей. А и были бы – не пошел бы я на это.

У меня было другое оружие – мое слово и предложенная мною избирателям – программа.

«Совершенно серьезно»:
«Сделаю все от меня зависящее, чтобы и в горе, и в радости быть рядом со своими избирателями».
Бури Каримов

Программа кандидата

Моя главная забота: точно и в полном объеме знать нужды своих избирателей, чтобы своевременно и квалифицированно обеспечить им необходимую помощь.

Для этого в первую очередь считаю себя обязанным составить точный и предельно объективный «социально-экономический паспорт» округа, чтобы добиться успешного решения как сегодняшних, сиюминутных, так и перспективных проблем региона. Какие из этих проблем особенно важны, решат сами избиратели.

Но местные проблемы нельзя решать в отрыве от общереспубликанских.

Поэтому буду добиваться:

– стабилизации социально-политической и экономической обстановки в республике;

– принятия законов, которые отражали бы интересы именно трудящегося населения;

– развития демократии, гласности и консолидации здоровых сил граждан республики всех национальностей;

– создания необходимых условий для полнокровного функционирования таджикского языка и всех тех языков, на которых общается население республики;

– конституционного закрепления основ правового государства;

– практического осуществления реального суверенитета республики;

– уважения гражданских прав, устоев, возрождения обычаев, традиций своего народа;

– создания необходимых условий для свободного вероисповедания представителям всех религий.

Считаю аморальными проявления местничества, протекционизма, национализма. С ними буду бороться всеми доступными средствами.

Депутатские привилегии мне не нужны. Если избиратели окажут мне доверие, я откажусь от этих привилегий.

Бури Каримов

Согласно программе, я начал снова встречаться с избирателями.

Спустя много лет, я должен еще раз поблагодарить всех членов той своей команды, доверенных лиц, особенно представителей творческой интеллигенции, журналистов и председателей поселковых советов, директоров школ, которые по-настоящему верили в меня и делали все возможное, чтобы я стал избранником народа.

Но не тут-то было. Госаппарат и ЦК с новой силой начали бороться против меня. На встречах принялись упорно очернять, хотя люди этому не верили. Дело дошло до того, что некоторым руководителям поселковых советов и директорам школ, и особенно председателю Избиркома, обещали в случае успеха выделить легковые автомашины. Это не должно ка-

заться кому-то сегодня простыми словами. Все это так и было, и именно по этой причине председатель Избиркома, зная, что ЦК добьется своего и ему будет стыдно перед народом, подал в отставку. Но до этого он замучил, конечно, доверенных лиц и других моих сторонников своей придирчивостью, вызванной постоянным нажимом сверху.

Простые люди знали, что все в основном будут голосовать за меня. Понимали это и депутаты. Но после случившегося со мной, я понимал и то, что они пойдут до конца. Так все и случилось.

С небольшим перевесом организовали победу председателя Исполкома Октябрьского района. Пока все это происходило, я находился в постоянном напряжении, на нервах, и это подорвало мое здоровье. В результате накануне выборов, когда оставалось несколько дней до подсчета голосов, я попал в больницу с подозрением на пневмонию. Моему удивлению не было предела, когда в моей палате появился новоиспеченный депутат – мой оппонент – председатель Исполкома с большим букетом цветов и произнес:

– Цветы вам, уважаемый Бури Бачабекович! Поздравления тоже. Мне стыдно, но на самом деле победили вы. Но, как вы понимаете, меня просто заставили. Как хотите, так и поступайте, я считал своим долгом придти вас поздравить и рассказать об этом!..

Мне оставалось поблагодарить его за эту запоздалую правду и в свою очередь – поздравить его, пожелав успехов. На этом мы расстались и никогда больше с ним не встречались…

Что происходило тогда у нас в стране, и какие меры принимал Центр и ЦК Компартии на местах, чтобы добиться нужного результата, можно понять из следующего сообщения:

«Совершенно открыто»:
Во время ввода войск в Баку 19 – 20 января 1990, по данным азербайджанского Минздрава, погибло 140 человек и 300 пропало без вести. В Душанбе 11 – 18 февраля –

17 погибших. Международного резонанса вокруг этих событий почти не было. Примаков вынужден был пойти на замену азербайджанского партийного лидера Везирова на более популярного Муталибова. Пуго удалось сохранить в неприкосновенности все руководство Таджикистана.

Объявленное в Душанбе чрезвычайное положение предопределило исход выборов в республиканский парламент, новый состав которого избрал 30 ноября члена Политбюро ЦК КПСС Каххора Махкамова президентом Таджикистана.

«Балтийское время», № 6 (114) от 28.01.1991

Конечно же, в силу объективных причин, тем более в годы перестройки, такие люди, как председатель Исполкома Октябрьского района, которые служили прежней власти и послушно все выполняли, не могли удержаться на должности… А что с ним случилось потом, не знаю. Но в дальнейшем в коридорах власти его как-то видно не было.

Эхо бойни в Душанбе

Сессия... Пленум... Абсурд без края...
Все их законы – тщета пустая.
Власти дележ – для скандалов почва.
Не уважает людей их стая.

Хокирох

Сергей Литвинов, специальный корреспондент «Пресс-центра» Москвы в Душанбе в газете №1, 1991 г. сообщает, что во время февральских событий рядом с руководителями республики неотступно находился председатель КГБ Борис Пуго. Возможно, именно он, любитель аппаратных игр, подсказал Махкамову, как «уйти, что бы остаться».

«Совершенно открыто»:
...Причины и последствия февральской трагедии в Душанбе остаются скрытыми от общественности. Сообщение комиссии президиума Верховного Совета Таджикистана, расследовавшей события, не было ни обсуждено на сессии этого Совета, ни опубликовано в республиканских газетах. Полный текст сообщения, подписанный семнадцатью депутатами, был напечатан лишь в издающейся в Москве газете «Согдиана» тиражом... 950 экземпляров.

Сергей Литвинов

Между тем бойня в Душанбе, наряду с Тбилиси и Вильнюсом, может быть занесена в черный список перестроечных расправ властей над мирным населением. Таджикская трагедия не вызвала возмущения отечественной и мировой общественности, прошла малозамеченной, что, возможно, подвигло правящую верхушку повторить кровавый эксперимент через год в Вильнюсе. Думается, что рассказать, наконец, о расправе над мирным населением, уместно и через полтора года, тем более что центральная печать давала совершенно ложную трактовку

событий, твердя о происках экстремистов и деклассированных элементов.

Что же на самом деле произошло? Вот краткая хроника тех событий, которая предстает из отчета авторитетной комиссии.

В феврале прошлого года по Душанбе поползли слухи, что в город прибыли армянские беженцы, и власти якобы предоставляют им без очереди квартиры. Местная госбезопасность не сделала ничего, чтобы предупредить власти о таких настроениях.

11 февраля перед зданием республиканского ЦК состоялся митинг, на котором люди требовали выселить приехавших беженцев. К ним вышли власть предержащие, попытались развеять слухи. Однако народ потребовал создать независимую комиссию. Договорились, что на завтра в пятнадцать часов она отчитается перед собравшимися на площади. *Однако по вине партийных и советских деятелей комиссия даже не приступила к работе.*

На следующий день, 12 февраля перед зданием ЦК собралось около 7 тысяч человек. Люди ждали, что к 15 часам к ним выйдет первый секретарь ЦК Каххор Махкамов. Однако вместо этого в назначенный час милиция принялась разгонять собравшихся дубинками. В ответ в блюстителей порядка и в окна ЦК полетели камни. Тогда по демонстрантам был открыт огонь. В первые же минуты было убито четыре человека, в том числе оператор «Ленфильма» Н. Матросов, снимавший происходившее, и ранено двое. Все ранения – от пуль автомата Калашникова. В этот и последующие три дня из огнестрельного оружия были ранены 117 человек, из них 25 погибли. Депутатская комиссия сделала вывод: стреляли отнюдь не «боевики», а исключительно военные и милиция. *Ни один из погибших не был нетрезв или одурманен наркотиками, все работали и положительно характеризовались.* В очередной раз пострадали ни в чем не повинные люди.

После выстрелов толпа разбушевалась. Стали громить магазины. Избивали русских и женщин не в национальной

одежде. Милиции для охраны не хватало, она была сосредоточена у святая святых – ЦК.

13 февраля, несмотря на объявленное чрезвычайное положение, митинг перед зданием ЦК продолжился. *Основным требованием теперь стала отставка высших руководителей республики.*

«Совершенно открыто»:

Собравшиеся потребовали также, чтобы перед ними выступил председатель Госплана Бури Каримов, молодой – 33 года – и популярный руководитель. С благословения первого секретаря Махкамова, Каримов появился на бронетранспортере. После его утешающей речи, которую слушали, затаив дыхание, был выдвинут временный народный комитет из 17 человек, который возглавил Каримов.

Сергей Литвинов

Остаток дня, а также следующий день 14 февраля, под незатихающий митинг, продолжались выстрелы и погромы, и шли переговоры первых лиц республики с народным комитетом. *Они завершились тем, что первый секретарь ЦК, Председатель Президиума Верховного Совета и Председатель Совета Министров республики подписали протокол о своей отставке.* Договорились, что они сами *объявят* о своем уходе по телевидению после программы «Время»…

Вовремя руководители республики в студию не явились. Пришли только около часа ночи. Таким образом, заявление об отставке было зачитано в самую глухую пору.

Кроме того, руководители вставили в протокол «хитрый» пункт о том, что отставка принимается на конституционной основе. Однако состоявшийся назавтра, 15 февраля, пленум республиканского ЦК отставку первого секретаря верноподданнически не принял*! Все руководители республики, запятнавшие себя кровью, остались на своих постах.*

Толпа больше не могла оказывать на власть давление, потому что народный комитет, согласно протоколу, гарантировал прекратить беспорядки.

Рядом с руководителями республики в те дни неотступно находился представитель Москвы Борис Пуго. Возможно, именно он, знаток аппаратных игр, подсказал Махкамову, как «уйти, чтобы остаться».

Успех таджикской миссии Пуго, вероятно, был учтен, когда ему предложили пост министра внутренних дел страны.

Осенью прошлого года непотопляемый Махкамов стал, благодаря послушным депутатам, Президентом Таджикистана, однако популярность его в народе после кровавых событий была весьма невысока.

«Совершенно открыто»:

Опальный Каримов работает в скромной должности заместителя управляющего строительным трестом. Именно его называют в качестве наиболее вероятного претендента на победу на первых свободных выборах Президента Таджикистана, которые состоятся через три года. Тогда, думается, и в этой среднеазиатской республике, задержавшейся на стадии социалистического феодализма, начнутся демократические перемены.

Если, конечно, номенклатура не пойдет на уловки, чтобы избежать свободных выборов, или же, напротив, мощное демократическое движение, которое сейчас набирает в республике силу, их не приблизит.

Сергей Литвинов. Москва. 1991 г.

Читая рассуждения Сергея Литвинова, нельзя с ним не согласиться, поскольку партийная номенклатура не только пошла на уловки, чтобы наказать Бури Каримова, но и всяческими способами стремилась сделать так, чтобы он не избирался депутатом.

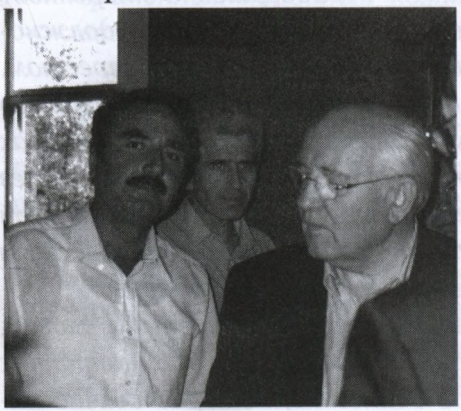
Заговорил Горбачев

Кучка людей на трибуне вопила –
Многих идти за собою подбила...
Им говорили, что путь этот ложен –
Зренья и слуха судьба их лишила.

Хокирох

«Я очень много думаю о Таджикистане», – заявил в своем интервью М.С. Горбачев, спустя несколько лет после февральских событий.

В последнее время кто только не поливает грязью бывшего Президента СССР. Многие считают его главным виновником распада Советского Союза. Другие – обвиняют в этом Бориса Ельцина. Третьи – их обоих, вместе взятых. Конечно же, существуют и другие мнения на этот счет. Есть и у меня собственное мнение о причинах распада Союза, а также плюсах и минусах исторической ломки советской империи. Я кратко касался этого чрезвычайно непростого процесса и в книге «Хокирох» (том 9), и на страницах этой моей книги.



В «Горбачев-фонде»

И все же февральская трагедия произошла тогда, когда руководителем страны был именно Михаил Сергеевич Горбачев. И о том, что в разных уголках Советского Союза назревали и вспыхивали серьезные столкновения, ему, конечно же, докладывали. Я, как и миллионы других, верил и в его политику, и в обещанные им – демократию, гласность и плюрализм мнений. И, разумеется, я всегда буду помнить, что именно по-

сле объявленной им перестройки – я сам – оказался во властных структурах.

Одновременно с ним, в составе группы «Молодых восходящих лидеров СССР», я оказался в Америке. Как раз тогда закончилась «холодная» война между США и СССР, и наша команда в составе, примерно, ста человек во главе с Горбачевым «прорубила» окно в Америку.

Уже после февральских событий 1990 г., спустя много лет, я дважды встречался с ним в «Горбачев-фонде», вместе с представителями СМИ из моего родного Таджикистана. Конечно, нам хотелось получить ответы на больные для нас вопросы о кровавых событиях в Таджикистане. И он, в свойственной ему расплывчатой манере, отвечал на наши вопросы.

«Совершенно серьезно»:

– Я очень много размышляю над происходящим в Таджикистане. Конечно, одна из основных причин в том, что так произошел распад Союза. Это сказалось на всех процессах уже на уровне бывших республик Союза. Ведь конфликт карабахский, который был так тяжел, что мы никак не могли подобрать к нему ключей, после распада очень быстро перешел в войну между республиками. То, что было «непониманием» между руководством Абхазии и Грузии, тоже превратилось в войну Абхазии и Грузии.

И в Таджикистане все процессы очень сложно пошли. Там, я думаю, все-таки сильно накладывались два процесса друг на друга. Во-первых, клановая борьба, от этого никуда не уйти, а во-вторых, кстати, политическая борьба между приверженцами старого и теми, кто выступил за демократические преобразования и в этой республике. Вот все вместе и перемешалось. Вот тогда и надо было посадить за стол переговоров, что мы постарались сделать. Надо было находить согласие. Что-то тогда удалось, но очень многое не получилось...

Чай с Горбачевым...

А потом, когда не стало Союза, процессы вообще пошли автономно, но возникло все, конечно, не сегодня. И это надо реально понимать. Поэтому все, что касается внутренних процессов в этой республике, является внутренним делом таджикского народа, это – святая святых. Этому принципу международных отношений надо следовать.

Михаил Горбачев
Газета «Чароги Руз» № 2 (71), 1993

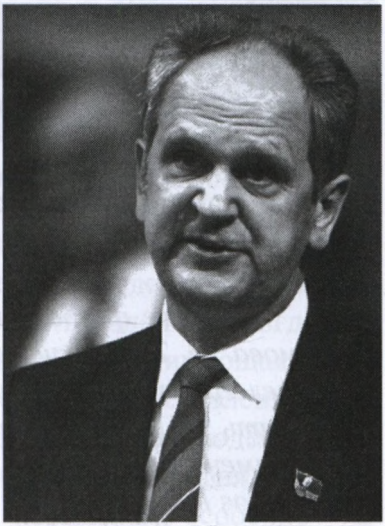
Конечно же, целью моих встреч с Михаилом Горбачевым являлся главный вопрос, который я стремился ему задать: «Кто же все-таки тогда дал разрешение открыть огонь по митингующим? Кто виноват в пролитой крови?»

Если резюмировать его ответ, он был приблизительно таким: «Было обращение руководителей Таджикистана. Мы на место событий отправили Бориса Пуго, и, исходя из ситуации, Минобороны и спецслужбы, – действовали».

Хлеб – митингующим...

Я тогда еще спросил его: почему он как главный человек Перестройки – не поддержал молодого руководителя? Его ответ был следующим:

– Бари (почему-то он несколько раз меня так называл, видимо, путая мое имя)! Тогда мешками приходили письма в твою поддержку, но что мы могли сделать в Центре, когда партийное руководство в республике приняло такое решение? Как они могли переубедить Бориса Пуго, который поначалу имел другое видение? Спрашивать надо в Душанбе!



Б.К. Пуго

Из его ответа я почувствовал, что он не только не имеет власти и не может принимать собственного решения, но и не хочет обвинять кого-то конкретного в произошедших в Ду-

шанбе кровавых событиях, и уж тем более – взять эту ответственность на себя…

Люди разных национальностей выступали против ГКЧП в Душанбе

Мы обменялись с ним книгами с автографами и – попрощались.

Одним из главных действующих лиц февральских событий был Борис Пуго, направленный в те дни Горбачевым в Таджикистан. Чем-то он до боли напоминал Махкамова. Это дало мне возможность после его смерти – на большом митинге перед Оперным театром выразить руководившему тогда республикой Президенту Каххору Махкамову глубокое соболезнование в связи с безвременной кончиной «его брата» – Бориса Пуго.

«Совершенно серьезно»:

После февральских событий в защиту Бури Каримова из Таджикистана поступали мешками письма и телеграммы. Мы решили, что его судьбу должны решать в ЦК Компартии Таджикистана. Были трудные времена для страны в целом. Проходили несколько пленумов ЦК, в которых принимал участие Борис Пуго.

Местная номенклатура взяла верх...

М.С.Горбачев,
бывший Генеральный Секретарь ЦК КПСС,
бывший Президент СССР, «Горбачев-фонд» Москва,
1999 г.

Это произошло через год, когда тот уже успел стать активным членом ГКЧП и выступить вместе со всеми против

Горбачева. По одной версии, Пуго застрелился, по другой – его убили. Но факт остается фактом, Каххор Махкамов был не только внешне похож на Бориса Пуго, но даже и манерой поведения – поразительной скрытностью.

Здравомыслящие люди против ГКЧП. Душанбе

И оба они были в высшей степени хитрыми политиками. Как и Махкамов, Пуго был внешне очень сдержан, всячески демонстрируя при этом, что очень любит людей и никогда никого и пальцем не тронет. И еще одна настораживающая черта – оба редко улыбались. Создавалось такое впечатление, что они просто не способны пролить кровь невинных людей.

А с другой стороны, их замкнутость и роднящая их ненависть к происходящим в обществе переменам, особенно – к гласности, перестройке и демократизации общества, были очевидны. Все это говорило о том, что они больше всего любят свои должности и власть и ни за что от них не откажутся.

Их действия во время февральских событий подтвердили это. Страшнее всего то, что Пуго и Махкамов стали активными фигурантами дней кровавых февральских событий.

Многие жертвы, которые потом исчислялись сотнями по Советскому Союзу, целиком лежат, в первую очередь, на совести подобных им людей.

Впрочем, понятно, что все произошло по приказу из Центра, хотя и Центр не мог без просьбы первого лица – Махкамова – направить войска в Таджикистан. И Пуго, направленный в Душанбе для стабилизации обстановки, не мог не знать об этом. Это, вне всяких сомнений, было сделано по их решению, а также людей из окружения Горбачева и его самого...

Задача, которую поставил Центр, была предельно понятна. Сделать все, чтобы руководство удержалось у власти, и чтобы все происходящее не распространилось на другие регионы Советского Союза. А главное – чтобы система продолжала существовать, и центробежные силы не могли помешать ее ритмичной работе.

Лозунги: «Пуго+Махкамов = Кровавый февраль»

К сожалению, в последние годы своего президентства многое не получалось у Михаила Сергеевича. Борис Пуго, который был послан по его поручению и решению Политбюро ЦК КПСС для налаживания обстановки в дни февральских событий, уже как знаток разрешения подобных ситуаций в национальных республиках, стал со временем одним из органи-

заторов ГКЧП и продолжил свою борьбу за сохранение советской власти и Коммунистической партии СССР.

Конечно же, после февральских событий путч поддержали председатель КГБ Таджикистана Петкель, Генеральный прокурор Михайлин и следом – послушное руководство республики во главе с первым секретарем ЦК Компартии Каххором Махкамовым.

ГКЧП-исты

Коммунистическая номенклатура всеми силами старалась удержаться у власти, и некоторое время им это даже удавалось. При этом демократические завоевания и ценности – были основной опасностью для слабеющей системы...

Заговорил и Махкамов

Звали одного Махкам[5] *– он слабый был.*
А другого звали Хаё[6] *– он жизнь сгубил.*
Третьего зовут Гаиб[7] *– пропал без вести.*
Ни крупицы разума Палла[8] *не приложил.*
Хокирох

За 25 лет, прошедшие после февральских событий, бывший Первый Секретарь ЦК Компартии и экс-президент Таджикистана Каххор Махкамов дважды говорил по поводу тогдашних событий. Впервые – по прошествии 20 лет, а в 2014 г. – второй раз, спустя 24 года.

Первый президент Таджикистана Каххор Махкамов поделился со СМИ и представителями партий и движений Таджикистана своим видением причин произошедших в Душанбе 12 – 14 февраля 1990 года беспорядков, повлекших человеческие жертвы.

«Совершенно открыто»:
По сообщению корреспондента ИА REGNUM, Каххор Махкамов в интервью персидской *службе BBC заявил, что к февральским событиям «причастны и некоторые руководители КГБ – как в Душанбе, так и в Москве».*

Махкамов сказал, что в те дни действительно несколько семей из Армении, которые пострадали от землетрясения в Спитаке, приехали в Душанбе к своим родственникам, но квартиры им не были выделены, да и вопрос такой не стоял. За день до трагических событий я встречался с учащимися ПТУ города Душанбе, и на этой встрече также был задан вопрос на эту тему, и я ответил, что все эти слухи – неправда. Но люди, которые стремились к власти, усиленно распускали слухи о

---

[5] Махкам – твердыня
[6] Хаё – стыд
[7] Гаиб – скрытность (заочность)
[8] Палла – весы

том, что власти предоставили беженцам из Армении жилье, и народ вышел на улицы.

«Совершенно открыто»:

Ни одна из спецслужб в те дни не сообщала мне о возможном инциденте. Только после удалось узнать, что представители группы, которая стремилась к власти, смогли заручиться поддержкой среди высокопоставленных сотрудников КГБ и в Москве, и в Душанбе. ***Но должен отметить, что народ в этой истории не виноват.***

Каххор Махкамов

Кстати, эти несколько семей из Армении после начала стихийных митингов покинули Душанбе, заявив, что не хотят стать причиной бед таджикского народа.

«Совершенно серьезно»:

Горе нашему народу принесли те, кто стремился к власти... Года через полтора эти люди все же захватили власть в 1992 году, но даже не смогли ее удержать.

Каххор Махкамов

В высказываниях Махкамова присутствуют серьезные признания, которых не было во время февральских событий 1990 г., когда он находился у власти.

Первое. Он уверен в причастности к февральским событиям руководителей КГБ, как из Центра, так и местных.

Второе. Он подтверждает, что те, кто стремился к власти, распускали ложные слухи и заручались поддержкой высокопоставленных сотрудников КГБ в Москве и Душанбе.

Третье. Каххор Махкамов подтверждает, что народ в случившемся не виноват.

Четвертое. Через полтора года те, кто рвались к власти, получили ее в 1992 г., но не смогли удержать. *(Среди них не было Бури Каримова. – Прим. автора).*

Получается, что он сегодня знает, что народ не виноват, и что к случившемуся причастны те, кто захватил власть, и их имена ему известны.

Я и другие люди в годы его президентства получили из Прокуратуры заключения, что мы не виноваты.

После откровенных высказываний Махкамова прошло 5 лет. Может быть, пора уже сказать, что Бури Каримов не был ни в чем виноват, его просто «угробили», и попросить у него извинения, а еще – поименно назвать действительных виновников? К сожалению, этого Махкамов не сделал. Напрашивается справедливый вывод: значит, он, в первую очередь и был виноват!..

Оценивая деятельность Махкамова в целом, обвиняя его в трагических событиях февраля 1990 года и осложнении ситуации, все же, справедливости ради, надо признать, что он в те дни во многом вел себя намного лучше, чем остальные двое – Хаёев и Паллаев. Не случайно Кошлаков, мой коллега по Совмину, Хаёева назвал «наполеончиком», а Паллаева называли интриганом. Плохо, что ни Каххор Махкамов, ни другие не признали своей непосредственной вины за февральские события 1990 г. и не объяснили, кто же на самом деле виновен в этих событиях и несет груз ответственности…

Февральская трагедия стала личной трагедией для многих, но Махкамов во всеуслышание – через средства массовой информации – заявил, что по ночам спит спокойно. Я до сих пор просыпаюсь ночью в холодном поту, а он…

В дни февральских беспорядков они всех ввели в заблуждение – и пленум, и народ своей республики. Подписав протокол о своей отставке, обманули митингующих, дезинформировали Москву и остались на своих должностях. Некоторые критиканы, которых и близко не было в те страшные дни на площади, до сих пор стараются обвинять «Комитет 17», потому что по-прежнему не понимают элементарной логики вещей в таких случаях, а продолжают обслуживать режим и спецслужбы. Где ты был, герой, в это время?..

И самый главный вопрос: кто в ответе за массовые беспорядки и, тем более, кровопролитие, жертвами которого стали невинные люди? Ведь не заброшенные же с Альфа Центавра «зеленые человечки»!..

Пуго много знал об этих событиях, но ничего толком не рассказывал. И Петкель тоже. В Таджикистане осталось два

человека, которые много могли бы рассказать о феврале 1990 года – но они молчат. Это Махкамов и тогдашний председатель Совмина Таджикистана Хаёев, но оба – не словоохотливы. Собственно говоря, зачем бы они стали говорить против себя? Кахкор Махкамов через 24 года будет ходить вокруг да около, но не скажет главного: кто дал команду стрелять? И почему, объявив о своей отставке, вернулся вновь на свой пост и потом все-таки с позором ушел.

МОСКОВСКИЕ НО

25 февраля 1990 г.
ВОСКРЕСЕНЬЕ

Слух о вселении беженцев в квартиры местных очередников. Взрыв возмущения. Погромы. Осада здания ЦК республиканской компартии. Введение чрезвычайного положения. Знакомая уже цепь событий. Теперь в

ДУШАНБЕ

Фото Сергея ПОДЯЕЧЕВА.

Мгновение назад отзвучала молитва на площади Ленина в Душанбе. Все присутствующие мусульмане, включая и солдат из войск, введенных в город, говорят «омин» — конец молитве...

В Таджикистане все еще неспокойно.

В результате до сих пор не объявлены имена виновников и скрываются подробности кровавых февральских событий – никто не вынес урока. А я думаю – нам нужно покаяться. Потому что цена февральских событий – не только 26 погибших и тысячи покалеченных. Это и убитые горем матери и разочарование народа в перестройке.

Трагедия – это когда страна не знает своего прошлого… К сожалению, по прошествии 25 лет руководители, которые живы до сих пор, да и многие другие участники тех событий не посмели сказать настоящую, пусть даже и горькую, правду о тех кровавых днях – своему собственному народу.

«Совершенно серьезно»:

До самого последнего момента о событиях февраля 1990 года органы безопасности не докладывали мне, что готовится. Никто не стрелял в толпу, и не было такого приказа, пока кто-то из толпы не бросил в мою сторону галошу. Милиционеры среагировали на это, но

стреляли они в воздух, чтобы остановить разгорячившуюся толпу. Люди тогда гибли на постах. По прошествии года стало известно, кто стоит за этими событиями. Штаб-квартира организаторов находилась на территории одной из автобаз в Ленинском районе (сейчас район Рудаки).

Каххор Махкамов

Хочется спросить у Каххора Махкамова, который через 24 года вдруг говорит о том, что «по прошествии года стало известно, кто стоит за этими событиями…»: «Почему же даже сейчас вы не называете имена настоящих организаторов? Почему вы не говорите народу, извините, мол, мы тогда ошиблись, Каримов не был виноват в том, что случилось?..»

Год спустя февральских событий 1990 г., требования отставки Махкамова и Хаёева остались

«Совершенно серьезно»: Депутаты потребовали моей отставки. Даже коммунисты хотели, чтобы я ушел. Я взял свою папку и вышел из зала, но перед этим сказал, что придет время, когда они пожалеют о своем решении.

Каххор Махкамов

В конце диалога первый президент Таджикистана, 82-летний Каххор Махкамов сказал следующее: «За всю свою жизнь я не сделал никому ничего плохого. Всех уважал, и все уважали меня. И прошу вас, не искажайте мои высказывания».

Вновь методы старинные применят.
Но боль народа этим не отменят.
Удел людей не станет лучше, если
Одно наречье на другое сменят.

Хокирох

Ни Махкамова, ни Набиева. В отставку...

Хочется верить, что вы и впрямь никому ничего плохого не сделали. Но если при вашем руководстве была пролита кровь, и это именно вы не смогли удержать ситуацию, то какое право вы имеете говорить подобное?.. Вы – принесли горе – и не кому-то одному, а целому народу. Причем своему, тому самому, который доверил вам руководить…

«Совершенно серьезно»:
Осенью 1987 года главный редактор республиканской партийной газеты «Коммунист Таджикистана»

Б.Н. Пшеничный пригласил меня к себе и попросил, если я согласен, заняться расследованием фактов, изложенных в письме одного из жителей города Куляба.

Содержание письма оказалось более, чем необычным, тревожным для того, еще по-советски спокойного и единого общества, для самого тогдашнего времени.

Автор открыто писал о происходящих тайно встречах религиозных фанатиков, которые на своих собраниях молились и призывали к свержению советской власти. И еще о том, что они собирают деньги и уже формируют боевые группы из числа своих сторонников.

Я согласился, и тогда мне показали еще несколько писем аналогичного содержания, но уже в отделе пропаганды и агитации ЦК партии.

Там состоялись моя встреча со вторым секретарем ЦК Петром Лучинским и предварительный обзор сообщений. Никаких «указаний свыше» или советов с его стороны не последовало. Была только просьба тщательно расследовать и представить достоверную информацию. «В случае необходимости можете обратиться за помощью в органы госбезопасности», – сказал он мне на прощание.

Уже одно то, что «письма из народа» вплотную начали курироваться аппаратом ЦК, говорило об их обеспокоенности неожиданно остро складывающейся ситуацией. Хотя, конечно, их тревога не выходила за рамки привычной бюрократической партийной установки – держать все под контролем.

Куляб, Кулябская область в ту пору была аграрным, экономически отсталым и дотационным регионом Таджикистана – окраиной в окраинной республике. Какого-то особого беспокойства, связанного с заметной общественной активностью, социальной напряженностью, кулябцы республиканским властям не доставляли. Не говорю уж о проявлениях откровенных происламских настроений и тайных антиправительственных заговорах.

После встреч с автором письма, с другими местными жителями мне стало ясно, что их гнев и недоволь-

ство вызваны образом жизни переселенцев из горного Каратегина. Более деятельные и активные, гармцы, каратегинцы – с течением времени подчинили себе торгово-посредническую деятельность в госструктурах и потребкооперации, а с приходом перестройки раскрутили кооперативы, частный теневой бизнес.

Одним словом, заметно разбогатели на фоне низкого уровня жизни основного населения. Но, надо отдать должное, в самих письмах выражалась обеспокоенность людей почти открыто зазвучавшими призывами к установлению законов шариата и свержению советской власти.

По сведениям КГБ, в республике прежде уже существовала разветвленная сеть подпольных религиозных группировок. Горные таджики, сохранившие древние обычаи и традиции и свою безграничную веру в ислам в условиях предельно жесткой атеистической идеологии Советов, с наступлением «эпохи перемен» стали втайне и вполне серьезно готовиться к возвращению в жизнь принципов исламского миропорядка. Причем, в самой ортодоксальной его трактовке. Тогда слова «ваххабиты, ваххабизм» из чисто терминологических определений течения в исламе – конкретизировались в отдельных личностях, адептах этого движения. Обо всем этом и шла речь в письмах. Впоследствии именно фактор религиозного противостояния способствовал тому, что простая неприязнь местных к переселенцам перешла в открытую ненависть, массовой резне, братоубийственной гражданской войне в Таджикистане.

Партийно-государственная верхушка республики задолго, очень задолго до февральских событий 1990 года владела полной информацией о деятельности исламистского подполья, начиная от проповедников чистого ислама «Нахзати Исломи» в 70-е годы, до откровенно воинствующих группировок ваххабитов – к концу восьмидесятых.

Знать о многовековой исторической приверженности народа к ценностям ислама, знать и не предвидеть,

что грядущий возврат к древним истокам может сопровождаться насильственными действиями... Это говорит о безответственности, о несостоятельности тогдашних правителей республики как политиков и государственников. Не понимая, как и о чем нужно говорить с митингующим народом, они умоляли авторитетных представителей духовенства об умиротворении протестных выступлений. Не осмелились, не хватило мужества и воли пойти на переговоры, поиски адекватного решения нарастающего конфликта.

Моя статья по итогам расследования была опубликована в другой партийной газете «Тоджикистони Совети» у отчаянного и решительного редактора Махзабшо Мухаббатшоева. Но и он ничего не смог поделать, когда главный «республиканский цензор» К. Махкамов из сигнального экземпляра газеты велел удалить абзац о предстоящих масштабных провокациях, возможных прямых столкновениях исламистов с существующей системой власти и общественного устройства.

Кровавый Февраль засвидетельствовал, выдал свое горькое подтверждение неспособности «триумвирата» решать серьезные государственные проблемы.

Х. Атаханов, независимый журналист

«Сколько лиц у Махкамова?..»

Таджикский Ельцин

Я сердце ищу, чтобы честь в основанье была
И щедрость, которая, жизнь озаряя, светла.
Я сердце ищу, чтобы мрак отторгало и ложь,
бездумность, бездушие и помраченья дрожь.
Я сердце ищу...

Хокирох, Душанбе 1990

«Моя партия – мой Бог и мой народ»

Бури Каримов заявил в своем интервью «Независимой газете»: «Моя партия – мой Бог и мой народ»

Политическим лидерам Таджикистана удалось, в отличие от их коллег в других среднеазиатских республиках, устоять под ветром перестроечных перемен, а первому секретарю республиканской КП Каххору Махкамову – даже переместиться в президентское кресло.

Но, кроме Махкамова, ни у одного из среднеазиатских лидеров нет такого серьезного политического оппонента, как бывший председатель Госплана Таджикистана, бывший зампред Совмина республики Бури Каримов, вокруг которого консолидируется разномастная политическая оппозиция. В народе Каримова прозвали «таджикским Ельциным».

Выходец из бедной и многодетной крестьянской семьи, Бури Каримов, так же как и Борис Ельцин, начал свою карьеру не с номенклатурной комсомольской должности, а мастером на стройке. В 28 лет он стал самым молодым министром в правительстве Таджикистана и в скором времени занял пост председателя Госплана, став одновременно зампредом Совмина. Карьера Каримова оборвалась в феврале 1990 года, когда, после беспорядков в Душанбе, он был обвинен в попытке государственного переворота, снят с должности и исключен из рядов КПСС. Товарищи по партии обвинили Каримова в том, что он воспользовался ситуацией и принудил первого секретаря КП Таджикистана, предсовмина и председателя республиканского Верховного Совета подписать заявления об отставке.

По версии Каримова, руководство во время беспорядков было полностью деморализовано и потеряло всякий контроль над ситуацией. Лишь благодаря авторитету Каримова, обратившегося 13 февраля к митингующей перед зданием ЦК толпе, удалось остановить бесчинства и кровопролитие. Отставка «триумвирата» была всего лишь тактическим ходом, сделанным для успокоения населения. Впоследствии, умолчав о своем малодушии, все трое свалили всю ответственность на Каримова.

Однако, как в свое время Ельцин, опальный министр не собирается выходить из игры. И пример президента России вселяет в него уверенность в завтрашнем дне.

Михаил Лацман

– Собираетесь ли Вы после всего того, что с Вами произошло, снова вступать в КПСС?

– Если сказать честно, у меня намерения такие: я хочу, чтобы ради справедливости меня восстановили в партии, а потом я скажу: «Нате, берите партбилет, я не хочу с грязными людьми иметь дело!» Но совесть моя – должна быть до конца чиста! По заключению прокуратуры, мои действия во время февральских событий не имели противозаконного характера. Поэтому я считаю, что исключать меня из партии не имели права.

– Продолжите ли Вы свою политическую деятельность, и если да, то на какие силы будете опираться?

– До февраля я политикой не занимался. Это февраль меня поднял. Я теперь вынужден заниматься политикой, иначе это было бы нечестно с моей стороны. Но в какой-то одной партии я числиться не буду. Это мне уже дорого обошлось. Моя партия это – мой Бог и мой народ. Я буду заниматься консолидацией всех здоровых политических сил в республике. Это народное движение «Растохез», Демократическая партия, религиозные движения, которые можно разделить на три части: официальное духовенство во главе с кази, Исламская партия возрождения, запрещенная указом президента Таджикистана, и основная масса верующих. У меня нет, к сожалению,

связей с Исламской партией, но официальное духовенство, я знаю, меня поддерживает.

Сейчас в республике невозможно вести цивилизованную политическую борьбу. Запрещена деятельность Исламской партии, запрещены голодовки в общественных местах. Я фактически – в блокаде. Журналистов, которые публикуют мои интервью, увольняют с работы. Закрывают независимые издания. Это страшно обидно. Опять наш народ хотят откинуть назад. Когда везде идет пробуждение, процесс нельзя останавливать, а мои уважаемые руководители загоняют его в угол, недовольство накапливается и может прорваться в любую минуту – я бы очень этого не хотел.

– Что сейчас для Вас главное?

– Сейчас самое главное – подготовка к очередной предвыборной кампании, как в парламент, так и на пост президента.

Махкамов против всенародных выборов, зная свою репутацию среди населения. Но даже в ВС, где 95% депутатского корпуса – партхозактив, 90 из 220 человек проголосовали против него.

– Разработана ли у Вас экономическая концепция развития республики?

– Да, экономическая и социальная программа рассчитана у меня до мельчайших деталей. Прежде всего, надо иметь в виду, что наша республика имеет сырьевую направленность – это хлопок и природные богатства.

Сегодня 90% хлопка вывозится из республики. С каждой вывозимой тонной хлопка республика теряла в старых ценах 44 тысячи рублей, а после повышения цен потери увеличились в 4 – 5 раз. По моим расчетам, республике было бы по силам перерабатывать до 30% урожая хлопка. Строительство перерабатывающих комбинатов решило бы параллельно проблему занятости и централизованных субсидий на социальные программы. Средства на строительство можно было бы найти в республике при умной и маневренной финансовой политике, кроме того, затраты быстро окупились бы.

Посевы хлопчатника необходимо вообще сократить на 50%. Взамен заняться виноградарством и садоводством. Скажем, от каждого гектара посадок лимона доходы в десятки раз больше, чем от хлопка.

Второе направление – добыча полезных ископаемых. У нас есть золото, серебро, олово, вольфрам, молибден. Только серебра у нас такие запасы, что хватит не только на Союз, но и на весь мир. Таджикское золото – самой высокой пробы из того, что добывается в Союзе. Ни у нас, ни у Центра нет ресурсов на развитие добывающих отраслей. Но многие зарубежные фирмы готовы заключить с нами договоры на 5 – 10 лет и за 30% прибыли организовать все производство, включая поставку новейшей технологии и высококлассных специалистов. Но мы этого не можем сделать потому, что наш суверенитет – бумажный.

Главный вопрос, который у меня проходит красной нитью, – это упорядочение межрегиональных экономических связей. Сейчас никто в правительстве не знает, что откуда привозится и что куда увозится. Муку, например, мы получаем из четырнадцати союзных республик и областей. Хлопок в Прибалтику идет обязательно через Центр – почему нельзя напрямую договориться?

В межреспубликанских же экономических отношениях, я считаю, сначала необходимо обеспечить себя, а потом, через новые коммерческие структуры, делиться с другими.

В отличие от моей, правительственная программа является фактической копией союзной и слабо учитывает специфику региона.

В конце нашей беседы я хотел бы сказать о том, что был счастлив, когда, оказавшись на волне событий в феврале 1990 года, смог остановить кровопролитие. И в дальнейшем я буду делать все для блага моего народа.

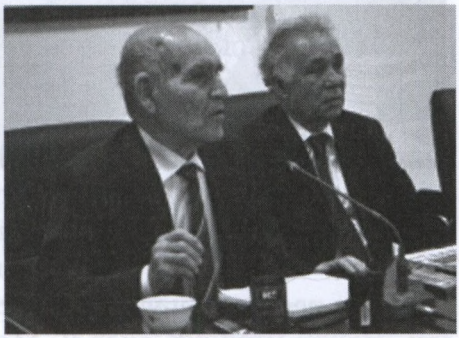
– Если Вы станете президентом, дадите первое интервью «НГ»?

– Да, непременно.

В Клубе «Диалог поколений»

Я вечно везде одинок,
На сборищах я одинок...
От взоров от высокомерных
Сгорел бы дотла, если б смог.
Хокирох, Москва, 1995

«Бури Каримов: «Мне не за что просить прощения!»» Так суммировал смысл моего выступления журналист Махасти Дустмурод в клубе Ибрахима Усманова «Гуфтугуи тамаддунхо», сделав его названием статьи в газете «Азия-плюс», вышедшей в г. Душанбе №65 от 28 августа 2014 г.



К.М. Махкамов в клубе «Разговор поколений»

Хотя я и на пленуме, и после него, и еще много, много раз просил прощение и за себя и за всех руководителей, которые тогда не могли предотвратить кровопролитий, тем не менее, уважаемый Дустмурод назвал свою статью «За что просить прощение?!.». Это послужило очередным поводом для атаки моими старыми недругами. И это на их совести…

После того как Махкамов выступил в клубе под названием «Разговор поколений», следом за этим организаторы той встречи, и прежде всего председатель клуба Ибрахим Усманов, решили пригласить на разговор и меня. В клубе принято сначала дать слово гостю, а затем ему в течение двух часов задают вопросы, только вопросы. И никаких обсуждений. А уж участники должны сами делать свои выводы по тому, что отвечает гость.

Разумеется, я за 25 лет, прошедших после февральских событий, много раз давал различные интервью, печатал статьи и, как вы уже поняли, даже писал книги о том, что тогда произошло. Мои интервью и статьи, в основном, публиковались в газетах и журналах неправительственной направленности. Поскольку правительственные средства информации, безусловно, с подачи руководства, заметно дистанцировались от меня. В то же время свободная, в том числе и оппозиционно настроенная пресса, буквально охотилась за мной, чтобы выяснять мое мнение по тем или иным вопросам. Что, собственно говоря, продолжается и по сей день.

Б.Б. Каримов в клубе «Разговор поколений»

И вот, наконец, мне представилась возможность выступить в клубе не только перед журналистами и членами клуба, но и лидерами существующих сегодня партий Таджикистана. Зал был полон политологами и журналистами. Все ждали, что же скажет Каримов и как он ответит на вопросы сегодня, спустя 25 лет после трагедии. Тем более – после разъяснения Каххором Махкамовым не только своей позиции, но и своего взгляда на события тех дней.

Неожиданно для всех я начал выступление с чтения стихотворения, посвященного жертвам тех кровавых дней. В зале воцарилась необыкновенная тишина, Все почувствовали, что разговор пойдет откровенный и только по существу...

После чего я в течение 20 отведенных мне минут не только изложил свое видение тех событий, но и высказался по некоторым очень важным вопросам сегодняшнего дня. Мне было важно, чтобы руководители, да и мы, общество, – не забыли тех, невинно погибших людей. Чтобы эти исторические потрясения не оказались на обочине Истории, а были осмыс-

лены и стали уроком для будущих поколений. Иначе они станут повторяться вновь и вновь.

После этого на меня как из рога изобилия посыпались вопросы. И надо отметить, что все вопросы практически были по существу, кроме многозначительного выступления с двумя последующими полувопросами представителя «Народного фронта». Того самого движения, которое участвовало в гражданской войне и привело к власти нынешних руководителей страны.

Вопросы же были вот такие, и пусть уж читатель сам рассудит, были ли они провокационными или нет.

– Вы знаете Бобоева Мирзо Бобоевича?

– Да, конечно, он же работал до меня Председателем Госплана, я его всегда уважал и сегодня – уважаю.

– Так вот он тогда сказал: «С приходом Горбачева развалится Советский Союз, а с приходом Каримова – Таджикистан»…

– Надо же, все равно я его уважаю, но не верю, что он такое мог сказать. А если это и было – чего же вы-то ждали? Пустили бы одну пулю в Горбачева, другую – в Каримова и остановили бы развал Советского Союза, и в Таджикистане – все оставалось бы по-прежнему.

После такого моего ответа зал оживился, люди рассмеялись, кто-то начал аплодировать. Я явно дал всем понять, что понимаю, что вопрос – провокационный.

Не успокоившись, он продолжал «сочувственно» сетовать, что ж вы, дескать, сказали только несколько хвалебных слов в адрес президента? Этого мало. Говорите и хвалите его побольше. И тогда он, как Бозору Собиру, выделит вам квартиру и даст орден.

После этих его слов все в зале стали смеяться. Но ведущий Ибрахим Усманов не дал мне ответить, возразив, что это не вопрос, а пожелание. На что я «разъяснил» присутствующим, что, мол, и квартира мне не нужна, и орденов у меня – предостаточно.

Замечательно, что после моего ответа представитель «Народного фронта» куда-то исчез, видимо, посчитав свою задачу выполненной.

По окончании встречи подробности того диалога в клубе, как вопросов, так и ответов, – были опубликованы во многих печатных органах.

Что же касается русских изданий, именно газета «Азия-плюс» в сокращенном варианте и в более строгой форме – преподнесла читателям содержание этой встречи.

Б.Б. Каримов отвечает на вопросы политиков и журналистов

Автор статьи в газете «Азия-плюс» пишет, «что обвиненный в организации кровавых событий 90-го года в Душанбе, на минувшей неделе публично высказал свою точку зрения на февральскую трагедию 1990 года. По его словам, если правда о тех событиях не будет сказана, искаженное представление дискредитирует многих в глазах будущего поколения».

Самый молодой министр в СССР времён перестройки, бывший вице-премьер правительства и руководитель Госплана Таджикской ССР конца 80-х годов, Бури Каримов на минувшей неделе публично высказал свою точку зрения на февральскую трагедию 1990 года. Как известно, в феврале 90-го года в Душанбе прошел один из первых несанкционированных митингов в истории страны, переросший в массовые беспорядки. Тогда по городу прошёл слух, что беженцам из Армении, прибывшим в Душанбе после армянских погромов в Баку, вне

очереди будут предоставлены квартиры. Квартирный вопрос в Таджикистане стоял остро, и хотя этот слух был провокацией, на площадь вышли люди: кто-то решил разыграть такой сценарий. Потом, спустя годы, этому событию давали разные объяснения. Кто-то обвинял в организации февральских событий КГБ СССР, кто-то называл это пробой сил набирающего влияние мусульманского духовенства. Третьи объясняли это борьбой региональных элит за власть.

Как бы то ни было, но на площадь перед зданием ЦК пришли люди. Вначале они требовали не выдавать квартиры армянским беженцам, но уже через день потребовали отставки высшего руководства Таджикистана. Когда к митингующим вышел глава республики, первый секретарь ЦК Компартии Каххор Махкамов, ему не дали говорить: в него полетели галоши…

Под давлением митингующих все руководство страны подписало протокол об отставке, был избран специальный комитет из числа интеллигенции, представителей только что появившихся неформальных объединений и движений страны – «Ру ба ру», «Растохез» и других. Однако уже через день ситуация кардинально поменялась. Из Москвы в Душанбе были срочно переброшены десантные войска, спецназ. В Таджикистан приехал представитель президента СССР М. Горбачева – Борис Пуго. Именно в те дни в Душанбе впервые раздались автоматные очереди, и на улицах впервые пролилась кровь. Тогда погибло 25 человек, около 500 было ранено.

Срочно созванный пленум ЦК Компартии не принял отставки руководства страны. Многие члены комитета, выбранного митингующими на площади, получили строгие наказания: были исключены из партии, сняты с государственных постов. Одним из главных виновников тогда был назван Бури Каримов.

Уже более 20 лет он живет и работает в Москве, сделал в России блестящую карьеру, стал руководителем Секретариата Межправительственного совета дорожников СНГ. В Душанбе он выступил в рамках проекта «Диалог цивилизаций». По его мнению, правда о беспорядках 90-х годов до сих пор не рассказана, но это необходимо сделать, чтобы современная таджикская молодежь знала, что именно тогда произошло.

Бури Каримов сразу заявил, что не претендует ни на какие посты – ни президента, ни министра или депутата, а лишь хочет, чтобы те февральские события были расследованы беспристрастно, и правда о них была доведена до общественности. По его мнению, если правда о тех событиях не будет обнародована, искаженное пред-

ставление о них будет долго дискредитировать многих в глазах будущих поколений.

«Меня оклеветали». Мы должны помнить имена погибших, чтить их память и навеки запечатлеть их на страницах истории.

Возвращаться к тем тяжелым дням очень тяжело. К сожалению, люди всё больше прибегают к обману. И мы должны, наконец, сказать правду. Я всегда, как и в те тяжелые времена, стремился только к одной цели: чтобы не пролилась кровь невинных граждан. Если бы я не поступал так, то сейчас стоял бы опозоренный перед вами. Но я не совершал ничего такого, за что мне следует просить прощение.

Тогда я слышал не только слова поддержки в свой адрес, распространялись также всякие слухи и клевета в мой адрес. К сожалению, наше общество и тогда, и сегодня не готово поддержать человека, говорящего правду и желающего справедливости в обществе. Это проблема нашего общества!

Некоторые господа в то время всеми способами стремились защитить существующую систему, категорически не хотели, чтобы демократия взяла вверх. Они боялись развития, перестройки, свободы слова и демократии. Очевидно, именно такое отношение всех этих людей стало причиной кровавых событий 90-го года в Таджикистане.

Моя невиновность была доказана еще во времена Советского Союза. Прокуратура, совместно с Комиссией Верховного Совета, направила документ, подтверждающий мою невиновность. У них не нашлось компромата среди всех тех документов, которые были в их руках, и тогда они принялись искать его в моей жизни, начиная со дня моего рождения и с моего первого рабочего дня. Ведь в то время они всю вину хотели повесить на меня. Но комиссия установила, что имеющиеся высказывания и домыслы, а также непроверенные слухи, в том числе и провокационная статья Пономарева в газете «Правда», были беспочвенными.

«Я умолял не проливать кровь». Меня хотели сделать крайним, но я доказал свою невиновность. Теперь мы должны назвать настоящих виновников тех событий.

Почему о подробностях февральской трагедии не говорят Каххор Махкамов или Мехмон Бахти – ключевые фигуры тех дней? Ведь тогда никто не знал Бури Каримова. Он не существовал. Только тогда, когда я вышел на трибуну и поговорил с народом, в протокол вписали имя Бури Каримова. Это исторический документ. Я могу привести десятки примеров, подтверждающих, что февральские

события тесно связаны с этим протоколом (Имеется в виду протокол, подписанный руководством страны и представителями Комитета, избранного митингующими. – Ред.).

Хотя в этих протоколах есть масса противоречий, однако они доказывают мою невиновность. Я подписал протокол вместе с тремя главными руководителями страны. Тогда я был членом правительства и оказался вовлечен в кровавую политическую игру. Я встал на защиту простого народа. На пленуме я просил у трех руководителей тогдашнего правительства задуматься над тем, что творится на улицах. Я умолял их не проливать кровь. Но не был ими услышан. Вот тогда я и встал на сторону восставшего народа.

«Армянский» вопрос также повлиял на ход событий. Это было выгодно некоторым группам. Таких причин, ставших рычагом, было много. Одной из них была перестройка. Если бы Махкамов не получил тогда по лбу галошей, может, митинги продолжились бы, и простой народ достиг желаемого: стряхнул бы старую, прогнившую власть.

Местничество. К сожалению, местничество стало серьёзной болезнью нашего общества. Мы даже взяли эту болезнь с собой в эмиграцию: делимся на раштцев, бадахшанцев, кулябцев и так далее. Мы так и не научились осознавать, что мы – таджики, что мы – один народ!

Три моих начальника – Махкамов, Хаёев и Паллаев – как-то сказали мне: «Бури Каримов, это политика!» Я спросил их: «Вы просите меня выйти на площадь? Я выйду. Что будет дальше, не знаю». Я не посылал людей поджигать здания, убивать, воровать, наоборот, говорил им, что есть конкретная система, и нужно цивилизовано решать возникающие проблемы.

О политических кознях и интригах, которые плелись за моей спиной, я узнал позже. Когда на пленуме я обратился к Мирзошоеву, чтобы тот поддержал меня, он вместо этого предложил исключить меня из партии.

Те люди, которые вписаны в протокол, должны ответить, почему они его подписали. Особенно Мехмон Бахти, который подписал протокол вместо меня.

Откуда появилось оружие? Не забывайте, что первые выстрелы произвели сотрудники правоохранительных органов. Это ложь, что тогда рэкетиры имели огнестрельное оружие. У них на руках было только холодное оружие. И первый выстрел раздался из высотного здания, когда были убиты кинооператор «Ленфильма» Матросов и одна простая женщина.

***

22 августа 2014 года я выступил на заседании Фонда «Диалог Цивилизаций» по приглашению его участников. А 25 августа Группа «Диалог» разместила на своем сайте резюме, составленное на основании моего диалога с присутствовавшими там политиками и журналистами под названием: «Бури Каримов, история не состоявшегося элитарного переворота…». Привожу его здесь полностью.

«Бури Бачабекович Каримов, один из лидеров «февральских» событий 1990 года.

Особую деликатность выступлению Бури Каримова перед таджикскими политологами и журналистами добавило и то обстоятельство, что три месяца назад перед этой же аудиторией выступил первый Президент Таджикистана Каххор Махкамов, который в те печальные февральские дни был «по ту сторону баррикад».

Господин Каримов представил аудитории график со сравнительной информацией о собственной политической карьере и карьере К. Махкамова, где были подробно описаны политические вехи двух ярких политических деятелей последних лет Советского Таджикистана. Бури Каримов считает, что он в те годы заслуживал быть руководителем Таджикистана не меньше, чем Каххор Махкамов».

Конечно же, автор этого резюме не понял тогда смысла моей информации, представленной в таблице. Я же имел в виду, что в свое время Каххор Махкамов был вполне доволен моей работой и без каких-либо колебаний рекомендовал меня на пост Зампреда Совмина и Председателя Госплана Республики. Но вот после того, как я, ввиду произошедшего в Душанбе кровопролития и во избежание дальнейшего обострения ситуации, обратился к руководству республики с просьбой о его отставке, Махкамов неожиданно начал высказываться в том смысле, что якобы я – кандидатура Второго секретаря ЦК Петра Лучинского, и никакого отношения к моему назначению он лично не имеет. Вот я и привел таблицу для сравнения и доказательства того, что мой послужной список, равно как и образование, были ничуть не хуже, чем у Махкамова. Привожу здесь эту таблицу, чтобы читателю было понятно, о чем идет речь.

Факты биографий Каххора Махкамова и Бури Каримова на день назначения последнего на пост Председателя Госплана

№ п/п	Наименование	Махкамов Каххор Махкамович	Каримов Бури Бачабекович
1.	Возраст во время назначения Председателем Госплана	31	31
2.	Место рождения	г. Ходжент	Гиссарский район
3.	Образование	Высшее техническое	Высшее техническое и высшее экономическое
4.	Дополнительное образование до назначения Председателем Госплана		Университет Международных отношений, Академия общественных наук при ЦК КПСС
5.	Статус диплома	?	С отличием
6.	Стаж работы до назначения Председателем Госплана	10 лет	10 лет
7.	Работа в органах государственной власти до назначения	2 года (Председатель Ленинабадского Горисполкома)	2 года (Министр, депутат Верховного Совета)
8.	Знание языков	Русский, таджикский (средний уровень)	Таджикский, русский, персидский
9.	Религиозность	Атеист	Верующий
10.	Социальное происхождение	Из крестьянской семьи	Из крестьянской семьи
11.	Количество детей в семье родителей	6	10
12.	Ученая степень	?	Кандидат технических наук
13.	Книги и научные труды до назначения	?	2 книги, 22 научных труда
14.	Высшее образование получил	В Ленинграде, Горный институт	В Душанбе и Москве, Политехнический институт, Гос. университет, Университет международных отношений, «СоюздорНИИ»

П.К. Лучинский

И действительно, в те февральские дни маятник литического равновесия, мог качнуться в любую из сторон. Тогда Бури Каримов заручился поддержкой манифестантов, а, по мнению К. Махкамова, его поддерживал и Второй секретарь Компартии Таджикистана Лучинский. Именно с ним по прибытии в Таджикистан с особым поручением, первым встречался Борис Пуго, министр внутренних дел СССР, и предложил стать руководителем Таджикистана. Каримова включили и выдвинули на первую роль в переходном правительстве.

Если это мнение Махкамова, то абсолютно неверное, Вторым секретарем Компартии Таджикистана работал уже Веселков Геннадий Гаврилович. Тем более, что слова о том, что они «Каримова включили и выдвинули на первую роль в переходном правительстве» не соответствуют действительности, поскольку, с согласия Махкамова, я был избран Председателем Временного народного комитета именно митингующими и – при его же одобрении – включен в Протокол. В остальном же Группа «Диалог» делает, хотя и осторожные, но правильные выводы. (Прим. автора).

Однако, пленум коммунистической партии Таджикистана, 14 февраля 1990 г. не принял отставку К. Махкамова, а действия политических оппонентов Махкамова были осуждены, и сам Бури Каримов был исключен из партии.

Как вспоминает Бури Каримов, в те дни Гоибназар Паллаев (председатель Верховного Совета Таджикской ССР) и Изатулло Хаёев (председатель Совета Министров) были пассивны, и только приезд Б. Пуго и особых подразделений спецслужб СССР в корне изменили расклад сил. По иронии судьбы, 18 месяцами позднее, сам Пуго примкнул к путчистам ГКЧП, и его жизнь печально оборвалась.

Бури Каримов во время своего выступления не раз подчеркивал, что ему жаль К. Махкамова, в связи с тем, что он поддался «хвалебным одам» своих соратников и не настоял на своей отставке в феврале 1990 г., и ему пришлось уже с меньшим достоинством уйти в отставку в 1991 году. История не терпит сослагательного наклонения, но могло ли «правительство Бури Каримова» быть на-

столько эффективным во время переходного периода, чтобы не дать Таджикистану погрузится в гражданскую войну?

Во-первых, как признался сам Бури Бачабекович, внутренней консолидации среди политических оппонентов Махкамова, которые подписали Протокол, не было. В первом варианте протокола (на таджикском языке) имя Каримова было написано неправильно и в самом конце списка, только во втором варианте (на русском языке) он выдвигается на первые роли. Как только смещение Махкамова провалилось, то сразу стал очевидным антагонизм между подписантами протокола. Поэтому нельзя исключать и тот факт, что в случае смещения К. Махкамова с поста первого секретаря Компартии Таджикистана, те, кто были в первом списке на первых ролях, могли бы оспорить и лидирующую позицию самого Б. Каримова.

Во-вторых, господин Каримов апеллирует к манифестантам, но те люди, которые вышли на улицу с националистическими лозунгами, а именно «антиармянскими» – не самая надежная группа поддержки для коммуниста и интеллигента, коим, безусловно, являлся Бури Каримов. Соответственно, эти же люди, которые, как показывает таджикская история, и дальше выходили на площади с протестами, скорее всего, рано или поздно начали бы требовать и его отставки.

В-третьих, международная практика показывает, что часто те политические деятели, которые были у руля страны в период перехода из коммунистического строя в демократический, становились «политическими камикадзе» и, в лучшем случае, просто оставались на обочине большой политики.

Соответственно, весьма вероятно, что и гипотетическое «правительство Бури Каримова» также не удержало бы Таджикистан от «болота» гражданской войны.

В то же время, у Таджикистана в начале 1990-х годов была реальная возможность воплотить «греческую мечту» и создать на практике правительство мудрецов и творческих людей, среди которых могли бы быть – лирики, драматурги, писатели, поэтессы и кинорежиссеры.

Впрочем, уже давно прошло то время, когда в Таджикистане с особым трепетом относились бы к творческим людям...»

«О чём молчат таджики?»

О, мой таджик, судьбы лишенный,
Умру с тобой – разлученный,
И плачу, потеряв опору, –
Бессильный и опустошенный.
Хокирох, Душанбе, 1991

Таково название статьи, опубликованной в еженедельнике «Аргументы и факты», московского поэта, переводчика и составителя антологических сборников – Михаила Синельникова, многие книги которого посвящены культуре Востока. Недавно ему была вручена Государственная премия Таджикистана им. Абуабдулло Рудаки, основоположника классической таджикской литературы. И это не случайно. Он не только давно и много пишет о культуре и литературе Востока, но и успешно занимается переводами иранских, персидско-таджикских и других восточных поэтов. С тем большей радостью прочел я мнение этого просвещенного и талантливого представителя московской интеллигенции о ситуации, в которой оказались мои соотечественники, что полностью его разделяю.

Вот почему решил я поместить в своей книге его статью целиком, тем более что порой встречаю суждения, и в прессе и в бытовых ситуациях, рисующие мой народ черными красками и даже пугающие словом «таджик» чересчур уж доверчивое население России. Итак, «вот наш патент на благородство»…

«Сегодня приезжие таджики в России заняты на не престижных, низкооплачиваемых работах и, конечно, поскольку дружба народов после Перестройки замерла, наше местное население не знает о том, что эти дворники и подсобные рабочие являются носителями языка и культуры одной из самых великих цивилизаций мира – персидской (часть исторической территории которой сейчас и занимает Таджикистан). Детство моё прошло в Средней Азии, и я всегда удивлялся культурности, вежливости, любезности и благородной книжности таджиков. Можете ли вы представить, что там до сих пор всё делается с обращениями к афоризмам великих поэтов – Хайяма, Хафиза, Саади, Бедиля, Хилали – будь то торговля на базаре или

разговор в парикмахерской, любовное объяснение – не обходится без цитат из классиков.

В русской литературе интерес к таджикской поэзии, которая до XVI века была неразделима с иранской, никогда не иссякал. Пушкин в «Евгении Онегине» делает отсылку к Саади: «Иных уж нет, а те далече, как Саади некогда сказал...» Фет переводил Хафиза. Поэты Серебряного века увлекались и Хафизом, и Саади, существовало даже «общество хафизитов», которое собиралось в знаменитой «башне» Вячеслава Иванова в Санкт-Петербурге.

В советское время можно говорить о формировании серьёзной школы переводчиков персидско-таджикской поэзии – на мой взгляд, наиболее замечательный её представитель – Александр Кочетков, автор бессмертного стихотворения «Баллада о прокуренном вагоне», которое все, даже не слышавшие имени автора, знают по культовому кинофильму «Ирония судьбы». Ему принадлежат совершенно изумительные переложения стихов Санаи, Фаррухи, Хафиза. Кроме того, я очень ценю работу талантливой поэтессы Аделины Адалис, дарование которой Осип Мандельштам ставил выше цветаевского. Нельзя забыть значительного вклада Константина Липскерова, Семёна Липкина, Татьяны Спендиаровой, Наума Гребнева, Германа Плисецкого... Николай Заболоцкий оставил нам талантливые переводы из Сайидо Насафи – таджикского поэта XVII века и по совместительству ткача, который прославлял труд ремесленников. Думаю, что выбор выдающегося переводчика был неслучаен, ибо Заболоцкого всегда интересовал осмысленный и мастерский труд.

Если говорить непосредственно о таджикской литературе, которая стала самостоятельной и самобытной, как я уже отметил, в XVI веке, после смерти Абдуррахмана Джами, последнего корифея общей классики, то новейшая эпоха начинается с такого имени, как Ахмади Дониш. Судьба этого писателя, просветителя была необычной, в составе Бухарского посольства он посетил Россию, был представлен царю Александру II и увидел чудеса европейской цивилизации: побывал в министерствах, на заводах и фабриках, в Пулковской обсерватории, на концерте гастролировавшей в Петербурге Аделины Патти, на придворном балу. Можно сказать, что прокатился на машине времени. И под влиянием лично пережитого внес много нового в родную словесность. Ещё один крупный литератор, замеченный уже при дворе Бухарского эмира и ставший впоследствии видным советским писателем, – Садриддин Айни. С его знаниями и авторитетом считался даже Сталин. При Айни в Таджикистан начали ездить московские

переводчики. Я говорю с особым чувством об этом писателе, потому что читал его романы о старой Бухаре ещё в детстве, и они позволили мне многое понять о жизни и традициях таджиков.

Вторым отцом советской таджикской литературы, наряду с Айни, считается революционер-иммигрант из Ирана, талантливый поэт – Абулькасим Лахути.

Двадцатый век нельзя представить и без поэта Мирзо Турсун-заде, который еще в молодости за цикл стихов «Индийские баллады» получил Сталинскую премию. Но этот крупный поэт не только сам был любимцем таджикских читателей, но и наставником и покровителем всего талантливого. Я имел честь с ним общаться, когда, будучи молодым литератором, ездил в Таджикистан, и навсегда запомнил назидания славного «устода». Особенно хочу отметить трёх авторов, которым Турсун-заде помогал в начинаниях. Это Мумин Каноат – виднейший и ныне здравствующий поэт, лауреат многих премий. Дерзкий, гордый и необыкновенно талантливый лирик Лоик Шерали, к сожалению, умерший в 2000 году. Как говорил о нём Турсун-заде, оберегавший поэта от всех житейских неурядиц, «это космонавт, запущенный к нам из будущего». И третий – мой друг Бозор Собир (безбожник), выдающийся таджикский поэт, который живёт сейчас в США. Знаю его как замечательного и бескорыстного человека, помню, что, когда в советское время он работал по контракту за границей, то на вырученные деньги купил не автомобиль, что тогда считалось роскошью, а собрание сочинений гения восточной поэзии Джалалетдина Руми... Моя первая мысль о Таджикистане – мысль о друге юности, поэте Хабибулло Файзулло, рано ушедшем из жизни, но не из родной поэзии.

Что касается таджикской прозы, то она, хотя и имеет давнюю традицию, не столь распространена, как поэзия, и в новое время формировалась в большой степени под влиянием европейского, русского романа. К примеру, духовный авторитет Льва Толстого был всегда очень высок в Средней Азии. Наиболее яркие прозаики: Сатим Улуг-зода, Джалол Икрами, оставивший превосходные исторические романы. Есть немало интересных произведений о Таджикистане на русском языке – например, упоительные книги Тимура Зульфикарова или всем со школьных лет известные повести Леонида Соловьёва о Ходже Насреддине. Давно пора собрать под одной обложкой стихи русских поэтов о Таджикистане, чем я и собираюсь заняться в ближайшем будущем».

Заключение

Когда ветер приносит родимой земли аромат,
То в моем окровавленном сердце
блаженно струны звенят.
Я провалы и промахи переживаю твои.
А когда процветаешь, – тому я безудержно рад.
Хокирох

Завершая книгу, прихожу к выводу, что Кровавый Февраль 1990 г., к сожалению, не стал серьезным уроком для моей страны, поскольку вскоре разразилась продолжительная братоубийственная гражданская война, унесшая жизни более чем 150 тыс. человек.

К сожалению, до сих пор, по прошествии 25 лет, все еще не названы имена главных организаторов февральских событий, а также тех, кто был напрямую виновен в пролитой крови. Когда, неожидавшие ничего плохого, люди – пришли к руководству республики, чтобы высказать свою боль и получить ответы на вопросы, поставленные жизнью, а в ответ получили пули, были избиты, искалечены и вынуждены были спасаться бегством.

Виновники не были названы ни руководителями того времени, ни пришедшим им на смену Рахмоном Набиевым. Если этого не поняли три поколения руководителей, сменявших друг друга после февральских событий, это вовсе не значит, что правда никогда не выйдет наружу.

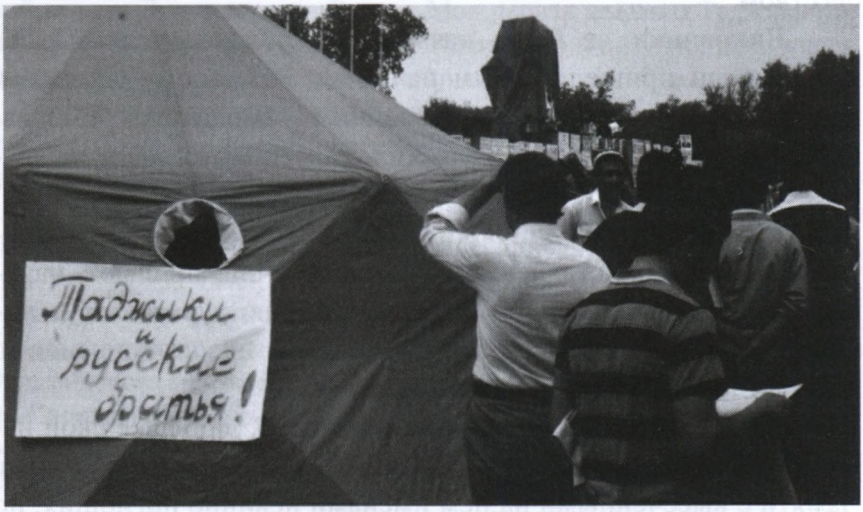
Все равно придут люди, которые, на основе документов, фактов, сопоставлений и расследований, прольют, наконец, свет на произошедшую тогда трагедию и **расскажут нашему народу, где – правда, где – ложь, и назовут поименно виновников народной трагедии.**

Я уверен, что однажды правительство, любящее свой народ и его историю, не только вернет на прежнее место Камень Памяти с высеченными на нем именами невинно погибших, но

и примет решение ежегодно в эти дни вспоминать их – **как первых героев, положивших свои жизни на алтарь свободы, независимости и будущего своей страны.**

Конечно же, на самом деле главной виновницей тех трагических дней была дряхлеющая тоталитарная система империи, медленно сползающая в пропасть. Когда она, вопреки действительной, но далеко не всегда искренней дружбе народов, и – повсеместно заявленной, но уже распадающейся общности советских людей, начала не только экономически и социально, но и политически задыхаться, отставая от требований стремительно меняющегося времени, в значительной степени содействуя трагическому исходу событий.

Конечно же, многолетние и вполне очевидные враги советской власти воспользовались этой ситуацией, о которой они мечтали уже давно, планируя не только развал советской империи, но и отдельных государств (еще живо памятен пример кровопролитнейшего раздела бывшей Югославии). К сожалению, неопровержимым подтверждением этому может служить то, что наши заокеанские «друзья», с помощью своих единомышленников в Европе, сотворили с Украиной.



И это правда...

Более того, именно в эти годы в Советском Союзе создалась ситуация, разделившая общество пополам, когда, по известной формуле, – низы не хотели жить по-прежнему, а верхи уже не могли управлять разваливающейся страной. Даже не принимая возможностей, предоставленных обществу ими же самими объявленной перестройкой, гласностью и плюрализмом мнений, верхи не умели и не могли полностью им следовать, а низы, одобряя и воспринимая как нечто реальное – шанс перейти к новому этапу социального развития, зачастую обгоняли намерения собственного правительства. И поскольку общество было разобщено, и силы его действовали разнонаправлено, происходили вспышки недовольства в разных точках Советского Союза, что, к сожалению, приводило к кровавым инцидентам.

Все, что происходило тогда в Таджикистане, должно было изменить жизнь в республике коренным образом. Очистить наши умы от ненужных призраков прошлого, освободить СМИ от навязанных им идеологических шор, излечить наше общество от фальши, от последствий тоталитаризма, привести нас в такое состояние, чтобы мы, как катализатором, пользуясь новыми принципами, способствовали развитию новой социальной формации. Укреплять дружбу, сотрудничество, интеграцию, подставлять плечо друг другу, перестраивать экономику, улучшать социальную жизнь и всем вместе двигаться вперед.

К сожалению, этого не произошло – мы разошлись по национальным квартирам, что некоторым даже пошло на пользу, в том числе, и самой России. Но, с точки зрения гуманистических ценностей, человеческих отношений, человеческого фактора и того, что мы все созданы одним Богом, как понять и принять, что сегодня Европа собирает в свой союз другие государства, а мы, благодаря недальновидности наших тогдашних руководителей, которые ускорили распад мощной системы, переживаем столь разрушительный процесс отчуждения от других государств?..

Во время февральских событий Центр, центральные СМИ, используя своих представителей на местах, не только несправедливо и лживо преподнесли происходившее в феврале в Таджикистане, но в значительной степени исказили действительность, оговорив таджикский народ, хотя именно они-то, включая, разумеется, руководителей страны и КГБ, лучше других знали, что на самом деле происходит на местах и какая идет долговременная подготовка, какая работает пропаганда, осуществляемая Западом, с целью усиления идеологического влияния.

И, конечно же, все, что происходило в Таджикистане, это еще и плоды, как в хорошем, так и в плохом смысле, демократии, перестройки и гласности, объявленных Горбачевым в те годы. Именно эти новые веянья открыли глаза обществу, и в первую очередь творческой интеллигенции и верующим людям. Многие восприняли их с радостью и надеждой, но, к огромному сожалению, некоторые властолюбцы, представители СМИ, творческой интеллигенции, а также религиозные фанатики нетерпеливо ускоряли ход истории, сложный процесс государственного переустройства.

Конечно же, причины выхода людей на митинги и сами февральские событий кроются, в первую очередь, в низком уровне жизни населения. В социальной обделённости простых людей, особенно в сельской местности, и в том, что в стране властвовала единственная партия, которая, в силу ряда обстоятельств, не видела или не хотела видеть глубоких причин обнищания людей и не стремилась искать пути для улучшения жизни простого народа. Что и стало одним из катализаторов последующих событий.

События же имели чрезвычайно глубокие корни. Они не были настолько спонтанными, как это преподносили СМИ. Другое дело, что истинные причины, из-за недальновидной политики руководства, оставались в тени, и о реальной жизни народа знали не все. Функционеры на местах всегда докладывали высшему руководству в Москве, что якобы общество ус-

пешно развивается, хотя в Таджикистане уровень жизни оставался самым низким. Тому пример – ситуация с вопросами материнства и детства или же, например, вопросы, связанные с обеспечением экологической безопасности жизнедеятельности населения и множество других.

Другим уроком февральских событий является то, что они показали не только несостоятельность руководства высшего звена, но и то, что оно без указания Центра не могло принимать ни одного мало-мальски серьезного решения. Высшие чиновники были послушными винтиками в огромной системе, которая называлась Советской властью.

Следующим уроком стало то, что многие бесчестные люди даже на горе народа делали свой так называемый бизнес. Если разъяренные толпы – грабили магазины, то большие начальники, как это следует из результатов расследования Комиссии Верховного Совета республики, под шумок списали очень и очень многое, стремясь к мгновенному обогащению… Кому война, кому мать родна…

Для меня еще одной страшной новостью стало то, что, несмотря на гласность и плюрализм мнений, не только руководители, но и само общество не были готовы воспринимать людей, говоривших правду, и политиков, которые хотели строить свою работу на серьезных основаниях, чтобы потом принимать продуманные решения, изменяющие жизнь народа.

Февраль показал, что, наряду с руководителями, которые не слышали требования Времени и не хотели расстаться с властью и насиженными креслами, имелись все-таки энтузиасты, в том числе и среди молодежи, которые являлись настоящими и последовательными борцами и стремились изменить жизнь своего народа в лучшую сторону. Конечно же, другой вопрос, кто в последующем воспользовался плодами их работы?..

А, с другой стороны, Февраль показал, что в перестраивающемся обществе всегда есть опасные авантюристы, которые захотят воспользоваться ситуацией. «Революция пожирает своих детей» – одни добывают Свободу, а другие потом поль-

зуются ее плодами, убрав со сцены предыдущую группу властителей.

Нельзя забывать, что происходившие перед развалом Советского Союза процессы, затем – кровавые февральские события, обретение независимости и низкое социально-экономические положение Таджикистана привели к изменению состава населения. За период с 1989 по настоящее время уменьшился удельный вес представителей других национальностей. И главное – город Душанбе заметно изменил свой человеческий облик. Произошел прирост городского населения за счет переселения жителей сельской местности и миграции городского населения за пределы страны, главным образом – в Россию, а также – в Узбекистан, Украину и Казахстан…

«Где вы были руководители Таджикистана в дни ГКЧП?»

Известно, что разрешение подобных столкновений возможно только путем переговоров. Но власти не только применили силу и пролили кровь. К сожалению, февральские события не явились для них уроком на будущее.

Февральские события 1990 года, ставшие черными страницами истории таджикского народа, до сих пор не изучены настоящим образом. Возможно, еще и потому, что в 1992 – 1997 гг. в стране пылала продолжительная гражданская война, с куда более страшными человеческими жертвами.

Только улучшение уровня жизни людей, единство народов страны и настоящая дружба живущих бок о бок людей могут стать гарантом того, что Кровавый Февраль 1990 года – не повторится. Политологи и социологи обязаны изучить и дать произошедшему – объективную оценку. Февральские события в Душанбе стоят в одном ряду со столкновениями, произошедшими в Прибалтике, Азербайджане, Армении, Молдове и Грузии. Именно цепочка этих событий ускорила распад советской империи и крах коммунистической идеологии.

Правительство Таджикистана должно назвать **14 февраля 1990 года не только Днем Памяти жертв февральских событий, но и началом национального возрождения.**

Не вызывает сомнений, что во время февральских событий царили панические настроения, которые охватили, прежде всего русскоязычное население Душанбе, которое начало поспешно покидать город. Из Таджикистана начался массовый отток русских, но в этом были виноваты не столько таджики, сколько весь ход разворачивающихся в стране событий, все более угрожающая обстановка в республике и в целом по стране, а главное – наметившийся развал Советского Союза. А поведение экстремистов, помноженное на бездействие и слабость властей, ускорили этот процесс.

Фактом остается то, что ни руководители страны, ни один из представителей силовых структур, за прошедшие 25 лет, не были привлечены к уголовной ответственности.

К сожалению, приходится констатировать, что итогом кровавых событий в Таджикистане в феврале 1990 г. стала трещина между русскоязычным и местным населением, которая приносит свои горькие плоды и по сей день. Не везде и не всеми одинаково хорошо воспринимаются представители таджикской нации и в других странах, к примеру в России.

Потеря доверия к власти тоже явилась тогда ускорителем оттока русских и роста националистических настроений. В пролитой крови некоторые обвинили Москву, а центральная пресса – националистические и исламистские местные груп-

пировки. Кроме того, в те годы усугубились противоречия между кланами в самом Таджикистане.

Трагедия 1990 года в Душанбе стала звеном в общей цепи событий конца 1980-90-х годов, вызванных активизацией этнического самосознания народов, населяющих Советский Союз, происходившего на фоне наметившегося передела власти в стране. А прокатившаяся по многим республикам бывшего СССР волна кровавых межэтнических конфликтов ускорила процесс распада единого государства.

Одной из причин кровавых февральских событий в Душанбе стали тяжелые социально-экономические условия, сложившиеся в республике. Около 200 тысяч безработных, нехватка жилья, низкий уровень жизни на деле, сопровождаемый самой высокой в СССР рождаемостью, для небольшой республики оказались серьезной ношей.

В аналитическом исследовании, проведенном по поручению Верховного Совета Российской Федерации после февральских событий 1990 г. группой экспертов под руководством Сергея Кургиняна, довольно категорично утверждается:

«Совершенно открыто»:
Управлял мятежом Председатель Верховного Совета республики Гоибназар Паллаев, и это доказанный факт.

Из аналитической справки Верховного Совета России

Несмотря на такое утверждение, авторы, к сожалению, до сих пор не сообщили, с помощью каких структур, людей и высокопоставленных чиновников он это делал. Если он управлял мятежом, то, к сожалению, в последующем не был привлечен к ответственности и не понес наказания.

В этом исследовании имеется заключение, что события февраля 1990 г. показали разнонаправленность интересов заявивших о себе групп участников противоборства. Но ясно бы-

ло одно: антиправительственные выступления тогда не были направлены на разрушение государственного аппарата.

Именно разнонаправленность митингующих и их представителей во Временном народном комитете, а также усмирение митингующих посредством оружия помогли преступному триумвирату и их сторонникам удержаться у власти.

В отличие от других республик, в Таджикистане центробежные силы накануне и во время распада Союза проявляли себя не слишком активно. Более того, руководство Таджикистана выступало против распада СССР. Внешние факторы влияли на жизнь в Таджикистане, но не были главными и определяющими.

Основными факторами, способствовавшими развязыванию февральских событий 1990 г. являлись: низкий уровень жизни населения, наличие большого количества трудоизбыточного населения, как в городах, так и в сельской местности; соперничество этно-региональных кланов; преобладание монокультуры хлопка в агропромышленном комплексе республики и растущая роль фундаментального ислама, а также принудительное переселение жителей из горных районов в долины.

К внешним же факторам необходимо отнести: ошибочную позицию Центра по отношению к происходящим внутри республики демократическим процессам и возрастающую помощь отдельным группировкам со стороны стран-соседей и исламских государств.

Влияла на февральские события также и ситуация в соседнем Афганистане. После вывода советских войск там разгорелась война между пуштунами, таджиками и узбеками. Движение религиозных фанатиков за власть, использование оружия и наркотиков, кроме того идея экспорта исламской революции в соседние государства – играли на руку некоторым недальновидным политикам.

Действительно, в республике существовал запутанный клубок серьезнейших проблем, который требовал упорного и осторожного, может быть, даже, героически затянутого, распутывания. Вместо этого – в гудящий муравейник – ткнули горящей палкой! И вдруг оттуда, навстречу заигравшимся политическим авантюристам, вылез – разъяренный, обезумевший от боли зверь! И пошел крушить, ломать, давить и рвать! И поздно, и некому кричать: «Помогите!»

На пленуме второй секретарь ЦК Компартии Таджикистана Веселков возмущённо твердил, что люди на митинге держали полотнище с моим именем и выкрикивали: «Бури Каримова – в руководители!» Но разве это можно использовать как обвинение в адрес уважаемого ими (даже для меня загадка – почему) человека? Но, не ответишь на провокационное «обвинение», – непонятно, что подумают. Ответишь: что плохого, если уважают одного из руководителей республиканского уровня? – не нравится… А когда на нескольких пленумах подряд сразу несколько функционеров задают один и тот же вопрос, закрадывается подозрение: а не их ли кукловоды организовали и эти лозунги, ведь к их появлению я не прикладывал ни малейших усилий?!. Что усилий, – я даже не знал о них. Об этом мне сообщили именно они – члены ЦК Компартии Таджикистана.

Так или иначе, но итогам этого пленума меня освободили от должности. Хотя не смогли сделать этого, к примеру, с Отахоном Латифи – отложили до удобного момента. Потому что он был уже в почтенном возрасте, опытным функционером, журналистом и много знал о подковерных делах руководителей республики, словом, опасен на какое-то время…

Мне оставалось забрать из своего кабинета «главное мое богатство» – табличку, на которой мною были высечены философские стихи поэта Лахути Абдулкасима. Смысл которых заключался в следующем: «Каждую ночь спрашивай себя, если ты мужчина: что полезного сделал сегодня для народа?».

Эти строки сопровождали и сопровождают меня с первых дней сознательной самостоятельной жизни трудовой. Они перед глазами и дома, и на работе… И если день прошёл без чего-то полезного для своей компании, организации, их сотрудников, Родины или страны, приютившей меня – я считаю его пропавшим.

В те бурные февральские дни я оказался среди крови и предательства, в результате чего получил незаслуженно жестокий удар судьбы – стал без вины виноватым. Ведь впоследствии не только десятки людей написали, что я в те дни не совершил ничего противоправного, но и сама генеральная прокуратура признала это. В то же сумасшедшее время на свои заявления вплоть до Верховного совета республики – я не только не получил разумного и справедливого ответа, но даже их рассмотрения. Это ли не пример двойной морали со стороны персон, которые считали себя цветом нации, по поводу и без повода лицемерно рассуждавшего о необходимости справедливости для стабильности общества?

К сожалению, до сих пор некоторые господа-товарищи ходят за мной по пятам – в надежде найти хоть что-то отрицательное, чтобы меня вновь ввергнуть, непонятного для них и потому неудобного человека, в пучину надуманных обвинений. Не пора ли успокоиться и самим подумать о вечном?.. Ведь как говорит история, высший суд неизбежен и он независим от земных должностей!

Исповедь жертвы двойного удара

Нет, к малодушным не придет успех.
И к равнодушным не придет успех...
За то, что крики были безответны,
Дар сострадания нас оставил всех.
Хокирох

В то решающее ответственное время на пленуме я не просил – умолял членов ЦК дать согласие на уход тройки в отставку. Во-первых, это их решение уйти в отставку, во-вторых, потому что пролилась невинная кровь! В-третьих, нельзя было допустить нового кровопролития! При этом знал, что просить каких-либо руководителей, тем более уйти в отставку – это всегда нонсенс. А еще это все может обернуться против меня.

Но я все равно сознательно пошел на это и даже сегодня прошу: и нынешних, и будущих руководителей – уходите в отставку, когда обстановка этого требует, да и на пенсию выходите своевременно. Если уважаете свой народ, Конституцию государства и то молодое поколение, которому предстоит вести страну в будущее. Передавайте бразды правления более молодым, тем более, что помимо юридических, нравственных – есть законы природы.

«Полная демократия...» у снесенного памятника Ленину

Что касается юридических, то в 60 – 65 лет, согласно Конституции, вы должны уйти. Так и поступайте – дайте дорогу новому поколению, если вы уверены, что воспитали его в нужном духе и принципах. Если нет – тогда пеняйте на себя...

Вы можете возразить: мол, с возрастом мы стали мудрее. С этим трудно поспорить, но ведь свою мудрость вы должны были передать молодым руководителям своевременно – в процессе совместной работы.

К примеру, в России неоднозначное мнение об ушедшем уже, к сожалению, из жизни, её первом Президенте Б.Н. Ельцине. Но в одном ему, безусловно, благодарны все россияне – он оставил свой (практически царский) пост, несмотря на огромное властолюбие, – энергичному умному молодому преемнику – Владимиру Путину. И тем самым показал, что даже в огромном (почти имперском) государстве – есть возможность соблюдать преемственность поколений руководителей! А в других небольших государствах это возможно тем более.

А если вовремя, на пике популярности, не уйти – поверьте, что при всей вашей мудрости, накопите столько системных проблем (которые неизбежны, поскольку глаз «замыливается»), что за них потом будут отдуваться ваши дети и всё молодое поколение государства. Молодым свойственны дерзость, харизматичность, которые мы с годами теряем, но, как показывают века, каждое новое поколение не глупее предыдущего и успешно продвигает научно-техническое развитие человеческой цивилизации вперёд. Похуже, пожалуй, с культурным ростом, но и тут можно поспорить: Эйфелева башня в Париже полтора века назад возмущала французов, а сейчас – это символ Парижа...

Мною пропущена через сердце боль трагического Февраля (для кого-то Таджикской Революции), боль потерявших детей матерей, которые воспеты в моих книгах «Страна слез», «Таневу ватане» («Человек и Родина») и «Стон времен». Поэтому я делаю все от меня зависящее, чтобы правда о тех кровавых днях дошла до общественности, особенно моих молодых земляков, не видевших этих событий, не знавших их закулисных пружин. **Ради того, чтобы эти чёрные дни послужи-**

ли уроком и в будущем не повторились. Увы, в этом деле я почти одинок – за редким исключением (не более двух десятков современников), правдиво о Феврале 1990 года очевидцы писать не решались и не решаются до сих пор.

Это следствие того, что власть не хотела и не хочет проливать свет на сложные исторические события. Ради чего, думаю, читатель и сам догадывается, особенно в отношении понимания истинных причин недовольства людей и произошедших февральских событий 1990 года. Но сказать правду стоит – лучше поздно, чем никогда. **Сделать это нужно и ради того, чтобы трагические исторические события не остались на обочине истории – пусть и кровавой, но нашли свое достойное место на страницах тысячелетней летописи жизни древнего народа Таджикистана. И не ради «занимательных» для обывателя черных страниц, а ради того, чтобы они не повторились**, чтобы в очередной раз не оболванили молодежь ложными целями, воздушными замками, которым на Земле – в силу человеческой природы, увы, нет места.

«Президиум власти» занят демократами...

Кто чего тогда хотел? Трудно мне было тогда (да и сейчас непросто) определить – кто чего хотел в те трагические дни, кто был вокруг меня искренен – как в Правительстве республики, так и во Временном народном комитете. Тогда перестройка позволила раскрыться истинным чертам натуры персон моего окружения – в суждениях, поведении, прагматичном

подходе к происходящим событиям. Ясно, что Латифи остался у власти, Усманов, Каримов Д., Икромов М. и многие другие – тоже. То есть, чем выше люди занимали должность – тем быстрее договаривались между собой, и вставали против Временного народного комитета – главным образом, против меня…**Мне же надо было поставить себя на место простых людей,** которые собирались на площади и хотели услышать правду от республиканских руководителей.

Впоследствии, ряд членов Временного народного комитета – некоторые, спустя некоторое время, с подачи руководства республики – стали большими начальниками. К примеру, Мирбобо Миррахимов – председателем Государственной телерадиокомпании, Халифабобо Хамидов – министром юстиции, чуть позже – Мехмон Бахти – председателем Союза писателей и т.д. Они хотели власти, и получили её. Некоторые получили власть в обмен на лояльность к руководителям. Кто-то по заслугам находится у власти до сих пор, другие – за личную преданность, а некоторые за упорство в достижении этой цели.

А я получил только «шишки» – ни у одного соратника нет такой записи в трудовой книжке, как у меня… И только потому, что я не соглашался с рекомендацией руководителей республики написать заявление об уходе с поста председателя Госплана – по собственному желанию. Но ведь если бы поступил иначе – они стали говорить, что я был виноват, раз сам написал заявление.

И до сих пор не только я, но даже бывалые кадровики и юристы не поймут: почему мне сделали такую запись в трудовую книжку? Когда им самим надо было подать в отставку, они в протоколе дописали, что уходят конституционным путем – через решения съезда Компартии и сессии Верховного Совета, а меня, до окончания проверки как прокураторы, так и Верховного Совета – на основании закрытого решения Бюро и затем пленума ЦК, втихую освободили от должности. Получается, что законы работают только для власть имущих, а все остальные должны молиться на их милость.

По просьбе Мирхаликова и других, два десятка специалистов из вышестоящих органов власти и правоохранительных структур не только из Таджикистана, но и из других республик Советского Союза, из Москвы – полгода изучали мой жизненный путь – от школьных лет до работы на постах руководителя дорожного министерства и Госплана Таджикистана. Они не нашли ничего отрицательного и сообщили об этом через Верховный Совет республики, СМИ, но забыли о самом главном – не только не восстановили на службе, которой был незаслуженно лишён, но и извиниться за дискредитацию невинного человека. В результате, даже спустя почти четверть века после тех трагических событий, приходится порой некоторым доказывать, что я невиновен.

Как возможен такой парадокс: проверяющие органы, выяснив, что никакой связи у меня с митингующими, их лидерами, с неформальными организациями, рэкетирами – не было, что к пролитой невинной крови я никакого отношения не имел, а, напротив, сыграл существенную положительную роль в стабилизации обстановки в городе и республике, – не спасли моего доброго имени? Как меня могли – оклеветать, обвинить в подготовке несуществующего (в чём признавались сам председатель Верхового Совета республики и его заместитель) Указа? Считаю, что это на совести таких высокопоставленных персон, как Мирхаликов, Д. Каримов, Пуладов, Мусаева, Зарипова, Байматов, Икрамов и ряда других.

Были и другие жаждавшие власти лица. Например, Кенжаев С. Расследуя события, он исказил выводы Комиссии Верховного Совета и приложил к её заключению решение Бюро ЦК Компартии Таджикистана (спрашивается, для чего тогда была создана Комиссия Верховного Совета?). Так он поступил еще и потому, что Паллаев Г.П. был жив и этого хотел. Этого хотели и в руководстве ЦК Компартии Таджикистана. Дискредитацию Каримова Б.Б. (моральное убийство) надо было продолжать.

Кенжаев С. так хотел власти, что стал активно бороться за нее, из-за чего и был убит. Убили и Отахона Латифи, еще около десяти ярких представителей таджикского народа. Уби-

ли только потому, что они хотели власти. Но разве это противозаконное, греховное, преступное желание?!

И женщин привлекали на митинги...

Я не просто сожалею – скорблю об этом, ведь люди были незаурядные…

Понимая ситуацию, я считал (и продолжаю считать), что надо было подходить к ней объективно. Рубить с плеча не стоит, особенно когда решается судьба миллионов людей.

Как известно, существуют разные типы людей: некоторые пользуются ситуацией, другие – рвутся к власти осознано. И, как показывает история, это плачевно кончается не только для народа, но и для нетерпеливых. Хотя, конечно, бывают исключения. В то сложное время всем надо было осознавать, что мы живем в одном общем доме, что все перечеркнуть нельзя – связь времен и поколений рано или поздно возьмёт свое…

И еще, дай Бог, мне при любых обстоятельствах не терять контроль над собой, оставаться верным своим принципам, не говоря о святых для меня разумных понятиях: мать, вера, нация, Родина. …Оставаться просто человеком. А также возможность прожить свою жизнь честно, чтобы из-за меня нико-

гда не страдали мама, семья, нация, Родина и, конечно же, вера и традиции народа.

Говоря об этом хочу заметить, что не допускаю в свой круг людей, которые обижают матерей своих, идут против Бога, веры, общества и семьи. Я их не принимаю и не хочу иметь с ними дела. Я порвал с двумя, так называемыми, друзьями из-за их поступков против Бога и семейных ценностей.

Мне надо было жить, работать и кормить семью. Дал себе слово не заниматься политикой, хотя, как известно, без политики таким как я жить практически невозможно, потому что политика сама занималась мною.

Понимая последствия, в силу своей любимой профессии и должности, я уделял этой «коварной даме» столько времени, чтобы не мешало моей основной работе. И еще, после того, как ушел из власти, дал себе слово, что буду работать на выборной должности или создам частную компанию, чтобы ни от кого не зависеть, решать всё самому и отвечать за свои решения. Этим принципам следую по сей день и буду следовать дальше.

Как я уже писал выше, многие до сих пор боятся говорить правду о кровавом Феврале, в том числе историки и журналисты. Это наводит на мысль, что не все на нашей исторической Родине хорошо с правами человека и свободой слова. И эта ситуация приводит к тому, что не только виновники трагических событий остаются безнаказанными, но и общество не может узнать правды о них, а, значит, нет гарантии, что заново не наступит на те же грабли.

Все обвинения в мой адрес верховная власть во главе с Хаёевым И.Х. «выстроила» на песочной конструкции легенды, что в моем кабинете председателя Госплана группа товарищей договорилась «сменить» главу Правительства республики. Но это же детский лепет...

Во-первых, в той ситуации, когда известные руководители собственноручно подписали документ об отставке, приход госслужащих в мой кабинет не был каким-то запретным или сверхъестественным делом.

Во-вторых, никакого Указа Верховного Совета о снятии Хаёева не было, его не видел сам Хаёев и не видели другие коллеги. Эта легенда – результат хитрого с далеко идущими целями обращения (информация на пленуме) тонущего Хаёева и команды, которую он возглавлял. Это все в первую очередь на его совести.

В-третьих, расследование моего «дела» силовыми структурами – прокуратурой, КГБ, как местными – так и центральными и самой высшей властью, а также историками и журналистами – разумными и понимающими людьми – доказало, что ничего противозаконного в действиях моих и тех лиц, которые были приглашены в мой кабинет Табаровым – не было.

В-четвертых, тонущей властной тройке нужен был повод для самосохранения, который в итоге был найден. И даже Паллаев Г.П., готовый уйти в отставку, прилетевший из Москвы из заседания Верховного Совета СССР, получил задание держаться до последнего. Поэтому в те дни он вел трусливую двойную игру – чья чаша весов перевесит – того и поддерживать.

И – самое главное – своей хаёевской легендой, оправдывающей её действия, власть хотела отвлечь внимание населения республики от главных вопросов: почему произошли трагические события, почему пролилась невинная кровь и кто в этом виноват? Именно ради этого и ради того, чтобы не держать ответ перед народом, – руководство республики согласилось на ввод в республику подразделений Советской Армии и работу спецслужб Советского Союза.

В качестве дополнительного материала привожу на таджикском языке для своих земляков стих, описывающий мое состояние, которое преследует меня все эти годы. Ранее в моем повествовании и, особенно в главе «Спектакль на крови», читатель мог уже ознакомиться с достойным поведением (высказыванием) на пленуме Хикматулло Насреддинова – бывшего секретаря ЦК Компартии Таджикистана, члена ЦК и правительства Таджикистана, министра мелиорации, который все видел своими глазами и правдиво это описал в своей книге под

названием «Взрыв». Отрывок из этой книги, посвященной февральским событиям, приводится ниже, без изменений.

Хикматулло Насреддинов, как непосредственный свидетель тех дней, пишет правду, и это является примером того, что не все участники пленума и члены ЦК не только не были согласны с тогдашним решением Бюро ЦК и пленума, но и аргументировано доказывали, что в моих действиях ничего противозаконного не было, а наоборот, я уверенно действовал с целью быстрейшей нормализации ситуации. К таким людям, из числа журналистов, можно отнести С. Аюбзода, М. Сардарова, Д. Атоулоева и ряд других.

Баҳман, ки расад, дарду ғамам тоза шавад,
Дар ёди шаҳидон аламам тоза шавад.
Аз ҳоли ятими Вахш аз нав сӯзам,
Дар банди гулӯ "вобаламам"тоза шавад.

Баҳман, баҳман чӣ кардӣ бар ман, баҳман,
Зарби ту дигар намебарояд аз тан.
Аз садри баланд санги тӯҳмат хӯрдам
Ҳам шишаи дил шикасту ҳам мӯҳраи ман.

Акнун тафсилоти мукаммали хотироти Ҳикматулло Насриддиновро пешкаши хонандаи азиз мекунем. Воқеан, пас аз В.Кошлаков, Борзенко ва А.Очилов аз ҳайати ҳукумат Ҳ.Насриддинов шахсияти дигарест, ки ба ин воқеаҳо баҳои дигар медиҳад.

Аз миёни издиҳом бори аввал садоҳо баланд шуданд,ки минбаъд фақат Бӯрӣ Каримов сарвари давлат шуда метавонад. Бӯрӣ Каримов ҳамчун ҷонишини раиси Шӯрои Вазирон, раиси Госплани ҷумҳурӣ фаъолият мекард. Ӯ хеле ҷавон ва сарфи назар аз ин хеле босаводу андешаманд буд. Қ.Маҳкамов ва боз чанд тан аз атрофиёни ӯ аллакай Бӯрӣ Каримовро рақиби ояндаи худ мешумориданд. Тарҷумаи ҳоли ӯ начандон тӯлонӣ аст.

Бӯрӣ Каримов соли 1957 дар ноҳияи Ленин таваллуд шудааст, номзади илми техникӣ. Аз соли 1985 узви КПСС буд. Соли 1978 Институти политехникии Тоҷикистонро хатм кард ва фаъолияти кориаш соли 1978 ҳамчун инженери ПМК-7 "Тоҷикдорстройтрест"-и Вазорати сохтмон ва истифодаи роҳҳои автомобилгарди ҶСС Тоҷикистон оғоз ёфт. Минбаъд уста, саркор, саркори калон, саринженер

шуда кор кард. Аз моҳи апрели соли 1987 вазири сохтмон ва истифодабарии роҳҳои автомобилгарди ҷумҳурӣ ва ҳамчунин депутати халқи Тоҷикистон буд. Бӯрӣ Каримов дар ҳақиқат таҷрибаи кофии роҳбарии мақомоти олӣ надошт, вале дар як муддати кӯтоҳ тамоми кору санъати роҳбариро азхуд карда буд. Ман бо Бӯрӣ Каримов муносибат ва эҳтиромии самимона доштам. Он рӯз ӯ ба ман борҳо сим зада пурсон шуд, ки дар майдон чӣ гапҳо аст.

Ман он чи медидаму мешунидам ба ӯ ба воситаи телефон нақл мекардам. Ба ӯ боз гуфтам, ки митингчиён борҳо номи ӯро гирифта мехоҳанд, ки роҳбар бошад.

Бӯрӣ Каримов аз ман хоҳиш кард, ки гӯшаки телефонро дар поёнчӯби равзани тиреза гузорам, то худ бишнавад, ки мардум чи мегӯянд. Ҳамин тавр ҳам кардам. Баъди 5-10 дақиқа боз гӯшакро бардошта ба ӯ чунин изҳор кардам:

-Бӯрӣ Бачабекович, шумо чаро дар утоқи корӣ нишастаед? Охир ҳама аъзоёни Бюрои КМ ва дигар ҷонишинони раиси Шӯрои Вазирон дар назди Қ.Маҳкамов нишастаанд. Шумо ҳам биёед то ягон илоҷи воқеаро дарёбем.

Бӯрӣ Каримов изҳор кард, ки роҳҳо ҳама баста шудаанд ва имконияти ба КМ омаданро надорад.

Ман таъкид кардам, ки гирдиҳамомадагон номи шуморо чандин маротиба вирди забон карданд ва шояд шумо тавонед, илоҷе кунед...

Бӯрӣ Каримов розӣ шуд ва гӯшаки телефонро гузошт. Дақиқае нагузашта Кошлаков Г.В, ки ҷонишини раиси Шӯрои Вазирон буд ва бо Бӯрӣ Каримов дар як бино фаъолият мекарданд, ба ман сим зад.

-Ҳикматулло, дар он ҷо чӣ гап аст?

Ман изҳор намудам, ки чаро шумо дар назди Қ.Маҳкамов нестед?

Кошлаков гуфт, ки моро Қ.Маҳкамов ба назди худ даъват накардааст.

Ман ба андеша рафтам, ки дар чунин ҳолати ногувор агар Қ.Маҳкамов ҷонишинони раиси Шӯрои вазиронро даъват накарда бошад, боз як бори дигар исбот карданист, ки одами хеле торик, роҳгумзада аст. Ман гуфтам, ки ҳатман ба Қ.Маҳкамов занг занед ва аз ҳолати ногувор пурсон шавед. Ҳозир маслиҳату машварати ҳар як аъзои ҳукумат зарур аст. Баъди ним соат Бӯрӣ Каримов ба утоқи кории ман омад. Аз тирезаи утоқи кории ман тамоми манзараи гирдиҳамоиро назорат кардан мумкин буд. Аз ин рӯ, Бӯрӣ Каримов тахминан 10-15 дақиқа аз он ҷо майдонро мушоҳида кард.

Ҳамин лаҳза сардори шӯъбаи корҳои дохилии ноҳияи Марказӣ полковник Шоҳниёз Мирбозхонов вориди утоқи ман гардид. Ӯро дар ин занозаниҳо маъюб карда буданд ва асобағал дар даст лангида роҳ мерафт. Ӯ низ аз ин ҷо ба занозаниҳо назар андохта, муддате маътал шуд.

Бӯрӣ Каримов муддате ба ғавғои мардум гӯш андохта баромада рафт. Баъдтар маълум гардид, ки Бӯрӣ Каримовро Қ.Маҳкамов хуш қабул карда, аз номи Кумитаи Марказӣ хоҳиш кардааст, ки ба назди мардум барояд ва издиҳомро ором кунад.

То ба майдон баромадани Бӯрӣ Каримов аз он ҷо ҳар гуна садоҳо паҳн шуданд: биёед, як кумитаи хосае ташкил кунем, ки минбаъд роҳбарии гирдиҳамой ва давлатро ба дасти худ бигирад. Яке аз намоишчиён қоғазу қалам гирифта ба навиштани номҳо пардохт. Ҳар кас як номзадро ба Кумита пешниҳод мекард. Лаҳзае чанд пас ба таври ғайричашмдошт **Бӯрӣ Каримов дар болои танк пайдо шуд. Митингчиён ӯро хеле тантанавор истиқбол гирифтанд ва муддате кафкӯбӣ ҳам карданд. Мардум лаҳзае хомӯш шуд.**

Б.Каримов илтиҷо кард, ки тамоми масъалаҳоро навишта ба дасти ӯ диҳанд ва ба хонаҳои худ раванд.

Ман он чи ки шумо мегӯед ва талаб доред, ба роҳбарияти мақомоти олии Тоҷикистон мерасонам. Аминам, ки тамоми талабу дархости шумо қонеъ гардонда мешавад.

Мардум боз ба ғалоғула даромаданд. Ба сармои қаҳратун нигоҳ накарда, зери барфу борон истода ба хонаҳояшон рафтан намехостанд. Бо таклифи чанд нафар рӯйхати кумитаро тайёр карда ба дасти Бӯрӣ Каримов доданд. Бо қатъият талаб карданд, ки бигузор Бӯрӣ Каримов раиси ҳамин кумита бошад. Бӯрӣ Каримов ин таклифро рад кард ва илова намуд, ки ӯ ҷонишини Раиси Шӯрои вазирон аст ва бе ин ҳам тамоми масъаларо ҳал карда метавонад. **Вале мардум бо исрор талаб кард, ки Бӯрӣ Каримов раиси Кумита шавад.**

Ҳамин тариқ, "Кумитаи ҳабдаҳ" таъсис ёфт ва Бӯрӣ Каримов раиси он интихоб гардид. Ӯ мардумро ҷавоб дода бо қоғазҳои зарурӣ ба назди Қ.Маҳкамов даромад. **Издиҳоми одамон ба суханони Бӯрӣ Каримов бовар карда парешон шуданд.** Дар майдон тахминан 100 нафар одам монд. Онҳо боисрор талаб намуданд, ки он ҷавонони дар воқеаҳои феврали ба маҳбас афтида, озод карда шаванд. Қ.Маҳкамов илоҷ наёфта аз тариқи баландгӯяк аз дохили КМ супориш дод, ки маҳбусонро оварда дар миёни издиҳом озод кунанд.

Қ.Маҳкамов, ки дар ташкил кардани фасодкориҳо усто буд, супоришҳои додаи худро инкор ва ҳама айбро ба сари Бӯрӣ Каримов бор кард. Чанде пас Пленуми КМ ҲК Тоҷикистон баргузор гардид. Пленуми Комитети Марказии Ҳизби Коммунисти Тоҷикис- тон Бӯрӣ Каримов ва гурӯҳи ашхоси мансабдореро, ки дар ин воқеаҳо саҳмгузор буданд, аз сафҳои ҳизб хориҷ ва аз вазифа сабукдӯш гардонд.

В результате, руководство – СССР, и нашей республики, силовые структуры – сделали так, чтобы главный вопрос был замят, как в России иронизируют в таких случаях, – «для ясности». И, несмотря на смерть невинных людей, – на фоне недовольства населения республики низким уровнем жизни, власти всех уровней решили пожертвовать Каримовым Б.Б. и его соратниками. Им это удалось – благодаря спецоперации Хаёева и информации его приспешников (это сейчас понятие «информационная война» никого не удивляет, а тогда мы о ней понятия не имели).

Даже представитель Центра – мудрый руководитель ведущей спецслужбы страны Пуго Б.К. – чуть ли не за руку держал Хаёева, чтобы он не выступал по данному вопросу, точно зная, что его информация ничего общего не имеет с истиной. Как оперативник и аналитик высшего уровня, он понимал, что главный повод митинга недовольных – совсем в другом. Именно тройка – для того, чтобы остаться у власти – попросила меня выступить перед многотысячной толпой и сделать почти невозможное – остановить её натиск. Об этом тоже хорошо знал опытный Пуго.

А ведь если бы не было меня и двух-трёх десятков «камикадзе», которые своими разумными аргументами успокоили митингующих, – ЦК Компартии могли разрушить и пойти дальше. Где бы остановился этой девятый вал эмоционального взрыва? Один Бог знает! Хотя свидетели еще живы, и могут представить свои версии возможного развития событий. В любом случае, высшей тройке не поздоровилось бы!

Возвращаясь к «тайной вечере» в моём кабинете председателя Госплана, хочу заметить, что с теми товарищами, которые пришли с Табаровым в мой кабинет, я был знаком, что называется, шапочно, а с Хувайдуллоевым, Хабибовым – встретился вообще впервые в жизни. Даже по работе я с ними не пересекался. Да и в Госплане я работал всего второй год – многих сотрудников даже не успел узнать...

…Я сейчас в расцвете сил; с огромным опытом различной работы в масштабе всего СНГ, с пониманием того, что нужно делать в республике, но, как не давали раньше, так и сейчас не дают трудиться на благо Родины в соответствующей

знаниям и опыту должности. Некоторые неравнодушные к судьбе страны журналисты гадают – пишут свои предположения о моих, возможных мыслях и действиях, предлагают меня в Правительство Таджикистана.

Они – добрые, но наивные дети иного времени – надеются, что справедливость восторжествует, что наша нынешняя высшая власть поймёт: самое главное благо сейчас для заматеревшего, побывавшего в десятках стран всех континентов, получившего там огромные жизненные и научные знания, впитавшего в себя их опыт экономического и социального развития – Бури Каримова – работать на благо страны! Тем более что нынешняя власть дала возможность поработать в правительстве даже тем, кто в годы противостояния – гражданской войны, стрелял друг в друга и был по разные стороны баррикад. Журналисты ошибаются, потому что не всем руководителям нужны рядом понимающие проблемы страны видавшие виды люди. И это является одной из реальных проблем Таджикистана.

Я долгие годы работаю в России. Моя работа связана со странами СНГ и дальнего зарубежья, слава Богу, данное слово – работать на избираемой должности, держу. Моя должность избираемая и приравнивается к должности руководителя отрасли – министра. Благодаря позитивной активности, я заслужил авторитет среди специалистов-профессионалов, ученых и руководителей автодорожной отрасли, всего транспортного комплекса стран СНГ и дальнего зарубежья. Меня приглашают читать лекции не только вузы, министерства и ведомства стран СНГ, но и компании и вузы дальнего зарубежья. Как говорится, востребован «на полную катушку». Награжден государственным и общественными наградами, орденами и медалями…

Спрашивается: что мне еще надо?

Мне нужен мир и благополучие народа на моей Родине, как и в России, так и во всем мире. Нужно развитие сотрудничества и дружбы стран СНГ – их экономической интеграции. Без этого нельзя улучшить жизнь народа. Мне нужно, чтобы и наши руководители, как уважаемый уже во всём мире Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, учили свою молодежь в

лучших университетах мира, доверяли её лучшим представителям соответствующие посты в правительстве. Мне нужно, чтобы законы в стране были справедливыми и обязательными для всех без исключения. Чтобы не было монополии на власть, на истину, коррупции, «прихватизации» власть имущими и их приближёнными тех богатств, которые принадлежит всему народу.

Слава Богу, вопреки недоброжелателям, которые хотели упечь меня за решетку, покушениям, в том числе через автоаварию, поджог моего дома и т. д., – живу и работаю в силу своих возможностей, помогаю своим соотечественникам и не растворился в толпе, остался самим собой.

Мне нужно, чтобы мы все вместе – и власть, и «оппозиция» – занимались мирным созидательным трудом – на благо своих семей, всего народа, Родины. Нужно, чтобы мы понимали и слышали друг друга – несмотря на непринципиальное различие политических взглядов, различные вероисповедания, национальности... Чтобы мы понимали, что мир создан не нами, что есть Высший Суд и Высший Судия, чтобы уважали Бога и занимались богоугодными делами…

Уверен, что, прочитав мою историческую документальную повесть, читатель поймет, **где была в то сложное время правда, а где ложь**. Но, по праву участника тех событий, я констатирую: *невинная кровь 12-14 февраля 1990 г. в г. Душанбе пролилась при руководстве:*

в СССР:

Горбачева М.С. – Генерального секретаря ЦК КПСС,
Крючкова В. А. – Председателя КГБ СССР,
Язова Д.Т. – Министра обороны СССР,
Пуго Б.К. – Председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС;

в Таджикистане:

Махкамова К.М. – Первого секретаря ЦК Компартии Таджикской ССР,
Хаёева И.Х. – Председателя Совета министров Таджикской ССР,
Паллаева Г.П. – Председателя Верховного совета Таджикской ССР,

Петкеля В.В. – Председателя КГБ Таджикской ССР,
Михайлина Г.С. – Генерального прокурора Таджикской ССР,
Навджуванова М. – Министра внутренних дел Таджикской ССР;

в городе Душанбе:

Каримова Д.Х. – Первого секретаря Горкома КПСС г. Душанбе,
Икрамова М.М. – Председателя Горисполкома г. Душанбе.

Плач матери по погибшему сыну в февральских событиях 1990 г.

И факт остается фактом: ни один из названных руководителей, ни руководители районов города Душанбе, а также другие ответственные должностные лица республики не понесли наказания – ни в том году, ни впоследствии…

А может так надо? Наверное, по закону сохранения власти, – Центр обвинил в трагедии местных руководителей, а таджикские – Центр. В результате, в очередной раз пострадал таджикский народ, потерявший своих молодых людей, которые пришли услышать правду, а также некоторых руководите-

лей, которые могли бы принести в период становления государственности Таджикистана пользу стране.

В заключение, хочу поблагодарить всех тех добрых людей, кто верил в меня и извиниться перед теми, чьё доверие и ожидания я не оправдал. Благодарю всех, кто за меня голосовал, когда я был кандидатом в депутаты, тех, кто посвящал Бури Каримову статьи и стихи, рассказы и повести, книги. Я говорю им, что остался самим собой, потому что старался быть достойным славы предков и древнего народа, и потому не растворился в многоязычной московской толпе – современном Вавилоне, в котором в какой-то степени люди перестали понимать друг друга. В дальнейшем, понимая, что главное – остаться человеком, в силу своих возможностей, оказывал помощь нуждавшимся в этом людям, а не гонялся за переходящими «красными знамёнами – должностей».

Хочу поблагодарить за внимание даже тех людей, включая журналистов, которые писали про меня критически (один даже называл больным на голову – каждый мыслит в меру своей испорченности) и тех, которые обвиняли меня и хотели наказания. Как говорится, жизнь без таких людей неполна: без тьмы не осознать значения Солнца. Некоторые подобного рода деятели до сих пор не устают меня учить: что писать, что говорить, что делать… Но если бы они сами следовали тому, чему учат и помогали своему народу! К сожалению, меня учат безбожники, которые выполняют чужую волю и гонятся за сенсацией…

Слава Богу, что он даёт мне силы всех слушать, читать, но поступать по совести, по-человечески, по-божески – по справедливости, ради которой я и решился на этот тяжёлый труд, и, завершив его, испытываю огромное облегчение, словно после святой исповеди…

Послесловие

Нам всем надо покаяться

О, мать истерзанная, твой ребенок – я.
О, сирота, твой избавитель – я.
О, брат бездомный, весь в моем ты сердце.
Сестра моя, твой сострадатель – я.

Хокирох

Под конец ловлю себя на мысли, что среди книг, вышедших под рубрикой «Непридуманный роман», документальное повествование «Кровавый Февраль» стало для меня серьезным испытанием, потому что я вынужден был, с неостывающей болью и неослабевающим напряжением, скрупулезно воссоздать события тех трагических дней, вновь и вновь размышляя о поступках людей, поведших себя тогда самым неожиданным образом.

Плач по погибшим

…И опять грохочут в моих ушах – заглушающие мое выступление аплодисменты и дикий топот «агрессивно-послушного большинства»... Плач матерей по погибшим сыновьям и аплодисменты в поддержку руководителей на пленуме. И опять я вижу готовность любого из них наброситься на меня. Пойти на меня – в атаку, для чего они и были расчетливо посажены в первых рядах пленума. О, как явственно ощущалась в этом зале, столь привычная и так четко налаженная, зубодробительная работа системы. Не говоря уж о недостойном поведении отдельных журналистов и простых членов партии.

Пишу об этом, а в моей памяти мелькают кадры из советских фильмов об исключении из партии очередного ослушника-ревизиониста или же проработка на комсомольском активе – распоясавшего длинноволосого стиляги-индивидуалиста и даже – исключение из пионеров чем-то запятнавшего себя, проштрафившегося паренька-простофили …

Куда я попал, с кем говорю?..

И чем больше твердил я всем, что не нужна мне никакая власть, тем больше ярлыков они на меня навешивали. Об этом я говорил, выступая на радио, телевидении и в других СМИ, а кроме того – на всех пленумах ЦК, на митингах. Но они все нападали и нападали на меня. Между вторым и третьим пленумами – представители спецслужб намекали при встрече, что если, не дай бог, я порву свой партбилет, то очень даже об этом пожалею…

Ну, и, конечно же, не мог я не удивляться сообщению генерала КГБ Мартовицкого, что якобы на радостях – расцеловал милиционера.

Пишу, а в моих ушах снова звучат слова первого секретаря комитета партии Гармского района Одила Бердиева, который утверждал, что местные жители вовсе не писали письма в мою поддержку…

Неправда, писали, и они меня очень тогда поддержали. Причем не только из этого района, как рассказывали мне сами действующие тогда партийные функционеры. Как и то, что некоторые женщины, сидевшие в зале пленума, чуть не плакали, наблюдая за всем происходящим и не зная, как меня защитить. Но и тогда не мог я забыть, что на улице народ, стоя на холоде, ждал хоть сколько-нибудь справедливого решения, а в зале в это время – гремели бурные аплодисменты в поддержку никчемного руководства…

Вся эта вопиющая социальная несправедливость, в свете объявленных по стране перестройкой – демократии, плюрализма мнений и гласности, выглядела чудовищным фарсом, опасным абсурдом.

Вот так и получилось, что по существу я оказался единственным человеком, которые встал наперерез несущемуся на бешеной скорости селевому потоку… Не только другие задаются вопросом – почему я это сделал? И тогда, и тем более сейчас, заканчивая эту книгу, я сам задаю себе вопрос: «Зачем тебе это было надо, Каримов?»

По прошествии большого отрезка времени – 25 лет, которое, медленно, но верно, расставляет все по своим местам, несмотря на то, что я написал уже две книги, посвященные февральским событиям, я решил все-таки, пусть и мучительно для себя самого, еще раз припомнить те, тяжелые не только для меня, но, главное, – для горячо любимого мной моего народа – дни тяжелых испытаний, чтобы найти ответы на этот главный вопрос моей жизни.

Книги «Стон времен» и «Жертва двойного удара», посвященные февральским событиям 1990 г. в Душанбе

Если бы вдруг эти события происходили сегодня, то, с моим новым, сегодняшним виденьем и пониманием жизни и человека в ней, как бы я поступил? Со всей ответственностью заявляю, что сделал бы то же самое, поступил бы точно так же. Ибо я ни секунды не думал тогда о себе – только о моем народе и о том, как нам максимально быстро стабилизировать обстановку и прекратить кровопролитие. И только из этих побуждений я на пленуме умолял руководство как можно быстрее уйти в отставку и просил членов пленума поддержать мою просьбу. Тем самым направив огонь их ненависти против себя… **Но я делал то, что должен был делать. И этим горжусь и сегодня.** И очень надеюсь, что читатель, прочитав мою книгу, поверит в мою искренность. А нет – Бог им судья.

«Совершенно открыто»:

Некоторые гадали, если дело так пойдет, то в будущем Бури Каримов точно станет первым секретарем ЦК или, как минимум, Председателем Совета Министров республики.

Бури имел много больших добрых планов, он одинаково смотрел на развитие всех районов. Очень хотел, пусть через много лет, но чтобы уровень жизни всех районов стал постепенно одинаковым.

А. Хисори, журналист,
«Адабиёт ва Санъат», Душанбе, 1991

Сам же перед собой я был абсолютно честен. И в этом – источник моей силы.

После февральских событий 1990 г. ко мне обратились представители нескольких государств – Франции, Германии, США и Ирана, готовые предоставить мне политическое убежище. Они не без оснований полагали, что по отношению ко мне могут быть применены репрессивные меры, могут даже и посадить без каких-либо предварительных разбирательств. И все же я не принял их предложений. И не только остался в Таджикистане,

но и продолжал работать в своей профессии, одновременно ходил на допросы, доказывая свою невиновность, и терпеливо ждал, что меня вот-вот оправдают…

Долго и мучительно допрашивали и выспрашивали меня и в ЦК, и в прокуратуре и, наконец, выдали документ о моей полной невиновности.

И даже после этого я все равно не принял заморских предложений, а решил продолжать учиться и работать в России, которая мне близка и по сердцу, и духу. В той моей России, с которой все мы так сблизились и за годы бед и лишений, и тогда, когда пытались совместно вырулить к какому-то небывалому обществу, с которой вместе зашли в исторический тупик… Ту Россию, в которой меня всегда понимали и принимали с искренней любовью, в которой и сегодня у меня так много настоящих друзей.

Прошло 25 лет. Мы пережили опустошительную гражданскую войну, которая отбросила страну на десятилетия назад, оставив потомкам лишь право на иммиграцию. Вместо того чтобы успокоиться, взяться за ум, покаяться и начать делать созидательную работу на благо Родины, многие все еще пытаются обелить себя и найти крайних в том, что с нами случилось…

А мне в свое время после февральских событий не только не дали стать представителем народа, который очень хотел видеть меня своим депутатом, но и после снятия с меня обвинений, власть приняла решение не допустить меня к президентским выборам. Принимая закон о том, что в выборной компании не могут принимать участие граждане, которым не исполнилось 35 лет, а мне было всего 33. Все четко понимали, что тогдашние власти эти решения приняли против меня. Они не понимали, что, принимая такое решение, причиняют зло не только мне, но и всему молодому поколению. Но, как говорится все это на их совести, и судит их за это, Бог…

«Совершенно открыто»:
Бури Каримов – это имя для тех, кто предпочитает правду и справедливость, для простого и рабочего народа. Бури Каримов – бывший молодой министр страны, образованный человек, по поводу которого средства массовой информации всего мира говорили о его невиданных способностях. Молодой руководитель в февральские события стал мишенью зависти руководителей Таджикистана, далеких от культуры. Еще больше выросла народная любовь к нему...
«Дунё», №2, Душанбе, 1991

Меня больше всего волнует другая проблема – что никто до сих пор не хочет признать свою вину за случившееся в февральские дни. Многие во власти продолжают вести незримую гражданскую войну, борясь за свои счета в банках и преступно пренебрегая судьбой народа, который давно уже выживает сам, работая в том числе и на бесчисленных улицах и стройках России…

В этом отношении, несмотря на свои многочисленные звания и положение в России, в Москве, да и связанный в международном масштабе с работой в Межправительственном совете дорожников, я являюсь своеобразным гастарбайтером, поскольку так же мучаюсь, как и сотни тысяч других моих земляков, иногда выслушивая упреки в разных ведомствах, от разных людей, что мы – таджики – такие-сякие. И еще больше **я страдаю от бесправной и трудной жизни своих земляков на чужбине, которые зарабатывают кусок хлеба на жизнь далеко от семьи, родных, порою в тяжелейших условиях работая на стройках разнорабочими.**

Вместо того, чтобы учиться, расправлять крылья, наше будущее – наша молодежь – обреченно метет чужие улицы… Кто ответит за их сломанные судьбы?..

Я тоже, как и сотни тысячи других, заработанные деньги в основном отправлял на родину. Восстановив старое брошен-

ное здание, я превратил его в культурный центр, свой дом – в детский сад, в надежде, что хотя бы чуточку смогу помочь творческим людям и детям, что очень тяжело делать, находясь вдали от дома. Гораздо легче воровать народные деньги, делать состояние, заниматься «показухой» и забывать о том, что все взятые кредиты ложатся не только на наши плечи, но и на плечи наших детей и внуков, и их когда-то придется возвращать. А если не сможем это сделать, то мы станем не только экономически, но и политически зависимыми, и будем плясать под дудку других государств.

До сих пор никто не хочет признать собственных ошибок, по-прежнему продолжая уничтожать своих противников. Идет непрекращающаяся борьба за полное и окончательное превосходство. И не кончается дурная бесконечность исторических повторов и возвращений.

Хочу поставить точку, закончить книгу, но ловлю себя на мысли, что есть многое, что хочу сказать. К примеру, когда руководители уполномочили моего коллегу Латифи, чтобы тот меня уговаривал собственноручно написать заявление об уходе. Я тогда удивился поведению своего коллеги больше, чем поведению руководителей, а когда отказался это сделать, они с гораздо худшей формулировкой – уволили меня. Тогда я сказал: «Увольте как хотите, но я не пойду против своей совести! Я сделал все, ради прекращения бесчинств, как мне совесть подсказывала».

«Совершенно открыто»:

Причиной февральских событий изначально явилось противоборство нескольких факторов: нищенский образ жизни, низкий уровень национального самосознания населения, борьба сторонников свободы за новый миропорядок, с одной стороны, и космополитизм руководства того времени, идейная закостенелость коммунистической системы – с другой. Для подавления стремления к независимости февральскую трагедию организовывали ЦК КП Таджикистана, КГБ и другие центры, специализирующиеся по орга-

низации массовых трагедий. Молодой и свободолюбивый Бури Карим стал жертвой этой трагедии, но он однозначно исполнил свой сыновный долг и встал на пути кровопролития.

Тохир Абдуджаббор
председатель народного движения «Растохез»,
кандидат экономических наук
в кн. «Бури Каримов среди предательства и крови»
Москва 2005 г.

Или после того как я прошел несколько раз круги ада и в конце концов получил документ о своей невиновности, рассчитывая, как в других странах мира, что теперь передо мной хотя бы извинятся и восстановят в должности, но это может быть где угодно, но только не у меня на родине.

И даже спустя многие годы, когда новые руководители говорили о справедливости, я написал письмо-заявление, отвечающее всем юридическим правилам, пуская его по кругу несколько раз – Верховный суд, Верховный совет, даже Арбитражный суд, – куда почему-то было направлено мое дело. Суды района и города не нашли возможным не только оправдать меня, но и принять к рассмотрению мое дело.

И когда я лично пришел к Председателю Верховного суда, который первоначально обещал мне, что ваш вопрос будет решен положительно, поскольку в моих действиях нет состава преступления, прокуратура дала соответствующей ответ, что я играл положительную роль в деле стабилизации обстановки в те дни. И в конечном итоге все кончилось тем, что его «боевой заместитель» порекомендовал мне написать письмо на имя Президента и просить о… помиловании! Нонсенс! А Председатель и Заместитель Председателя Верховного суда подтвердили окончательно, что нет возможности мне найти правду у себя на родине при нынешних руководителях …

На дворе уже второе десятилетие XXI века! А мы все бьем своих, чтобы чужие боялись! И абсолютно **никто не ду-**

мает о том, что надо бы покаяться. Хотя бы перед собственным народом.

Мы от родины далеко, но лишь ей живем –
Ни на миг не забываем и в душе несем.
Как далекие сиротки – видим тех сирот,
Кто на родине печальной слезы льет и льет.

Нас порою обижают наши земляки.
Утешаюсь: что поделать – таковы мы есть...
То в смущеньи, то в обиде, мы – в тисках тоски.
– Господи! Пошли нам совесть, мужество и честь.

Человек в седле бывает или под седлом...
Мы, кочевники, как лошадь – вечно под седлом.
Есть такие, что не думают о родине своей.
Из-за недругов – склонивши головы, идем.

Много выпало нам в жизни, многое нас ждет...
Хокирох, когда ж счастливым станет наш народ?

Хокирох

И мне не стыдно признаться, что и я сам, косвенно, как член правительства – виноват в произошедшем. И, уверяю вас, не раз каялся перед неподкупным судом собственной совести, размышляя о том, можно ли было повернуть события в другую сторону. Хотя, разумеется, никогда никого не призывал ни к митингам, ни к каким-то другим непродуманным действиям, не говоря уж о беспорядках и расправах… Не делал этого и – ни при каких условиях – не буду!

Я, простой таджик, каких много разбрелось сейчас по всему миру. 90% своего времени – я провожу в России и других странах мира и только 10% – на родине. Потому что, как и другие, не нужен я ей. Ведь из-за амбиций нескольких руково-

дителей, бывших и нынешних, нет у меня возможности работать на Родине, чтобы служить собственному народу.

Не упрекай, что от Родины я удалился:
Путь мой невидимый долго и тягостно длился.
Нет! Ни карьера, ни должности я не жалею –
Главное, чтобы в народную душу я влился.

Хокирох

Как говорится, Бог вам судья!.. Он, видимо, всех нас и рассудит. Уверен, что каждый, кто виновен в смерти простых, невинных людей, если не сейчас, то на том свете, непременно получит свое, вполне заслуженное, наказание.

И на этот суд – явка обязательна!..

Досье редакторов на автора

Родился 9 декабря 1957 года в Таджикистане. В 1978 году с отличием окончил Таджикский политехнический институт, по специальности «автомобильные дороги», получил квалификацию «инженера-строителя». Параллельно закончил двухгодичные курсы при Университете международных отношений. А в 1984 году окончил Таджикский государственный университет, отделение «Планирование народного хозяйства» экономического факультета. В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию без отрыва от производства в стенах СоюздорНИИ (Россия). Был слушателем Академии общественных наук при ЦК КПСС (1988-1990 гг.).

В 1991 году поступил в докторантуру МАДИ (ГТУ) и досрочно защитил диссертацию на соискание доктора технических наук. С 1992 г. является профессором МАДИ (ГТУ).

Работал мастером, инженером, прорабом, старшим прорабом, главным инженером, начальником управления в дорожно-строительных организациях Таджикистана (1978-1987 гг.).

В 1987 г. был назначен Министром строительства и эксплуатации автомобильных дорог Таджикистана (1987-1989 гг.), по статистике являлся самым молодым министром Советского Союза. В 1987 году был избран депутатом Верховного Совета Таджикистана.

Через 2 года был назначен Председателем Госплана Таджикистана, Заместителем Председателя Совета Министров Таджикистана (1989-1990 гг.). После известных февральских событий 1990 г. был освобожден с должности.

С 1990-1991 гг. являлся Заместителем Управляющего трестом «Мостоспецстрой» и заместителем генерального директора производственного объединения «Ватан».

В 1991 г. переехал на учебу в докторантуру и работу в Москву. В 1994 году был избран Председателем Совета директоров ассоциации таджикских предпринимателей г. Москвы. Некоторое время работал Заместителем Председателя ЦРО Российской Академии Транспорта.

С июля 1995 года по настоящее время работает Исполнительным директором, Руководителем Секретариата Межправительственного совета дорожников, а с 1997 года, одновременно Заместитель Председателя МСД и главный редактор журнала «Дороги Содружества Независимых Государств». На общественных началах является Президентом «Интердорнио» (Москва), Генеральным директором «Интрансдорнаука» (Москва), председателем Культурного Центра «Боргохи Сухан» («Центр Слова» в Душанбе) и Председателем хозяйства «Юсуфджон» (в Таджикистане).

Является координатором в сфере транспорта и дорожной отрасли СНГ, инициатором создания и руководителем исполнительного органа Межправительственного совета дорожников (МСД) – Секретариата МСД. Благодаря работе Секретариата МСД налажены взаимовыгодные отношения между автодорожниками ближнего и дальнего зарубежья, и МСД успешно функционирует.

Он принял непосредственное участие в разработке документов, утверждённых главами правительств СНГ и министерств транспорта (Концепция повышения эксплуатационной надежности мостовых сооружений на автомобильных дорогах государств СНГ на период 2008 – 2015 гг., Протокол о международных автомобильных дорогах, Соглашение о массах и габаритах транспортных средств). Им обоснована схема развития транспортных коридоров Центральной Азии, Кавказа и Черноморского бассейна. Он активно продолжает заниматься улучшением состояния и развитием международных автомобильных дорог.

Благодаря ему за 6 лет в состав Совета вошли 70 крупных компаний стран СНГ и дальнего зарубежья. Им организовано производство современных машин для ремонта дорог в России, оказывает помощь автодорожникам в вопросах проектирования и строительства автомобильных дорог, совершенствования систем управления, внедрения инновационных технологий в отрасли.

Имеет следующие государственные, общественные и отраслевые награды: Почетный Дорожник России (1997 г.), Почетный работник транспорта России (1997 г.), Почетный до-

рожник Беларуси II степени (2000 г.), Почетный транспортный строитель России (2000 г.), Медаль «200 лет Министерству Обороны» (Россия, 2002 г.), Почетный Дорожник Казахстана (2004г.), Почетный дорожник Беларуси I степени (2005 г.), Орден Дружбы (Россия, 2005 г.), Медаль «Почетный транспортник Содружества Независимых Государств» (2006 г.), Орден «За заслуги перед соотечественниками» (Россия, 2007 г.), Орден «За выдающиеся заслуги в развитии международного транспорта» (Россия , 2007 г.), Нагрудный знак «Почетный дорожник Украины» (2007 г.), Орден «За заслуги перед соотечественниками» I степени (Россия, 2007 г.), Медаль «Почетный дорожник СНГ» (2007 г.), Медаль им. А.А. Николаева (Россия, 2007 г.), Орден Петра Великого I степени (Россия, 2007 г.), Медаль им. Л.А. Яковлева (Россия, 2011 г.), Медаль им. И.А. Лихачева (Россия, 2012 г.), Юбилейный памятный знак «200 лет военной разведке» (Россия, 2012 г.), Почетный дорожник Кыргызской Республики (2012 г.), Памятный знак «20 лет Всеобщей конференции профсоюзов» (Россия, 2012 г.), «Медаль Е.Г. Трубицына» – Международное объединение профсоюзов работников транспорта и дорожного хозяйства (Россия, 2013 г.), Юбилейная медаль им. Л.Б. Гончарова (Казахстан, 2014 г.), Медаль за вклад в науку (Казахстан, 2014 г.) и десятки грамот и почетных грамот Исполкома СНГ, Международных профсоюзов, Министерств и ведомств стран СНГ.

Был участником Саммита восходящих молодых лидеров Советского Союза и США, в 1997 году объявлен человеком года.

Дважды становился лауреатом конкурса «Дороги России» в 2012 г. и 2014 г. в номинации «За выдающийся вклад в развитие дорожной отрасли», награжден медалью Международного объединения профсоюзов работников транспорта и дорожного хозяйства за активную деятельность и большой личный вклад в укрепление взаимодействия и солидарной поддержки дорожников СНГ, отмечен знаком Международного совета автотранспортников (IRU) за весомый личный вклад в развитие Евроазиатской транспортной системы по Великому Шелковому пути.

Избран членом Международной Академии Транспорта, Российской Академии Транспорта, Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка.

Ему присвоена ученая степень кандидата технических наук решением Совета при Государственном всесоюзном дорожном НИИ (1987 г.), ученая степень доктора технических наук решением Высшего аттестационного комитета Российской Федерации (1994 г.), ученое звание профессора решением Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации (1998 г.), звание профессора Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка (2006 г.), звание профессора Казахской Автомобильно-Дорожной Академии им. Л.Б. Гончарова (2012 г.), является профессором Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).

Читал и читает лекции студентам, оказывает методическую помощь магистрам, аспирантам и докторантам автодорожных вузов Таджикистана, России (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет), Беларуси (Белорусско-Российский университет и Белорусский национальный технический университет), Казахстана (Казахский автомобильно-дорожный институт им. Л.Б. Гончарова), Ирана (Иранский университет им. Фирдоуси) и других вузов.

Под его руководством защищены более 12 докторских и кандидатских диссертаций на соискание кандидатов и докторов технических наук, а также докторов транспорта. Председательствовал в ГЭК по защите дипломных проектов и магистерских диссертаций в Таджикистане, России и Беларуси.

Пишет на русском и таджикском языках. Часть его книг допущено в качестве учебных пособий для автодорожных ВУЗов России и стран СНГ. Эти книги нашли широкий отклик среди специалистов, особенно посвященные международным автомобильным дорогам, управлению и финансированию дорожных отраслей и экологии. Им издано 46 книг прозы, поэзии и научной направленности (в том числе в соавторстве), список которых приводится ниже.

Его плодотворная межгосударственная, трудовая и общественная деятельность имеет большое значение для укрепления и развития сотрудничества, интеграции и дружественных отношений стран СНГ и дальнего зарубежья. Не случайно средства массовой информации назвали его «Послом СНГ».

Список книг Каримова Бури Бачабековича

№ п/п	Название работы (книги)	Год и место издания, соавторство	Кол-во стр.
1	2	4	5
1	Автомобильные дороги Таджикистана	Душанбе, 1988 год, в соавторстве	232
2	Транспортно-эксплуатационное состояние автомобильных дорог	Душанбе 1988 год, в соавторстве	80
3	Курбонии дузахма (Жертва двойного удара) / Проза	Москва, 1992 год	320
4	Дорожное хозяйство Таджикистана (пути совершенствования	Москва, 1993 год	328
5	Дар гироби зиндаги (В водовороте жизни) / Проза	Москва, 1995 год	192
6	Русско-Таджикский терминологический словарь	Москва, 1995 год, в соавторстве	128
7	Таневу Ватане (Человек и родина) / Поэзия	Москва, 1996 год	127
8	Страна слёз	Москва, 1996 год	144
9	Дороги признания	Москва, 1996 год, в соавторстве	226
10	Фарёди солхо (Стон времен) / Проза и поэзия	Москва, 1997 год, в соавторстве	1104
11	Марди Худо (Человек от Бога) / Проза	Москва, 1998 года, в соавторстве	192
12	Защита горных дорог от опасных геологических процессов	Киев, 1998 года, в соавторстве	252
13	Хокирохе будаст (Был Хокирох – пылинка на дороге) / Поэзия	Москва, 1999 год	80
14	Часорати Шоир (Мужество поэта) / Поэзия и проза	Москва, 2001 год	192

1	2	4	5
15	Дардошное, Дарёнавое, Хокирохе (Книга о Каримове) / Поэзия и проза	Москва, 2001 год	208
16	Мусохибатхои ба табъ нарасида (Неизданные интервью) / Проза	Москва, 2002 год	178
17	Жизнь для людей	Москва, 2002 год, в соавторстве	224
18	Дороги	Москва, 2003 год	328
19	Хазрати Пир (книга об учителе) / Проза	Душанбе, 2003 год	272
20	Точикистон: Дурнамои рушид (Таджикистан: перспектива развития)	Москва, 2004 год	288
21	Автомобильные дороги Содружество Независимых Государств	Москва, 2006 год, в соавторстве	264
22	Александр Минин	Минск, 2006 год	240
23	История развития дорожного хозяйства Республики Молдова	Москва, 2007 год, в соавторстве	191
24	Энциклопедия: Автомобильные дороги Содружество Независимых Государств	Москва, 2007 год, в соавторстве	304
25	Сиёвуш жив (сборник статей и интервью)	Москва, 2007 год	160
26	Маневу анчумане (Я и сборище) / Проза	Москва, 2007 год	112
27	Бозёфти гумкардаи точик (Вновь найденный потерянный таджик) / Проза	Москва, 2007 год, в соавторстве	119
28	Комилан ошкоро (совершенно секретно) / Проза	Москва, 2007 год	200
29	История развития дорожного хозяйства Республики Молдова (на Молдавском языке)	Москва, 2008 год, в соавторстве	183

1	2	4	5
30	Международные транспортные коридоры и Великий шёлковый путь	Москва, 2009 год, в соавторстве	304
31	Управления дорожными отраслями	Москва, 2010 год, в соавторстве	320
32	Поэзия дороги	Москва, 2010 год, в соавторстве	342
33	Дороги Азербайджана	Москва, 2012 год	373
34	Скрытая правда	Москва, 2012 год	336
35	Запланированная трагедия	Москва, 2012 год	320
36	Вопреки всему	Москва, 2012 год	300
37	Бросок судьбы	Москва, 2012 год	336
38	Перекличка друзей	Москва, 2012 год	300
39	Горные дороги Кыргызстана	Москва, 2012 год, в соавторстве	336
40	Экология дорог в особых условиях	Москва, 2013 год, в соавторстве	303
41	Международные автомобильные дороги	Москва, 2013 год, в соавторстве	399
42	Финансирование дорожной отрасли	Москва, 2013 год, в соавторстве	270
43	Автомобильные дороги в условиях гор и жаркого климата. Том 1	Москва, 2014 год, в соавторстве	335
44	Автомобильные дороги в условиях гор и жаркого климата. Том 2	Москва, 2014 год, в соавторстве	304
45	От Бреста до Хоргоса	Москва, 2014 год	415
46	Снежный Барс	Москва, 2014 год	191

В печати находятся новые книги «Тамада», «Эксплуатация дорог» и «Самый молодой…».

Для читателя и особенно его оппонентов приводим малую часть высказываний людей разных национальностей только на одном вечере Бури Каримова в декабре 2012 г., в котором некоторые редакторы принимали участие, подтверждающие, что он «не растворился в толпе» и продолжает работать на благо общества и людей.

Бури Бачабекович, для меня было большой радостью работать вместе с Вами. Вы для меня всегда были, есть и будете светлой личностью, человеком, с которым радостно встречаться, к которому всегда можно обратиться, у которого можно попросить совета. Вы являетесь для меня преданным другом, коллегой, партнером, высококвалифицированным специалистом, талантливым ученым, честным, порядочным и надежным человеком!

Ю.К. Комов, акад. (США)

Я знаком с ним 35 лет. Когда ему было 28 лет – я первый, среди министров, прилетел в Душанбе и поздравил его с назначением Министром. И с тех пор мы работаем на благо развития дорожной отрасли бывшего Советского Союза. Бури Бачабекович много сделал не только в Таджикистане, но и в бывших советских республиках. Он поэт, писатель, ученый и рад, что его произведения звучат на многих языках мира.

Ш.Х. Бекбулатов,
акад., министр с 20-летним стажем (Казахстан)

Я хочу отнести Бури Бачабековича к человеку – полюсу. От него излучается всегда самое прекрасное, и когда с ним рядом – человек получает энергию. У него очень много друзей

во всех уголках бывшего Советского Союза и за пределами СНГ.

М.Д. Дыйканов,
Первый замминистра транспорта Кыргызстана

Каждую встречу с Бури Бачабековичем я не перестаю удивляться: многосторонний, интернациональный, талантливый и человек с большой буквы. Он в своих стихотворениях пишет, что отдалился от Родины, мне кажется, что он никогда не отдалялся. Он приобрел себе родину не только в Таджикистане, но и все республики бывшего Советского Союза. И Кыргызстан ему Родина, у него очень много друзей у нас в Кыргызстане. Мы его уважаем и любим.

Кыргызы говорят героя или богатыря – услышь издалека, когда рядом окажешься, он простой как ты. Он такой.

Д.К. Калилов,
Ген. директор «Кыргыздортранспроекта»

Гордость тому краю и народу, который подарил нам замечательного, разностороннего, творческого, талантливого, доброго, теплого, солнечного человека – Бури Каримова.

Л.М. Алибегашвили,
«Снежный барс»

Бури Каримов поддерживал поэта Бозора Собира, участвовал в творческих вечерах, в т.ч. Мумина Каноата, который я вел. Он предан всю жизнь дороге и поэзии и это чувство слилось воедино.

Он мужественный человек: верит в человека, хотя уже можно было извериться в условиях нашего распада, хаоса,

проявления низменных свойств и потому что пишет стихи на языке, который как будто создан для поэзии, на котором уже в 15 веке, когда было сказано все. Я знаю, что для него важнее собственных стихов поэзия и благополучие людей в целом.

М.И. Синельников,
поэт (Россия)

Он человек с крепким внутренним стремлением и активной гражданской позицией, человек разносторонне развитый, который понимает, что в мире все важно в жизни человеческой и духовной и все будущее в гармонии обеспечивает полноту человеческого бытия. Его творческий путь на взлете. Потенциал, которым он обладает – далек от своего пика.

Его жизнь посвящена развитию международных связей. Он строит дороги и пишет книги, тем самым прокладывает самые прямые и надежные пути к сердцам и взаимопониманию людей.

И. Перевершин,
Председатель Исполкома Международного сообщества писательских союзов (из поздравления)

В мире есть четыре крупнейшие религии и разные секты, но у Бури Каримова самая драгоценная, божественная религия жизни – это религия любви, любви к своей Родине, к народу.

Он пишет боль, она нужна нашему народу. Услышав эту боль, люди, осознавшие себя, перспективные, будут учиться на ней, чтобы в будущем нашему народу было лучше. Останется его Слово. И это прекрасно!

М. Майбалиев,
Руководитель общества таджиков в Тверской области

В наше время немногие могут похвастаться столь весомым вкладом в развитии тесного и эффективного сотрудничества между странами СНГ. Труды Бури Каримова на этом поприще заслуженно отмечен многими достойными и почетными наградами.

Э.К. Безоян (Армения)

Выражаю восхищение талантом Бури Каримова, умение сочетать поэтическое творчество с наукой, государственной административно-управленческой и общественной деятельностью. Его стихи пронизаны любовью к людям, к профессии, а научные труды – реализмом и глубиной обобщения. Мы их с благодарностью постоянно используем в научно-педагогической и воспитательной работе.

И.И. Леонович,
д.т.н. профессор (Беларусь)

Мне очень приятно видеть его книги на рабочих местах и в руках руководителей и специалистов дорожного хозяйства, коммерческих структур и не только в Таджикистане, России и других странах. Имя Бури Карим воспринимается, как имя народного поэта и писателя и это правильно!

В.Е. Онегин (Россия)

Каримов вдохновляет десятки тысяч дорожников, коллег, которые объединяются вокруг него из разных стран мира. Мы его за это любим и благодарны, что он есть. Он всегда говорит с большой тревогой, и боль в сердце от того, что происходит реально в мире, в нашем обществе. У него очень много наград. Я хочу ему вручить награду, которой у него

нет. Это награда, которая благословляет и говорит о торжестве человеческой безопасности, безопасности нашей жизни, нашего общества, наших детей.

В.А. Досенко,
Первый вице-президент
Международной академии транспорта

От первого читателя

Я с огромным удовольствием прочитал документальное, а скорее – документально-художественное произведение Б.Б. Каримова, которого знал в разных должностях по работе в Таджикистане (1978-1992 годы), а последние годы по его работе в Межправительственном совете дорожников.

Я не понаслышке знаю о февральских событиях и о пленумах ЦК Компартии Таджикистана. Но только после прочтения рукописи осознал весь драматизм положения Б.Б. Каримова, который в буквальном смысле рисковал жизнью ради народа и стабилизации обстановки в республике, а недруги обвинили его чуть ли не в госизмене...

На мой взгляд, это очень весомая, значимая и поучительная для современной истории Таджикистана книга.

Она еще больше нужна и будущему поколению.

Неплохо было бы и полезно для общества, если бы нынешнее руководство республики раскрыло и довело до сведения народа события тех трагических дней.

И.Г. Кучеров (90 лет),
Ветеран труда, участник Великой Отечественной войны,
человек, посвятивший жизнь Таджикистану,
г. Москва, 14.01.2015 г.

Содержание

Голос из хора 5
Действующие лица 8
Вхождение в тему 10
Политика – грязное дело? 28
Горбачевские времена 33
Экономика СССР в последние годы 41
«Белое золото» 52
Особенности регионов Таджикистана 59
Статус Государственного языка 64
Ликвидировать Ельцина… 71
Накануне событий 74
Первый «холодок»… 88
Кровавый февраль 1990 г. 92
На гребне политических событий 119
Письма Председателю «Комитета – 17» 152
Интрига руководителей 170
Пленум, Пленум, Пленум!.. 181
Спектакль на крови… 233
После трагикомедии… 312
Письма-обращения 339
Все перемешалось 343
Протокол об отставке руководства 354
«Вспышка в горах» 369
Камень памяти 374

«Колокола надежды» 380
Перекрестный допрос 383
Ждали правды 387
При закрытых дверях 448
Трагедия, не ставшая уроком 461
Неудавшийся экзамен властвующей элиты 466
Главный следователь Февраля 473
Крушение на взлете 491
Предупредить погромы 500
«Фильм-обвинение» 505
Кандидат в депутаты 508
Эхо бойни в Душанбе 516
Заговорил Горбачев 520
Заговорил и Махкамов 528
Таджикский Ельцин 537
В Клубе «Диалог поколений» 541
«О чём молчат таджики?» 552
Заключение 555
Исповедь жертвы двойного удара 566
Послесловие 582
Досье редакторов на автора 592
От первого читателя 604

Автор Хокирох

Редакторы: Орлова Н.С., Атаханов Х.
Технические редакторы: Мирзаянц Г.Ю., Поляков В.Ф.
Оформитель: Ганешина Е.К.
Верстка: Никитин Н.А.
Набор: С.Б. Каримов
Корректоры: Солод И.А., Тюляндина Е.Н.

Сдано в набор 30.12.14.
Подписано в печать 20.01.15.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39,0. Тираж 5000 экз. Заказ 7796.

ООО «Интрансдорнаука»
125829, г. Москва, Ленинградский пр-т, 64

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ДЕМОКРА-Я ГЛАСТЬ ПЕРЕСТРОЙКА
ПРО ТИВ
ХАЁЕВ